

Ю. В. БРОМЛЕЙ

СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГРАФИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Ю. В. БРОМЛЕЙ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

(очерки теории и истории)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1984

В книге рассматривается широкий круг проблем современной этнографической науки, анализируются основные виды и уровни этноса, его динамика, выявляются типы, тенденции и факторы этнических процессов, уточняется предмет этнографии, раскрываются особенности этнографического изучения современности, традиционно-бытовой культуры, этногенеза, архаических общественных форм и т. д., критически исследуются отдельные вехи в послевоенном развитии этнографической науки в зарубежных странах.

Б $\frac{10602-354}{042(02)-81}$ 145—80 0508000000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

В современную эпоху в условиях упрочения сил мира и социализма, ускорения темпов социального прогресса и развертывания научно-технической революции происходит, как известно, небывалое расширение международных контактов. Это проявляется как в усилении связей между промышленно развитыми странами, так и во все большем вовлечении в общемировые связи народов развивающихся стран. Расширение международных отношений на основе великих ленинских принципов равенства всех народов требует глубокого изучения каждого из них. Для искреннего, делового сотрудничества, говорил на Всемирном конгрессе миролюбивых сил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, «нужно хорошее знание народами друг друга»¹. Немалое значение при этом имеет изучение образа жизни всех народов мира. Ведь у каждого народа он обладает своей спецификой и непонимание его неизбежно затрудняет межнациональные контакты. Знание же характерных черт образа жизни, культуры других народов, напротив, в огромной мере облегчает взаимопонимание между народами.

Именно поэтому в укреплении взаимного доверия, дружбы между народами немалую роль призвана сыграть этнография — наука, издавна уделяющая основное внимание изучению общего и особенного в образе жизни народов, прежде всего в их культуре. Правда, задачи этнографической науки далеко не всегда понимались однозначно. Это относится даже к определению ее основного исследовательского объекта. Среди многих буржуазных этнографов до сих пор довольно широко распространено представление о том, что объектом изучения этнографии являются главным образом бесписьменные, отставшие в своем развитии народы, причем ее предметная область по существу ограничивается лишь архаическими явлениями. Распространенность подобных взглядов в немалой мере объясняется тем, что сложившись как наука в эпоху колониальной экспансии буржуазной Европы, этнография была вначале нацелена преимущественно на изучение народов внеевропейских территорий, многие из которых не имели письменности. Этнография при этом резко противопоставлялась истории. Последняя считалась наукой, которая, будучи основана на письменных источниках, изучает «исторические» народы; этнографии же отводилась роль науки о так называемых народах «неисторических».

Несостоятельность деления народов на «исторические» и «неисторические» давно уже стала очевидной для передовых уче-

ных. Решающую роль в этом отношении сыграло возникновение принципиально нового направления в этнографии, неразрывно связанного с коренным переворотом в общественных науках, осуществленным К. Марксом и Ф. Энгельсом. Марксистское учение о закономерной смене социально-экономических формаций окончательно утвердило представление о бесписьменных народах, как народах, находящихся на ранних стадиях общественного развития. Исторический материализм Маркса и Энгельса явился теоретической базой для развития подлинно научного народоведения. Крупный вклад внесли основоположники марксизма и непосредственно в разработку этнографической проблематики².

В нашей многонациональной стране этнографическая наука еще в первые десятилетия Советской власти самоопределилась как отрасль исторической науки. Этот процесс сопровождался интенсивным освоением советскими этнографами теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Ленинские работы по национальному вопросу, его учение об общественных укладах, положения о равноправии наций, о национальной культуре и ее классовом содержании составили методологическую основу исследовательской деятельности советских этнографов³.

Исторический материализм все более прочно утверждается ныне в этнографической науке социалистических стран⁴, растет число этнографов-марксистов в капиталистических и особенно в развивающихся государствах. И хотя в таких распространенных в буржуазной этнографии течениях, как функционализм, культурный релятивизм и структурализм, отчетливо выступают тенденции антиисторизма, исторический подход к изучению народов, в том числе бесписьменных, находит в зарубежной этнографии все больше сторонников. Этому, несомненно, способствует возрастающее влияние марксизма, для которого безусловным требованием «при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки»⁵.

Среди специалистов как в нашей стране, так и за рубежом широкое признание получило сейчас понимание этнографии как науки о народах на всех этапах их развития. А это значит, что, охватывая в пространственном отношении всю заселенную человеком территорию земного шара, этнография в хронологическом плане простирается от древнейших времен до наших дней.

Понимание этнографии как науки о всех народах на всех этапах их развития поставило в качестве первоочередной задачи углубление и уточнение представлений об этом ее основном объекте. Такого рода задача оказалась тем более существенной, что, как известно, и в русском, и во многих других языках слово «народ» имеет много различных значений. Поэтому в последнее время в этнографической науке для обозначения общности людей, именуемой «народом» в том значении этого слова, которое ему

придается, когда речь идет о «народах мира», используется термин «этнос»; этот термин (особенно в форме производного от него прилагательного — «этнический») получает все большее распространение и в других обществоведческих дисциплинах.

Рассмотрение народов-этносов в качестве основного исследовательского объекта выдвинуло перед этнографической наукой задачу разработки теоретических основ этого феномена. Только при данном условии, на наш взгляд, возможно дальнейшее уточнение предметной области этнографии. А это особенно важно в настоящее время, когда перед этнографической наукой во весь рост встала задача активизации ее усилий по изучению современности и одновременно выявилась настоятельная необходимость размежевания ее со смежными дисциплинами, прежде всего социологией.

Именно это и побудило автора настоящей работы предпринять несколько лет тому назад попытку дать обобщенную характеристику основного объекта этнографии и ее предмета в их взаимосвязи. Данной задаче наряду с серией статей была посвящена специальная книга «Этнос и этнография»⁶.

Годы, прошедшие со времени выхода этой монографии, не только подтвердили актуальность поставленных в книге вопросов, но и показали насущную потребность дальнейшей их разработки⁷. Вместе с тем как в ходе работы самого автора над этой тематикой, так и в результате публикаций других исследователей стала очевидной необходимость развития, а подчас и уточнения некоторых ее положений. Выявилась также потребность раскрытия отдельных из них на конкретном материале как путем непосредственного анализа отдельных историко-этнографических проблем, так и с помощью характеристики основных направлений современных этнографических исследований.

Все это послужило основным стимулом для подготовки данной книги, непосредственно примыкающей к нашему исследованию «Этнос и этнография». Часть вошедших в нее очерков (либо их прототипов) была написана еще во время подготовки этой работы, хотя по тем или иным причинам не «вписалась» в ее профиль; большинство же очерков появилось позднее, но в той или иной мере восходит к идеям, лежащим в основе указанной монографии*.

Весь этот материал сгруппирован нами в пяти разделах. В первом и втором из них рассматриваются общие методологические проблемы, связанные с характеристикой исследовательских объ-

---

* При этом в ходе разработки отдельных вопросов оказались необходимыми как широкое использование данных, относящихся к ряду естественных дисциплин (например, физической антропологии и медицины), так и дополнительный сбор обширного материала, в силу чего потребовалось привлечь других специалистов. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им свою признательность.

ектов этнографии и ее предмета*. Третий, четвертый и пятый разделы посвящены конкретным историко-этнографическим проблемам. При этом выделяются три основных сферы этнографического изучения: архаические общественные формы, традиционная культура и этническая история.

Разумеется, это деление на разделы довольно условно, хотя бы уже в силу определенной условности как самого разграничения объекта и предмета этнографических исследований, так и их отдельных предметных зон. Следует иметь в виду также, что очерки общего характера неизбежно в какой-то мере включают исследования конкретных проблем и, наоборот, очерки, посвященные конкретным вопросам, нередко содержат наблюдения общеметодологического характера. Нельзя не учитывать и того, что в целях разностороннего освещения современных проблем этнографии в каждом разделе книги в той или иной мере используются различные исследовательские приемы.

Но при всем различии профиля (подхода, тематики и масштабов) отдельных очерков в целом все они в конечном счете подчинены одной общей идее: дальнейшему обоснованию и развитию представлений о предметной области современной этнографии как науки об этносах, а тем самым и уточнению круга ее наиболее актуальных проблем. С этой целью особое внимание в книге уделяется разработке теории основного объекта этнографии — этноса: приводятся новые соображения относительно его выделения из числа других социальных общностей, подчеркивается многообразие форм существования этнических образований.

Рассматривая этносы как важнейшую разновидность историко-культурных образований, вместе с тем представлялось необходимым коснуться и других их видов, которые также являются объектами этнографической науки. В первую очередь имеются в виду так называемые историко-этнографические общности. Здесь особое внимание нами обращается на иерархичность основных форм существования историко-культурных образований, что весьма существенно для раскрытия сложности, многогранности той сферы объективной реальности, которая изучается этнографией. При этом рассматриваются основные тенденции изменений, происходящих с ними на протяжении всемирной истории. Поскольку наиболее динамичными из этих общностей являются этносы, специальный очерк посвящается общей характеристике этнических процессов.

Современное развитие обществоведческих дисциплин, сопровождающееся сложным переплетением интегрирующих и дифференцирующих тенденций, делает особенно насущной задачу их

---

* Нашу точку зрения по вопросу о соотношении понятий «объект» и «предмет» исследования применительно к этнографической науке см.: *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография*. М., 1973, с. 204—213.

четкого профилирования и прежде всего определения соотношений их предметных областей. Поэтому обращаясь к предмету этнографической науки, представлялось целесообразным прежде всего вновь вернуться к проблеме соотношения этнографии с историей и социологией с тем, чтобы попытаться учесть те уточнения и дополнения в характеристике каждой из этих наук, которые появились за последние годы.

Для более полного раскрытия значения работы по профилированию этнографической науки в книге проводится также сопоставление ее предметной области в том понимании, которое в настоящее время сложилось среди советских специалистов, и культурно-социальной антропологии, так как она трактуется учеными в англоязычных странах. Отмечая определенное совпадение некоторых исследовательских зон этих двух дисциплин, приходится вместе с тем констатировать и существенные различия между их исследовательскими профилями. Это в немалой степени связано с тем, что в культурно-социальной антропологии фактически отсутствуют четкие ориентиры для определения предметной области.

В обосновании актуальных задач современной этнографии существенная роль в книге отводится историографическим очеркам, находящимся в разных ее разделах. Произведенный в них анализ послевоенной этнографической литературы проливает дополнительный свет на вопрос о соотношении общетеоретических критериев определения предмета науки о народах и современной исследовательской практики этой науки. Историографические обзоры вместе с тем позволяют наглядно обозначить наиболее продвинутую в исследовательском отношении проблематику, выявить многие дискуссионные и слабоизученные вопросы, а также наметить некоторые темы, требующие кооперации усилий этнографов в международном масштабе.

Важное значение для развития главной идеи книги имеют очерки, посвященные основным предметным зонам этнографической науки. Хронологический и тематический диапазон данных очерков, находящихся в последних трех разделах книги, довольно широк: от ранних форм семьи до современных этносоциальных процессов, от вопроса о роли этнографии в изучении отдельных видов традиционной культуры (в частности, народной медицины) до этнических аспектов экологии человечества. Содержащиеся в этих разделах очерки хотя и основаны на материалах, относящихся к народам многих стран мира, однако на ставят своей задачей дать исчерпывающую характеристику основных предметных областей этнографии. Они призваны выполнить более ограниченные функции: с одной стороны, подвести фактическую базу под теоретическое построение в первых разделах книги, с другой — содействовать более глубокому раскрытию «практической» значимости этих построений. В целом все эти разделы,

на наш взгляд, наглядно свидетельствуют об эвристичности использования критерия этнической специфики при определении профиля этнографической науки. Притом данный критерий позволяет более строго подойти как к отграничению этнографии от смежных дисциплин, так и к кооперации с ними. В то же время читатель может легко заметить, что в книге находит подтверждение и тезис, согласно которому этнография призвана исследовать все стороны жизни архаических обществ, поскольку таковая целиком пронизана этнической спецификой. Кроме того, данная группа очерков позволяет наглядно показать широту и многообразие предмета этнографической науки. В своей совокупности они еще раз свидетельствуют, что хотя изучение современности, несомненно, является важнейшей задачей советской этнографии, однако ее современная проблематика этим далеко не исчерпывается — она простирается на все периоды всемирной истории. Не случайно поэтому, как уже отмечалось, отдельный раздел книги посвящен характеристике этнографического изучения архаических общественных форм.

Одним словом, автор видит основную задачу книги не только в непосредственной характеристике отдельных проблем современной этнографической науки, но и в раскрытии «механизма» их формирования путем проведения исследований в трех ракурсах: теоретическом, конкретно-этнографическом и историографическом. Все эти исследовательские подходы как бы фокусируются в последнем очерке книги, посвященном определению предметной зоны этнографического изучения современности. Очерк этот призван еще раз подчеркнуть как актуальность задач, стоящих перед современной этнографической наукой, так и перспективность ее дальнейшего развития.

¹ Брежнев Л. И. Речь на Всемирном конгрессе миролюбивых сил. М.: Политиздат, 1973, с. 43.

² Так, в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» развиты основные методологические положения марксистской концепции первобытного общества и возникновения классового общества, имеющие неопределимое значение для этнографии (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21). О разработке основоположниками марксизма конкретных проблем этнографии см.: Толстов С. П. К. Маркс и Л. Г. Морган.— СЭ, 1946, № 1; Токарев С. А. Энгельс и современная этнография.— Изв. АН СССР, 1946, т. III. Сер. ист. и филос., № 1; Семенов Ю. И. Учение Моргана, марксизм и современная этнография.— СЭ, 1964, № 4; Крывелев И. А. Маркс и некоторые проблемы этнографии.— СЭ, 1968, № 2; Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972; Андреев И. Л. К. Маркс о структуре и закономерностях развития первобытнообщинной формации в конспекте книги Л. Г. Моргана «Древнее общество».— СЭ, 1978, № 1; Тер-Акопян Н. Б. Подход Маркса и Энгельса к истории первобытного общества и некоторые вопросы теории Моргана.— СЭ, 1980, № 5.

³ См., например: Толстов С. П. В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии.— СЭ, 1949, № 1; Андрианов Б. В., Моногарова Л. Ф. Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этногра-

фии.— СЭ, 1970, № 1; Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.— СЭ, 1970, № 1; Абрамзон С. М., Поганов Л. П. Значение идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии.— СЭ, 1970, № 2; Бромлей Ю. В. Ленинское наследие и этнографическая наука.— СЭ, 1980, № 3.

⁴ См.: Этнография в странах социализма. М., 1975.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 263.

⁶ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. (Зарубежные издания: на болг. яз.— София, 1975; на венг.— Будапешт, 1975; на нем.— Берлин, 1977; на итал.— М., 1978; на словац.— Братислава, 1980).

⁷ Различные аспекты этой задачи, в частности, затрагиваются в откликах на данную монографию, принадлежащих как этнографам, так и представителям других общественных наук (археологии, истории, социологии, философии): А. П. Окладникову (История СССР, 1973, № 5), Э. С. Маркарян (ВФ, 1973, № 11), И. Георгиевой (Векове, 1973, № 4), Т. Ан. Колевой (Исторически преглед, 1973, кн. 6), А. Пранде (Národopisne aktuality, 1973, с. 3); В. И. Наулко (Народна творчість та етнографія, 1973, № 5), Н. Н. Чебоксарову (Природа, 1973, № 12), Т. Д. Златковской (ВДИ, 1974, № 2), Ю. И. Семенову (Научн. доклады высшей школы. Философские науки, 1974, № 6), И. С. Кону (Новый мир, 1974, № 7), И. Ердельи (Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungarica, 1974, 23), В. Хенселю (Slavia antiqua, 1974, t. XXI), П. Верешу (Българска етнография, 1975, кн. 1), Р. Ф. Итсу (НАА, 1977, № 1), и др.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОБЪЕКТОВ ЭТНОГРАФИИ

ЭТНОС И ЕГО ОСНОВНЫЕ ВИДЫ

В понятийном арсенале современной этнографической науки особое, пожалуй, первостепенное место принадлежит «этнической» терминологии, прежде всего термину «этнос». И это не случайно. Ведь как свидетельствует само ее название, данная наука призвана изучать этносы (от древнегреч. *ἔθνος* — букв. описывать). Последние все чаще и чаще рассматриваются специалистами в качестве основных объектов этнографии. Именно поэтому в нашей научной литературе послевоенных лет принято немало попыток охарактеризовать как этносы в целом, так и их отдельные компоненты¹. И все же, на наш взгляд, некоторые аспекты данной проблематики остаются недостаточно исследованными. Это относится не столько к трактовке сущности этносов, сколько к определению их важнейших черт и основных видов. Показательно, что хотя слово «этнос», как и производные от него термины («этническая общность», «этнические процессы» и т. д.) прочно вошли в современную научную лексику, однако употребляются они до сих пор далеко не однозначно*. Прежде всего это касается определения сущности этносов. Среди советских ученых наиболее распространено представление об этносах как социальных явлениях**, вместе с тем имеется также мнение, согласно которому этносы представляют собой биологические общности — популяции². Значительны расхождения и в представлениях о масштабах человеческих общностей, обозначаемых термином «этнос». Так, в зарубежной литературе чаще всего этот термин, как и его аналоги («ethnie», «ethnic unit», «ethnic

---

* Не лишне, видимо, в данной связи напомнить, что в древнегреческом языке слово «этнос» обладало целым рядом значений: народ, иноземное племя, толпа, группа людей, язычники, стадо, стая, рой, род и т. д. При этом, как показывает специальный анализ изменений в употреблении слова «этнос», в древнегреческой литературе в период от Гомера до Аристотеля, т. е. на архаической стадии существования этого слова, преобладало значение стая, рой, группа, но уже встречалось и значение племя, народ. В исторической литературе V—IV вв. до н. э. два последних значения становятся наиболее употребительными (см.: Поплинский Ю. К. К истории возникновения термина «этнос». — СЭ, 1973, № 1, с. 128—134).

** В то же время в определении основных признаков этноса у многих авторов существуют определенные расхождения (обзор точек зрения см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 25—26).

community») применяются лишь к сравнительно небольшим в численном и пространственном отношении группам людей, например, ацтекам, аймара и т. п.³ В нашей же отечественной науке с самого начала термином «этнос»⁴ стали обозначать не только «малые» народы, но и многомиллионные общности: русских, англичан, французов и т. д. Имеются расхождения и в определении стадийных рамок употребления рассматриваемого термина. Наряду с широко распространенным в нашей современной научной литературе представлением, что этот термин применим для обозначения не только племени и народности, но и нации, можно встретить мнение, что его употребление следует ограничить лишь донациональными образованиями⁵.

Чем же обусловлен такой разноречивой? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, следует искать в довольно распространенном в подобных случаях «дедуктивном» подходе, в силу которого оказывается возможным весьма вольный «подбор» основных параметров для определяемого термина. Это нередко ведет к тому, что одним и тем же термином обозначаются далеко не идентичные явления объективной реальности. Избежать это возможно лишь при условии предварительного, ориентировочного выделения, «открытия» в объективной реальности самого определяемого явления, выражающегося в установлении его наиболее характерных черт. И только вслед за тем представляется правомерным обозначение этого явления тем или иным термином. (Так обычно и обстоит дело в естественных науках). При этом неизбежно приходится соотносить подлежащий определению объект с другими «ближайшими» к нему явлениями, имеющими уже установившиеся наименования. А это в свою очередь делает необходимыми соответствующие терминологические сопоставления, причем в тех случаях, когда речь идет об общественных явлениях, важным ориентиром могут служить их наименования, принятые не только в научном, но и в обиходном языке.

В рассматриваемом нами случае для термина «этнос», как мы знаем, одним из таких «ближайших» понятий выступает слово «народ». Но известно и то, что оно многозначно, так как используется для наименования различных общностей*. Чтобы вычленив из всех этих общностей именно ту, для обозначения которой и предназначен термин «этнос», напомним, что имеется в виду примерно тот смысл слова «народ», который в него вкладывается, когда речь идет о «народах мира». А при этом обычно подразумеваются такие образования, как «племя», «народность», «национальность» и «нация»**. Соответственно основная задача тер-

* Как и в русском языке, многозначны аналоги слова «народ» и во многих других языках (см. немецкое — Volk, английское people и т. д.).

** Наряду с этим слово «народ» обладает в русском языке и такими значениями, как: 1) все население определенной страны, государства; 2) трудящиеся массы; 3) толпа, просто множество людей (см.: Словарь со-

мина «этнос» — определять общее, родовое наименование этих образований. Так по крайней мере принято считать в современной этнографической науке*.

Приступая к рассмотрению вопроса о вычленении этносов среди других общностей людей, нельзя не обратить внимание на наличие и у племен, и у народностей, и у наций одного общего весьма наглядного и вместе с тем неперменного внешнего признака: каждое из этих образований имеет свое самоназвание — собственное имя. Стало быть, общим внешним ориентиром для определения явления, стоящего за термином «этнос», может служить то обстоятельство, что он прилагается к тем случаям употребления слова «народ» (и соответственно терминов «племя», «национальность» и «нация»), когда им обозначаются общности людей, имеющие свои самоназвания. Нет и не было ни племени, ни народности, ни нации, ни национальности, у которых бы оно отсутствовало. Все они, будь то кривичи, сиу, эвенки, каталонцы, шотландцы, шведы, украинцы, японцы и т. д., имеют свои самоназвания**. Это собственное самоназвание принято, как известно, обозначать производным от слова «этнос» термином «этноним». Следует, однако, особо подчеркнуть, что в данном случае имеются в виду не вообще этнонимы, а этнонимы-самоназвания, или эндоэтнонимы. Дело в том, что этнонимы, даваемые данному этносу другими народами (экзоэтнонимы), нередко существенно отличаются не только этнонима-самоназвания, но и друг от друга***. Иначе дело обстоит с эндоэтнонимами — они, как правило, не только однозначны, но и довольно устойчивы.

Вместе с тем необходимо учитывать, что само по себе наличие самоназвания для слова «народ» может оказаться недостаточным ориентиром для выявления этноса. Это связано с тем, что такого рода сочетания в разговорном языке (как в русском, так и во многих других европейских) обычно употребляются в нескольких различных ситуациях. Прежде всего, когда надо обозначить всех людей (граждан), проживающих в пределах того или иного социального организма^б, т. е. потестарного****, или политического,

временного русского литературного языка. М.; Л., 1958, т. 7, стб. 496—497; Современный энциклопедический словарь. М., 1980, с. 870).

* Это обстоятельство нам уже не раз приходилось специально подчеркивать (см., например: Бромлей Ю. В. Этнография на современном этапе. — Коммунист, 1974, № 16, с. 63).

** При этом мы пока оставляем в стороне вопрос о происхождении того или иного самоназвания этнических общностей: возникло ли оно спонтанно внутри данной общности, или же из названия, которое первоначально было дано со стороны, соседями, а затем превратилось в ее имя собственное (см.: Никонов В. А. Этнонимия. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 12—13).

*** Например, этнос, имеющий эндоэтноним «дойч», по-русски именуется «немцы», по-французски «алеман», по-английски — «джемен», по-итальянски — «тедеско», по-фински — «саксалайнен», по-сербски — «шваб», и т. д.

**** Потестарными (от лат. potestas — власть) нами предложено именовать социальные общности, в которых из-за отсутствия классов органы вла-

образования (как общегосударственного, так и областного). В таком смысле может идти речь, например, о французах (как о гражданах Франции) или бельгийцах (как о гражданах Бельгии). Для обозначения такого рода самоназваний, нам кажется, можно использовать термин «политоним»*.

Группа людей, имеющих самоназвание, может обозначаться словом «народ» и тогда, когда ее расселение в той или иной мере не совпадает с границами одного социального организма (либо выходя за его пределы, либо охватывая лишь часть его). Здесь возможны два варианта: а) когда самоназвание группы восходит к наименованию территории, на которой она проживает, т. е. является топонимом; б) когда самоназвание группы отражает ее этнический характер.

Как же отличить этнонимы от топонимов и политонимов? Представляется, что в данном отношении один из основных показателей — это устойчивость самоназвания. Ведь и племена, и народности, и нации — общности, как известно, весьма устойчивые, существующие под одним и тем же собственным именем в течение многих поколений людей. При этом в рассматриваемой связи, пожалуй, особенно показательны те случаи, когда отдельные части такой общности по той или иной причине оказываются на длительное время сравнительно далеко за пределами ее первоначального местонахождения. Если соответствующая группа людей устойчиво из поколения в поколение сохраняет свое самоназвание, то скорее всего это самоназвание — этноним и, стало быть, мы имеем дело с этнической общностью. Ведь политоним в подобных ситуациях сравнительно быстро выходит из употребления**, во всяком случае группа граждан (подданных) данного государства, оказавшись за его пределами, обычно не сохраняет свой политоним во втором поколении (гражданство, как правило, не имеет наследственного характера). Нередко аналогична и судьба топо-

---

сти не имели еще политического характера (см.: Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей. — СЭ, 1972, № 5, с. 62).

* От древнегреч. *πολιτεια* — государство и *ὄνομα* — имя. При этом может быть две формы политонима: пространная — народ Франции и краткая — французы (аналог. по-франц.: *Le peuple de la France; Français*).

** Так, бывшие граждане Югославии, переселившиеся в США и проживающие здесь длительное время, обычно называют себя не югославами, а сербами, хорватами, словенцами и т. п., т. е. в соответствии со своей этнической принадлежностью. Правда, выходцы из таких полиэтнических государств, как, скажем, Пакистан и Индия, нередко прочно сохраняют свой политоним (пакистанцы, индийцы), приобретающий характер своеобразного этнонима. Однако при этом существенно подчеркнуть, что речь идет в подобных случаях не об эндоэтнонимах (самоназваниях), а всего лишь экзоэтнонимах, поскольку внутри обозначаемых ими совокупностей переселенцев устойчиво сохраняются групповые этнические самоназвания. (См.: Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1978).

нима *. Если же политоним у той или иной переселенческой группы сохраняется в течение нескольких поколений, то это значит, что данное самоназвание одновременно является и этнонимом **. Иногда это результат превращения политонимов в этнонимы ***, иногда — наоборот. Более того, подчас бывает, что этноним дает начало политониму, а этот в свою очередь служит основанием для нового этнонима ****. Все это неизбежно создает трудности для отграничения этнических общностей от политических и локальных. Однако и в этих сложных случаях критерий «межпоколенной устойчивости» самоназвания у представителей рассматриваемой общности, оказавшихся за пределами «изначального» расселения, позволяет довольно уверенно отграничить этноним от «чистого» политонима или топонима.

Наконец, этнонимы не следует также смешивать с конфессионимами (наименованиями религий) и лингвонимами (наименованиями языков) ¹. Правда, они могут быть взаимозаменяемыми или просто совпадать друг с другом (например, «православный» в значении «русский», японский язык и японский народ и т. п.). Однако обычно отличить конфессионим или лингвоним от этнонима довольно легко, поставив вопрос: сохранится ли рассматриваемое нарицательное имя при смене его посетителями (носителем) религии или языка? Если в таких случаях мы будем иметь дело с изменением этого имени, то перед нами соответственно конфессионим или лингвоним, если же такого изменения не произойдет, то значит речь идет об этнониме.

Вместе с тем, разумеется, суть этнических общностей отнюдь не сводится к их самоназваниям, сколь устойчивыми бы они ни были. Поэтому для выделения этносов среди других человеческих общностей надлежит выяснить, что объединяет людей одного этнонима помимо этого чисто внешнего признака?

Отвечая на данный вопрос, прежде всего нельзя не обратить внимание на то, что наличие единого самоназвания — этнонима предполагает существование у каждой из интересующих нас общностей самосознания. Действительно, даже в том случае, если, например, отдельные группы русских, испанцев, армян, поляков

* Например, дети русских сибиряков, переселившихся в Европейскую часть СССР, будут себя именовать не сибиряками, а просто русскими, т. е. утратят топоним (сибиряки) и сохраняют этноним (русские).

** Совпадение политонима и этнонима особенно характерно для относительно моноэтнических государств: например, француз (français) или итальянец (italiano) — это одновременно и политонимы, и этнонимы.

*** В частности, среди этнонимов один из наибольших отрядов составляют «топографические», многие из которых содержат в основе географическое наименование — топоним (см.: Никонов В. А. Этнонимия, с. 21).

**** Так, самоназвание переселившихся в конце VII в. на территории к югу от Дуная кочевников-тюрков — «болгары» явилось, как известно, исходным для наименования возникшего здесь государства, что обусловило вскоре распространение этого этнонима и на все его население славянского происхождения.

проживают в разных странах, каждая из этих групп осознает свою определенную общность со всеми группами, имеющими такое же самоназвание. Вместе с тем представители каждой из таких одноименных совокупностей людей обычно отличают себя от членов всех иных подобных общностей. При этом особую роль играет антитеза «мы» — «они». Примечательно, что само представление (в том числе обыденное) о существовании такой особой категории человеческих общностей (под каким бы названием они ни выступали: народ, этнос, племя, нация и т. д.) неизбежно предполагает подобное различие. И когда, например, речь идет о венграх, как совокупности людей, имеющих общий этноним, то всегда само собой разумеется наличие у членов этой совокупности представлений о своем отличии от всех иных общностей такого рода.

В последнее время наметились две противоположные тенденции в понимании содержания этнического (национального) самосознания. В одном случае оно сводится к осознанию людьми своей этнической (национальной) принадлежности⁸. В другой — наблюдается стремление включить в этническое самосознание и представления о других этносах⁹. Однако, на наш взгляд, в первом случае этническое самосознание понимается слишком узко, так как по существу отождествляется с самоназванием и соответственно оказывается лишенным помимо этнонимического какого-либо иного содержания, во втором же оно трактуется излишне расширительно, что затрудняет его разграничения с этническим сознанием в целом. Этническое самосознание, по нашему мнению, — это представления людей о собственном этносе, о его свойствах, в то время как этническое сознание включает весь комплекс этнически окрашенных компонентов общественного сознания*, в том числе и этнические стереотипы. Именно поэтому при всей значимости для формирования этнического самосознания соотношения с другими этническими группами¹⁰, было бы все же упрощением включать в него целиком те компоненты общественного сознания, которые выражают само отношение к таковым группам, т. е. соответствующие этнические стереотипы.

Нетрудно заметить, что пока мы имели дело только с внешними, притом субъективными проявлениями свойств этноса. И может сложиться впечатление, что перед нами весьма зыбкие показатели, особенно если при этом исходить из представления о произвольном характере определения людьми своей принадлежности к тому или иному этносу. Поводом для возникновения подобного представления может послужить тот факт, что подчас один и тот же человек относит себя то к одному, то к другому этносу,

---

* Этническое сознание, в свою очередь, не следует смешивать с сознанием этноса, которое включает все компоненты общественного сознания его членов, в том числе и не обладающие этнической спецификой.

например, то к украинцам, то к русским. Однако эта «произвольность» легко объясняется тем, что такой человек в той или иной мере обладает объективными свойствами обоих этносов, к которым он себя относит, т. е. применительно к рассматриваемому примеру свойствами и украинского, и русского этносов. Весьма показательным, что ни к какому третьему этносу (скажем, к турецкому, французскому, японскому и т. п.) данный человек себя никогда не причислит.

Этническое самосознание, как и любая форма сознания, — явление вторичное, производное от объективных факторов, ибо «сознание... никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием... а бытие людей есть реальный процесс их жизни»¹¹. Именно поэтому совершенно неправомерно было бы сводить, как это нередко делают буржуазные ученые, сущность этносов лишь к самосознанию¹², оставляя в стороне то объективное бытие этих общностей, которое оно отражает*.

Среди всего многообразия человеческих общностей этносы, несомненно, должны быть отнесены к тем явлениям, которые возникают не по воле людей, а в результате объективного развития исторического процесса. Следует вместе с тем подчеркнуть, что этносы представляют собой сложные образования, каждое из которых обладает как общими свойствами с другими подобными образованиями (со всеми или по крайней мере с частью их), так и специфическими чертами, отличающими каждый из них от большинства или даже всех остальных этносов. Иногда, правда, можно встретить мнение, что отличие этносов друг от друга — вопрос второстепенный для выяснения их сущности. Однако при этом упускается из виду, что этнос без отграничения от других подобных общностей — фикция. Конечно, само единство внешних отграничительных особенностей этноса представляет собой выражение его определенных внутренних связей**. Но все же характерная особенность этнических общностей как раз и состоит в том, что их непременным свойством, имеющим важное типологическое значение, является взаимное различие. Этносы — категория сопоставительная. И к числу самых общих этнических свойств должны быть отнесены те отчетливо выраженные объективные отличительные черты этносов-народов, которым присуща устойчивость.

Переходя к выяснению отдельных типологических свойств этносов, начнем с одного из наиболее сложных вопросов: насколько

* В тех случаях, когда у группы людей, которые обладают устойчивым самосознанием, внешне выраженным в самоназвании — этнониме, их общность исчерпывается этими субъективными признаками, мы, очевидно, имеем не этническую, а всего лишь, так сказать, этнонимическую категорию.

** Именно эти внутренние связи обеспечивают функционирование и воспроизводство этноса как целостной системы. (Ср.: Дашдамиров А. Ф. *Нация и личность*. Баку, 1976, с. 56—59).

ко обязательна для их функционирования общность территории? При его решении следует иметь в виду, что такие служащие нам в качестве ориентиров общности, как «нация», «народ», «национальность», обычно не вполне равнозначны в отношении придаваемых им пространственно-политических параметров. Так, термин «нация» в нашей литературе, как правило, служит для обозначения совокупности людей одного этнонима, живущих в пределах одного государства *. Несколько иные пространственно-политические параметры вкладываются в слово «народ». Хотя, как не раз говорилось выше, оно также может обозначать совокупность людей, имеющих один этноним, однако подчас охватывает лиц, находящихся не только на территории одного государства, но и на общей (смежной) территории разных государств. Но для обозначения людей одного этнонима, проживающих на отдаленных несмежных территориях, это слово обычно не употребляется. Для таких целей применительно к новому и новейшему времени чаще используется термин «национальность»¹³. Для первобытного общества примерно такую же роль может выполнять, на наш взгляд, слово «соплеменность»¹⁴, которым могут обозначаться не только те члены племени, что находятся на территории его основного расселения, но и оказавшиеся за пределами таковой. Впрочем, особенно распространено в рассматриваемых случаях (при этом применительно ко всем эпохам) просто употребление множественного числа соответствующего этнонима (например, дулебы, цыгане, армяне, японцы, украинцы и т. п.).

В свете всего сказанного представляется достаточно очевидным, что вопрос о значении территориальных параметров для выделения этносов не может быть решен однозначно. При этом следует четко разграничивать территориальную целостность как условие возникновения этноса и как фактор его существования. Выступая в качестве важнейшего условия формирования этноса, целостность территории не является строго обязательным фактором воспроизводства всех его частей¹⁵. И носители одного этнонима (одной национальности), проживающие на отдаленных друг от друга территориях, нередко из поколения в поколение сохраняют свою этническую (национальную) принадлежность (например, армяне в СССР, Сирии, США и т. д.; украинцы в СССР, ЧССР, Канаде и т. д.).

Каковы же в таком случае (помимо самоназвания и самосознания) конкретные сферы объективного существования характерных для этносов свойств?

---

* Правда, иногда термином «нация» обозначают людей одного этнонима, живущих в разных государствах (например, поляки в период от разделов Польши до 1918 г.). Однако нетрудно заметить, что в этом случае этот термин употребляется в значении, принятом в австромарксизме, не включающем в число признаков нации общность территории и экономики.

Эти свойства, как отмечалось выше, должны обладать и устойчивостью и способностью отличать этносы друг от друга. Поэтому на первый взгляд может показаться, что к ним относятся прежде всего внешние отличительные особенности физического типа людей, т. е. расовые признаки. Не случайно в обыденном сознании людей этнические и антропологические общности иногда отождествляются. Однако в действительности расовые черты, как правило, не играют сколько-нибудь существенной этнодифференцирующей роли. С одной стороны, известно немало случаев, когда народы состоят из представителей разных рас (кубинцы, мексиканцы, бразильцы и т. д.); более того, «чистых» не смешанных в антропологическом отношении народов вообще не существует. С другой стороны, следует иметь в виду отсутствие четких антропологических границ между смежными народами-этносоми, принадлежащими к одной из больших рас. Именно поэтому встречающиеся в повседневной практике попытки определения этнической принадлежности людей на основе одних только внешних антропологических показателей обычно имеют весьма приблизительный характер¹⁶. Такие показатели выполняют этноотличительные функции лишь в тех случаях, когда сопоставляемые народы обладают расовыми отличиями, которые резко бросаются в глаза при повседневном общении, приобретая значение социального знака¹⁷. Это свойственно преимущественно этносам, соседи которых принадлежат к другим расам¹⁸. Нет оснований также полагать, будто главная для всех этносов черта состоит в том, что они представляют собой биологические популяции¹⁹. Вопрос о соотношении этноса и популяции весьма сложен. Но, как показывает его специальное рассмотрение, в действительности сопряженность популяции с этносом — явление производное от образующих его социокультурных факторов, т. е. вторичное. В частности, преимущественное заключение браков в рамках этносов (эндогамия), обуславливающее существование сопряженной с ним популяции, вызвано не биологическими, а социокультурными факторами²⁰.

Как свидетельствует анализ данных, относящихся ко всем выбранным нами эквивалентам этносов, среди свойств, присущих людям, для этнического размежевания обычно особенно существенное значение имеют характерные черты культуры в самом широком смысле этого слова, т. е. понимаемой как совокупность специфически человеческих способов целенаправленной деятельности и ее результатов²¹. Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены все основные отличительные особенности народов-этносов*. Не случайно в повседнев-

* Эти особенности бывают настолько своеобразными, что нередко воспринимаются представителями других народов как нечто странное и удивительное. Индийца, скажем, удивляет, что у европейца жена называет мужа

ной практике при их разграничении, как правило, указывают на такие устойчивые и отчетливо внешне выраженные компоненты культуры, как язык, религия, народное искусство, устное творчество, обычаи, обряды, нормы поведения, привычки и т. п. Сюда относятся также принятые жесты вежливости и приветствия, походка, этика в еде, гигиенические привычки и многое другое. Все это имеет этническую окраску и, передаваясь из поколения в поколение, образует так называемую этническую культуру²², обладающую специфическим для нее стилем²³.

Правда, представления о культуре как характерном признаке этноса подчас ставятся под сомнение. Среди приводимых в этой связи аргументов немалая роль принадлежит ссылке на то, что отдельные компоненты культуры, в том числе духовной (например, религия), как правило, присущи не одному, а сразу нескольким народам²⁴. Действительно, во многих случаях было бы ошибочно вслед за обыденным сознанием абсолютизировать этническую специфику тех или иных компонентов культуры, считая их исключительной особенностью какого-либо одного этноса. Чаще всего (особенно в современных условиях) этнически специфические черты культуры имеют относительный характер, т. е. в большей или меньшей степени присущи нескольким (обычно смежным) этносам. Но в то же время такого рода черты (в той или иной мере) отличают отдельные из этих этносов от всех тех, что не обладают ими. В результате часть относительно специфических черт отграничивает данный этнос от одних его соседей, часть — от других, часть — от третьих*. В своей же совокупности они обеспечивают в целом дифференциацию каждого этноса от всех остальных. Соответственно нас не должен смущать тот уже не раз отмечавшийся в научной литературе факт²⁵, что ни один из компонентов культуры не является непременным этнодифференцирующим признаком. Этот факт свидетельствует лишь о том, что этнос характеризует не какой-то отдельный компонент культуры, а совокупности их, хотя и не обязательно всех. Если бы, например, язык и этнос, языковое и этническое деление всегда совпадали, то, видимо, различие этих понятий потеряло бы всякий смысл²⁶. Дело в том, что неповторимый облик каждого этноса создается не отдельной его специфической чертой, а особым, характерным только для него сочетанием объективных свойств, многие из которых могут быть одновременно присущи и каким-то другим этносам.

по имени и обращается к нему в присутствии его матери и без ее разрешения. Японцу кажется странным находиться в жилище в той же обуви, что и на улице. Болгары, в отличие от многих других народов, кивают головой в знак отрицания, а в знак согласия покачивают ею из стороны в сторону. Когда европеец, здороваясь, протягивает руку незнакомому человеку, это может не только удивить, но и шокировать китайца, японца или индийца.

* Так, в прошлом хорватов отличала от сербов прежде всего религия, от венгров — язык, от словенцев — язык и отчасти религия и т. д.

В связи с рассматриваемым вопросом нельзя не напомнить о том, что в нашей историко-философской литературе последних лет довольно распространено мнение, будто об общности культуры как этническом признаке если и можно говорить, то главным образом лишь применительно к первобытной эпохе, когда все члены небольших племенных коллективов, занимаясь одинаковой хозяйственной деятельностью, представляли в социальном отношении по существу недифференцированное целое²⁷. В классовых обществах, согласно этой точке зрения, вместе с исчезновением у этнических образований социальной однородности исчезает не только их культурное единство, но и вообще чуть ли не всякая общность культуры. Одним из логических следствий такого представления явилось, в частности, исключение культуры вообще из определения нации²⁸. Основным аргументом при этом²⁹ служат обычно ссылки на известное указание В. И. Ленина, что «есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»³⁰. Однако в данном случае как бы не замечается, что, подчеркивая наличие внутри нации капиталистической эпохи буржуазной и пролетарской культур, В. И. Ленин отнюдь не отрицал существования национальной культуры. Он выступал против лозунга «национальная культура» (соответственно — «национально-культурная автономия») не из-за отсутствия национальной культуры вообще, а в силу того, что в каждой национальной культуре господствующей в условиях капитализма является буржуазная культура * и есть лишь элементы демократической и социалистической культур³¹. Впрочем, с позиций формальной логики все же может показаться, что наличие двух национальных культур у буржуазных наций противоречит признанию какой-либо культурной общности таковых. Но, если следовать этой логике, то придется неизбежно прийти к заключению, что В. И. Ленин отрицал и само существование буржуазных наций, ибо его тезису о двух национальных культурах в каждой национальной культуре, как известно, предшествует формула: «есть две нации в каждой современной нации» **. В действительности же перед нами одно из

---

* Именно осуществление лозунга «национальной культуры» на деле облегчало «вовлечение пролетариата и трудящихся масс в сферу влияния идей буржуазного национализма» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318). Вместе с тем следует подчеркнуть, что отмеченное В. И. Лениным господство буржуазной культуры в каждой национальной культуре не дает оснований для их отождествления. Между тем именно так поступил О. Бауэр. Выдвинув тезис, что общность культуры нации «охватывает лишь господствующий класс», он на этом основании трудящиеся массы исключил из нации вообще (Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, с. 51).

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 129. Между тем В. И. Ленин резко осуждал левацко-вульгарную трактовку классовых противоречий, доходящую до отрицания понятий «нация», «народ», «население» и т. п. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 276, 305). В этой связи в нашей философской литературе справедливо отмечалось, что, «подчеркивая наличие

проявлений диалектической противоречивости самих буржуазных наций, представляющих единство * противоположностей³² как в социально-классовой, так и в культурной сфере. И было бы, очевидно, явным упрощением понимать ленинское указание в том смысле, будто наличие в каждой этнической единице классовых формаций антагонистических компонентов культуры ведет к полному разрушению всякой культурной общности в таких образованиях **. Ленинская мысль нацелена не на отрицание национальной культуры как таковой ***, а на акцентацию ее раздвоенности, классовой противоречивости в условиях капитализма³³.

Но классовая противоречивость национальной культуры отнюдь не исключает ее определенной внутренней взаимосвязанности и даже однородности отдельных компонентов. При этом следует учитывать то чрезвычайно важное обстоятельство, подчас упускаемое в рассматриваемой связи из виду, что классовые различия в культуре в разной мере, с разной степенью остроты проявляются в ее разных сферах³⁴.

Классовость культуры в антагонистических обществах проявляется прежде всего в том, что значительная часть идеологических форм создается в интересах господствующих классов и обслуживает только их интересы. Сюда относится политическая идеология, в значительной мере религия, многие элементы морали и искусства, философские принципы. Как известно, весьма существенны классовые различия и в сфере потребления материальной и духовной культуры. Классовый характер могут иметь также различного рода материальные символы и атрибуты социального престижа: приветствия, украшения, манеры, особенности жилища, одежды и т. д.³⁵

Но как справедливо отметил Н. Н. Чебоксаров, хотя культурно-бытовые различия между социальными группами внутри одного этноса и имеют тенденцию углубляться на всем протяжении истории классового общества, они никогда не охватывают всего

«двух наций» в составе каждой нации буржуазного общества, марксизм-ленинизм вовсе не отрицает реальности нации как исторически сложившейся и притом устойчивой общности людей. Он рассматривает классы и нации как элементы объективной структуры общества» (*Глезерман Г. Е. Классы и нации. М.: Политиздат, 1977, с. 34*).

* Диалектическое единство противоположностей, разумеется, не означает их одинаковости, тождества. Разъясняя это, В. И. Ленин писал: «Диалектический момент» требует указания «единства», т. е. связи отрицательного с положительным» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 208*).

** В данной связи нельзя не согласиться, в частности, с мнением Т. Ю. Бурмистровой, что хотя не все в наследии Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского может принять рабочий класс, но бесспорно одно: и Л. Н. Толстой, и Ф. М. Достоевский — великие представители русской культуры (*Бурмистрова Т. Ю. Некоторые вопросы теории нации.— ВИ, 1966, с. 105*).

*** Не случайно В. И. Ленин, говоря вообще о национальной культуре, обычно это понятие не ставит в кавычки, но непременно употребляет их, когда речь идет о лозунге «национальной культуры».

культурного достояния народа³⁶. Нельзя сбрасывать со счета и довольно частое для классовых обществ религиозное единство различных социальных групп внутри одного этноса*, не говоря уже об обычной для них языковой общности и, соответственно, единой письменности³⁷. Немало общих черт, характерных для всех классов и слоев данной этнической общности, сохраняется в сфере бытовой культуры, притом не только в ее материальных, но и духовных компонентах. К тому же в условиях научно-технической революции многие из этих компонентов (правда, главным образом материальных, но отчасти и духовных) все более приобретают межнациональный характер³⁸.

Следует иметь в виду и межсоциальную диффузию культуры в широком смысле слова, в частности, проникновение элементов профессиональной городской культуры в сельскую** и, наоборот, традиционной сельской — в городскую***. Одним словом, нет оснований полагать, будто наличие антагонистических классов внутри этносов ведет к полному уничтожению их культурной общности. Более того, такая общность сохраняется как раз в тех сферах культуры (язык, религия, обычаи, обряды, народное творчество, материальная культура и т. д.), которые чаще всего являются основными носителями этнической специфики.

Рассматривая этническую (национально-специфическую) культуру, необходимо особо подчеркнуть, что она представляет лишь одну из сторон существования культуры и ее, в частности, не следует смешивать с культурой этноса (нации) в целом****.

* В данной связи привлекает внимание анализ религиозного поведения, проделанный С. А. Арутюновым. Разграничивая в религиозном поведении социальный и обыденный аспекты, он отмечает, что первый аспект выделяет индивида из общества либо как личность повышенного религиозного уровня, либо как члена обособленной конфессиональной группы. Использование же многих религиозных обрядов, глубоко въевшихся в повседневную жизнь населения, т. е. обыденное религиозное поведение, уподобляет индивида обществу и как бы растворяет его в этносе (Арутюнов С. А. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре. Автореф. докт. дис., с. 16).

** Например, многие компоненты одежды русского населения конца XIX — начала XX в. ведут свое происхождение от одежды горожан (см.: Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. — Восточнославянский этнографический сборник. — ТИЭ, 1956, т. XXXI, с. 640—643).

*** Об этом, в частности, наглядно свидетельствует использование материалов сельского фольклора при создании произведений профессиональной художественной литературы.

**** Такое смешение, однако, нередко имеет место, и, говоря, например, о развитии этнической (национальной) культуры, имеют в виду не этнически (национально) специфические черты культуры, а культуру этноса (нации) в целом. Возможность такого смешения в значительной мере связана с тем, что прилагательное «этнический» как и «национальный» в русском языке (как, впрочем, и во многих других) может употребляться для обозначения как особенного, так и отдельного (как этнически, национально-специфического, так и всего принадлежащего этносу, нации). Поэтому на-

Последняя включает не только этнические, национально-специфические, но и межэтнические, интернациональные компоненты культуры *. В конечном счете этнос (нацию) характеризует их совокупность **. И именно культура этноса в целом обеспечивает его функционирование как системы.

Характеризуя этносы, необходимо упомянуть и о том, что культурное единство его членов неразрывно связано с общностью их психики, проявляющейся, в частности, в оттенках их характера, специфике ценностных ориентаций, вкусов и т. п. *** Без учета

циональной может быть названа как национально-специфическая культура, так и культура всей нации. Такое неоднозначное употребление прилагательного «национальный» особенно важно учитывать при характеристике взаимоотношений интернационального и национального: первое существует во втором как общее в отдельном, а не в особенном. Это различие, кстати сказать, подчас остается незамеченным (см.: *Козлов В. И. Этнос и культура.* — СЭ, 1979, № 3, с. 32).

* Недавно Козловым В. И. было предложено наряду с этнической и межэтнической выделять иноэтническую культуру (*Козлов В. И. Этнос и культура*, с. 82). Это предложение интересно, но довольно трудно провести грань, отделяющую межэтническую и иноэтническую культуры. Судя по всему, В. И. Козлов видит основное отличие иноэтнической культуры от межэтнической в том, что первая хотя и потребляется членами данного этноса, но ими не создается. Но если придерживаться этого критерия, то из межэтнической культуры придется, например, исключить все художественные произведения, созданные отдельными авторами, не принадлежащими к данному этносу. Поэтому иноэтническими скорее следует именовать те элементы «чужеродной» для данного этноса культуры, которые не стали органической частью этого этноса, т. е. если и потребляются его членами, то лишь как исключение, а не как правило.

** При этом, как уже говорилось, нередко те или иные компоненты культуры, являясь общими для определенной группы этносов, т. е. будучи межэтническими, одновременно могут отличать отдельные этносы этой группы от не входящих в нее этносов, т. е. непосредственно выполнять этнодифференцирующую роль.

*** Правда, подобно вопросу об этнической культуре вопрос об общности психического склада этноса (нации), национальном характере до сих пор остается в нашей научной литературе дискуссионным. При этом противники представлений о существовании такого рода общности чаще всего в конечном счете признают не только наличие у каждого из классов буржуазных наций своей национально-классовой психологии, но и существование специфических психических черт у самих таких наций (см., например: *Калтачян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей.* М., 1969, с. 143—144; *Козлов В. И., Шеленов Г. В. Национальный характер и проблемы его исследования.* СЭ, 1973, № 2). Однако, на наш взгляд, все споры о существовании «общности психического склада» у этносов или «некоторых этнически специфических черт» такового основаны скорее на терминологических, нежели на смысловых расхождениях. (Подробнее см.: *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография*, с. 90—94.) Во всяком случае нельзя не согласиться с мнением, что наличие у каждого класса буржуазного общества своей психологии «не исключает общности национальных психологических черт» (*Глезерман Г. Е. Классы и нации*, с. 33). Такие черты национального психического склада нередко генетически восходят к элементам психологии классов соответствующей нации (*Горячева А. И., Макаров М. Г. Общественная психология.* Л.: Наука, 1979, с. 144—145).

данного обстоятельства невозможно уяснить механизм, обеспечивающий не только устойчивость общих черт деятельности членов отдельных этнических коллективов, но передачу ими этих черт из поколения в поколение.

Следует вместе с тем еще раз подчеркнуть, что далеко не всякая совокупность людей, обладающая относительной общностью культуры и психики, является этносом. Как уже говорилось, этносу присуща непременно антитеза «мы» — «они». Поэтому этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, выделяя себя среди других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято, как мы знаем, именовать этническим самосознанием, внешним выражением которого является общее самоназвание (этноним).

Необходимо, впрочем, заметить, что этническое самосознание обычно далеко не у всех членов этноса проявляется с одинаковой интенсивностью. Прежде всего в любом этносе им частично или полностью не обладают дети³⁹. У взрослых членов этносов этническое самосознание, как правило, особенно ослаблено в тех случаях, когда они не имеют контактов (непосредственных или опосредствованных) с представителями других этнических общностей. В такой ситуации чаще всего оказываются сельские жители, составляющие подавляющее большинство населения в докапиталистических классовых обществах, а нередко и в буржуазных. В таких обществах у народных масс преобладает локальное или религиозное самосознание. Этническое же самосознание здесь культивируется главным образом господствующими классами. И его распространение среди трудящихся — это в немалой мере один из результатов воздействия господствующей культуры⁴⁰. Однако, на наш взгляд, наличие хотя бы у части представителей историко-культурной общности сознания ее единства позволяет говорить о превращении такой общности в этническую. Ведь налицо и объективные, и субъективные признаки этноса, правда, последние проявляются в ограниченном масштабе, но это лишь свидетельствует о незавершенности процесса его формирования.

Весьма своеобразным хотя и непременным компонентом этнического самосознания выступает представление об общности происхождения всех членов этноса. Такая общность подчас интерпретируется как родство, хотя и отдаленное*. Подобно самосозна-

* Следует при этом учитывать, что иногда в подобных случаях имеется в виду не биологическое, а так называемое социальное родство, при котором, с одной стороны, часть лиц, состоящих в кровном родстве, может не считаться родственниками, с другой — к таковым могут быть отнесены и свойственники. Это характерно, в частности, для первобытных и раннеклассовых обществ, в которых родство подчас не противопоставляется свойству. Данное обстоятельство недавно было специально подчеркнуто В. М. Крюковым, который вместе с тем поставил под сомнение существование в таких обществах представлений о степени близости родства (*Крюков В. В. Эво-*

нию личности немалую роль в формировании самосознания этноса играет память, представляющая важнейший психологический механизм обеспечения культурной преемственности. Отсюда и особое значение для каждого этноса представлений о его прошлом, судьбах предшествующих поколений. Эти исторические представления могут отражать как обыденные (фольклорные), так и специальные (научные) знания, иметь как достоверный, так и мифический характер; при этом те или иные деятели и события прошлого могут приобретать характер своеобразных этнических символов. Самосознание членов этноса как бы фокусирует представления об общности территории («родной земли»), языка («родного языка»), отличительных особенностях культуры и психики, а также о какой-то общности происхождения и исторических судеб входящих в него членов. Такое самосознание является основанием для взаимной идентификации членов этноса. Вместе с тем оно выступает не только как выражение этнической принадлежности, но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам⁴¹. В ходе исторического процесса может значительно измениться этническая территория, а некоторые части этноса — даже отколоться от его основного ядра, может модифицироваться словарный состав языка, его морфологические, синтаксические и другие особенности, а некоторые части этноса вообще могут сменить язык, т. е. подвергнуться языковой ассимиляции, большие перемены могут произойти в материальной и духовной культуре и т. д., но пока у входящих в этнос людей сохраняются те или иные этнические черты и этническое самосознание, этнос продолжает существовать. Укрепление этнического самосознания обычно сочетается со стремлением членов этноса к собственной социально-территориальной (в том числе — государственной) организации, которая также обеспечивает устойчивое существование этноса, сохранение многих из названных выше элементов. Вместе с тем уже на ранних стадиях этнической истории человечества этническое самосознание нередко оказывается сопряженным с так называемым этноцентризмом. Суть его заключается в пред-

---

люция этнического самосознания и проблема этногенеза.— В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1976, вып. 6, с. 59). При этом, в частности, он утверждает, что в характерной для древнекитайского общества VII—VI вв. до н. э. системе родства не различались братья и параллельные кузены. Однако вслед за этим сам приводит свидетельство о различии в данном обществе такого рода категорий (там же, с. 45). К этому можно также добавить, что в древнекитайской системе родства термины, обозначающие родственников по прямой восходящей линии, начиная со второго (*цзу* и *ни*), могли употребляться с детерминативом *гао*, означавшим «высокий», «далекий» (см.: Крюков М. В. Система родства китайцев. М., 1972, с. 159). Другими словами, нет оснований полагать, что в рассматриваемом обществе полностью отсутствовали какие-либо представления относительно отдаленности и близости родства.

ставлении о собственном этносе как о «центральном», «высшем» по сравнению со всеми остальными, отсюда и характерная для этноцентризма склонность рассматривать ценности любого другого народа сквозь призму ценностей своего⁴². В условиях классового общества гипертрофированные формы этноцентрализма создают особенно благоприятную почву для возникновения национализма. Последний, отвечая в конечном счете интересам эксплуататорских классов, прежде всего буржуазии (буржуазный национализм), представляет собой психологию, идеологию, политику и социальную практику признания исключительности своей этнической общности, враждебности к другим общностям и разжигания розни между ними⁴³.

Важнейшая роль в создании и сохранении культурно-психической общности каждого этноса, т. е. внутриэтнической интеграции, принадлежит его внутренним информационным связям, прежде всего этнокультурной информации*.

Передача этнокультурной, как и всякой другой, информации в человеческом обществе осуществляется в различных формах: через произведения материальной и духовной культуры, путем жестов и т. п. Но главной формой такой передачи выступает речь — словесная информация (устная или письменно-литературная)⁴⁴. Обмен сведениями этнокультурного характера осуществляется на основе как непосредственных (личных), так и опосредствованных (неличных) контактов**. Хотя по мере развития средств массовой коммуникации удельный вес непосредственных контактов в передаче этнокультурной информации непрерывно сокращается, однако такие контакты все равно остаются наиболее действенными⁴⁵. Главными видами контактов, связанных с передачей этнокультурной информации, являются бытовые, производственные и учебные. Важнейшей социальной ячейкой, в рамках которой осуществляется эта трансмиссия, в классовых обществах обычно, как мы еще убедимся, является семья, а в доклассовых — различные формы общин.

Усвоение этнокультурной информации происходит как непроизвольно (бессознательно), так и осознанно. Первый способ является древнейшим, так как основывается на имитативных способностях человека, и до сих пор остается ведущим⁴⁶. Это во многом обусловлено тем, что основная масса этнокультурной (в

---

* Основанием для такого названия служит то обстоятельство, что в данном случае имеется в виду передача «кода» этнических свойств, носителем которых является повседневная культура, прежде всего ее традиционные формы. Впрочем, точнее было бы говорить о культурно-психической информации, ибо подразумевается передача не только «значений», но и «установок», т. е. и обучение и воспитание.

** В качестве посредника могут выступать третий человек или различные средства связи. (См.: Панферов В. Н. Психология общения. — ВФ, 1971, № 7, с. 127.)

первую очередь связанной с языком) информации усваивается человеком в раннем возрасте.

Межпоколенной, диахронной этнокультурной информации принадлежит основная роль в воспроизводстве этноса. «Наличием этих непрерывных диахронных инфосвязей между сменяющимися друг друга последовательными поколениями этноса обусловлены его преемственность и стабильность во времени» * Но наряду с диахронной важное значение для функционирования этноса имеет и синхронная информация, обеспечивающая его пространственную стабильность⁴⁷ и культурную интегрированность. В известном смысле этносы представляют собой пространственно ограниченные «сгустки» специфической культурной информации, а межэтнические контакты — обмен такой информацией.

Важное значение для самовоспроизводства этносов имеет преимущественное заключение браков внутри них — эндогамия в широком смысле этого слова⁴⁸. В случаях, когда этнос формируется из резко различающихся расовых групп, их брачное смешение, широкая метисация существенно содействуют возникновению чувства этнической близости.

Общие особенности культуры и психики этноса, его самосознание и самопазвание могут быть определены, на наш взгляд, как собственно этнические свойства. В той или иной мере ими непременно обладают члены каждого этноса независимо от того, проживают ли они компактно на определенной территории или находятся на значительном удалении друг от друга.

Соответственно собственно этнос (или этнос в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме).

В современном русском языке такому пониманию термина «этнос» в известной мере соответствует слово «национальность». Имеются в виду те случаи, когда в это слово вкладывается содержание более узкое, чем то, которое обычно придается слову

* Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— Расы и народы. М.: Наука, 1972, вып. 2, с. 19. Определяющая роль для этноса диахронных, вертикальных связей четко видна в тех случаях, когда между отдельными частями достаточно однородного в культурном отношении этноса синхронные, горизонтальные связи практически полностью отсутствуют, а значительная этнокультурная общность сохраняется. Хорошими примерами таких «дисперсных» этносов могут служить мяо (мео) и яо (ман) Юго-Восточной Азии, многочисленные группы которых живут дисперсно в Китае и разных странах Индокитая, или эскимосы, рассеянные на бескрайних пространствах Гренландии, Канады, Аляски, Сибири (там же, с. 22).

«нация»⁴⁹, т. е. когда «национальность» понимается как совокупность лиц одной национальной принадлежности независимо от их территориального размещения*. Но слово «национальность» не однозначно⁵⁰, а главное, оно ограничено в стадийном плане**. Поэтому нами было предложено обособить употребление термина «этнос» в узком значении слова, закрепив за таким его употреблением наименование «этнокос» (древнегреч. *ἔθνικος* — прилагательное от *ἔθνος*)⁵¹.

Каждый взрослый человек, где бы он ни находился, непременно относится к какому-либо этнокоосу: или к основному его ядру, или к «периферийной» части. В силу этого человечество в любой данный момент представляет совокупность этнокоосов. Иначе говоря, этнокоосы охватывают все человечество и в этом смысле представляют явление панойкуменное.

Здесь, однако, следует коснуться одной недавней попытки отрицать обоснованность трактовки национальности, а соответственно этнокооса, как особой исторической общности людей. Попытка эта, предпринятая И. П. Цемеряном, на наш взгляд, заслуживает специального рассмотрения, поскольку речь идет о наиболее рельефно выраженном негативном отношении к выделению этнокооса как специфической общности людей. В подтверждение своей точки зрения наш оппонент ссылается на пример украинцев СССР и Канады***. Он считает неверным тезис, «что украинцы Канады и украинцы, проживающие в СССР, имеют тождественные этнические признаки и составляют некую историческую общность»⁵². При этом указывается на то, что условия жизни украинцев Канады — территория, социально-экономический и политический строй, культурная среда — наложили определенный отпечаток на эту национальную группу⁵³. Действительно, такого рода воздействия имеют место (в частности, в большинстве своем украинцы Канады в настоящее время по крайней мере двуязычны)⁵⁴. И, конечно, говорить о тождестве (полной идентичности) культуры украинцев Канады и украинцев

---

* О таком значении слова «национальность» в современном русском языке, в частности, наглядно свидетельствует наименование одной из палат Верховного Совета СССР — Совет Национальностей. Но особенно показательны в интересующей нас связи те случаи употребления рассматриваемого слова в справочно-статистической литературе и материалах переписей, когда речь идет о распределении населения по национальностям или о численности национальностей (Ср.: *Цемерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы теории наций и национальных отношений. — *Научный коммунизм*, 1979, № 2, с. 25).

** В частности, этот термин плохо сопрягается с этническими общностями первобытности. Не лишен определенных трудностей и вопрос о его соотношении с термином «народность».

*** При этом, очевидно, имеется в виду, что в свое время нами была сделана ссылка на данные группы как на одно из свидетельств наличия этнической общности у людей, проживающих в различных государствах и соответственно не имеющих общей территории и экономики.

СССР нет никаких оснований (впрочем, подобного рода утверждения в нашей литературе и не встречаются). Но одно дело тождественность, а совсем другое наличие определенных общих черт в культуре обеих рассматриваемых групп украинцев⁵⁵. И в этой связи достаточно показательным признанием самого И. П. Цемеряна, что у этих групп «сохранились некоторые *общие черты*», которые он характеризует следующим образом: «общий в своей основе (и по происхождению) язык, отдельные общие черты в национальной форме культуры и быта»⁵⁶. Правда, автор приводимых строк как бы не заметил, что тем самым признал наличие у украинцев СССР и Канады общих этнических признаков («национальной формы») *, ибо, по его же словам, под таковыми «понимаются язык, особенности культуры и быта, характера (или национальной психологии), сознание единого происхождения»⁵⁷.

Есть, впрочем, у нашего оппонента еще одно возражение: «...любая исторически сложившаяся общность людей,— пишет он,— имеет свою экономическую базу, на основе которой она возникла и существует»⁵⁸. Совершенно очевидно, что в этом случае имеются в виду только те исторически сложившиеся общности людей, которые представляют собой системы, функционирующие как единое целое **. Однако понятие «общность»⁵⁹ используется, как известно, для обозначения самых различных совокупностей людей. В частности, бывают общности временные и устойчивые, относительно компактные и дисперсные, внутринациональные и интернациональные и т. д. ***. И наряду с такими историческими общностями людей, как племя, народность, нация, существуют и другие разновидности этой категории общностей, например, семья, община, класс и т. д. При этом далеко не все исторические общ-

* В этой связи представляется уместным заметить, что по наблюдениям специалистов славянские группы (в том числе украинцы) в Канаде существенно отличаются устойчивостью к ассимиляции по сравнению с ассимиляционными процессами среди аналогичных этнических групп в США, где данный процесс протекает значительно интенсивнее (Национальные проблемы Канады. М., 1972, с. 167).

** Для этой разновидности исторических общностей в нашей литературе последних лет, как уже отмечалось, все чаще используется понятие «социальный организм» (См.: Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— ВИ, 1966, № 8, с. 88—106).

*** В этой связи следует обратить внимание и на многозначность самого слова «общность». Это, во-первых,— одинаковость явлений по какому-то признаку: во-вторых,— неразрывная связь, единство; в-третьих,— взаимная связь всех частей, целостность. (Словарь современного русского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, т. 8, стб. 551—552). Для удобства эти три значения слова могут быть, на наш взгляд, представлены, как общность — одинаковость (идентичность), общность — объединение и общность — система. Надо иметь в виду и то, что, судя по всему, первое из указанных значений является наиболее распространенным. На это косвенно указывает обычно приводимый набор соответствующих синонимов: одинаковость, единство, совпадение, тождество, равенство, идентичность (Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энцикл., 1969, с. 302).

ности обязательно представляют целое, имеющее единую экономическую базу. Так, основоположники марксизма-ленинизма не раз подчеркивали, что созданный капитализмом рабочий класс не столько национальное, сколько интернациональное явление. Еще Ф. Энгельс констатировал, что «пролетарии во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба...»⁶⁰. Но, разумеется, рабочий класс, как интернациональная общность, проявляющаяся в однотипности его социально-экономического положения, в общих интересах и задачах борьбы, не имеет единой экономики, одного своего экономического базиса. Нет такового и у других видов исторически сложившихся человеческих общностей (например, религиозных, языковых и т. п.). А из всего этого следует, что отсутствие единого экономического базиса у украинцев СССР и украинцев Канады не дает основания отрицать, что они представляют определенную общность, имеющую одинаковые этнические признаки*. И поскольку эта общность проявляется в этнической сфере, ее естественно именовать «этнической». Что касается правомерности обозначать такие общности «национальностями» (имея в виду капиталистическую и социалистическую эпохи), то напомним, что именно так называл дисперсно расселенных лиц одной национальной принадлежности В. И. Ленин. Рассматривая вопрос о создании автономных округов, он, в частности, подчеркивал, что к таким округам могли бы тяготеть «члены данной национальности, рассеянные по всем разным концам страны или даже земного шара»⁶¹. Поэтому трудно согласиться с утверждением Цемеряна И. П., что как собирательный термин «национальность» «применяется лишь в тех случаях, когда им заменяется *перечень* различных форм исторической общности — нации, народности, национальные и этнические группы»⁶². О том, что это не так, свидетельствует использование при употреблении данного термина в собирательном значении не только множественного, но и единственного числа**.

Но в конечном счете дело, разумеется, не в терминах, а в типичности для этнической структуры человечества того явления, при котором лица с общим этнонимом и определенными общими чертами культуры и психики рассеяны «по всем разным концам страны или даже земного шара»⁶³. И в этой связи представляется не лишним напомнить, что, например, по данным переписи 1970 г., в нашей стране за пределами союзных и автономных рес-

* Если же встать на путь отрицания у них вообще всякой общности, то в таком случае неизбежно придется поставить под сомнение саму правомерность использования этнонима «украинцы» для обозначения проживающих в Канаде выходцев из Украины.

** Например: «венгерская национальность в этой стране представлена несколькими тысячами человек».

публик находилось 42 1/2 млн. представителей соответствующих национальностей, т. е. 18,2% этих национальностей (15,9% — коренных национальностей союзных и 49,4% — автономных республик). Что касается «рассеяности» этникосов-национальностей по разным государствам, то относительно масштабов этого явления свидетельствуют, в частности, следующие данные: 51,7% азербайджанцев проживают в Иране, 48,3% — в СССР, 65,9% албанцев — в Албании, 30,5% — в Югославии; 43,0% курдов — в Турции, 21,6% — в Иране, 20,0% — в Ираке; 52,2% пуштунов — в Пакистане, 47,4% — в Афганистане; 62,1% таджиков — в Афганистане, 37,8% — в СССР. «Рассеянность» этникосов-национальностей по разным концам земного шара тоже достаточно демонстративна: 17,7% норвежцев проживает за пределами Норвегии, в том числе 12,7% в США, 4,0% — в Канаде; 12,2% литовцев за пределами СССР, в том числе 11,0% — в США; 11,9 англичан — за пределами Великобритании, в том числе 3,9% — в США, 3,1% — в ЮАР; 9,9% словаков — за пределами ЧССР, в том числе 8,4% — в США⁶⁴.

Заканчивая характеристику этникосов, необходимо особо подчеркнуть теснейшую связь собственно этнических явлений с социально-экономическими, которыми они в конечном счете и обусловлены. Вообще следует иметь в виду, что в объективной реальности этникос не существует вне собственно социальных институтов* различных уровней (от семьи до государства). При этом характер сочетания этнических свойств с собственно социальными в известной мере зависит от пространственных параметров этникоса, от компактного или рассеянного размещения самих носителей этнических свойств.

Среди компактных этнических образований особое место занимают те, которые сопряжены с так называемыми социальными организациями, под которыми понимаются отдельные территориально-политические (потестарные) общности (общества), представляющие собой самостоятельные макроединицы общественного развития (племена — в первобытном обществе, государства — в классовом)**.

* Следует отметить условность самого разграничения собственно этнических и социальных явлений в узком значении слова, при котором под последними прежде всего понимаются классово-профессиональные отношения и соответствующие им институты. (См.: Руткевич М. Н. О понятии социальной структуры. — Социологические исследования, 1978, № 4, с. 37). Ведь социальное в широком значении этого слова включает в себя этническое, следовательно, этникосы сами представляют собой социальные институты.

** См.: Семенов Ю. И. Категория «социальный организм»..., с. 88—106. Правда, В. И. Козлов предлагает именовать «социальным организмом» любую этническую общность «пока она существует и воспроизводит себя (а это стремление характерно обычно и для ее отколовшихся частей)» (Козлов В. И. О классификации этнических общностей (состояние вопроса). — В кн.:

случаях обладают относительной самостоятельностью, обеспечивающей наиболее благоприятные условия для устойчивости этноса и его воспроизводства. Эти «синтетические» образования, являющиеся одной из важнейших форм существования этноса, могут быть, на наш взгляд, определены как этносоциальные организмы (сокращенно — эсо) ⁶⁵.

Такого рода образования наряду с этнической (прежде всего культурной) обычно обладают территориальной, экономической, социальной и политической общностью (это, так сказать, максимальный вариант). Но основными компонентами эсо, несомненно, являются, с одной стороны, этнические, с другой — социально-экономические факторы. Следовательно, каждый этносоциальный организм включает ту часть соответствующего этника, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования и представляет таким образом определенную социально-экономическую целостность.

Составляя, как известно, базис всех общественных явлений, в том числе этнических, социально-экономические факторы значительно подвижнее последних. Именно этой относительной консервативностью, а также определенной самостоятельностью этнических свойств и обусловлена возможность сохранения одного и того же по своим этническим параметрам этника на протяжении нескольких социально-экономических формаций. Например, польский этникос существовал и при феодализме и при капитализме, существует он и при социализме (именно поэтому мы говорим о поляках применительно и к феодальной, и к капиталистической, и к социалистической эпохам).

Но иное дело этносоциальный организм. Принадлежность к той или иной формации неизбежно придает ему особый характер. Этот факт по существу и лежит в основе обычного для нашей литературы последних лет выделения таких историко-стадиальных типов этносоциальных общностей, как племя, народность, буржуазная и социалистическая нации.

Впрочем, в нашей литературе, как мы уже знаем, высказывались сомнения относительно правомерности включения наций

Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 14). Однако это предложение представляется не очень удачным по крайней мере в трех отношениях. Во-первых, понятие «организм» предполагает пространственную целостность обозначаемого им объекта. Во-вторых, если «социальными организмами» именовать как территориально-политические (потестарные) общности, так и этносы, то мы лишимся однозначного употребления интересующего нас термина, к тому же окажется, что один «социальный организм» (этнос) может быть частью другого «социального организма» (например, государства). В-третьих, и это особенно существенно, — далеко не всякая этническая общность представляет «самостоятельную единицу общественного развития», каковой предлагается рассматривать «социальный организм» (см.: Семенов Ю. И. Категория «социальный организм»..., с. 94).

в число этносоциальных общностей. При этом наряду с утверждением, что якобы термин «этнический» за пределами этнографии в значении «национальный» не употребляется^{*}, можно встретить и другие точки зрения. Одна из них обосновывается ссылками на то, что между нациями и народностями нет прямой этнической преемственности. Действительно, в ряде случаев нация возникает на базе нескольких народностей. Но и в этих случаях она обычно целиком включает эти народности, к тому же нередко находящиеся в генетическом родстве. Наглядный пример этого дает история формирования французской нации на основе двух народностей: северофранцузской и провансальской⁶⁶. Вряд ли правильно сбрасывать со счетов и тот факт, что зачастую одна и та же общность людей, имеющая единый этноним, на разных этапах развития является сначала донациональным, а затем национальным образованием. Например, русские выступают и как народность, и как буржуазная и социалистическая нации.

Здесь следует упомянуть и о мнении, согласно которому подвергнутые В. И. Лениным критике ошибки русского либерального народника Н. Михайловского заключались, в частности, в том, что он пытался изобразить нацию чисто этнической категорией путем утверждения, что национальные связи представляют собой продолжение и обобщение связей родовых. При этом родовые связи характеризуются как этнические, а национальные как социальные. Действительно, В. И. Ленин подчеркивал в полемике с Н. Михайловским решающее значение для формирования русской нации буржуазных связей⁶⁷, т. е. связей социальных (в узком значении слова). Но отсюда совсем не следует, что он рассматривал родовые связи как этнические^{**}. И вся его полемика с Н. Михайловским об этом никоим образом не свидетельствует. Критическая мысль Ленина в ходе этой полемики направлена против переоценки Михайловским роли родовых связей в истории общественного развития вообще и русской истории в частности. Он особо подчеркивал отсутствие родовых связей уже в эпоху Московского царства, т. е. тогда, когда «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить»⁶⁸. И это лишний раз свидетельствует о том, что признание наличия у русской нации этнической преемственности отнюдь не дает оснований для

^{*} Сатыбалов А. А. Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей.— В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, с. 154. Однако весьма показательно, что это утверждение не помешало его автору широко употреблять формулу «этнические (национальные) общности» (там же, с. 153—169), тем самым явно включая «национальное» в «этническое».

^{**} Не рассматривает «родовые связи» в качестве этнических и современная наука о первобытном обществе. Более того, «род», являясь важнейшей социальной ячейкой первобытного общества, в известном смысле «антиэтнос» (см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 129).

заклучения, будто тем самым она оказывается непосредственным продолжением родовых связей.

Характеризуя состояние рассматриваемого вопроса, нельзя не упомянуть и мнение М. И. Куличенко, что «пользование понятием «социально-этническая общность» применительно к нации приводит... к неправильной оценке соотношения социального и этнического в содержании понятия «нация», к недооценке первого и переоценке второго»⁶⁹. Замечание настораживающее. Впрочем, не исключено, что негативное отношение к определению нации как «социально-этнической общности» в данном случае интуитивно вызвано фактором чисто лингвистического характера, а именно — «структурой» самого этого термина*. Дело в том, что, как уже отмечалось в научной литературе, в таком случае его составляющие выступают как равноправные, равнозначные⁷⁰. И в этой связи не лишне напомнить, что в русском языке (как и во многих других языках) существуют два способа словосложения: сочинительный и подчинительный. При сочинительном способе — составляющие компоненты равноправны, независимы. Одно из важнейших свидетельств этого способа — соединение составляющих посредством дефиса⁷¹. При подчинительном словосложении «первая основа обычно подчинена второй части, поясняет, уточняет ее»⁷². О подчинительном способе помимо отсутствия дефиса свидетельствует, в частности, наличие суффикса лишь в последнем компоненте. Таким образом, если термин «социально-этнический» представляет собой пример сочинительного словосложения, то термин «этносоциальный» — подчинительного (суффикс *-альный* во втором компоненте), причем «опорной основой» выступает слово «социальный», а «этно» выполняет поясняющую функцию. Иначе говоря, в термине «социально-этнический» социум (общество) и этнос как бы приравниваются; термин же «этносоциальный» означает, что речь идет прежде всего о социальной, обладающей какими-то этническими чертами, свойствами общности. Именно поэтому нами и отдается предпочтение прилагательному «этносоциальный».

Но, разумеется, рассматриваемый вопрос не сводится лишь к чисто грамматической стороне. Поэтому само по себе отнесение нации к числу этносоциальных организмов еще не решает полностью вопроса о значимости для нее этнических и социальных факторов. Наличие или отсутствие при этом переоценки этнического в ущерб социальному зависит прежде всего от понимания сущности данных факторов. И в этой связи представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что социально-экономические параметры этносоциальных организмов всех типов имеют определяющее

* Показательно, что сам автор характеризует нацию как «социальный и этнический организм» (Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, с. 58).

значение для их принадлежности к формации. Важнейшую роль играют социальные факторы как для возникновения эсо, так и для их функционирования и развития; притом в этом отношении для разных типов эсо далеко не одни и те же виды социальных связей являются определяющими. Вместе с тем социальное в эсо (в том числе и нациях) находится в диалектической взаимосвязи, неразрывном единстве с этническим⁷³. Собственно этнические компоненты являются неизменными составляющими этносоциальных организмов всех типов, включая нации. Как уже справедливо отмечалось в нашей литературе, если экономические связи, даже весьма прочные, «не выступают во взаимосвязи с этническими факторами, то и не ведут к образованию каких-либо национальных связей»⁷⁴, иначе говоря, к возникновению наций. Это обусловлено тем, что этнические факторы играют своеобразную системообразующую роль для всех типов эсо, ибо каждый этносоциальный организм (будь то племя, народ или нация) включает только лиц одной этнической принадлежности, только одного этноса.

Как, показывает этническая история человечества, при смене основных типов эсо их социально-экономические и этнические параметры изменяются по-разному. Если для первых характерны кардинальные изменения и в этом смысле — разрыв постепенности, то для вторых — в той или иной мере преемственность. Это особенно наглядно проступает в тех случаях, когда переход от одного типа эсо к другому не связан со сколько-нибудь существенным изменением масштабов этникоса, в рамках которого он совершается. В данном отношении, пожалуй, наиболее показательны переход от буржуазных наций к социалистическим. И нельзя не согласиться с тем, что в таких случаях социально-экономическая, социально-классовая структура разрушается как целостность, хотя отдельные ее элементы переходят в новую структуру, образуя новую целостность; структура же этнического не подвергается ломке как таковая, а происходит лишь изменение ее элементов под влиянием преобразования социально-классовой структуры⁷⁵.

Возвращаясь к характеристике внутренней структуры этносоциальных организмов в целом, следует особо остановиться на вопросе о пространственных аспектах соотношения этникоса и социального организма. Дело в том, что в условиях классовых обществ оно далеко не всегда одинаково. При этом в зависимости от характера этого соотношения можно выделить три основных разновидности этносоциальных организмов.

Первую из них представляет такое совпадение этникоса и социального организма, при котором за пределами их общей территории данный этникос существует либо в гетерогенном виде, либо в виде небольших гомогенных групп, не обладающих сколько-нибудь полной общественно-экономической самостоятельностью.

Примером этой разновидности среди современных этнических общностей может служить датская нация, поскольку за пределами Дании датский этникос находится в дисперсном состоянии. Еще одним примером являются словаки, подавляющее большинство которых составляет одну из наций Чехословацкой Социалистической Республики (или словацкий социальный организм — Словацкую Социалистическую Республику), и лишь незначительная часть проживает за ее границами, как в гетерогенном состоянии, так и в форме небольших гомогенных групп (например, словацкие поселения в СССР, в Венгрии, в Югославии, в Румынии). Существовала подобная разновидность этносоциальных организмов и в далеком прошлом. Так, можно полагать, что уже в архаический период (3000—2500 лет до н. э.) Древний Египет представлял собой по существу моноэтническое государство, подавляющую массу населения которого составляли (не считая, разумеется, рабов) египтяне.

Вторую разновидность сочетания основных компонентов при образовании этносоциального организма представляют случаи, когда из одного этникоса социальные организмы вычленяют несколько этносоциальных образований. Наглядным примером разделения одного этникоса на отдельные этносоциальные организмы могут служить два современных германских государства — ГДР и ФРГ. Здесь мы имеем в пределах одного этникоса одновременно два различных исторических типа этносоциальных организмов, принадлежащих к разным формациям. Вместе с тем на основе одного этникоса, разделенного между двумя государствами (т. е. двух эсо), при наличии соответствующих условий может сложиться единый этносоциальный организм. Примером этого может служить недавнее образование Социалистической Республики Вьетнам. В прошлом примеры подобного соотношения этникоса и социальных организмов дает Древняя Греция. Здесь в середине I тыс. до н. э. в пределах эллинской этнической общности * существовало несколько городов-государств (полисов), представляющих собой своеобразные этносоциальные организмы.

Наконец, в третью разновидность можно выделить случаи, когда в рамках одной социально-политической общности (государства) одновременно имеется несколько компактных и относительно самостоятельных этникосов. Образующие при этом этносоциальные организмы следует, очевидно, рассматривать как имеющие не вполне завершенную структуру, поскольку они лишены собственной политической надстройки **. Классическим образцом этого

* Имеются данные, позволяющие говорить о наличии общеэллинского самосознания в VII в. до н. э. (*Ehrenberg V. Hellens.*— In.: *The Oxford Classical Dictionary*, Oxford, 1953, p. 411).

** В силу этого обстоятельства термин «этносоциальный организм» представляется в данной связи предпочтительней термину «этнопотестарный организм» (см.: *Козлов В. И. О классификации этнических общностей*,

варианта являются такие нации дореволюционной России, как скажем, украинская, литовская, грузинская, армянская и т. д. Другим примером может служить Иран. Начиная с момента своего возникновения в эпоху Ахеменидов (с VI в. до н. э.) и до наших дней это государство отличает полиэтничность. В настоящее время здесь имеется несколько народов, насчитывающих свыше миллиона человек: персы (13,5 млн.), азербайджанцы (5 млн.), курды (2,5 млн.), гилянцы (1,6 млн.), мазадеранцы (1,2 млн.); кроме того, по всему Ирану разбросано большое число менее крупных этнических общностей⁷⁶.

Из фактов неполного совпадения в пространственном плане этникоса и социального организма при «образовании» эсо было бы, однако, неверно делать вывод, что последние представляют простую сумму двух общностей: этнической и социальной. В действительности эсо представляет собой их неразрывное единство. В силу этого социальная общность каждого эсо в пространственном плане как бы вписывается в его этнические границы; в свою очередь, к каждому эсо относится только та часть этникоса, для которой характерны общие социально-политические (потестарные) параметры.

Разграничение понятий «этникоса» (этнос в узком значении слова) и «этносоциального организма» позволяет существенно конкретизировать вопрос о соотношении этнических общностей и государства. Если иметь в виду собственно этнос (этникос), то, мы могли уже убедиться, что государственная принадлежность не является его непременным компонентом, как это считают некоторые авторы⁷⁷. Ведь один и тот же этнос (этникос) может одновременно находиться в различных государственно-политических образованиях. Что же касается этносоциального организма, то эта общность и государство находятся в неразрывном единстве. Однако тесное единство, как уже говорилось, не всегда означает полное тождество. Часто этносоциальный организм и государство лишь сопряжены. При этом в одних случаях помимо основного этносоциального организма государство может включать отдельные этнические группы, не представляющие целостных этносоциальных образований, в других — в рамках одного государства могут функционировать несколько этносоциальных организмов.

Разграничение узкого и широкого значений термина «этнос» проливает, на наш взгляд, дополнительный свет и на вопрос о соотношении понятий «нация» и «национальность», остающийся в известной мере все еще дискуссионным. В этой связи особое

с. 14—15). Ведь при употреблении последнего термина все рассматриваемые выше случаи третьей разновидности неизбежно окажутся вне категории «организмов» этнического характера. Между тем этникосы, находящиеся в пределах территориально-потестарных (государственных) образований, несомненно отвечают представлению об организме как о самовоспроизводящейся целостности.

внимание привлекает полемика, развернувшаяся вокруг предложения С. Т. Калтахяна рассматривать национальность как этническую характеристику нации. Одним авторам, например, И. П. Цемеряну, кажется, что такой подход, предполагая появление национальности задолго до возникновения нации, тем самым означает, что национальность «представляет собой чуть ли не от века данное!»⁷⁸. Действительно, этническая сторона каждой нации, т. е. ее национально-специфические черты, во многих случаях, как мы уже могли убедиться⁷⁹, формируются задолго до появления таковой*. Но из этого отнюдь не следует, что они представляют собой явление «чуть ли не от века данное» (а тем более, что извечна нация)**. Этнические явления хотя и более устойчивы, чем социально-экономические, однако тоже изменчивы, что, в частности, фиксирует специальное понятие «этнические процессы».

В связи с рассматриваемым вопросом привлекает внимание проделанный немецким философом-марксистом А. Козингом специальный анализ употребления терминов «нация» и «национальность» в трудах основоположников марксизма. В результате такого анализа он пришел к выводу, что это употребление никоим образом не противоречит той точке зрения, согласно которой национальность есть этническая характеристика нации⁸⁰. И этот вывод, на наш взгляд, обоснован в целом достаточно убедительно***. Отсылая читателей к соответствующим страницам его работы⁸¹, вместе с тем необходимо сделать одну оговорку: принимая указанное заключение, не следует забывать, что, как уже отчасти отмечалось, само слово «национальность» далеко не однозначно****. Даже его «этническая» семантика не исчерпывается лишь «этнической характеристикой нации». В частности, из приведенных А. Козингом примеров достаточно хорошо видно, что на-

* И уже чисто терминологическим является вопрос относительно того, каким словом обозначить предшествующую нации одноименную ей этническую общность и, в частности, использовать ли для этой цели термин «национальность» (см. с. 39).

** По словам И. П. Цемеряна, авторы, рассматривающие национальность как этническую сторону нации, считают, что «нации как этнические общности... существовали задолго до возникновения наций» (*Цемерян И. П. Некоторые актуальные вопросы...*, с. 25—26). Конечно, нации не могли существовать до возникновения наций. Но одноименные этнические общности действительно нередко предшествовали появлению наций (об этом, например, свидетельствует история таких этнических общностей, как армяне, болгары, венгры, поляки, турки, хорваты, чехи и т. д.).

*** Впрочем, некоторые детали этого анализа представляются не бесспорными: например, мнение, что шотландцы и валлийцы вошли в английскую нацию (см.: *Козинг А. Нация в истории и современности*, с. 171), разумеется, если под нацией понимать не политическую, а этносоциальную общность.

**** В частности, привлекает внимание трактовка термина «национальность», предлагаемая М. И. Куличенко. По его мнению, «национальная принадлежность не только во многом, но нередко и целиком определяется не

циональности включают группы людей, которые хотя и находятся за пределами соответствующей нации, но имеют с ее членами одну этническую принадлежность. Нетрудно заметить, что в данном случае речь идет об употреблении слова «национальность» в значении «этнос» (в представлении о «национальности» как «этнической характеристики нации» имеется в виду лишь та часть этноса, которая сопряжена с ней). Далее, «этническая» семантика слова «национальность» включает (во всяком случае в русском языке) такое значение, как просто принадлежность к определенной этнической единице, не только к нации, но также к народности и даже к так называемым национальным (этническим) группам, под которыми обычно понимаются те части этноса, что находятся за пределами нации и народности. Еще одно значение слова «национальность» — это этнические общности, предшествующие нации (в первую очередь народности), притом понимаемые не только как этносы, но и как этносоциальные образования*. Наконец, перечисляя значения слова «национальность», вряд ли следует полностью игнорировать и употребление его в ряде западноевропейских языков в смысле «гражданство», «подданство» (английское — *nationality*, французское — *nationalité*). Это не лишне учитывать хотя бы уже потому, что именно с таким значением мы сталкиваемся в ходе все расширяющихся международных научных связей, прежде всего в области общественных наук. К тому же следует иметь в виду, что в русском языке прилагательное «национальный», этимологически связанное со словом «национальность», нередко (в виде кальки с западноевропейских языков) употребляется в значении «государствен-

---

самосознанием этнической принадлежности, а именно теми социально-экономическими и политическими связями, которые складываются в ходе исторического развития» (*Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР...*, с. 54—55). Вместе с тем он определяет национальность как совокупность «черт и признаков, по наличию которых люди определяют свою принадлежность к нации, народности, национальной и этнической группе» (там же, с. 54). Совершенно очевидно, что если использовать это определение, то в одной национальности окажутся представители и нации и одноименной национальной группы, независимо от того, обладают ли они одинаковыми или разными социально-экономическими параметрами, имеют или не имеют общую территорию.

* В этой связи следует напомнить, что еще в 1941 г. советский историк И. В. Арский, сославшись на отдельные высказывания Ф. Энгельса, предложил обозначить словом «национальности» общности, непосредственно предшествующие нации (*Арский И. В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе.* — Учен. зап. ЛГУ. Серия исторических наук, 1941, вып. 12, с. 116). Недавно это предложение было поддержано (правда, с некоторыми оговорками) А. Козингом, полагающим, что одно из основных (двух) значений слова национальность — форма, исторически предшествовавшая нации и представляющая собой ее естественноисторическую этническую основу (*Козинг А. Нация в истории и современности*, с. 154—162). На наш взгляд, это предложение, однако, недостаточно эффективно, поскольку еще более расширяет семантику и без того многозначного слова «национальность».

ный» (например, «национальный доход», «национальные вооруженные силы» и т. п.).

Вся эта многозначность существительного «национальность», а тем более прилагательного «национальный» неизбежно порождает недоразумения, связанные с их неадекватным толкованием, создает дополнительные трудности на пути углубленного изучения национальных явлений. Поэтому представляется необходимым как-то размежевать хотя бы основные значения интересующих нас терминов. На наш взгляд, в известной мере такой цели можно достичь путем добавления к слову «национальность» (resp. — «национальный») специальных «индикаторов». Для начала предложим один такой индикатор, призванный подчеркнуть употребление этого слова в собственно этническом значении (в смысле «этнокос»): имеется в виду использовать термин «этнонациональность» * (resp. — «этнонациональный»).

Вернемся, однако, к основному нашему вопросу — сопоставлению этнокозов и эсо в целом. В частности, подчеркнем, что последние в своей совокупности (в отличие от первых) полностью не исчерпывают всей ойкумены. Дело в том, что в большинстве социальных организмов (во всяком случае современных) обычно наряду с основной этнической общностью, образующей эсо (или основными общностями, образующими ряд эсо), присутствуют бóльшие или меньшие иноэтнические вкрапления — осколки этнокозов, ядра которых находятся в других социальных организмах. При этом такие вкрапления могут находиться в компактном и в дисперсном состоянии. Первые из них принято именовать этноареальными, вторые — этнодисперсными группами ⁸².

Хотя такие группы и не представляют эсо, однако они, разумеется, не лишены определенных социальных параметров. Вообще этнокос в объективной реальности не существует вне социальных институтов ⁸³. Причем роль последних могут выполнять самые различные социальные общности. В случае, когда этнокос образует эсо, в такой роли, как мы знаем, выступает государство (точнее, социальный организм) **; в случае, когда он образует этноареальную или этнодисперсную группу, — семья, община и т. п. Поэтому, когда речь идет об отдельных частях этнокозов, обособленных от их основного массива, очевидно, можно эти части рассматривать как этносоциальные группы. Иногда такие группы имеют несколько иные этносоциальные параметры, чем основной этнический массив государства (например, в средние века немецкие переселенцы в некоторых славянских странах, имевшие особые льготные права); чаще же этноареаль-

* Ср. в английском языке термин «ethnic nationality» употребляемый для обозначения этнической принадлежности.

** Следует иметь в виду, что отдельные этнокозы вообще не имеют «своего» эсо (таковы, например, цыгане).

ные и этнодисперсные группы бывают теснейшим образом вовлечены в систему социально-экономических связей, характерных для того социального организма, в пределах которого они находятся*. Именно поэтому различные части одного и того же этникоса могут иметь далеко не одинаковые экономические параметры и даже принадлежать, как уже говорилось, к разным социально-экономическим формациям. Поэтому вряд ли было бы верно полагать, что каждому этникосу таксономически соответствует вся совокупность соответствующих однотипных этносоциальных общностей (как эсо, так и микроэтносоциальных ячеек). Ведь критерии типологизации для этносоциальных общностей (в том числе эсо) несколько иные, чем для этникосов: не только собственно этнические, но и социально-экономические**.

Даже самые малочисленные этнические группы, существующие в форме отдельных «простейших» социальных институтов-семей, обладают способностью к самопроизводству. Однако такое воспроизводство обычно относительно кратковременно (ограничивается двумя-тремя поколениями). В данной связи, в частности, достаточно показательны отдельные факты сравнительно быстрой ассимиляции малых этнических групп, оказавшихся вне «своей» родо-племенной или социально-политической общности. Более крупные этнические группы, как правило, сохраняются значительно дольше. Но особенно это характерно для тех частей этникосов, которые имеют свой социальный организм, т. е. выступают как эсо.

При классификации этнических общностей следует также учитывать и то, что этникосы, возникшие на разных стадиях социально-экономического развития человечества, нередко сосуществуют одновременно. В частности, многие этникосы, появившиеся еще в далеком прошлом, сохраняются до наших дней. И хотя суть конкретных этнических образований в каждый данный момент определяется социально-экономическими чертами, обусловленными их формационной принадлежностью, тем не менее

* Нередко такие группы стремятся, используя этнический фактор, «институализироваться» как целое, создавая те или иные общие образования культурного, религиозного и даже административного характера.

** Если и этникосы, и эсо нами относятся к основным этническим подразделениям, то в каждом из этих случаев мы исходим из разных соображений. В первом случае имеется в виду, что этникосы — основные подразделения во всей иерархии собственно этнических общностей (об этом подробнее см. следующий очерк данной книги), во втором — то, что именно эсо (а не мелкие этносоциальные группы) выступают основными единицами всемирно-исторического процесса смены социально-экономических формаций.

Таким образом, очевидно, не следует смешивать качественные и количественные критерии типологизации этнических общностей. Действительно, в количественном отношении (по общей численности членов) каждому этникосу примерно соответствует совокупность всех одноименных этносоциальных ячеек.

стадиально-генетические факторы обычно сказываются на «внешних» параметрах таких общностей (масштабах, структуре и т. п.). Поэтому представляется целесообразным терминологически фиксировать то обстоятельство, что одни из этникозов (этносов) возникли еще в условиях первобытнообщинного строя (например, многие народы Севера), другие — в докапиталистических классовых обществах (например, русские), третьи — при капитализме (например, французы) и социализме (например, алтайцы). При этом первый тип этникозов (этносов) предлагается именовать «палеогенетическими», второй — «архогенетическими», третий — «неогенетическими».

Этникозы и эсо — основные виды этнических общностей. Но этническая структура человечества ими не исчерпывается. По мнению ряда советских специалистов, в том числе автора этих строк, она иерархична и наряду с основными этническими подразделениями в ней имеются общности других уровней. Соответственно понятие «этническая общность» шире, чем «этнос»; оно охватывает различные в таксономическом отношении единицы⁸⁴.

Иерархичность, однако, характерна не только этническим общностям, но и иным историко-культурным образованиям. Поэтому вопрос о различных таксономических уровнях этнической структуры человечества представляется более целесообразным рассмотреть в следующем очерке, специально посвященном анализу иерархической структуры основных видов историко-культурных общностей.

¹ См., например: *Кушнер П. И.* Национальное самосознание как этнический определитель.— КСИЭ, 1949, вып. 8; *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей: К методологическим проблемам этнографии.— ВФ, 1964, № 11; *Козлов В. И.* О понятии этнической общности.— СЭ, 1967, № 2; *Лашук Л. Н.* О формах донациональных этнических связей.— ВИ, 1967, № 4; *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4; *Бромлей Ю. В.* К вопросу о сущности «этноса».— Природа, 1970, № 8; *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, № 3; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973; *Пучков П. И.* О соотношении конфессиональной и этнической общности.— СЭ, 1973, № 6; *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, № 2; *Першиц А. И., Покшишевский В. В.* Ипостаси этноса.— Природа, 1978, № 12, с. 106—113, и др.

² См.: *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос».— Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР, 1967, вып. 3. (Ср.: *Широкогоров С. М.* Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923, с. 13, 122.)

³ См., например: *Naroll R.* On Ethnic Unit classification.— Current Anthropology, 1964, v. 5, oct., N 4.

⁴ См.: *Могилянский Н. Н.* Этнография и ее задачи.— В кн.: Ежегодник Русского антропологического общества. 1908, III, с. 102—105.

⁵ См., например: *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей.— В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, с. 154.

⁶ О понятии «социальный организм» см.: *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— *ВИ*, 1966, № 8, с. 88—106.

⁷ О понятии «лингвоним» см.: *Дуличенко А. Д.* Очерки общей и русской лингвоники.— *Учен. зап./Тарт. гос. ун-т. Тарту*, 1978, вып. 442, с. 23—52.

⁸ См.: *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания..., с. 84.

⁹ См.: *Хабibuлин К. Н.* Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. Пермь, 1974, с. 52—59.

¹⁰ Там же, с. 53.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 25.

¹² См. об этом, например: *Бадалян И. А.* Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада.— *СЭ*, 1976, № 1, с. 155—165.

¹³ О значениях слова «национальность» см. с. 38—40.

¹⁴ См.: *Бромлей Ю. В.* Опыт типологизации этнических общностей.— *СЭ*, 1972, № 5, с. 65.

¹⁵ См. с. 27.

¹⁶ См.: *Кожанов А. А.* Внешность как фактор этнического сопоставления (к вопросу о методике изучения).— *СЭ*, 1977, № 3, с. 15.

¹⁷ См.: *Ефимов А. В.* Социальный аспект биологической категории «раса».— В кн.: *Против расизма*. М., 1966, с. 27—46.

¹⁸ См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 28—30.

¹⁹ Специальный критический анализ такого рода представлений см.: *Козлов В. И.* О биолого-географической концепции этнической истории.— *ВИ*, 1974, № 12; *Першиц А. И., Покшишевский В. В.* Ипостаси этноса.

²⁰ См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия.— *СЭ*, 1969, № 6; *Он же.* Этнос и этнография, с. 114—124.

²¹ См.: *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969, с. 61.

²² Подробнее о понятии «этническая культура», ее структуре, функциях и механизме воспроизводства см.: *Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума*. Ереван, 1978.

²³ *Leroi-Gourhan A.* Le geste et la parole: La mémoire et les rythmes. Paris, 1945, p. 93; *Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука*. Л., 1979, с. 27.

²⁴ *Козлов В. И.* Этнос и культура.— *СЭ*, 1979, № 3, с. 74—78, 80.

²⁵ См., например: *Токарев С. А.* Проблемы типов этнических общностей (К методологическим проблемам этнографии), с. 43—46.

²⁶ См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 31.

²⁷ См.: *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 44.

²⁸ См., например: *Калхатчян С. Т.* К вопросу о понятии «нация».— *ВИ*, 1966, № 6, с. 42; *Мнацаканян М. О.* Нация и национальная государственность.— *ВИ*, 1966, № 9, с. 35. По мнению С. А. Токарева, особенности быта и культуры представляют второстепенные этнические признаки (*Токарев С. А.* Введение.— В кн.: *Основы этнографии*. М., 1968, с. 9).

²⁹ Из последних работ в этой связи см.: *Козлов В. И.* Этнос и культура, с. 79.

³⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

³¹ Ср.: *Strobach H.* Lenins Zwei-Kulturen Theorie und der Begriff der Volkskultur.— In: *Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Völkerkunde*. Dresden — Berlin, 1976, Bd 35, S. 33—42.

³² Ср.: *Бурмистрова Т. Ю.* Некоторые вопросы теории нации.— *ВИ*, 1966, № 12, с. 104—105; *Ломидзе Г.* Национальная культура и народность литературы.— *Дружба народов*, 1971, № 2, с. 253.

³³ *Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях*. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974, с. 32.

³⁴ *Пименов В. В.* О некоторых закономерностях в развитии народной культуры.— *СЭ*, 1967, № 2, с. 7—8.

³⁵ *Соколов Э. В.* Культура.— *Учен. зап./Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Философские исследования*. Л., 1968.

- ³⁶ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4, с. 98.
- ³⁷ См., например: Агаев А. Г. Социалистическая национальная культура. М.: Политиздат, 1974, с. 41.
- ³⁸ См.: Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной дипамики. В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 31—44.
- ³⁹ См.: Кон И. С. Проблема детства в современной американской этнопсихологии (об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинг).— СЭ, 1977, № 5.
- ⁴⁰ Ср.: Смирнов Ю. И. О народном самосознании (по фольклорным материалам).— В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, с. 61.
- ⁴¹ См.: Козлов В. И. Проблема этнического самосознания..., с. 87 и сл.
- ⁴² См.: Современное революционное движение и национализм. М.: Политиздат, 1973, с. 115—119; Артановский С. Н. Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной буржуазной этнографии и социологии.— В кн.: Актуальные проблемы этнографии и современная буржуазная наука. Л., 1979, с. 11.
- ⁴³ Ср.: Современное революционное движение..., с. 79—86.
- ⁴⁴ Подробнее см.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— Расы и народы. М.: Наука, 1972, вып. 2, с. 19.
- ⁴⁵ Кобищанов Ю. М. Этнос и информация.— В кн.: Семиотика средств массовой информации. М., 1973, ч. II, с. 5.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации..., с. 22.
- ⁴⁸ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия, с. 84—91.
- ⁴⁹ См.: Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации..., с. 89; Дашдамиров А. Ф. Нация и личность, с. 70; Козинг А. Нация в истории и современности. М.: Прогресс, 1978, с. 162 и сл.
- ⁵⁰ О различных значениях слова «национальность», см. с. 38—40, 329.
- ⁵¹ Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос».— Расы и народы. М.: Наука, 1971, вып. 1, с. 27.
- ⁵² Цемерян И. П. Некоторые актуальные вопросы..., с. 26 (курсив мой.— Ю. Б.).
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ См.: Национальные проблемы Канады. М., 1972, с. 166.
- ⁵⁵ Известно, что далеко не всякая общность есть тождество.
- ⁵⁶ Цемерян И. П. Некоторые актуальные вопросы..., с. 26 (курсив мой.— Ю. Б.).
- ⁵⁷ Цемерян И. П. Некоторые актуальные вопросы..., с. 25.
- ⁵⁸ Там же, с. 26.
- ⁵⁹ См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966, с. 84—85; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 10—11.
- ⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 590.
- ⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148—149 (курсив мой.— Ю. Б.).
- ⁶² Цемерян И. П. Некоторые актуальные вопросы..., с. 25 (курсив мой.— Ю. Б.).
- ⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148—149.
- ⁶⁴ См.: Страны и народы: Земля и человечество. М.: Мысль, 1978, с. 337—339.
- ⁶⁵ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этносоциальный организм.— Вестн. Академии наук СССР, 1970, № 8.
- ⁶⁶ См.: Люблинская А. Д. К вопросу о развитии французской народности (IX—XV вв.).— ВИ, 1953, № 9, с. 78—96; Покровская Л. В. Провансализм (К вопросу о языковых отношениях в Южной Франции).— В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970, с. 83—100.
- ⁶⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.
- ⁶⁸ Там же.

- ⁶⁹ Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития, с. 30.
- ⁷⁰ См.: Козинг А. Нация в истории и современности, с. 143.
- ⁷¹ Потиха З. А. Современное русское словообразование. М., 1970, с. 321.
- ⁷² Лопатин В. В. Рождение слова: Неологизм и окказиональные образования. М., 1973, с. 15—16.
- ⁷³ Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. 2-е изд., с. 14.
- ⁷⁴ Там же, с. 26.
- ⁷⁵ См.: Джунусов М. С. Общественный прогресс и национальные отношения. Алма-Ата, 1976, с. 42.
- ⁷⁶ Страны и народы: Зарубежная Азия: Общий обзор. Юго-Западная Азия. М.: Мысль, 1979, с. 127.
- ⁷⁷ См.: Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей..., с. 53.
- ⁷⁸ Цемерян И. П. Некоторые актуальные вопросы..., с. 26.
- ⁷⁹ См. выше, с. 32—33.
- ⁸⁰ Козинг А. Нация в истории и современности, с. 167—172. (Ср.: Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР..., с. 55—58).
- ⁸¹ Козинг А. Нация в истории и современности, с. 167—172.
- ⁸² См.: Современные этнические процессы. М., 1977, 2-е изд., с. 17.
- ⁸³ В данной связи привлекает внимание мнение М. И. Артамонова, что этнос сам по себе — аморфное явление (Артамонов М. Снова «герои» и «толпа». — Природа, 1971, № 2, с. 76).
- ⁸⁴ См.: Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей..., с. 96.

ИЕРАРХИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ

Хотя этнография призвана прежде всего изучать этносы, но этим ее исследовательские объекты далеко не исчерпываются. В конечном счете последние включают и все разновидности историко-культурных общностей. Их характеристике в последнее время нашей этнографической литературой также уделяется немало внимания¹. Настоящий очерк представляет собой попытку суммировать, а вместе с тем и уточнить существующие наблюдения (в том числе и собственные), касающиеся типологизации основных видов историко-культурных общностей и установления иерархии их соотношения.

Представление о таких общностях исходит из того факта, что культура человечества, будучи по сути единой, в своих конкретных проявлениях отличается чрезвычайным многообразием. И если рассматривать ее в синхронно-глобальном плане, то в ней окажется возможным выделить множество различных, взаимопересекающихся общностей. В диахронно-генетическом плане они представляют собой исторически сложившиеся образования. Соответственно в целом подобные общности могут быть названы «историко-культурными». Однако сразу же следует подчеркнуть, что к таковым мы относим лишь те общности, которые проявляют

ся не в одном компоненте культуры (подобных общностей можно выделить бесчисленное множество), а в целом их комплексе, хотя последний в конечном счете может определяться отдельными системообразующими факторами (например, хозяйством, языком, религией и т. п.).

Историко-культурные общности могут быть подразделены на две основные категории, находящиеся в определенном взаимоотношении друг с другом. Одна из них — этнические общности, которые не только отличаются устойчивостью исторически сложившихся черт культуры, но и обладают самосознанием, придающим им особую отчетливость. Предыдущий очерк избавляет нас от необходимости давать здесь сколько-нибудь подробную характеристику основных этнических подразделений — этникосов и этносоциальных организмов (эсо). Поэтому остановимся лишь на вопросе об иерархичности этнических общностей. Как уже не раз отмечалось нами, наряду с этническими подразделениями основного уровня в этнической структуре человечества имеются общности и других таксономических уровней². Это, с одной стороны, «элементарные этнические единицы» («микроэтнические единицы»), т. е. наименьшие составные части основного этнического подразделения, которые представляют предел делимости последнего, с другой — «макроэтнические единицы» («метаэтнические общности»)³ — образования, охватывающие несколько основных подразделений. При этом основные этнические подразделения — этносы отличаются от метаэтнических общностей большей интенсивностью этнических свойств (как этноинтегрирующих, так и этнодифференцирующих). В данной связи следует заметить, что для обозначения рассматриваемых образований наименование «метаэтнические» представляется более предпочтительным, чем «макроэтнические», уже хотя бы потому, что последнее может быть понято просто как «крупные этносы». К тому же нельзя не учитывать, что у этих образований общность, как только что отмечалось, менее интенсивна, чем у этносов, а их наименование «макроэтническими» может дать повод для противоположного заключения. В то же время в рассматриваемом контексте термин «метаэтническая общность», на наш взгляд, удобнее термина «надэтническая»⁴, поскольку в последнем случае речь идет об образованиях, которые могут быть полностью лишены этнических свойств* (между тем у интересующих нас объединений, есть, как мы еще в этом не раз сможем убедиться, определенные признаки, сближающие их с этносами, — общие черты культуры и единое самосознание). Основательными представляются и общие соображения авторов, предложивших термин «метаэтнические общно-

* Аналогичным образом дело обстоит и с термином «межэтническая общность». Он не предполагает обязательное наличие у обозначаемого им образования единых этнических черт.

сти», а именно, что его введением подчеркиваются два обстоятельства: 1) метаэтническая общность представляет совокупность этносов (по аналогии с термином «метагалактика») и 2) эти общности находятся в состоянии перехода, изменения состояния (по аналогии с понятием «метастабильное состояние») ⁵.

Подобно основным этническим единицам — этносам (этнокосам и этносоциальным организациям) метаэтнические общности могут быть подразделены на этносоциальные и собственно этнические. Первые чаще всего выступают как метаэтнополитические* общности, вторые — только как метаэтнокультурные. Поскольку в последнем случае системообразующим фактором, основным объективным основанием для выделения этнокультурных метаобщностей служат те или иные компоненты культуры, эти общности в свою очередь могут быть метаэтнолингвистическими, метаэтноконфессиональными, метаэтнохозяйственными и т. п. При этом помимо общности по соответствующему основному компоненту культуры (языку, религии, типу хозяйства) такие образования имеют общие черты в некоторых других связанных с ним сферах повседневной культуры, т. е. в конечном счете являются комплексными.

Несколько особое место в этнической иерархии занимают микроэтнические единицы, представляющие предел делимости основной этнической общности. Как и применительно ко всем другим этническим подразделениям, так и в данном случае, разумеется, следует различать два аспекта: собственно этнический и этносоциальный.

Поскольку предел делимости этникоса, при котором в основном сохраняются его свойства, представляет отдельный человек, очевидно, что он и является собственно этнической микроединицей. Существует предложение (правда, еще недостаточно прочно утвердившееся в науке) именовать человека в роли носителя этнических свойств, этнической информации — «этнофором» (от древнегреч. этнос + несущий — φέρων εθνος +) ⁶. Совершенно очевидно, что своеобразие этнофора в этнической иерархии заключается прежде всего в том, что в отличие от всех других ее подразделений он не способен самостоятельно обеспечить межпоколенное воспроизводство этнических свойств.

К микроэтносоциальным единицам следует прежде всего отнести такую элементарную общественную ячейку, как семья, которой принадлежит немалая роль в воспроизводстве этноса, межпоколенной трансмиссии этнических свойств.

---

* Представляется целесообразным в данном случае (как и в других подобных) использовать префикс *мега*, поскольку без его добавления к термину «этнополитическая общность» последняя легко может быть понята как отдельная разновидность основного этнического подразделения — этнос, сопряженный с государственно-политическим образованием.

Промежуточное положение между микроэтническими единицами и этносами занимают «субэтноты». Обычно их существование связано с осознанием групповых особенностей тех или иных компонентов культуры. Происхождение таких групп далеко не одинаково. В одних случаях это бывшие этноты, постепенно утратившие роль основных этнических подразделений, в других — бывшие этнографические группы, осознавшие свою общность, в третьих — социальные общности, обладающие специфическими чертами культуры (например, донские казаки). Особое место среди субэтнотов принадлежит тем, что возникли на основе расовых групп. В частности, очевидно, негров США можно рассматривать как субэтнос североамериканской нации (этносоциальной общности).

Таким образом, один и тот же человек может одновременно входить в несколько этнических общностей различных уровней. Например, можно считать себя русским (основное этническое подразделение), донским казаком (субэтнос) и славянином.

Этнические общности во всем многообразии их таксономических уровней следует отличать от так называемых этнографических общностей. Такого рода общности выступают в двух основных разновидностях: «этнографические группы» и «историко-этнографические области». Под этнографическими группами принято понимать те локальные (внутренние) подразделения этноса-народа, у которых имеются отдельные специфические элементы культуры⁷. Очевидно, однако, что различие в таксономическом уровне (более низком, чем у этноса) не может служить критерием для разграничения между этническими и этнографическими общностями. Ведь под второй разновидностью этнографических общностей — историко-этнографической областью обычно понимается ареал, охватывающий несколько этносов-народов⁸, т. е. категория, имеющая в пространственном плане более высокий таксономический ранг, чем этнос.

Поэтому представляется целесообразным за основу разграничения этнических и этнографических общностей принимать не таксономические различия пространственного характера, а общий качественный критерий. Таковой, на наш взгляд, достаточно отчетливо проступает при сопоставлении понятий «этнос» и «историко-этнографическая область». Будучи, как и этнос, комплексной (многокомпонентной) культурной общностью, историко-этнографическая область отличается от него тем, что она обычно не осознается людьми, составляющими ее, т. е. не обладает самосознанием. Данный показатель, на наш взгляд, и должен служить основным критерием при разграничении этнических и этнографических общностей вообще. Для этого имеются тем большие основания, что в таком случае название «этнографическая общность» будет прямо выражать возможность выявления подобных общностей лишь путем специального этнографического ис-

следования. Приложение же этого критерия к термину «этнографическая группа», в свою очередь, позволяет отграничить обозначаемые им общности от тех отмеченных специфическими чертами культуры совокупности людей внутри этносов, которые обладают самоназванием. Именно такого рода этнические подразделения предлагается, как уже говорилось, именовать субэтнотами*. И, следовательно, поморы и различные группы казаков, обладающие самосознанием, будут представлять собой субэтноты русского народа, а северные и южные русские — его этнографические группы.

Следует, в свою очередь, различать внутриэтнические историко-этнографические общности (этнографические группы) от общностей межэтнических, охватывающих несколько этносов. В последнем случае под ними понимаются части ойкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния сложились сходные культурно-бытовые черты⁹. Эти черты проявляются как в материальной, так и в духовной традиционной культуре, особенно в тех ее элементах, что несут эстетическую нагрузку. Нередко такого рода черты в значительной мере обусловлены природной средой (не случайно историко-этнографические общности подчас в большей или меньшей степени совпадают с географическими ареалами). Еще один путь возникновения историко-этнографических образований — трансформация метаэтнополитических общностей в результате утраты ими своих государственных функций и самосознания. Одна из характерных черт генезиса историко-этнографических общностей состоит в том, что все они формируются на протяжении длительных периодов времени в ходе культурной интерференции соседних народов. В силу этого структура таких общностей многослойна, а границы довольно лабильны. Для этих образований присуще также сохранение основных черт культуры на протяжении многих и многих поколений. Их скорее следует именовать «традиционно-культурными» (и такое наименование, на наш взгляд, предпочтительнее). Представляется также важным учитывать, что в пространственном плане традиционно-культурные общности имеют разные таксономические уровни. Соответственно среди них возможно выделение наиболее крупных единиц — «провинций», которые охватывают целые части света или большие группы соседствующих стран, и меньших — «областей», в свою очередь дробящихся на подобласти и небольшие историко-культурные регионы¹⁰, а в конечном счете на этнографические группы. Таким образом, складывается своеобразная иерархия историко-этнографических (традиционно-культурных)

* Ранее такое этническое подразделение нами именовалось «этнической группой» (См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 33). Между тем последний термин, как уже говорилось, больше подходит для обозначения «осколков» этноса.

единиц: этнографическая группа, историко-этнографическая область и историко-этнографическая провинция. Например, Юго-Восточноазиатская провинция, по наблюдениям специалистов, на рубеже XIX—XX вв. включала Западноиндокитайскую (Бирма, Таиланд), Восточноиндокитайскую (Лаос, Камбоджа, Вьетнам), Западноиндонезийскую (Малайзия, Суматра, Ява, Мадуро, Бали, Калимантан и соседние острова), Восточноиндонезийскую (весь остальной Малайский архипелаг) и Филиппинскую области¹¹. Другой пример — Сибирская историко-этнографическая провинция. В ней выделяются такие области, как Ямало-Таймырская, Западносибирская, Алтае-Саянская, Восточносибирская, Камчатско-Чукотская и Амуро-Сахалинская¹².

Впрочем, определение критериев для разграничения всех уровней историко-этнографических (традиционно-культурных) общностей — задача весьма сложная. Это обусловлено генетической и структурной многослойностью таких образований, размытостью их границ.

Наряду с такого рода «многофакторными» общностями могут быть выделены, так сказать, «однофакторные» историко-культурные ареалы. Основная системообразующая роль в них принадлежит отдельным компонентам культуры, причем эти компоненты в той или иной мере налагают свой отпечаток и на другие ее традиционно-бытовые сферы; вместе с тем в отличие от однофакторных метаэтнических общностей рассматриваемые историко-культурные ареалы не обладают четким самосознанием. В тех случаях, когда в качестве системообразующего фактора выступает язык, эти ареалы могут быть названы лингвоэтнографическими (такие ареалы могут возникнуть на базе метаэтнолингвистических общностей), когда же религия, — конфессионально-этнографическими. Могут играть системообразующую роль и типы традиционного хозяйства — в таком случае мы будем иметь хозяйственно-культурные ареалы (не следует смешивать с хозяйственно-культурными типами*, поскольку каждый хозяйственно-культурный ареал представляет конкретное выражение того или иного из таких типов).

Подобно этническим историко-этнографические (традиционно-культурные) общности «пересекаются» с определенными социально-экономическими (как отдельными социальными организмами, так и целыми группами социальных организмов, принадлежащих к одной социально-экономической формации). Например, Афри-

---

* Вводя понятие «хозяйственно-культурные типы», М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров пишут, что имеют в виду «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития» (Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности: К постановке вопроса. — СЭ, 1955, № 4, с. 4).

канская тропическая историко-этнографическая провинция, включающая часть континента южнее Сахары, еще в недавнем прошлом состояла из отставших в своем социально-экономическом отношении стран, являвшихся в подавляющем большинстве колониями европейских держав¹³. В результате синтеза историко-этнографических (традиционно-культурных) и социально-экономических общностей складываются особые образования, которые условно могут быть названы «социокультурными регионами»¹⁴.

Таким образом, можно выделить две основные разновидности историко-культурных образований: этнические и историко-этнографические (традиционно-культурные) общности. Каждая из них имеет несколько таксономических уровней и, пересекаясь с социальными общностями, образует «синтетические» этносоциальные и этнографосоциальные (или социокультурные) единицы; кроме того, историко-этнографические общности (впрочем, так же, как и метаэтнические) могут быть подразделены на «комплексные» (многофакторные) и «однокомпонентные» (одnofакторные).

В каждый данный момент взаимопересечение огромного числа этих общностей самого различного вида образует сложную сеть, представляющую как бы пространственное строение культуры всего человечества. Во временном плане данная сеть, как и ее составляющие, основой которых, как правило, является традиционная культура, отличается значительной устойчивостью. Большинство из этих составляющих существует довольно длительное время, некоторые даже на протяжении нескольких социально-экономических формаций.

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на свою устойчивость, все историко-культурные общности (как этнические, так и историко-этнографические) представляют собой динамические явления, подверженные в той или иной мере изменениям во времени. Такие изменения нередко сопровождаются трансформацией одного вида этих общностей в другой. Так, у этнографической группы может появиться сознание общности (самосознание) и она в таком случае превратится в субэтнос; в свою очередь, субэтнос, утратив самосознание, может трансформироваться в этнографическую группу. Аналогичные превращения могут также иметь место между метаэтническими общностями и теми видами историко-культурных макрообщностей (в том числе историко-этнографических), которые не обладают самосознанием (например, этнографолингвистическая общность, приобретя самосознание, становится метаэтнолингвистической). Возможны также трансформации противоположной направленности.

Этническая история человечества знает немало подобных превращений. На первый взгляд, правда, может показаться, что они имеют хаотический характер. Такому представлению немало способствует значительная долговечность различных видов историко-культурных общностей и несинхронность их изменений.

Действительно, в силу этого в огромной массе взаимопересекающихся общностей такого рода весьма трудно отчетливо выявить общие тенденции их динамики. И все же кажется, что если рассматривать указанные превращения во всемирно-историческом масштабе, то некоторые их закономерности могут быть намечены.

Важнейшая из них — постепенное увеличение масштабов этнических общностей. При этом проступают два основных модуса реализации данной тенденции. Один из таковых связан с трансформацией в новые этнические подразделения макротнических образований. Другой представляет собой процесс превращения историко-этнографических общностей в этнические. Следует, однако, учитывать, что в конкретно-исторической действительности оба указанные модуса, как правило, теснейшим образом переплетены друг с другом. Вопрос усложняется и наличием как бы противоположной тенденции — превращения этноса в историко-этнографическую или метаэтническую общность более крупного масштаба, которая, впрочем, со временем сама может стать этносом.

Так, в первобытном обществе отдельные племенные единицы, т. е. основные этносоциальные подразделения, в результате этноразделительных и ассимиляционных процессов (связанных с переселениями и завоеваниями) нередко «расширялись» до масштабов, многократно превосходящих размеры «материнской» общности. Такова, видимо, основная линия генезиса кельтов, германцев, славян и т. д. Основным системообразующим фактором для подобных образований обычно выступает язык, и в этом смысле они могут рассматриваться как лингвистические общности, которые, кстати сказать, сами часто образуют иерархию таксонов различного уровня¹⁵. Что касается внутренней этнической структуры этих общностей, то на разных стадиях социально-экономического развития таковая имела свои особенности: в доклассовых обществах они представляли «семьи племен», в раннеклассовых — совокупности народностей. Но в целом в том и в другом случае — это были либо историко-этнографические, либо метаэтнические образования, причем первые подчас трансформировались во вторые и наоборот. Например, древнегреческие племена во времена Гомера, несомненно обладавшие определенной культурной общностью, не имели, однако, общеэллинского самосознания; такое самосознание у них появляется лишь в VII в. до н. э. Примерно в то же время в древнем Китае для обозначения населения центральных царств (в бассейне Хуанхэ) входит в употребление общее наименование «ся»¹⁶. Известно также, что древние германцы, распадаясь на множество независимых, часто враждовавших между собой племен, долгое время не обладали сознанием своей общности и не имели даже общего самоназвания. «Имя же Германия, — писал Тацит, — новое и недавно вошедшее в употребление: сначала германцами называлось то пле-

мя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми... так стали называть всех (жителей Германии) по племени победителей из страха, а потом те сами усвоили себе имя (германцев — приданное им галлами)»¹⁷. Еще одним свидетельством аналогичных процессов могут служить славяне, у которых в раннее средневековье появляется представление о своей общности¹⁸. Таким образом, тенденция возникновения наряду с отдельными этносами более крупных историко-культурных межэтнических общностей прослеживается уже в доклассовое и раннеклассовое время, причем эти общности нередко в конечном счете превращаются из этнографических в этнические.

Несколько иной была судьба хозяйственно-культурных общностей, которые представляли один из наиболее ранних видов образований, охватывающих несколько этнических единиц. Разграничение между этими образованиями проводится в первую очередь не по языку, а по различным этнографическим признакам: преобладающему типу хозяйства (охота, собирательство, рыболовство, земледелие), образу жизни (оседлый, полукочевой, кочевой), формам орудий труда, одежды и других элементов материальной культуры. Как правило, такие общности обладали, по сравнению с другими, наименее выраженными формами общего самосознания и соответственно редко трансформировались в метаэтнические образования. Пожалуй, исключение представляют лишь хозяйственно-культурные объединения у кочевников. Такие объединения могли охватывать народы как родственные, так и не родственные по языку¹⁹. Наглядным примером лингвистически «сборной» метаэтнической общности могут служить кочевники «хамсе» Южного Ирана, включающие тюрко- и арабоязычные племена скотоводов, объединенные общими хозяйственно-культурными особенностями и имеющие ясно выраженное общее самосознание²⁰.

На рубеже доклассовых и раннеклассовых обществ появляется новая разновидность метаэтнических общностей — потестарно-политические. Применительно к последнему этапу доклассовых образований мы их характеризуем как потестарные²¹, а к классовым — как политические. Примером метаэтнопотестарной общности могут служить различные объединения североамериканских индейцев: лига прокезов, состоявшая сначала из пяти, а позднее шести племен; союз дакотских племен, известный под названием «Семь костров племенных советов»; союз команчей, включавший представителей трех семей племен (шошонаязычных команчей, сиуязычных айова и атапаскоязычных кайова); союз трех племен ацтеков и т. д.²² В Африке подобные образования возникали в самые различные периоды истории от древности до недавнего времени. Таков, например, союз племен азанда, образовавшийся в XIX в. на территории современных северных райо-

нов Республики Заир и Центральноафриканской Республики²³. Нельзя не напомнить о существовании разных форм межплеменных объединений в раннесредневековой Европе: кельтских, германских, славянских, балтийских и т. д. Позднее, как известно, не раз проявляется тенденция к формированию на базе остаточных форм этих образований новых основных этнических подразделений.

Эта тенденция, в частности, дает о себе знать уже на заре докапиталистических классовых обществ, когда происходит укрупнение основных этнических подразделений — возникновение народностей на основе нескольких племен (чаще родственных, но далеко не всегда только таких). Подобным образом возникло подавляющее большинство народностей древнего и средневекового миров: аккадцы, египтяне, латиняне, болгары, венгры, датчане, поляки, хорваты, провансальцы, фламандцы, шотландцы и т. д. Следует особо подчеркнуть, что, как правило, эти и им подобные новые основные этнические подразделения — народности возникают в рамках уже сложившихся метаэтнических общностей, которые как бы подготавливают их появление; в то же время бывшие основные этнические подразделения — племена превращаются в субэтноты или этнографические группы народностей.

Для нового дальнейшего «витка» в формировании основных этнических подразделений в известной мере подготовила почву тенденция возникновения макрообщностей в развитых докапиталистических обществах. Прежде всего имеются в виду метаэтнополитические образования, а также их «наследники» — историко-этнографические общности. Пожалуй, среди ранних проявлений этой тенденции наиболее показательно возникновение эллинского мира на развалинах державы Александра Македонского. Другим примером возникновения обширной этнополитической общности древнего мира может служить поздняя Римская империя с характерной для нее тенденцией к нивелировке населения, наиболее отчетливо проявившаяся в широком распространении римского гражданства и романизации*. Знает подобные метаэтнополитиче-

* *Кудрявцев О. А.* Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, с. 327—328. Существует, впрочем, мнение, что образования типа державы Александра Македонского или Рима «вряд ли могут считаться этнополитическими», поскольку они основаны «на завоеваниях, угнетении, экономической эксплуатации и бытовой дискриминации» (*Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности.— Расы и народы. М., 1976, вып. 6, с. 31). Однако при этом не учитывается, что подобные образования при всей их эфемерности действительно создавали определенную общность у входивших в них народов, о чем убедительно свидетельствует тот факт, что уже после распада этих образований следы такой общности сохранялись довольно долгое время. Поскольку к тому же мы имеем дело с государственно-политическими образованиями, охватывающими несколько этносов, постольку, очевидно, есть достаточно оснований квалифицировать их как метаэтнополитические.

ские общности и средневековье. Ранний этап в этом отношении может быть, например, представлен Арабским халифатом и империей Карла Великого; поздний — империей Чингисхана и его преемников, Габсбургской монархией, империей Великих Моголов, Османской империей. В конце средневековья новым специфическим импульсом для развития рассматриваемой тенденции послужило возникновение колониальных держав: сначала Испании и Португалии, а затем Голландии, Франции и Англии. Судьбы этих колониальных держав, как известно, были различны, но всюду они оставили большой или меньший след в культуре (прежде всего в языке и религии) местного населения: в первом случае главным образом в Латинской Америке и Африке, во втором, — преимущественно в Азии, Африке и Северной Америке.

В докапиталистических классовых обществах возникновение этнополитических образований подчас сочеталось с таким прежде не известным явлением, как складывание обширных межэтнических конфессиональных общностей. Начало этой тенденции приходится на эпоху перехода от рабовладельческого к феодальному обществу; конкретным же основанием для появления таких общностей послужили прежде всего так называемые мировые религии: буддизм, христианство и ислам. Сложившиеся на их базе межэтнические конфессиональные общности до сих пор охватывают немалую часть населения мира *. Базой для межэтнических конфессиональных общностей выступали некоторые другие религиозные учения. Примером может служить индуизм, пронизывающий всю общественную и культурную жизнь разноразличных народов Южной Азии (индоарийских, дравидских и частично тибетобирманских). Следует отметить существование своеобразной иерархии религиозных общностей, возникшей в результате наличия внутри мировых религий различных вероучений и сект (например, у христиан — православные, католики, лютеране и т. д.; у мусульман — сунниты и шииты). Разумеется, общности, возникавшие на конфессиональной основе, не следует отождествлять с этносами. В литературе справедливо отмечалось, что «все попытки вплотную сблизить эти два вида общности или подменить один из них другим не имеют достаточных оснований»²⁴. Можно согласиться и с утверждением, что из-за культурно-бытового и языкового разнообразия народов, принадлежащих к одной мировой религии, считать «всех христиан, мусульман или буддистов в целом этноконфессиональными общностями невозможно»²⁵. Вместе с тем представляется существенным подчеркнуть и другое: поскольку эти религии оказывали значительное, притом в

* В настоящее время по приблизительной оценке буддистов насчитывается около 250 млн. человек, мусульман — более 500 млн., христиан — свыше 950 млн. человек (Страны и народы: Земля и Человечество. М., 1978, с. 204).

разных странах примерно одинаковое воздействие на образ жизни своих последователей, постольку, видимо, есть достаточные основания рассматривать всю совокупность таких последователей как определенную культурную общность, которая в зависимости от наличия или отсутствия достаточно четкого общего самосознания могла иметь характер либо метаэтноконфессионального или этнографоконфессионального образования.

Своеобразно проявилась в докапиталистических классовых обществах и тенденция к формированию метаэтнолингвистических общностей. Она выразилась главным образом в распространении среди привилегированных слоев общества языков международного общения: в Средиземноморье в эпоху эллинизма это был древнегреческий, в средневековой Западной Европе — латынь, во всей Южной и значительной части Юго-Восточной Азии, начиная с рубежа нашей эры, — санскрит. С распространением ислама во многих регионах Африки и Азии такие функции стал выполнять арабский язык, а позже в Азии — также персидский (фарси), а в Восточной Африке — суахили. В Восточной Азии аналогичная роль с начала нашей эры принадлежала вэньяню (древнекитайскому литературному языку).

В переходный период от феодализма к капитализму существенные изменения начали происходить на уровне основных этнических подразделений — на смену народностям приходят нации. Хотя смена народности нацией — явление не имевшее полностью всеобщего характера, однако там, где она имела место, обычно наблюдалось увеличение масштабов новых этносоциальных общностей-наций по сравнению с предшествовавшими им этносоциальными образованиями. Один из путей этого увеличения — объединение в рамках нации нескольких народностей, обычно входивших в состав одной сложившейся еще в прошлом макрокультурной общности (метаэтнического или историко-этнографического характера). Простейший случай — формирование на рубеже средневековья и нового времени французской нации в результате слияния северофранцузской и провансальской народностей²⁶. Несколько более сложен случай возникновения испанской нации в ходе консолидации кастильской, арагонской, андалузской и других родственных народностей²⁷. Но особенно показательна в рассматриваемом отношении история складывания немецкой нации, вобравшей в себя более трехсот государств, отдельные из которых в конечном счете превратились в субэтноты (нижнесаксонцы, швабы, баварцы и т. д.). Важно подчеркнуть, что во всех этих случаях макрообщность (если не вся, то по крайней мере значительная ее часть) становится основным этническим подразделением. Вместе с тем весьма наглядно об увеличении масштабов нации по сравнению с отдельными вошедшими в ее состав подразделениями свидетельствуют случаи, когда в качестве последних выступают различные расовые группы. Такого рода процессы

особенно характерны для стран Латинской Америки. В разных из этих стран они, как известно, протекают далеко не с одинаковой скоростью (в первую очередь это зависит от степени расовой дискриминации), но само расовое смешение имеет место в каждой из них. Показательно в этом отношении, например, что в Бразилии в результате заключения межрасовых браков менее чем за 100 лет (с 1819 по 1910 г.) удельный вес лиц смешанного происхождения (главным образом метисов) возрос с 20 до 60% общей численности жителей²⁸.

Увеличение масштабов основных этнических подразделений имело место и в случаях «однолинейной» трансформации народности в нацию. Иногда такая трансформация сопровождалась ростом как ее численности, так и территории. Например, если сопоставить русскую нацию XVIII—XIX вв. с одноименной народностью XV—XVI вв., то окажется, что первая значительно превосходит вторую не только по числу входивших в ее состав людей, но и по площади занимаемой территории. Впрочем, чаще дело ограничивалось возрастанием главным образом численного состава нации по сравнению с одноименной народностью. Свидетельством этого могут служить, скажем, изменения в численности, произошедшие на рубеже средних веков и нового времени в тех европейских странах, для которых характерна «непосредственная» трансформация народностей в нации. Так, за 100 лет, с 1750 по 1850 г., население Италии, Австрии, Нидерландов возросло в 1,5 раза, Бельгии, Швеции — почти в 2, Норвегии, Шотландии, Ирландии — более чем в 2 раза²⁹. Наряду с увеличением количественных показателей при такого рода процессах следует учитывать и перемены, касающиеся качественных параметров этносоциальных общностей. Необходимо, в частности, иметь в виду дальнейшее повышение культурной однородности наций по сравнению с одноименной народностью, что особенно наглядно проявляется в формировании единого общенационального литературного языка, в постепенном исчезновении локальных различий в бытовой культуре. Существенно и то, что нация, как правило, превосходит народность интенсивностью внутренних культурно-информационных связей горизонтального (синхронного) характера³⁰.

В целом же в новое и новейшее время наряду с усилением внутренней однородности для основных этнических подразделений характерно, с одной стороны, сокращение их числа, с другой — повышение среди народов мира удельного веса крупных образований этого типа и преимущественное увеличение их численности. В наше время последняя тенденция с каждым десятилетием дает о себе знать все отчетливее. Если в 1959 г. на земном шаре насчитывалось 43 народа численностью свыше 10 млн. человек каждый (в том числе в Африке лишь 2 народа) и они составляли 75% народонаселения мира, то в 1975 г. таких народов было уже

60 (из них в Африке — 8), а их доля в мировом народонаселении составила около 80% ³¹.

В новое и новейшее время определенные изменения происходят также на уровне межэтнических общностей. Прежде всего в этой связи можно отметить возникновение метаэтнолингвистических образований, сложившихся в процессе колонизации европейскими народами «заморских» земель. Такие образования по сравнению с теми, что сложились на ранних стадиях исторического процесса, представляют как бы «вторичные» общности ³². Примером последних, в формировании которых часто участвовало аборигенное население, могут служить народы Латинской Америки, говорящие в большинстве на испанском языке, а также народы англосаксонской лингвистической группы, расселенные в настоящее время (помимо Европы) в Северной Америке, Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии и в некоторых других странах ³³. Начав формироваться еще в условиях колониальных держав, эти общности оказались во многом сопряженными с другими наследовавшими им культурными ареалами (культурно-бытовыми, религиозными и т. п.).

Одна из характерных черт тех изменений, которые происходят в новое и новейшее время с крупными культурными ареалами, — это тенденция превращения отдельных историко-этнографических (традиционно-культурных) общностей в метаэтнические образования. Так, в конце XVIII—XIX в. в результате усиления межславянских связей и распространения идей славянской общности возрождается общеславянское самосознание (фактически утраченное в эпоху развитого феодализма) и, стало быть, славяне из историко-этнографической общности вновь превращаются в метаэтнолингвистическую. Наблюдаются также отдельные всплески роста самосознания в рамках конфессионально-культурных общностей. Наглядной иллюстрацией этого может, например, служить та роль, которую сыграло сознание религиозной общности мусульман в образовании Пакистана или в создании Исламской республики Иран. Происходит и складывание политико-культурных метаэтнических общностей. Нередко это является по существу продолжением начавшихся еще в прошлом такого рода процессов. Примером может служить современная Индия, в которой идет культурная интеграция весьма пестрого по своему этническому составу населения — процесс, имеющий, несомненно, глубокие исторические корни ³⁴. В результате складывается многокомпонентная метаэтническая общность в общегосударственных масштабах. Вместе с тем сложность этнической структуры Индии способствует формированию региональных метаэтнолингвистических образований в результате распространения у населения таких языков межнационального общения, как языки хинди и урду. В известной мере аналогичные процессы протекают в Индонезии. Здесь, правда, возникло несколько очагов культурно-язы-

ковой консолидации. Однако большинство народов Индонезии говорит на близкородственных языках, обладает многими общими чертами традиционно-бытовой культуры и сознает свою принадлежность к общеиндонезийскому целому, хотя и имеет собственное этническое самосознание. К тому же, общим языком для всей Индонезии является не язык крупнейшего народа страны (яванцев), а развившийся на основе одного из малайских диалектов общеиндонезийский язык³⁵, что немало способствует процессу укрепления общегосударственной метаэтнической общности.

Развертываются процессы формирования метаэтнических общностей в последнее время также в государствах Тропической Африки. Такие процессы идут во многих из этих в большинстве своем полиэтничных стран (например, в Танзании, Нигерии, Гвинее, Мали)³⁶. Возникающие при этом новые образования подчас именуются нациями, однако если в данной связи иметь в виду не государственно-политическую, а только этносоциальную категорию, то в таком случае, как правило, речь может идти лишь о метаэтнополитических общностях. Это, разумеется, не исключает того, что со временем некоторые из них превратятся в этносоциальные образования — нации.

Интенсивно идут рассматриваемые процессы в социалистических государствах, чему немало способствует отсутствие в них антагонистических классов. Так, в результате этих процессов в СССР за годы Советской власти сформировалось новое по своей социальной сути межэтническое (межнациональное) образование — советский народ, который характеризуется наличием как государственно-политической, так и экономической, социально-классовой и культурной общности, а также общим самосознанием. Постепенно межэтнические общегосударственные образования складываются и в других социалистических странах, например в Югославии, Чехословакии, Вьетнаме³⁷.

Наряду с внутригосударственными межэтническими процессами идет также формирование новых межгосударственных историко-культурных ареалов. В странах социалистического содружества важнейшими предпосылками такого рода процесса выступает единство общественного строя этих стран, принадлежащих к одной и той же социально-экономической формации, интенсивное развитие между ними различных видов связей, начиная от экономических и кончая идеологическими и политическими. В частности, в сочетании с экономической интеграцией сотрудничество стран социалистического содружества в области искусства, науки и образования, их совместная идеологическая и политическая деятельность привели к складыванию определенной культурной общности этих стран, проявляющейся прежде всего в распространении среди населения общих духовных ценностей. Процессы дальнейшей интернационализации в сфере культуры протекают и в западноевропейских странах, чему (наряду с усилением их

экономической и политической интеграции) немало способствуют средства массовой информации.

Одним словом, в результате появления все новых и новых историко-культурных общностей, ареалы многих из которых в той или иной степени взаимопересекаются, их планетарная сеть как бы все более уплотняется.

Одновременно возрастает взаимодействие всех этих общностей, что немало способствует усилению удельного веса тех элементов культуры, которые в той или иной мере распространены по всему земному шару, т. е. приобретают общепланетарный характер. Основными местами формирования таких элементов культуры стали города, а технико-экономической основой для их появления послужило промышленное развитие. Огромная роль в распространении элементов этой индустриально-городской культуры * принадлежит тому факту, что общая, особенно характерная для эпохи НТР тенденция к ломке национальных перегородок не только в рамках двух мировых систем, но и в глобальных масштабах затрагивает и культуру, хотя в разных ее компонентах и проявляется неодинаково. Особенно наглядно процессы интернационализации проступают в материальной культуре. Это получило свое выражение прежде всего в широком распространении как в сфере производства, так и быта разнообразных промышленно-стандартизированных изделий: от станков и автомашин до повседневных бытовых аксессуаров (одежда, мебель, пища и т. п.), Все более интернациональный характер приобретают и отдельные стереотипы повседневного поведения (например, рукопожатия, правила уличного движения и т. п.). Сказались интеграционные тенденции и в сфере духовной культуры. Особое значение в этом отношении имело развитие в условиях НТР средств массовой коммуникации, в первую очередь различных способов тиражирования: книг, кино, радио, телевидения и т. п. Тем же целям служат и переводы, международные фестивали, обмен деятелями культуры и т. п. Все это сделало возможным распространение в глобальных масштабах одних и тех же элементов духовной культуры: от произведений искусства и художественной литературы до таких широко распространенных развлечений, как массовые зрелища, спорт, туризм и т. п.³⁸

Однако увеличение сходства между миром социализма и миром капитализма в сфере технологии, материальной культуры,

---

* Как справедливо отмечено в нашей литературе, элементы общемировой индустриально-городской культуры было бы неправильно отождествлять с европейскими (хотя предметы европейской культуры занимают в них видное место), или именовать «западной». «Достаточно вспомнить хотя бы, что такие характерные для этой культуры напитки, как чай, кофе, какао, имеют вовсе не европейское происхождение» (Аругюнов С. А. Этнографическая наука и культурная динамика.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1980, с. 36).

отдельных компонентов духовной жизни не дает оснований для утверждения о сглаживании различий между двумя мировыми системами. Нельзя при этом игнорировать коренные социально-классовые различия этих систем, обуславливающие диаметрально противоположность их идеологии, социально-политических целей и культивируемых духовных ценностей. Иными словами, надо учитывать, что интеграционная тенденция далеко не одинаково проявляется в различных сферах социальной жизни. К тому же хотя эта тенденция в конечном счете выступает доминирующей, однако она неразрывно связана с тенденцией дифференцирующего характера³⁹. Последняя, так же, как и первая, прослеживается на всем протяжении всемирной истории, наглядно проявляясь, в частности, в том, что каждой из рассмотренных выше историко-культурных общностей присущи не только объединительные, но и разъединительные, изолирующие функции. Вместе с тем каждой исторической эпохе присущи свои формы выражения дифференцирующей тенденции в сфере культуры. В наше время она особенно отчетливо проступает как в виде идеологической борьбы двух мировых систем, так и в том, что внутри самого капиталистического мира во многом углубляется социально-классовая дивергенция духовной жизни.

Противоборство двух основных тенденций социокультурного развития человечества наряду с другими противоречиями всемирно-исторического процесса, как известно, не раз приводило к острым катаклизмам. Однако в современных условиях такие катаклизмы отнюдь не фатальны. Именно поэтому еще и еще раз следует подчеркнуть, что различия в социальной структуре и идеологии социалистических и капиталистических стран отнюдь не являются препятствием для реализации принципов мирного сосуществования. Как известно, между странами, входящими в две различные мировые системы, могут развиваться и развиваются деловые отношения, базирующиеся на принципах взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела. Особенности современного научно-технического прогресса делают такого рода взаимоотношения между двумя социально-экономическими системами неизбежными. А это в свою очередь требует дальнейшего углубления и расширения международной разрядки, превращения мирного сосуществования в долгосрочно действующий фактор мирового развития.

¹ См.: Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: К постановке вопроса.— СЭ, 1955, № 4; Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1972, № 6; Бромлей Ю. В. К проблеме типологизации этнических общностей.— IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973. Доклады советской делегации). М., 1973; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области: Проблемы историко-этнографического районирования.— СЭ, 1975,

- № 3; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии.— СЭ, 1975, № 4; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности.— Расы и народы, М., 1976, вып. 6.
- ² См., например: Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса.— Природа, 1970, № 2; Он же. Опыт типологизации этнических общностей.— СЭ, 1972, № 6; Он же. Этнос и этнография. М., 1973.
- ³ См.: Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 17 и сл.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же, с. 17, прим. 5.
- ⁶ См.: Васильева Э. К., Пименов В. В., Христолюбова Л. С. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии: Программа и методика обследования.— СЭ, 1970, № 2, с. 57.
- ⁷ См.: Этнографическая группа.— БСЭ. 2-е изд., т. 49, с. 249.
- ⁸ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы..., с. 4—10.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 216.
- ¹¹ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии.— СЭ, 1975, № 4, с. 39—42.
- ¹² Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы..., с. 10—17.
- ¹³ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Опыт историко-этнографического районирования..., с. 34—38.
- ¹⁴ См.: Бромлей Ю. В. О соотношении историко-культурных ареалов и цивилизаций.— В кн.: Социология и проблемы социального развития. М., 1978, с. 276.
- ¹⁵ См.: Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 18—19.
- ¹⁶ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза.— Расы и народы, 1976, вып. 6, с. 44.
- ¹⁷ Taciti P. K. De origine of situ germanorum.— In: P. Cornelii Taciti libri qui superunt. Lipsiae, 1957.
- ¹⁸ Королюк В. Д. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 101—103.
- ¹⁹ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 21—22.
- ²⁰ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В. Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии.— ВИ, 1969, № 1, с. 98.
- ²¹ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 40; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 27.
- ²² Народы Америки. М., 1959, т. I, с. 209, 253; Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVII—XVIII вв. М., 1970, с. 138.
- ²³ Андрианов Б. В. Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки.— ВИ, 1967, № 9, с. 110.
- ²⁴ Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975, с. 170.
- ²⁵ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 24.
- ²⁶ Покровская Л. В. Провансализм: К вопросу о языковых отношениях в Южной Франции.— В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970, с. 83—100.
- ²⁷ Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа. М., 1966, с. 413—414.
- ²⁸ Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969, с. 350—351.
- ²⁹ Урланис Б. Ц. Рост народонаселения в Европе. М., 1941, с. 414—415.
- ³⁰ Аругюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— Расы и народы. М., 1972, вып. 2, с. 27.
- ³¹ См.: Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977, с. 33.
- ³² Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 20.

- ³³ Брук С. И. Этнический состав населения мира.— В кн.: Атлас народов мира. М., 1964, с. 130—140.
- ³⁴ Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация: Философия. Наука. Религия. М., 1980.
- ³⁵ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 36.
- ³⁶ См.: Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы Тропической Африки. М., 1973.
- ³⁷ См.: Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии.— СЭ, 1969, № 1; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 39.
- ³⁸ См.: Страны и народы: Земля и Человечество, с. 323.
- ³⁹ См.: Бромлей Ю. В. Интернациональное и национальное в строительстве социализма.— СЭ, 1977, № 5, с. 11.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Наряду с рассмотренными в предыдущем очерке общими тенденциями изменений основные категории историко-культурных образований обладают своими специфическими чертами динамики. Последнее обстоятельство выдвигает перед этнографической наукой задачу раскрытия в первую очередь типичных особенностей динамики той категории историко-культурных образований, которую составляют ее основные исследовательские объекты, т. е. этнические общности. Другими словами, речь идет об этнических процессах. Следует, впрочем, сразу же отметить, что само понятие «этнические процессы» трактуется в нашей литературе не всегда однозначно. Можно встретить, в частности, мнение, что к таковым относятся только те процессы, которые ведут в конечном счете к изменению этнической (национальной) принадлежности людей¹. Однако, как уже отмечалось в нашей литературе, тем самым понятие «этнические процессы» чрезвычайно сужается². Действительно, любое изменение того или иного компонента этноса представляет собой происходящий в нем процесс и, следовательно, может быть квалифицировано как процесс этнический. Наряду с таким широким пониманием, на наш взгляд, правомерно и представление об этих процессах как явлении, которое выражается в смене этнического самосознания. Дело не только в прикладном значении такого представления, связанного с тем, что на практике этнические процессы фиксируются преимущественно как изменения этнической принадлежности. Разграничение двух указанных подходов к трактовке этнических процессов имеет под собой то теоретическое основание, что первый из них отражает эволюционные изменения этноса, второй — его скачкообразный переход в новое состояние.

Поскольку в первом случае речь идет об изменении отдельных компонентов этнической системы, которое носит эволюционный характер, не приводит к ломке системы в целом, и она сохраняется как таковая, то этнические процессы этого вариан-

та предлагается именовать «этноэволюционными». Этнические же процессы, связанные с разрывом постепенности, с переходом в новое состояние могут быть условно названы «этнотрансформационными» *.

На протяжении своего существования каждый этнос практически перманентно подвергается этноэволюционным изменениям. Воспроизводство такого рода изменений обеспечивается внутриэтническими информационными связями. Первоначально активная роль здесь принадлежит синхронным связям, осуществляющим «горизонтальное» распространение инноваций внутри этноса и придающим им тем самым массовый характер. Однако в конечном счете решающая роль остается за диахронными связями, ибо только межпоколенная передача инноваций придает им традиционность и относительную устойчивость, которая столь необходима для выполнения любым компонентом этноса своих функций.

В целом же совокупность информационных связей на каждом этапе существования этноса вбирает какой-то новый «слой» этнокультурной информации. Вместе с тем в силу относительной устойчивости этнических свойств происходит постепенная утрата этносом каких-то элементов. Но пока существует этнос, как правило, сохраняется и преобладающая часть его традиционных свойств, правда, нередко в сильно модифицированном виде. В результате культурная информация этноса в каждый момент бывает обычно весьма многослойной. Она включает наряду со сравнительно недавно сложившимися традициями также «слои», возникшие еще в период формирования этноса³.

Своеобразный итог эволюционных этнических изменений и вместе с тем их диалектическое отрицание представляют трансформационные этнические процессы. Они могут проявляться как в переходе отдельных лиц или группы лиц из одного этноса в другой, уже существующий, так и в возникновении новых этнических образований. В последнем случае мы имеем дело с так называемыми этногенетическими процессами. Эти процессы обусловили появление первых этнических общностей, они не прекращаются и по сей день. Более того, новые этносы не только возникают в наше время, но, очевидно, будут возникать и в обозримом будущем. Однако в силу того, что подавляющее большинство современных народов сложилось уже давно, понятия «этногенетические процессы», «этногенез» обычно ассоциируются с далеким прошлым. Иначе говоря, эти понятия могут употребляться в узком и широком значении.

---

* Этот термин представляется более точным, чем ранее предложенное нами же их наименование «этнодискретными» (см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 153; ср.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 18).

Этноэволюционные и этнотрансформационные процессы органически взаимосвязаны; они являются однотипными в том смысле, что имеют в виду прежде всего изменения собственно этнических общностей — этникосов. Это, так сказать, собственно этнические процессы. От них следует отличать этносоциальные процессы, т. е. изменения, касающиеся этносоциальных общностей. Это разграничение обусловлено прежде всего различиями в типах изменений собственно этнической и социально-экономической сфер жизнедеятельности общества. Как уже отмечалось, во всей совокупности общественных явлений социально-экономические являются наиболее подвижными, а этнокультурные, напротив, отличаются своей устойчивостью⁴. В силу этого скачки в собственно этнических процессах далеко не полностью совпадают с «разрывами постепенности» в социально-экономической истории, а соответственно и со скачками в развитии этносоциальных систем. Впрочем, видимо, преобладающими все же являются случаи возникновения новых этносов в периоды смены социально-экономических формаций. Так, большинство ныне существующих архогенетических этносов⁵ сложилось в период становления раннеклассовых обществ (например, армяне, болгары, венгры, грузины, поляки, хорваты, чехи, шотландцы и т. д.). Современные неогенетические этносы в основном сформировались в переходные эпохи — становления капитализма (например, англоканадцы, бразильцы, итальянцы, мексиканцы, североамериканцы, французы и т. д.) и социализма (алтайцы, туркмены, хакасы и т. д.).

Этнос в узком значении слова может существовать на протяжении нескольких социально-экономических формаций (двух, трех, а подчас даже четырех; например, армяне). Что же касается этносоциальных общностей, то для них переход от одной социально-экономической формации к другой неизбежно влечет за собой изменение основных типологических черт. Соответственно, как уже говорилось, главные историко-стадиальные типы основных этносоциальных подразделений (этносоциальных организмов) — племя, народность, буржуазная и социалистическая нации — отличаются друг от друга прежде всего своими социально-экономическими (формационными) параметрами.

Было бы, однако, упрощением полагать, что смена типов этносоциальных общностей сводится к простой перемене их социально-экономических признаков. В действительности она влечет за собой и значительные изменения «чисто» этнических компонентов (прежде всего их однородности и «плотности»), а нередко даже увеличение масштабов самих этнических общностей.

Как показывает изучение истории народов мира, основными видами собственно этнических процессов являются процессы этнического разделения и этнического объединения. При этом этническое разделение (этногенетическая дивергенция) определяется

как «процесс, при котором от прежней единой этнической общности отделяется (точнее отпочковывается) другая общность, или когда первая целиком делится на две и больше частей, каждая из которых становится отдельным самостоятельным народом»⁶.

Подобные процессы были особенно характерны для доклассовых обществ. Основной их вид — разделение племен в результате увеличения их размеров и истощения естественных ресурсов в пределах племенной территории. Именно процессы этнического разделения лежат в основе расселения людей по земному шару из области (или нескольких областей) формирования *Homo sapiens*. В раннеклассовых формациях процессы этнического разделения и связанные с ними массовые миграции послужили основанием для возникновения многих народов⁷. Этногенетическая дивергенция может быть вызвана также обособлением этносоциальной (например, племенной) организации от отдельных частей численно и территориально разросшегося этноса без утраты ими соседства (так шло, например, возникновение новых племенных групп у древних германцев). В классовом обществе с возникновением государств видную этноразделительную роль стали играть политические границы (например, при формировании немецкоязычных народов — немцев, австрийцев и др.). Своеобразным видом процессов этногенетической дивергенции в раннекапиталистическую эпоху было переселение европейцев (испанцев, англичан, голландцев и др.) за пределы Европы — в Америку, Африку, Австралию, — сопровождавшееся возникновением новых этнических общностей. В XX столетии процесс этнического разделения проявляется уже в значительно меньших масштабах, чем прежде. Это главным образом случаи, когда в результате расчленения единого этноса государственно-политическими границами возникают новые этносоциальные образования⁸.

Начиная с эпохи разложения первобытного общества доминирующими становятся процессы этнического объединения. Эти процессы, отражающие исторически закономерную и в целом прогрессивную тенденцию к укрупнению этносов, могут быть подразделены в свою очередь на отдельные виды. В советской этнографической литературе последних лет принято обычно выделять три таких вида. Однако это представление сложилось не сразу. Так, в одной из первых обобщающих статей по этническим процессам в СССР были выделены два основных направления таких процессов. В этой связи указывалось, что «1) продолжается консолидация и развитие социалистических наций и народностей; 2) общий процесс все большего сближения социалистических наций и народностей нашей страны...»⁹; при этом под развитием наций и народностей понимался их экономический, политический и культурный прогресс. В ходе дальнейшего рассмотрения этого вопроса в 1960-х годах одни авторы настаивали

на необходимости учитывать такой особый вид этнических процессов, как естественная ассимиляция¹⁰; другие — считали ассимиляцию составной частью консолидации¹¹. Дальнейшие исследования в этой области как применительно ко всему миру, так и особенно к процессам, развивающимся в СССР¹², привели к выделению в собственно этнических процессах объединительного характера наряду с консолидацией и ассимиляцией также межэтнической интеграции.

Наконец, в самое последнее время в ходе изучения этнических процессов, сопровождающих формирование буржуазных наций¹³, нами обращено внимание на необходимость по крайней мере еще двух дополнений в классификации этих процессов. Во-первых, разграничения двух видов консолидационных процессов, один из которых является этнотрансформационным, ибо завершается появлением нового этноса, другой — этноэволюционным, так как не ведет к формированию новой этнической общности. Во-вторых, выделения в качестве отдельного вида этнотрансформационных процессов этногенетической миксации.

Под этнической консолидацией этнотрансформационного характера нами понимаются прежде всего процессы слияния нескольких родственных по языку и культуре этнических единиц в одну новую, более крупную этническую общность. Такого рода процессы могут быть названы «этногенетической (межэтнической) консолидацией». При этом следует различать этногенетическую консолидацию народностей из близкородственных племен и этнографических групп и консолидацию наций из близких по языку и культуре народностей, этнографических групп, национальных меньшинств и т. п.¹⁴ Так как родственные народы обычно ведут свое происхождение от какой-то единой в прошлом этнолингвистической общности, то развитие процессов этногенетической консолидации в ряде случаев является как бы своеобразным диалектическим отрицанием процессов этнического разделения¹⁵.

К процессам консолидации этноэволюционного характера, или внутриэтнической консолидации, нами относятся прежде всего случаи внутреннего сплочения крупных этносов за счет сглаживания различий между имеющимися внутри них этнографическими группами (например, внутри украинцев — гуцулы, лемки, бойки) путем нивелирования диалектов и культурно-бытовых отличий в результате упрочения общеэтнического самосознания. Развитие такой консолидации у наций сопровождается распространением образования на едином литературном языке, средств массовой информации, ростом профессиональной культуры и т. п.

Внутриэтническая консолидация представляет собой один из наиболее распространенных видов этнических процессов в классовых формациях; после того как сложение капиталистических и социалистических наций завершается, эти процессы по своему

размаху уступают ассимиляции и межэтнической интеграции. В настоящее время процессы консолидации особенно развиты в странах Африки, где из местных племенных групп формируются новые этнические общности типа народности и нации.

К процессам этнической (национальной) ассимиляции принято относить процессы растворения небольших групп (или отдельных представителей) одного народа в среде другого; иначе говоря, полную или почти полную утрату такой группой исконных этнических свойств и столь же полное усвоение новых¹⁶. Процессы ассимиляции могут охватывать как группы этнических меньшинств (например, в Великобритании — уэльсцев, во Франции — бретонцев и т. п.), так и особенно иммигрантов, осевших на постоянное жительство (например, итальянцев, переселившихся во Францию, США и другие страны).

Различаются естественная и насильственная ассимиляции. Естественная ассимиляция, всегда имеющая, как указывал В. И. Ленин, прогрессивное значение¹⁷, возникает при непосредственном контакте этнически разнородных групп населения и обусловлена потребностями упрочения их общей социальной, хозяйственной и культурной жизни, распространением этнически смешанных браков и т. п. В СССР процессы ассимиляции охватывают главным образом группы национальностей, живущих за пределами своих республик или областей, в сильном территориальном смешении с другими народами, особенно — в городах. Происходит она чаще всего в результате этнически смешанных браков; иногда такие браки приводят к снижению абсолютной численности отдельных народов, например мордвы, карел, евреев и других. Насильственная ассимиляция, характерная для стран, где национальности неравноправны, представляют собой систему мероприятий правительства или местных властей в области школьного образования и других сферах общественной жизни, направленных на искусственное ускорение процесса ассимиляции путем подавления или стеснения языка и культуры национальных меньшинств, давление на их самосознание и т. д.

Под межэтнической интеграцией (сближением), или гомогенизацией, нами понимается появление определенной культурной общности (при сохранении основных этнических черт) у существенно различающихся по своим языково-культурным параметрам основных этнических единиц в результате их взаимодействия. С такого рода процессами и связано формирование в рамках многонациональных государств межэтнических или метаэтнических общностей*. Развертывание процессов межэтнической интеграции исторически связано с эпохой зрелого капитализма, когда идет «развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального

* О различии между понятиями «межэтническая» и «метаэтническая» общности см. с. 46.

единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹⁸ Однако в капиталистических странах эти процессы тормозятся национальными и классовыми противоречиями. В настоящее время они разворачиваются лишь в некоторых странах и выступают недостаточно четко; даже по отношению к Швейцарии, где по ряду причин (отсутствие особых национально-территориальных автономий, широкое развитие двуязычия среди живущих там национальностей и т. п.) эти процессы зашли довольно далеко, общее наименование «швейцарцы», нередко фигурирующее в литературе, имеет преимущественно политический, а не этнический смысл. При социализме процессы межэтнической интеграции усиливаются благодаря углублению экономических и культурных связей, отсутствия национальных и классовых антагонизмов. В СССР эти процессы идут как по основным историко-географическим областям (например, между народами Средней Азии, народами Прибалтики и т. д.), так и в пределах всей страны. Важную роль в развитии таких процессов играет формирование новой исторической общности людей — советского народа, характеризующейся единством экономики и идеологии, широким распространением в межнациональном общении русского языка, многими чертами общесоветской культуры и быта, а также связанным с этим самосознанием.

При изучении процессов межэтнической интеграции представляется целесообразным отличать их начальные стадии, когда речь может идти лишь о формировании межэтнических формирований, по существу лишенных общих этнических черт, от более продвинутых ступеней этих процессов, при которых возникают метаэтнические общности.

Своеобразным продолжением процессов межэтнической интеграции является этногенетическая миксация, в ходе которой благодаря взаимодействию нескольких не связанных родством этносов возникает новое этническое подразделение основного уровня. Этногенетическая миксация нередко бывает трудно отличима от других видов этнических объединительных процессов. Именно поэтому она столь долго оставалась фактически не выделенной в особый вид таких процессов. Пожалуй, легче всего отличить этническую миксацию от этнической консолидации, в том числе этногенетического характера. Хотя последняя также ведет к возникновению нового этноса, однако в отличие от этногенетической миксации в этом случае предполагается, что взаимодействуют родственные в генетическом отношении общности. Несколько труднее отграничить этногенетическую миксацию от этнической ассимиляции. Общее у этих процессов — взаимодействие не связанных родством этносов. Но в первом случае возникает новый этнос, во втором — лишь исчезает один из взаимодействующих этносов (обычно часть его представителей). Очевидно, той гранью, при которой взаимодействие «разнородных» этносов пере-

стает быть миксацией и становится уже ассимиляцией, следует считать момент образования в ходе этого взаимодействия новой этнической общности, в частности, появление у ее членов нового этнического самосознания. Что касается отличия этногенетической миксации от межэтнической интеграции, то, как уже отмечалось, главная особенность последней ее макро(мета)этнический характер. В силу того, что оба эти процесса идут как бы на разных уровнях, они могут протекать одновременно в рамках одного и того же государства.

Наконец, следует отметить — и это представляется весьма существенным — возможность превращения процессов межэтнической интеграции в процессы этногенетической миксации. Это происходит тогда, когда макроэтнополитическая общность трансформируется в основное этническое подразделение. Конечно, установить точную грань такой трансформации трудно. Однако несомненно и то, что этот путь возникновения новых этносов хорошо известен этнической истории человечества. Очевидно, что главный критерий превращения макроэтнической общности в основное этническое подразделение — перемещение на ее уровень этнических свойств наибольшей интенсивности.

Таким образом, этнотрансформационные процессы включают три вида: этногенетическая дивергенция, этногенетическая консолидация и этногенетическая миксация (первые два вида протекают преимущественно на уровне основных этнических подразделений, последний — как бы над этим уровнем). Основные же виды этноэволюционных процессов — внутриэтническая консолидация и межэтническая интеграция. Что касается этнической ассимиляции, то для ассимилируемого этноса — это трансформация, а для ассимилирующего — один из компонентов эволюции. Нельзя не отметить и того, что из шести выделенных видов собственно этнических процессов — пять имеют объединительный характер.

Из всех разновидностей объединительных процессов наименее значительные изменения этнических свойств характерны для межэтнической интеграции, наибольшие — для миксации и ассимиляции.

Рассматривая механизм этих однотипных по своей направленности процессов, следует отметить, что в различных сферах этноса соответствующие изменения протекают далеко не одинаково. Как правило, они наиболее пластичны в сфере повседневной культуры. Значительно заметнее и резче изменяется языковая сфера: сначала обычно возникает двуязычие и лишь затем полная смена языка. Однако как и этнические изменения в области повседневной культуры, перемена языка сама по себе еще не означает перехода в другое этническое состояние. В таком качестве выступает лишь смена этнической принадлежности, протекающая внешне в форме скачка.

Возможно, конечно, и более детальное внутреннее членение отдельных видов объединительных этнических процессов. Этот вопрос уже неоднократно затрагивался в научной литературе, особенно англо-американской¹⁹, однако до сих пор не получил единого толкования. Это во многом обусловлено смешением отдельных этапов изменения этноса с отдельными сторонами этого процесса. Представляется, что в самой общей форме могут быть выделены следующие его составляющие: изменение культуры в узком значении слова (начальная стадия — культурная адаптация, аккультурация*, заключительная — культурная ассимиляция), изменение языка (двуязычие, языковая ассимиляция), смена этнического самосознания (двойное этническое самосознание, полное изменение самосознания)**.

Но это, разумеется, всего лишь самая общая схема, нуждающаяся в дальнейшей детализации.

В частности, в последнее время обращено особое внимание на то, что при взаимодействии этносов часто имеет место не только билингвизм, но и бикультурализм (и даже поликультурализм) — одновременное функционирование в рамках одного этноса как традиционных, так и заимствованных компонентов культуры. Подобная ситуация как бы переносит межэтнические отношения внутрь этноса, превращает их в структурные элементы этнического облика народа²⁰. При этом нередко наблюдается культурная интерференция (от лат. *inter+ferens* — несущий, переносящий) — привнесение в систему культуры данного этноса отдельных элементов культуры другого)²¹.

* Под аккультурацией здесь понимается приобретение группой лиц основных черт культуры другого этноса при сохранении основных черт «прирожденной культуры» (Ср.: Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм. — СЭ, 1978, № 2, с. 3, прим. 2).

** Следует подчеркнуть, что сам процесс изменения «составляющих» процесса ассимиляции в значительной мере происходит параллельно. Во всяком случае трудно согласиться с мнением, будто наиболее устойчивым из «объективных» признаков нации является язык (см.: Цемерян И. П. Некоторые актуальные вопросы теории нации и национальных отношений. — НК, 1979, № 2, с. 30). Этническая история человечества, в том числе новейшая, знает немало примеров, когда нации в значительной части или даже полностью переходят на другой язык, однако сохраняются как таковые. В этой связи в литературе, например, неоднократно делались указания на шотландцев и ирландцев. Не менее показательны и ссылки на некоторые народы нашей страны — башкир, карел, эвенков, значительные массы которых считают своим родным языком русский. Характерно, что каждый восьмой украинец русскоязычен. Такое же явление характерно для значительной части армян, мордвы и т. д. (см.: Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака. — В кн.: Язык и общество. М., 1968, с. 127). Совершенно очевидно, что если рассматривать язык как наиболее устойчивое объективное свойство нации, то неизбежно окажется, что чуть ли не единственным основанием для отнесения всех перечисленных общностей людей (как и других подобных им в рассматриваемом отношении) к определенным нациям является лишь их национальное (этническое) самосознание. Между тем хорошо из-

Рассматривая внутренний механизм объединительных этнических процессов, представляется также важным подчеркнуть, что в отличие от языковой ассимиляции, являющейся, как правило, неизменным этапом этнической, некоторые элементы традиционной культуры и быта могут сохраняться и после изменения этнического самосознания, утратив всякую роль символов этнической принадлежности.

Переходя к рассмотрению в самых общих чертах важнейших этапов изменения этнической структуры человечества на протяжении всемирной истории, представляется целесообразным сосредоточить внимание главным образом на этносоциальных процессах, поскольку динамика этой структуры наиболее отчетливо проявляется в смене основных типов этносоциальных организмов.

Как уже говорилось, первым типом таких организмов, согласно преобладающему в нашей литературе мнению, были племена. Их возникновение связано с объединительными процессами, в ходе которых на базе первобытных человеческих орд (стад) складывалась родо-племенная организация.

Не случайно характерной чертой рода — важнейшей ячейки этой организации — является экзогамия, в своеобразной форме выражающая объединительную тенденцию (в данном случае межродовую). Кстати говоря, именно это обстоятельство не позволяет считать род основным этническим подразделением первобытного общества, ибо, как мы знаем, одна из основных характерных черт каждого этноса — тенденция сохранить определенную культурную целостность²². Напротив, замкнутость, эндогамность такой ячейки, как племя, и дает основание считать именно ее основным этническим подразделением первобытнообщинной формации. Правда, в нашей литературе можно встретить сомнения относительно правомерности отнесения племени не только к основным этническим подразделениям, но и вообще к этническим формированиям. При этом делается ссылка на то, что в понятии племени «определяющей остается система организации власти»²³.

Для племени действительно характерно осуществление функций власти. На этот широко засвидетельствованный этнографией факт обратил внимание еще Ф. Энгельс. Он, в частности, отмечал наличие у племени военачальника или верховного вождя, народного собрания, совета старейшин и т. п.²⁴ Этот аспект функционирования племени, как уже отмечалось, условно может быть назван «социально-потестарным». Но у племени есть и другая, важная и также отмеченная Энгельсом сторона. По Энгельсу,

---

вестно, что при смене языка, как правило, еще долгое время сохраняются этнически (национально) специфические черты культуры и психики (особенно в тех случаях, когда речь идет не об отдельных лицах, а о значительных по своим масштабам группах людей).

племя характеризуется определенной общностью диалекта, общими религиозными представлениями (мифологией), обрядами и собственным именем²⁵. Очевидно, что перед нами собственно этнические свойства племени. Таким образом, оно выступает одновременно и как социально-потестарная и как этническая общность. А это значит, что племя представляет собой этно-социальное образование²⁶.

Одно из характерных свойств этого образования — особое значение для его внутренней структуры и функционирования как единого целого представления о родстве всех соплеменников, а также непосредственной общности их происхождения от какого-то, чаще всего мифического предка. Следует отметить также, что племена, как правило, имели сравнительно небольшую численность, что в конечном счете определялось слабым развитием производительных сил.

Переход от племени к основному этническому подразделению докапиталистических классовых обществ — народности отмечен явным преобладанием объединительных тенденций.

В этом отношении немалое значение имели характерные для рубежа бесклассовых и классовых обществ массовые переселения, сопровождавшиеся завоеванием одних этнических групп другими. В прошлом, когда этногенетическая проблематика решалась главным образом на основе лингвистических данных и сводилась по существу к истории языков, миграциям отводилась главная роль в формировании большинства народностей мира. Теперь эта проблематика стала все чаще разрабатываться комплексно. Причем расширяющееся привлечение наряду с археологическими и антропологическими материалами позволило поставить под сомнение традиционные представления, будто подавляющее большинство переселений народов влекло за собой почти полное уничтожение или вытеснение аборигенного населения²⁷.

Как правило, народности возникали в результате объединения нескольких племен. При этом сначала появившаяся в ходе такого объединения общность нередко приобретала характер метаэтнического образования и лишь постепенно превращалась в основное этническое подразделение — народность (например, образованию венгерской народности предшествовал союз племен). Вместе с тем этнические процессы в докапиталистических классовых обществах подчас приводили к появлению метаэтнических общностей, охватывающих несколько народностей. В частности, можно сослаться на тот довольно характерный для этих формаций случай, когда одно крупное социально-политическое образование (государство) «перекрывает» несколько различных по своему происхождению этнических единиц, сформировавшихся в прошлом в рамках отдельных социальных организмов. В пределах таких образований наряду с входящими в них народностями возникает как бы стоящая над ними метаэтническая общность,

что выражается в появлении общих для всех народностей этнических черт. Однако эти черты по сравнению с этническими свойствами народностей — всего лишь тонкая амальгама, к тому же распределенная неравномерно. Примером такой общности, как уже говорилось, может служить поздняя Римская империя с характерной для нее тенденцией к нивелировке населения, наиболее отчетливо проявившейся в широком распространении римского гражданства и романизации.

Применительно к классовым обществам, начиная с эпохи феодализма, этнические процессы нередко именуется национальными. Следует, однако, при этом не забывать о многозначности слова «национальный» (даже при употреблении его в этническом плане). В данной связи прежде всего необходимо напомнить, что в стадильном отношении термин «национальный» употребляется далеко не одинаково; соответственно следует различать национальные процессы в узком и широком значении слова*. В первом случае имеются в виду собственно этнические процессы на протяжении огромного исторического периода, начиная от возникновения классовых обществ и до наших дней. Во втором — этносоциальные процессы эпох капитализма и социализма, т. е. прежде всего изменения, касающиеся буржуазных и социалистических наций.

Как и этносоциальные процессы в целом, так и национальные процессы в широком значении слова представляют собой чрезвычайно сложные явления. Они охватывают самые различные сферы общественной жизни — от экономики до общественного сознания. Поэтому для удобства анализа национальных процессов в последнее время в советской научной литературе принято условно выделять в них две основные взаимосвязанные стороны: социально-экономическую и собственно этническую. При этом под социально-экономической подразумеваются в первую очередь производственные отношения, классово-профессиональная сфера общественной жизни. Под этнической в таком случае имеются в виду изменения только этнических свойств этносоциальных общностей, включая этническое самосознание²⁸.

Хотя определяющая роль в национальных процессах несомненно принадлежит социально-экономическим явлениям, однако этническая сторона представляет не только существенную, но и непреходящую их составляющую. Этническая сторона национальных процессов (в широком значении слова), обладающая определенной самостоятельностью, является одной из форм проявления собственно этнических процессов. Иными словами, нациям, как и другим этносоциальным общностям, в той или иной мере

---

* Принимается во внимание также «структурный» аспект этих процессов: в первом (узком) значении — собственно этнические, во-втором (широком) — этносоциальные процессы.

присущи те же изменения, что и при указанных выше разновидностях этнических процессов в узком их понимании.

Характеризуя в целом национальные процессы, следует также иметь в виду, что национальные отношения охватывают как внутренние, так и внешние связи национальных общностей²⁹, стало быть, и понятие «национальные процессы» включает не только внутринациональные, но и межнациональные изменения. Соответственно всесторонний анализ национальных процессов предполагает рассмотрение тенденции интернационализации.

Национальные процессы в широком значении слова (национально-социальные изменения) обычно начинаются с превращения народностей в нации. Как уже отмечалось, в этническом отношении нация отличается от народности примерно так же, как эта последняя от племени. При этом обнаруживаются два основных варианта их пространственного соотношения. В одних случаях нация — результат трансформации соответствующей народности (например, чешской народности в чешскую нацию). В других — продукт консолидации нескольких народностей (например, французская нация — результат слияния провансальской и северофранцузской народностей). Кроме того, нации могут возникать на основе либо сформировавшейся в далеком прошлом макроэтнической общности, либо этнографической группы или другой отдельной части народности, в том числе сложившейся в результате миграции.

Несмотря на наличие определенных нюансов в характере этнического происхождения различных наций, во всех указанных случаях имеет место дальнейшее повышение однородности культуры, усиление плотности внутренних культурно-информационных связей; причем это повышение плотности внутренней информационной сети нации сочетается со все возрастающей межнациональной информационной сетью, постепенно становящейся планетарной³⁰.

Этноконсолидационные процессы внутри наций подчас сопровождаются расовым смешением. Как уже говорилось, это особенно характерно для латиноамериканских наций, в состав многих из которых входят представители трех рас: европеоидов, негроидов и монголоидов (индейцы и отчасти выходцы из стран Азии)³¹.

В соответствии с социально-экономическими параметрами наций они подразделяются на буржуазные и социалистические. Буржуазные нации состоят из антагонистических классов, основными из которых являются буржуазия и пролетариат. При социализме коренным образом меняется социальная структура нации. В этом смысле возникновение социалистических наций представляет коренное преобразование наций буржуазного общества. Нации при социализме характеризуются единством дружественных классов — рабочих и крестьян. Руководящая роль в жизни

социалистических наций принадлежит рабочему классу. Устанавливая всестороннюю связь и взаимозависимость наций, капитализм в силу своей эксплуататорской природы утверждает и угнетение одной нации другой. Характерной чертой социалистических наций является социалистический интернационализм, новый тип международных отношений, основанных на равноправии, уважении национальных интересов и чувств каждого народа, братской дружбе и доверии, взаимной поддержке народов.

Социальная структура нации оказывает огромное влияние на ее культурную однородность. Как уже отмечалось, культура буржуазной нации с ее классовым антагонизмом представляет собой фактически диалектическое единство противоположностей. При этом на ранней стадии развития капитализма в духовной жизни нации ведущую роль играет по преимуществу культура господствующих классов. Однако на современном этапе развития в капиталистических странах хотя и доминирует буржуазное содержание в национальной культуре, все же в духовной жизни нации заметно усиливается роль демократических элементов культуры. С переходом к социализму эта сторона национальной культуры получает всестороннее развитие. При этом установление социальной однородности наций неизбежно влечет за собой интенсификацию процессов культурной консолидации, представляющих диалектическое отрицание их былой раздвоенности. Таким образом, социалистическая нация — это не просто продолжение прежней национальной общности, а качественно новая ее форма.

Заканчивая общую характеристику этнических процессов*, необходимо особо подчеркнуть, что они, как и этнические общности, представляют собой иерархическое явление. Иначе говоря, они могут идти как бы на разных ярусах и подчас даже в разных направлениях. В результате одна и та же группа людей, принадлежащая к одному этносу, может оказаться одновременно как в сфере «внутреннего» развития этого этноса, направленного на укрепление его в качестве самостоятельной системы, так и в сфере процесса, направленного на объединение того же этноса с другими этническими образованиями. Эти в известном смысле противоположные тенденции пронизывают всю этническую историю человечества, проявляясь в той или иной мере во всех видах и на всех уровнях иерархии этнических общностей, в чем читатель не раз может убедиться на протяжении этой книги.

Этнические процессы развиваются под воздействием разнообразных факторов, которые могут иметь внутриэтнический, межэтнический внеэтнический характер. Нам уже приходилось их

---

* Более конкретный их анализ на различных этапах всемирной истории см. в этой книге в разделе «Этнические процессы: узловые вопросы этнографического изучения».

характеризовать³². Поэтому здесь ограничимся лишь небольшими дополнениями, касающимися прежде всего влияния на развитие межэтнических процессов близости этносов в языковом и культурно-бытовом отношении. В частности, представляется существенным подчеркнуть, что хотя такая близость сильно облегчает начальные процессы ассимиляции, однако сравнительно слабо сказывается на их завершающей стадии; украинцам, попавшим в русскую среду, конечно, легче овладеть русским языком, чем, например, удмуртам, но это еще не значит, что трансформация этнического самосознания у украинцев произойдет быстрее. Вообще этнолингвистическое родство само по себе далеко не всегда предопределяет культурную близость этнических общностей. В этой связи можно, например, сослаться на тот тривиальный факт, что культурная близость шведов и финнов превышает культурную общность шведов и австрийцев.

Среди факторов, влияющих на развитие этнических процессов, вместе с тем следует отметить различные ценностные ориентации и установки, которые, хотя и входят в надстроечные формы, способны оказывать существенное влияние на этническую трансформацию как непосредственно, так и путем воздействия через социально-экономический базис³³.

Важно, на наш взгляд, обратить внимание и на то, что при всем значении собственно этнических факторов для межэтнических контактов, разумеется, нельзя не учитывать и социально-экономические параметры взаимодействующих этносоциальных общностей, которые в конечном счете и предопределяют степень сходства (или различия) общей направленности развития этих образований. И восприятие этносоциальным организмом — реципиентом «внешнего импульса» во многом зависит от степени соответствия этих импульсов основным тенденциям его внутреннего развития. Об этом, в частности, весьма наглядно свидетельствуют разнообразные варианты восприятия мировых религий различными эсо. В одних случаях, когда старые традиционные религии не имели уже прочной и широкой социальной опоры в данном этносоциальном организме, это восприятие происходило сравнительно легко и безболезненно. Так, например, произошло с восприятием христианства германскими племенами, непосредственно участвовавшими в Великом переселении народов. В других случаях восприятие мировых религий протекало более медленно и более болезненно, лишь в результате давления обществ-доноров и носителей собственной элитарной субкультуры. Примером этого может служить восприятие христианства германскими племенами Скандинавии, занявшее значительный промежуток времени и сопровождавшееся серьезной внутренней борьбой. В третьих случаях подобное восприятие протекает еще более медленными темпами и к тому же в весьма искаженной, трансформированной форме. В этой связи достаточно вспомнить, как

медленно и трудно на протяжении столетий распространялись ислам и христианство в странах Африки к югу от Сахары³⁴.

Важное значение для взаимодействия этносов имеет наличие или отсутствие у них своей государственности. Развитие межэтнических процессов в классовых обществах во многом зависит от государственно-политического единства взаимодействующих этносов. Вместе с тем следует учитывать влияние на эти процессы государственно-правовых и политико-идеологических факторов, которые хотя и входят в надстроечные формы, но иногда по силе воздействия отодвигают на второй план экономические факторы и даже вступают с ними в противоречие. Так, в царской России политика угнетения коренного населения окраинных южных и восточных областей препятствовала разрыванию там процессов национальной консолидации, а тенденции к русификации «инородцев» и насаждавшаяся идеология этнической и религиозной розни тормозили межэтнические контакты, обостряли национальные чувства, осложняли процессы естественной ассимиляции и т. д. В Советском Союзе утверждение полного равноправия всех народов, широкая пропаганда интернационалистических идей облегчили этнические контакты, развитие процессов консолидации, интеграции и естественной ассимиляции. Национально-государственное строительство, в первую очередь образование союзных и автономных республик, создало особо благоприятные условия для социально-культурного развития прежде отстававших этносов. Большое значение в этом отношении имела система образования и печати на родном языке, преподавание национальной истории и т. д.

Следует сказать, наконец, и о демографическом факторе этнических процессов. Возрастание численности того или иного народа и соответственное увеличение плотности населения само по себе ведет к усилению контактов между людьми, воздействуя тем самым на этнические процессы. Немаловажное значение имеют при этом особенности половозрастной структуры, размеры семей и другие демографические параметры³⁵.

Существенное влияние на этнические процессы оказывает территориальный фактор: изменение прежней территории расселения этноса, миграции отдельных групп его в районы, сильно отличающиеся от прежних по своим природным условиям. Весьма значительно влияние и территориального смешения этносов, перемещения отдельных частей их в иноэтническую среду.

Что касается значения географического фактора для формирования и функционирования этносов, то этот вопрос нам уже неоднократно приходилось затрагивать³⁶. Поэтому подчеркнем лишь, что при его рассмотрении недопустимы как «географический нигилизм», так и «географический детерминизм», уже не раз компрометировавшие сам отправной постулат взаимодействия природы и общества³⁷. Следует вместе с тем заметить, что вза-

имодействие это — процесс двусторонний, а к тому же далеко не всегда однозначный. И это требует его специального рассмотрения, что и будет сделано в одном из последующих очерков этой книги в связи с характеристикой этнических аспектов экологии человечества.

- ¹ Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969, с. 258.
- ² Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы». — СЭ, 1969, № 5, с. 82.
- ³ См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — Расы и народы, 1972, вып. 2, с. 8—30.
- ⁴ См. очерк «Этнос и его основные виды», публикуемый в этой книге.
- ⁵ О понятиях «архогенетические» и «неогенетические» этносы см. с. 42.
- ⁶ Козлов В. И. Динамика численности народов, с. 259.
- ⁷ См.: Хлопик Н. Н. Сегментация в истории первобытного общества. — ВИ, 1968, № 8; Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2, с. 35—45; Третьяков П. Н. Археологическая культура и этнические общности. — В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л., 1969, с. 31—32.
- ⁸ См.: Козлов В. И. Динамика численности народов, с. 317—319.
- ⁹ См.: Гарданов В. К., Долгих Е. О., Жданко Т. А. Основные направления этнических процессов у народов СССР. — СЭ, 1961, № 4.
- ¹⁰ Козлов В. И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития. — ВИ, 1968, № 9; Он же. Современные этнические процессы в СССР. — СЭ, 1969, № 2.
- ¹¹ См.: Гурвич И. С. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР. — СЭ, 1967, № 5.
- ¹² Козлов В. И. Динамика численности народов, гл. 3; Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР. — СЭ, 1970, № 1.
- ¹³ См. очерк «О типологизации этнических процессов, связанных с формированием буржуазных наций», публикуемый в этой книге.
- ¹⁴ См.: Гурвич И. С. Некоторые проблемы..., с. 63.
- ¹⁵ См.: Козлов В. И. Динамика численности народов, с. 260.
- ¹⁶ См.: Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм. — СЭ, 1978, № 2, с. 3, прим. 2.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 125, 127.
- ¹⁸ Там же, с. 124.
- ¹⁹ См.: Redfield R. Culture contact without conflict. — American Anthropologist, 1939, v. 41; Bunle H. The cultural assimilation of immigrants. London, 1950; Analysis of social problems./M. G. Galdwell (Ed.). Harrisburg, 1954; Gordon M. Assimilation in American Life. London, 1964.
- ²⁰ См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 319.
- ²¹ Подробнее см.: Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм, с. 4—11.
- ²² Подробнее см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 128—129.
- ²³ Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 59.
- ²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 92—95, 105—106, 126—127, 142—149.
- ²⁵ Там же, т. 21, с. 92—95, 105—106, 126—127, 142—149.
- ²⁶ Подробнее см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 126—129.
- ²⁷ Подробнее см. опубликованный в этой книге очерк «К изучению генезиса народностей».
- ²⁸ См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 18.
- ²⁹ Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. 2-е изд. М., 1974, с. 52.

³⁰ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации..., с. 27.

³¹ Подробнее см. очерк «Этносоциальные процессы в современном мире: основные тенденции», публикуемый в этой книге.

³² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 160—172; Современные этнические процессы в СССР, с. 20—22.

³³ См.: Дробижева Л. М. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений (некоторые вопросы методологии).— СЭ, 1974, № 3, с. 3—15.

³⁴ См.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978, с. 78—99.

³⁵ См.: Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977, с. 6—7.

³⁶ См.: Бромлей Ю. В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза.— Природа, 1971, № 2; Он же. Этнос и этнография, с. 162—166.

³⁷ См.: Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории.— ВИ, 1974, № 2.

ПРЕДМЕТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

О СООТНОШЕНИИ ЭТНОГРАФИИ С ИСТОРИЕЙ И СОЦИОЛОГИЕЙ¹

Определение исследовательского профиля этнографии, как и любой другой науки, предполагает анализ не только ее объектов, но и предметной зоны. Правда, до сих пор можно встретить мнение, что выделение предмета той или иной дисциплины и определение ее соотношений со смежными областями научных знаний не имеют существенного значения. Однако, как показывает опыт, невнимание к этому методологическому вопросу нередко приводит к серьезным просчетам в планировании исследований, затрудняет разделение и кооперацию труда, ведет к дублированию и образованию пробелов в изучении важных научных проблем. В частности, такое невнимание привело к тому, что не получил еще четкой интерпретации вопрос о месте этнографии в системе наук, прежде всего о соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии. Причем решение его осложняется тем, что каждая из названных наук составляет фактически систему отраслей знаний, отдельные из которых могут также рассматриваться как относительно самостоятельные науки.

Немалая путаница в трактовке вопроса о соотношении этнографии, истории и социологии связана и с тем обстоятельством, что в силу близости предметных областей этих наук один и тот же ученый в своих работах часто переходит грани, условно их разделяющие, выступая одновременно и историком, и социологом, и этнографом. Между тем обычно наблюдается склонность причислить труды таких ученых к одной из наук. Забывая затем об относительности такого определения, многие начинают причислять и все изучаемые ими проблемы именно к данной науке.

Представляется очевидным, что решение вопроса о соотношении этнографии с другими дисциплинами, в том числе с историей и социологией, находится в тесной взаимосвязи с определением ее предметной области. Данный вопрос в том или ином контексте нам уже не раз приходилось затрагивать². Поэтому здесь изложим лишь основные соображения, относящиеся к определению специфической сферы интересов этнографии. Необходимость хотя бы в общей форме вернуться к этим вопросам диктуется

тем, что уже давно возникшие расхождения в определении предметной области этнографии³ дают о себе знать до сих пор. Например, еще довольно часто встречается представление, будто характерное для современности быстрое угасание архаики свидетельствует о прогрессирующем исчезновении предмета этнографии. Диаметрально противоположной является тенденция охвата этнографическим изучением чуть ли не всех сторон жизни современных развитых обществ.

Все это неизбежно выдвигает вопрос о критериях определения предметной области этнографической науки, ее размежевания со смежными дисциплинами.

Один из традиционных ответов на этот вопрос — этнография изучает «народную» культуру.

Но что такое народная культура? Вот тут-то и начинаются сложности, ибо, как уже говорилось, само слово «народ» чрезвычайно многозначно. К тому же народную культуру изучают и многие другие дисциплины, в том числе различные отрасли искусствоведения и фольклористики (последнюю, впрочем, иногда включают как составную часть в этнографическую науку). То же самое следует сказать и о мнении, будто предмет этнографии составляют быт или бытовая культура.

Встречается еще одно определение предметной области этнографии; впрочем, оно, пожалуй, особенно характерно для понимания ее археологами. Несколько лет назад в Ленинграде проходил симпозиум, посвященный культуроведческим аспектам археологии и этнографии⁴. Выступавшие на нем археологи, пытаясь сопоставить задачи этих наук, все время подчеркивали, что главный критерий для этнографии — метод непосредственного наблюдения. Действительно, такой метод очень широко распространен в этнографии, он является одним из ее важнейших исследовательских методов. Но, во-первых, он распространен и в других научных дисциплинах; во-вторых, — и это, может быть, еще существенней, — этнографы оперируют не только данными, полученными путем непосредственных наблюдений, но и анкетными материалами, историческими источниками и, в конечном счете, теми же археологическими и антропологическими данными, когда, скажем, изучаются проблемы этногенеза и т. п.

Иногда утверждают, что предметная область этнографии определяется совокупностью соответствующей проблематики⁵. При этом указывается широкий круг проблем, начиная от вопросов этногенеза и кончая различными аспектами современности, которые действительно разрабатываются этнографами. Но как же определяются сами эти проблемы, каковы критерии их отбора? Оказывается, что в общем это либо просто практика, либо даже произвольный подбор. Между тем общеизвестно, что предметная область любой науки выделяется не произвольно, а в соответствии с определенными свойствами изучаемого объекта.

Однако о том, каков объект этнографии, в разное время существовали разные точки зрения. Эволюционисты, например, в свое время считали объектом этнографии человека, диффузионисты — культуру.

Как уже не раз отмечалось в предыдущих очерках, в настоящее время среди наших специалистов все большее признание получает представление, что основным объектом этнографии являются этносы-народы*, как отстающие в своем развитии, так и высокоразвитые, как малочисленные, так и многомиллионные, как существующие ныне, так и давно исчезнувшие.

Но, разумеется, определением исследовательского объекта этнографии интересующий нас вопрос далеко не исчерпывается. Ведь этносы-народы изучает немало различных научных дисциплин. Поэтому решающее значение в связи с установлением познавательных задач этнографии приобретает выявление специфических свойств ее основного объекта. Поскольку же в данном случае таковым является этнос-народ, очевидно, среди его типологизирующих, характерных свойств и следует искать критерии для определения предмета этнографии.

Какие же это свойства? Несомненно, те, благодаря которым этнос может быть выделен среди других человеческих общностей, т. е. которые могут быть названы этническими. Это, с одной стороны, функции внутриэтнической интеграции, а с другой — межэтнической дифференциации. В силу этого, на наш взгляд, основным критерием для выделения предметной области этнографии является рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций, прежде всего под ракурсом этнической специфики.

Критерия этнической специфики этнографы практически придерживаются издавна, правда, далеко не всегда достаточно осознанно. И хотя иногда о значении такого подхода прямо не говорится, все же можно довольно легко обнаружить, что рассматриваемый критерий во многом предопределил сферы конкретных интересов советских этнографов в послевоенные годы⁶.

Правда, до сих пор еще остается широко распространенным представление, что для раскрытия характерных свойств этноса достаточно констатировать само наличие у него тех или иных явлений. Такая констатация нередко сопровождается обстоятельным описанием самих явлений, однако обычно при этом умалчивается, относятся ли они ко всему этносу или его части, имеются ли у других этносов или присущи лишь одному из них. Это невольно дает повод для мнения, будто рассматриваемые явления

* Наряду с ними в качестве «дополнительных» объектов этнографических исследований выступают и другие виды историко-культурных общностей (см. очерк «Иерархия историко-культурных общностей: основные черты и тенденции динамики», публикуемый в данной книге).

характерны для всего этноса, притом только для него одного. Между тем для подобной генерализации и абсолютизации этнических свойств большинства объективных компонентов этноса обычно нет достаточных оснований. Поэтому-то научный подход к характеристике этноса и предполагает непременно выяснение распространенности каждого из присущих ему культурно-бытовых явлений как внутри его самого, так и за его пределами.

Рассмотрение этноса сквозь призму выполнения его компонентами этнических функций позволяет, на наш взгляд, наметить основную зону этнографических исследований. Представляется очевидным, что при таком подходе к проблеме ядро предметной области этнографии составит тот слой культуры, который выполняет этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура (культура в узком смысле слова). Если же принимать во внимание культуру в широком значении данного термина (т. е. включить в нее язык и общественное сознание), то в таком случае наряду с традиционно-бытовым слоем к наиболее «этнической» сфере культуры придется отнести обиходный язык и обыденное сознание.

Но поскольку этнография главным образом имеет дело с культурой в узком значении слова, ее внимание обычно сосредоточивается на традиционно-бытовом слое — обычаях, обрядах, народном искусстве, устном творчестве и т. д. Перечисленные элементы культуры исследуют многие научные дисциплины. Но этнографов интересует в этих явлениях прежде всего то, что составляет специфику изучаемого этноса.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что в задачи этнографических исследований входит изучение не только особенного, но и того общего в образе жизни, культуре и психологии народов, которое определяется их принадлежностью к одной социально-экономической формации, одному хозяйственно-культурному типу, историко-этнографической области и т. д. Это принципиальное методологическое требование марксистской теории этноса противостоит господствующему в современной буржуазной науке гипертрофированию этнически особенного, что в свою очередь связано с представлением об этносе как внеисторической, вечной категории.

Итак, этнография изучает прежде всего сходство и различия между народами-этнoсами, а также изменение их характерных черт во времени, т. е. этнические процессы. Кроме того, следует иметь в виду, что предметная область этнографии не остается неизменной для всех этапов этнической истории человечества. Как известно, у народов-этнoсов, находившихся на ранних ступенях социально-экономического развития, вся жизнь базировалась на бесписьменной традиции и в значительной мере была пронизана этнической спецификой. Поэтому этнография исследует все сторо-

ны жизни таких народов. С переходом к классовым обществам, который сопровождается усилением межэтнических социально-экономических связей, и особенно с выделением профессиональной культуры, этническая специфика сосредоточивается преимущественно в уже относительно сократившейся традиционно-бытовой сфере. Это особенно наглядно проявляется у народов промышленно развитых стран. Соответственно происходят определенные изменения исследовательской зоны этнографии.

В условиях современной НТР, в результате распространения массовой промышленной продукции, проникновения профессиональной культуры в обыденное сознание, в повседневный быт сфера проявления этнической спецификации все более сужается. Она концентрируется (помимо языка) в основном в духовной культуре; материальная же культура все более нивелируется. Более того, ныне этническая специфика постепенно уходит в глубинные сферы этнической психологии, все менее проявляясь даже в обычаях, обрядах и других стереотипных компонентах духовного склада этнической общности.

Ослабление этнической спецификации в традиционных для этнографии исследовательских зонах подчас принимается за исчезновение ее предмета вообще. Такого рода представления нередки в западной этнографической литературе. Однако понимание этнографии как науки об этносах не оставляет места для подобных взглядов на ее перспективы. До тех пор пока существуют народы-этноты, этнография сохранит свой исследовательский объект, притом не только как историческое прошлое, но и как живую действительность. Может лишь измениться значимость различных зон предметной области этнографических исследований в соответствии с перемещением внутри нее этнической спецификации.

Поскольку изучение этнических общностей в высокоразвитых обществах только начинается, на него часто переносят представление о предмете этнографии, сложившееся применительно к предшествующим типам этноса. И для этого есть определенное основание. Общеизвестно, что этнические процессы протекают более медленно, чем социально-экономические. В силу их замедленности даже в промышленно развитых и значительно урбанизированных странах может сохраняться определенная этническая специфика не только в психологии, но и в сфере материальной культуры и быта. Отсюда и особое значение, придаваемое этнографами изучению семьи, являющейся той социальной ячейкой, которая аккумулирует информацию о повседневном образе жизни, воспроизводя его этническую специфику⁷. Вместе с тем отмеченное выше все большее перемещение в современных условиях этнической спецификации в сферу духовной жизни настоятельно требует усиления внимания этнографов к этой сфере.

Характерная черта процесса познания, присущего этнографической науке, в конечном счете сводится к рассмотрению единич-

ного лишь как базы для выявления особенного, как носителя информации об этом особенном. Поскольку же последнее может быть выявлено лишь путем сопоставления, для этнографии важное значение приобретает сравнительно-исторический метод. Использование данного метода сопровождается выявлением общего в развитии человечества. Поэтому этнография может выступать и как наука, разрабатывающая специальные теории, которые раскрывают закономерности развития этнических общностей.

Методика этнографических исследований в значительной мере predeterminedена их предметом, тем, что ядро предметной области этнографии составляют традиционные и массовые компоненты этноса и что она изучает не только прошлое, но и настоящее народов. С этим связана большая роль в этнографических исследованиях материалов о современном населении, полученных в ходе специальных полевых экспедиций, включая широко распространенный метод непосредственного наблюдения. Важное значение имеет и ретроспективный метод; большие возможности его приложения связаны с тем, что этнические особенности отличаются высокой степенью устойчивости, и поэтому сведения о современных народах могут широко использоваться для реконструкции их этнического прошлого. Наконец, этнография базируется также на данных письменных, археологических и других самых разнообразных источников. Вообще следует подчеркнуть, что, поскольку познавательная задача этнографии требует исследования не какой-либо одной конкретной сферы жизни народов, а всех сфер, в которых проявляется этническая специфика, постольку этой науке присущ комплексный подход и применение многообразных приемов изучения общества, созданных в других науках.

Что касается исторической науки, то она изучает прошлое человеческого общества во всем его реальном разнообразии. Нет таких сторон жизни человечества, которые не были бы предметом ее исследования. Историческая наука — наиболее широкая многоплановая отрасль знания о прошлом общества, доводящая его изучение до современности. Но даже современное общество историческая наука рассматривает как конечный (на момент исследования) этап прошлого. Речь идет, разумеется, об исторической науке в узком смысле слова *. Как справедливо отметил А. В. Гулыга, «специфика той науки, которой занимается историк, состоит в том, что она обращена к прошлому... История не занимается перспективами развития общества (хотя ее выводы имеют важное значение при определении последних), ее взгляд ретроспективен, ее внимание приковано к достигнутым результатам»⁸.

---

* Иначе говоря, о науке, изучающей историю человеческого общества (в отличие от истории других сфер объективной реальности, например, истории животного мира, океана, земли и т. д.).

При определении предметной области исторической науки одна из значительных трудностей связана с решением вопроса о соотношении единичного и общего в ее познавательных задачах. Как известно, нередко историческую науку пытаются свести к чисто эмпирическим знаниям, к изучению лишь конкретных форм общественного процесса в хронологической последовательности, притом главным образом путем описания событий, в которых проявился этот процесс. Такой подход, вызывая, естественно, возражения⁹, в свою очередь порождает тенденцию рассматривать историю как науку о закономерностях развития общества, в том числе и касающихся общества в целом. Однако в таком случае стирается грань между историей и социологией, прежде всего между историей и общей социологической теорией — историческим материализмом. Очевидно, при определении предмета исторической науки следует избегать обеих указанных крайностей. Это определение должно, на наш взгляд, включать как констатацию того, что историческая наука рассматривает всемирно-исторический процесс во всем его многообразии, так и указание на то, что она призвана раскрывать характерные черты этого процесса на различных этапах, в различных странах и т. д. Конечная задача историка — на основе обобщения фактического материала о тех или иных явлениях прошлого человечества вскрывать основные тенденции общественного развития, прежде всего законы, проявляющиеся в рамках отдельных формаций, отдельных обществ, отдельных сфер жизнедеятельности этих обществ, т. е. так называемые исторические закономерности. Но, разумеется, историк в таком случае одновременно выступает и в роли социолога. В такой же роли он выступает и тогда, когда изучает конкретно-исторические проявления общесоциологических закономерностей, а тем более, когда принимает участие в разработке, выявлении этих закономерностей. Выполнение такого рода задач вместе с тем не должно заслонять от историка значимости его специфической функции — досконального и всестороннего воссоздания многоликой картины исторического процесса во всей его уникальности¹⁰.

Способы познания, присущие исторической науке, предопределены ее предметной областью. Историческая наука органически сочетает познание единичного, особенного и общего в развитии человечества. Своеобразие ее подхода к рассмотрению общества состоит в том, что она обращается к единичному не только как к базису для выявления особенного и общего, но и для сохранения в памяти человечества реального хода событий, для воспроизведения индивидуального и случайного. Поэтому фактической единицей анализа в исторической науке выступает не только социальная (в том числе и этническая) группа, но и индивид, поскольку специфические задачи этой науки предполагают, в частности, раскрытие роли конкретных исторических личностей, действующих в конкретных исторических ситуациях. По тем же

причинам в истории значительное место занимает описание происходивших явлений, реконструкция исторического образа¹¹.

По способам исследования историческая наука отличается преобладанием генетического подхода над структурным (последний не отвергается, но является вспомогательным).

Наконец, обратимся к предметной области социологии. Здесь мы учитываем, что предмет этой науки не оставался неизменным на разных этапах ее развития, и будем говорить лишь о предмете современной марксистской социологии.

Теоретическим и методологическим проблемам марксистской социологии посвящена обширная литература, принадлежащая перу советских и зарубежных авторов. В ней нашли отражение три основных позиции по вопросу о предмете социологии. Первая из них сводится к ограничению марксистской социологии историческим материализмом. Надо заметить, что к этой позиции склонялись лишь отдельные авторы¹². Большинство же советских социологов полагают, что марксистская социология имеет сложную структуру, в которой исторический материализм выступает в качестве общей теории¹³. Представители третьей точки зрения склонны считать социологию самостоятельной научной дисциплиной и рассматривают исторический материализм как методологическую основу социологии, но не как составную, высшую часть последней¹⁴. Однако развитие советской социологии свидетельствует о нецелесообразности отрыва социологии от философии при современном состоянии марксистского обществензнания.

В то время как большая часть общественных наук изучает общество по сферам, родам деятельности, социология исследует как общество в целом, так и его подсистемы (территориальные общности, производственные коллективы, семьи и т. д.) в единстве основных сторон жизнедеятельности. Главная цель такого рода исследований — выявление основных тенденций, характерных черт социального развития.

Исторический материализм исследует основные закономерности развития общества и соотношения его элементов (производительные силы, базис, надстройка). В свою очередь, специальные социологические теории имеют своим объектом как целостные социальные единицы — социальные организмы, т. е. социальные образования, в которых сочетаются и воспроизводятся целостные социальные структуры (например, нации, территориально-политические общности и т. п.), так и отдельные социальные институты (образование, охрана здоровья, материальное производство и т. д.), отдельные социальные процессы и явления (труд, досуг, социалистическое соревнование, преступность и т. д.).

Следующий уровень социологического знания — эмпирические исследования. В отличие от предыдущего уровня, при котором исследуются общие, так сказать, сквозные свойства отдельных структурных подразделений общества и их динамики, эмпириче-

ские исследования ориентированы на раскрытие характерных черт функционирования тех или иных конкретных социальных ячеек или процессов. Касаясь вопроса о характере этого рода исследований, представляется существенным остановиться на одной довольно часто встречающейся неточности. Иногда к числу таких исследований относят все работы, в которых используются материалы опросов, применяются математические методы и выводятся результаты, приложимые к практике управления обществом. Между тем все эти моменты как порознь, так и в совокупности могут иметь место и в работах представителей других общественных наук — экономистов, этнографов и т. д. Так, многие этнографические исследования по своей методике подчас мало отличимы от социологических изысканий. Суть дела, естественно, не в методике, а в общей цели, определяющей познавательные задачи той или иной науки.

Методический же аппарат конкретной социологии с самого начала был ориентирован на использование современных научных процедур, которые получили развитие в психологии, биологии, математической физике. В сочетании с традиционными в гуманитарных науках способами исследования сложился богатейший набор методических и технических приемов. Это, между прочим, и привело к распространенному убеждению, что наличие определенных приемов сбора и переработки информации в той или иной обществоведческой работе делает ее социологической.

Ядро предметной области конкретной социологии составляют, на наш взгляд, социальные явления в узком значении этого слова, т. е. прежде всего классово-профессиональные подразделения общества. Соответственно эмпирическое изучение характерных черт взаимосвязи этой сферы жизни общества с его другими сферами (например, искусством, языком, правом и т. п.), очевидно, точнее не просто считать конкретной социологией, а рассматривать как пограничные с ней дисциплины (таковы, например, социология искусства, социолингвистика, социология права и т. п.).

Познавательные задачи социологии как науки предопределяют в целом присущее ей своеобразие в способах анализа общества. В социологии непосредственной целью познания может быть и единичное (если оно типично для определенной группы явлений), и особенное, и всеобщее, однако конечная и — в этом смысле — главная цель всегда связана с исследованием наиболее общих, глубинных закономерностей функционирования и развития общества. Все это обуславливает сочетание в социологии структурного подхода с генетическим.

Уже на уровне эмпирических исследований в процессе познания совершается переход от фактических данных через конструирование узлов фактов к анализу конкретной социальной ситуации. Именно это позволяет произвести первичные теоретические обобщения, а уже на данной основе — если доказана типичность

обобщений — перейти к обоснованию специальной теории. Вместе с тем подобный переход ко второму уровню социологии связан с дедуцированием определенных теоретических посылок из общесоциологической теории и не является поэтому прямым и непосредственным обобщением эмпирической информации.

Эмпирические исследования, вытекающие из общественных функций социологии, не сводятся к одному типу. Их по крайней мере три. Во-первых, это исследования, которые претендуют на раскрытие механизма действия законов взаимосвязи сфер общественной жизни на современном материале; во-вторых, это исследования, проводимые социологами для изучения конкретных сторон жизни современного общества и не претендующие на получение широких обобщений, помогающих выявлению закономерностей общественного развития (например, конкретные исследования в области радио, телевидения, деятельности партийных организаций на предприятиях и т. д.), и, наконец, третья группа (или третий тип) исследований, о которой обычно забывают, — конкретные социолого-исторические исследования (например, изучение социальной структуры феодального общества). Этот тип исследований аналогичен первому, но с той разницей, что он базируется не на сборе информации от живых людей или в текущем делопроизводстве, а ориентирован на исторические источники, образуя в конечном счете один из уровней исторической социологии, которая является своего рода «общей зоной» для исторической и социологической наук¹⁵.

*

Переходя к специальному рассмотрению проблемы соотношения этнографии, истории и социологии, следует еще раз подчеркнуть некоторые наиболее существенные общие черты в их подходе к изучению общества. Как и во всем советском обществоведении, у них едины философско-методологические принципы рассмотрения общества. Общее есть и в том, что имеются «зоны» знаний, равноправно и одновременно входящие в предметную область двух и даже трех рассматриваемых наук. Общей является во многих случаях и источниковедческая база для решения специфических познавательных задач. Совпадают также и многие применяющиеся методы, процедуры исследования.

Различие же проявляется, как отмечалось, в целях познания. Поэтому одни и те же конкретно-исторические ситуации по-разному преломляются в присутствии каждой науки подходе к их рассмотрению.

Остановимся теперь на некоторых аспектах соотношения исторических и социологических исследований. Это тем более важно, что тематически работы по современности в реальной практике историков советского общества и социологов в значительной мере совпадают.

На уровне общей методологии и историческое и социологическое исследование базируется на историческом материализме. Здесь нет различий между отмеченными типами исследований.

Следующий уровень — специальная методология данного исследования. Здесь речь идет о специальных социологических теориях, имеющих общую методологическую основу; о механизме действия социологических законов в конкретных исторических условиях; о формулировании гипотез и об определении основных понятий данного исследования, эмпирической трактовке их, создающей условия для перехода от предварительного теоретического этапа исследований к сбору данных.

В таком общем виде и на этом уровне не улавливаются различия между историческим и социологическим исследованием. Однако при дальнейшей конкретизации появляются некоторые признаки, которые раскрывают специфику исторического и социологического подхода к изучаемому объекту. Так, в историческом исследовании важную роль играет отсутствующая в социологии реконструирующая часть со своим понятийным аппаратом. Социолог при исследовании и моделировании объекта может прибегнуть к прямому наблюдению, обратиться даже к эксперименту. Историк, как правило, лишен такой возможности. Прошлое предстает перед ним в виде «следов», оставленных событиями в документах и жизнедеятельности общества на момент исследования. По-разному выступает и проблема факта в историческом и социологическом исследованиях.

Для социолога понятие «научный факт» приближается к понятию «статистический факт». В историческом же исследовании чрезвычайно важны и факты индивидуального поведения и сознания. Для социолога одиночка-изобретатель из рабочей среды не представляет научного интереса, так как его (социолога) задача заключается лишь в обнаружении устойчивых причинно-следственных связей. И поэтому он констатирует отсутствие в данной ситуации технического творчества рабочих. Для историка этот одиночка-изобретатель выступает как исторически значимый факт из прошлого народа, факт не только эмоциональный и имеющий воспитательное значение, но и индивидуализирующий портрет эпохи*. В. Н. Орлов совершенно справедливо отмечал: «В исторических фактах устанавливаются и отображаются: а) определенные моменты в развитии исторических процессов (их возникновение, функционирование, переход в другое состояние); б) конкретные свойства, признаки, принадлежащие только данному явлению и выражающие его характерные особенности»¹⁶.

* На практике речь идет о расстановке акцентов: историк целью исследования может сделать персоналий о рабочем-самородке, социолог использует данный научный факт, обнаруженный историком, в своем обобщающем (абстрагированном от индивидуальных деталей) сочинении.

Из всего этого вытекают специфические методологические функции исторической теории, связанные с реконструкцией объекта исследования. Таких функций нет в методологии социологического исследования, что связано с различным подходом к изучению одного и того же объекта у историков и социологов.

Возьмем для примера изучение становления коммунистического отношения к труду. Социолог выявляет структуру отношения к труду, ее причинно-следственные связи с социальной действительностью и со структурой личности работника, изучает статистически фиксируемые тенденции. Историк показывает, как менялось и меняется отношение к труду рабочих на фоне конкретных исторических ситуаций, наполняет изложение характеристиками живых лиц, сыгравших в этом наиболее важную роль.

Социологический анализ современности зачастую обуславливает поиск, например, такого рода фактов прошлого, которые в цепи событий 1920-х или 1940-х годов казались незначительными, второстепенными, «следы» которых в документах встречаются крайне редко. Поэтому развитие исторических и социологических исследований, особенно на эмпирическом уровне, должно проходить в тесной взаимосвязи, а во многих случаях и комплексно, в рамках единых исследовательских коллективов. Эта идея получила уже сравнительно широкое признание у историков. Помимо ее обоснования, обрисовок общего круга проблем для историков и социологов¹⁷ были осуществлены исследования, где в качестве важнейшего исторического источника выступали материалы социологических (в том числе и сравнительных) исследований¹⁸.

Менее отчетливо формулируется идея подобного межотраслевого научного сотрудничества в кругах социологов. Между тем, как верно подметил И. С. Кон, эмпирическая социология оказывается недостаточной, бессильной как только заходит речь об интерпретации более или менее длительных и широких социальных процессов. Например, социологи всего мира, изучающие структуру и динамику свободного времени, констатируют, что количество свободного времени у трудящихся по сравнению с эпохой раннего капитализма значительно возросло. Но чтобы правильно оценить эту тенденцию, следует иметь в виду, что исторически ей предшествовал противоположный процесс — громадный рост продолжительности рабочего дня в начале капиталистической эпохи. По подсчетам Г. Виленского, годовой досуг современного английского квалифицированного рабочего достиг всего лишь уровня ремесленника XIII в.¹⁹

Что касается процедуры исследования в исторических и социологических работах, то в общем виде можно было бы отметить следующее. Почти нет методов и технических приемов, традиционных в практике как историков, так и социологов, которые

были бы бесполезны или не нужны для исследования и в той и в другой области. Речь идет лишь о пропорциях в их применении.

В этой связи остановимся на историческом способе познания, который часто вызывает, особенно у историков, ощущение резкого разграничения рассматриваемых дисциплин. Дело в том, что в реальной практике развития исторической науки конкретно-описательные исследования явно преобладают. Поэтому генетический метод, как правило, предстает лишь как хронологически-описательный, что и дает возможность реконструкции отдельных деталей эпохи. Такой способ реализации генетического метода ограничен целиком рамками исторической науки. В социологии ему нет места. Но генетический метод имеет и другой способ реализации — стадийный подход. Он вполне применим в практике как историко-социальных, так и социологических исследований.

Определение взаимосвязи таких сложных и многоэлементных систем наук, как социология и история, требует выявления специфических отношений каждой из частных дисциплин, входящих в одну из этих систем, с конкретными составными частями другой системы. Но особого внимания заслуживает определение общей зоны для этих наук. Такую зону составляют закономерности исторического развития, причем она иерархична, так как эти закономерности могут быть разного уровня (от так называемых конкретно-исторических закономерностей до общесоциологических). Каждая из рассматриваемых дисциплин подходит к анализу их общей предметной зоны как бы с разных концов; при этом, как уже говорилось, неизбежно происходит «синтез» исторических и социологических знаний, историк становится социологом, социолог — историком. И следовательно, в подобных случаях мы практически имеем дело с исторической социологией или социолого-историческими исследованиями, предметная зона которых простирается от конкретно-исторических до общесоциологических закономерностей, изучаемых историческим материализмом.

Немало общих зон знания имеется также у этнографии и истории. Как известно, важнейший раздел этнографической науки составляет так называемая историческая этнография, которая включает в себя прежде всего этническую историю. Этот раздел в то же время является существенным компонентом исторического знания. Показательно, что исследования по этнической истории принадлежат перу как этнографов, так и историков, включая археологов. При этом историков и этнографов объединяет применение стадийного подхода в изучении динамики этнических процессов.

Важную сферу сопряжения этнографии с другими историческими дисциплинами, в первую очередь с археологией, представ-

ляет история первобытного общества. Этнограф при этом охватывает исследованием общество в целом и в данном отношении его подход по существу не отличается от подхода к изучению общества историком. Интересы этнографов и историков пересекаются также при изучении истории культуры в широком значении этого термина, т. е. истории всех материальных и духовных ценностей, созданных людьми. Особенно близки интересы этнографии и исторической науки при изучении массовых бытовых форм культуры. Первостепенное внимание этнографов к этой сфере культуры легко объясняется тем, что именно в ней наиболее ярко проявляется этническая специфика. В качестве основного источника информации здесь выступают материалы, собранные методом непосредственного наблюдения, что, в частности, отличает этнографический подход к изучению истории таких носителей этнической спецификации, как обычаи, обряды и нравы.

Вместе с тем в отличие от истории этнография не ограничивается изучением прошлого, рассматривая современные народы-этноты как живую, существующую в настоящий момент действительность. Важнейшая задача этнографии — изучение изменения этнических черт современных народов, т. е. современных этнических процессов как в нашей стране, так и за рубежом²⁰.

Однако совершенно очевидно, что изучение современных этнических процессов (особенно их этносоциальной разновидности, т. е. прежде всего национальных процессов) лежит на стыке двух наук — этнографии и социологии. Это в свою очередь вызывает необходимость поставить вопрос о соотношении социологических и этнографических исследований.

Среди этнографов и социологов можно встретить примерно такие точки зрения на соотношение этнографии и социологии:

— социология — наука теоретическая, этнография — эмпирическая;

— социология изучает современное урбанизированное общество, этнография — неурбанизированное общество;

— социология в процедурной части основывается на математике и статистике, этнография — на научном наблюдении и описании наблюдаемых явлений.

Такого рода подходы упрощают проблему. При ее рассмотрении прежде всего необходимо подчеркнуть, что на стыке этнографии и социологии недавно возникла «пограничная» дисциплина — этническая социология²¹. Под ней понимается наука, изучающая механизм взаимосвязи собственно этнических и социальных (в узком значении слова) явлений в современных этносоциальных процессах: с одной стороны, собственно этнические процессы в различных социальных группах, с другой — социальные процессы в различных этнических общностях²².

Поскольку этническая специфика наиболее наглядно прояв-

ляется в сфере культуры и быта и воспроизводится прежде всего через семью, постольку в этих областях имеет место особенно активное взаимодействие этнографических и социологических исследований.

В свое время социологи у нас в стране и за рубежом широко использовали опыт полевых наблюдений, накопленный этнографами. В свою очередь, этнографическая наука в настоящее время может использовать методiku и технику исследования, которые не являются достоянием лишь социологии, но получили в ней развитие. Для этнографов было бы в равной мере неверным как отбросить богатейшие научные традиции, так и ограничить себя лишь непосредственным наблюдением и другими традиционными методами сбора информации.

Все более активный переход этнографической науки к исследованию народов промышленно развитых стран уже сам по себе предполагает применение в дополнение к традиционным методам непосредственного наблюдения методик, разработанных в социологической и психологической науках специально для нужд анализа взаимоотношений людей в современном обществе.

При этом различия между этнографией и социологией имеются не столько в сферах исследования, сколько в подходах к их изучению. Поясним этот тезис. Как известно, на Урале с конца 1950-х годов широко проводятся социологические исследования, одним из объектов которых является крупный промышленный центр Нижний Тагил²³. Одновременно в этом городе вели работу этнографы²⁴. В первом случае ставилась цель выявить закономерности, установить перспективы, определить социальные показатели развития города; в другом — анализ традиционных и инновационных компонентов национального и местного быта. Один объект, но — разные предметы изысканий, различная палитра исследовательских процедур.

Конечно, здесь нами взята как бы идеальная модель этнографических и социологических исследований современности. На практике же мы обычно имеем дело с их переплетением, когда один и тот же ученый или группа ученых одновременно осуществляют функции представителей разных дисциплин.

Характеризуя этносоциологию, представляется существенным подчеркнуть еще одно обстоятельство: в силу возникновения у нас данной пограничной дисциплины прежде всего в целях изучения современности нередко полагают, что во временном плане ее профиль этим и ограничивается. Напротив, в зарубежной научной литературе задачи этносоциологии обычно сводятся к изучению социальной организации «примитивных» обществ. Между тем, подходя к вопросу с общетеоретических позиций, представляется правомерным считать этносоциологическими исследования, относящиеся ко всем этапам всемирно-исторического процесса; их основная задача — изучение взаимосвязи собственно этнических

и социальных (в узком значении слова) явлений на различных этапах этого процесса.

Таковы некоторые размышления относительно взаимоотношения этнографии с историей и социологией. Мы отчетливо сознаем, что высказанные в данном очерке соображения носят лишь предварительный характер и далеко не охватывают всей этой сложной и многосторонней проблемы. И все же хочется надеяться, что и эти соображения могут принести определенную пользу для дальнейшей разработки рассмотренных выше важных дискуссионных вопросов.

¹ В основу очерка положена статья: *Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И.* О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии.— СЭ, 1978, № 4.

² См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 204 и сл.; *Он же.* Современная этнография и ее перспективы.— Будущее науки. М., 1975, вып. 8, с. 253 и сл.

³ Подробнее см. очерк «Об этнографическом изучении современности», помещенный в этой книге.

⁴ См.: *Кожановский А. Н.* Симпозиум «Культуроведческие аспекты археологических и этнографических исследований».— СЭ, 1975, № 3.

⁵ См.: *Токарев С. А.* О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, № 5, с. 135.

⁶ См. очерк «Основные направления послевоенных этнографических исследований в СССР», помещенный в данной книге.

⁷ См.: *Ганцкая О. А.* Общие тенденции этносоциального развития брачно-семейных отношений.— В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 433—459.

⁸ *Гулыга А. В.* О предмете исторической науки.— ВИ, 1964, № 4, с. 23—24; *Он же.* История как наука.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

⁹ См.: *Добрянов В. С.* Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968, с. 64.

¹⁰ Многие важные вопросы, относящиеся к определению предметной области исторической науки, рассмотрены в последние десятилетия в следующих работах: *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961; *Федосеев П. Н., Францов Г. П.* Социология и история.— В кн.: Социология в СССР. М., 1965; *Уваров А. И.* Структура теории в исторической науке.— Труды Томск. ун-та, 1965, т. 178; 1967, т. 193; *Лавровский В. М.* К вопросу о предмете и методе истории как науки.— ВИ, 1966, № 4; *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— ВИ, 1966, № 8; *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969; *Иванов В. В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973; *Дьяков В. В.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; *Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В.* Субъект и объект в историческом познании.— ФН, 1975, № 4; *Ерофеев Н. А.* Что такое история? М., 1976; *Жуков Е. М.* О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей.— ВФ, 1977, № 4, с. 50—61; *Косолапов В. В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; *Философия и методология истории.* М., 1977, и др.

¹¹ См.: *Гулыга А. В.* Эстетика истории. М., 1974.

¹² См.: *Чесноков Д. И.* Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1973.

¹³ См.: *Румянцев А. М., Осипов Г. В.* Марксистская социология и конкретные социальные исследования.— ВФ, 1968, № 6; *Здравомыслов А. Г.* Ме-

тодология и процедура социологических исследований. М., 1969; *Иовчук М. Т., Харчев А. Г., Ядов В. А.* Актуальные теоретические проблемы марксистско-ленинской социологии в СССР.— ФН, 1970, № 5; *Угринович Д. М.* О предмете марксистской социологии.— В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970; *Глезерман Г., Келле В., Пилипенко Н.* Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия.— Коммунист, 1971, № 4; *Ядов В. А.* Социологическое исследование: Методология, Программа. Методы. М., 1972; Развитие социологических исследований в СССР и задачи журнала.— СИ, 1974, № 1; Рабочая книга социолога. М., 1977; *Осинов Г. В.* Предмет марксистско-ленинской социологии в свете опыта социологических исследований в СССР.— СИ, 1977, № 4; *Келле В.* Великий Октябрь и развитие исторического материализма.— ВФ, 1977, № 10; *Руткевич М. Н.* Диалектика и социология. М., 1980; Социологические исследования: результаты, проблемы и задачи.— Коммунист, 1980, № 13 и др.

¹⁴ См.: *Аганбегян А. Г., Юдин Э. Г.* Актуальные проблемы марксистской социологии.— ВФ, 1966, № 2; *Рывкина Р. В.* О структуре предмета социологии как системы наук.— В кн.: Социологические исследования: Вопросы методологии и методики. Новосибирск, 1966. Эту позицию отстаивают многие видные болгарские социологи. См.: *Ошавков Ж.* Социологията като наука. София, 1970; *Михайлов С.* Эмпирическое социологическое исследование. М., 1975, и др.

¹⁵ См.: *Громыко М. М.* О некоторых задачах исторической социологии.— Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук, 1967, вып. 3, № 11.

¹⁶ *Орлов В. Н.* Роль научного описания в историческом исследовании.— ФН, 1966, № 1, с. 48.

¹⁷ См.: *Полегаев В. Е., Поляков Ю. А., Устинов В. А.* История, конкретные социальные исследования, кибернетика.— История СССР, 1968, № 4; *Дробужева Л. М.* История и социология. М., 1971; *Килунов А. Ф.* Применение конкретно-социологических исследований в исторической науке.— ВИ, 1972, № 1, и др.

¹⁸ См.: *Коган Л. Н., Павлов Б. С.* Молодой рабочий: вчера, сегодня. Опыт историко-социологического исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х годов. На материалах Урала. Свердловск, 1976; Социальный облик колхозной молодежи по материалам социологических обследований 1938 и 1969 гг. М., 1976, и др.

¹⁹ См.: *Кон И. С.* История в системе общественных наук.— В кн.: Философия и методология истории. М., 1977, с. 11—12.

²⁰ См.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970; Национальные проблемы Канады. М., 1972; Национальные процессы в США. М., 1973; *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973; Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974; Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974; Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976; Современные этнические процессы в СССР, 1-е изд. М., 1975; 2-е изд. М., 1977.

²¹ См.: Социальное и национальное. (Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР). М., 1973. Это первая монография, обобщающая итоги этносоциологических исследований.

²² См.: *Бромлей Ю. В.* Основные направления этнографических исследований в СССР.— ВИ, 1968, № 1, с. 48.

²³ См.: Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М., 1961; *Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р.* Социальные перемещения. М., 1970; *Петров Ю., Филиппов Ф.* Как становятся рабочими. Свердловск, 1973; Опыт планирования развития образования и культуры крупного индустриального центра (на материалах исследования г. Нижнего Тагила). Свердловск, 1973; Молодежь крупного индустриального центра. Нижний Тагил, 1974.

²⁴ См.: *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. М., 1974.

ЭТНОГРАФИЯ И КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Для выявления характерных черт предметной области этнографической науки представляется существенным, не ограничиваясь рассмотрением ее соотношения с историей и социологией, специально остановиться на вопросе о ближайших аналогах этой дисциплины, функционирующих в зарубежных странах. В первую очередь это относится к антропологии, имея в виду ту ее трактовку, которая сложилась в англоязычных странах. Ведь именно данная дисциплина, точнее говоря, такие ее ветви, как социальная и культурная антропология, на практике чаще всего выступают в качестве главного аналога этнографической науки в том ее понимании, которое утвердилось среди советских ученых. Указанная задача тем более важна, что в нашу эпоху становится особенно очевидной необходимость тесного сотрудничества ученых разных стран в изучении человечества.

Задача уточнения соотношений между антропологией и этнографией в свою очередь выдвигает вопрос об их месте в системе наук, т. е. в конечном счете — о дальнейших судьбах данных дисциплин. Этот вопрос приобретает тем большую актуальность, что в предметную область антрополого-этнографических исследований все шире «вторгаются» смежные дисциплины — от искусствоведения и лингвистики до социологии. К тому же в современной литературе все чаще появляются заявления о кризисе антропологии¹. Можно встретить также представления о постепенном сужении в условиях научно-технической революции предмета этнографии. Все это неизбежно сказывается на престиже интересующих нас научных дисциплин, на их месте в современных общественных науках.

Нередко этнографию (этнологию) и антропологию (особенно культурно-социальную) просто отождествляют или почти приравнивают друг к другу. Это встречается как в западной научной литературе*, так и в литературе социалистических стран, в том числе — советской². Однако в действительности отождествление это весьма условно и далеко не всегда правомерно³. К тому же в определении каждой из этих дисциплин имеется немалый разнобой (не только в разных странах, но даже среди специалистов одной и той же страны). Все это требует при рассмотрении вопроса о соотношении предметных зон интересующих нас дисциплин обратить особое внимание на обоснованность их выделения и на систему соответствующих аргументов.

Ведь само собой разумеется, что дефиниция профиля любой науки зависит от ряда обязательных условий. Во-первых, от опре-

* Об этом, в частности, наглядно свидетельствует название основанного в 1961 г. Дж. Мердоком журнала: «Ethnology: An international journal of cultural and social anthropology».

деления той или иной сферы объективной реальности (объекта исследований) и неких ее специфических свойств (форм функционирования материи), познание которых составляет задачу данной науки (соответственно по мере углубления знаний об этих свойствах неизбежно несколько изменяются и представления о ее предмете). Во-вторых, от размежевания со смежными дисциплинами. В-третьих, от учета традиций данной науки.

Последнему обстоятельству в интересующей нас связи обычно придается важное, подчас решающее значение. Однако, как правило, традиции каждой науки складываются довольно стихийно в результате главным образом ее спонтанного развития, лишь в конечном счете отражая изменения определенных потребностей общества.

Вопрос же о взаимоотношении предмета данной науки и смежных дисциплин нередко фактически игнорируется. Часто забывается и об «обратной связи» между предметом науки и ее наименованием. Между тем хотя название научной дисциплины условно, и, как правило, нет жесткой зависимости между ним и ее предметом (наглядным свидетельством этого могут служить география и геология), тем не менее какая-то семантическая связь в данном отношении представляется достаточно существенной, чтобы ее можно было вообще игнорировать (особенно тогда, когда наименование научной дисциплины не имеет абстрактного характера). В самом деле, никому не придет в голову именовать зоологией дисциплину, изучающую растения, а генетикой науку о минералах. В противном случае обнаружится несоответствие между термином, используемым для обозначения науки, и объектом изучения последней. В этом нужна определенная соразмерность (однако отнюдь не обязательно тождество; оно, как это, например, имеет место со словом «история», не очень даже желательно), иначе окажется крайне затрудненным достижение необходимой конвенциональности и выполнение термином, обозначающим научную дисциплину, его сигнификативных функций.

В случае с антропологией мы как будто имеем прямое соответствие между названием объекта науки и ее наименованием. Ведь, с одной стороны, таким объектом является человек — антропос, а с другой — антропология в общем виде ставит своей задачей его всестороннее изучение. Еще в XVIII в., когда слово «антропология» только начинало входить в научный обиход*, оно означало «трактат о душе и теле человека»⁴. Впоследствии это название в общей форме продолжало расшифровываться так же, предполагая всестороннее изучение человека, его биологических и социокультурных свойств**. Так, по Ф. Боасу «наука

* Название «антропология» появилось впервые еще в XVI в. (*Bastian A. Die Vorgeschichte der Ethnologie. Berlin, 1881. S. 7.*)

** В упрочении такого понимания в англоязычных странах определенную роль сыграло образование в 1871 г. Королевского Антропологического

антропология имеет дело с биологией и умственными проявлениями человеческой жизни»⁵. Позднее примерно такое же определение дает М. Херсковиц, по словам которого «антропология, сосредоточив свое внимание на человеке, имеет в виду все фазы человеческого существования, биологические и культурные, прошлое и настоящее»⁶. Одна из недавних общих дефиниций, принадлежащих Р. и Ф. Кисингам, гласит: «антропологи рассматривают как физическую (биологическую), так и культурную и социальную характеристики человека»⁷. Однако подобные общие определения * неизбежно вызывают вопрос: чем отличается антропология от таких претендующих на изучение человечества в целом дисциплин, как, например, социология и история. Обычно, к сожалению, вопрос о *differentia specifica* антропологии фактически обходится молчанием. Между тем игнорировать его вряд ли правомерно. Мало помогают в рассматриваемой связи и абстрактные рассуждения о том, что задача антропологии — изучение общих черт человека и человечества **. Ведь такую задачу ставят и многие другие научные дисциплины. К тому же на практике антропология отнюдь не ограничивается исследованиями общего характера, которыми, кстати сказать, антропологи не так уж часто занимаются. Не меняет существа дела и утверждение, что «конкретный вклад, который антропология стремится внести в науку о человеке, заключается в широком взгляде на вещи, в широкой перспективе, которая объединяет специальные знания других дисциплин и исследует их в сочетании с собствен-

---

института Великобритании и Ирландии, включившего в свой состав созданное еще в 1843 г. Этнологическое общество в Лондоне. (См.: *Аверкиева Ю. П. Этнография и культурно-социальная антропология на Западе.* — СЭ, 1971, № 5, с. 9.)

* Идейной основой такого понимания антропологии как универсальной науки о человеке является философский антропологизм, характерный для взглядов многих философов XVIII—XIX вв. Философский антропологизм был одной из форм преодоления идеализма домарксистским материализмом. Этот подход занимал, как известно, центральное место в материализме Л. Фейербаха, который писал о необходимости универсальной науки об обществе — антропологии. Основной ошибкой философского антропологизма было понимание человека как биологического существа с абстрактной, извечно данной и неизменной сущностью; в результате все общественные явления оказывались зависимыми от естественных качеств человека (*Аверкиева Ю. П. Этнография и культурно-социальная антропология...*, с. 9—10). В современной буржуазной науке предпринимаются попытки по созданию философской антропологии как некой «гуманистической» социально-философской системы, которую пытаются противопоставить якобы «антигуманистическим» традициям марксистской философии (см.: *Антонович И. И. Современная философская антропология: Критический очерк.* Минск: Наука и техника, 1970).

** Так, по М. Харрису, общая антропология «стремится достигнуть общей ориентации», она касается прежде всего того, «как определить и оценить значительные факты обо всем человечестве в максимально широком контексте времени, пространства и теории» (*Harris M. Culture, Man and Nature: An Introduction to General Anthropology.* New York, 1971, p. 5).

ными прямыми и непосредственными наблюдениями антрополога»⁸. Ведь на широту взгляда и перспектив предъявляет права и социология, которая сама не чужда методам прямого и непосредственного наблюдения (к тому же ссылки на специфические методы вообще вряд ли могут служить основанием для выделения фундаментальных наук, в отличие от вспомогательных). Показательно в этом отношении признание К. Леви-Стросса, что «антропология не отличается от других «человеческих» и социальных наук по свойственному ей предмету исследования»⁹. Не спасает и отнесение «общей» антропологии к естественным наукам¹⁰ под явным воздействием идей философского антропологизма. Ведь в таком случае она в конечном счете окажется тождественной физической антропологии, теряя свою всеобщность. Впрочем, этот вопрос является дискуссионным и подчас антропологию целиком относят к гуманитарным наукам¹¹.

Нередко основную задачу «общей» антропологии усматривают в соединении изучения биологических и социокультурных аспектов человека и человечества*. Такая трактовка антропологии представляется весьма заманчивой. Ведь изучение взаимосвязи биологического и социального в деятельности человека остается одной из важнейших научных задач**. Но, к сожалению, в англоязычных странах такого рода синтетические исследования в антропологии занимают сравнительно небольшой удельный вес (чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с тематикой докладов на международном конгрессе в Чикаго)¹². О том же свидетельствует и фактическое разделение в англоязычных странах антропологии на физическую***, культурную и социальную, которые в свою очередь распадаются на многочисленные субдисциплины.

При этом в США и Англии соотношение антропологических дисциплин и их место в системе наук трактуется далеко не одинаково. «Как учат и практикуют в большинстве университетов США,— отмечал М. Харрис,— общая антропология — амальгама четырех областей или дисциплин: *культурной антропологии*

* См. приведенные выше определения антропологии Ф. Боасом, М. Херсковичем, Т. Пенниманом, а также: *Mandelbaum M. Anthropology as study as career. Berkeley, 1965, p. 1.*

** Необходимость комплексного подхода к изучению человека в последнее время неоднократно подчеркивалась советскими учеными (см., например: *Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968*). При этом, однако, следует учитывать, что важнейшее условие диалектического подхода к проблеме соотношения биологического и социального состоит в том, чтобы данные явления, с одной стороны, не отождествлялись друг с другом, а с другой — не противопоставлялись друг другу (см.: *Федосеев П. Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии.— ВФ, 1976, № 3, с. 65*).

*** В СССР, как и в большинстве европейских стран, для обозначения физической антропологии обычно употребляется термин «антропология», который используется только в этом значении.

(иногда называемой социальной антропологией), *археологии, антропологической лингвистики и физической антропологии*»¹³. Впрочем, в США, когда говорят о специальных антропологических дисциплинах, обычно ограничиваются указанием на физическую и культурную антропологию. В Англии же физической антропологии противопоставляется социальная. Между «культурными антропологами» США и английскими «социальными антропологами» ведется многолетняя полемика по вопросу о соотношении этих наук¹⁴. Данная полемика связана со спорами о сущности и соотношении понятий «культура» и «общество». Большинство американских ученых, считая, что «культура» и «общество» — равномасштабные явления и что понятием «культура» охватывается и социальная культура, рассматривают социальную антропологию как часть культурной антропологии, занимающейся изучением семейно-родственных связей и институтов¹⁵. Английские социальные антропологи в полемике с американскими коллегами высказывали взгляд на культурную антропологию как на часть социальной, ссылаясь на то, что культура — это лишь один из аспектов социальной жизни¹⁶.

Вместе с тем в последнее время для обозначения обоих этих разновидностей антропологии все чаще (особенно на международных форумах) употребляется «интегрированное» наименование — культурно-социальная антропология¹⁷. Однако интеграция эта весьма условна, что прежде всего связано с чрезвычайной пестротой идейно-теоретических позиций англо-американских культурно-социальных антропологов¹⁸, а это в свою очередь неизбежно оказывает «обратное» воздействие на ту сторону культурно-социальной антропологии, которая в данном случае нас особенно интересует, — на представление о ее предмете. И хотя, как мы увидим, эти представления далеко не однозначны, следует сразу же подчеркнуть, что речь идет о дисциплине ныне весьма «модной» на Западе*.

Вопрос о ее предмете и месте в системе наук неоднократно поднимался в зарубежной литературе — не только в многочисленных общих курсах, но даже и в специальных работах¹⁹. Пожалуй, одна из наиболее обстоятельных попыток в этом направлении была сравнительно недавно предпринята профессором Оксфордского университета М. Фридмэном, подготовившем для ЮНЕСКО (в качестве одной из глав труда «Основные направле-

---

* Особенной популярностью она пользуется в США. За послевоенные годы число членов Американской антропологической ассоциации, объединяющей ученых в области физической и культурной антропологии, причем последние в количественном отношении явно преобладают, увеличилось в пять раз и достигло нескольких тысяч человек. Утверждают, что это превышает число ученых данной специальности во всех других странах мира вместе взятых (*Григулевич И. Р.* Социальная антропология: есть ли у нее будущее? — СЭ, 1975, № 2, с. 38).

пия исследований в социальных и гуманитарных науках») специальный обзор «Социальная и культурная антропология»²⁰. Обзор этот в виде отдельного доклада был вынесен на обсуждение IX Международного конгресса антропологических и этнологических наук²¹. Следуя во многом традиции, М. Фридмэн определяет исследовательскую зону культурно-социальной антропологии в пределе между так называемыми примитивными обществами и современными²². На практике «примитивным» обществам отдается явное предпочтение, а при изучении современных во внимание принимаются преимущественно малые группы²³.

Все это может показаться достаточно ясным. Однако лишь до того момента, пока мы не попытаемся соотнести профиль культурно-социальной антропологии с наименованием этой дисциплины. В качестве ее объекта * обычно фигурируют: общество вообще или социальные группы²⁴; культура в целом, образ жизни или культурные ареалы²⁵; народы²⁶. Если в первых двух случаях мы имеем определенное соответствие между наименованиями объекта и дисциплины (социум — социальная антропология, культура — культурная антропология), то нетрудно заметить, что в последнем даже такого соответствия не обнаруживается. Вместе с тем во всех случаях, когда идет речь о группах (социальных, культурных, этнических), возникает такой (хотя внешне несколько формальный, но логически неизбежный) вопрос: почему наука, название которой производно от слова «антропос» и которую нередко вообще характеризуют как науку о человеке (или человечестве), имеет в качестве своего объекта лишь некоторые части человечества? Уже в этом очевидна определенная условность. Можно, конечно, принять ее, что обычно и делается. Но это не спасает от других недоумений аналогичного характера. Встает, в частности, вопрос: почему главное внимание эта дисциплина уделяет «примитивным» обществам? Разве человек в высокоразвитых обществах перестает быть человеком? Правда, в данной связи обычно делается ссылка на традиции. Однако, как уже говорилось, одних таких ссылок для обоснования объектно-предметной зоны той или иной дисциплины недостаточно; недостаточны они и в рассматриваемом случае **. Не снимают в этом случае недоумений и указания на то, что в высокоразвитых обществах изучаются малые социокультурные группы. Но разве

* Впрочем, обычно объект и предмет в культурно-социальной антропологии четко не разграничиваются, и нередко фактически речь идет в целом о ее объектно-предметной зоне.

** Это обстоятельство явно ощущается некоторыми ведущими западными антропологами. В частности, Ф. Боас, пытаясь логически обосновать повышенное внимание социальных антропологов к «примитивным» обществам, ссылается на то, что «основные особенности социальных организаций будут более очевидны там, а не в современных столичных обществах» (Boas F. Psychological Problems in Anthropology. S. l. 1910, p. 10—14).

крупные общности, крупные совокупности людей в современном мире (скажем, нации) не представляют собой социокультурных единиц?

Правда, здесь иногда приходит на помощь ссылка на то, что культурно-социальную антропологию отличает от других дисциплин метод полевых исследований²⁷. Но в данном случае сам по себе метод не может служить достаточным основанием для выделения исследовательской области. Ведь полевые исследования широко практикуют и иные науки (например, геология), в то же время, как справедливо отмечает М. Фридман, культурно-социальная антропология получает свои данные не только с помощью метода полевых исследований²⁸. В этой связи привлекает внимание то особое место, которое в ней отводится сравнительно-типологическому методу²⁹.

Сложность ситуации, в которой оказалась культурно-социальная антропология в наши дни, становится особенно очевидной, когда встает вопрос о ее соотношении со смежными дисциплинами, в первую очередь с так называемой конкретной социологией. Последняя, получившая в последние десятилетия бурное развитие во всем мире, при всех расхождениях в самом определении ее предметной области, как правило, в конечном счете все же претендует на всеобщий охват всего эмпирического уровня изучения современных обществ. И приходится признать, что противостоять этому натиску не так-то просто.

Когда речь идет лишь об одной культурной антропологии, обычно ссылаются на то, что она отличается от конкретной социологии так же, как культурные явления от собственно социальных. Можно, конечно, и не соглашаться с таким разграничением общественных явлений, но в определенной логичности такому подходу отказать нельзя. Однако в этой связи во весь рост встает вопрос о разграничении культурной антропологии как с культурологией в целом, так и со всеми отдельными культуроведческими дисциплинами. Что же касается социальной антропологии, то оказывается особенно трудным защитить ее от «притязаний» социологии (тем более, что последняя сама уделяет главное внимание изучению так называемых малых групп). Не случайно основатели социальной антропологии рассматривали ее как субдисциплину социологии*. И в современной англоязычной специальной литературе нередко признается их тесная связь, подчеркивается, что они имеют те же самые цели³⁰.

Весьма характерна в этом отношении попытка сопоставить социальную антропологию и социологию, предпринятая известным английским социологом Э. Гелльпером. Прекрасно понимая трудности разграничения этих дисциплин, он вынужден признать несостоятельность размежевания на следующей основе: а) антро-

* Это отмечали, в частности, Рэдклифф-Браун и Эванс-Причард.

пология изучает примитивные общества, социология — развитые; б) антропология рассматривает общество в целом, социология — отдельные его аспекты; в) антропология — эмпирическая наука, социология — теоретическая; г) антропология и социология пользуются неодинаковой исследовательской методикой³¹. В конечном счете Э. Гелльнер приходит к выводу, что четкой границы между предметами социальной антропологии и социологии нет. Отсюда он заключает, что различия следует искать не в четком разделении предмета и метода, а в истории этих двух дисциплин. В современной Англии социологи разнородны, «причем некоторые настолько далеки друг от друга, что им недоступен не только продолжительный диалог, но иногда диалог вообще». В противовес этому антропологи отличаются согласием и моральной общностью, которая налагает свои нормы на своих членов. Такими нормами, по Э. Гелльнеру, является «структурно-функциональный метод и определенное отношение ко времени, которое ведет свое начало от Малиновского и характеризуется безразличием к прошлому»³². Однако неубедительность этих критериев очевидна. Они, в частности, противоречат тому, что сказано самим автором относительно неправомерности отграничения социальной антропологии от социологии на основе использования того или иного познавательного инструментария; к этому следует добавить и указание им самим на неправомерность «игнорировать вполне успешные усилия антропологов учитывать изменения во времени»³³. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что сам Э. Гелльнер предложенные им критерии разграничения социальной антропологии и социологии сопровождает оговоркой, что он вполне отдает «себе отчет в том, насколько велико это упрощение»³⁴.

«Размытость» границ между социологией и антропологией в целом осознается и отдельными американскими учеными. Достаточно показательным в этом отношении замечание одного из ведущих социологов США Т. Парсонса. «Трудно охарактеризовать, — пишет он, — то особое положение, которое занимает антропология, потому что в определенных отношениях... она присвоила себе область еще более широкую, чем область самой социологии, тогда как в других отношениях она сконцентрировала свое внимание на культурах и обществах, не знающих письменности»³⁵. Несомненно, отсутствием четких границ между антропологией и социологией порождена также характерная для последнего времени тенденция к созданию в университетах США кафедр, объединяющих обе эти дисциплины.

В целом же сказанное, по-видимому, не оставляет сомнений в том, что определение места культурно-социальной антропологии в системе наук сопряжено с немалыми трудностями. Весьма характерно в данной связи признание, сделанное одним из наших западных партнеров в предварительном докладе, подготовленном

к недавно состоявшемуся международному симпозиуму «Место антропологии и этнографии в системе наук: западная и советская точка зрения» (июль, 1976, Австрия, Бург-Вартенштайн)³⁶. «Мне известно,— говорится в этом докладе,— что некоторые коллеги разделяют мое замешательство, которое я испытываю, когда меня просят дать определение антропологии даже в академических терминах»³⁷.

Переходя к сопоставлению культурно-социальной антропологии с этнографией, прежде всего рассмотрим последнюю в свете тех же критериев, т. е. основных традиций, соотношения наименования и содержания границ со смежными дисциплинами.

Термин «этнография» в разных странах употребляется далеко не в одинаковом значении. В ряде случаев он используется для обозначения описательного уровня исследований* в отличие от этнологии**, рассматриваемой в качестве теоретической, обобщающей науки. Кроме того, очевидно по аналогии этнографией подчас именуется описательный уровень культурно-социальной антропологии***. Если быть последовательным, то такой уровень следует именовать «антропографией». Однако, на наш взгляд, далеко не убедительно само противопоставление научных дисциплин, в основе которого лежит различие между древнегреческими *ράφω*, что значит «пишу» и *λόγος*, среди значений которого имеются такие, как «понятие», «мысль», «разум», «учение». На этом основании такие науки как география и демография должны были бы ограничиться лишь сбором и описанием материалов. Вообще граница между собиранием материалов и их обобщением весьма условна. Ввиду этого представляется достаточно оправданным традиционное употребление в нашей стране, как и в ряде других европейских стран, термина «этнография» для обозначения науки, включающей оба исследовательских уровня****.

---

* Весьма показательным в этом отношении мнение, что «этнография сугубо описательная дисциплина и выходит из моды... Она представляет из себя только собрание фактов, сырой материал для этнологии» (*Hoebel E. A. Man in the primitive world. An introduction to anthropology. London, 1949, p. 6.*)

** Известно, что «в Америке этнология, как правило, означает... сравнительное изучение примитивных народов» (*Hultkrantz A. Anthropology as a goal research: some reflection.— In: Folk, 1965, v. 7, p. 17.*)

*** Любопытная попытка установить своеобразную иерархию рассматриваемых дисциплин предпринята К. Леви-Строссом. По его мнению, «этнология включает в себя этнографию как свой предварительный этап», а культурно-социальная антропология представляет последний этап синтеза, «берущего в качестве основы выводы этнографии и этнологии» (*Lévi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris, 1958, p. 388.*)

**** Впрочем, нельзя не признать, что в этимологическом отношении термин «этнология» имеет определенные преимущества. Само собой разумеется, что для современной науки предпочтительней наименование, подчеркивающее ее обобщающие, а не описательные функции (см.: *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, М.: Наука, 1973, с. 181.*)

В результате у нас этнография практически отождествляется с этнологией*; правда, последний термин используется сравнительно редко, но зато часто употребляется его русский синоним «народоведение».

Касаясь вопроса об определении профиля этнографии (этнологии), следует еще раз напомнить, что в данном случае мы в наименовании самой дисциплины имеем прямое указание на ее исследовательский объект — этнос. Анализ этого явления в начале данной книги свидетельствует, что для употребления в целях обозначения объекта этнографо-этнологических исследований термина «этнос» в качестве эквивалента слову «народ» в широком его значении имеются тем большие основания, что этот объект вряд ли правильно ограничивать лишь небольшими, отставшими в своем развитии общностями. Ими являются не только хопи, ботокуды, алеуты и т. п. сравнительно малочисленные общности, но и такие многомиллионные этносы-народы, как русские, англичане, японцы, французы и т. д. Отсюда и представление, что этнографы изучают не только отставшие народы, но и развитые, как «чужие», так и свой собственный³⁸. Такого рода представления, как известно, характерны не только для русскоязычной литературы. Еще в начале XIX в. во многих странах Европы появляется интерес к познанию самобытной культуры собственного народа, что, в частности, получило выражение в немецком термине «Volkskunde». Кстати, этот термин, как и «Völkerkunde», особенно наглядно свидетельствует о том, что объектом соответствующих дисциплин³⁹ является народ (das Volk). Иными словами, в данном случае мы имеем полное соответствие между наименованиями дисциплин и представлениями об их объекте. Аналогичным образом дело обстоит и с традиционным пониманием у нас термина «этнография», ибо, как уже говорилось, слово «этнос» неизменно трактуется в значении «народ», а дефиниции этнографии подчеркивают, что это наука, изучающая (букв.— описывающая) этносы**.

* Правомерность такого отождествления уже не раз отмечалась в нашей литературе (см.: Харузина В. Н. Введение в этнографию: Описание и классификация народов земного шара. М., 1941, с. 16). Показательна в данном отношении и уже сравнительно прочно установившаяся у нас переводческая практика, при которой слово «этнология» в текстах на западноевропейских языках передается по-русски как «этнография».

** Так, в частности, определяют термин «этнография» наши энциклопедические словари и учебные пособия (см., например, Советский энциклопедический словарь. М., 1980, с. 1574; Основы этнографии. М., 1968, с. 5). Впрочем, в научной литературе можно встретить также мнение, что название «этнография» имеет чисто конвенциональный характер (см.: Strobach H. A marxista népfogalom és annak jelentősége a néprajzkutatás tárgyának meghatározásáza.— Ethnographia. Budapest, 1969, LXXX, 2. szám, 169—171 old.). Однако апелляции к конвенциональности представляются малоперспектив-

Однако установление объекта той или иной научной дисциплины само по себе еще не предопределяет полностью ее профиля. Соответственно и в рассматриваемом случае представление о том, что все этносы-народы являются основными объектами этнографии (этнологии), не исключает расхождений, касающихся определения ее предмета⁴⁰. Это, в частности, отчетливо сказалось в период становления советской этнографической науки. Тогда, с одной стороны, имела место тенденция ограничить задачи этнографии изучением только архаических, пережиточных явлений, с другой — рассматривать этнографию, точнее говоря, этнологию, как некую супердисциплину, претендующую (подобно антропологии) на изучение едва ли не всех компонентов жизнедеятельности общества. Подобные расхождения в определении предмета этнографии в известной мере сохраняются и поныне. Очевидно, однако, что первая из указанных тенденций неизбежно влечет за собой представление о предмете этнографии (этнологии) как некой шагреневого коже, ибо для современности характерно все большее исчезновение архаики из жизни народов. Несмотря на ее кажущуюся широту, не более перспективна для науки об этносах и вторая тенденция. Она создает непреодолимые трудности для разграничения познавательных задач этнографии и многочисленных других научных дисциплин, изучающих различные аспекты жизни народов. В настоящее время такого рода трудности особенно ощутимы в связи с бурным развертыванием конкретно-социологических исследований, поскольку таковые сами претендуют на охват чуть ли не всех сторон повседневной жизни общества. Однако, на наш взгляд, обе указанные крайности могут быть легко преодолены, если при определении предмета этнографии ориентироваться на те же общие критерии, которыми обычно руководствуются при выделении предметных областей большинства наук, т. е. наличием у объекта специфических свойств, изучаемых именно данной наукой. Поскольку в интересующем нас случае таким объектом является этнос, как уже отмечалось, среди его типологизирующих, характерных свойств и следует искать соответствующие критерии. К таким свойствам относятся те, благодаря которым этнос может быть выделен среди других человеческих общностей, т. е. свойства, которые обеспечивают внутреннюю интеграцию членов данного этноса (этноинтегрирующие функции) и их отграничение от иных этносов (этнодифференцирующие функции). Следовательно, основным критерием для

ними. Ведь как раз в тех случаях, когда полностью игнорируется семантика наименования этой дисциплины, т. е. имеет место «чистая конвенциональность», наблюдается огромный разнобой в определении ее предмета. Иначе говоря, такой односторонний подход крайне затрудняет выработку согласованного, общепринятого понимания профиля этнографии, оставляя открытой возможность появления все новых и новых ее дефиниций.

выделения предметной области этнографии является рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций⁴¹. В силу большей наглядности этнодифференцирующих свойств (этнической специфики) именно такие свойства обычно выступают в качестве отправного ориентира для выделения предметной области этнографических исследований.

Рассмотрение этноса сквозь призму выполнения его компонентами этнических функций позволяет наметить основную зону этнографических (этнологических) исследований. Представляется очевидным, что при подходе к проблеме ядро этнографии (этнологии) составит тот слой культуры в широком смысле слова, который выполняет этнические функции, прежде всего традиционно-бытовая культура⁴².

Однако на разных ступенях общественного развития традиционно-повседневной культуре принадлежит далеко не одинаковая роль. Более того, различны и временные параметры традиций, в одних случаях это преимущественно давние, архаические, в других — новые, формирующиеся традиции.

В доклассовых и раннеклассовых обществах культура почти исчерпывается ее повседневным традиционно-архаическим слоем. В силу этого в поле зрения этнографов неизбежно оказываются все стороны жизни этноса, включая материальную и соционормативную культуру. В развитых же обществах этническая специфика все более смещается в сферу духовной культуры, психологических явлений. Соответственно несколько смещается и ядро предметной области этнографии, в частности особое значение приобретает изучение этнического самосознания⁴³. Наконец, поскольку этнос представляет собой динамичную, изменяющуюся во времени систему, поэтому важнейшей задачей этнографии является изучение этнических процессов, начиная с этногенеза народов и кончая современными этносоциальными (национальными) процессами.

В целом такое понимание задач этнографии позволяет, на наш взгляд, не только привести в полное соответствие название этой науки с ее содержанием, но и достаточно четко разграничить этнографию от смежных дисциплин. Это в первую очередь относится к социологии. Впрочем, на данном вопросе позволю себе не останавливаться, отослав интересующихся к предыдущему очерку и соответствующей литературе⁴⁴. Отмечу в общей форме лишь два момента. Во-первых, указанные критерии размежевания со смежными «отраслевыми» дисциплинами открыли возможность для сравнительно четкого профилирования ряда пограничных дисциплин (этническая антропология, этногеография и т. п.), столь важных для углубленного изучения многих этнических явлений. Во-вторых, эти критерии позволили наметить решение вопроса о соотношении этнографии с такими претендующими на широкий охват общества науками, как социология

и история; в частности, на стыке их выделены этносоциология* и этническая история**.

В свете сказанного возникает вопрос: в чем в настоящее время заключается общность предметных областей советской этнографии и англо-американской культурно-социальной антропологии? Такая общность достаточно наглядно проступает при изучении отставших в своем развитии народов. В данном случае как первая, так и вторая исследуют весь образ жизни народов. При этом сколько-нибудь существенных расхождений в представлении об исследовательском объекте не возникает, поскольку этнос и отдельный социальный организм (общество) в первобытной формации обычно совпадают. Возможно, именно поэтому во время недавней встречи в Бург-Вартенштейне многие наши западные оппоненты склонны были признать за этносом роль основного объекта культурно-социальной антропологии⁴⁵. Впрочем, как уже говорилось, такое понимание объекта дисциплины вообще не чуждо ее отдельным представителям.

Но, как мы могли убедиться, доминирующие представления об объектно-предметной сфере культурно-социальной антропологии (особенно при изучении народов промышленно развитых стран) связаны с культурой и социальными группами (преимущественно малыми). Отсюда, казалось, можно было бы заключить, что этнография современности (в нашем понимании) соотносится с англо-американской культурно-социальной антропологией примерно так же, как со всем комплексом культуроведческих дисциплин и социологией. Однако подобное заключение было бы явным упрощением, хотя бы уже потому, что при всей широте культурная антропология далеко не тождественна всему комплексу культуроведческих дисциплин, а социальная антропология — социологических.

Об определенном расхождении предметных зон этнографии и культурно-социальной антропологии при изучении современности наглядно свидетельствует, например, тот факт, что такая «этнографическая» тема, как современные межэтнические отношения и этнические процессы, находится преимущественно в поле зрения англо-американских социологов, а не антропологов⁴⁶.

* Об этносоциологии как «пограничной» дисциплине подробнее см. с. 94—96, 359—360.

** Под этнической историей подразумевается изучение изменений этнических общностей во времени; речь идет об изменениях, касающихся не только отдельных черт таких общностей, но и их в целом. Этническую историю в такой трактовке не следует смешивать с этноисторией западной литературы, под которой обычно понимается история бесписьменных народов (*Hultkrantz A. General ethnological concepts. Copenhagen, 1960, p. 112; Freedman M. Social and Cultural Anthropology: Extract from Main Trends of Research in the Social and Human Sciences. UNESCO, to be published in 1973—74. Paris — The Hague: Mouton. UNESCO, p. 95*).

Одновременно следует учитывать, что при изучении современности в культурно-социальной антропологии выступают две тенденции, несколько сближающие ее с этнографией. Одна проявляется в особом внимании к традиционно-бытовым компонентам образа жизни людей*. Другая — характерное для современной культурно-социальной антропологии стремление к сравнительному анализу, выявлению вариаций культурных и социальных общностей. Ведь и для этнографии сравнительно-типологический подход — важнейшее условие выявления типичных черт основных исследовательских объектов-этносов, а также других историко-культурных общностей.

Вместе с тем нельзя не заметить и некоторое углубление различий между предметными областями сопоставляемых дисциплин. В известной мере это связано с тем, что в последнее время профиль этнографии, во всяком случае в некоторых странах, определяется более строго, чем культурно-социальной антропологии, У последней же он становится все более расплывчатым и менее соответствующим ее наименованию, что крайне затрудняет демаркацию со смежными дисциплинами, в первую очередь защиту от натиска социологии. Если при всем этом учесть наличие в культурно-социальной антропологии кризисных явлений идеологического характера, то станет понятным, почему в современной западной литературе можно встретить не только определение ее перспектив как весьма туманных⁴⁷, но и требование для нее нового облика**. Что же касается будущего этнографии, то понимание ее как науки об этносах не оставляет места для пессимизма. До тех пор, пока существуют этносы-народы, этнография сохранит свой исследовательский объект, притом не только как историческое прошлое, но и как живую действительность. И этот оптимизм основан не только на соображениях общетеоретического характера; он стимулируется также современной практикой как советской, так и прогрессивной зарубежной этнографии. Анализу этой практики и посвящены очередные очерки данной книги, проливающие вместе с тем дополнительный свет на проблему основных предметных зон этнографической науки.

* Необходимо подчеркнуть, однако, что причины этого внимания у этнографии и культурно-социальной антропологии различны. В одном случае оно обусловлено тем, что такие компоненты являются основными носителями этнической специфики, в другом — оно связано с преобладающим интересом к изучению «примитивных» обществ, где такие компоненты являются доминирующими.

** *Lévi-Strauss C. Anthropology: Its achievements and future.— Current Anthropology, 1968, v. 9, N 7, p. 126.* Необходимость поиска новых путей развития культурно-социальной антропологии в будущем все в большей мере начинает осознаваться зарубежными специалистами, о чем, в частности, свидетельствует как организация на X МКАЭН секции, посвященной будущему антропологии, так и подготовка к данному конгрессу специальной книги на эту тему (*Anthropology for the Future. / Ed. D. Shimkin, S. Tax, J. Morrison. Illinois, 1978.*).

¹ *Lévi-Strauss C.* La crise de l'anthropologie moderne.— *Le Courrier de L'UNESCO*. Paris, 1961, N 11; *Worsley P.* The end of anthropology? Manchester, 1966; *Levis D.* Anthropology and colonialism.— *Current Anthropology*, 1973, v. 14, N 5; *Григулевич И. Р.* Социальная антропология: есть ли у нее будущее? — СЭ, 1975, № 2; *Веселкин Е. А.* Кризис британской социальной антропологии. М., 1977.

² См.: *Аверкиева Ю. П.* Этнография и культурно-социальная антропология на Западе.— СЭ, 1971, № 5, с. 11.

³ На это уже справедливо обращалось внимание в специальной литературе (*Hultkrantz A.* American «Anthropology» and European «Ethnology».— In: Laos. Stockholm, 1952, v. II, p. 100).

⁴ См.: *Poirier J.* Histoire de la pensée ethnologique.— In: *Ethnologie generale*. Paris, 1968, p. 19.

⁵ *Boas F.* Psychological problems in anthropology. S. l., 1910, p. 1.

⁶ *Herskovits M. J.* Man and his works. New York, 1949, p. 5. Ср.: *Montagu A.* Anthropology and Human nature. Boston, 1957; *Penniman T. K.* A Hundred Years of Anthropology. London, 1965, p. 13—14.

⁷ *Keesing R. M.* and *Keesing F. M.* New perspectives in cultural anthropology. New York, 1971, p. 5.

⁸ *Mandelbaum D. G.* Anthropology as study as career. Berkeley, 1965, p. 1.

⁹ *Lévi-Strauss C.* Anthropologie structurale. Paris, 1958, p. 378.

¹⁰ *Radcliffe-Brown A. R.* A natural science of society. Glencoe, 1957.

¹¹ *Redfield R.* Relation of Anthropology to the Social Sciences and to the Humanities.— *Anthropology Today*. Chicago, 1953, p. 728—738; *Anthropology among the disciplines...*— *Current anthropology*, 1963, v. 4, N 2.

¹² IXth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences: Plan of the Congress and Résumés of contributions. Chicago, 1973, p. 1—147; см. также в этой книге очерк: «Современная этнография в свете международных конгрессов».

¹³ *Harris M.* Cultur, Man and Nature..., p. 1.

¹⁴ Подробнее см.: *Аверкиева Ю. П.* Этнография и культурно-социальная антропология..., с. 12—13.

¹⁵ *Hoebel E. A.* Man in the primitive world: An introduction to anthropology. London, 1949, p. 5; *Penniman T. K.* A Hundred Years of Anthropology, p. 15.

¹⁶ *Radcliffe-Brown A. R.* A structure and function in primitive society. London, 1965 (6 ed), p. 5.

¹⁷ *Encyclopaedia Britannica*. Chicago — London — Toronto — Geneva. 1963, v. 6, p. 888.

¹⁸ Критический анализ советскими учеными основных направлений и школ англо-американской культурно-социальной антропологии см.: *Англо-американская этнография на службе империализма*. М., 1951; *Современная американская этнография: Теоретические направления и тенденции*. М., 1963; *Аверкиева Ю. П.* Этнография и культурно-социальная антропология на Западе.— СЭ, 1971, № 5; *Она же.* Этнография в США и неоколониализм.— *Нов. и новейш. ист.*, 1972, № 5; *Она же.* Об отношении к марксизму в современной этнографии Запада.— *Этнологические исследования за рубежом: Критические очерки*. М., 1973; *Она же.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979; *Григулевич И. Р.* Социальная антропология...; *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М., 1978; *Веселкин Е. А.* Кризис британской социальной антропологии; *Он же.* Структурализм: претензии на философию (теоретические проблемы британского этнологического структурализма).— В кн.: *Этнография за рубежом*. М., 1979.

¹⁹ *Anthropology among the disciplines...*— *Current anthropology*, 1963, v. 4, N 2.

²⁰ *Freedman M.* Social and Cultural Anthropology: Extract from Main Trends of Research in the Social and Human Sciences. UNESCO, to be published in 1973—74. Paris — The Hague: Mouton. UNESCO. (Специальный кри-

тический анализ этой работы см.: *Frank A. G. Anthropology-ideology, applied anthropology-polities.*— *Race and Class*, 1975, v. XVII, N 1).

²¹ См.: *Аверкиева Ю. П., Бромлей Ю. В.* IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук.— СЭ, 1974, № 1, с. 6—7.

²² *Freedman M. Social and Cultural Anthropology...*

²³ *Encyclopaedia Britannica*, v. 20, p. 862; *Keesing R. M. and Keesing F. M. New perspectives...*, p. 4—5.

²⁴ *Titiev M. The Science of man.* New York, 1956, p. 4.

²⁵ *Titiev M. The Science of man*, p. 4; *Mandelbaum D. Cultural Anthropology*. S. 1. 1965, p. 2; *Hultkrantz A. General ethnological Concepts.* Copenhagen, 1960, p. 57.

²⁶ *Haddon A. History of anthropology.* London, 1949, p. VII.

²⁷ *Encyclopaedia Britannica*, v. 20, p. 862.

²⁸ *Freedman M. Social and Cultural Anthropology...*, p. 121.

²⁹ *Haddon A. History of anthropology*, p. VIII; *Explorations in Cultural Anthropology.*/ Ed. by Goodenough W. New York, 1963, p. 2; *Keesing R. M. and Keesing F. M. New perspectives...*, p. 4; *Despres L. Anthropological Theory, Cultural Pluralism, and the Study of Complex Societies.*— *Current Anthropology*, 1963, v. 9, N 1, p. 4.

³⁰ *Encyclopaedia Britannica*, v. 20, p. 862.

³¹ *Gellner E. Cause and meaning.* Boston, 1973, p. 107—110.

³² Там же, с. 111.

³³ Там же, с. 108.

³⁴ Там же, с. 111.

³⁵ *American Sociology: Perspectives, Problems, Methods.*/ Ed. by Parsons T. New York — London, 1963, p. 321 (русск. пер.: *Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы.* М.: Прогресс, 1972, с. 262—263).

³⁶ См.: *Козлов В. И.* Методологические проблемы этнографии: К итогам международного симпозиума.— СЭ, 1977, № 2.

³⁷ *Dragadze T. The place of ethnos theory in Soviet anthropology.*— In: *Soviet and Western Anthropology.* Ed. E. Gellner. London, 1980, p. 161.

³⁸ См. очерк «Этнос и его основные виды», помещенный в этой книге.

³⁹ Вопрос о взаимоотношении этих двух дисциплин заслуживает специального рассмотрения (см., например: *Steinitz W. Volkskunde und Völkerkunde.*— *Deutsches Jahrbuch für Volkskunde.* Berlin, 1955, Bd I, Hf 1—2. S. 270—275).

⁴⁰ Подробнее см. очерк «Об этнографическом изучении современности», публикуемый в этой книге.

⁴¹ Подробнее см. очерк «О соотношении этнографии с историей и социологией», помещенный в этой книге.

⁴² Там же.

⁴³ См.: *Бромлей Ю. В.* Современная этнография и ее перспективы.— *Будущее науки: Международный ежегодник*, 1975, вып. 8, с. 254—260.

⁴⁴ *Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г.* О предмете и задачах этногеографии.— СЭ, 1963, № 1; *Бромлей Ю. В., Шкараган О. И.* О соотношении истории, этнографии и социологии.— СЭ, 1969, № 3; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 236—262; *Козлов В. И., Покшишевский В. В.* Этнография и география.— СЭ, 1973, № 1; *Покшишевский В. В.* Взаимопроникновение и взаимодействие географии и этнографии.— *Изв. АН СССР. Серия географическая*, 1975, № 5; *Бромлей Ю. В.* О месте этнографии в системе наук.— *Вестн. АН СССР*, 1977, № 1; *Ethnography and related sciences.* М., 1977.

⁴⁵ См.: *Козлов В. И.* Методологические проблемы этнографии..., с. 118—119.

⁴⁶ См.: *Труфанов И. П.* О некоторых тенденциях в исследовании этносоциальных процессов в США.— СЭ, 1972, № 4, с. 180—184; *Бадалян И. А.* Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада.— СЭ, 1976, № 1, с. 155—165.

⁴⁷ *Keesing R. M. and Keesing F. M. New perspectives...*, p. 402.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР

Характеризуя предметную область этнографии, представляется немаловажным выяснить соотношение ее теории и практики. Именно этим и определяется специальное обращение к анализу состояния данной науки в нашей стране в послевоенный период.

Первые годы послевоенного развития советской этнографии характеризуются как общей активизацией, так и расширением рамок ее деятельности. Патриотическое воодушевление всех народов нашей страны в годы войны привело к повышению интереса к их собственной истории и культурному наследству. Война усилила интерес и к зарубежным народам. Включение в систему социализма ряда государств Европы и Азии, развернувшаяся в послевоенные годы освободительная борьба народов и приобретение многими из них — прежде всего в Азии и Африке — национального суверенитета вызвали особое внимание советской общественности к этим явлениям. Наконец, рост международных связей СССР поставил перед советскими учеными задачу всестороннего освещения быта зарубежных народов, их образа жизни, культурных традиций. Все это в немалой степени способствовало расширению профиля этнографических исследований, которые в 30-е годы имели тенденцию к ограничению сравнительно узким кругом проблем, главным образом связанных с изучением истории первобытнообщинного строя¹.

Необходимость обеспечить фактическим материалом обширную исследовательскую программу настоятельно потребовала развертывания полевых работ. Уже в первое послевоенное десятилетие формируется широкая сеть экспедиций (многие из них имели археолого-антрополого-этнографический характер).

Сразу же по окончании войны Академией наук СССР стало уделяться большое внимание развертыванию этнографических исследований в союзных и автономных республиках. С этой целью велась подготовка кадров, осуществлялись совместные экспедиции и публикации трудов, периодически созывались координационные совещания.

К концу 40-х — началу 50-х годов во многих не только союзных, но и автономных республиках сформировались отряды этнографов. Именно с этого времени можно говорить о складывании советской многонациональной этнографической школы, многочисленные отряды и группы которой имеют самостоятельные задания, но объединены общей целью и общей методологией². Количество учреждений, занимающихся изучением этнографии, значительно увеличилось. Появились новые этнографические центры как в академиях наук союзных республик, так и в филиалах Академии наук СССР, а позднее и в научных учреждениях

ее Сибирского отделения. Координацию исследований возглавил Институт этнографии АН СССР, значительная часть которого в послевоенные годы перебазировалась в Москву*. Не остались в послевоенные годы неизменными и представления о самом предмете, важнейших проблемах и месте этнографии в системе наук.

Еще в предвоенные годы советская этнография определилась как историческая дисциплина³, что сопровождалось утверждением в ней методологии исторического материализма. Отнесение советской этнографической науки к числу исторических дисциплин наиболее всеобъемлюще учитывает специфику ее познавательных задач. Хотя объектом изучения этнографии в первую очередь являются современные народы, в ее поле зрения находятся все когда-либо существовавшие в прошлом этносы. В результате этнографическая наука стремится охватить всю историю человечества, исследуя ее под определенным, этническим углом зрения. В качестве исторической дисциплины советская этнография выступает и при всестороннем изучении истории докапиталистических обществ, прежде всего первобытнообщинного. Таким образом, если этнографические исследования пространственно охватывают все народы мира, то хронологически их диапазон простирается от зачатков человеческого общества в древности до его современного состояния.

Такое понимание масштабов, границ и задач этнографии как науки, разумеется, сложилось не сразу. Существенные шаги в расширении профиля этнографических исследований были сделаны, как уже говорилось, в первые же послевоенные годы. Однако при этом дала себя знать и тенденция к чрезмерному расширению познавательных задач этнографии. Не случайно она в то время подчас характеризовалась как наука с очень широкими и неопределенными границами⁴.

Большое значение для уточнения предметной области этнографической науки в нашей стране имело обсуждение теоретических проблем в печати и на различных конференциях советских этнографов во второй половине 60-х — начале 70-х годов. Такое усиление внимания к профилированию этнографических исследований в последние полтора десятилетия не случайно.

Вступление нашей страны в 60-е годы в период развитого социализма и ускорившиеся в условиях научно-технической революции темпы социально-экономического развития сопровождаются все возрастающим приобщением широких масс к достижениям культуры под воздействием сложившейся разветвленной системы народного просвещения в сочетании с современными средствами массовой информации. Одновременно с дальнейшим развитием в СССР национальных культур и сближением народов во всех сфе-

* В 1947 г. Институту этнографии АН СССР было присвоено имя выдающегося русского исследователя Н. Н. Миклухо-Маклая.

рах материальной и духовной культуры, сложилась новая историческая общность — советский народ.

Все эти процессы свидетельствуют о возникновении новой социально-культурной и этнокультурной ситуации, потребовавшей не только разработки новых для этнографии проблем, но и пересмотра и совершенствования основных понятий этнографической науки и границ ее предметной сферы. К тому же характерная для нашей эпохи дальнейшая дифференциация и интеграция наук все настойчивей выдвигает задачу как более четкого разграничения этнографии со смежными дисциплинами, в первую очередь с конкретной социологией, так и междисциплинарной кооперации.

Не случайно именно в эти годы в центре внимания советских этнографов оказались две взаимосвязанные проблемы: теория этноса — основного объекта этнографических исследований и обоснование критериев определения предметной области этих исследований⁵. В результате формируется точка зрения, согласно которой при выборе этнографического угла зрения на тот или иной компонент изучаемого объекта главным ориентиром должно служить выполнение этим компонентом этнических функций, т. е. прежде всего его этническая специфика⁶. Правда, критерия этнической специфики этнографы в нашей стране, как и во многих других странах, практически придерживаются издавна, хотя далеко не всегда достаточно осознанно. И можно легко проследить, как этот критерий вольно или невольно предопределяет выбор советскими этнографами тех или иных сфер культуры в качестве конкретных зон исследований⁷.

Являясь исторической дисциплиной, советская этнография в наши дни занимает весьма своеобразное место во всей системе наук. Это обусловлено прежде всего особым вниманием этнографов к современности, которая рассматривается ими как живая функционирующая действительность. Следует иметь в виду и то, что хотя этнографы концентрируют основное внимание на культурно-бытовых явлениях и их этнических особенностях, однако выяснение отличительных, типических черт быта каждого народа требует знания его в целом. Именно поэтому этнографическое изучение народов Советского Союза неизбежно пересекается со многими «отраслевыми» общественными и даже отдельными естественными науками. Между некоторыми из таких наук и этнографией практически почти невозможно провести четкую линию. Недаром на их пограничье в последнее время возникла целая серия особых «спутников» этнографии — этническая антропология, этническая география, этническая лингвистика, этносоциология, этноботаника и т. д.⁸

Своеобразие этнографической науки проявляется и в некоторых характерных особенностях ее методики. Традиционно доминирующими в ней исследовательскими приемами являются

сравнительно-исторический метод и метод ретроспективных реконструкций («пережитков»), а основным способом получения первичной информации — метод непосредственных полевых наблюдений. Наряду с полученными таким образом данными этнография широко использует и свидетельства письменных источников, и материалы археологии, и сведения, почерпнутые из статистики, и данные, собранные путем анкетирования и т. д.⁹ Если же иметь в виду привлечение для характеристики объекта этнографии материалов тех дисциплин, которые выступают в роли ее «спутников», то окажется, что последние включают не только данные демографии, географии, ботаники, зоологии и т. п., но даже информацию, полученную в результате биохимических анализов.

Основным направлением научной деятельности советских этнографов является историко-этнографическое изучение народов мира. Это направление охватывает целый комплекс проблем от архаических общественных форм и этногенеза до современных культурно-бытовых и этнических процессов. Разработка этого направления играет важную роль в борьбе с различными реакционными концепциями, например, такими, как теория «природной неполноценности» и «неспособности к прогрессу» народов Африки, Азии, Австралии и Океании, с утверждениями, что эти народы в своем историческом развитии идут «по особому пути», якобы принципиально отличному от истории народов других частей света.

Познавательная значимость историко-этнографических знаний предопределила пристальное внимание советских этнографов к созданию обобщающих характеристик народов в форме сводных трудов, историко-этнографических атласов, этнических карт.

Одной из главных задач советских этнографов в послевоенные годы стала подготовка многотомной серии «Народы мира». Возглавил эту работу С. П. Толстов. Подготовка серии, в создании которой наряду с сотрудниками Института этнографии АН СССР приняли участие специалисты из многих республиканских научных учреждений, заняла почти два десятилетия. Она была завершена в 1966 г.¹⁰ В вышедших к этому времени 13-ти томах (18 книг) серии даются подробные, опирающиеся на различные источники, сведения об этническом составе населения, культурно-бытовых особенностях народов, приводятся материалы по истории их культуры с древнейших времен до наших дней. Эта серия показывает исторические корни, социально-экономическую обусловленность и взаимосвязь многообразных этнических процессов. Серия «Народы мира» получила широкое признание, о чем свидетельствуют многочисленные положительные рецензии как на отдельные тома, так и на издание в целом и в СССР и в зарубежных странах. Некоторые тома этой серии или главы из них были переведены на иностранные языки.

Подготовка томов «Народы мира» сыграла важную роль в развитии советской этнографической науки. Она заставила обратить внимание на «белые пятна», раздвинула рамки научных интересов наших специалистов до глобальных масштабов. Создание серии немало содействовало укреплению связей между всеми советскими этнографами, а также установлению тесных контактов с этнографами социалистических стран, принявшими непосредственное участие в работе над томом о народах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Одна из характерных черт научной деятельности советских этнографов в послевоенные годы — усиление внимания к изучению различных аспектов современных этнических процессов: этнокультурных, этнодемографических, этнолингвистических и т. д. В связи с различием практических задач, возможностей и методики это изучение может быть расчленено на два раздела. Один из них касается народов СССР, другой — народов зарубежных стран.

Этнографическое изучение современных процессов в нашей стране прошло несколько этапов. Первоначально оно было сконцентрировано на их культурно-бытовых аспектах. Работе в этой области было уделено значительное внимание еще в 1920—1930-е годы в связи с практическими задачами переустройства жизни народов отсталых в прошлом окраин страны. В конце 30-х годов деятельность этнографов в данном направлении почти не развивалась. Усилившись вновь в конце 40-х годов, этнографическое изучение современной культуры и быта народов нашей страны первоначально было несколько поверхностным. Более глубокий характер и широкий размах эти исследования приобрели в конце 50-х — первой половине 60-х годов. В это время был подготовлен и опубликован ряд монографий о культуре и быте колхозного крестьянства¹¹.

Постепенно начали расширяться рамки исследований: была поставлена задача изучения быта рабочих, а затем и всего городского населения страны¹². Ранее считалось, что этнографы должны изучать лишь сельское население, поскольку урбанизация ведет к стиранию этнической специфики; и хотя урбанизация отнюдь не означает полного исчезновения традиционных особенностей культуры и быта, однако их выявление у городского населения сопряжено с немалыми трудностями методического характера. Это же относится и к раскрытию в целом этнической специфики народов, бытовая культура которых испытала значительное влияние промышленного развития. Однако по мере накопления опыта подобного рода трудности оказались в значительной мере преодоленными. Постепенно совершенствовалась и методика исследований. Изучение сложных явлений современной жизни потребовало привлечения массового материала, обрабатываемого с помощью счетно-решающих устройств¹³.

В последнее время стало уделяться внимание и теоретической разработке вопроса о профиле этнографических исследований современной культуры и быта развитых в промышленном отношении стран¹⁴.

Активно велось, особенно в последнее десятилетие, и конкретное изучение процессов, определяющих этнокультурный облик народов нашей страны. В поле зрения исследователей находились все основные компоненты сохранившейся традиционно-бытовой культуры. Например, как и прежде, углубленно изучалась материальная культура¹⁵, продвинулось также изучение процесса формирования новой обрядности, роли обрядов в современном обществе¹⁶. Вообще для последних лет характерно возросшее внимание к проблемам общественной жизни и семьи, в рамках которой воспроизводятся этнические традиции и формируются многие отличительные черты современного быта¹⁷. В этом отношении показательна коллективная монография, посвященная культуре и быту уральских рабочих. В ней культурно-бытовые изменения, происшедшие в жизни русского рабочего за годы Советской власти, показываются в связи с рассмотрением социальных преобразований¹⁸. В этом же ключе написана и монография, посвященная этнографическому изучению современного быта населения среднерусских городов¹⁹. Эти и другие издания свидетельствуют о том, что этнографы, не ограничиваясь работами в привычной среде сельского населения, продолжают разворачивать исследование быта горожан вообще, рабочего класса в особенности²⁰.

В целом для всего этого комплекса работ характерно широкое использование давно утвердившегося в нашей этнографической науке метода сопоставления традиционных черт народной культуры (в том виде, в каком они были зафиксированы в конце XIX — начале XX в.) и современного быта. Изучение проводится не только в плане выяснения современной роли прежних, исконных элементов бытовой культуры, но и в целях выявления функций новых ее компонентов, вытеснивших и заменивших собой старые. Такой подход к анализу традиционных культур на современном этапе их развития четко отражен в формуле «традиции и инновации», сквозь призму которой в ряде работ и проводится анализ фактического материала. Характерной чертой исследований, получившей в рассматриваемый период дальнейшее развитие, стало широкое привлечение статистических материалов, данных анкетных опросов.

Этнографическое изучение современности, однако, не ограничивалось исследованием культурно-бытовых процессов. Главное внимание в последнее время стало уделяться анализу современных этнических процессов в целом — многогранного явления, тесно сопряженного с самыми различными общественными сферами — от экономики до психологии. Культурно-бытовые изменения

составляют лишь один из аспектов этих процессов. И каким бы важным ни был этот аспект для раскрытия характера современных этнических процессов, тем не менее очевидно, что одних данных о состоянии бытовой культуры далеко не достаточно для их всестороннего изучения. Известно, в частности, что этническое самосознание может формироваться и крепнуть независимо от степени сохранения традиционных компонентов бытовой культуры и даже наряду с их утратой. Вместе с тем, как показали исследования последних лет, в современных условиях профессиональная культура, превращаясь в достояние самых широких масс, оказывает более сильное влияние на этнические процессы, чем традиционно-бытовая культура, границы которой постепенно суживаются²¹.

Значение этой проблематики для такого многонационального государства, каким является Советский Союз, трудно переоценить. «Национальные отношения и в обществе зрелого социализма — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи», — говорил Л. И. Брежнев²². Вот почему не только научный, но и большой практический интерес представляет проводящееся в последние годы этнографическое изучение этнических аспектов национальных процессов в СССР.

Особое внимание при этом уделяется определению общих тенденций и основных направлений развития данных процессов в нашей стране за годы Советской власти²³. Намечены основные, характерные для нее типы таких процессов — этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническая интеграция (сближение)²⁴. Проводится также изучение особенностей современных этнических процессов в отдельных регионах Советского Союза, исследование механизма этих процессов²⁵.

Эти исследования осуществляются на основе материалов этнографических наблюдений с широким привлечением статистических материалов и данных лингвистики. Они позволили, в частности, констатировать исчезновение прежней обособленности и замкнутости многих локальных этнографических групп внутри отдельных наций и народностей, выявить конкретные формы складывания новых общесоветских черт в бытовой культуре народов нашей страны. Заметно расширилось в рассматриваемый период изучение этнолингвистических компонентов этих процессов²⁶; положено начало исследованию их этнопсихологических аспектов²⁷.

В ходе этнографического изучения современных национальных процессов выявилось особое значение взаимосвязи между собственно этническими и социально-экономическими факторами. Стало ясно, что необходимо изучать, с одной стороны, особенности этнических изменений в различных социальных группах, а с другой — своеобразие социальных изменений в различных этнических средах, у разных народов. Развертывание этих исследований,

как уже отмечалось, привело к появлению особой научной дисциплины на стыке этнографии и конкретной социологии — этносоциологии современности. Можно сказать, что последнее десятилетие стало периодом, в течение которого этносоциология современности оформилась как самостоятельное научное направление. В 1973 г. Институтом этнографии АН СССР была выпущена первая монография, обобщающая итоги этносоциологических исследований²⁸, в которой рассмотрены разные социальные группы у двух основных народов Татарской АССР — татар и русских. Проанализированные материалы свидетельствуют, что на современном этапе социальная структура татарской нации пришла в соответствие с общесоюзной социально-классовой и социально-профессиональной структурой. На этой основе произошло сближение социальной структуры татар и русских. Осуществление ленинской национальной политики, одним из результатов которой явилась ускоренная социальная мобильность татар, способствовало интеграционным процессам и в области культуры. Исследование показало, что в настоящее время татары и русские в одних и тех же социальных группах, сохраняя свое национальное своеобразие, практически не различаются по уровню культурного развития; одинаковые социальные группы этих наций имеют общие ориентации, жизненные цели и представления.

В настоящее время завершается осуществление аналогичных исследований в более широких масштабах с целью углубления наших представлений об этнических аспектах процессов развития и сближения наций в СССР. В рамках этой общей программы начиная с 1971 г. проводились совместные этносоциальные исследования московских и кишиневских специалистов в Молдавии; с 1972 г. такого же рода исследования московские этнографы проводили в Грузии при активном участии тбилисских этнографов и социологов; с 1974 г. — в Эстонии и Узбекистане совместно с учеными этих республик²⁹.

Предварительные итоги проводившегося в стране этнографического изучения современности подводит коллективный труд «Современные этнические процессы в СССР», выдержавший уже два издания — в 1975 и 1977 гг. В книге впервые дано всестороннее освещение этнических аспектов национальных процессов в СССР за годы Советской власти, подробно рассматривается отражение этнических изменений в сферах материальной и духовной культуры, языка, семейных отношений у народов Советского Союза, влияние на эти изменения экономических, социальных и демографических факторов. Значительное внимание уделено также разработке теории этнических процессов. На обширном фактическом материале авторы раскрывают диалектическую взаимосвязь между процессами внутреннего развития каждой нации, с одной стороны, и их сближения — с другой. Исследование убедительно показало, что в ходе взаимовлияния и взаимообогаще-

ния духовных культур народов СССР, усвоения ими достижения мировой культуры складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и литературы, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимикой и т. п. Эта общесоветская культура — важный компонент новой исторической общности — советского народа. В самое последнее время дальнейшее развитие вся эта проблематика получила в связи с рассмотрением проблем нового и традиционного, общего и особенного в советском образе жизни ³⁰.

Все шире разворачивается изучение современных этнических процессов в зарубежных странах. Происшедшие в послевоенный период огромные экономические, социальные и политические сдвиги во всем мире, и особенно в странах Африки, Азии и Латинской Америки, повлекли за собой резкую активизацию национальных, этнических процессов. При этом научно-техническая революция середины XX в., необычно усилившая контакты между народами, сделала особенно ощутимым и нетерпимым отставание в их развитии. Вместе с тем значительно расширились международные связи, усилилось стремление народов к сотрудничеству и взаимопониманию. В результате небывалым образом повсеместно возрос интерес к современной жизни народов мира. И советские этнографы, естественно, стали уделять большое внимание этим вопросам. Наиболее значительно продвинулось изучение современных этнических процессов у народов Азии и Америки ³¹: в первом случае наряду с этнографами существенный вклад в разработку проблемы внесен востоковедами, во втором — историками-американистами. Ведется подготовка серии обобщающих монографий о современных национальных процессах в странах Латинской Америки ³².

Наметился уже некоторый опыт в изучении такого рода процессов и на Африканском континенте ³³. Постепенно разворачивается работа по изучению современной этнической ситуации у народов Западной Европы. На основе всех этих работ готовится обобщающий труд, посвященный в целом этническим процессам в современном мире.

С исследованием этнических аспектов национальных процессов в зарубежных странах тесно связана работа по воссозданию общей историко-этнографической характеристики населения в пределах целой страны или отдельного региона. В течение последних лет вышло в свет несколько работ такого плана, в том числе посвященных разным регионам Американского континента ³⁴. Начато изучение национальных групп, находящихся за пределами основной этнической территории, а также этнических судеб малых народов в зарубежных странах ³⁵. В непосредствен-

ной связи с общим анализом этнических процессов, протекающих в наши дни, находится исследование этнической истории народов в более ранний период, когда были заложены основы формирования современной этнокультурной ситуации в той или иной стране³⁶.

Несколько особое место среди работ, посвященных современным зарубежным народам, занимает сборник «На берегу Маклая». Авторы статей — члены этнографического отряда 6-го экспедиционного рейса научно-исследовательского судна АН СССР «Дмитрий Менделеев» (1971 г.) — проследили изменения в жизни обитателей папуасской деревни Бонгу за сто лет после первого посещения этих мест Н. Н. Миклухо-Маклаем. Хотя в книге описана лишь одна деревня, в ней затронуты процессы, характерные для Папуа-Новой Гвинеи в целом³⁷. В том же ряду стоят и новые публикации, появившиеся в результате участия этнографов в 18-м рейсе «Дмитрия Менделеева»³⁸. Проблематика, связанная с исследованием этнических аспектов современных национальных процессов за рубежом, освещается и в ежегоднике Института этнографии АН СССР «Расы и народы», который стал выходить с начала прошлого десятилетия³⁹.

В целом исследование советскими этнографами этносоциальных процессов в зарубежных странах способствует более углубленному их пониманию, вскрывает тесную связь этих процессов со спецификой социально-политического развития наций и конкретных этнокультурных ситуаций. Особый интерес представляет изучение этнических процессов в странах Африки, Азии, Латинской Америки, Океании, недавно вставших на путь самостоятельного развития. В условиях все расширяющихся контактов СССР с зарубежными странами такое изучение чрезвычайно полезно для понимания как этнической, так и общей национально-политической обстановки, сложившейся в той или иной стране.

В непосредственной связи с изучением современности получили развитие пограничные с этнографией дисциплины — этническая география и этническая демография, оформившиеся в качестве отдельных отраслей знаний в послевоенные годы. Становление этих дисциплин было вызвано необходимостью разработки важных в практическом отношении проблем, связанных с определением численности народов, их географическим размещением и территориальными взаимоотношениями, с исследованием сложных демографических и этнодемографических процессов, оказывающих большое влияние на всю современную жизнь народов мира⁴⁰. Были разработаны методы, позволяющие совместить на картах различные этнические и демографические показатели⁴¹. На основе новой методики за сравнительно короткое время этническим картографированием были охвачены все части земного шара⁴². Особенно большое внимание было уделено составлению этнографических карт слабоизученных регионов. Изданы также

обобщающая карта «Народы мира» (1961) и сводный труд, подводящий итоги многолетних исследований, — «Атлас народов мира» (1964). Особое место среди этнодемографических исследований занимает обобщающий труд «Численность и расселение народов мира» (1962), где дана подробная характеристика национального состава населения всех стран мира, численности отдельных народов и территории их расселения. Внимание широких кругов читателей привлекли также сводные справочники «Население мира» (1965) и «Население земного шара» (1965). Исследовались методы картографирования этнических процессов, в частности способы показа этнического состава населения городов, подвижного, неоседлого населения мира (кочевников, бродячих охотников и собирателей), современных миграций и т. д.⁴³ Завершена работа по созданию капитального этнодемографического труда — «Атласа населения мира». Эта работа обобщает в виде карт, схем, диаграмм, таблиц и текста широкий круг явлений и процессов, касающихся народонаселения. Помимо этнических аспектов народонаселения в атласе освещены также миграция, динамика численности населения, размещение и плотность, различные демографические показатели и т. п. В отличие от «Атласа народов мира», где был применен один прием картографирования (метод цветного фона), в «Атласе населения мира» использованы самые различные способы картографического изображения этнических явлений, рядом с картами соседствуют картодиаграммы, динамические графики и т. д.

Нельзя не упомянуть и об исторических разделах этнодемографии, в том числе об установлении на основе архивных материалов родо-племенного состава, численности и размещения народов Сибири в XVII в.⁴⁴ В последнее время продвинулась и разработка теоретических основ этнодемографии⁴⁵.

Большое место в деятельности советских этнографов продолжает занимать изучение традиционных культур народов мира. Это направление, присущее этнографии с самого ее оформления в самостоятельную область науки, за последние годы разрабатывается весьма активно. Причина усиленного внимания специалистов к традиционным культурам объясняется специфическими особенностями современного периода. Век научно-технической революции и социального прогресса способствует быстрому отмиранию многих элементов традиционно-бытовой культуры. Как уже говорилось, это особенно относится к материальной культуре, беспильной противостоять вторжению в быт широкого круга промышленных изделий. Совершенно ясно, что целый ряд черт традиционных культур уже в ближайшие годы окончательно уйдет в прошлое, и надо максимально использовать возможности полевых этнографических изысканий, чтобы зафиксировать те явления самобытной культуры разных народов, которые еще не стали предметом глубокого изучения.

В связи с этим изучение традиционных культур приобрело в наши дни особое значение, стало актуальной проблемой. Большое количество изданных за годы последнего пятилетия работ по разным аспектам исследования традиционных культур народов мира в значительной степени объясняется именно этой потребностью времени. Этнографическое изучение культур народов Земли имеет уже долгую историю. Уместно вспомнить, в частности, что одна из первых экспедиций Российской Академии наук, впервые осуществившая сбор этнографических сведений в пределах всей страны, работала свыше 200 лет назад (1768—1774 гг., руководитель П. С. Паллас). И все же традиционная культура многих народов до сих пор изучена недостаточно полно; каждый год этнографы получают сведения, позволяющие дополнить новыми, нередко очень существенными штрихами прежнюю этнографическую характеристику разных народов. Как и в прошлые годы, новые материалы выявляются главным образом в ходе полевых этнографических работ, которые нисколько не утратили своего первостепенного значения для изучения народной жизни.

Традиционным культурам народов Советского Союза посвящена серия интересных публикаций, которые открывают новые страницы исторического прошлого народов, отраженного в занятиях, обычаях и воззрениях людей, в создаваемых ими вещах.

Многоплановость и богатство традиционной культуры каждого народа определяют разный предметный уровень конкретных исследований. Состояние знаний и задачи работы нередко требуют детального рассмотрения какого-либо одного компонента или целого комплекса черт культуры. Этот подход, целесообразный с точки зрения тщательности изучения отдельных явлений, плодотворно использовался и в послевоенные годы. В частности, в разных регионах проводилось исследование хозяйства, материальной культуры или отдельных ее элементов (жилища, одежды, транспорта и т. д.). В некоторых случаях анализ материальной культуры учитывал ее взаимосвязи с занятиями народа, с характером поселений. Эти исследования касаются многих, если не всех, народов СССР⁴⁶, а также ряда зарубежных народов⁴⁷. Вместе с тем современные виды стандартизированной материальной культуры не случайно не входят в сферу специальных этнографических исследований. Они ведь по существу лишены этнического своеобразия.

Следует, однако, заметить, что при изучении традиционной материальной культуры этнографы не ограничиваются выяснением ее этнической специфики. Как известно, особенное неразрывно связано с общим. Поэтому закономерно рассмотрение этнографами различных аспектов материальной культуры. Но исследователь при этом не должен забывать о необходимости выявления этнических свойств изучаемых явлений.

Отчетливое представление об этнических особенностях отдельных компонентов материальной культуры позволяют получить сравнительно-типологические исследования. Первый опыт такого изучения проделан у нас на материалах по жилищу народов Европы⁴⁸.

Важное значение имеет также выявление конкретных ареалов распространения отдельных компонентов материальной культуры. В этих целях в послевоенные годы была развернута работа по созданию специальных историко-этнографических атласов⁴⁹. Их подготовка объединила усилия этнографов как центральных, так и республиканских научных учреждений. Вышли в свет атлас, посвященный народам Сибири, и атлас «Русские»⁵⁰, ведется подготовка атласов прибалтийского, кавказского, среднеазиатского регионов, а также Белоруссии, Украины и Молдавии⁵¹. Создание историко-этнографических атласов приобретает тем большее значение, что оно сопровождается широкой экспедиционной работой с целью фиксации традиционных форм материальной культуры и быта, многие из которых исчезают буквально у нас на глазах. Есть основания полагать, что атласы прольют дополнительный свет на многие конкретные вопросы этнической истории народов нашей страны. Работа над историко-этнографическими атласами ведется в тесном контакте с этнографами европейских стран. Координацию работ осуществляет специальная международная комиссия, в которой активное участие принимают представители советской этнографии.

Что касается традиционных сфер духовной культуры, то внимание этнографов прежде всего привлекает массовое народное художественное творчество. В поле их зрения преимущественно находятся те его виды, которые неразрывно связаны с материальной культурой и обладают не только эстетическими, но и утилитарно-бытовыми свойствами (гончарное мастерство, художественная обработка металла и дерева, ткачество, вышивка и т. п.)⁵².

Вместе с тем в отдельных регионах страны продвинулось и изучение народных танцев, музыки и театра⁵³.

Кроме задач исторического изучения, в этом направлении на первый план выдвинулись проблемы современного функционирования художественных традиций и их роли в развитии культур социалистических наций и вместе с тем практические задачи изучения и помощи современным художественным промыслам. Этнографы активно участвуют в этом направлении, разрабатывая специфические аспекты этих проблем⁵⁴.

В последнее время наметилось некоторое оживление в изучении семейной жизни и связанных с нею обычаев⁵⁵. Продолжалось изучение обрядности — явления, которое смыкается как с циклом важнейших событий в жизни общества и личности, так и с верованиями народа. При разработке этой темы, включающей и изучение праздничной обрядности, широко привлекались фоль-

кзорные материалы⁵⁶. Положено начало сравнительно-типологическому изучению обычаев и обрядов у народов зарубежной Европы⁵⁷.

Уделялось внимание и такой слаборазработанной области, как этнопедагогика — изучение народного опыта воспитания новых поколений в соответствии со сложившимися культурными традициями⁵⁸. Значительно активизировалось исследование народной медицины, чему немало способствовало проведение специальной научной конференции⁵⁹.

Большое внимание в последние годы было уделено изучению религий народов мира. Исследование религий, являющихся важной частью традиционной духовной культуры любого народа Земли, остается одним из существенных разделов этнографии. С момента своего возникновения религия оказывала немалое влияние на ход истории культуры. Хорошо известно, какое огромное значение имеет этнографический материал для общего религиоведения, в частности для исследования ранних форм религии; в этой области он является чуть ли не единственным источником. Проблематика, которая определяет специфику этнографического изучения религий, гораздо шире, чем вопросы первобытных верований. Этнографическое исследование призвано способствовать как разработке истории конкретных религий в различных районах мира, так и раскрытию общих закономерностей процесса развития религиозных верований. В этом отношении рассматриваемый период был весьма результативным: вышел в свет ряд фундаментальных обобщающих трудов по истории религии⁶⁰. Сам характер получаемого путем полевых изысканий материала обязывает этнографов к разработке проблемы синкретизма религиозных верований, которая в более общем плане связана и с задачей изучения локальных и простонародных форм мировых религий⁶¹. Работы последних лет свидетельствуют о возрождающемся интересе наших исследователей к проблеме русского бытового православия, насыщенного пережитками язычества⁶². Этот вопрос освещен и в уже упоминавшихся работах по типологическому изучению календарных обрядов в Западной Европе.

Последние годы характеризуются также выходом в свет новых трудов, в которых проблема религиозного синкретизма разрабатывается на материале верований народов, исповедующих ныне ислам⁶³. Из конкретных результатов этого направления следует упомянуть опубликование новых материалов по среднеазиатскому шаманству в особенности о впервые обнаруженном шаманстве у таджиков⁶⁴. Вопросы синкретизма (преимущественно на материале ранних верований) исследовались и сибиреоведами⁶⁵. Велась также работа и по изучению религиозных верований древнего населения нашей страны⁶⁶.

Этнографические работы остаются одним из наиболее эффективных способов изучения современного состояния религиозных

верований, их «бытового» уровня. Такого рода исследования современного состояния религиозности в нашей стране представлены рядом публикаций⁶⁷.

Появившиеся за последние годы публикации отражают и некоторые итоги исследования важной проблемы современной роли религии в жизни народов зарубежных стран⁶⁸.

С религиозными верованиями и обрядами тесно связан отражавший хозяйственный цикл народный календарь, изучение которого также велось в последние годы на материалах разных народов⁶⁹.

Особое место в деятельности советских этнографов в послевоенные годы заняла лингвистическая проблематика. Язык — один из существенных компонентов этноса, и, характеризуя этнические общности, этнографы, естественно, не могут обойтись без данных лингвистики. Между тем до недавнего времени языками бесписьменных народов филологи, как правило, недостаточно занимались. Именно поэтому в Институте этнографии АН СССР было обращено специальное внимание на изучение языков коренных народов Африки (к югу от Сахары), Америки, Океании. Значительных успехов достигло, в частности лингвистическое изучение народов Африки, имеющее не только познавательное, но и важное прикладное значение (создание словарей важнейших африканских языков)⁷⁰.

В этнолингвистической проблематике видное место занимает изучение некоторых давно забытых систем письма. Эти по-своему неповторимые системы, существовавшие в раннеклассовых обществах, представляют собой один из неотъемлемых компонентов в комплексе отличительных черт таких обществ. Отсюда особое внимание этнографов к подобным системам письменности, как и вообще к словесному творчеству народов, находящихся на ранних ступенях общественного развития. Такое внимание представляется тем более естественным, что языковая культура таких народов обычно познается в первую очередь в ходе их этнографического изучения. Наиболее значительным, получившим всемирную известность достижением в области этнолингвистики, являются исследования письменности древних майя, долгое время остававшейся загадкой для зарубежных филологов-американистов⁷¹. Блестящее подтверждение правильности предложенных Ю. В. Кнорозовым более десяти лет тому назад методов дешифровки этой письменности представляет его недавняя монография, в которой впервые даны переводы жреческих манускриптов⁷². Обнадеживающие результаты получены в ходе исследования протоиндийских текстов⁷³. Ведется также работа по дешифровке письменности острова Пасхи, киданей и чжурчженей⁷⁴. Намечались, как уже говорилось, сдвиги в этно- и социолнгвистическом изучении народов нашей страны⁷⁵, начало которому было положено еще в первые десятилетия после Октября⁷⁶. Дальней-

шее развертывание комплексных этнолингвистических исследований, например народов Сибири, представляется тем более важным, что без этого невозможно уяснить многие весьма существенные аспекты современных этнических процессов. Обращено внимание также на этноисторические аспекты проблемы билингвизма⁷⁷. Важный шаг в разработке этноязыковой проблематики недавно предпринят нашими лингвистами в плане изучения этнической (национальной) специфики как речевого, так и невербального поведения⁷⁸. В последние годы заметно продвинулись также работы в области этнической ономастики⁷⁹.

Исследование традиционных культур теснейшим образом связано с разработкой проблем этногенеза и этнической истории разных народов мира. Это естественно, ибо традиционная культура любого народа таит в себе следы его долгой истории, его родственных и культурных связей с другими народами. Следует заметить, что внимание к вопросам этногенеза является отличительной чертой советской этнографической науки. Многие зарубежные школы не считают нужным разрабатывать это направление. Между тем проблемы этногенеза и этнической истории важны не только в силу того, что они обусловлены одной из основных задач нашей науки — изучением этносов как динамических систем на всем протяжении истории человечества; необходимость тщательного исследования путей формирования народа диктуется и практическими целями, связанными с распространением в обществе правильных взглядов на исторический процесс. До сих пор еще не полностью преодолено упрощенное понимание происхождения народов. Иногда односторонний подход к истолкованию этногенеза отдельных народов проникает и в специальные исследования. Между тем изучение этногенеза и этнической истории приносит очевидные свидетельства того, что человеческая история была всегда историей контактов и смешения различных по своей антропологической, языковой и культурной принадлежности групп, что в мире нет ни одного «чистого» народа, не вобравшего в себя множество инородных элементов.

Этнографические материалы — один из важнейших источников для исследования вопросов происхождения народов. При этом сложность проблемы в целом требует привлечения всех других доступных источников. Разработка проблем этногенеза и этнической истории уже много лет ведется комплексно, в творческом содружестве этнографов с антропологами, археологами, лингвистами.

В исследовании этногенеза и этнической истории объектом изучения выступают как небольшие этнографические или этнические группы и отдельные народы, так и целые группы народов, населяющих крупные историко-этнографические ареалы. Следует отметить, что работы историко-этнографического плана в большинстве своем отличаются разнообразием не только основных,

этнографических данных, но и других привлеченных источников — литературных, археологических, лингвистических и т. д. Большинство такого рода работ посвящено этногенезу и этнической истории народов нашей страны⁸⁰. Существенный вклад в разработку этой проблематики внесен и специалистами по этнической антропологии⁸¹. Заметно продвинулись за последние годы также исследования по этнической истории зарубежных народов, в том числе и антропологические⁸².

В результате изучения этногенеза современные представления происхождения многих народов стали значительно глубже и детальнее; выявлен обширный круг данных, послуживших фундаментом для ретроспективной реконструкции; получил освещение ряд вопросов методического характера⁸³.

Проводимое советскими этнографами исследование различных историко-этнографических проблем в конечном счете нацелено на создание обобщающих характеристик этнических и историко-этнографических областей.

Особую значимость среди работ такого рода имеют историко-этнографические монографии о малых народах, не обладающих письменной традицией. Ведь только этнографу, располагающему материалами непосредственных полевых наблюдений, под силу путем ретроспективной реконструкции (разумеется, привлекая все источники, в том числе археологические данные) воссоздать историю таких народов. В результате поистине самоотверженной работы этнографов обрели свою историю десятки в прошлом бесписьменных и младописьменных народов нашей страны⁸⁴.

Освоение обширного историко-этнографического материала настоятельно потребовало от советских этнографов его дальнейшего теоретического осмысления. Неслучайно поэтому теоретические проблемы заняли в послевоенный период особое место в научной работе советских этнографов. Так, для понимания общих закономерностей развития культуры в целом, а также складывания ее специфических черт у отдельных народов и в рамках крупных регионов, большое значение имеет разработанная советскими учеными концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей⁸⁵. В первом случае имеются в виду определенные комплексы хозяйства и культуры. Каждый из них одновременно характерен для нескольких народов подчас самых различных частей ойкумены. Хотя эти комплексы складываются самостоятельно у разных народов, они оказываются однотипными в силу примерно одинакового социально-экономического уровня развития этих народов и сходных природных условий. Под историко-этнографическими (или, пожалуй точнее, традиционно-культурными) областями, как уже говорилось, подразумеваются отдельные части ойкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей складываются сходные культурно-бытовые особенности⁸⁶.

Значительный шаг в создании детальной классификации народов мира представляет предложенный советскими этнографами этнолингвистический принцип. Основой этнической группировки при этом служит язык, а в тех случаях, когда одного этого показателя недостаточно, во внимание принимаются другие этнические признаки, прежде всего специфические культурно-бытовые черты, а также этническое самосознание. Эти общие положения широко используются в этническом картографировании.

В последнее время усилилось внимание этнографов, так же как и философов, и социологов, к теоретической разработке таких важных для понимания закономерностей культурно-бытовых процессов проблем, как взаимовлияние культур, роль преемственности (традиции) и обновления (инновации) в развитии культуры, социальные функции ее традиционно-бытовых компонентов, бикультурализм, типология культуры и т. п.⁸⁷

Активное участие приняли советские этнографы в развернувшейся в послевоенные годы разработке теории этноса, в уточнении связанной с этим терминологии. Важную роль в этом отношении сыграло написание многотомной серии «Народы мира», настоятельно потребовавшей использования терминов, обозначающих в обобщенной форме все многообразие этнической структуры мира. В связи с этим широкое распространение получили термины «этнос» и «этническая общность». Не могло не сказаться и общее усиление внимания советских этнографов к проблемам этногенеза и этнической истории, в частности к современным этническим процессам. Появился ряд специальных статей, а затем и книг, посвященных разработке понятий «этническая общность» и «этнос» и их типологизации⁸⁸.

Введение в научный обиход этих терминов представляется тем более важным, что обыденное наименование соответствующих общностей в большинстве европейских языков чрезвычайно многозначно. Правда, в нашей философской литературе в этих целях нередко применяется такое понятие, как «историческая общность». Однако оно значительно шире рассматриваемой категории и поэтому практически не позволяет отграничить ее от других многочисленных разновидностей исторически сложившихся социальных общностей. Разработка теории этноса позволила четче представить характер этого типа общностей, их иерархичность, сложную внутреннюю структуру и взаимосвязь как с другими социальными явлениями, так и с природной средой⁸⁹. Выявление этнических аспектов национальных процессов немало способствует углубленному изучению этого многогранного феномена. Выработанное в ходе дискуссий представление об этносе как сложной динамической системе вместе с тем, как уже говорилось, имеет важное значение для уточнения предмета этнографической науки и ее соотношения со смежными дисциплинами.

Большое внимание продолжает уделяться советскими этно-

графами проблемам первобытной истории, что, как и раньше, объясняется ее особым мировоззренческим значением и не прекращающимися в буржуазной науке попытками прогнать марксистской концепции первобытного коллективизма новые, якобы противоречащие ей факты. В последние десятилетия советские этнографы накопили и систематизировали значительный новый материал, свидетельствующий об исторической универсальности первобытнообщинного строя и такой его важнейшей ячейки, как родовая община. Ведется изучение поздних форм родового строя, в частности структуры патриархального рода и его соотношения с патронимией, исследуются типы большой семьи. В последние годы впервые в истории науки предпринято исследование взаимовлияний доклассовых обществ, начата работа по изучению конкретных путей и механизмов классовообразования⁹⁰.

Говоря о разработке названных проблем, надо иметь в виду, что многие из них не могут быть пока однозначно решены из-за недостаточности имеющихся в нашем распоряжении этнографических и археологических источников. Это, естественно, ведет к различной трактовке некоторых фактических данных и определенным расхождениям во взглядах. В опубликованных в последние десятилетия сборниках, на страницах «Советской этнографии» и других специальных журналов прошли оживленные дискуссии о периодизации первобытной истории, периодизации развития брачно-семейных форм, соотношении рода и общины, материнского и отцовского родов, генезисе религии, искусства и т. д. Большинство связанных с этим вопросов все еще остается предметом споров, но важно отметить, что такие споры носят относительно частный характер, так как ведутся в пределах одного — марксистско-ленинского понимания истории первобытнообщинного строя⁹¹.

С разработкой проблем первобытного общества тесно связано этнографическое изучение архаических форм социальной жизни, сохраняющихся в классовых, в первую очередь раннеклассовых, обществах. Здесь, пожалуй, в первую очередь необходимо особо отметить внесение советскими этнографами заметной лепты в исследование общественного строя у кочевников⁹².

Заслуживает внимания и введение в науку новых обширных материалов, характеризующих различные типы общины и связанных с ней институтов, функционирующих в условиях классового общества^{92а}. Наметилось также в последнее время усиление интереса к этнографическому изучению городского быта в докапиталистических классовых формациях⁹³.

Естественной потребностью любой науки является стремление подвести итог сделанному в области той или иной проблематики, проанализировать деятельность отдельных ученых. Четкое представление о путях формирования научных концепций и направлений, о ходе накопления фактических данных позволяет лучше

понять сегодняшние тенденции развития науки. Именно этим и обусловлено оживление в послевоенные годы изучения истории отечественной этнографии⁹⁴. Начата и работа по истории этнографической науки в других социалистических странах. Наиболее значительным результатом в этой области следует признать подготовленный совместно с зарубежными этнографами труд «Этнография в странах социализма»⁹⁵.

Изучение истории науки неразрывно связано с важной задачей критики буржуазной идеологии. Творчески используя достижения прогрессивных ученых, критически осваивая новые полевые материалы своих зарубежных коллег, советские этнографы ведут непримиримую борьбу против реакционных течений в буржуазной науке. Одна из важнейших линий этой борьбы — разоблачение расизма, нередко пытающегося почерпнуть аргументы не только в антропологических, но и в этнографических материалах. Получив заметное развитие еще в предвоенный период, деятельность советских этнографов в данной области вновь активизировалась — опубликован ряд коллективных трудов⁹⁶.

В послевоенные десятилетия значительная работа проделана советскими этнографами (главным образом специалистами по зарубежной этнографии) и в сфере критики таких антимарксистских школ, как «английский функционализм», «американская этнопсихологическая школа», «культурный релятивизм» и т. п. Их критическому анализу посвящен как ряд статей, опубликованных в периодических изданиях («Советская этнография», «Вопросы истории» и др.), так и специальные монографии и сборники⁹⁷.

Значительное место уделяется критике реакционных течений в буржуазной науке и в уже упоминавшемся ежегоднике «Расы и народы». Материалы ежегодника, в частности, показывают несостоятельность современных расистских теорий, основанных на попытках оперировать этнографическим и антропологическим материалом.

Существенно расширились в послевоенные годы международные связи советских этнографов. Они ведут совместные исследования с учеными европейских социалистических стран, Кубы, Индии, Финляндии и т. д. Готовится, в частности, трехтомный труд по этнографии славянских народов⁹⁸.

Большое значение для установления контактов с зарубежными учеными имел состоявшийся в 1964 г. в Москве VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (в конгрессе участвовало около двух тысяч советских и около тысячи зарубежных ученых из 55 стран). Активное участие приняли советские этнографы в VIII, IX и X Международных конгрессах антропологов и этнографов, которые состоялись в 1968 г. в Токио — Киото, в 1973 г. в Чикаго и в 1978 г. в Дели⁹⁹.

В последние годы советские этнографы принимали также активное участие в международных конгрессах историков, славя-

стов, балканистов, финноугроведов, социологов, в специализированных международных симпозиумах и т. д.¹⁰⁰

Участие в МКАЭН, как и в других международных конгрессах, конференциях и совещаниях, немало способствовало усилению интереса зарубежной научной общественности к трудам советских этнографов. Об этом свидетельствуют не только многочисленные рецензии на наши издания в различных зарубежных журналах, но и в переводах на иностранные языки статей и книг, написанных этнографами Советского Союза¹⁰¹. Книги советских этнографов переводятся в разных странах¹⁰², в США специальный журнал «Советская антропология и археология» (Нью-Йорк) публикует на английском языке наиболее интересные, с точки зрения издателей, статьи советских этнографов. Для лучшей информации зарубежных специалистов о результатах этнографических исследований в СССР некоторые работы советских авторов были изданы на европейских языках и в Советском Союзе¹⁰³. Важное значение для пропаганды достижений советской науки в разработке методологических проблем этнографии имело проведение международного симпозиума на тему «Место этнографии («антропологии») в системе наук (советская и западная точки зрения)» (Австрия, 1976)¹⁰⁴.

Большое воспитательное значение науки об этносах ставит перед этнографами ответственную задачу превращения накопленных ими специальных знаний в достояние народа.

В последние годы увидел свет ряд популярных этнографических работ¹⁰⁵, статьи по различным проблемам этнографии публиковались в таких журналах, как «Вокруг света», «Наука и религия», «Природа», «Знание — сила» и другие. Продолжали публикацию популярных статей также журналы «Советская этнография» и «Народна творчість та етнографія». Результаты этнографических исследований отражены во многих учебниках и справочниках¹⁰⁶.

Ведется работа по созданию рассчитанной на массового читателя этногеографической двадцатитомной серии «Страны и народы», в которой наряду с описанием природы и хозяйства дается культурно-бытовая характеристика народов¹⁰⁷.

Огромную роль в распространении этнографических знаний играют музеи, в особенности Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого и Музей этнографии народов СССР (Ленинград)¹⁰⁸. Однако этнографических музеев, особенно музеев под открытым небом, у нас пока еще явно недостаточно, хотя работа по их созданию ведется. Так, в последние годы были созданы этнографические музеи на открытом воздухе во Львове, Улан-Удэ, Киеве и других местах. Назрела вместе с тем необходимость создать центральный историко-этнографический парк, где были бы собраны образцы традиционной архитектуры всех народов СССР, их одежды, утвари, прикладного искусства и т. д.

В заключение представляется важным еще раз подчеркнуть, что разработка с марксистских позиций историко-этнографической проблематики имеет не только познавательное, но и идеологическое значение. В частности, этногенетические исследования позволяют видеть, что человеческая история всегда была историей контактов и смешения различных по своей антропологической, языковой и культурной принадлежности групп, что в мире нет ни одного «чистого», не впитавшего множество инородных элементов, сохранившего некие извечные свойства народа. Не менее значимы в этом отношении этнографические историко-культурные исследования, показывающие, что все народы в равной степени способны к культурному прогрессу и внесли свой вклад в общечеловеческую сокровищницу; культурное развитие человечества неравномерно, но существующие различия вызваны не имманентными свойствами этносов, а локальными особенностями всемирно-исторического процесса.

Как наука о народах этнография призвана сыграть свою роль не только в борьбе против повиннистических концепций, но и в укреплении дружбы и сотрудничества между народами мира. Обладая обширными данными о культурных ценностях, образе жизни, психологии и других этнических параметрах различных групп человечества и имея в своем распоряжении строго научные методы доказательства их равных способностей к историческому прогрессу, марксистская этнография учит уважать этнические особенности всех без исключения народов нашей планеты, тем самым немало содействуя интернационалистскому воспитанию масс.

Важно и прикладное значение этнографических знаний. На протяжении более шести десятилетий, отделяющих нас от Великой Октябрьской социалистической революции, советские этнографы не раз вносили свой вклад в решение практических задач социалистического и коммунистического строительства. Так, уже в первые годы Советской власти этнографические изыскания сыграли немалую роль при проведении национального размежевания в Средней Азии. Действенную помощь делу созидания новых общественных отношений у многих в прошлом отсталых народов нашей страны оказало раскрытие этнографами несостоятельности попыток трактовать род как готовую ячейку социалистического строя, попыток, связанных со стремлением отрицать существование у таких народов под покровом патриархально-родовых форм классовых отношений и эксплуатации. Следует напомнить и о работе этнографов по подготовке материалов в связи с установлением послевоенных границ.

Как известно, без этнографических знаний невозможно выработать правильное отношение к хозяйственно-культурному наследию народов, отделить содержащиеся в нем прогрессивные, рациональные традиции от вредных пережиточных явлений. На

протяжении более чем полувековой истории нашего государства неоднократно использовались рекомендации этнографов по вопросам, связанным с преобразованием хозяйства, культуры и быта; в частности при планировании новых типов поселений и жилища, выработке новых обрядов, в ходе борьбы против таких вредных пережитков прошлого, как остатки фактического неравенства женщин¹⁰⁹, многоженства, религиозно-бытовых традиций¹¹⁰.

Следует также отметить, что в результате комплексных работ этнографов, археологов и географов оказалось возможным разработать ряд проектов освоения земель древнего орошения в Средней Азии. Особенно существенное прикладное значение имели этнографические исследования у народов, шагнувших в социализм прямо из феодального или даже патриархального строя. Этнографы, например, неоднократно принимали участие в подготовке партийно-правительственных мероприятий по дальнейшему подъему благосостояния и культуры народов Севера. В последние годы этнографами-сибиреоведами разработан ряд новых научных рекомендаций по вопросам перехода оленеводов к оседлости, по развитию традиционных промыслов у народов Севера, улучшению быта пастухов-оленеводов. Многие накопленные советскими этнографами материалы о социалистических преобразованиях у народов СССР представляют немалый интерес для развивающихся стран Азии и Африки. Это весьма наглядно продемонстрировал состоявшийся в нашей стране семинар Международной организации труда, посвященный изучению советского опыта перехода кочевников к оседлости¹¹¹. Заслуживает быть отмеченным также неизменное участие этнографов в подготовке и проведении все-союзных переписей населения¹¹².

Но особенно важным представляется тот комплекс практических задач советских этнографов, который связан с исследованием этнических аспектов национальных процессов в нашей стране. Значение этой проблематики для такого многонационального государства, каким является Советский Союз, трудно переоценить.

За более чем шестидесятилетнее существование СССР произошел невиданный расцвет социалистических наций и народностей, их тесное сближение между собой, сопровождавшееся возникновением новой исторической общности людей — советского народа¹¹³. Отношения между народами нашей страны представляют собой образец межнационального сотрудничества и дружбы, однако нельзя забывать, что эти отношения сложились не стихийно, а в результате ленинской национальной политики, проводимой партией и Советским правительством, которые, руководствуясь объективными законами развития общества, стремятся создавать наиболее благоприятные условия для развития и сближения народов нашей страны. Это в свою очередь делает необходимым углубление исследований различных типов современных этнических

процессов в СССР, их тенденций и перспектив. Именно поэтому такого рода исследования начали занимать в последнее время одно из центральных мест в деятельности советских этнографов. В целом же опыт послевоенного развития этнографии в нашей стране наглядно свидетельствует, сколь многогранна значимость этой науки в социалистическом обществе.

¹ Подробнее см.: *Толстов С. П.* 40 лет советской этнографии.— СЭ, 1957, № 5, с. 39—40.

² О развитии этнографических исследований в союзных и автономных республиках см.: *Гуслистый К. Г.* Стан і завдання розвитку етнографічної науки в Українській РСР.— Народна творчість та етнографія, 1958, № 4; *Чигая Г. С.* Этнографические исследования в Грузинской ССР.— СЭ, 1948, № 4; *Гулиев Г. А.* Этнография Азербайджана за 40 лет.— СЭ, 1961, № 4; *Степерманис М. К.* Развитие этнографической науки в Советской Латвии.— СЭ, 1960, № 3; *Вийрес А. О.* Эстонская советская этнография (1940—1960).— СЭ, 1960, № 3; *Самарин Г. А.* Этнографические и фольклорные работы в Киргизской ССР.— СЭ, 1948, № 1; *Писарчик А. К.* Этнографическая работа в Таджикистане.— Изв. АН Таджикск. ССР. Отд. обществ. наук. Душанбе, 1954, вып. 6; *Бондарчик А. К.* Гісторыя беларускай савецкай этнографіі. Минск, 1972; *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; *Ершов Н. Н.* К истории развития этнографической науки в Таджикистане.— СЭ, 1968, № 4; *Вишняускайте А.* 30 лет литовской советской этнографии.— В кн.: Прибалтийским советским республикам тридцать лет. Вильнюс, 1970; *Парникова А. С.* Этнографическое изучение Якутии в советское время.— Вопросы историографии и источниковедения Якутии. Якутск, 1971; *Мелик-Пашаян К. В.* Основные направления этнографических исследований в Армянской ССР.— СЭ, 1971, № 3; *Денисов П. В.* Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти.— СЭ, 1971, № 6; *Стродс Х.* Этнографическая наука в Латвийской ССР.— СЭ, 1972, № 1; *Востров В. В., Дахшлейгер Г. Ф., Кауанова Х.* Этнографическое изучение казахского народа: К 50-летию образования Союза ССР.— СЭ, 1972, № 4. *Гаджиева С. Ш.* Этнографическое изучение народов Дагестана в годы Советской власти.— СЭ, 1973, № 6; *Аншба А. А., Зухба С. Л.* Этнографические и фольклористические исследования в Абхазии за годы Советской власти.— СЭ, 1974, № 1, и др.

³ Более подробную характеристику основных этапов становления советской этнографической науки см.: *Толстов С. П.* Этнография и современность.— СЭ, 1946, № 1; *Он же.* Советская школа в этнографии.— СЭ, 1947, № 4; *Он же.* 40-лет советской этнографии.— СЭ, 1957, № 5; *Токарев С. А.* Советская этнография за 40 лет.— ВИМК, 1958, № 2; *Перицу А. И., Чебоксаров Н. Н.* Полвека советской этнографии.— СЭ, 1967, № 5; *Бромлей Ю. В., Чистов К. В.* Основные направления развития советской этнографии.— Этнография в странах социализма. М., 1975.

⁴ См., например: *Токарев С. А.* Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М., 1958, с. 4.

⁵ Подробнее см. в очерке «Этнос и его основные виды», публикуемый в этой книге.

⁶ См.: *Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И.* О соотношении истории, этнографии и социологии.— СЭ, 1969, № 3.

⁷ Подробнее см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 204—254.

⁸ *Бромлей Ю. В.* О месте этнографии в системе наук.— Вестн. АН СССР, 1977, № 1.

⁹ См.: *Жданко Т. А., Крупянская В. Ю., Терентьева Л. Н.* Об организации и методике полевых этнографических исследований.— СЭ, 1956, № 3;

Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения: Опыт изучения городов средней полосы РСФСР.— СЭ, 1966, № 6; Першиц Ю. И. О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности.— СЭ, 1967, № 4; Артановский С. Н. О сравнительно-историческом и структурном методах в этнографии.— Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, вып. 1; Вопросы методики этнических и этносоциологических исследований. М., 1970; Васильева Э. К., Пименов В. В., Христолюбова Л. С. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии: Программа и методика обследования.— СЭ, 1970, № 2; Кондратьев В. С. Эксперимент «ex post facto» в этносоциологическом исследовании.— СЭ, 1970, № 2; Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР: Программа, методика и перспективы исследования.— СЭ, 1972, № 3; Малькова В. К. Применение контент-анализа при изучении сотрудничества советских народов: По материалам республиканских газет.— СЭ, 1977, № 5; Кожанов А. А. Внешность как фактор этнического сопоставления: К вопросу о методике изучения.— СЭ, 1977, № 3 и др.

¹⁰ См.: Народы мира: Этнографические очерки. М., 1954—1966 (Народы Африки. М., 1954; Народы Австралии и Океании. М., 1956; Народы Сибири. М.; Л., 1956; Народы Передней Азии. М., 1957; Народы Америки. М., 1959. Т. I, II; Народы Кавказа. Т. I. М., 1960; Т. II. М., 1962; Численность и расселение народов мира. М., 1962; Народы Южной Азии. М., 1963; Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. I—II; Народы зарубежной Европы. Т. I. М., 1964; Т. II. М., 1965; Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965; Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966).

¹¹ См.: Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства.— ТИЭ. М.; Л., 1954, т. XXIV; Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955; Бикжанова М. А. Семья в колхозах Узбекистана: На материалах колхозов Наманганской области. Ташкент, 1959; Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни.— ТИЭ. М., 1958, т. XLII; Абрамзон С. М., Антипина К. И. и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан.— ТИЭ. М., 1958, т. XXXVII; Терентьева Л. Н. Колхозное крестьянство Латвии: Историко-этнографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района Латвийской ССР.— ТИЭ. М., 1960, т. LIX; Семья и семейный быт колхозников Прибалтики.— ТИЭ. М., 1962, т. LXXVII; Вардумян Д. С., Карапетян Э. Т. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван, 1963 (на арм. яз.); Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.; Л., 1964; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964; Кувеньова О. Ф. Громадський побут українського селянства. Київ, 1966; Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967; Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967, и др. См. также: Крупянская В. Ю., Потапов Л. П., Терентьева Л. Н. Основные проблемы этнографического изучения народов СССР.— СЭ, 1961, № 3; Потапов Л. П. Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР.— СЭ, 1962, № 2; Библиографический обзор см.: Poliscuk N. S. Literatur zur Volkskundlichen Gegenwartsforschung UdSSR (1958—1967).— In: Deutsche Jahrbuch für Volkskunde, 1968, Bd. 14.

¹² Крупянская В. Ю. К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса.— ВИ, 1960, № 11; Аннакльчев Ш. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага: Историко-этнографический очерк. Ашхабад, 1961; Зинич В. Т. Соціалістичні перетворення, паростки нового комуністичного в культурі та побуті рабiтників Радянської України. Київ, 1963; Крупянская В. Ю., Рабинович М. Г. Этнография города и промышленного поселка.— СЭ, 1964, № 4; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Некоторые проблемы этнографического изучения современного

русского города.— СЭ, 1964, № 5; *Чырыжаде В. А.* О производственном быте рабочих шелковой промышленности г. Нухи.— Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1965, т. 2; *Коган Д. М.* Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города.— СЭ, 1967, № 4; *Крулянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (Конец XIX — начало XX в.). М., 1971; Этнографическое изучение быта рабочих: По материалам отдельных промышленных районов СССР. М., 1968; *Рождественская С. Б.* Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.): Этнографический очерк. М., 1972; Верхний Олонец — поселок лесорубов: Опыт этнографического описания. М.; Л., 1964; *Робакидзе А. И.* Некоторые стороны быта рабочих чиатурской марганцевой промышленности. Тбилиси, 1953; *Вардумян Д.* Новый быт лорийцев. Ереван, 1956; *Акаба Л. Х.* Материалы о быте рабочих-абхазов Ткварчели.— Абхазск. ин-т яз., лит. и ист./Труды. Сухуми, 1960, т. 31; *Арипов Ф. А.* Из истории формирования узбекских рабочих кадров: По историко-этнографическим материалам заводов сельскохозяйственного машиностроения УзССР. Ташкент, 1961. Автореф. канд. дис.; *Порицкий А. Я.* Побут сільськогосподарських рабiтників України в перiод капiталiзму. Київ, 1964; *Приходько М. П.* Житло робiтників Донбасу. Київ, 1964; Этнографическое изучение быта рабочих: По материалам отдельных промышленных районов СССР. М., 1968.

¹³ См.: *Рождественская С. Б.* Опыт обработки этнографических материалов при помощи счетных машин.— СЭ, 1964, № 3; *Анохина Л. А., Шмелева Н. Н.* Опыт применения анкетно-статистического метода для этнографического изучения городского населения.— Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года. Кишинев, 1967.

¹⁴ *Tokarev S. A.* Die Grenzen der ethnologischen Erforschung der Völker industrieller Länder.— *Ethnologia Europaea*, 1967, v. 1, N 1; *Токарев С. А.* О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, № 5; *Бромлей Ю. В.* К вопросу об особенностях этнографического изучения современности.— СЭ, 1977, № 1.

¹⁵ См.: Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971; *Востров В. В., Каунова Х. А.* Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата, 1972; *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.). Новосибирск, 1973; *Иванова В. И.* Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей.— СЭ, 1976, № 2; Материальная культура компактных этнических групп на Украине: Жилище. М., 1979, и др.

¹⁶ См.: *Гугутишвили М. Г.* Современные советские праздники, обряды, традиции и их роль в преодолении религиозных пережитков.— Вестн. Гос. музея Грузии, Тбилиси, 1972, № 29 (на груз. яз.); *Лобачева Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР: Опыт этнографического обобщения.— СЭ, 1973, № 4; *Эндзеле М.* Свадебные обряды латышского городского населения в XX в.: По материалам малых городов Латгале и Курземе.— СЭ, 1973, № 4; *Лобачева Н. П.* Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975; *Кривелев И. А.* Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении.— СЭ, 1977, № 5; *Лобачева Н. Н., Тульцева Л. А.* Традиции в современной обрядности узбеков.— СЭ, 1977, № 6; *Стеценко С. Е.* Развитие новой советской обрядности в Украинской ССР.— СЭ, 1978, № 6; *Будина О. Р., Шмелева М. Н.* Общественные праздники в современном быту русского городского населения.— СЭ, 1979, № 6; *Чижикова Л. Н.* Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны: На примере Белгородской области.— СЭ, 1980, № 2, и др.

¹⁷ См.: *Моногарова Л. Ф.* Преобразование в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972; *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян: По материалам сельских районов Армянской ССР. М., 1972; *Бондарчик В. К., Соболенко Э. Р.* Новые явления в семейном быту сельского населения Белоруссии. М., 1973; *Ганцкая О. А.* Этнос и семья в СССР.— СЭ,

1974, № 3; *Смирнова Я. С.* Культурное взаимодействие и семья: По материалам Северного Кавказа.— СЭ, 1977, № 5; *Семья и семейная обрядность у народов Средней Азии и Казахстана.* М., 1978; *Мирхасилов С. М.* Социально-культурные изменения и отражение их в современной семье сельского населения Узбекистана.— СЭ, 1979, № 1, и др.

¹⁸ *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1976). М., 1974.

¹⁹ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: На примере гг. Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.

²⁰ *Джавахишвили Г. Н.* Быт и культура шахтеров Ткибули. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); *Аббасов А. А.* Современный быт и культура горнопромышленных рабочих Азербайджана. Автореф. канд. дис. Баку, 1974; *Есбергенов Х., Агамуратов Т.* Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975; *Юхнева Н. В.* Производственная жизнь рабочих как предмет этнографического изучения.— СЭ, 1975, № 1; *Будина О. Р., Шмелева М. Н.* Этнографическое изучение города в СССР.— СЭ, 1977, № 6.

²¹ См.: *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР.— СЭ, 1975, № 1.

²² *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1974, т. 4, с. 63.

²³ *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.— СЭ, 1970, № 1; *Гурвич И. С.* Современные направления этнических процессов в СССР.— СЭ, 1972, № 4; *Аругтюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Социально-культурное развитие и сближение наций в СССР на современном этапе. М., 1972; *Гурвич И. С.* К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР.— СЭ, 1976, № 1; *Он же.* Этнокультурное сближение народов СССР.— СЭ, 1977, № 5; *Дробижева Л. М.* Сближение культур и межнациональные отношения в СССР.— СЭ, 1977, № 6; *Аругтюнян Ю. В.* Этносоциальные аспекты интернационализации образа жизни.— СЭ, 1979, № 2.

²⁴ См. очерк «Этнические процессы: общая характеристика», помещенный в этой книге.

²⁵ См.: *Пименов В. В., Тароева Р. Ф.* Этнические процессы в Советской Карелии.— В кн.: 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970; *Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера.* М., 1971; *Терентьева Л.* Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР.— СЭ, 1972, № 6; *Зеленчук В. С.* Население Молдавии: Демографические процессы и этнический состав. Кишинев, 1973; *Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975; *Смоляк А. В.* Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина: Историко-этнографический очерк. М., 1975; *Пименов В. В.* Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977; *Томилов Н. А.* Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири.— СЭ, 1978, № 4; *Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе.* М., 1978; *Культурно-бытовые процессы на юге Украины.* М., 1979; *Наулко В. И.* Этнокультурные процессы в Украинской ССР.— *Расы и народы*, 1979, вып. 9; *Терентьева Л. Н.* Этническая ситуация и этнокультурные процессы в Советской Прибалтике.— *Расы и народы*, 1979, вып. 2, и др.

²⁶ См.: *Клементьев Е. И.* Языковые процессы в Карелии: По материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения.— СЭ, 1971, № 6; *Губогло М. Н.* Социально-этнические последствия двуязычия.— СЭ, 1972, № 2; *Он же.* Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков: О социологических исследованиях в Сибири.— СЭ, 1973, № 2; *Брук С. И., Губогло М. Н.* Двуязычие и сближение наций в СССР по материалам переписи населения 1970 г. СЭ, 1975, № 4; *Брук С. И., Губогло М. Н.* Факторы распространения двуязычия у народов СССР: По материалам этносоциологических исследований.— СЭ, 1975, № 5; *Губогло М. Н.* Современные этноязы-

ковые процессы: Опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения.— *Расы и народы*, 1979, вып. 9, и др.

²⁷ *Дробижеева Л. М.* Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений.— СЭ, 1974, № 4; *Клементьев Е. И.* Национально-культурные ориентации карельского городского населения.— СЭ, 1976, № 3; *Старовойтова Г. В.* К исследованию этнопсихологии городских жителей: По материалам опроса трех городов Татарской АССР.— СЭ, 1976, № 3; *Дашдамиров А. Ф.* Социально-психологические проблемы национальной определенности личности.— СЭ, 1977, № 3.

²⁸ Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973.

²⁹ См.: *Арутюнян Ю. В.* Этносоциальные аспекты интернационализации образа жизни.— СЭ, 1979, № 2; Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979; Опыт этносоциологического исследования образа жизни: По материалам Молдавской ССР. М., 1980.

³⁰ *Марков Г. Е.* Советский образ жизни и проблемы этнографии.— СЭ, 1976, № 2; *Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М.* Советский образ жизни: Общее и национально-особенное.— СЭ, 1976, № 3.

³¹ См.: *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Современный этап национального развития народов Азии и Африки.— СЭ, 1961, № 4; Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии.— ТИЭ. М.; Л., 1963, т. 88; *Нитобург Э. Л.* О негритянском вопросе в США.— Нов. и новейш. ист., 1963, № 5; *Нации Латинской Америки: Формирование. Развитие.* М., 1964; *Иванов М. С.* Современные национальные процессы в Иране.— СЭ, 1967, № 5; *Чебоксаров Н. Н.* Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии: По данным исследований советских антропологов и этнографов.— СЭ, 1966, № 2; Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1970; *Берзина М. Я.* Формирование этнического состава населения Канады: Этностатистическое исследование. М., 1971; Национальные проблемы Канады. М., 1972; Национальные процессы в США. М., 1973; Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974; *Фурсова Л. Н.* Иммиграция и национальное развитие Канады. 1946—1970 гг. М., 1975; Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976.

³² Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974.

³³ *Потехин И. И.* Формирование национальной общности южноафриканских банту.— ТИЭ. М., 1955, т. XXIX. *Он же.* Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы.— СЭ, 1957, № 4; *Смирнов С. Р.* Образование и пути развития северосуданской народности.— Африканский этнографический сборник. М., 1956, ТИЭ, т. 1, XXXIV; *Исмагилова Р. Н.* Народы Нигерии: Этнический состав и краткая этнографическая характеристика. М., 1963; *Андрианов Б. В.* Население Африки: Этностатистический обзор. М., 1964; *Он же.* Проблема формирования народностей и наций в странах Африки.— ВИ, 1967, № 9; *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973; *Козлов С. Я.* Фульбе Фута-Джаллона: Очерки этнической, политической и социальной истории. М., 1976; *Андрианов Б. В.* Специфика формирования африканских наций: На примере Кении.— *Расы и народы*, 1977, вып. 7; *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этнос и этнические процессы в Африке: К проблеме типологии.— СЭ, 1979, № 5, и др.

³⁴ См.: *Файнберг Л. А.* Очерки этнической истории зарубежного Севера: Аляска, Канадская Арктика. Лабрадор, Гренландия. М., 1971; *Гонионский С. А.* Колумбия: Историко-этнографические очерки. М., 1973; *Он же.* Гаитянская трагедия. М., 1974.

³⁵ *Седловская А. Н.* Малые народы Бихара: Историко-этнографический очерк. М., 1976; *Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М.* Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1978; Малые народы Южной Азии. Л., 1978.

³⁶ См., например: *Тумаркин Д. Д.* Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг. М., 1971; *Грацианская Н. Н.* Этнографические группы Моравии: К истории этнического развития. М., 1975; *Логашова Б. Р.*

Туркмены Ирана: Историко-этнографическое исследование. М., 1976; *Боги-на Ш. А.* Иммигрантское население США. 1865—1900 гг. М., 1976; Этническая история Африки. Доколониальный период. М., 1977, и др.

³⁷ На берегу Маклая: Этнографические очерки. М., 1975.

³⁸ *Тумаркин Д. Д.* Новая встреча с Океанией.— СЭ, 1977, № 6; *Басилов В. Н.* Мужские дома в Бонгу.— СЭ, 1977, № 6.

³⁹ Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. М., 1971—1980, вып. 1—10.

⁴⁰ См.: *Брук С. И.* Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире.— СЭ, 1976, № 1, 2, 3.

⁴¹ *Кушнер (Кнышев) П. И.* Методы картографирования национального состава населения.— СЭ, 1950, № 4; *Терлецкий П. Е.* О новом методе этнического картографирования: К вопросу о составлении «Этнической карты мира».— СЭ, 1953, № 1.

⁴² *Брук С. И.* Карта народов Китая, МНР и Кореи. М., 1959; *Он же.* Карта народов Индокитая. М., 1959; *Он же.* Народы Передней Азии (карта). М., 1960; *Андрианов Б. В.* Народы Африки.— В кн.: Численность и расселение народов мира. М., 1962; *Берзина М. Я., Брук С. И.* Карта народов Индонезии, Малайи и Филиппин. М., 1962, и др.

⁴³ См.: «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии». Л., 1974; Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978.

⁴⁴ См., например: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.— ТИЭ. М., 1960, т. LV.

⁴⁵ *Козлов В. И.* Этническая демография. М.: Статистика, 1977.

⁴⁶ См.: *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу.— ТИЭ, М., 1951, т. X; *Чугая Г. С.* Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии.— Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952; Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в.— ТИЭ. М., 1956, т. XXXI; *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956; *Гаджиева С.* Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960; *Ангипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962; Исследования по материальной культуре мордовского народа.— ТИЭ. М., 1963, т. LXXVI; *Стельмах Г. Ю.* Историчний розвиток сільських поселень на Україні. Київ, 1964; *Каракашлы К. Т.* Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зон Малого Кавказа: Историко-этнографическое исследование. Баку, 1964; *Тароева Р. В.* Материальная культура карел (Карельская АССР); Этнографический очерк. М.; Л., 1965; Одежда народов Сибири. Л., 1970; *Чибиров Л. А.* Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970; *Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX в., М., 1971; *Горленко В. Ф.* и др. Народна землеробська техніка. Київ, 1971; *Буткявичюс И.* Поселки и всальбы литовских крестьян.— Из истории культуры литовского народа. Вильнюс, 1971, вып. 6 (на лит. яз.); *Жеребцов Л. Н.* Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971; Сельские поселения Прибалтики (XIII—XX вв.). М., 1971; Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX—начало XX в.). М., 1971; *Мамбетов Г. Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX—60-е годы XX века). Нальчик, 1971; *Моора А.* Древняя ритуальная пища из зерна у эстонцев и других финно-угорских народов.— Известия АН ЭССР. Общественные науки, Таллин, 1972, т. 21, № 2; *Джалабадзе Г. В.* Полеводческая культура Грузии. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); *Рождественская С. Б.* Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.): Этнографический очерк. М., 1972; *Хабихт Т.* Эстонская баня. Таллин, 1972 (на эст. яз.); Азербайджанская национальная одежда. М., 1972; *Бедукидзе Л. А.* Народная мебель в горных районах Восточной Грузии: По этнографическим материалам. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); *Белицер В. Н.* Народная одежда мордвы. М., 1973; *Хамиджанова М. А.* Материальная культура матчинцев до и по

сле переселения на вновь орошенные земли. Душанбе, 1973; *Бериашвили Л.* Земледелие в Месхети. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); *Сем Ю. А.* Нанайцы. Материальная культура. (Вторая половина XIX — середина XX в.): Этнографические очерки. Владивосток, 1973; Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку, 1974; *Калоев Б. А.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973; *Сычев Д. В.* Из истории калмыцкого костюма. Элиста, 1973; *Бжания Ц. Н.* Из истории хозяйства и культуры абхазов: Исследования и материалы. Сухуми, 1973; *Базарашвили Ц. И.* Женская одежда в горных районах Грузии. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974; Армянская этнография и фольклор. Ереван, 1974, вып. 6 (на арм. яз.); *Муриддинов И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975; Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1975, вып. V (на груз. яз.); *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975; *Чижикова Л. Н.* Изучение сельского жилища восточных славян: Итоги и задачи классификации.— СЭ, 1976, № 4; *Иванова Ю. В.* Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей.— СЭ, 1976, № 2; Карпатский сборник. М., 1972; М., 1976; Кавказский этнографический сборник. М., 1976, вып. VI; Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976; *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М., 1976; *Широкова З. А.* Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе, 1976; *Сазонова М. В.* Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. Л., 1978; *Студенецкая Е. Н.* Узорные войлоки Кавказа: В свете исторических связей народов Кавказа и Азии.— СЭ, 1979, № 1; Кавказский этнографический сборник. М., 1979, вып. VII, и др.

⁴⁷ См., например: *Орлова А. С.* Африканские народы: Очерки культуры, хозяйства и быта. М., 1958; *Ольдерогге Д. А.* Западный Судан в XV—XIX вв.: Очерки по истории и истории культуры.— ТИЭ, 1960, т. III; *Богатырев П. Г.* Проблемы изучения материальной и духовной культуры населения Карпат.— СЭ, 1964, № 4; *Анохин Г. И.* О материальной культуре фарерцев.— СЭ, 1964, № 6; *Арутюнов С. А.* Новые черты в японском женском национальном костюме.— СЭ, 1965, № 4; *Стариков В. С.* Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967; *Лазарев Г. З.* Из истории японского жилища.— СЭ, 1972, № 1; Одежда народов зарубежной Азии.— Сборник МАЭ. Л., 1977, т. XXXII; *Курылев В. П.* Очерки хозяйства и материальной культуры турецкого крестьянства: Новейшее время. М., 1976; *Ксенофонтова Р. А.* Японское традиционное гончарство XIX — первой половины XX в. Л., 1979, и др.

⁴⁸ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968.

⁴⁹ *Брук С. И., Рабинович М. Г.* Историко-этнографические атласы.— СЭ, 1964, № 4.

⁵⁰ Историко-этнографический атлас Сибири./ Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.; Л., 1964; Русские. Земледелие: Историко-этнографический атлас. Крестьянское жилище, крестьянская одежда (Середина XIX — начало XX в.)./ Под ред. В. А. Александрова, В. И. Козлова, П. И. Кушнера, М. Г. Рабиновича. М., 1967.

⁵¹ *Гуслистый К. Г., Горленко В. Д., Прилипко Я. П.* Работа над историко-этнографическим атласом на Украине.— СЭ, 1967, № 1; *Кобычев В. П., Робакидзе А. И.* Основы типологизации и картографирования жилища народов Кавказа: Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу.— СЭ, 1967, № 2; *Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Кавказа: О собирании материалов для Кавказского историко-этнографического атласа.— СЭ, 1967, № 3; Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975; *Терентьева Л. Н.* Материальная культура народов Прибалтики как объект историко-этнографического картографиро-

вания.— В кн.: Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов.— Рига, 1980, с. 46—56.

⁵² См.: *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости.— ТИЭ. М.; Л., 1954, т. XXII; *Он же.* Современное искусство народов Сибири: Скульптура.— СЭ, 1961, № 6; Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в. М., 1965; *Вайнштейн С. И.* Орнамент в народном искусстве тувинцев.— СЭ, 1967, № 2; *Иванов С. В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970; *Рождественская С. Б.* Просечное железо — декоративный элемент жилища рабочих: По материалам Горьковской области.— СЭ, 1970, № 3; *Ганцкая О. А.* Народное искусство Польши. М., 1970; Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971, ч. 1; *Мартьянов В. Н.* Памятники прикладного искусства мордвы. Саранск, 1971; *Авакян Н. Х.* Способы орнаментации традиционной одежды армян в XIX—XX веках.— СЭ, 1972, № 4; *Писарчик А. К.* Народное прикладное искусство таджиков.— Изв. АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук, 1972, № 4; Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972; *Крюкова Т. А.* Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск — Ленинград, 1973; *Пиркулиева А. Н.* Домашние промысла и ремесла туркмен долины средней Амударьи во второй половине XIX — начале XX в. Ашхабад, 1973; *Турсунов Н. О.* Из истории городского ремесла Северного Таджикистана: Ткацкие промыслы Ходжента в конце XIX — начале XX в. Душанбе, 1974; *Писарчик А. К.* Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1974; *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978, и др.

⁵³ *Средько А.* Как танцуют молдаване. Кишинев, 1971 (на молд. яз.); *Танці Поділля.* Київ, 1971; *Можейко З.* Песенная культура белорусского Полесья: Село Тонеж, Минск, 1971; *Лисициан С. С.* Старинные пляски и театральные представления армянского народа. Ереван, 1972; т. II; *Славянский музыкальный фольклор.* М., 1972; Проблемы музыкального фольклора народов СССР. М., 1973; *Земцовский И.* Мелодика календарных песен. Л., 1975; Музыка народов Азии и Африки. М., 1973; *Зимние песни.* Минск, 1975 (на белорус. яз.); *Тампере Х.* Эстонские народные музыкальные инструменты. Таллин, 1975 (на эст. яз.); *Казакова Е. П.* Древние язычковые музыкальные инструменты Прикамья и Приуралья.— СЭ, 1977, № 1; *Соломонович И. М.* Проблемы анализа народного театра кукол: Художественный язык народного кукольного представления.— СЭ, 1978, № 6, и др.

⁵⁴ См.: Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в. М., 1965; Художественные промыслы РСФСР: Справочник. / Сост. В. Г. Смолицкий, З. С. Скавронская. М., 1973.

⁵⁵ См.: *Исламов А. А.* Обычай «избегания» (avoidance) у чеченцев и ингушей: К вопросу о пережитках материнско-родового строя.— Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы, 1972, т. 1, вып. 1; *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1973; *Итонишвили В. Дж.* Из жизни и быта горцев Картли. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974; *Мусукаев А. И.* Из прошлого незабытого: К вопросу изучения этнографии дореволюционной Балкарии. Нальчик, 1975; Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978, и др.

⁵⁶ *Никольский Н. М.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956; *Зеленчук В. С.* Очерки молдавской народной обрядности. XIX — начало XX века. Кишинев, 1959; *Шихарева М. С.* Свадьба у сельского населения Кубани.— СЭ, 1964, № 1; *Калигс В.* Изучение новых семейных обрядов в Эстонской ССР.— СЭ, 1965, № 4; *Кравець О. М.* Сімейний побут і звичаї українського народу. Київ, 1966; *Лобачева Н. П.* О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана.— СЭ, 1967, № 2; Свята та обряди Радянської України. Київ, 1971; *Лобачева Н. П.*

О формировании новой обрядности у народов СССР: Опыт этнографического обобщения.— СЭ, 1973, № 4; *Эндзеле М.* Свадебные обряды латышского городского населения в XX веке: По материалам малых городов Латгале и Курземе.— СЭ, 1973, № 4; *Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор.* Л., 1974; *Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями, верованиями и обрядами.* Л., 1977; *Лобачева Н. П.* Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975; *Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы.* Л., 1978; *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979; *Макашина Т. С.* Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979, и др.

⁵⁷ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в.: Зимние праздники. М., 1973; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в.: Весенний праздник. М., 1977; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в.: Летне-осенние праздники. М., 1978.

⁵⁸ См.: *Волков Г. Н.* Трудовые традиции чувашского народа: Этнопедагогический очерк. Чебоксары, 1970; *Ханбиков Я. И., Галеев Э. Х.* Татарские народные традиции физического воспитания. / Казанск. пед. ин-т. Учен. зап. Казань, 1972, вып. 105; *Пашаева Р. М.* Народные средства трудового воспитания у горцев: На материале Дагестанской АССР.— СП, 1973, № 1; *Кон И. С.* Проблема детства в современной американской этнопсихологии: Об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинг.— СЭ, 1977, № 5.

⁵⁹ См.: Этнографические аспекты изучения народной медицины: Тезисы Всесоюзной научной конференции 10—12 марта 1975 г. Л., 1975; *Бромлей Ю. В., Воронов А. А.* Народная медицина как предмет этнографического изучения.— СЭ, 1976, № 5.

⁶⁰ См.: *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; *Он же.* Религия в истории народов мира. М., 1965; *Кривелев И. А.* История религий. Очерки в двух томах. Т. I, М., 1975; т. II, М., 1976; *Он же.* Критика религиозного учения о бессмертии. М., 1979; а также дискуссию о сущности и функциях религии в журнале «Советская этнография» (1979, № 3; 1980, № 1, 4, 5, 6; 1981, № 1).

⁶¹ Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1979.

⁶² *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья.— ВИ, 1974, № 1; *Бардавелидзе В. В.* Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии. Т. 1. Пшави. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); *Попович Ю. В.* Молдавские новогодние праздники (XIX — начало XX в.). Кишинев, 1974; *Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975; *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

⁶³ *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972; *Домусульманские верования и обряды в Средней Азии.* М., 1975.

⁶⁴ *Сухарева О. А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков.— В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии.

⁶⁵ Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в.— Сборник МАЭ. Л., 1974, т. XXVII; *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975; *Алексеев Н. А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск, 1975; *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.).* Л., 1976.

⁶⁶ *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1974; *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. М., 1975.

⁶⁷ Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманства и старообрядчества. Улан-Удэ, 1971; *Джаббаров И.* Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973; *Келембетова В. Ю.* Побут і релігійні пережитки.

Київ, 1974; *Носова Г. А.* Язычество в православии; *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973; *Он же.* Из мира религиозного сектантства. М., 1974.

⁶⁸ См.: *Григулевич И. Р.* «Мятежная» церковь в Латинской Америке. М., 1972; Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973 (часть статей этого сборника освещает синкретизм народных верований); *Гусева Н. Р.* Индуизм: История формирования. Культурная практика. М., 1977; *Григулевич И. Р.* Крест и меч: Католическая церковь в Испанской Америке, XVI—XVIII вв. М., 1977; *Стратанович Г. Г.* Народные верования населения Индокитая. М., 1978.

⁶⁹ Эстонский народный календарь. Таллин, 1970, ч. 1 (на эст. яз.); *Кнорозов Ю. В.* Заметки о календаре мая: Общий обзор.— СЭ, 1971, № 2, 3; *Шаманов И. М.* Народный календарь карачаевцев.— СЭ, 1971, № 5; *Кнорозов Ю. В.* Заметки о календаре мая: 365-дневный год.— СЭ, 1973, № 1, и др.

⁷⁰ Африканский этнографический сборник. XIX—начало XX века. Т. I—V. М.; Л., 1956—1963; с 1966 г. выходит под названием «Africa» (т. VI—XI. М.; Л., 1966—1978); см. также: Суахили-русский словарь. М., 1961; Хауса-русский словарь. М., 1963, и др.

⁷¹ *Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев маяя. М.; Л., 1963.

⁷² *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи маяя. Л., 1975.

⁷³ Сообщение об исследовании протоиндийских текстов.— Proto Indica. М., 1972, вып. 1, 2.

⁷⁴ См.: *Кудрявцев Б. Г.* Письменность острова Пасхи.— Сборник МАЭ. М.; Л., 1949, т. XI; *Ольдерогге Д. А.* Параллельные тексты таблиц с острова Пасхи.— Сборник МАЭ, т. XI; *Бутинов Н. А., Кнорозов Ю. В.* Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи.— СЭ, 1956, № 4; Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М., 1964.

⁷⁵ См.: *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966; *Волкова Н. Г.* Вопросы двуязычия на Северном Кавказе.— СЭ, 1967.

⁷⁶ Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934—1937, т. 1—3.

⁷⁷ *Губогло М. Н.* К изучению двуязычия в истории народов мира.— СЭ, 1977, № 5.

⁷⁸ Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977; Национальная культура и общение. М., 1977; *Бгажноков Б. Х.* Коммуникативное поведение и культура: К определению предмета этнографии общения.— СЭ, 1978, № 5.

⁷⁹ Этнонимы. М., 1970; Этнография имен. М., 1971; Ономастика Поволжья. Т. I—III. Т. I. Ульяновск, 1969; т. II. Горький, 1971; т. III. Уфа, 1973; *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Ономастика Средней Азии. М., 1978.

⁸⁰ Из работ последних лет см., например: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972; *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1973; *Ангадзе К. Д.* Население Грузии в XIX в. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1974; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974; *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья: Эвенский могильник. М., 1975; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа: Историко-этнографическое исследование по материалам кипчакского этнического компонента. Ташкент, 1974; *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976; *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана: по этнографическим данным. М., 1976; Этническая история и фольклор. М., 1977; *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978; *Васильев В. И.* Проблемы формирования северо-

самодийских народностей. М., 1979; Этногенез народов Севера. М., 1979, и др.

⁸¹ См.: *Исмагулов О. И.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности: Палеоантропологическое исследование. Алма-Ата, 1970; *Круц С. И.* Население территории Украины эпохи меди-бронзы: По антропологическим данным. Киев, 1972; *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972; *Зубов А. А.* Этническая одонтология. М., 1973; *Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк.* М., 1973; *Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии.* М., 1974; *Расогенетические процессы в этнической истории.* М., 1974; *Проблемы этнической антропологии и морфологии человека.* Л., 1974; *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана: По данным краниологии. М., 1975; *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974; *Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975; *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975; *Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира.* М., 1976; *Козинцев А. Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977; *Богданова В. И.* Некоторые вопросы формирования антропологического состава современных тувинцев.— СЭ, 1978, № 6; *Новые данные по антропологии марийцев.* М., 1979, и др.

⁸² См., например: *Левин М. Г.* Этническая антропология Японии. М., 1971; *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок: Происхождение и основные этапы этнической истории. М., 1971; *Красновская Н. А.* Фриулы: Историко-этнографические очерки. М., 1971; *Итс Р. Ф.* Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972; *Этническая история народов Азии.* М., 1972; *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когурёсцы: К этнической истории корейцев. М., 1972; *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1976; *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976; *Кочнев В. И.* Шри Ланка: Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в. М., 1976; *Мушлинов А. И.* Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. Л., 1977; *Ранняя этническая история народов Восточной Азии.* М., 1977; *Этническая история Африки: Доколониальный период.* Л., 1977; *Крюков М. В., Сафронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: Проблемы этногенеза. М., 1978; *Поплинский Ю. К.* Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Л., 1978; *Джарылгасинова Р. Ш.* Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики: Стела Квангэтхована. М., 1979; *Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979; *Нитобург Э. Л.* Негры в США (XVII—начало XX в.): Историко-этнографический очерк. М., 1979, и др.

⁸³ См.: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян.— История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г.: Доклады советской делегации. М., 1973; *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974; *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М., 1975; *Абрамзон С. М., Поганов Л. П.* Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории: На материале тюркоязычных кочевников.— СЭ, 1975, № 6; *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза.— Расы и народы, 1976, вып. 6; *Алексеев В. П.* Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал.— В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977, и др.

⁸⁴ *Попов А. А.* Нганасаны (Тавгийские самоеды). М.; Л., 1948; *Поганов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953; *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М., 1961; *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., *Хомич Л. В.* Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966; *Таксами Ч. М.* Нивхи: Современное хозяйство, культура и быт. Л., 1967; *Василевич Г. М.* Эвенки: Ис-

торико-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969; *Антропова В. В.* Культура и быт коряков. Л., 1971; *Таксами Ч. М.* Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX — начало XX в. Л., 1975, и др.

⁸⁵ См.: *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: К постановке вопроса.— СЭ, 1955, № 4; см. также: *Андреанов Б. В.* Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс.— СЭ, 1968, № 2; *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (В связи с работами М. Г. Левина).— СЭ, 1970, № 6; *Андреанов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2; *Андреанов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Историко-этнографические области: Проблемы историко-этнографического районирования.— СЭ, 1975, № 3; *Андреанов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии.— СЭ, 1975, № 4. Подробнее см. в данной книге очерк «Иерархия историко-культурных общностей: основные черты и тенденции динамики».

⁸⁶ *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы..., с. 4.

⁸⁷ *Артановский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; *Пименов В. В.* О некоторых закономерностях в развитии народной культуры.— СЭ, 1967, № 2; *Куббель Л. Е.* Вопросы развития современной культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности.— СЭ, 1970, № 2; *Токарев С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры.— СЭ, 1970, № 4; *Чистов К. В.* Традиционные и «вторичные» формы культуры.— Расы и народы, 1975, вып. 5; *Аругюнов С. А.* Билингвизм и бикультурализм.— СЭ, 1978, № 2; *Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума.* Ереван, 1978; *Проблемы типологии в этнографии.* М., 1979; *Исследования по общей этнографии.* М., 1979, и др.

⁸⁸ См.: *Токарев С. А.* Проблема типа этнических общностей: К методологическим проблемам этнографии.— ВФ, 1964, № 11; *Козлов В. И.* О понятии этнической общности.— СЭ, 1967, № 2; *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4; *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия.— СЭ, 1969, № 6; *Хомич Л. В.* О содержании понятия «этнические процессы».— СЭ, 1969, № 5; *Бромлей Ю. В.* К вопросу о сущности «этноса».— Природа, 1970, № 2; *Он же.* Этнос и этносоциальный организм.— Вестн. АН СССР, 1970, № 3; *Козлов В. И.* Этнос и экономика: Этническая и экономическая общности.— СЭ, 1970, № 6; *Бромлей Ю. В.* К характеристике понятия «этнос».— Расы и народы. М., 1971, вып. 1; *Козлов В. И.* Что же такое этнос? — Природа, 1971, № 2; *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, № 8; *Козлов В. И.* Динамика численности народов: Методология исследования и основные факторы. М., 1969; *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография; *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, № 2; *Мыльников А. С.* К вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах.— Расы и народы, 1975, вып. 5; *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности.— Расы и народы, 1976, вып. 6; *Марков Г. Е.* Этнос, этнические процессы и проблемы образа жизни.— Расы и народы, 1977, вып. 7; *Першиц А. И., Покшишевский В. В.* Ипостаси этноса.— Природа, 1978, № 12; *Козлов В. И.* Этнос и культура: К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры.— СЭ, 1979, № 3.

⁸⁹ Подробнее см. очерк «Этнос и его основные виды», помещенный в этой книге.

⁹⁰ См.: *Родовое общество: Этнографические материалы и исследование.*— ТИЭ. М., 1951, т. XIV; *Проблемы истории первобытного общества.*— ТИЭ. М.; Л., 1960, т. LIV; *Разложение родового строя и формирование классового общества.* М., 1968; *Проблемы этнографии и антропологии в свете*

научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972; Охотники, собиратели, рыболовы: Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972; Первобытное общество: Основные проблемы развития. М., 1975; Становление классов и государства. М., 1976; Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978; Этнография как источник реконструкции первобытной истории. М., 1979; Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л., 1980, и др.

⁹¹ Подробнее об этом см. очерк «Проблемы социальной истории первобытного общества в современной советской этнографии», публикуемый в этой книге.

⁹² См.: *Потанов Л. П.* К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников.— КСИЭ, 1947, вып. 3; *Он же.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— ВИ, 1954, № 6; *Абрамзон С. М.* Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии. Родовое общество.— ТИЭ. М., 1951, т. XIV; *Эфендиев М. М., Першиц А. И.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов.— ВИ, 1955, № 11; *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.: Историко-этнографические очерки.— ТИЭ, М., 1961, LXIX; *Лашук Л. П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников.— СЭ, 1967, № 4; *Он же.* О характере классовообразования в обществах ранних кочевников.— ВИ, 1967, № 7; *Аверкиева Ю. П.* Индейское кочевое общество XVII—XVIII вв. М., 1970; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972; *Марков Г. Е.* Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества Азии.— СЭ, 1973, № 1; *Он же.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

^{92a} В этой связи см. работы: *Карпетян З. Г.* Армянская семейная община. Ереван, 1958; *Харадзе Р. Л.* Грузинская семейная община. Тбилиси, 1960—1961, т. 11; *Маретин Ю. В.* Община Минангкабау и ее разложение (первая треть XX в.).— ТИЭ, XXIII, М., 1961, т. 1; *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967; Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967; *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969; Общественный строй у народов Северной Сибири XVII — начала XX в. М., 1970; *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Индустане. М., 1971; *Анохин Г. И.* Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971; *Крюков М. В.* Системы родства китайцев: Эволюция и закономерности. М., 1972; *Иванова Ю. В.* Северная Албания в XIX — начале XX в.: Общественная жизнь. М., 1973; *Куббель Л. Е.* Сонгайская держава: Опыты исследования социально-политического строя. М., 1974; Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975; Социальная история народов Азии. М., 1975; *Калиновская К. П.* Возрастные группы народов Восточной Африки: Структура и функции. Л., 1976; *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976; *Андреев И. Л., Тумаркин Д. Д.* Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании.— СЭ, 1976, № 3; *Андреев И. Л.* Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. Засулич.— СЭ, 1979, № 5.

⁹³ См.: *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. (В связи с историей кварталов). М., 1976; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и семейный быт. М., 1978; *Он же.* Город и традиционная народная культура.— СЭ, 1980, № 4.

⁹⁴ Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 1—8. М., 1956—1978; *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966; *Гаген-Торн Н. И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы: У истоков советской этнографии.— СЭ, 1971, № 2; *Мелик-Пашаян К. В.* Основные направления этнографических исследований в Ар-

мянской ССР; *Антропова В. В.* Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.).— СЭ, 1972, № 6; *Мелетуков М. Э.* Этнографическое изучение адыгейского народа за годы Советской власти.— Адыгейск. НИИ языка, литературы и истории./ Учен. зап. Майкоп, 1972, т. 15; *Полевой Б. П.* К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г.: Из истории становления русской этнографии.— СЭ, 1973, № 4; *Станюкович Т. В.* Музей антропологии и этнографии в системе Академии наук.— СЭ, 1974, № 2; *Токарев С. А.* Из истории этнографических исследований в Академии наук.— Там же; *Бромлей Ю. В.* Этнография в Академии наук СССР в послевоенные годы.— Там же; *Гаген-Торн Н. И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975; *Бромлей Ю. В., Чистов К. В.* Основные направления развития советской этнографии — Этнография в странах социализма. М., 1975; *Бромлей Ю. В., Басилов В. Н.* Советская этнографическая наука в девятой пятилетке.— СЭ, 1976, № 1; *Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н.* 50 лет журнала «Советская этнография».— СЭ, 1976, № 4; *Станюкович Т. В.* Этнографическая наука в СССР и музеи. Л., 1978; Проблемы славянской этнографии: К 100-летию со дня рождения члена-корр. АН СССР Д. К. Зеленина. Л., 1979, и др.

⁹⁵ Этнография в странах социализма: Очерки развития науки. М., 1975.

⁹⁶ Против расизма: Расизм в странах «свободного мира» и новый этап борьбы против него. М., 1966; Документы обличают расизм. М., 1968; Нет расизму. М., 1969; Народы против расизма. М., 1970; Против расизма и апартеида. М., 1978 (на англ., франц. и исп. яз.).

⁹⁷ Англо-американская этнография на службе империализма (1951); Современная американская этнография (1963); Этнологические исследования за рубежом (1973); Концепция зарубежной этнологии (1976); *Веселкин Е. А.* Кризис британской социальной антропологии. М., 1977; *Токарев С. А.* Истоки этнографической науки. М., 1978; *Он же.* История зарубежной этнографии. М., 1978; *Он же.* Этнография за рубежом: Исторические очерки. М., 1979; *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в этнографии США. М., 1979; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979, и др.

⁹⁸ См.: *Бромлей Ю. В.* К вопросу об этнографии славян.— Бюллетень Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. М., 1974, № 1.

⁹⁹ См.: *Аругюнов С. А., Аверкиева Ю. П., Бромлей Ю. В.* VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук.— СЭ, 1969, № 1; *Аверкиева Ю. П., Бромлей Ю. В.* IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук.— СЭ, 1974, № 1; *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.*— X Международный конгресс антропологических и этнологических наук.— СЭ, 1979, № 3. Подробнее см. в данной книге очерк «Современная этнография в свете международных конгрессов».

¹⁰⁰ См., например: *Жданко Т. А., Кудрявцев М. К.* Советско-индийский симпозиум в Шантиникитане.— СЭ, 1977, № 6; *Гурвич И. С.* Советско-американское сотрудничество в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки.— СЭ, 1978, № 6; *Дробижева Л. М.* Международный симпозиум «Этнографические аспекты изучения социалистического образа жизни».— СЭ, 1978, № 6; *Басилов В. Н., Мирхасилов С. М.* Проблемы секуляризации в обществах со многими религиями.— СЭ, 1979, № 4, и др.

¹⁰¹ См.: *Bibliography of Soviet Ethnographical publications (1945—1977)*. М., 1978.

¹⁰² Среди переводов работ советских ученых особенно следует отметить подготовленный с участием Института этнографии АН СССР сборник «*Soviet Ethnology & Anthropology Today*», опубликованный голландским издательством «Мутон» (Гаага — Париж, 1974).

¹⁰³ *Problèmes théoriques de l'ethnographie («Problèmes du monde contemporain»)*. Moscou, 1974; *Races and Peoples: Contemporary Ethnic and Racial Problems*. Moscow, 1974; *Countries and Peoples of the East*. Moscow, 1975; *Bromley Yu. V.* Soviet ethnography: main trends. М., 1976, 1977; *Brook S. I.*

The World Population Today. Moscow, 1977; Races and Peoples: Contemporary Ethnic and Racial Problems. Moscow: Progress, 1977; *Bromley Ju. V.* Ethnos und Ethnographie. Berlin, 1977; *Bromley Yu.* Ethnography and Ethnic Processes. Moscow, 1978; General Problems of Ethnography, Moscow, 1978 (p. 1, p. 2); Soviet Studies in Ethnography. Moscow, 1978.

¹⁰⁴ См.: *Козлов В. И.* Методологические проблемы этнографии: К итогам международного симпозиума.— СЭ, 1977, № 2. Основные доклады советских делегатов опубликованы в книге: Ethnography and related sciences. Moscow, 1977. См. также: Soviet and Western Anthropology./Ed. E. Gellner. London, 1980.

¹⁰⁵ *Гусева Н. Р.* Индия: Тысячелетие и современность. М., 1971; *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972; *Симченко Ю. Б.* Люди высоких широт. М., 1972; *Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М., 1973; *Снесарев Г. П.* Под небом Хорезма: Этнографические очерки. М., 1973; *Итс Р.* Камень солнца: Рассказы этнографа. Л., 1974; *Пучков П. И.* Современная география религий. М., 1975; *Бугинов Н. А.* Путь к берегу Маклая. Хабаровск, 1975; *Демин Л. М.* Сингапур многоликий. М., 1975; *Аругюнов С. А.* Древние мифы и инопланетные пришельцы.— СЭ, 1977, № 3; *Соколова З. П.* Страна Югория. М., 1976; Этнографы рассказывают. М., 1978; *Андрианов Б. В.* Земледелие наших предков. М., 1978; *Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? М., 1979, и др.

¹⁰⁶ *Токарев С. А.* Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М., 1958; *Громов Г. Г.* Методика этнографических экспедиций. М., 1966; *Кнышенко Ю. В.* История первобытного общества и основы этнографии. Ростов-на-Дону, 1965; *Козлова К. И.* История первобытного общества и основы этнографии. М., 1967; Основы этнографии. М., 1968; *Алексеев В. П., Першиц А. И., Монгайт А. А.* История первобытного общества. 1-е изд., М., 1968; 2-е изд., М., 1974.

¹⁰⁷ В настоящее время вышло шесть томов серии: Земля и человечество. М., 1978; Африка: Западная и Центральная Африка. М., 1979; Зарубежная Азия: Общий обзор. Юго-Западная Азия. М., 1979; Зарубежная Европа: Восточная Европа. М., 1980; Америка: Общий обзор. Северная Америка. М., 1980; Зарубежная Азия: Юго-Восточная Азия. М., 1979; Зарубежная Европа: Западная Европа. М., 1979; см. также: *Окладников А. П.* Лицо земли и человечество.— Правда, 1980, 22 февр.

¹⁰⁸ См.: *Станюкович Т. В.* Этнографическая наука и музеи. Л., 1978; *Шафрановская Т. К.* Музей антропологии и этнографии АН СССР: Путеводитель без экскурсовода. Л., 1979.

¹⁰⁹ См., например: дискуссию по статье: *Смирнова Я. С., Першиц А. И.* Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? — СЭ, 1978, № 6, а также ее обсуждение в «Советской этнографии» (1979, № 1, 3, 5).

¹¹⁰ См.: *Полищук Н. С.* Всесоюзная конференция по вопросам этнографического изучения современности.— СЭ, 1977, № 6.

¹¹¹ *Жданко Т. А.* Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане (в связи с работой в СССР семинара МОТ по проблеме оседания кочевников).— СЭ, 1967, № 4.

¹¹² См., например, *Брук С. И., Козлов В. И.* Этнографическая наука и перепись населения 1970 г.— СЭ, 1967, № 6.

¹¹³ Подробнее см. очерк «Этнические аспекты национальных процессов в СССР», публикуемый в этой книге.

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ
 В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССОВ
 (VIII, IX И X МКАЭН)

Международные конгрессы по общему признанию стали важными вехами в развитии современной науки. Они представляют широкие возможности для обмена научной информацией, творческих дискуссий, установления личных контактов, способствуя развитию сотрудничества ученых разных стран мира. А такое сотрудничество — важнейший залог успешного продвижения в решении кардинальных проблем, стоящих перед современной наукой. Правда, в ходе международных конгрессов их участникам нередко бывает довольно трудно составить достаточно отчетливую общую картину состояния соответствующей отрасли науки. Из-за обилия докладов, секций и симпозиумов им во время конгресса удается получить необходимую информацию лишь по сравнительно небольшой части тематики, представленной на конгрессе (прежде всего в той «узкой» области знаний, в которой они специализируются). Однако специальное ознакомление со всеми материалами, отражающими работу конгресса, в том числе отчетами наших делегатов, конечно, при условии непосредственного участия в нем, позволяет, как правило, все же выявить если не все, то хотя бы некоторые характерные тенденции развития науки на данном этапе. И в этом смысле общих обзоров работы конгрессов, что, разумеется, полностью относится и к конгрессам этнографическим, характеристика которых может помочь уяснению современного состояния этой науки в целом.

Свои международные конгрессы этнографы (этнологи) вместе с антропологами начали проводить еще в предвоенные годы. I Международный конгресс антропологических и этнологических (этнографических) наук (МКАЭН) состоялся в 1934 г. в Лондоне, II — в 1938 г. в Копенгагене, III — в 1948 г. в Брюсселе, IV — в 1952 г. в Вене. В этих конгрессах советские ученые участия не принимали. Но уже на V МКАЭН, состоявшемся в 1956 г. в Финляндии, Академия наук СССР направила трех делегатов (И. И. Потехина, Г. Ф. Дебеца, Д. А. Ольдерогге). В работе VI МКАЭН (1960 г., Париж) участвовала делегация из 18-ти советских ученых, которую возглавлял С. П. Толстов.

VII МКАЭН (Москва, 1964 г.) был значительно более представительным как по числу делегатов, так и по количеству представленных докладов. В конгрессе участвовали практически все крупные антропологи и этнографы мира. На его различных заседаниях было прочитано около 800 докладов, в том числе более половины зарубежными учеными. Публикация материалов конгресса, включающих доклады и выступления в ходе дискуссий, составила 11 томов¹. В центре внимания участников конгресса было изучение изменений, происходящих в жизни народов в

наши дни, и выяснение возможностей и методов использования этнографических исследований для решения практических задач экономического и культурного развития. Важное место в работе конгресса заняло обсуждение проблем национального развития современных народов мира и их этнической истории. Значительное внимание привлекло рассмотрение теоретических проблем и связанных с ними вопросов истории общественного строя, в особенности первобытной истории, происхождения и эволюции отдельных социальных институтов. Конгресс подтвердил остроту современных антропологических и этнографических проблем. Ведь эти науки теснейшим образом сопряжены с расовым и национальным вопросами, ставшими в наши дни весьма злободневными.

Показателен в данном отношении и следующий, VIII Международный конгресс антропологов и этнографов, состоявшийся 3—10 сентября 1968 г. в Японии (Токио и Киото). На него прибыли представители свыше 50 стран. Число зарубежных делегатов достигло почти 1000 человек, кроме них в работе конгресса приняли участие около 300 японских ученых. Советская наука была представлена на конгрессе 46-ю делегатами.

Основная работа конгресса протекала в секциях, на симпозиумах, в рабочих группах. В ходе конгресса было прочитано около 1000 докладов, примерно третью часть которых составили доклады по антропологии и две трети — по этнографии².

Одно из центральных мест в этнографической тематике конгресса заняли вопросы современности, и в первую очередь проблема соотношения в народной культуре традиций и инноваций. Эта проблема волнует ныне этнографов всего мира. Дело в том, что процесс обновления повседневной жизни сейчас почти повсюду происходит невиданными ранее темпами. А это нередко влечет за собой чрезмерно быстрое исчезновение традиционных национальных форм, существенно нарушает преемственность в культурном развитии отдельных народов. Опыт решения данной проблемы в нашей стране анализировался в ряде докладов советских делегатов. Т. А. Жданко и Г. Ф. Дахшлейгер на конкретных примерах показали, что быстрые темпы социального и культурного прогресса народов СССР гармонически сочетаются в условиях социалистического общества с сохранением самобытных черт национальной культуры, драгоценных традиций культурного наследия. В докладе А. О. Чубарьяна получили освещение отдельные важные аспекты истории культурного строительства в национальных республиках СССР. Современные условия жизни украинского рабочего класса были охарактеризованы в докладе К. Г. Гуслистого, В. Т. Зинича и Н. Н. Приходько.

Проблема взаимодействия традиционного и нового была рассмотрена конгрессом также на материалах стран Тихоокеанского бассейна (С. Хатанака — Япония, Х. Рейнолдс — Филиппины

и т. д.). При рассмотрении этих проблем не обошлось и без тенденциозности. В докладе американского делегата Ф. Мооса утверждалось, что слаборазвитые в недалеком прошлом народы колониальных стран обречены в дальнейшем на все большее культурное отставание. Немногие примеры культурного прогресса докладчик смог усмотреть лишь в странах Юго-Восточной Азии, объясняя этот прогресс влиянием американских военных баз и изображая американских солдат некими «культуртрегерами». Разумеется, этот доклад не вызвал одобрения аудитории.

Оживленно обсуждался на конгрессе вопрос о включении в современную городскую культурную среду населения из сельских районов с этнически специфическим укладом жизни. В докладе Н. Лурье (США) было показано, как индейские группы в американских городах существуют, не ассимилируясь, но приспособляясь к непривычным для них условиям. В докладе Н. Грейвз (США) сравнивалось приспособление бывших крестьян — коренных американцев и лиц испанского происхождения в Америке к городскому образу жизни. Этническая неоднородность переселенцев и основной массы горожан, по наблюдениям докладчика, сильно усложняет процесс культурной адаптации. В докладах других американских ученых рассматривалась судьба японских эмигрантов в США. По наблюдениям Дж. Корнелла, в сельских условиях они длительное время сохраняют привычный для них образ жизни. Напротив, в условиях города, как показал Р. Смит, процесс этнической ассимиляции японских эмигрантов проходит настолько быстро, что поколение отцов и поколение детей оказываются по существу принадлежащими к разным этносам.

Значительное внимание было уделено на конгрессе вопросам социальной организации первобытных народов. С докладами по этим вопросам выступил ряд советских ученых: М. В. Крюков, осветивший социальные и этнические аспекты исторической обусловленности систем родства, Н. А. Бутинов, рассмотревший вопрос о семейнородственной организации папуасов, Ю. М. Юргинис, давший исторический анализ обычного права балтов; в докладе автора этого очерка обосновывался тезис о том, что архаической формой большой семьи была братская семейная община. Оживленная дискуссия развернулась вокруг доклада голландского ученого В. Вертхейма, который, оперируя материалами из жизни народов Юго-Восточной Азии, подверг критике свойственную многим трудам буржуазных этнографов идеализацию патерналистских отношений и дал анализ расстановки социальных сил в странах этого региона на разных этапах национально-освободительной борьбы.

Во многих выступлениях были затронуты конкретные вопросы истории материальной культуры. Интерес вызвали доклады об архаичных приемах изготовления керамики без круга (П. Сной — Афганистан; Р. Мурер — Камбоджа), об огородни-

честве на плавучих островах (В. Стертвант — США), о примитивных приемах рыбной ловли и охоты (Н. Стора — Финляндия; А. Нишимура — Япония). Г. П. Строд (СССР) сделал доклад об изменениях традиционных для Латвии форм земледелия в переходный период от аграрного к промышленному производству, Л. Н. Молчанова (СССР) — о сочетании общеславянских и национальных элементов в материальной культуре белорусов, Е. Н. Бусыгин и Н. В. Зорин (СССР) — о типах жилищ сельского населения России.

Весьма мозаичной была тематика докладов, посвященных изучению народного творчества. Естественно, что в них отразился преимущественно этнографический и фольклористический подход к предмету исследования. Особое внимание было уделено специфике художественного творчества и художественного восприятия на различных этапах исторического развития народов мира. В этом отношении показателен доклад Ж. Макэ (Франция). Не отрицая полностью роли социальных факторов в формировании духовной культуры, он подчеркивал автономию эстетических закономерностей. В докладе Г. Химмельхебера (ФРГ) об африканской скульптуре отмечалось, что раскрытие ее специфики требует комплексного идеологического, историко-культурного и эстетического анализа. В докладе К. М. Герасимовой (СССР) «Об антропометрической основе тибетского канона пропорций» ставился вопрос о гносеологической основе эстетической категории меры. Многие доклады содержали анализ религиозных представлений различных народов. Роль религии в жизни ряда народов Азии охарактеризовал советский делегат Г. Г. Стратанович.

Существенное место в работе конгресса заняло рассмотрение проблем этногенеза на основе этнографических, археологических и лингвистических данных.

Значительное внимание было уделено этногенезу японцев. В частности, интересную попытку выделить в мифологическом наследии японского народа несколько пластов, отражающих последовательно сменяющиеся этнические компоненты, предпринял Т. Обояси. В целом же дискуссия по проблемам этногенеза японцев, в которой активное участие приняли и советские ученые, вновь продемонстрировала сложный характер происхождения этого народа, показала, что истоки его культурной, языковой, этнической традиций в глубокой древности находились в разных районах Азиатского континента и островного мира.

Советские ученые, выступавшие по проблемам этногенеза, осветили также проблемы происхождения народов Кавказа (Г. А. Меликашвили), татарского и киргизского народов (Т. В. Мухамедьяров, Б. О. Орузбаева).

За последние годы собрано немало материалов, проливающих дополнительный свет на вопросы этнической истории севера Тихоокеанского бассейна, в частности ее древнего периода. Есте-

венно, что эта проблематика широко обсуждалась на конгрессе. С докладами выступили советские археологи (А. П. Окладников, Н. Н. Диков), США (Б. Гриффин, Н. Коллинс), Канады (В. Ирвинг, Я. Райт), Дании (Н. Ларсен). В центре развернувшейся дискуссии оказался вопрос о древних контактах между Евразией и Северной Америкой. Эти контакты, восходящие к временам палеолита, прослеживаются и по памятникам, обнаруженным на территории Японии. Продемонстрированные на конгрессе находки убеждают в тесной связи древних культур обширного региона, расположенного на стыке континентов, а тем самым в несостоятельности попыток некоторых американских археологов игнорировать возможность таких связей между Старым и Новым Светом. Большинство специалистов признает, что десятки тысяч лет назад мощные «потoki» людей двигались из Азии в Америку; от этих потоков образовались, очевидно, и боковые «ручейки», имевшие большое значение в заселении Японии.

Довольно случайной оказалась тематика секции теории и методологии этнографических исследований. Нужно упомянуть, однако, сделанные здесь доклады отдельных прогрессивных ученых. Например, К. Амсбори (США) выступил с критикой концепции культурного релятивизма, в защиту эволюционистских традиций. Определенный интерес представили попытки выделить общие признаки цивилизации на различных этапах ее развития (П. Гарднер — США), стремление подчеркнуть необходимость учета экономических факторов в теоретических обобщениях, касающихся развития культуры (Д. Баркин — США). Был сделан ряд докладов по вопросам организации и методики научных исследований. Среди них особо следует отметить доклад коллектива советских ученых о методике составления региональных историко-этнографических атласов (С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Л. Н. Терентьева и другие), а также выступления советских демографов В. И. Наулко, сообщившего о разработанной в СССР методике этнической картографии, и В. Н. Козлова — о принципах исследования влияния этнокультурных факторов на рождаемость.

В центре внимания лингвистов оказались общие социо- и этнолингвистические проблемы: языковая ситуация в слаборазвитых странах, двуязычие в национальных коллективах, языковая политика, психоллингвистика и т. п. Эти проблемы были затронуты в докладах С. Трайпа, Дж. Гомперца (США), И. Неуступного (Чехословакия), Л. Огасавора (Япония). Конкретных этнолингвистических вопросов коснулись Ш. Мураяма (Япония), Н. А. Баскаков и К. Г. Церетели (СССР) и другие. Близким к лингвистическим был доклад Д. А. Ольдерогге (СССР), охарактеризовавшего — по материалам истории алфавитов Армении и Эфиопии — развитие в древности культурных связей народов этих стран.

Центральное место в работе антропологов занимали вопросы,

связанные с изучением современного человека в различных условиях обитания, в разные периоды его жизни. Особое внимание было уделено проблеме механизмов адаптации человека, т. е. биологическому (физиологическому, биохимическому) приспособлению человеческого организма к разным условиям среды, в частности к условиям высокогорных местностей, областей с низкими температурами, повышенной влажностью и т. д. Некоторые аспекты этой проблематики получили освещение в серии докладов японских ученых (И. Такахаши, Ш. Кио, Р. Харако, Ш. Кондо) и в коллективном докладе румынских антропологов (О. Некрасовой и других). Развитие подобных исследований в нашей стране нашло отражение в докладе Т. И. Алексеевой.

Специальный симпозиум был посвящен изучению закономерностей, определяющих рост человека. В сделанных на нем докладах ученых США (И. Брожек, Л. Новак и т. д.), Японии (С. Сузуки, Х. Хоши) и других стран прослеживалось влияние пола, возраста, физической активности, питания и национально-смешанных браков на рост и развитие компонентов человеческого тела.

Различные проявления нормального и патологического роста и старения рассматривались в секции «Морфологическая антропология». Так, в докладе Ф. Лисовски (Англия) исследовалось влияние недоедания на рост скелета конечностей; автор показал, что некоторые остеометрические особенности, которым подчас приписывается расовый характер, возникают в связи с хроническим недоеданием. Морфологические особенности детей при хромосомных абберациях характеризовались в докладе К. Ашизова и Х. Хоши (Япония). Ряд докладов, в том числе советских ученых Д. А. Жданова и Б. А. Никитюка, касался проблемы старения скелета.

В секции генетики человека основное внимание было уделено распространению признаков (преимущественно серологических) в изолированных популяциях, в том числе у айнов (С. Мисава, И. Хайашида, К. Омото, С. Харада — Япония). От Советского Союза был представлен доклад коллектива украинских авторов о распределении групповых антигенов у населения Украины (Е. М. Данилова, С. С. Лаврик, А. Г. Караванов и другие).

Широко обсуждались на конгрессе проблемы этнической антропологии. Большой интерес вызвал доклад советского ученого Г. Ф. Дебеца об антропологическом изучении 86-ти этнических групп населения Афганистана. Важное значение для изучения расогенеза и этногенетических процессов в Северной Азии имеют материалы доклада другого советского ученого, И. М. Золотаревой, доложившей результаты антропологических исследований в МНР. Изучению населения отдельных регионов Советского Союза (Кавказа и Казахстана), анализу полученных в ходе исследований антропологических данных как исторических источников были посвящены доклады М. Г. Абдушелишвили и

О. Исмагулова. В целом в разработке проблем этногенеза по данным антропологии ощущался приоритет советской антропологической школы, имеющей уже последователей и за рубежом.

Конгресс показал, что внимание исследователей продолжают привлекать проблемы эволюции человека. После бурной вспышки интереса к обнаруженным в Восточной Африке остаткам костей древнейшего человека вновь особенно пристальное внимание обращено на изучение азиатских палеоантропологических находок. Характеристике форм ископаемых людей в Азии и эволюции этих форм был посвящен специальный симпозиум (доклады Е. Брайтингера, Австралия; Т. Стюарда, США; Х. Сугуки, Япония, и других). Значение находок мустьерского человека на территории нашей страны для изучения проблемы происхождения *Homo sapiens* показал В. П. Якимов (СССР). В. И. Кочеткова (СССР) изложила результаты изучения эндокранов, т. е. слепков внутренней полости черепа ископаемого человека. Проведенные исследования позволяют оценить эндокраны как свидетельство того, что мозг древних людей являлся хранилищем огромной информации.

Значительный интерес вызвали доклады на симпозиуме «Социальная структура приматов», особенно результаты наблюдений над обезьянами, описанные японскими учеными. Доклад К. Токуда об обезьянах, обитающих в бассейне Амазонки, сопровождался демонстрацией материалов, знакомивших с приспособлением отдельных видов обезьян к самым различным условиям жизни. Значительная часть прочитанных на симпозиуме докладов касалась поведения и индивидуальных взаимоотношений между обезьянами.

Несколько особое место в работе конгресса занимал симпозиум «Экология в антропологических и этнографических исследованиях». Он объединил усилия ученых разного профиля вокруг проблемы взаимосвязи между средой, обществом и человеческим индивидуумом. Прочитанные на нем доклады показали, что к трактовке данной проблемы многие зарубежные ученые подходят с материалистических позиций; правда, их материализм при этом нередко носит отпечаток географического детерминизма. Интересен был, например, доклад Дж. Беннета (США), в котором подчеркивалась ограниченность экологического объяснения закономерностей развития общества. От советской делегации на симпозиуме выступила В. И. Кочеткова, в докладе которой на основе антропологических материалов были рассмотрены механизмы связи человека со средой на разных этапах палеолита.

Конгресс продемонстрировал усиливающееся стремление ученых многих стран внедрить в антропологические исследования физиологические и биохимические методы. Выявилась вместе с тем насущная потребность развертывания исследований в области генетики человека, а также этнопсихологии.

Участие советской делегации в конгрессе, несомненно, дало много для развития научных связей наших специалистов с зарубежными коллегами. Весьма ценным было, например, ознакомление с исследованиями японских ученых. Полезными оказались установленные на конгрессе контакты с научными работниками ряда других азиатских стран; впервые наши ученые смогли завязать контакты с многими представителями молодого поколения американских ученых, значительная часть которых занимает прогрессивные научные позиции.

Конгресс продемонстрировал рост гуманистических традиций в мировой антропологической и этнографической науке. Его участники приняли, в частности, резолюцию, осуждающую применение силы по отношению к коренному населению Америки — американским индейцам, а также к другим национальным меньшинствам.

На конгрессе был утвержден новый устав Международного союза антропологов и этнографов. Он предусматривает иную, чем прежде, периодичность проведения конгрессов (5 лет вместо 4-х). Следующий конгресс было решено провести в США.

В соответствии с этим решением IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук состоялся 1—8 сентября 1973 г. в г. Чикаго³. В конгрессе приняли участие около 3 тыс. человек, представляющих более чем 100 стран. По сравнению с предыдущими конгрессами это был самый многочисленный форум ученых.

подавляющее большинство участников конгресса составляли, естественно, ученые Американского континента, в первую очередь США. Довольно широко были представлены на конгрессе исследователи из стран Азии и Африки, в частности весьма активное участие в нем принимали делегации Индии, Японии, Алжира и Нигерии. Западноевропейских делегатов было сравнительно немного: отдельные исследователи из Англии, Франции, ФРГ, Италии, Греции, Скандинавских стран. Характерной особенностью делегаций США и западноевропейских государств было преобладание в них молодых ученых.

Советская делегация состояла из 33-х человек. В нее наряду с учеными из Москвы и Ленинграда входили ученые Украины, республик Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Прибалтики. Помимо этнографов и антропологов делегация включала фольклористов, археологов, историков и философов.

Из европейских социалистических стран наиболее многочисленные делегации (пять — семь человек) направили Румыния, Польша и Югославия; по три — четыре представителя было от Венгрии и Чехословакии.

Конгресс проходил под девизом: «Человеческий род един, культур — множество». Такой девиз уже сам по себе предполагал рассмотрение весьма широкого круга проблем. Однако факти-

чески профиль конгресса был еще более обширен: в хронологическом плане он охватывал проблемы от становления человека и человеческого общества до прогнозирования будущего человечества, в пространственном — весь земной шар. Были рассмотрены не только вопросы, относящиеся непосредственно к физической антропологии и этнографии (этнологии) в нашем понимании названных дисциплин, но практически затронуты все аспекты жизни человечества: биологические, экономические, социальные, культурные, языковые, этнические и т. д. Это обусловлено прежде всего характерной для англоязычных стран трактовкой самого термина «антропология», в силу которой данная научная дисциплина претендует на всестороннее изучение человека и человечества*. Правда, на эмпирическом уровне ее обычно подразделяют на физическую, культурную и социальную антропологию, что, однако, не ведет к ограничению исследовательских рамок, поскольку сочетается с интегрированным представлением об антропологии. Не случайно в последнее время отмечено появление медицинской, морской, политической, психологической антропологии и ряда других новых ее субдисциплин.

Широта тематики конгресса предопределила необычайное обилие секций — свыше 100, на них обсуждалось около 2 тыс. докладов. Ряд наиболее важных тем был предварительно рассмотрен на специальных симпозиумах.

Одно из центральных мест на конгрессе заняли науковедческие, в том числе методологические проблемы. Следует особо отметить большой интерес участников конгресса к марксистской методологии. Впервые за всю историю этих международных встреч было организовано сессийное заседание, посвященное марксистской этнографии. Проведению его предшествовал специальный симпозиум, в котором наряду с американскими и европейскими делегатами активное участие приняли ученые из Алжира, Пакистана, Судана, Нигерии и других развивающихся стран. На этом симпозиуме было заслушано около двух десятков докладов по самым различным темам: от освещения с марксистских позиций конкретных проблем первобытности до общеметодологических проблем марксистской теории познания и соотношения ее с другими концепциями, претендующими на роль общей теории. Пожалуй, наиболее яркой была дискуссия по докладу Б. Шольте (США) «Марксизм и структурализм». Как и в самом докладе, так и в ходе ее подверглась критике структуралистская концепция Леви-Стросса, в основе которой лежит представление о некоей вечной, внеисторической структуре общества, находящейся вне причинно-следственных связей. Оспаривалась не правомерность самого структурного метода, а его претензии на роль

---

* Подробнее об этом см. очерк «Этнография и культурно-социальная антропология» в данной книге.

общей методологии. Значительное внимание симпозиум уделил исследованиям советских этнографов. В частности, оживленное обсуждение вопросов, касающихся «азиатского способа производства» и места общин в истории общества, развернулось в связи с представленным автором этих строк докладом на тему «Проблемы первобытного общества в советской этнографии».

Общие итоги работы симпозиума были подведены на уже упоминавшемся секционном заседании конгресса. Перед открытием дискуссии для выступлений в качестве экспертов было предоставлено слово французскому ученому-коммунисту М. Годелье и автору настоящего очерка. М. Годелье в популярной форме охарактеризовал основные теоретические положения марксизма о производственных отношениях, соотношении базиса и надстройки. В моем выступлении основное внимание было уделено критериям, позволяющим отграничить марксиста от псевдомарксиста. Вопрос этот весьма существен, поскольку марксистами себя нередко именуют люди, ничего общего с ними не имеющие. В данной связи была отмечена прежде всего неправомерность представления о марксизме как о вульгарном экономическом детерминизме. Вместе с тем подчеркивалось значение для марксизма принципа историзма, который не следует смешивать ни с простым эволюционизмом, ни с концепцией, трактующей скачки как полные разрывы постепенности и отрицающей всякую преемственность между различными стадиями общественного развития. Тезис о том, что марксизм дает общую методологию познания — диалектический материализм был поддержан подавляющим большинством выступавшим на заседании. О всеобщем характере, универсальности марксистской методологии говорили многие участники обсуждения. Более того, в ряде выступлений подчеркивалось, что марксизм нужно понимать не только как теорию, но и как руководство к действию.

Секция ярко продемонстрировала необычайно возросший престиж марксизма среди ученых всех континентов, притом не только развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки, но и таких, как Соединенные Штаты Америки.

Одно из важнейших науковедческих секционных заседаний было посвящено теме «Антропология (этнография) сегодня и завтра». В основу обсуждения этой темы была положена заранее подготовленная работа М. Фридмана (США) «Социальная и культурная антропология», достаточно наглядно выявившая трудности, с которыми сталкиваются специалисты в данной области при определении предмета своей науки. В частности, эта работа (как, впрочем, и все подобные ей) не дает ответа на вопрос о причинах того, почему социально-культурная антропология уделяет главное внимание так называемым примитивным обществам. Сложность ситуации, в которой оказалась социально-культурная антропология в наши дни, становится особенно оче-

видной, когда встает вопрос о ее соотношении с конкретной социологией, бурно развивающейся во всем мире. Если речь идет об одной лишь культурной антропологии, то этот вопрос еще поддается логическому решению, но когда имеют в виду (подобно М. Фридману) социально-культурную антропологию, то отграничить ее от социологии оказывается особенно трудным. Между тем, как уже отмечалось, именно от этого соотношения во многом зависит будущее социально-культурной антропологии. Советский делегат Ю. П. Аверкиева отметила, что в работе М. Фридмана марксистское понимание исторического процесса неправомерно отождествляется с эволюционизмом. Ряд критических замечаний по докладу М. Фридмана был сделан некоторыми западными учеными.

К теме дискуссии по работе М. Фридмана логически примыкала тематика секций «Общая концепция теории в культурной антропологии» и «Текущие проблемы профессии в исторической перспективе». В одном из выступлений на последней секции содержалось утверждение, что советская этнография будто бы ориентируется лишь на так называемые формальные ценности. Нами была показана вся несостоятельность этого утверждения, игнорирующего, в частности, тот факт, что советские этнографы считают одной из своих основных целей содействие социальному и культурному прогрессу отставших в развитии народов.

Научоведческая проблематика рассматривалась и в секциях вспомогательных этнографических (антропологических) дисциплин — «Антропологическая библиография», «Этнологическое музееведение», «Визуальная антропология» и т. д.

В секциях «Процессы урбанизации», «Антропологическое изучение образования» и многих других обсуждались актуальные проблемы современности. В деятельности советской делегации особенно значительным было участие в работе секции «Социальные изменения в социалистическом обществе». Выступления советских делегатов заняли главное место на ее заседаниях. К. К. Каракеев охарактеризовал процессы культурной интеграции, связанные с формированием новой исторической общности — советского народа, Л. М. Дробижева сообщила о методике этносоциологических исследований, проводимых в нашей стране, Т. А. Жданко — о диалектике традиций и инноваций в социалистической культуре народов СССР, И. С. Гурвич — о социальных и культурных преобразованиях в жизни малых народов Севера за годы Советской власти и т. д. Информация о достижениях других социалистических стран содержалась в сообщениях польских, чехословацких и венгерских ученых.

Тема социалистических преобразований прозвучала и в секциях, посвященных кооперативам, национализации промышленности, аграрной проблематике и т. п. Советские ученые уделили большое внимание вопросу об аграрных преобразованиях, осуще-

ствленных в ходе коллективизации в различных районах нашей страны; значительное внимание было уделено проблеме адаптации бывших кочевников к оседлому образу жизни в условиях социализма.

Следует особо упомянуть развернувшуюся в одной из секций дискуссию о положении женщин в СССР. С фальсифицированными данными по этому вопросу (о характере труда женщин, оплате их труда, представительстве в выборных органах и т. п.) выступила Б. Розенталь (США). Необоснованность ее заявлений была хорошо показана Л. М. Дробижевой. Особенно сильное впечатление на аудиторию произвели приведенные ею данные о том, что в нашей стране средний уровень образования у женщин сейчас выше, чем у мужчин.

Существенное внимание конгресс уделил современным этническим процессам. Подход западных ученых к этническим общностям несколько отличается от нашего. Многие из них отводят решающую роль в существовании этих общностей субъективному фактору — самосознанию. К тому же основными этническими подразделениями они обычно считают малые этнические группы. Советские делегаты Л. Н. Терентьева, В. И. Наулко, М. И. Куличенко, автор этих строк осветили специфику подхода к этим проблемам советской науки, отметив, в частности, характерное для нее представление о том, что демиургом этноса является не этническое самосознание, а его объективные свойства (прежде всего язык и традиционная культура). Было подчеркнуто также, что советские исследователи изучают не только небольшие этнические группы, но и целые этносы-народы, в том числе многочисленные. Эти выступления вызвали большой интерес аудитории. Р. Холломан (США), Г. Рохан-Чермак (Канада) и другие зарубежные ученые говорили о необходимости дальнейшего обмена результатами разработки этнической проблематики.

На ряде секционных заседаний были рассмотрены различные культуроведческие проблемы. Значительный интерес представляла работа секции «Естественнонаучный подход к проблемам культурной адаптации». Участвовавшие в ней американские ученые на конкретных примерах показали адаптивную по отношению к среде роль культурных особенностей народов. В докладах ясно прослеживалось стремление к сугубо материалистическому подходу к проблемам культуры, иногда, правда, приводящее к упрощенно биологизаторскому толкованию процессов в человеческом обществе. С разъяснением марксистских воззрений на проблемы культурной адаптации выступили делегаты Советского Союза Э. С. Маркарян и С. А. Арутюнов.

Становление человеческой культуры было основной темой ряда археологических секций. В их работе активно участвовали советские ученые П. И. Борисковский и Р. С. Васильевский. Обсуждались вопросы технологии производства каменных орудий,

пути развития палеолитических культур Восточной и Северной Азии, сходство материалов верхнепалеолитических стоянок Северной Америки и Японии с аналогичными материалами сибирских стоянок.

Специальная секция конгресса была посвящена происхождению земледелия. В нескольких секциях исследовались проблемы языка, изобразительного искусства, фольклора, религии, психологии и т. п.

При рассмотрении проблем культуры конгресс не оставил без внимания и вопросы так называемой антикультуры. Особенно показательна в данном отношении секция «Общинная жизнь в исторической перспективе». Доклады и выступления на ее заседаниях касались главным образом движения американской молодежи «против культуры», назад в прошлое, к общинной жизни. Оно трактовалось как разновидность «эскапизма», бегства от цивилизации, от бесчеловечности современного капиталистического общества. Молодежью США создано около 30 тыс. разнообразных коммун — «общей пищи», «обратно к природе», сектантские коммуны и другие. Молодые этнографы США, занятые их изучением методом «наблюдателя — участника», приходят к выводу, что в коммунах меняется индивидуалистическая психология личности, развивается сознание принадлежности к коллективу. Однако в выступлениях этих ученых далеко не всегда присутствовала достаточно критическая оценка характера и перспектив такого рода протеста против капиталистического образа жизни.

Значительное место на конгрессе заняли проблемы физической антропологии, рассматривавшиеся в секциях приматологии, палеоантропологии, одонтологии, дерматоглифики и других. Привлекли внимание такие вопросы, как влияние экстремальных условий обитания (высокогорье, холодный или тропический климат) на ростовые процессы у человека. В частности, было показано, что в популяциях жарких стран средний вес тела человека ниже, чем в популяциях, живущих в умеренном и холодном климате, что обусловлено в первом случае более выгодной для организма реакцией для поддержания теплового баланса. С интересом было встречено сообщение С. Гарна (США) о влиянии различных факторов (социально-экономических, генетических и семейных) на процессы роста и развития человека. Оказалось, что сроки постнатального окостенения менее всего подвержены влиянию социально-экономических факторов.

В секции дерматоглифики главное внимание было уделено эффективности использования дерматоглифического материала как важнейшего источника при морфологической характеристике человека. Оживленные дискуссии развернулись по вопросам популяционной генетики. В работе большинства секций физической антропологии участвовали советские специалисты — В. П. Алексеев, Н. Н. Миклашевская, В. П. Якимов и другие.

Наряду с собственно научной проблематикой на конгрессе затрагивались и некоторые политические аспекты антропологических и этнографических исследований, была даже создана секция «Антропология и политика». Ее организаторы и участники — молодые этнографы США, Африки, Латинской Америки — выступили с призывом к борьбе против использования этнографии в колониалистских целях.

Вместе с тем на конгрессе проявились и тенденции иного рода. Упомянем, в частности, специальное секционное заседание по теме «Концепция человечества», на которое была вынесена для обсуждения заранее разосланная участникам книга американского профессора Г. Хиршфельда «Народ». В этой книге под термином «народ» понимается «простонародье», говорится об извечном существовании управляющей им элиты, США выдаются за образец мирового социального прогресса, делается ряд выпадов в адрес социалистических стран, а в заключение предлагается создать международную партию, которая бы устранила все барьеры между народами и установила «всеобщее благоденствие на Земле». Несостоятельность этой концепции была убедительно показана в выступлениях советских делегатов М. И. Куличенко и Р. Г. Кузеева, отметивших как порочность ее исходных посылок, так и реакционный утопизм целевых установок.

Не были обойдены на конгрессе проблемы войны и мира. Работала даже специальная секция «Война: ее причины и корреляты». Многие из докладов по этой проблеме были проникнуты идеей борьбы за мир. В то же время в отдельных случаях обнаруживалась тенденция связать причины войн с якобы характерной для всего рода приматов агрессивностью. Однако в выступлениях подавляющего числа участников конгресса подобного рода концепции были подвергнуты критике и осуждены. О сильных антивоенных настроениях свидетельствует и единогласное принятие ассамблеей Международного союза антропологических и этнографических наук, которая состоялась во время конгресса, обращения в ООН с предложением о создании специального международного учреждения по изучению причин войн и разработке мероприятий, направленных на сохранение мира.

В соответствии с девизом конгресса основной темой его заключительного заседания был культурный плюрализм, который анализировался на трех уровнях: в масштабах всего мира, на примере США в целом и на материалах Чикаго.

Подводя некоторые итоги работы конгресса, следует подчеркнуть, что научные дискуссии, обсуждения и кулуарные беседы способствовали росту взаимопонимания между антропологами и этнографами СССР и прогрессивными зарубежными учеными. Участие в работе конгресса позволило советским исследователям получить обширную информацию о состоянии зарубежной науки, ознакомиться с результатами многих последних работ наших кол-

лег из разных стран. В свою очередь доклады и выступления советских делегатов ознакомили участников конгресса с социальными и культурными завоеваниями нашей страны, с ленинской национальной политикой, с достижениями науки первой страны социализма.

Конгресс убедительно продемонстрировал возросший престиж марксизма, стремление многих зарубежных ученых овладеть марксистско-ленинской методологией исследований. Он явился наглядным свидетельством интенсивного развития антрополого-этнографических исследований в бывших колониальных и зависимых странах Азии, Африки и Латинской Америки. Конгресс выявил рост гуманистических традиций в мировой антропологической и этнографической науке, его участники приняли резолюцию, осуждающую этноцид и геноцид.

На конгрессе был избран новый состав руководящих органов Международного союза антропологических и этнографических наук. Очередной конгресс было намечено провести в 1978 г. в Индии.

Этот конгресс — X МКАЭН — проходил с 9 по 16 декабря 1978 г. в Дели⁴. Он сосредоточил основное внимание на проблемах современной социально-экономической, культурной и политической жизни развивающихся стран. Это было во многом обусловлено тем, что X МКАЭН в отличие от всех предыдущих конгрессов впервые состоялся в одной из таких стран. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что он проходил именно в Индии — многонаселенной стране, бывшей колыбелью одной из древнейших цивилизаций мира, отличающейся очень пестрым этническим, языково-культурным, религиозным и антропологическим составом населения, в стране, где стойкость многовековых традиций все более конфликтует с насущными требованиями современности. Знаменательно то большое внимание, которое было уделено конгрессу со стороны правительства Индии. На его открытии и на пленарных заседаниях с большими речами, в которых подчеркивалось значение антропологии и этнологии (этнографии) для социального и культурного прогресса человечества, особенно — развивающихся стран, в том числе Индии, для взаимопонимания между народами мира, выступили премьер-министр Индии, а также министры иностранных дел, обороны и просвещения.

В конгрессе приняли участие свыше 2 тыс. ученых из более чем 70-ти стран мира. Почти половину участников составили индийские ученые; довольно крупной (свыше 200 человек) была группа ученых из США; по нескольку десятков человек насчитывали делегации из Великобритании и Японии; группы ученых из других развитых капиталистических стран (Франции, Канады, Нидерландов и т. д.) были сравнительно немногочисленными, по 5—20 человек, немногочисленными были и делегации из разви-

вающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Участвовали в Конгрессе и представители большинства европейских социалистических стран: ПНР (самая многочисленная делегация из этих стран — 18 человек), СФРЮ, ЧССР, ГДР, ВНР, СРР. Делегация советских ученых насчитывала 38 человек; в ее состав входили представители Академии наук СССР, Министерства высшего и среднего специального образования, академий наук союзных республик и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Большое значение участия советских ученых в Международных конгрессах антропологических и этнологических наук было специально подчеркнуто при открытии X МКАЭН его президентом — проф. Видъяртхи (Индия). Он отметил, что, начиная с состоявшегося в 1956 г. в Филадельфии V МКАЭН, в работе которого впервые приняла участие делегация ученых из СССР, «советская этнография, развивающаяся на основе идеологии Маркса, Энгельса и Ленина, ознаменовала обновление концепции социальной эволюции, внесла в антропологию новые соотношения, сделала ее более сбалансированной, уменьшив поле англо-американского влияния».

Пленарные заседания конгресса в соответствии с его основным направлением были посвящены проблемам развития. На первом из них эти проблемы рассматривались в масштабах всего мира, на последующих — основных его регионов: Азии, Африки, Латинской Америки, промышленно развитых стран.

Представленные на заседания доклады были весьма разнообразны по содержанию. Так, на заседании, посвященном Азии, где свыше половины участников составили индийские ученые, в центре внимания оказались вопросы, связанные с быстрым ростом населения стран этого региона и влиянием этого феномена на их будущее развитие. На заседании, посвященном Латинской Америке, наибольший интерес вызвали доклады мексиканских и американских ученых, посвященные аграрным преобразованиям в Мексике.

Несмотря на разнотемность докладов, представленных на пленарные заседания, почти во всех докладах согласно проступала мысль о том, что социально-культурная антропология (этнография) имеет существенное практическое значение, является научным средством решения различных проблем общественного развития. Однако развитие самой антропологии в странах «третьего мира» идет трудным путем. Эти трудности обусловлены главным образом тем, что антропология развивающихся стран формировалась преимущественно на базе концепций и школ, существовавших в странах-метрополиях, в частности, в Великобритании, а многие ученые получили там и образование. Очень сильным в недавнем прошлом было влияние и со стороны американской антропологии. Однако за последнее время, как это прозвучало и

во вступительном к пленарным заседаниям докладе проф. С. Дуби (Индия) «Антропология и потребности развития. Взгляд со стороны „третьего мира“, антропологи (этнографы) развивающихся стран стремятся освободиться от этого влияния. Такое их стремление объясняется двумя основными причинами. Первая из них связана с боязнью неокOLONиалистской направленности европейско-американских антропологических (прежде всего — этнографических) школ, из которых (английский функционализм, американский расизм и этнопсихологизм и т. п.) так или иначе поддерживали империалистические устремления. Вторая причина состоит в том, что почти все буржуазные школы основывались на концепции стагнации или во всяком случае большой консервативности культурных явлений, на «незыблемости» традиционной жизни народов бывших колониальных и зависимых стран; в результате этого они оказываются мало пригодными к изучению развивающихся обществ, к исследованию существенных изменений в культуре и быте народов, к анализу этнических процессов и т. п. Именно это изменение направленности антропологии развивающихся стран способствовало отмеченному выше росту внимания к советской этнографической науке.

Различные аспекты проблемы развития, рассматривавшиеся на пленарных заседаниях конгресса, в той или иной степени затрагивались на многих секционных заседаниях и симпозиумах. Этим вопросам по существу было посвящено еще свыше 20-ти тематических заседаний. На них обсуждались такие, например, вопросы, как этническая интеграция, неозволюционизм и марксизм, будущее мировой антропологии и т. д. При этом отчетливо проявилось стремление сосредоточить усилия на изучении различных аспектов традиционного образа жизни и изменения его в связи с постепенно развивающейся урбанизацией, ростом системы образования, переменами в сельском хозяйстве и т. д. Большое место заняло рассмотрение вопросов, связанных с положением женщин в традиционных социальных системах развивающихся стран и возможности достижения их равноправия с мужчинами. Заметен также акцент на острые проблемы обеспечения численно растущего населения развивающихся стран средствами существования, прежде всего пищей.

В работе ряда заседаний, посвященных этой проблематике, активное участие приняли советские ученые. В частности, большое внимание ими было уделено теме этнических процессов. Это объясняется главным образом тем, что именно Советский Союз является по существу первой страной, в которой в последнее десятилетие широко развернулись исследования этнических процессов, т. е. процессов изменения существенных параметров этнических общностей в различных странах мира, прежде всего в СССР.

В докладе председательствовавшего на симпозиуме автора этих строк — «Культурные аспекты этнического развития в СССР», а также в докладах В. К. Бондарчика — «Этническая интеграция как важный фактор развития в этнокультурных процессах», Е. П. Бусыгина (совместно с Н. В. Зориным) — «Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье», В. И. Наулко — «Современные процессы этнической интеграции в Украинской ССР» — были показаны общие закономерности развития таких процессов в различных регионах СССР, обусловленные действием общих социально-экономических и политических факторов, и некоторые локальные особенности этих процессов. К этой группе докладов, отражающих успехи в решении национального вопроса в СССР, дружеские отношения между всеми народами страны, непосредственно примыкал доклад М. И. Куличенко «Национальное сознание народов СССР (его сущность, формы, проявления и тенденции развития)», в котором показывалось сочетание крепнущего национального сознания с развитием чувства принадлежности к единому советскому народу. Некоторые присутствовавшие на симпозиуме делегаты из капиталистических стран, преимущественно из США и Канады, пытались подорвать идеологическую значимость докладов советских ученых и правильность ленинской национальной политики тенденциозными вопросами о якобы имеющем место в СССР «национальном неравенстве», «религиозном притеснении» и т. п., но такого рода попытки были легковесными и легко парировались советскими учеными. Немалое значение при этом имело то обстоятельство, что доклады о социалистических преобразованиях в различных республиках нашей страны делались учеными — представителями коренных национальностей этих республик. Развернувшаяся на секции дискуссия в то же время показала необходимость более тщательного раскрытия механизма преобразований, происшедших в нашей стране за годы Советской власти, крайнюю нежелательность декларативной формы их освещения.

Значительное внимание было уделено также современным этническим процессам в Индии. Так, индийский ученый К. С. Наир в докладе, посвященном этнической интеграции в условиях урбанизации, на материалах индийских городов рассмотрел ряд теоретических аспектов этой проблемы. В докладе его коллеги Т. Н. Пандита был дан обстоятельный анализ современных межэтнических отношений на Андаманских островах. Наряду с выступлениями индийских ученых эта тематика была затронута и в отдельных докладах советских ученых. Немалый интерес вызвал сделанный на симпозиуме доклад А. Н. Седловской «Влияние индустриализации и урбанизации на этнические процессы среди малых народов Индии и Советской Средней Азии»; содержащееся в нем сопоставление этнокультурного развития Индии с таким прежде отсталым регионом, как Средняя Азия, прозвучало весь-

ма актуально. Несколько особое место занял доклад И. М. Семашко «Маврикий: проблемы этнического развития», в котором характеризовались процессы этнического развития живущих там этнических групп (в том числе индийцев) и проблема интеграции их в единую маврикийскую нацию. Ряд общих вопросов методики изучения этнических процессов был освещен в докладе С. А. Арутюнова «Соотношение билингвизма и бикультурализма в современных этнических процессах».

Немаловажное методологическое значение имел симпозиум «Неоэволюционизм и марксизм». Председательствовавший на нем советский делегат Э. С. Маркарян представил доклад «Неоэволюционизм и экологические исследования культуры». Активное участие в этом симпозиуме приняла И. Зельнов (ГДР), выступившая с докладом «Неоэволюционизм и марксизм: Проблема исторического прогресса». С докладами на симпозиуме выступили также Д. Шимкин (США), М. Харрис (США) и некоторые другие западные ученые. В самих докладах и в ходе прошедшей затем дискуссии были уточнены некоторые этапы истории неоэволюционизма с лежащей в его основе идеей технологического детерминизма. Был отмечен материалистический в целом характер этого направления и в то же время его ограниченность, заставляющая неоэволюционистов все чаще искать ответа на вопросы общественного развития в историческом материализме. Была подвергнута критике попытка М. Харриса создать свою эклектическую концепцию «культурного материализма», объединив в ней неоэволюционизм, структурализм и исторический материализм.

Среди других тем, посвященных общим проблемам, следует отметить работу комиссии по футурологии, участие в которой приняли главным образом ученые из Индии. Они подвели некоторые итоги работы проходившего незадолго перед конгрессом совещания, ставившего своей целью представить этнокультурную ситуацию в Индии к 2000 году, в частности определить будущее племен, семьи, религии и т. п. Основным выводом комиссии сводится к тому, что все явления традиционной жизни Индии как таковые сохраняются, однако степень их выраженности и общая социальная ситуация, в которой они проявляются, существенно изменятся под влиянием роста населения и других факторов.

Значительное место в работе конгресса заняли вопросы, касающиеся будущего антропологии и этнографии. Этой теме был посвящен обширный материал, специально подготовленный группой ученых из США во главе с С. Таксом. В этом материале отчетливо проявилась характерная для североамериканских ученых тенденция трактовать антропологию как некую супердисциплину, претендующую на монополию в изучении человека. Такая тенденция была подвергнута критике советскими делегатами, отметившими, в частности, как неправомерность, так и возможные негативные последствия изоляции культурной антропологии

от других изучающих человеческое общество дисциплин. При этом была подчеркнута необходимость усиления внимания к методологическим вопросам, касающимся определения места антропологии и этнографии в системе наук. Эта точка зрения была активно поддержана со стороны индийских ученых и в результате была создана комиссия для разработки методологических вопросов антропологии и этнографии и определения перспектив их дальнейшего развития, в которую вошел представитель советской делегации.

Широкому спектру проблем были посвящены другие секции и симпозиумы конгресса, которых насчитывалось свыше семидесяти. Их диапазон простирался от вопросов этногенеза, систем родства, номадизма, социальной демографии, религии до проблем физической антропологии и генетики человека.

Так, секция «Этногенез», председателем которой был советский делегат М. Г. Абдушелишвили, оказалась посвященной главным образом начальным этапам формирования древних и современных народов по материалам археологии и физической антропологии. От СССР на ней были представлены доклады М. Г. Абдушелишвили «Антропологические данные к изучению этногенеза некоторых народов Центральной и Западной Индии» и Р. Денисовой — «Генезис древнейшего населения Северной и Восточной Европы». Проблемы этногенеза были затронуты также на отдельных археологических заседаниях. В частности, на секции «Бронзовый и железный век» внимание специалистов привлек доклад К. Н. Дикшита (Индия), где ставился вопрос о датировке культуры серой расписной керамики — культуры, которую многие индийские археологи отождествляют с пришедшими в Индию ариями. На новых материалах Дикшит стремился показать, что культура эта перекрывает комплексы позднехарапского происхождения; он датирует ее 1100—800 гг. до н. э. В свете индо-иранской проблемы в докладе М. А. Итиной (СССР) была рассмотрена древняя этническая история степных племен Средней Азии. В докладе было показано, что сложные этнокультурные и миграционные процессы, происходившие в степях Евразии в конце II — начале I тысячелетия до н. э., охватившие южные районы Средней Азии, Северный Афганистан и Пакистан, не дают оснований рассчитывать, что арианизация Индии может быть прослежена на материалах какой-то единой культуры. Скорее всего не облик материальной культуры пришельцев, а система хозяйства, духовная культура племен, индоиранская принадлежность которых лингвистически документирована, могут служить критерием для «опознания» легендарных ариев.

Очень оживленно проходило заседание сессии «Номадизм», на которой с докладами выступили четыре советских ученых: Г. Е. Марков — «Политическая организация кочевников», К. К. Каракеев — «От скотоводства к промышленному развитию

за полстолетия (исторический опыт республик советского Востока)», Ю. И. Мкртумян — «Экологические и социально-культурные факторы в исторической динамике скотоводства (на примере Армянского нагорья и Кавказа)», Т. Д. Баялиева — «Среднеазиатские вариации экономического и культурного типа кочевников-скотоводов предгорий и гор (киргизы Тянь-Шаня)». Сравнительно-обобщающий характер носил доклад П. Бонта (Франция) «Пастушеская специализация: Экологический и экономический детерминизм». Подавляющее большинство других докладов было посвящено частным вопросам хозяйства кочевников, их культуры и быта, главным образом на примерах стран Северной Африки. Центральное место в развернувшейся дискуссии заняло обсуждение проблем преодоления отсталости кочевых и полукочевых народов, повышения уровня их образования и т. п., а также роли этнографии в решении проблем номадизма. Выступившие в дискуссии советские делегаты — Ю. И. Мкртумян и Э. С. Львова рассказали об опыте перехода на оседлость десятков бывших кочевых и полукочевых скотоводческих народов Средней Азии, охотников и оленеводов северных и восточных областей СССР, о существенной помощи этим народам со стороны государства и о видной роли этнографов, которые давали конкретные советы по переустройству хозяйства и быта, по развитию образования (в частности, созданию своей письменности) и т. п.

Среди проблем, затронутых на секционных заседаниях, видное место заняли вопросы, связанные с быстрым ростом населения развивающихся стран. Демографическая основа этого явления рассматривалась на сессии «Социальная демография», где были заслушаны два доклада советских ученых. В. И. Козлов в докладе «Этнокультурные факторы рождаемости (о роли этнографии в изучении проблем населения)» показал большое значение этнографии и новой стыковой дисциплины — этнической демографии в изучении таких важных факторов рождаемости, как религиозные установки и традиции многодетности, формы семейной организации, положения женщины в семье и обществе и т. п., особенно применительно к развивающимся странам. В докладе С. И. Брука «Изменения в динамике и структуре населения в послевоенном мире» была дана общая картина демографической ситуации в мире и отмечено, что период очень быстрого роста численности населения мира, главным образом за счет его прироста в развивающихся странах, по существу завершился и что в настоящее время темпы естественного прироста в большинстве стран неуклонно снижаются. Однако за этой общей тенденцией могут скрываться существенные локальные особенности. Значительный интерес в этом отношении представил доклад председательствовавшего на сессии индийского по происхождению ученого Мони Нага (США) — «Повышение плодovitости под влиянием процесса модернизации»; в нем отмечено положительное

влияние на рождаемость в ряде развивающихся стран таких факторов, как сокращение длительности кормления грудью, сокращение временных табу на половые связи супругов, сокращение числа аборт и других методов контроля рождаемости, уменьшение числа венерических больных и общее повышение здоровья, особенно — женщин. Другие доклады на сессии были посвящены частным темам, связанным с выяснением влияния на плодovitость особенностей питания, браков между родственниками и т. п. по материалам конкретных обследований.

К этнической демографии были близки по тематике некоторые доклады симпозиума «Биология и культура», посвященного в основном соотношению биологических и социально-культурных аспектов динамики некоторых этнических групп Индии. В развернувшейся дискуссии центральное место заняли вопросы интеграции биологических и социальных наук. Выступивший по этой теме Э. С. Маркарян отметил важность системного подхода, а также необходимость и вместе с тем трудность унификации познавательных средств (теории, методов, научной терминологии и т. п.) при интеграции сильно различающихся наук.

Существенное место на X МКАЭН заняла тематика, относящаяся к области физической антропологии; всего по этой тематике было заявлено свыше 350 докладов. Из числа заседаний данного профиля следует отметить прежде всего симпозиум «Человек и среда», работа которого была во многом predeterminedена заказанными Всемирной ассоциацией биологов человека докладами. Среди них обобщающий характер имел доклад Т. И. Алексеевой (СССР) — «Географическая среда и биология человека». Доклады Н. Воляпского (Польша), Р. Бейкера (США) и Е. Андерсона (США) содержали итоги анализа недавних работ по экологии человека, а также освещали аспекты исследований в высокогорных местностях, культурной адаптации некоторых популяций, особенностей энергетики организма человека в жарком климате. Другие доклады носили частный характер. В рамках этого симпозиума работала комиссия «Человек и биосфера», на которой обсуждались в основном организационные вопросы и дальнейшие задачи работы комиссии ЮНЕСКО — «Человек».

На симпозиуме «Физиологическая адаптация», тесно примыкающем по своим целям и задачам к симпозиуму «Человек и среда», рассматривались некоторые специальные вопросы адаптации организма человека к условиям высокогорья и локализации мускульной энергии у молодых мужчин.

Доклады на сессии «Антропология и болезни» касались главным образом организационных вопросов здравоохранения и профилактики различных заболеваний с учетом этнических вариаций некоторых болезней (например, рака). Рассматривались также некоторые социальные болезни, в частности туберкулез, с точки зрения физического развития человека, половозрастной

структуры населения и т. п. В антропологическом отношении эти доклады представляли ограниченный интерес, но были важны в практическом отношении.

На сессии «Морфология человека» был заслушан доклад советского ученого В. П. Волкова-Дубровина — «Связи и комплексы в системах морфофизиологических черт». Подавляющее большинство других докладов было посвящено сугубо частным вопросам, значительной частью уже освещенных в периодической зарубежной печати.

На сессии «Биология человека» все доклады были посвящены генетике изолированных разноэтнических популяций в горах Югославии, Южной Италии, северо-восточной Индии и некоторых других районов; в основе их лежали материалы соматологических, дерматоглифических и серологических исследований.

На сессии «Биометрические подходы к физической антропологии» наибольший интерес представили доклады о возможности применения методов многомерного анализа в различных разделах антропологии.

В целом для заседаний по физической антропологии весьма показательным было отсутствие докладов, в которых так или иначе поддерживались бы расистские концепции.

Несмотря на то, что X МКАЭН, как мы могли убедиться, основное внимание уделил развивающимся странам, прежде всего Индии, все же этот конгресс позволяет получить определенное представление о некоторых общих чертах современного уровня антрополого-этнографических исследований в целом, а также основных тенденциях их развития. Он, в частности, наглядно продемонстрировал дальнейшее усиление внимания к таким научным направлениям, как генетика человека, психологические факторы здоровья, проблемы продовольствия, социальная демография, современные этнические процессы, народная медицина и т. д. Одним словом, речь идет о расширении конкретных исследовательских сфер антропологии и этнографии. При этом особо подчеркивалось и прикладное значение такого рода исследований. В то же время конгресс свидетельствовал об усилении внимания зарубежных ученых к вопросам теории. Это, как уже говорилось, наглядно проявилось на заседаниях, посвященных неозволюционизму и марксизму, будущему антропологии, теории этнических процессов. Особенно заметен этот интерес у индийских ученых и ученых из других развивающихся стран.

Показательно и то, что в отличие от сравнительно недавнего прошлого, когда для многих работ зарубежных антропологов и этнографов было характерно игнорирование поступательного движения общества, на конгрессе в большинстве докладов подчеркивался фактор развития. Однако многие западные ученые рассматривают развитие в эволюционистском духе, игнорируя «разрывы постепенности», т. е. революционные скачки в поступа-

тельном движении человечества. К тому же развитие часто трактуется как многолинейный процесс, не имеющий общих закономерностей. В тех же целях акцентируется культурное многообразие, культурный плюрализм человечества.

Как и предыдущие конгрессы, X МКАЭН убедительно продемонстрировал дальнейшее расширение масштабов включения в международное сотрудничество в области антропологических и этнографических наук ученых развивающихся стран. При этом есть основания полагать, что после его проведения в Индии, несомненно, будет возрастать участие индийских ученых в МКАЭН.

Наряду с обсуждением широкого круга научных проблем X МКАЭН рассмотрел ряд научно-организационных вопросов. В частности, был избран новый состав руководящих органов Международного союза антропологических и этнографических наук, принято решение о проведении очередного конгресса в Канаде.

Все сказанное о работе трех последних международных конгрессов антропологических и этнографических наук, очевидно, позволяет заключить, что такого рода форумы представляют важные вехи в развитии этих наук, отражающие как в зеркале их характерные для каждого этапа черты. Именно поэтому участие в них предоставило возможность советским исследователям получить обширную информацию о состоянии зарубежной науки, выявить в ней те новые тенденции, которые требуют к себе особого внимания. В свою очередь, доклады и выступления советских делегатов немало способствовали пропаганде достижений советской науки, росту ее влияния и авторитета. Научные дискуссии в ходе конгрессов, обсуждения и кулуарные беседы существенно содействовали развитию контактов между советскими специалистами и прогрессивными зарубежными учеными. Работа трех последних МКАЭН вместе с тем убеждает, что такого рода форумы таят в себе широкие возможности для дальнейшего углубления научных связей между этнографами и антропологами различных стран мира. А это важно не только с точки зрения развития самого этнографо-антропологического цикла научных дисциплин, но еще и потому, что данным дисциплинам принадлежит особая роль во взаимопонимании между народами мира.

¹ Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. I—II, М., 1968—1970.

² Подробнее см.: Арутюнов С. А., Аверкиева Ю. П., Бромлей Ю. В. VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук.— СЭ, 1969, № 1.

³ Подробнее об этом конгрессе см.: Аверкиева Ю. П., Бромлей Ю. В. IX Международный конгресс антропологических наук.— СЭ, 1974, № 1, с. 3—15.

⁴ Подробнее см.: Бромлей Ю. В., Козлов В. И. X Международный конгресс антропологических и этнографических наук.— СЭ, 1979, № 3.

ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ ¹

Основными аспектами истории первобытного общества являются формирование, а также первоначальное развитие человека современного вида (антропогенез) и человеческого общества (социогенез). В конечном счете изучение ее направлено на решение двух взаимосвязанных фундаментальных проблем: появление и начальный этап развития разумной, мыслящей материи и особой формы существования этой материи — социальной организации.

Однако история первобытного общества была и остается не только областью познания, но и ареной острой идеологической борьбы. Как произошел скачок от биологического к социальному: самопроизвольно, спонтанно, в результате внутренней эволюции или же благодаря некоей внешней, высшей силе? Как образовались основные институты классового общества: частная собственность, моногамная семья, классы и государство, являются ли они изначальными и непреходящими или же, возникнув на определенной ступени исторического развития, отомрут вместе с породившими их условиями? Совершенно очевидно, что ответ на все эти вопросы имеет первостепенное мировоззренческое значение. Не случайно основоположники научного коммунизма уделили немалое внимание созданию целостной концепции истории первобытного общества, составляющей неотъемлемую часть марксистской теории всемирно-исторического процесса.

Согласно марксистской концепции первобытной истории, гранью, отделяющей человека от животного, первым основным условием всей человеческой жизни является труд, который «начинается с изготовления орудий» ². Возникнув в результате обособления от животного мира, первобытное человеческое общество характеризуется примитивным, обусловленным неразвитостью производительных сил коллективизмом в производстве и потреблении. Производство, писал Энгельс, «было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин. Этот коллективный характер производства осуществлялся в самых узких рамках, но он влек за собой гос-

подство производителей над своим производственным процессом и продуктом производства»³.

Первобытный коллективизм и покоящиеся на его основе первобытнообщинные отношения исчезают лишь тогда, когда в результате прогресса производительных сил развивается общественное разделение труда со всеми его последствиями — обменом, имущественным неравенством, эксплуатацией человека человеком и в конечном счете антагонистическими классами, занимающими различное положение в производстве и распределении. Первобытнообщинный строй «был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы»⁴. В разных природных и конкретно-исторических условиях этот процесс мог быть представлен различными локальными и временными формами, но его основная направленность — от доклассового общества к классовому — универсальна для всего человечества.

Такова суть марксистского учения о первобытном обществе*. Следует отметить, что сами основоположники марксизма четко отграничивали ее от разного рода частных решений, которые отражали определенный уровень накопления и обобщения фактических данных и не могли не измениться в ходе развития науки**.

Ныне подобное разграничение тем более важно, что материалистическая концепция первобытной истории остается объектом ожесточенной критики, сопровождающейся попытками противопоставить этой концепции как новые, неизвестные во времена Маркса и Энгельса факты, так и основанные на них новые философско-исторические конструкции.

Изучение первобытного общества, будучи одним из разделов исторических знаний, фактически находится на стыке естественных и гуманитарных наук и осуществляется с помощью целого комплекса дисциплин. Для тех из них, что играют основную роль в реконструкции первобытной социально-экономической формации, последние десятилетия отмечены стремительным накоплением новых данных. Это относится как к палеоантропологии и археологии, предоставляющим в наше распоряжение останки первобытного человека и его материальной деятельности, так и к этнографии, которая путем сравнительно-исторического метода

---

* Такое понимание существа этого учения зафиксировано, в частности, в целом ряде обобщающих работ советских ученых (см., например: *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1974, с. 4—5; *Келле В., Ковальзон М.* Исторический материализм. М., 1969, с. 119—123, и др.).

** Так, Энгельс отмечал неизбежность последующего пересмотра принятой им периодизации Моргана, гипотетичность промискуитета, спорность таких вопросов, как механизм возникновения рода (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 28, 37, 45—46).

как бы озвучивает вполне осязаемые, но «немые» вещественные памятники, позволяя наглядно представить общественную и духовную жизнь древнего человека.

Новые данные в области этих наук — результат как наших отечественных, так и зарубежных исследований.

Особенно разительны последние открытия в области антропогенеза, заставляющие по-иному взглянуть на такие, казалось бы, давно решенные проблемы, как время и место происхождения первых людей, взаимоотношение между отдельными фазами эволюции человека, происхождение рас и т. д. Наиболее сенсационный характер имеют, несомненно, новые данные и основанные на них предположения, касающиеся возраста человеческого рода⁴.

Последние десятилетия наряду с антропологическими находками принесли также ряд открытий в области археологии, проливающих новый свет на материальную культуру, общественную и идеологическую жизнь предшественников *Homo sapiens*.

Так, советскому археологу С. А. Семенову удалось экспериментально установить, что производительность труда первобытных людей была несравненно более высокой, чем это предполагалось раньше: например, на изготовление палицы с помощью ручного рубила уходило лишь около получаса, на изготовление кремневого остроконечника или скребла — 5—10 минут.

Вместе с тем выяснилось, что основным занятием неандертальца, а вероятно и его ближайшего предшественника, было не собирательство, как это обычно считалось, а охота. Новые находки в Западной Европе (прежде всего в Испании и Франции) и на территории нашей страны (на Украине, на Кавказе и т. д.) показали, что не только *Homo sapiens*, но и неандерталец строил долговременные многоочажные зимние жилища, напоминающие известные по этнографическим данным общинно-родовые дома.

Недавние раскопки в пещерах Регурду (во Франции) и Базау (в Италии) дали дополнительные сведения в пользу выдвинутой А. П. Окладниковым гипотезы о существовании охотничьей магии в коллективах неандертальцев. Таким образом, окончательно доказано, что и духовная жизнь неандертальцев была значительно более сложной, чем представлялось до сих пор.

Казалось бы, что накопление этнографических фактов должно значительно отставать от роста данных палеоантропологии и археологии, которые непрерывно извлекают новые материалы из земли, тогда как этнографы имеют дело с давно знакомыми науке племенами и народами. В действительности же последние десятилетия отмечены бурным увеличением и этнографических фактов. В труднодоступных дебрях бассейна Амазонки, во внутренних областях Новой Гвинеи и даже в пустынях Австралии открыты племена, никогда ранее не вступавшие в контакт с европейцами. Гораздо лучше изучены и те племена, которые стали известны науке уже в XVIII и XIX вв.

Все это выдвинуло перед советской этнографической наукой задачу обобщения и теоретического осмысления накопленного материала по истории первобытного общества. Введение в научный обиход новых данных позволило советским исследователям не только отстоять, но еще больше укрепить и развить все методологически важные положения марксистского учения о первобытном обществе⁶. Вместе с тем этот материал поставил ряд новых научных проблем, разработка и обсуждение которых особенно активизировались в последнее время; прежде всего это относится к области социогенеза.

Этнографические материалы убедительно свидетельствуют, что первой стабильной формой общественного устройства была общинно-родовая организация.

В отличие от человеческого стада или праобщины, род и община — не теоретически реконструируемые, а непосредственно наблюдавшиеся у сотен племен общественные формы. И тем не менее даже здесь многое не вполне ясно и продолжает оставаться предметом споров. Таков прежде всего комплекс связанных между собой вопросов о взаимозависимости рода, общины и семьи, их функций в историческом соотношении. Поскольку понимание рода и общины зависит от понимания начальных форм семьи, начнем с этой последней.

Некогда Л. Г. Морган наметил пять ступеней эволюции семьи, пришедших на смену первоначальному половому промискуитету: кровнородственная семья, семья пуналуа, парная семья, патриархальная семья и семья моногамная. Из них две первых были основаны на групповом браке, остальные — на индивидуальном. Как известно, эта схема была в основном принята и Ф. Энгельсом, однако лишь с серьезными оговорками. Если в первом издании своего труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он вслед за Морганом рассматривал кровнородственную семью как необходимую фазу эволюции, то в четвертом издании, после появления работ Файсона и Хоуитта, он допускал, что дуально-фратриальный брак австралийцев мог возникнуть непосредственно из промискуитета. Здесь же он решительно высказался против понимания семьи пуналуа как обязательной ступени в развитии брака и семьи⁷. И действительно, уже вскоре были получены бесспорные свидетельства весьма позднего происхождения малайской системы родства, на основе которой была реконструирована кровнородственная семья. Что же касается пуналуальной семьи, то она оказалась прямым вымыслом миссионеров-информаторов Морган⁸.

Но одно дело частные реконструкции, другое — общая концепция группового брака. В свете новых фактических данных в советской науке уже в довоенное время наметилась и сейчас продолжает развиваться та точка зрения, что первой исторически засвидетельствованной формой социальной регуляции отно-

шений между полами был экзогамный дуально-родовой групповой брак. При этом групповой характер ранних брачных отношений восстанавливается, во-первых, на основе особенностей классификационных систем родства, во-вторых, путем анализа различных остатков свободы внебрачного полового общения, засвидетельствованных историей и этнографией у множества отставших в своем развитии племен, а в пережитках — у еще более обширного круга народов⁹.

Есть, однако, и другая точка зрения, развиваемая частью советских этнографов и археологов. Считая историческую реконструкцию группового брака недостаточно обоснованной и отправляясь только от живых, реально зафиксированных брачно-семейных институтов у отставших в своем развитии племен, они начинают историю брака и семьи с парной семьи, основанной, естественно, не на групповом, а на парном браке. В качестве важного дополнительного аргумента в пользу этой позиции приводится обнаружение уже в верхнем палеолите небольших одноочажных жилищ¹⁰.

Казалось бы, обе точки зрения, каждая из которых имеет свой *raison d'être*, несовместимы. Но так обстоит дело лишь при абсолютизации исходных позиций и упрощенном понимании группового брака как сочетания всеобщего многоженства и многомужества. Между тем уже Ф. Энгельс, отвергая такое понимание, писал, что «известное соединение отдельных пар, на более или менее продолжительный срок, имело место уже в условиях группового брака или еще раньше»¹¹. Л. Файсоном и У. Риверсом в общих чертах было предложено понимание группового брака как отношения между группами, а не их членами в отдельности. Развивая и конкретизируя эту мысль, а равным образом предложенную М. О. Косвеню гипотезу первоначальной дислокальности брачного поселения, Ю. И. Семенов выдвинул общую концепцию дуально-родового группового брака как брачного союза двух родов, существование которого обеспечивало половые встречи между их членами¹². Важное звено этой концепции — вопрос о первоначальной дислокальности брака. В пользу последней говорят некоторые обычаи, пережитки и фольклорные сюжеты, вплоть до бродячего сюжета легенд об амазонках, но все это допускает и иные толкования. Поэтому определенный интерес представляет идея, обозначившаяся в ходе одной из недавних дискуссий по проблеме перехода от материнского к отцовскому роду¹³. Дислокальное брачное поселение, весьма гипотетичное при бродячем образе жизни, оказывается более возможным в условиях верхнепалеолитической охотничьей оседлости и возникновения «авункулокальных» ячеек типа позднейшей добуанской сусу. Здесь следует вспомнить о конкретном многообразии всемирно-исторического процесса. Верхний палеолит — время охоты на крупных животных и охотничьей оседлости во многих, но все

же не во всех областях и тем более местах расселения первобытного человечества. Следовательно, допустимо предположить, что и групповой брак мог варьироваться в своих реальных конкретно-исторических проявлениях: от эпизодических встреч дислокальных брачных партнеров в одних случаях до «известного сожителства парами, на более или менее продолжительный срок» — в других.

Между тем, как уже говорилось, с расхождением во взглядах на начальные формы брака и семьи тесно связаны также, казалось бы, взаимоисключающие точки зрения на историческое соотношение и функции рода и общины. Если попытаться суммировать взгляды на этот счет, что нелегко и в целях генерализации требует известного упрощения, то можно сказать, что в разработке данной проблемы наметились два направления — «родовое» и «общинное». Они отнюдь не восходят к родовой и общинной теориям первой половины XIX в.; общее здесь, пожалуй, только в противопоставлении этих форм. Сторонники родового направления придерживаются взгляда, что основной структурной единицей развитого, т. е. как бы классического, первобытного общества, причем единицей не только общественной, но и экономической, был род. Но, как известно, род экзогамен, и встает вопрос: каким образом он во всем своем составе мог функционировать в качестве единого экономического коллектива. Единственное возможное объяснение — дислокальность брачного поселения в классическом роде, так как только при этих условиях его члены не разобщались и составляли один экономический коллектив. Именно поэтому придал такое значение своей гипотезе первоначальной дислокальности М. О. Косвен, именно потому так активно развивает ее наиболее последовательный из современных сторонников «родового» направления Ю. И. Семенов. Он прямо указывает, что, когда с переходом от дислокального группового брака к унилокальной семье род разобщился, началось разложение родового строя¹⁴. Вопрос мог бы считаться решенным, если бы предположение о дислокальности брака на данном этапе было строго доказано.

Исходя из этого последнего обстоятельства, сторонники «общинного» направления считают основной экономической ячейкой развитого первобытного общества общину, образованную как сородичами, так и связанными с ними узами брака и совместным хозяйством выходцами из других общин, иначе говоря, группой парных семей¹⁵. Что касается рода, то, с точки зрения большинства исследователей этого направления, он представлял собой лишь организацию для регулирования брачных отношений или даже только одну из форм такого регулирования, причем довольно позднюю и не универсальную¹⁶. Казалось бы, преимущества этой концепции очевидны: она целиком основана на этнографических сведениях об отставших в своем развитии племенах и не

требует сложных исторических реконструкций, позволяет четко дифференцировать и понять основные социально-экономические структуры общинно-родового строя. Проблема могла бы считаться решенной, если бы не один вопрос, обычно задаваемый сторонниками «общинного» направления сторонниками направления «родового»: почему — при допущении дисэкономичности классического рода — даже у многих отставших в своем развитии современных племен собственность на основное условие производства выступает не в качестве общинной, а в качестве родовой? И это отнюдь не праздный вопрос. Нам уже приходилось ссылаться на обширную сводку данных о родовой собственности на землю в целом ряде племен Австралии и Океании¹⁷.

Сторонники «общинной» теории и сами замечали и пытались объяснить факт родовой, а не общинной собственности на землю. Предлагаемая ими трактовка сводится к пониманию собственности рода как номинальной, или внешней, а собственности общины — как фактической. «Правда, — пишет В. Р. Кабо об австралийцах, — патрилинейный тотемический род во многих случаях (даже там, где он не локализован) считается владельцем общинной земли (аранда, племена в пустынях Запада и в районе Порт-Китса, частично йир-йоронт). Однако земля находится в пользовании общины, а не рода. Хотя жены мужчин, пришедшие из других общин, как указывают некоторые авторы, номинально не приобретают никаких прав на землю общины мужа, фактически они вместе с мужчинами участвуют в эксплуатации естественных ресурсов на этой земле»¹⁸. Н. А. Бутинов сообщает о папуасах: «В племенах менди, кайяка, ипили, куман и т. д. каждый род связан только с одной местностью. Как полагают папуасы, предок вышел из земли и с тех пор эта земля принадлежит роду. Фактически, как уже было отмечено, земля принадлежит родовой общине»¹⁹. Этот же автор отмечает, что с возникновением родовой общины «ушедшие в другие общины члены рода сохраняют до конца жизни свою родовую принадлежность, свои права на общинную территорию (теперь она внешне оформляется как родовая)»²⁰. Очевидно, однако, что такое объяснение лишь заменяет одну загадку другой. Если род не был экономическим коллективом, то почему род считался владельцем общинной земли, почему собственность на общинную территорию внешне оформлялась как родовая?

Таким образом, с одной стороны, род в силу закона экзогамии и при остающейся все же недоказанной дислокальности брака не мог быть основной экономической ячейкой развитого первобытного общества, с другой — основа производственных отношений — отношения собственности почему-то часто оказываются связанными именно с родом. Чтобы разобраться в этом противоречии, следует обратиться к внутренней структуре родовой общины.

Состав родовой общины впервые четко охарактеризовал Дж. Мердок²¹. Родовая община (Мердок называет ее кланом) состоит из трех частей: 1) мужчины (при матрилокальном поселении — женщины), принадлежащие к одному роду и составляющие центральное ядро общины, 2) их сестры и дочери (при матрилокальном поселении — братья и сыновья), после вступления в брак уходящие в другие общины, и 3) их жены (при матрилокальном поселении — мужья), приходящие из других общин. Такое подразделение совершенно правильно, но оно недостаточно. К этому следует добавить, что как при патрилокальном, так и при матрилокальном браке сородичи составляли не только ядро, но и основную массу, подавляющее большинство членов родовой общины. Соответствующие подсчеты на основании статистических данных Л. Кржевицкого и некоторых палеоантропологических материалов проделаны А. И. Першицем²². Они показали, что теоретически ожидаемое и оказавшееся очень близким к нему (по данным того же Л. Кржевицкого) фактическое соотношение сородичей и чужеродцев в родовых общинах с экзогамным унилокальным браком равняется примерно 75% и 25%. Разумеется, этот процент сородичей может колебаться, так как в каждом конкретном случае он зависит от рождаемости, среднего брачного возраста мужчин и женщин, средней продолжительности жизни и ряда других демографических факторов. Только в таких нечастых случаях, как, например, при амбилокальном брачном поселении, он изменяется принципиальным образом. Можно было бы возразить, что этот высокий процент кровных родственников имеет чисто формальный характер: он включает не только работоспособных сородичей, но и большое число детей, не принимающих участия в хозяйственной жизни коллектива. Однако, во-первых, тяжелые условия жизни людей первобытного общества, как и позднее условия жизни отставших в своем развитии племен, как правило, исключали одновременное воспитание одной семьей хотя бы двух маленьких детей; отсюда широко фиксируемые этнографами обычаи временного отчуждения супругов, применение противозачаточных средств и аборт, различные виды детоубийства и т. д.²³ Во-вторых, известно, что дети очень рано начинали помогать взрослым и у некоторых народов уже к 10 годам становились самостоятельными работниками²⁴.

И все-таки около 25% членов родовой общины составляли пришедшие в нее по браку чужеродцы — мужчины и женщины. В какой мере они экономически включались в состав принявшего их коллектива? В настоящее время большинство советских исследователей считает неверным мнение Моргана, что парная семья была полностью лишена какого бы то ни было хозяйственного значения. Она самостоятельно выполняла определенные производственные функции, часто выступала в качестве потребительской ячейки. Но экономические связи внутри семьи оставались слабы-

ми и непрочными, а соответственно этому слабой и далеко не полной была интеграция одного из супругов в общину другого. Это обстоятельство убедительно показано Н. А. Бутиновым на примере парной семьи папуасов. Здесь женщина, входя в общину мужа, не имеет никакого отношения к общинной собственности, так как не община в целом, а только ее постоянное родовое ядро является подлинным распорядителем общинной собственности. Движимое имущество супругов также разделено: у мужа свои предметы, находящиеся в его личной собственности, у жены — свои; если муж причинит какой-нибудь ущерб имуществу жены, он должен возместить убытки либо ей самой, либо ее родне. Женщина в течение всей жизни остается связанной со своей родной общиной, в том числе и экономически: она очень часто уходит помогать брату в работе на огороде, тот в свою очередь приходит помогать сестре. Как правило, муж и жена живут врозь: муж в мужском доме, жена с детьми в семейной хижине. Во многих племенах муж и жена готовят и едят также отдельно. В целом «получается так, что женщина из одной деревни ушла, а в другой не стала своей»; у «большинства папуасских племен жена принадлежит к другому экономическому и социальному миру, чем муж, и сохраняет эту принадлежность до самой смерти»²⁵. Сходная, хотя и, может быть, менее выразительная картина экономической обособленности чужеродцев в той локальной группе или родовой общине, в которую они вошли путем брака, нарисована и другими советскими исследователями, обращавшимися к австралийскому, меланезийскому, американскому этнографическому материалу²⁶.

Итак, поскольку гипотеза дислокальной стадии брачного поселения не может считаться строго доказанной, нет оснований говорить о полном совпадении на каком-либо этапе развития первобытного общества рода и общины, родовых и производственных отношений. Но поскольку в развитом первобытном обществе родовая община приблизительно на три четверти состояла из сородичей, а на четверть из далеко не полностью интегрировавшихся в ее состав чужеродцев, правомерно считать, что на данном этапе род и община в значительной мере, даже в основном, совпадали. Такое понимание взаимосвязи этих структур, на наш взгляд, полностью соответствует выводам Маркса и Энгельса. «Прежде всего, все более ранние первобытные общины покоятся на кровном родстве своих членов», — писал Маркс²⁷. Эту же мысль он сформулировал в «Капитале»: древние производственные организмы покоятся «на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми»²⁸. Классическому роду, по Марксу, присущи «реальное сотрудничество и общая собственность»²⁹. Энгельс вслед за Марксом придавал огромное значение открытию рода, видя великую заслугу Моргана в том, что тот «восстановил

в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»³⁰. Энгельс отмечал, что род появляется на средней ступени дикости, т. е. уже в наименее развитых из известных этнографии обществах, и достигает расцвета на низшей ступени варварства. Непосредственную причину возникновения рода он видел в стихийном стремлении избежать биологически вредных последствий кровосмешения введением родовой экзогамии. Но регулирование брачно-семейных отношений Энгельс считал лишь первоначальной целью учреждения рода, который по своему значению далеко выходит за ее рамки, становясь основной структурообразующей ячейкой первобытного общества³¹, коллективом совместно живших и совместно трудившихся людей³², субъектом общей собственности на землю и скот³³, наконец кругом лиц, взаимно наследовавших друг другу³⁴. Наряду с родом Энгельс отмечал и общину, рассматривая ее как коммунистическое домашнее хозяйство нескольких семей, однако он, и это хотелось бы особенно подчеркнуть, придавал большое значение факту преобладания в ней членов одного рода³⁵.

Что же, однако, исходя лишь из строго доказанных в настоящее время первобытноисторических фактов, можно считать основной экономической ячейкой развитого первобытного общества? Очевидно, что не род в целом, так как часть его членов, уходя по браку в другие общины, в определенной степени утрачивала реальные хозяйственные связи с сородичами, и не родовую общину в целом, так как часть ее членов, приходя из других общин, в определенной мере сохраняла эти связи. Скорее всего такой ячейкой можно считать локализованную часть рода, образовавшую экономический костяк, а вместе с тем и основную массу численного состава родовой общины.

С вопросом об историческом соотношении и функциях общины и рода в современной советской этнографии часто связывается вопрос о форме первоначального рода. В то время как сторонники «родового» направления последовательно отстаивают исторический приоритет материнско-родовой организации, многие приверженцы «общинной» теории допускают, что первоначальный род — в зависимости от экологии, особенностей хозяйственной деятельности и других факторов — мог быть как материнским, так и отцовским. Теоретические расхождения в этом вопросе также в конечном счете связаны с интерпретацией начальных форм брачной организации: при групповом, а тем более дислокальном групповом браке возможен лишь материнский, при парном, а тем более вирилокальном браке не может быть исключен отцовский род. Как на фактическое обоснование этого последнего положения ссылаются на существование отцовского или билате-

рального счета родства у таких отсталых, мезолитических по своему техническому оснащению племен, как, например, австралийцы или бушмены, объясняя его происхождение, во-первых, более ранним, чем это считалось раньше, возрастом парной семьи, и, во-вторых, выдающейся ролью мужчины в обществах бродячих охотников и собирателей. В. Р. Кабо считает вирилокальный парный брак характерным и для такого наиболее раннего, типологически сближаемого с верхнепалеолитическим человечеством, общества, как доколониальное общество тасманийцев, хотя в данном случае из-за отсутствия сведений не видит возможности реконструировать у них какую-либо форму родовой организации³⁶.

Между тем следует различать два разных вопроса: о первоначальной форме рода и о причинах очень раннего появления у многих племен отцовско-родовой организации.

В свое время Ф. Энгельс видел достаточное обоснование тезиса о приоритете материнского рода в неизвестности отцовства при групповом браке. Выше было показано, что групповой брак в современном достаточно широком его понимании отнюдь не является лишь умозрительной гипотезой. Но теперь в дополнение к прежнему обоснованию мы располагаем рядом новых аргументов. Таково известное положение Э. Тейлора, еще в конце 1880-х годов обратившего внимание на то обстоятельство, что этнографам известно множество фактов перехода от материнского рода к отцовскому и ни одного факта перехода от отцовского к материнскому. За прошедшие девяносто лет зафиксировано лишь одно исключение из этого правила — случай заимствования материнского счета родства реджангами южной Суматры у минангкабау. Соответственно этому у подавляющего большинства отцовско-родовых племен выявлены разнообразные пережитки материнского рода, обратная же картина не наблюдалась³⁷. Таково также постепенное обнаружение во все новых и новых отцовско-родовых обществах остатков материнско-родового строя или же его убедительная реконструкция на основе новых фактов и методов в их историческом прошлом. Последняя наиболее представительная сводка данных на этот счет принадлежит Л. А. Файнбергу; она охватывает ряд охотничье-собирательских племен Южной и Северной Америки, Северной Сибири, Центральной Африки и Австралии³⁸. Здесь же приводится характерная статистика, противопоставленная абсолютизации австраловедческих данных, на которые чаще всего опираются противники материнско-родовой теории. Из 33-х охотничье-собирательских племен Южной Америки, социальная организация которых изучена, 19 — матрилинейны, для 8-ми нет данных о счете родства и только 6 — патрилинейны. Из 19-ти матрилинейных племен 14 еще и матрилокальны и т. д. «Таким образом,— отмечает Л. А. Файнберг,— для охотников и собирателей Южной Америки более ха-

рактарны не патрилинейность и патрилокальность, а напротив — матрилинейность и матрилокальность»³⁹.

В самое последнее время к собственно этнографической аргументации в пользу приоритета материнского рода присоединились и некоторые результаты исследований в области этологии приматов. Использование их, разумеется, не может быть безоговорочным, так как любое прямое проецирование зоологических форм на социальные институты методологически неправильно. Но очевидно, что методологически неправильно было бы и вообще не учитывать открывающиеся здесь возможности. Известно, что качественный скачок (в данном случае — от животного к человеку) не закрывает пути к тому, чтобы «удержать положительное в его отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате»⁴⁰. А если это так, то мы, по-видимому, вправе учесть при решении рассматриваемой проблемы выявленные новейшими наблюдениями какие-то зачатки материнской «филиации», известные уже в стадах обезьян⁴¹.

Другое дело — вопрос о причинах очень раннего, с точки зрения всемирно-исторического процесса как бы преждевременного появления отцовского рода у ряда наименее развитых из изученных этнографами племен. Такое положение, названное М. О. Косвенем «австралийской контроверзой», зафиксировано у многих племен австралийцев, аэта, семангов, сепоев, кубу, бушменов, части огнеземельцев и других, для которых характерны отцовская или билатеральная филиация, сочетающаяся с выдающейся ролью мужчин в хозяйственной и общественной жизни и заметным обособлением парной семьи. В нашей литературе делались различные попытки решения австралийской контроверзы. Указывалось на влияние европейской колонизации⁴², но, по-видимому, можно считать установленным, что по крайней мере в большом числе случаев отцовская или двойная филиация существовала уже в доколониальное время. Обращалось внимание на особенности экологии австралийцев — бродячую и в значительной мере индивидуализированную охоту на мелкую дичь, что должно было способствовать атомизации общества⁴³, но в таком общем виде и это объяснение не явилось достаточно убедительным. Серьезная попытка решения австралийской контроверзы сделана Ю. И. Семеновым, привлечшим внимание к двум существенным обстоятельствам: а) возникновению на этой стадии развития какого-то избыточного продукта, приведшего к появлению внутриобщинных ячеек распределения, и б) тысячелетия длившемся бродячему образу жизни, что привело к возобладанию семейных связей над связями типа сусу⁴⁴. Таким образом, очевидно, что даже ранний отцовский род не мог возникнуть только как результат каких-то начальных процессов разложения классического общинно-родового строя. Вместе с тем и это истолкование австралийской контроверзы нельзя признать исчерпывающим. Из-за от-

сутствия или недостатка конкретных исторических сведений оно не объясняет, почему при одинаковом уровне развития производства и единой экологии одни племена сохранили, другие утратили материнско-родовую организацию.

Следующий крупный узел спорных вопросов первобытной истории, разрабатываемых в современной советской этнографии, — это проблемы разложения первобытного общества и формирования классов и государств. Общие закономерности этого процесса глубоко вскрыты в трудах основоположников научного коммунизма, показавших не только предпосылки разложения первобытнообщинного строя, но и движущие механизмы классовообразования — прогрессирующее общественное разделение труда, обмен и растущую вместе с ним социально-экономическую дифференциацию. В то же время введение в научный оборот новых историко-этнографических данных не только расширило объем наших знаний в этой области, но и поставило новые вопросы, требующие дальнейшей разработки и конкретизации выдвинутых Марксом и Энгельсом методологических положений.

В настоящее время усилия советских ученых сосредоточены главным образом вокруг проблем, связанных с изучением экономических предпосылок классовообразования, исторического соотношения и природы начальных форм эксплуатации, эволюции и типологии свойственных данному этапу новых социально-экономических структур и т. п. Во всех этих областях имеются свои расхождения во взглядах, закономерно возникающие в процессе освоения нового фактического материала.

Важнейшей экономической предпосылкой превращения первобытного общества в классовое был переход к производящей экономике, явившейся необходимым условием для появления регулярного, вначале избыточного, а затем и прибавочного продукта. Археологические открытия последних десятилетий, особенно на Ближнем Востоке и в Средней Азии, а также в Америке и других областях ойкумены, блестящим образом подтвердили мысль Маркса и Энгельса о качественном различии между присваивающим и производящим хозяйством⁴⁵ и позволили приурочить становление земледелия и скотоводства в наиболее передовых областях земного шара уже к неолиту⁴⁶. Вместе с тем обращено внимание на то, что на первых порах производящее хозяйство не влекло за собой сколько-нибудь выраженного разложения первобытного общества, в то время как на основе высоко развитого специализированного охотничье-рыболовческого и даже собирательского хозяйства возникали вполне определенные формы эксплуатации. В самом деле, такие раннеземледельческие племена, как сирiono, кубео, тукано Южной Америки или многие папуасские общества Новой Гвинеи, не без основания рассматриваются в качестве образца первобытной родовой общины⁴⁷, что, конечно, не исключает наличия тех или иных черт

разложения, диалектически свойственных всякому состоянию зрелости. С другой стороны, рыболовы и охотники индейцы северо-западного побережья Северной Америки, морские зверобой алеуты, еще только стоявшие на пороге земледелия собиратели саго Молуккских островов уже достигли в своем развитии стадии классовообразования⁴⁸.

Однако это противоречие только кажущееся. В действительности присваивающая экономика и экономика производящая обладали разными потенциальными возможностями. Земледелие и скотоводство были столбовым путем развития первобытного человечества, обеспечивавшим его неуклонный и быстрый прогресс; высокоспециализированные охота, рыболовство и собирательство оставались периферийными путями, пролежавшими лишь там, где природные условия затрудняли или делали невозможным переход к производящему хозяйству, а благоприятные в ином отношении экологические «ниши» хотя и допускали развитие, но весьма замедленное, а главное — ограниченное. Не случайно, что ни в одной из таких «ниш» не возникли настоящее классовое общество и государство.

Вместе с тем необходимо учитывать и то обстоятельство, что различия в возможностях присваивающего и производящего хозяйств и социальные последствия этих различий сказались не сразу, не автоматически, и поэтому нельзя абсолютизировать границы между ними, например, характеризуя охотничье-рыболовческо-собирательские и земледельческо-скотоводческие общества раннего неолита как в принципе несравнимые⁴⁹. Требовалось не только появление, но и определенная степень развития новой формы хозяйства. В этой связи представляется очень важным учитывать — и в глобальном, и тем более в конкретно-историческом плане — как направление, так и, в его рамках, уровень хозяйственного развития. Ведь недаром Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» относил возникновение производящей экономики к низшей и средней ступени варварства, а начавшееся в результате ее развития разложение первобытнообщинного строя — только к высшей ступени этого этапа.

Углубленное исследование механизмов разложения доклассового и формирования классового обществ потребовало специального анализа развития производственных отношений первобытности. Определенные шаги к этому были сделаны в публикациях 1950—1960-х годов; по существу само возникновение «общинного» направления в этнографическом изучении первобытной истории было вызвано к жизни усилившимся вниманием к вопросам экономики. Однако в работах тех лет еще не нашлось места экономическому анализу в подлинном смысле этого слова; в частности, еще отсутствовало критическое осмысление достижений и ошибок современной западной так называемой экономической

антропологии «примитивных» или «традиционных» обществ. Новый этап начался в 1970-х годах и отразился главным образом в работах Ю. И. Семенова, исследующего как общую специфику социально-экономических отношений первобытности, так и их особенности на отдельных этапах развития первобытного общества, включая и этап его разложения. Хотя этой тематике посвящено уже значительное число публикаций⁵⁰, работа над ней продолжает вестись, а дискуссии приобретают все большую остроту⁵¹. Общая оценка результатов исследований в этом направлении представляется нам еще преждевременной.

Коренной теоретический вопрос, связанный с общим пониманием процессов и механизмов классовообразования, — это вопрос об историческом соотношении классов, государства, а также установленных или санкционированных государством правовых норм. Представляется очевидным, что эти базисные и надстроечные формы возникают в ходе единого и многостороннего процесса генезиса антагонистического классового общества, развиваются параллельно и взаимно стимулируют друг друга. «По мере того, — отмечал В. И. Ленин, — как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, по мере этого возникает и упрочивается государство»⁵². Очевидно также, что государство или право не могут возникнуть раньше разделения общества на классы. Но все эти формы не возникают сразу, одномоментно, им предшествуют своего рода «предклассы», «предгосударство», «предправо». Сохраняется ли в их соотношении та же причинно-следственная связь? В различных историко-этнографических исследованиях последнего времени, особенно африканистских, вопрос о соотношении предклассов и предгосударства решается неодинаково⁵³. Еще сложнее обстоит дело с предправом, так как традиционное понятие «обычного права», распространяемое на нормы социальной регуляции в самых различных по своей стадияльной принадлежности обществах — от тасманийцев до народов феодальной Европы, — открывает возможность для самых противоречивых построений и выводов⁵⁴. Назрела необходимость специальной дискуссии по всему этому кругу вопросов.

Существенны расхождения во взглядах по вопросу о генетическом соотношении ранних форм эксплуатации. Историко-этнографические сведения не дают на него прямого ответа, так как в приблизительно однотипных по своему стадияльному уровню обществах Южной и Северной Америки, Северной Сибири, Меланезии и Тропической Африки зафиксированы домашнее рабство, эксплуатация рядовых общинников верхушечными слоями общины и данничество. Поэтому, руководствуясь скорее не фактами, а соображениями общего порядка, одни советские и зарубежные исследователи отдают исторический приоритет патриархальному рабству, другие — внутриобщинному (прафеодальному или ка-

бальному) отчуждению продукта, иные же — такому его межобщинному отчуждению, как данничество⁵⁵. Теоретически этот вопрос тем более существен, что в конечном итоге он связан с проблемой исторического приоритета внутриэксплуататорской и внешнеэксплуататорской деятельности (эндо- и экзоэксплуатации). В настоящее время наиболее перспективной кажется «сбалансированная» точка зрения, согласно которой все эти формы развиваются параллельно, пока одна из них не становится ведущей. Интересны отдельные попытки генетической классификации этих форм. Так, по И. Л. Андрееву, различаются стадии отчуждения прибавочного продукта и прибавочного труда, по А. И. Першицу, — формы, не требующие и требующие организации трудового процесса⁵⁶. Первые из этих стадий и форм примитивнее и, логично допустить, архаичнее, однако, как уже говорилось, прямых этнографических доказательств этому пока нет.

Более определенные, хотя также в некоторых отношениях дискуссионные, результаты достигнуты в изучении этапов и институтов генезиса политической организации. Известно, что Маркс и Энгельс, как и Морган, видели один из важнейших таких институтов в военной демократии. Этот вывод полностью подтвердился в множестве конкретных исследований, обнаруживших военно-демократические формы и в тех обществах, которые были не изучены или оставались плохо изученными в XIX в. Вместе с тем вначале советские медиэвисты — Б. Д. Греков, А. И. Неусыхин, А. Я. Гуревич, а затем и многие этнографы, показали, что военная демократия и как форма предполитической организации и как стадияльное понятие не охватывает всей эпохи становления классового общества, а сменяется военно-иерархическими и олигархическими формами, непосредственно предшествующими государству⁵⁷. Более сложным оказался поставленный в 1950-х годах М. О. Косвенюк вопрос о том, универсальна ли военная демократия⁵⁸. Одни исследователи, указывая на ее широчайшее распространение, видят в ней исторически универсальную стадию; другие, обращая внимание на различную степень роли войны и соответственно военной демократии в жизни разных конкретных обществ, не считают возможным говорить об универсальности этой последней⁵⁹. Вопрос, очевидно, упирается в более широкую проблему критериев исторической универсальности и в конечном счете — в соотношение категорий исторического и логического. А с этой точки зрения свидетельства в пользу исторической универсальности — не только зрелые, классические формы, но и тенденции исторического развития.

Особое внимание в современной советской этнографии уделено проблематике, связанной с типологизацией и развитием основных социально-экономических структур разлагающегося первобытного общества. Этнографами, как и вообще историками, проведена значительная работа по изучению сельской общины,

которую Маркс и Энгельс рассматривали в качестве переходной формы от общей к частной собственности и от равномерного распределения к неравенству в нем⁶⁰. В ряде работ показан универсальный характер соседской общины в эпоху разложения первобытного общества, причем не только у земледельцев (земледельческая община), но и кочевых скотоводов (кочевая или аульская община), а также охотников и рыболовов⁶¹. Выделена ее ранняя, еще доклассовая форма, а тем самым и стадия, которую разные авторы называют «первобытной соседской общиной», «гетерогенной общиной», «соседско-родовой общиной», «протокрестьянской общиной»⁶². Впрочем, работу в этой области еще нельзя считать завершенной. Община — прежде всего экономическая структура, и классификация общин требует в первую очередь экономического анализа свойственных им отношений собственности. Между тем применительно к ранней, доклассовой форме соседской общины подобного рода анализ проделан в самом общем виде. Думается, что дальнейшая разработка проблемы потребует более конкретного выявления трех форм собственности, характерных для такой общины: коллективной, отдельной и частной.

Новые материалы позволили также лучше изучить другую важнейшую форму эпохи разложения первобытного общества — семейную, или домашнюю общину. Если раньше М. О. Косвеню были намечены два основных этапа ее эволюции — демократический и деспотический, причем оба они рассматривались как этапы развития патриархальной семьи⁶³, то теперь оказалось возможным выделить еще одну универсально-историческую форму — братскую семейную общину, составляющую наиболее архаичный, допатриархальный пласт в развитии демократической большой семьи⁶⁴. Наконец, в самое недавнее время Д. А. Ольдерогге, указав, что демократический и деспотический характер власти в семье обратимы, предложил принцип классификации по степени экономической интеграции: совместное проживание и общая собственность всей семейной общины; совместное проживание и сочетание общей собственности с обособленной собственностью отдельных внутрисемейных очагов; совместное проживание и сочетание обособленной собственности с остатками общей; отдельные проживание и собственность, связь — преимущественно в общесемейных культурах⁶⁵. Предложенный принцип заслуживает внимания и дальнейшей разработки, однако, как уже отмечалось⁶⁶, здесь сразу же возникает вопрос: может ли четвертая из выделенных здесь форм вообще рассматриваться как семейная община?

Как советскими, так и зарубежными этнографами в настоящее время сравнительно хорошо исследован поздний патриархальный или позднепатриархальный род. Вместе с тем М. О. Косвеню выявлена так называемая патронимия (по другой

терминологии — семейно-родственная группа) — группа близких родственников, локализованное ядро которой было в то же время ядром тесно связанной между собой группы больших, а также малых семей⁶⁷. Так возникает еще один вопрос: о соотношении патронимии с родом, с общиной, являющейся, впрочем, частью значительно более широкой проблемы соотношения многочисленных социальных структур рассматриваемого времени.

Как же соотносились между собой генетически и функционально различные структуры эпохи распада первобытного общества: первобытная соседская община, семейная община, поздний род, патронимия?

Нередко высказывается мнение, что семейная община возникла раньше соседской и была промежуточной ступенью между нею и родовой⁶⁸. Эта точка зрения была выдвинута М. М. Ковалевским в «Очерке происхождения и развития семьи и собственности» и приведена Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Однако Энгельс отнесся к ней с большой осторожностью, отметив, что она «создает новые трудности и вызывает новые вопросы, которые еще требуют своего разрешения»⁶⁹. В отличие от М. М. Ковалевского Ф. Энгельс видел и такой путь возникновения соседской общины, при котором «родовая организация переходила в территориальную и оказалась поэтому в состоянии приспособиться к государству»⁷⁰. Небезынтересно, что в одной из своих более поздних работ «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом» Ковалевский и сам отказался от первоначального вывода и отметил, что соседская община была преемницей родовой.

Согласно другому мнению, исходной для соседской общины формой была не семейная община, а соединение в одном поселении нескольких не родственных между собой патронимий, которые, распадаясь, давали начало соседской общине⁷¹. Оба эти взгляда не столь уж далеки друг от друга: ведь патронимия — группа не только простых близких родственников, но и больших семей. Однако главное, что их роднит, — это сведение всякой соседской общины лишь к ее такой поздней, свойственной уже преимущественно классовому обществу форме, при которой родовые связи полностью вытеснены соседскими. Между тем для выделенной в недавнее время первобытной соседской (гетерогенной, соседско-родовой, протокрестьянской) общины характерно переплетение родовых и соседских связей, обязанное своим происхождением известной парцеллизации труда и возникновению большой семьи с ее отдельной собственностью. Поэтому исторически большая семья, патронимия, поздний род и первобытная соседская община — явления в основном одновременные; и переходной формой от родовой общины к собственно соседской, причем формой, адекватной им таксономически, была не большая семья, а первобытная соседская община.

Существен также вопрос о том, какая из этих структур была основной экономической ячейкой эпохи разложения первобытного общества. Дискуссионность его была уже отмечена Энгельсом, писавшим, что «еще долго можно будет спорить о том, был ли хозяйственной единицей род, или ею были домашняя община, или какая-нибудь промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, либо же, в зависимости от земельных условий, существовали все три группы»⁷². Осмысление соответствующих материалов заметно активизировалось за последнее десятилетие, особенно в связи с начатой М. В. Крюковым дискуссией о соотношении рода и патриимии, выросшей в очень широкое, многоплановое обсуждение ряда доклассовых и раннеклассовых общественных форм⁷³. Для нас в данной связи существенны два хорошо аргументированных вывода: поздний род был явлением преимущественно надстроечного порядка, патриимия же, независимо от того, на какой стадии разложения первобытного общества она возникла и была она или не была частью рода, представляла собой в большей мере организационно-идеологическое, нежели экономическое образование⁷⁴. Следовательно, основное экономическое значение имели первобытная соседская община и большая семья, т. е. максимальная и минимальная общинные структуры эпохи, в которых на разных таксономических уровнях, но параллельно и взаимообусловленно шло вызревание частнособственнических начал позднейших классовых обществ.

Наиболее широкий аспект основных из рассмотренных выше проблем и в то же время едва ли не самый дискуссионный вопрос первобытной истории — это вопрос о ее периодизации. Хорошо известно, что хотя Ф. Энгельс и принял в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» предложенную Л. Г. Морганом периодизацию, он указал, что эта периодизация останется в силе лишь до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения. Здесь же сам Энгельс подчеркнул качественное своеобразие последнего этапа первобытной истории, в основном соответствующего высшей ступени варварства в периодизации Моргана, выделив его рассмотрение в особую главу «Варварство и цивилизация». В другой своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Энгельс показал специфичность начального этапа первобытной истории — «человеческого стада», в основном соответствующего низшей ступени дикости у Моргана. Эта генерализация чрезвычайно дробной периодизации Моргана была продолжена В. И. Лениным, выделявшим в древнейшей истории человечества этапы «первобытного стада» и «первобытной коммуны»⁷⁵.

В конце XIX и особенно в XX в. был накоплен обширный этнографический, а также археологический и палеоантропологический материал, показавший не только неточность ряда частных критериев периодизации Моргана, но и недоучет в ней принци-

пальных граней, отделяющих этап расцвета первобытнообщинного строя от этапов его становления и разложения. Поэтому в 1940—1950-е годы советские этнографы, обобщая эти материалы и отправляясь от основополагающих высказываний классиков марксизма-ленинизма, разработали несколько вариантов новой, трехчленной периодизации истории первобытного общества, критериями которой в одних случаях послужило развитие производительных сил, в других — производственных отношений. Так, С. П. Толстов предложил различать эпохи первобытного стада, первобытной общины и военной демократии⁷⁶, М. О. Косвен — первобытного стада, родового строя и военной демократии⁷⁷, А. И. Першиц — первобытного стада, первобытной родовой общины и первобытной соседской общины⁷⁸. Трехчленная периодизация позволила лучше понять качественное различие основных этапов развития первобытного общества, но она имела тот существенный недостаток, что как бы отодвинула на второй план еще одну важную грань в истории первобытного человечества — переход от присваивающего хозяйства к производящему. Это обстоятельство было учтено в периодизациях, предложенных советскими этнографами в 1960-х годах: Ю. И. Семенова, различавшего эпохи первобытного человеческого стада, родового первобытнокоммунистического общества и превращения родового общества в классовое, но с подразделением средней эпохи на фазы родового коммунизма (присваивающее хозяйство) и семейно-кланового коллективизма (производящее хозяйство)⁷⁹, и Н. А. Бутинова, различавшего этапы первобытного стада, кровной общины (присваивающее хозяйство), родовой общины и гетерогенной общины (производящее хозяйство)⁸⁰. Аналогичный корректив — выделение в родовой общине ранней родовой общины охотников и собирателей и развитой родовой общины земледельцев-скотоводов — был внесен и в периодизацию А. И. Першица⁸¹.

Очевидно, что все эти новые схемы членения первобытноисторического процесса в той или иной степени различаются между собой по своим критериям (формы собственности, наличие и количество избыточного, а затем прибавочного продукта, типы общины и т. п.), числу и наименованию выделенных периодов и подпериодов. Очевидно также, что в силу самой множественности предложенных схем ни одна из них не является сколько-нибудь общепринятой. Между тем как ни условна всякая периодизация, без нее едва ли возможно теоретическое осмысление процесса. Необходимы дальнейшие усилия на этом пути и прежде всего синтез того положительного, что уже достигнуто этнографами-исследователями первобытного общества. В этой связи следует сделать два замечания. Первое. Учитывая сказанное выше о потенциальных, а не непосредственных возможностях, открывшихся с переходом от присваивающего к производящему хозяйству, видимо, более оправдана не четырехчленная, а трехчленная

периодизация первобытной истории, в среднем этапе которой, однако, выделяются фазы, соответствующие присваивающему и еще неразвитому производящему хозяйству. Второе. Хотя все принятые в различных схемах критерии так или иначе связаны с развитием первобытного производства, важно не абсолютизировать отдельные критерии, а показать, как они «работают» в своей совокупности и прежде всего рассмотреть все стороны общественной формы процесса производства на каждом из выделяемых этапов.

Не менее важно и другое. В ходе многолетней дискуссии о периодизации выявилось, что основные расхождения здесь связаны с различиями в общем понимании места начальной и конечной эпох первобытности в истории первобытнообщинной формации. Многими исследователями высказано мнение, что эпоха первобытного человеческого стада, не будучи еще вполне сформировавшимся (по определению Ф. Энгельса — «готовым») человеческим обществом, должна быть вынесена за начальные рамки первобытнообщинной формации⁸². Методологически такая постановка вопроса не лишена оснований, но еще более серьезными представляются выдвигаемые против нее доводы⁸³. Выделение эпохи первобытного человеческого стада связано с известной концепцией двух скачков в процессе антропосоциогенеза, но главным из этих двух скачков, знаменующим возникновение человека с его социальной организацией, является все же первый. А если это так, если перед нами начальная форма первобытного человеческого общества, то можно ли отрывать его историю от истории первобытнообщинной формации? Не случайна поэтому проникшая в последнее время из археологической в этнографическую литературу критика самого термина «первобытное человеческое стадо», который при всей своей емкости вызывает зоологические ассоциации⁸⁴; не случайно все чаще предлагается заменить его терминами «община», «праобщина» и т. п. Другое принципиально важное расхождение касается понимания эпохи разложения первобытного общества. Наряду с преобладающей точкой зрения, согласно которой она является заключительным этапом существования первобытнообщинной формации, длящимся вплоть до возникновения классов и государства, в современной советской этнографии (как, впрочем, и в исторической науке вообще) высказывается взгляд, что она составляет особый исторический этап, связывающий архаическую формацию с первой классовой, но не принадлежащий ни к той, ни к другой⁸⁵. Однако аргументируется и диаметрально противоположное решение проблемы — эпоха разложения первобытного общества своей начальной стадией входит в архаическую формацию, а заключительной — в первую классовую⁸⁶. Такая постановка вопроса представляется наиболее гибкой и заслуживает дальнейшего осмысления.

Предпринятый нами краткий обзор некоторых, по преимуще-

ству наиболее спорных вопросов первобытной истории, разрабатываемых в современной советской этнографии, приводит к двум основным выводам. Первый из них состоит в том, что расхождения во мнениях, возникающие в процессе обобщения и теоретического осмысления вновь накопленных обильных фактических данных, в большой степени связаны с неоднозначностью, а подчас и противоречивостью самих этих данных. Это, в свою очередь, находится в связи со специфическими особенностями этнографической реконструкции истории первобытного общества. Этнография имеет дело не с обществами «классической» первобытности, существовавшими на Земле до возникновения ареала классовых обществ или цивилизаций, а с первобытными обществами, сохранившимися на периферии этих цивилизаций и во многих случаях в той или иной степени испытывавшими их воздействие⁸⁷. Да и там, где такого воздействия, по-видимому, не было, рассматриваемые как аналоги собственно первобытных, отсталые общества сохранились лишь в условиях специфической экологии, чрезвычайно длительной изоляции и т. п., что также не могло не оказать определенного влияния на их развитие. Но если это так, если мы располагаем не эквивалентами, а лишь аналогами собственно первобытных обществ, то первостепенное значение приобретает дальнейшее совершенствование методов этнографической реконструкции «классической» первобытности. Соответствующая работа ведется, однако это лишь первые шаги⁸⁸. В частности, особого внимания требует теоретическая разработка широко, но часто как бы интуитивно применяемого «метода пережитков».

Еще важнее второй вывод. Выше мы могли видеть, что как бы ни различались предложенные в советской этнографии трактовки тех или иных фактических данных, проецируемых в историю первобытного общества, споры имеют относительно частный характер, так как ведутся внутри принципиально единого историко-материалистического направления в осмыслении первобытноисторического процесса. Так, например, в своем месте было показано, что советские ученые занимают существенно различные позиции в истолковании конкретных механизмов возникновения классов и государства. Однако для всех их в равной мере неприемлемо предлагаемое сейчас некоторыми западными исследователями понимание эксплуатации как извечной категории⁸⁹ или ранних государств как результата не классовых противоречий, а одних только организационно-управленческих выгод⁹⁰, получаемых обществом. В целом очевидно, что при всем различии отдельных подходов к вопросам первобытной истории в современной советской этнографии предлагаемые решения являются конкретизацией и развитием марксистской концепции первобытного коллективизма и его гибели в процессе становления антагонистических общественных классов.

¹ В основу этого очерка положена статья: *Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории.*— В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.: Наука, 1972.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 491.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 174.

⁴ Там же, с. 169.

⁵ См.: *Бромлей Ю. В.* Новое в изучении истории первобытного общества.— Вест. АН СССР, 1971, № 9, с. 13—16; Возникновение человеческого общества: Палеолит Африки. Л., 1977, с. 28 и сл.

⁶ Подробнее об этом см.: *Токарев С. А.* Энгельс и современная этнография.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1946, т. III, № 1; *Толстов С. П. К. Маркс и Л. Г. Морган.*— СЭ, 1976, № 2; *Першиц А. И.* Проблемы истории первобытного общества в советской этнографии. М., 1956; *Семенов Ю. И.* Учение Моргана, марксизм и современная этнография.— СЭ, 1964, № 4; *Аверкиева Ю. П.* У истоков современной этнографии: К столетию выхода в свет «Древнего общества» Л. Г. Моргана.— СЭ, 1978, № 1, и другие.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 47—48.

⁸ Подробнее см.: *Першиц А. И.* Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки.— ВИ, 1967, № 2.

⁹ Последняя сводка: *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1977, с. 152 и сл.

¹⁰ См. статьи Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ» (М., 1968), а также: *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968; *Он же.* Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 50.

¹² *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи, с. 152 и сл.

¹³ См. статьи Ю. И. Семенова, М. А. Членова и М. В. Крюкова (СЭ, 1970, № 5; 1971, № 4, 6; 1973, № 4; 1974, № 3, 6; 1975, № 1).

¹⁴ *Семенов Ю. И.* О периодизации первобытной истории.— СЭ, 1965, № 5, с. 87; *Он же.* Происхождение брака и семьи, с. 203.

¹⁵ См.: *Бутинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи: Хозяйство, общественный строй. М., 1968, с. 71 и сл.; *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам).— В кн.: ПИДО. М., 1968, с. 257; *Он же.* Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975, с. 141; *Бахта В. М.* Папуасы Новой Гвинеи: Производство и общество.— ПИДО, с. 296 и сл.

¹⁶ *Бахта В. М., Гурьев Д. В., Кузнецов И. Ф.* Попытка философского исследования проблем антропогенеза.— ВФ, 1964, № 8; *Данилова Л. В.* Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ.— ПИДО, с. 34 и др.

¹⁷ См.: *Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории*, с. 18.

¹⁸ *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей, с. 244—245.

¹⁹ *Бутинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи, с. 171.

²⁰ *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй: Основные этапы и локальные варианты.— ПИДО, с. 142.

²¹ *Murdock G. P.* Social structure. New York, 1949, p. 68 f.

²² *Першиц А. И.* К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности.— СЭ, 1970, № 2.

²³ *Carr-Saunders A. M.* The population problems: A study in human evolutions. Oxford, 1922, p. 167, 175; *Krzywicki L.* Primitive Society and its Vital Statistics. Warszawa, 1934, p. 121 f; 148 f; 153 f; 184 f; 192 f.

²⁴ См., например: *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. М., 1950, т. I, с. 238.

²⁵ *Бутинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи, с. 147—167. Однако В. Р. Кабо

(СЭ, 1969, № 3) и В. М. Бахта (НАА, 1970, № 3) в своих рецензиях на книгу Н. А. Бутинова при всем том сочли возможным упрекнуть его за некоторое преувеличение экономической роли папуасской парной семьи.

²⁶ Золотарев А. М. Происхождение экзогамии.— Изв. ГАИМК, т. 10, вып. 2—4; Кричевский Е. Ю. Марксизм и социал-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества.— Изв. ГАИМК, 1934, вып. 81; Косвен М. О. Вновь открытая форма группового брака.— Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4; Файнберг Л. А. О формах социальной организации у индейцев северо-западной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в.— Американский этнографический сборник. М., 1960, вып. 1, и др.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 403.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 89.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45, с. 333.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 26.

³¹ Там же, с. 88.

³² Там же, с. 139, 168, 170.

³³ Там же, с. 58, 121, 131—132.

³⁴ Там же, с. 88, 101, 121 и др.

³⁵ Там же, с. 58.

³⁶ Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема, с. 130 и сл.

³⁷ Taylor E. V. On a Method of Investigating the Development of Institutions.— Journal of the Royal Anthropological Institute, 1889, v. XVIII, N 3.

³⁸ См.: Файнберг Л. А. Возникновение и развитие родового строя.— В кн.: Первобытное общество: Основные проблемы развития. М., 1975, с. 64 и сл.

³⁹ Там же, с. 65.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

⁴¹ См.: Файнберг Л. А. О некоторых предпосылках возникновения социальной организации.— СЭ, 1974, № 5 (и отклики на эту статью в том же номере журнала).

⁴² Толстов С. П. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии.— ВИ, 1961, № 14.

⁴³ См.: Першиц А. И., Файнберг Л. А., Чебоксаров Н. Н. По поводу писем Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо.— СЭ, 1965, № 3.

⁴⁴ Семенов Ю. И. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа).— СЭ, 1970, № 5.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 733; т. 21, с. 33.

⁴⁶ См.: Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952; Он же Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956; Steward H. J. Theory of cultural change: methodology of multilineal evolution. Urbana, 1955; Francfort H. The birth of civilization in the Near East. London, 1951; Braidwood R. J. The agricultural evolution.— Scientific American, 1960, v. 203, N 3; Новиков Ю. Ф. О возникновении земледелия в его первоначальной форме.— СЭ, 1959, № 4; Толстов С. П. Некоторые проблемы всемирной истории...; Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964; Он же. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976; Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество; Васильев Л. С. Некоторые проблемы генезиса мировой цивилизации в современных зарубежных исследованиях.— НАА, 1966, № 2; Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; Он же. Происхождение земледелия. М., 1974, и др.

⁴⁷ Файнберг Л. А. К вопросу о родовом строе у некоторых племен бассейна Амазонки.— СЭ, 1957, № 1, с. 135; Он же. Возникновение и развитие родового строя, с. 80 и сл.; Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи, с. 7 и сл.

⁴⁸ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961; Она же. Индейцы Северной Америки: От родо-

вого общества к классовому. М., 1974; *Файнберг Л. А.* Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964, с. 129 и сл.; *Членов М. А.* Население Молуккских островов. М., 1976, с. 63 и сл.

⁴⁹ Выразительные примеры такой трактовки см.: *Бахта В. М., Формозов А. А.* Рец. на: Проблемы истории первобытного общества.— СЭ, 1961, № 5; *Бахта В. М.* Папуасы Новой Гвинеи, с. 274.

⁵⁰ См.: *Семенов Ю. И.* Теоретические проблемы «экономической антропологии».— В кн.: Этнологические исследования за рубежом: Критические очерки. М., 1973; *Он же.* О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества.— СЭ, 1976, № 6; *Он же.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— В кн.: Становление классов и государства. М., 1976.

⁵¹ См.: отклики *Д. В. Гурьева, Н. А. Бутинова, И. И. Козодоева и Н. Б. Тер-Акопяна* (СЭ, 1977, № 1, 3), а также: *Семенов Ю. И.* О некоторых теоретических проблемах экономики первобытного общества.— СЭ, 1978, № 4.

⁵² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 72.

⁵³ Ср.: *Томановская О. С.* Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале.— В кн.: Основные проблемы африканистики: Этнография, история, филология. М., 1973; *Куббель Л. Е.* Сонгайская держава: Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974, с. 346 и сл.

⁵⁴ Подробнее см.: *Pershits A. I.* The Primitive Norm and its Evolution.— *Current Anthropology*, vol. 18, nov. 1977, N 3—4; *Он же.* Проблемы нормативной этнографии.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979.

⁵⁵ Ср.: *Толстов С. П.* Военная демократия и проблема «генетической революции».— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 7—8, с. 205 и сл.; *Токарев С. А.* Происхождение общественных классов на островах Тонга.— СЭ, 1958, № 1, с. 151 и сл.; *Семенов Ю. И.* О периодизации первобытной истории.— СЭ, 1965, № 5, с. 79; *Кабо В. Р.* Становление классового общества у народов Океании.— НАА, 1966, № 2, с. 64 и сл.

⁵⁶ *Андреев И. Л.* Тенденции и стадии генезиса классовообразования.— IX МКАЭН (Чикаго, сентябрь 1973): Доклады советской делегации. М., 1973; *Першиц А. И.* Ранние формы эксплуатации и проблема их генетической типологизации.— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

⁵⁷ *Kubbel L.* On the Origins of Statehood in the Western Sudan. Moscow, 1967; *Лашук Л. П.* Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов.— СЭ, 1968, № 1, и др.

⁵⁸ *Косвен О. М.* К вопросу о венной демократии.— В кн.: Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960, с. 250.

⁵⁹ Ср.: *Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки.— СЭ, 1970, № 5; *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества, с. 197.

⁶⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 404; т. 20, с. 151.

⁶¹ *Долгих Б. О. и Левин М. Г.* Переход от родовых связей к территориальным в истории народов Сибири.— В кн.: Родовое общество: Этнографические материалы и исследования. М., 1951; *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— ВИ, 1954, № 6; *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины...; *Файнберг Л. А.* Общественный строй эскимосов и алеутов..., и др.

⁶² *Першиц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— В кн.: Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960; *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй; *Он же.* Папуасы Новой Гвинеи; *Маретин Ю. В.* Основные типы общины в Индонезии.— ПИДО; *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.

⁶³ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.

⁶⁴ См. следующий очерк данной книги.

⁶⁵ *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин.— В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975, с. 15 и сл.

⁶⁶ *Першиц А. И.* Проблема типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии.— Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978, вып. VIII.

⁶⁷ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия.

⁶⁸ См., например: *Алаев Л. Б.* Община.— СИЭ, т. 10; *Абрамзон С. А.* К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии.— КСИЭ, 1957, вып. 28, с. 34; *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 35; *Тумаркин Д. Д.* К вопросу о сущности рода.— СЭ, 1970, № 5, с. 94.

⁶⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 140.

⁷⁰ Там же, с. 150.

⁷¹ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия, с. 121—122.

⁷² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 140.

⁷³ См.: *Крюков М. В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации: К постановке вопроса.— СЭ, 1967, № 6 (и обсуждение этой статьи в последующих номерах журнала).

⁷⁴ *Робакидзе А. И.* Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (в связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи).— СЭ, 1968, № 6; *Давыдов А. Д.* Афганская деревня. М., 1969; *Он же.* Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1979; *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община, с. 45.

⁷⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.

⁷⁶ *Толстов С. П.* К вопросу о периодизации истории первобытного общества.— СЭ, 1946, № 1.

⁷⁷ *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.

⁷⁸ *Першиц А. И.* Развитие форм собственности...

⁷⁹ *Семенов Ю. И.* О периодизации первобытной истории.

⁸⁰ *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй.

⁸¹ *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества, с. 8.

⁸² *Якимов В. П.* Антропогенез.— ФЭ, т. 1; *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество? М., 1966, с. 28—29; *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй, с. 111.

⁸³ См., например: *Борисковский П. И.* Возникновение человеческого общества.— В кн.: Возникновение человеческого общества: Палеолит Африки. Л., 1977, с. 39—40.

⁸⁴ См., например: *Токарев С. А.* Рец. на кн.: *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1974.— СЭ, 1975, № 3, с. 164.

⁸⁵ *Семенов Ю. И.* О периодизации первобытной истории; *Он же.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община, с. 85; *Крюков М. В.* Социальная дифференциация в Древнем Китае: Опыт сравнительно-исторической характеристики.— В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества, с. 248—249.

⁸⁶ *Першиц А. И.* Периодизация первобытной истории: Состояние проблемы.— ВИ, 1980, № 3.

⁸⁷ См.: Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978.

⁸⁸ См.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979; *Першиц А. И.* К проблеме сравнительно-исторического синтеза.— НАА, 1980, № 4.

⁸⁹ *Cohen R.* Servietu in social evolution.— In: Migration and anthropology. Washington, 1971.

⁹⁰ См.: например: *Service E. R.* Origins of the State and Civilization. New York, 1975, p. 283 f.

ОБ АРХАИЧЕСКОЙ ФОРМЕ
СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ

Общественная ячейка, о которой пойдет речь, в научной литературе обычно именуется семейной или домашней общиной, большой семьей, задругой и т. п. Эта ячейка уже давно привлекает внимание исследователей, в первую очередь этнографов. За полтора с лишним столетия, отделяющих нас от появления в литературе первых сведений о семейной общине, в научный оборот введена огромная масса материалов, характеризующих данный институт. Однако долгое время материалы эти оставались по существу необобщенными и соответственно не были раскрыты основные стадии развития семейной общины. Между тем выяснение характера ее основных последовательно сменяющихся форм и в первую очередь ранней архаической формы, представляется особенно важным. Ведь общие сведения об этом институте складываются преимущественно на основе сравнительно поздних свидетельств, добытых главным образом методом непосредственного наблюдения.

Одна из наиболее значительных известных нам последних попыток дифференцировать накопленные материалы о семейной общине принадлежит М. О. Косвену, изложившему свои многолетние изыскания в данной области в книге «Семейная община и патронимия». М. О. Косвен выделяет два основных исторически последовательных типа семейных общин: демократическую и отцовскую, причем оба эти типа он именуется патриархальной семьей. Демократическая семейная община, по определению М. О. Косвена, «состоит из четырех, пяти, иногда и больше поколений ближайших родственников по отцовской линии, потомков одного предка... Старшее поколение такой патриархальной семьи состоит из нескольких братьев с их женами... В случае смерти главы семьи этот пост замещался одним из его братьев, иногда и не ближайшим по возрасту, а наиболее способным»¹. Признавая, таким образом, особое значение для демократической семейной общины братских уз, М. О. Косвен, однако, недостаточно последователен. И дело не только в том, что такое значение этих уз в демократической семье плохо согласуется с определением ее как «патриархальной» (кстати сказать, не менее противоречиво и одновременное приложение к одному и тому же объекту терминов «патриархальный» и «демократический»). Существеннее другое: М. О. Косвен фактически противопоставил не только отцовской, но и демократической семейной общине так называемую братскую семью. Рассматривая последнюю лишь в качестве частной исторической формы, возникающей в результате трансформации отцовской общины, М. О. Косвен резко отграничил свидетельства о братской большой семье, в том числе сведения письменных источников, от характеристики семейной общины демократическо-

го типа. Тем самым его же собственный тезис о «братской» структуре семейных общин этого типа оказался по сути лишенным каких-либо конкретных доказательств.

Более определенно и последовательно взгляд на братскую семью как архаическую форму семейной общины развивается современным югославским этнологом Ш. Кулишичем². К сожалению, приводимые им в подтверждение свидетельства о братских семьях сравнительно немногочисленны; в основном они ограничены славянскими народами, причем не спускаются ранее XIII в.* Нельзя, видимо, не учитывать и того, что взгляд Ш. Кулишича на место братской семьи в историческом развитии семейных общин изложен в относительно малоизвестных изданиях, притом, попутно с рассмотрением других вопросов.

Не случайно представление об определяющей роли братских уз в архаических формах семейных общин до сих пор не получило широкого признания. Не снимают необходимости специального исследования вопроса о структуре архаических семейных общин и наши собственные наблюдения, касающиеся «братских семей», поскольку они почерпнуты лишь из источников по средневековой истории славян³.

Рассмотрение интересующего нас вопроса, очевидно, наиболее целесообразно начать с анализа показаний письменных источников. Ведь как раз от них следует ожидать больше прямых сведений о характере ранних форм семейных общин, нежели от материалов, полученных методом непосредственного наблюдения. Поскольку же обычно основным источником для обобщающих характеристик семейных общин служат данные этнографических изысканий в Югославии, представляется особенно важным обратиться в первую очередь к соответствующим историческим сведениям, относящимся к ее территории. Наиболее ранние из таких сведений содержатся в хорватских актах XI в. Свидетельствуя о сохранении семейных общин⁴, эти акты вместе с тем указывают, что решающая роль в распоряжении имуществом таких семей принадлежала братьям. Характерно, что именно братья обычно выступают в качестве основных традентов недвижимости. Если при этом в актах и упоминаются другие родственники умершего брата, то всегда на втором месте и, как правило, недифференцированно; в качестве основных традентов братья выступают и при наличии живых родителей (в том числе даже дедов)⁵. Иными словами, очевидно, что определяющая роль в хозяйственной жизни раннесредневековой хорватской семейной общины принадлежала не одному лицу — «патриарху», а группе братьев.

* Не без известного основания одну из работ Ш. Кулишича, в которой он развивает свой взгляд на архаическую семейную общину, М. Косвен охарактеризовал как спорную и к тому же слишком суммарную попытку обрисовать в сравнительно-историческом плане эволюцию семейной общины (см.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1968, с. 13).

Семейные общины с братской структурой известны и более поздним хорватским средневековым памятникам. Например, статут Дубровника 1272 г. указывает, что семейные общины (*communitas, societas*) составляют несколько совместно проживающих братьев (*plures ex fratribus simul habitantibus*)⁶. Братьев, имеющих общее имущество, упоминает и такой известный хорватский позднесредневековый памятник, как Полицкий статут (XV—XVII вв.)⁷. Семейные общины, состоящие из братьев, зафиксированы и в сербских средневековых памятниках. Существование таких общин, в частности, предполагают отдельные статьи Законника царя Стефана Душана середины XIV в. (ст. 66, 70, 71)⁸. Эти показания Законника подтверждаются анализом сербской поземельной описи XIV в., сохранившейся в Дечанском хрисовуле*.

Следы братских семейных общин обнаруживаются и в средневековых источниках других славянских народов. Так, наличие подобных общин в раннесредневековой Болгарии сравнительно недавно выявлено на основе византийских документов⁹. Неоднократно называют братьев, которые, судя по всему, живут вместе и ведут общее хозяйство, польские источники XI — начала XIII в.¹⁰ О семейной общине, обозначенной как «родные и двоюродные братья, живущие вместе (*in communiō*)», идет речь в статуте польского короля Казимира IV (XIV в.)**. Весьма наглядно о братьях как основных родственниках в составе семейной общины свидетельствуют наименования такой общины в польском языке — *bracia pedzielna* или *bracia nieodzielni*, в чешском — *pedilni bratři*¹¹. Показательно, что примерно такое же обозначение семейной общины подчас употреблялось в Югославии (*skladna braća, bratstvo*)¹².

Следы существования в средневековье братских семейных общин встречаются и у других европейских народов. В этой связи особенно показательны косвенные свидетельства о большой семье, содержащиеся в Салической правде и I капитулярии к ней. Реконструируемая на основе данных свидетельств семейная община салических франков состояла из братьев с их семьями¹³. На существование у кельтского населения Британии братских семейных общин намекает Цезарь, сообщая, что они имеют общих жен

* См.: *Kulišić Š. Tragovi arhaičke rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze. Beograd, 1963, s. 19—20.* Кроме того, Ш. Кулишич усматривает свидетельства существования братских задруг в довольно многочисленных показаниях югославянских позднесредневековых источников о получении отцом и сыновьями (братьями) равных долей при разделе общего имущества (см.: там же, с. 16—17). Однако эта аргументация представляется спорной хотя бы уже потому, что в данных случаях мы явно имеем дело с разделом семейной общины, возглавляемой отцом.

** На это обратил внимание еще М. Ковалевский (см.: *Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 66*).

и живут по десять-двенадцать человек совместно, большей частью брат с братом и родители с детьми¹⁴. Представление о братьях как основном составном элементе большой семьи зафиксировано и в раннесредневековых исландских сагах, в одной из которых говорится, что «самое лучшее для братьев — видеть свою собственность неподеленной»¹⁵. На сохранение подобного представления у пруссов в XIII в. указывает Помезанская правда, характеризуя такую семью как братьев, живущих «вместе на одном хлебе»¹⁶.

Прямые и косвенные свидетельства о братских семейных общинах содержатся и в источниках по древней истории. Небезынтересно, например, отметить, что шумерские документы III тысячелетия до н. э., фиксируя отчуждение недвижимости домашних общин, наряду с главами этих общин упоминают их родственников, именуемых «братьями»¹⁷. Еще более интересен пример Элама, в котором во II тысячелетии до н. э. существовали так называемые братства — искусственно созданные объединения неродственных лиц, в своей структуре копирующие семейные общины. Как справедливо в этой связи отметил Ю. Б. Юсупов, «форма договора о «братстве» только потому и возможна, что существовали «естественные» братства, не нуждавшиеся для своего существования ни в каких договорах...»¹⁸. На большую семью, основным ядром которой были братья, указывают древнеиндийские Законы Ману (II—I вв. до н. э.)¹⁹. Китайские источники эпохи Хань (конец III в. до н. э. — III в. н. э.) содержат сведения о совместном отчуждении недвижимости как родными, так и двоюродными братьями*, что могло быть обусловлено не только простым совладением, но и ведением ими совместного хозяйства²⁰.

Весьма показательны, что, согласно сообщению о большой семье у арабов, содержащемуся у Страбона (XVI, 4, с. 25), «имущество принадлежит всем членам семьи сообща, но старший брат управляет этим имуществом». Братская семейная община была известна и Древнему Риму, о чем можно судить в особенности по «Институциям» Гая, где она обозначается выражением «*consortium inter fratres*», или «*societas fratrum*»²¹.

Перечень подобного рода свидетельств письменных источников, относящихся к отдаленному прошлому различных народов, мог бы быть продолжен. Но сколько бы мы его ни увеличивали, не приходится забывать, что все братские семьи, упоминаемые в сохранившихся письменных источниках, существуют уже в условиях становления частной собственности и классовых отношений или даже сложившегося классового общества. Следовательно, по крайней мере большинство, если не каждый из приведенных примеров, оставляет место для вопроса: не представляет ли упо-

* Сообщено М. В. Крюковым.

минаемая братская семья всего-навсего результат трансформации отцовской семьи, обусловленной смертью ее главы? К сожалению, рассчитывать на получение в письменных источниках прямого ответа на этот вопрос, как правило, не приходится. Но есть в них косвенные свидетельства, говорящие в целом в пользу того, что братские семьи далеко не всегда возникали на основе отцовских семейных общин. Мы имеем в виду различные показания древних и раннесредневековых документов, свидетельствующие, что тот счет родства, при котором ближайшими родственниками-мужчинами считались братья (выступающие в рассмотренных выше свидетельствах о семейных общинах в качестве основного ядра этих общин), исторически предшествовал представлению, согласно которому наиболее прочные узы родства связывали отца и сына.

Наглядным показателем именно такого соотношения этих представлений может, на наш взгляд, служить широко распространенная у многих народов в период классового образования практика наследования должности верховного правителя в первую очередь по коллатеральной линии (от брата к брату) и лишь затем по прямой нисходящей (от отца к сыну). Произведенный, например, специальный анализ этого вопроса на материалах хеттских клинописных источников XVII—XIII вв. до н. э. показал, что в хеттском государстве переходу царской власти от отца к сыну предшествовало наследование от брата к брату²². Подобная система наследования престола существовала и в ранних государствах Западной и Центральной Африки²³. По мнению специалистов, в древнем Китае (в эпоху Инь) власть правителей-ванов также прежде всего передавалась от старшего брата к младшему, а затем к сыновьям старшего брата, причем это отнюдь не было обусловлено отсутствием собственных сыновей²⁴.

На особенно тесную связь между братьями в Древнем Египте указывают существовавшие там представления, что тягчайшим преступлением является убийство своего брата по материнской линии²⁵.

Не менее наглядно об интересующем нас порядке определения ближайших родственников-мужчин свидетельствуют данные, связанные с кровной мстью, т. е. институтом, явно уходящим своими корнями в доклассовое общество. На это, например, достаточно отчетливо указывает ст. 1 Краткой редакции Русской правды: «Оубьеть моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови»²⁶. Нетрудно заметить, что в этом перечне среди мужчин первой степени родства вначале указываются братья — родственники по боковой линии, а лишь затем — по прямой мужской (сыновья и отец, отец и сын). Распространенность в раннеклассовых обществах подобных представлений может быть, очевидно, подтверждена и многими другими письменными источниками.

В архаичности порядка определения ближайших родственников, при котором у мужчин на первом месте стоят братья, а лишь на втором — отец и сын (или сыновья), убеждает также и то обстоятельство, что такой порядок скорее всего генетически связан с матриархатом, точнее говоря, с материнским родом*. Это находят многочисленные подтверждения в этнографических материалах**. Ограничимся лишь несколькими примерами. Так, у ирокезов, в условиях преобладающего положения женщин и соответствующего ему обычного наследования по женской линии, принадлежавшие мужчине вещи (оружие, охотничьи приспособления и т. п.) наследовали не его сыновья, а братья²⁷.

Аналогичная система наследования при наличии материнского рода наблюдалась у племени аброн (Берег Слоновой Кости), где обычными наследниками являлись братья покойного, а в случае их отсутствия — старший сын сестры (дети же братьев, в том числе сыновья умершего, не принимались в расчет)²⁸. Примеры такого же порядка наследования встречались и в Меланезии²⁹. Имеются этнографические свидетельства о сохранении подобных принципов наследования и в период отмирания материнского рода. Например, у группы племен нкунду (Конго), как и у племени аброн, однако уже в условиях преобладания патрилокального поселения, наследство переходило от брата к брату, а затем к старшему сыну одной из сестер; сыновья умершего не получали ничего, переходя в подчинение к его брату, которого они называли отцом. Впрочем, у нкунду эта система наследования сосуществовала с другим принципом, в котором «очевидно, следует видеть более новые порядки»³⁰. Весьма интересное сочетание двух тенденций в наследственном праве в условиях отмирания материнского рода наблюдалось у племени гереро (юго-западная часть Африки). Одна часть наследства в соответствии с обычным порядком переходила у них (почти так же, как и у племен аброн и нкунду) либо к братьям умершего (сыновьям от той же матери), либо к старшему брату матери, либо к старшему сыну сестры умершего. Другая часть наследства в соответствии, очевидно, с порядком, возникшим позднее, переходила к старшему сыну умершего³¹. Пожалуй, еще более показательны данные,

* В дальнейшем, употребляя термин «матриархат», мы имеем в виду ту стадию первобытнообщинного строя, при которой основной общественной ячейкой был материнский род (см.: Монгайт А. Л., Першиц А. И. Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет. — ВИ, 1955, № 1, с. 137).

** В частности, следует упомянуть о попытке Ш. Кулишича обосновать генетическую связь с матриархатом братских семейных общин у южных славян ссылками на такие косвенные показатели, как сохранение у некоторых из этих народов следов особых прав деверя по отношению к невестке и особой роли дядей жениха по материнской линии в свадебном обряде (*Ku-lišić Š. Tragovi arhaičke rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze. Beograd, 1963, s. 23—29*).

относящиеся к индейцам племени хайда (северо-западное побережье Северной Америки), у которых в условиях изживания матриликального брака главе домохозяйства наследовал или его брат, или племянник³².

Одним словом, интересующий нас порядок определения ближайших родственников, восходя к такой архаической общественной форме, какой является материнский род, первоначально продолжал сохраняться и после его разложения. Следовательно, там, где на основе отмирающего материнского рода происходило складывание или трансформирование семейных общин, в этих общинах ближайшими родственниками-мужчинами должны были считаться братья. Более того, есть основания полагать, что подобные общины неизбежно должны были приобретать такую структуру, при которой каждое поколение мужчин, как правило, состояло из братьев различных степеней родства³³. Причины этого легко объяснимы. Как известно, переходу от матриликальности к полной патрилокальности часто предшествует авункулокальность. Мы имеем в виду такую локальность брака, при которой к мужу переселяется жена, в то время как их дети, в том числе сыновья, раньше или позже уходят в семью и род своей матери, т. е. к своим дядьям. В свою очередь в эту семью (род) возвращаются дети замужних женщин — племянники и племянницы. При таких условиях в большой семье мужчины одного поколения являются братьями, а двух поколений дядьями и племянниками (сыновей сестер)³⁴. Этнографы хорошо известны образцы семейных общин с такой структурой. Так, например, у индейцев племени цимшиян (северо-западное побережье Северной Америки) в конце XIX в. в условиях исчезновения матриликальности «домашние общины, объединяя в среднем 30—40 человек, состояли обычно из нескольких родных и двоюродных (по материнской линии) братьев, их взрослых племянников (сыновей сестер), жен и детей взрослых мужчин домохозяйства». Аналогичная структура большой семьи наблюдалась в это время и у упоминавшегося выше племени хайда³⁵. Матрилинейные семейные общины, у которых мужчины были представлены братьями и их племянниками, были зафиксированы также у племени майомбе в Конго³⁶.

С переходом к патрилокальности в полном смысле этого слова, т. е. к такому порядку, при котором в семье отца навсегда оставались сыновья, структура семейной общины неизбежно должна была несколько измениться. Теперь она стала включать не братьев-дядей и племянников — сыновей их сестер, а братьев-отцов и их родных сыновей. Однако такое изменение структуры большой семьи не сразу повлекло за собой коренные перемены в порядке наследования и в определении ближайших родственников мужчин. Как свидетельствуют приведенные выше данные этнографических наблюдений и сведения письменных источников, относящиеся к отдаленному прошлому различных народов, долгое

время сохранялся такой порядок наследования и счет родства, при котором ближайшими родственниками и наследниками считались братья, т. е. фактически женская и мужская линии объединены, а за сыновьями * сохранялась примерно та же роль, которую прежде имели племянники, причем и теперь младшему брату наследовал не его сын, а старший сын старшего брата.

Поскольку, таким образом, в архаичных семейных общинах родственные отношения по отцовской (восходящей или нисходящей) линии имели второстепенное значение, постольку (хотя ведущая роль мужчин в них несомненна) отпадает один из основных аргументов для отнесения этих семей к разряду патриархальных. Не дает оснований для такой их трактовки и распространенное представление об обязательном происхождении от общего предка любой семейной общины, в том числе демократического типа. Признание того, что эта общественная ячейка складывалась на основе отмирающего материнского рода, в конечном счете не оставляет места для такого предка. Наконец, следует напомнить, что первоначально возникновение братской семьи было связано не с патрилокальным, а вирилокальным (авункулокальным) браком.

Итак, все сказанное, очевидно, позволяет заключить, что если и не у всех, то во всяком случае у подавляющего большинства народов наиболее архаической формой семейной общины демократического типа являлась братская семья, которую вряд ли правомерно определять как патриархальную и относить к числу побочных явлений в истории семьи.

* Следует иметь в виду, что и в данном случае, за исключением родного отца, мужчины-братья старшего поколения фактически являлись дядьями каждого из мужчин следующего поколения. В этой связи небезынтересно также напомнить, что классификационные системы родства не различают родных и двоюродных братьев (либо внутри отцовской и материнской линий родства по отдельности, либо и по той и другой вместе). Например, древнекитайская система родства чжоуской эпохи (VII—V вв. до н. э.) обозначала одним термином (сюн) родных и двоюродных (по отцу) братьев (Крюков М. В. Система родства китайцев. М.: Наука, 1972, с. 157).

¹ См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1968, с. 49—54.

² Kulišić Š. O postanku slovenske zadruge.— Bilten Instituta za proučavanje folkloru. Sarajevo, 1955. III; Он же. Tragovi arhaičke rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze. Beograd, 1963.

³ См.: Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 149—151.

⁴ См.: Бромлей Ю. В. К вопросу о сохранении семейных общин в Далматинской Хорватии XI в.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 67—71.

⁵ Бромлей Ю. В. Становление..., с. 127—154.

⁶ Bogišić V., Jiriček M. Liber statutorum civitas Ragusii.— In: MHJSM. Zagrabiae, 1904, v. IX, p. 101.

⁷ Rački F., Jagić V., Crnčić I. Statuta lingua croatica conscripta.— In: MHJSM. Zagrabiae, 1890, v. IV, s. 44.

⁸ Законник царя Стефана Душана 1349 и 1354./Издао и превео Н. Радојчић. Београд, 1960, с. 55.

- ⁹ *Лугаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XIII вв. М., 1960, с. 64—65.
- ¹⁰ *Codex diplomaticus Majoris Poloniae.* Poznań, 1877, t. 1, p. 3, 7, 52; *Раумовская Л. В.* Очерки по истории польских крестьян. М.; Л., 1958, с. 56—57.
- ¹¹ См.: *Косвен М. О.* Семейная община.— СЭ, 1948, № 3, с. 29.
- ¹² См.: *Bogišić V.* Zbornik sadašnjih pravnih običaja u Južnih Slovena. Zagreb, 1897, s. 7—8.
- ¹³ *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 83.
- ¹⁴ *Caes.* De bell. Gall., v. 14.
- ¹⁵ *Гуревич А. Я.* Большая семья в северо-западной Норвегии в раннем средневековье (по судебнику Форстатинга).— Средние века. М., 1956, вып. VIII, с. 79, прим. 45.
- ¹⁶ Помезанская правда, ст. 104.— В кн.: *Пашуто В. Т.* Помезания: «Помезанская правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII—XIV вв. М., 1955, с. 153.
- ¹⁷ *Дьяконов И. М.* Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине.— ВДИ, 1955, № 4, с. 32.
- ¹⁸ *Юсупов Ю. Б.* Договор о «братстве» в Эламе.— ВДИ, 1966, № 4, с. 15.
- ¹⁹ Законы Ману. М., 1960, гл. XI, § 110—111.
- ²⁰ См.: *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии, с. 144.
- ²¹ *Gai, Inst.*, t. III, 1.
- ²² *Довгяло Г. И.* О переходе к наследованию царской власти по отцовско-правовому принципу (по материалам хеттских клинописных источников XVII—XIII вв. до н. э.).— СЭ, 1963, № 6, с. 82.
- ²³ См.: *Сюрэ-Каналь Ж.* Африка Западная и Центральная. М., 1961, с. 122; История Африки в XIX — начале XX в. М., 1967, с. 130; *Кауцнельсон И. С.* Государственный строй Напаты и Мероэ (Опыт характеристики).— Древний Египет и древняя Африка. М., 1967, с. 48.
- ²⁴ См.: *Васильев Л. С.* Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961, с. 85; *Думан Л. И.* Система родства и реальные формы брака в эпоху Инь (XIV—XI вв. до н. э.).— Ин-т народов Азии./Кр. сообщ., 1962, вып. 53; *Крюков М. В.* Социальная дифференциация в древнем Китае (Опыт сравнительной характеристики).— В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 233—242.
- ²⁵ *Матъе М. Э.* Следы матриархата в древнем Египте.— В кн.: Вопросы истории доклассового общества. М.; Л., 1936, с. 377.
- ²⁶ Русская правда./ Вступ. статья М. Н. Тихомирова. М., 1941, с. 37.
- ²⁷ *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934, с. 46; *Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. М.; Л., 1929, т. 1, с. 178.
- ²⁸ *Ольдерогге Д. А.* Система Нкита: Взаимоотношения родов у нкунду по данным конца XIX — начала XX в. ТИЭ. М.; Л., 1960, т. LIV, с. 185, прим. 30.
- ²⁹ Там же, с. 184, прим. 29.
- ³⁰ Там же, с. 184.
- ³¹ *Ольдерогге Д. А.* Энгельс и проблема происхождения отцовского рода.— В кн.: Вопросы истории доклассового общества. М.; Л., 1936, с. 864.
- ³² *Аверкиева Ю. П.* К истории общественного строя индейцев северо-западного побережья Северной Америки.— Ин-т этногр./Труды 1960, т. LVIII, с. 78.
- ³³ Многочисленные примеры существования подобных семей собраны в кн.: *Matrilineal Kinship./Ed. by D. M. Schneider and K. Gough.* Berkeley and Los Angeles, 1961.
- ³⁴ *Kroeber A. I.* Basic and Secondary Pattern of Social Structure.— In: The Journal of the Royal Anthropological Institute. 1938, v. LXVIII; Ср.: *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1958, с. 118; *Он же.* Авункулат.— СЭ, 1948, № 1, с. 12—13.
- ³⁵ *Аверкиева Ю. П.* К истории общественного строя..., с. 77—103.
- ³⁶ *Richards A. I.* Quelques types de structure familiale chez les Bantou du Centre.— In: *Radcliffe-Brown A. R., Forde D.* Systèmes familiaux et matrimoniaux en Afrique. Paris, 1953, p. 280—292.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ЭТНОГРАФИИ

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА КАК ПРЕДМЕТ ЭТНОГРАФИИ¹

Одну из важных подсистем этноса представляют традиционные народные знания. К этой подсистеме прежде всего относятся знания, навыки, касающиеся почти всех видов ремесленной деятельности (в первую очередь домашнего ремесла и промыслов). Однако эта деятельность рассматривается обычно в непосредственной связи с ее результатами (в большинстве своем предметами материальной культуры) и, естественно, не считается самостоятельной предметной зоной этнографических исследований. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что среди различных отраслей народных знаний в качестве предметов специального изучения выступают преимущественно народная метрология и народная медицина. Но и им, как правило, уделяется недостаточное внимание, хотя они, казалось бы, находятся на пересечении интересов специальных естественнонаучных дисциплин (соответственно математики и медицины) и этнографии. Судя по всему, это обусловлено, с одной стороны, тем, что характерный в наше время для естественных наук процесс чрезвычайно быстрого обновления знаний, сопровождающийся подчас прямым отрицанием той или иной части предшествующих представлений, не мог не сказаться на отношении этих наук к любого рода непрофессиональным суждениям. С другой стороны, недостаточное внимание этнографии к таким компонентам духовной культуры, как народная метрология и народная медицина, возможно, связано с определенными трудностями исследовательского характера, поскольку речь идет о специальных областях знаний. Ситуация осложняется и тем, что этнографы в таких случаях нередко вынуждены выполнять функции представителей других научных дисциплин. Все эти обстоятельства, которые нам уже приходилось отмечать в общей форме², настойчиво выдвигают задачу уточнения предметной области этнографии при изучении традиционных народных знаний, а также ее соответствующих взаимоотношений со смежными дисциплинами. Для этих целей в качестве примера нами избрана народная медицина, поскольку в последнее время ее изучение привлекает все более пристальное внимание.

Традиционный опыт народов мира в области медицины широко изучается сейчас во многих странах³. Значительный интерес проявляется к народной медицине и в СССР. Ее изучают в самых различных частях нашей страны представители многих на-

учных дисциплин. Немалый вклад в ее изучение внесен и советскими этнографами⁴. Внимание со стороны нашей научной общественности к народной медицине еще раз продемонстрировала Всесоюзная научная конференция «Этнографические аспекты изучения народной медицины», состоявшаяся в 1975 г. в Ленинграде⁵.

Особый интерес к народной медицине в значительной мере вызван далеко не исчерпанными возможностями использования многовекового и чрезвычайно многообразного опыта народов мира в этой области. Как известно, многие современные научные методы лечения и лекарственные средства восходят к этому опыту*. Как подчеркнул в одном из своих выступлений министр здравоохранения СССР академик Б. В. Петровский, «современная научная медицина берет из тысячелетнего опыта все ценное и рациональное, что там накоплено, и отбрасывает все то, что может принести вред здоровью человека»⁶.

Внимание к прикладным аспектам народной медицины вполне понятно: лечение заболеваний относится к числу самых насущных потребностей человечества. Но наряду с практическими задачами, разрабатываемыми естественными науками, прежде всего их медикобиологическим комплексом, народная медицина нуждается в изучении других ее сторон. Это обусловлено тем, что народная медицина, как и любой другой вид народных знаний, представляет собой неотъемлемую часть культуры каждого народа.

Отличаясь устойчивостью и массовостью, народные медицинские знания относятся к тому слою культуры, который в последнее время принято именовать «традиционно-бытовым». Имеется в виду совокупность массовых устойчивых компонентов культуры, относящихся к сфере непосредственного потребления. Традиционно-бытовая культура, как показывают исследования, обычно несет главную этническую нагрузку, выполняет основные этнические функции и поэтому составляет ядро предметной области этнографической науки⁷. Этим и определяется значение этнографического изучения народной медицины как неперемennого компонента традиционно-бытовой культуры каждой этнической общности. Без такого изучения немислима полная этнографическая характеристика народов мира.

Рассматривая народную медицину как предмет специального

---

* О большой практической важности дальнейшего изучения народных способов лечения свидетельствовала, в частности, Всесоюзная научная конференция «О расширении использования природных ресурсов лекарственных растений с учетом изучения опыта народной медицины», состоявшаяся в 1971 г. в Тбилиси (см.: Всесоюзная научная конференция «О расширении использования природных ресурсов лекарственных растений с учетом изучения опыта народной медицины» (материалы докладов). Тбилиси, 1971).

этнографического изучения, чрезвычайно важно четко представить себе суть этого явления. Когда мы в повседневной жизни употребляем термин «народная медицина», то приблизительно представляем, о чем идет речь. Но стоит попытаться выяснить конкретное научное значение этого термина, как сразу же сталкиваемся с немалыми трудностями. Показательно, что в работах, касающихся народной медицины, о ней говорят либо как о понятии, смысл которого само собой разумеется, либо ограничиваются ее определением в самой общей форме, причем даже между такими определениями обнаруживаются немалые расхождения. В значительной мере они связаны с многозначностью слова «народный». С одной стороны, «народный» — это относящийся к простому народу, трудящимся массам, с другой — характерный для народа как этнической общности. В этой связи привлекает внимание сделанная в представленных на конференции 1975 г. тезисах доклада И. И. Брехмана попытка определения народной медицины в свете теории информации. В качестве основного критерия выделения отдельных разновидностей медицины здесь используется оценка вещественного закрепления информации. При этом народная медицина характеризуется как незакрепленная, традиционная — как относительно закрепленная, научная — как закрепленная⁸. Подход это весьма оригинален, но все же далеко не бесспорен хотя бы потому, что именно народная медицина отличается устойчивостью, т. е. традиционностью, а медицина, подразумеваемая в данном случае под традиционной, как правило, закреплена письменно. Вместе с тем представляется, что для разграничения первых двух видов медицинских знаний более существенно учитывать способ передачи информации: для народной медицины характерна устная (и отчасти зрительная), для традиционной — фиксированная (письменная) передача медицинских знаний⁹. Народная медицина в узком смысле слова может именоваться традиционно-устной в отличие от медицины традиционно-письменной. Собственно народная, или традиционно-устная медицина, как и фольклор, частью которого она является, — продукт коллективного народного творчества, комплекс сложившихся в определенном районе рецептов и приемов лечения, передаваемых устно из поколения в поколение. Это итог вынужденного экспериментирования и наблюдений, полученный в результате огромного числа проб и ошибок. К традиционно-письменной медицине, которую обычно именуют просто традиционной, относятся, например, такие медицинские системы, как индийская, китайская, тибетская, арабская и т. д. Они характеризуются не только письменной фиксацией, но и наличием специальных школ, учебных пособий и т. п. Многие из них до сих пор существуют и успешно функционируют в отдельных странах¹⁰. Одна из типичных черт обеих разновидностей традиционной медицины — эмпиризм. Их представители, опира-

ясь на определенный лечебный опыт, вместе с тем, как правило, не понимают действительной сущности большинства болезней и механизма действия лекарств на организм больного; они лечат обычно не болезни, а их симптомы ¹¹.

Исторически возникновение традиционно-устной медицины связано со становлением самого человечества. Болезнь как защитная реакция организма при неблагоприятных воздействиях окружающей среды является одной из естественных сторон жизни, она присуща всем живым существам, в том числе и человеку. Инстинктивное лечение, особенно лекарственными растениями, мы наблюдаем у многих животных. С развитием интеллекта у человека эти инстинктивные действия становились сознательными и постепенно усложнялись ¹². Большой палеопатологический материал свидетельствует о самых разнообразных заболеваниях человека с древнейших периодов его истории ¹³. Эти данные говорят также о том, что медицинские знания первобытного человека были весьма обширны.

Большое количество травм у первобытных людей должно было породить специфическое хирургическое мастерство уже на самых ранних этапах человеческой истории. Целый ряд исследователей указывает, что удовлетворительное срастание переломов наблюдалось ими на палеопатологическом материале довольно часто, а количество осложненных переломов невелико ¹⁴. Это может, по видимому, расцениваться как результат довольно умелой травматологической помощи. Д. Г. Рохлин описал также случай благополучного исхода ампутации мизинцев на кистях женщины эпохи мезолита. Особое внимание привлекают ранние свидетельства о такой сложной хирургической операции, как трепанация черепа. Череп со следами трепанации, которая была произведена 12 тыс. лет назад, обнаружен в эпипалеолитическом могильнике Тафоральт в Северной Африке. Аналогичный череп был найден в мезолитическом могильнике Васильевка III на Украине. На Украине и в Прибалтике обнаружены и черепа эпохи неолита со следами полного заживления трепанационного отверстия. Судя по палеопатологическому материалу, в эпоху бронзы трепанации черепа производились довольно часто ¹⁵. Установлена также глубокая древность иглотерапии, при которой первоначально использовались острые кончики камня ¹⁶.

Археологические материалы, правда, довольно редкие, донесли до нас свидетельства применения лекарственных растений уже в глубокой древности. В Азербайджане, например, осенью 1958 г. во время раскопок на холме Кара-Тепе (Мильская степь) в культурном слое, характерном для V—I вв. до н. э., был найден кувшин с плодами узеррик (*Peganum harmala* L.). Эти плоды до сих пор используются жителями Азербайджана для лечения ряда заболеваний (например, простуды и малярии) ¹⁷.

Наращиванию медицинских знаний способствовала повседневная медицинская практика человека. Прежде чем остановить свой выбор на тех или иных видах окружающей его флоры, он неоднократно испытал действие многих из них на себе.

Медицину первобытного общества отличают синкретизм, сочетание рационального и иррационального, неразрывная связь с религией, отражавшей «бессилие дикаря в борьбе с природой»¹⁸. Поэтому в процесс разделения труда на умственный и физический носителями возникшего еще в первобытности «профессионализма» в медицине часто выступали лица, тесно связанные с религиозно-магической деятельностью: шаманы, колдуны, знахари и т. п. Источником медицинских знаний в конечном счете был, несомненно, народный, массовый опыт, но эти лица обладали и некоторыми специальными знаниями (в том числе религиозно-магическими), обычно передававшимися из поколения в поколение и закрепленными семейными традициями.

Одним словом, в традиционно-устной медицине доклассовых обществ (по крайней мере на поздней стадии) могут быть условно выделены два слоя: бытовой, носителем которого является каждый человек, каждая семья, и «профессиональный», представленный знахарями, шаманами, колдунами и т. п. Между этим «профессиональным» слоем и бытовым существовала «обратная связь», обеспечивавшая для лечения соответствующую психологическую атмосферу.

При передаче медицинской информации исключительно устно-зрительным путем (из-за отсутствия ее опредмеченных носителей) накопление и хранение этой информации осуществлялось только человеческой памятью, и она, эта информация, естественно, могла подвергаться значительному искажению¹⁹. Закрепление такой полученной опытным путем и ценной для существования социального организма информации, видимо, в какой-то мере обеспечивалось и культурными механизмами, которые выступали в виде семейных и общественных традиций, в виде достаточно устойчивых обрядов, культов и ритуалов, хотя при таком способе кодирования, несмотря на сохранение внешней формы, первоначальная сущность полезной информации с течением времени часто терялась.

«Профессиональный» слой традиционно-устных медицинских знаний, судя по всему, во многих культурных регионах является главной исходной базой традиционно-письменной медицины. Появление последней, несомненно, связано с возникновением отдельных центров цивилизации.

Традиционно-письменная медицина, обладающая материальным носителем информации, характеризуется большими возможностями накопления и значительно более надежным и длительным хранением информации, чем традиционно-устная. Потребность в закреплении медицинской информации отразилась в

самых ранних источниках письменности. Тексты медицинского характера содержатся уже на глиняных табличках, найденных при раскопках дворца Ашшурбанипала. Первая попытка описания лекарственных растений в Азии была сделана, видимо, в Месопотамии за 2000 лет до н. э.²⁰ Есть целый ряд свидетельств о том, что в Египте папирусы с медицинскими текстами имелись уже в первой половине III тысячелетия до н. э. Историк Манефон, современник Птолемея I, утверждал, что многие медицинские тексты были написаны при Атоти (Джеру), одним из первых фараонов I династии. Дошедшие до нас рукописи медицинских трактатов являются, как правило, третьими или четвертыми списками более древних медицинских папирусов. Из сохранившихся египетских медицинских папирусов самым древним является Кахунский (около 1850 г. до н. э.). Его медицинский раздел в основном посвящен женским болезням и акушерству. Самыми обширными медицинскими манускриптами считаются посвященный хирургии папирус Смита, найденный на Луксоре, и папирус Эберса (XVI в. до н. э.), обнаруженный в Фивах и содержащий сведения о заболеваниях различных частей тела, около 800 рецептов (большая часть которых — слабительные средства) и косметический раздел²¹. Интересно, что в ранних папирусах содержатся главным образом эмпирические правила лечения и прописи лекарств, а в более поздних начинает преобладать религиозная мистика и советы врачу, касающиеся магических действий²². О высокой степени медицинского профессионализма говорят законы царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.). В ряде статей устанавливается вознаграждение за довольно сложные хирургические операции и медицинскую помощь. В то же время отдельная статья гласит, что причиненный врачом вред (повреждение глаза или смерть) карается отсечением рук²³. Как совершенно справедливо замечает крупный советский историк медицины Ф. Р. Бородулин, «чтобы быть врачом-профессионалом и нести ответственность перед законом (вплоть до отсечения руки!), нужно было иметь солидную специальную подготовку»²⁴. Высокий медицинский профессионализм — одна из характерных черт традиционной письменной медицины. Его развитию способствовало также появление специальных медицинских школ. Вместе с тем традиционно-письменные медицинские системы находились, как правило, в тесной связи с той или иной господствующей религией. Как уже говорилось, наиболее известны из них индийская, тибетская, китайская, арабская традиционные медицинские системы, а также система салернской школы²⁵. Традиционно-письменная медицина, несомненно, несет немалую этническую нагрузку, будучи одним из существенных компонентов культуры отдельных историко-этнографических регионов.

Произведения великих врачей прошлого донесли до нас много сведений о собственно народной (традиционно-устной) медици-

не *. Сосуществуя с ней, традиционно-письменная медицина была ее высшим выражением, постоянно черпала из этого источника и в свою очередь оказывала на него определенное влияние. Не случайно поэтому, что при всех различиях у той и другой есть немало общих черт. Помимо традиционности и генетической связи с народным опытом их сближает и слитность с религией. Поэтому традиционно-устную и традиционно-письменную нередко именуют народной медициной.

Историческая судьба традиционных-письменных систем медицины неодинакова. Одни из них исчезли после крушения соответствующих цивилизаций или частично перешли в традиционную медицину (например, медицина инков), другие, незначительно изменившись, дошли до наших дней, третьи дали начало научной медицине. Становление собственно научной медицины знаменуется быстрым развитием осознанно экспериментального подхода (в отличие от стихийного опыта традиционной медицины), взаимодействием с другими параллельно развивающимися областями естественных наук, а также процессом институализации и интернационализации медицинских знаний.

Научная медицина возникла на основе ряда европейских и отчасти арабской традиционных-письменных систем медицинских знаний. Первоначально это по существу была медицина европейского историко-этнографического региона **. Но постепенно она распространилась по всей ойкумене. Этот процесс особенно интенсифицировался в условиях научно-технической революции. И тем не менее научная медицина до сих пор в той или иной мере продолжает сосуществовать с традиционными видами медицинских знаний ²⁶. В одних регионах (например, в ряде стран Азии) она сочетается главным образом с традиционной-письменной медициной; в других (во многих странах Тропической Африки) — с традиционной-устной; в третьих (в странах Европы), несмотря на господствующее положение научной медицины, народная медицинская практика продолжает играть некоторую роль (особенно среди сельского населения).

* В ряде случаев до нас дошли имена этих врачей, например: Гиппократ (460—377 гг. до н. э.) — Античная Греция; Гален (131—201 гг. н. э.) — Древний Рим; Ван Шу-хе (210—285 гг. н. э.) — Древний Китай; Ибн Сина (980—1037 гг. н. э.) — Средняя Азия; Ар-Рази (865—925 гг. н. э.) — Багдад; Евпраксия-Зоя (XII в. н. э.) — Киевская Русь.

** Первые университеты, возникшие в Европе в XI—XIV вв., — в Салерно (XI в.), преобразованный из салернской медицинской школы близ Неаполя, в Болонье, Монпелье, Париже, Падуе, Оксфорде (XII—XIII вв.), в Праге и Вене (XIV в.) — были потенциальными зародышами будущих интернациональных центров научной медицины. Именно в университетах Европы в XIV—XVIII вв. появляются первые медицинские школы, в полной мере применившие экспериментальный метод. Немалую роль в становлении современной научной медицины сыграли и медицинские стационары (больницы), ставшие практической базой для ее развития.

Научная медицина до сих пор впитывает опыт традиционной медицины разных историко-этнографических регионов. Представляется достаточно очевидным, что эти возможности остаются еще далеко не исчерпанными²⁷. По мнению многих фармакологов и ботаников, «первое место среди источников информации о потенциальных лекарственных растениях принадлежит народной медицине»²⁸.

Вместе с тем профессиональная научная медицина оказывает значительное воздействие на обыденные медицинские знания. В результате в них можно условно выделить три слоя: один из них базируется на устной традиции и восходит к народному опыту, другой опирается на традиционно-письменную медицину, третий имеет своим источником профессиональную научную медицину. У каждого народа сочетание этих трех слоев обыденных медицинских знаний имеет свои особенности как в отношении пропорций, так и содержания; более того, один из слоев может вообще отсутствовать. У многих народов средства научной медицины применяются параллельно с традиционной²⁹. Еще заметнее воздействие научной медицины на повседневную непрофессиональную лечебную практику широких слоев народа, причем такое воздействие в данной сфере неуклонно возрастает.

В силу этого в современных условиях различия между народами-этносомами в области обыденных медицинских знаний, а главное — медицинской практики, не могут быть сведены лишь к традиционной медицине. В наше время для многих народов (прежде всего в промышленно развитых странах) характер массовых медицинских знаний и особенно повседневной медицинской практики определяется не столько традиционной, сколько научной медициной. Из всего этого и складывается специфический «медицинский облик» современного этноса*. Соответственно применительно к современности особенно очевидна необходимость использования термина «народная медицина» не только в значении «традиционно-устная медицина», но и как совокупности всех видов медицины. В данном случае перед нами широкое понимание термина «народная медицина», который заметно отличается от его узкой трактовки. Это различие представляется целесообразным зафиксировать, закрепив за ним наименование «этномедицина»³⁰.

Вместе с тем следует учитывать, что чем дальше в глубь веков, тем заметнее сближение народной медицины в ее узком и широком понимании. На ранних стадиях истории человеческого

---

* Следует отметить, что в тот или иной период существования данного этноса письменно фиксированные традиционные медицинские знания могут и не использоваться в медицинской практике. Но пока такой потенциальный фонд сохраняется, его нельзя не учитывать при характеристике «медицинского облика» соответствующего этноса.

общества они почти сливаются, ибо медицинские знания и практика в это время целиком базируются на устной традиции. Необходимо иметь в виду, что в современных условиях этнические функции научной медицины довольно ограничены. Дело в том, что хотя профессиональная научная медицина и основанная на ней практика у каждого народа обладают известным своеобразием, однако последнее весьма неустойчиво, так как все новое в этой сфере, имеющее сколько-нибудь существенное значение, обычно очень быстро становится достоянием других народов. Поэтому влияние научной медицины на этнический облик того или иного народа носит главным образом «структурный характер», преимущественно определяя присущее ему в данный момент соотношение различных видов медицинских знаний. Свообразные же черты «содержательной» стороны этого облика — конкретные отличительные особенности самих массовых медицинских знаний и повседневной медицинской практики, — как и прежде, восходят в основном к традиционной медицине. Принимая все это во внимание, мы и в дальнейшем придерживаемся главным образом узкого понимания народной медицины (как традиционно-устной медицины), специально оговаривая те случаи, когда в этот термин вкладывается более широкое содержание.

Возвращаясь к рассмотрению этнографических аспектов народной медицины, представляется важным особо подчеркнуть, что ее непосредственные задачи имеют прежде всего медико-биологический характер. Именно поэтому при этнографическом изучении народной медицины необходимо иметь в виду все ее «структурные» компоненты, все ее собственно медицинские аспекты.

В традиционно-устной медицине можно выделить примерно те же основные разделы, что и в современной: 1) представления об анатомии и физиологии человека; 2) представления об этиологии заболеваний и их диагностика; 3) фармакология (поиски, приготовление и употребление лекарств из растительного, животного и минерального сырья); 4) хирургия (применение различных хирургических приемов); 5) акушерство и гинекология (различного характера родовспоможение и лечение женских болезней); 6) педиатрия (уход за детьми и лечение детских болезней); 7) физиотерапия (применение для лечения различных средств физического воздействия: тепла, холода, воды, лучевой энергии, массажа и т. д.); 8) диетология и диетотерапия; 9) психотерапия (применение в процессе лечения средств психического воздействия — различных модификаций внушения, гипноза, аутогенной тренировки и т. п.); 10) санитария, гигиена и косметика.

Народами мира накоплен огромный опыт в области фармакологии. Как уже говорилось, она уходит своими корнями в глубокую древность. Наиболее распространены лекарства растительного происхождения. К настоящему времени арсенал лекарственных растений, используемых в народной медицине разных стран

мира, насчитывает более 10 тыс. видов. В начале XX в. в промышленно развитых странах 80% всех лекарств получали из растений. Сейчас это соотношение резко сдвинулось в сторону синтетических препаратов, но свыше 45% лекарств все же содержат растительные компоненты³¹. С лечебной целью в народной медицине употреблялись как дикорастущие, так и культивируемые растения. Широко применялись также средства животного происхождения. Например, в карпатском регионе в лечебных целях нередко употреблялись различные молочные продукты. Большой популярностью пользовались здесь барсучий, медвежий, собачий, ежовый, гусиный жиры³². У народов Восточной Азии издавна высоко ценятся панты оленей. Лечебные средства животного происхождения были особенно распространены у скотоводческих народов. Например, верблюжье молоко широко применялось для лечения желудочных заболеваний, а верблюжья моча — как антисептическое средство³³.

Одним из самых удивительных достижений практического народного опыта является вакцинация против оспы. Она была распространена в отдаленных друг от друга этноисторических регионах: в Восточной Азии, в Африке, на Кавказе и на Британских островах (Ирландия), проводилась в них различными способами и, что, пожалуй, самое интересное, приемы, предохраняющие от тяжелой формы заболевания оспой, были различны. Скорее всего это свидетельствует о самостоятельном возникновении оспопрививания в этих регионах³⁴.

Разнообразен традиционный опыт народов мира в области хирургии. Он свидетельствует о высоком мастерстве и в этой сфере народной медицины. Наряду с уже приводившимися выше палеомедицинскими данными об этом наглядно свидетельствуют этнографические описания хирургической техники у многих народов Африки, Южной Америки и Океании. Например, англичанин В. Маринер, проживший несколько лет (1807—1810 гг.) на островах Тонга, оставил описание операции извлечения стрелы из грудной полости, произведенной лекарем-полинезийцем. Стрела проникла в правую сторону груди, между пятым и шестым ребром, и совершенно скрылась в грудной полости. Все инструменты для операции состояли из острого куска бамбука и нескольких острых обломков раковин. Ими «хирург» вскрыл соответствующее межреберное пространство, вошел в него пальцами и, высвободив осторожно стрелу, извлек ее с небольшим куском легкого. Через несколько месяцев больной поправился³⁵. Очень необычные, с нашей точки зрения, и довольно сложные хирургические операции у австралийцев и даяков о. Борнео, связанные с половой жизнью и сознательной регуляцией рождаемости, описал Н. Н. Миклухо-Маклай³⁶. Он рассказал также о некоторых способах лечения головной боли у меланезийцев, которые

кроме массажа головы прибегали и к хирургическим приемам вплоть до трепанации черепа³⁷.

Английский врач-миссионер Р. В. Фелькин, отправившийся по призыву Г. М. Стэнли в Уганду в 1878 г., оставил описание операции кесарева сечения, которую он там видел. Двадцатилетняя роженица, трудно разрешавшаяся от бремени, была одурманена банановым вином, тем же вином «акушер» вымыл руки и омыл операционное поле. Взяв нож, он одним ударом рассек брюшную стенку и стенку матки, дополнительным разрезом расширил вход в матку и вскрыл околоплодный пузырь. Кровотечение было остановлено раскаленным железом. По отхождении вод «акушер» извлек плод, перевязал и перерезал пуповину, удалил послед, края разреза сшил нитками, наложил на рану повязку. На 11-й день последовало выздоровление³⁸. В этом описании обнаруживаются все основные элементы современной операции, включая примитивный наркоз и антисептику. Вообще акушерство было, видимо, постоянной заботой человечества на протяжении всей его истории, а повивальное искусство было развито у всех народов земного шара.

Точно так же накапливался опыт в отношении употребляемой пищи, ее совместимости и количества, целебных свойств и действия на людей различного возраста и находящихся в разном физиологическом состоянии. Диетология, начинаясь с гигиенических норм питания, предохраняющих от неблагоприятного действия самой пищи, смыкается с диетотерапией (лечением разными диетами и отдельными видами пищевых продуктов). Этот подход к питанию и подобные способы лечения были повсеместно распространены, а опыт в этом отношении очень ценился³⁹. Хорошим примером народной диетологии может служить широкое употребление в тропиках и субтропиках острых специй, особенно перца, для предохранения пищи от порчи, очень быстрой в жарком климате, и для стимуляции процессов пищеварения.

Широко известно применение в традиционно-устной и особенно в традиционно-письменной медицине различных средств физического воздействия, от физических упражнений до гидротерапии. Большинство из них имеет проверенные многовековым опытом рациональные основания. Так, в основе некоторых приемов гидротерапии (купания в горячей или холодной воде, холодных и горячих обертываний, паровых ванн, различных видов бань и т. п.) лежит сосудорегулирующее действие холодной и горячей воды на капиллярную сеть кожных покровов. Соответственно поддается объяснению физиологическая сторона некоторых традиционных обрядов, сопровождающихся водными процедурами⁴⁰. Усиленное потоотделение, возникающее при многих физиотерапевтических процедурах, способствует быстрому удалению различных токсинов из организма. Поэтому применение принципа жаркой бани для лечения самых различных заболеваний мы

встречаем почти у всех народов, а осуществление его поражает богатством этнических особенностей.

К важнейшим областям народной медицины, историю которых можно начать с древнейших времен, относятся санигария и гигиена, имеющие не меньшее значение в жизни людей, чем лечение уже возникших болезней⁴¹. Некоторые исследователи, подчеркивая особое значение народной гигиены, вкладывают в этот термин очень широкое и многообразное понятие народного опыта в области охраны здоровья⁴². Сюда относятся не только уход за телом и разнообразные личные гигиенические нормы и приемы, но также и все санитарные нормы, которыми люди руководствуются от рождения до смерти⁴³. Особенности санитарно-гигиенических представлений разных народов сказываются на всех сторонах их хозяйственной жизни: строительстве жилищ, устройстве водоснабжения, способах хранения продуктов, устройстве мест для отбросов, в особенностях погребения и т. д. Эти особенности мы можем наблюдать с древнейших времен, так как археология дает в этом отношении богатейший материал. Большую роль играет гигиенический подход и в народной педиатрии; часто он имеет очень яркую этническую окраску, которая проявляется в особенностях кормления ребенка, его пеленания, мытья, в способах его закаливания, в устройстве люльки и т. д.

Говоря о способах лечения, употреблявшихся в народной медицине, нельзя не упомянуть о психотерапии, обычно принимавшей магический облик. По признанию одного из современных зарубежных этнографов, «психоанализ всего лишь заново открыл и изложил в новых понятиях тот подход к лечению болезней, истоки которого восходят к первым дням человечества. Знахари первобытных племен всегда пользовались средствами психоанализа, часто с искусством, которое поражает даже наших наиболее известных ученых»⁴⁴.

В современной научной медицине психотерапия рассматривается как неотъемлемая «часть лечебного процесса в комбинации с другими и отнюдь не противопоставляется другим формам лечебного воздействия на психику и соматику больного»⁴⁵. В народной медицине это сочетание иногда представляло собой еще более целостный сплав и давало большой лечебный эффект, хотя и вносило в процесс лечения многочисленные предрассудки, характерные для культурной среды, окружавшей врача и больного. Широко применялись, как известно, разнообразные магические приемы, обычно сочетавшиеся с эмоциональным воздействием на психику больного музыки, танцев и т. п.⁴⁶

Особенно наглядно проявляется тесное переплетение в народной медицине рационального и иррационального, стихийного материализма и идеализма в представлениях об этиологии болезней. Целый ряд заболеваний легко объяснялся видимой естественной причиной: от удара появлялась рана или перелом, от

чрезмерной или вредной пищи — расстройство желудка, от простуды — болело горло и т. п. Некоторые из таких вызываемых видимой причиной болезней во все времена столь же рационально и лечили (хотя иногда, может быть, и ошибочно). Появление же многих других болезней (внутренних, инфекционных, нервных и т. д.) объяснить видимой причиной было трудно, и тогда человек искал скрытые причины их возникновения. Поскольку считалось, что весь окружающий мир полон добрыми и злыми духами, причину болезни, естественно, относили на счет влияния или даже вселения в человека злого духа, духа болезни или духа предка. Способом лечения в таком случае становилось устрашение или задабривание духа. Выполнить это мог только человек, имеющий над ним власть, — шаман или колдун. Оказать влияние на поведение духов можно было заклинаниями и жертвами, устрашающими или умиротворяющими плясками и песнями, употреблением внутрь и наружно магических трав, магических веществ и органов магических животных. Чтобы облегчить изгнание, рядом с больным помещали какое-нибудь животное, например кошку или попугая, в которое, согласно верованию, должны были перейти злые духи. Подобная схема настолько распространена в самых различных вариантах у всех народов земли на определенном этапе их культурно-исторического развития, а ритуальные способы ее осуществления столь многообразны, что нет возможности и необходимости приводить примеры, которыми полна соответствующая литература⁴⁷.

Такой «врачебный» опыт, несмотря на всю кажущуюся с современной точки зрения нелепость, мог по целому ряду причин привести к положительному лечебному эффекту.

Как мы уже говорили, действенный эмпирический опыт лечения накапливался у человечества на всем протяжении его существования. Лечебное действие трав, органов животных, минералов и других веществ, ставших «магическими», могло быть известно издавна, затем закрепиться традицией, перейти благодаря своей значимости в культ и оформиться ритуально. Вообще известно, что самый разнообразный, первоначально чисто эмпирический опыт в определенный исторический момент мог быть переосознан, ритуально закреплён и стать культом (или элементом в большом культовом ритуале), при этом иногда даже отрываясь от своей первоначальной основы. Таким образом, магический обряд лечения наряду с совершенно несообразными магическими средствами мог включать средства, вполне оправданные положительным лекарственным опытом.

Магические обряды несомненно вызывали, особенно при безраздельной вере больного, значительный психотерапевтический эффект, который иногда уже сам по себе мог оказывать положительное лечебное действие, а при удачном сочетании с действительно лекарственными средствами приводить в ряде

случаев к быстрому излечению. Ритмическая музыка и песня, сопровождавшие иногда «лечение», экспансивный и длительный танец (порой до полного изнеможения) наряду с усилением психотерапевтического воздействия вызывали различные, иногда очень выраженные физиологические состояния, влияющие на процесс лечения.

Таким образом, культурологическая сторона народной медицины, а вместе с ней и вся сфера духовной культуры этноса, опосредствованно, через вторую сигнальную систему, связывается с медицинским, физиологическим уровнем и его биологической реализацией. Кстати, за результатами лечения во все времена следили довольно строго и, судя по многочисленным этнографическим описаниям, неудачливый лекарь, несмотря на свой подкрепленный высшими силами авторитет, мог быть изгнан или поплатиться за печальный исход лечения жизнью⁴⁸. Видимо, так происходил отбор наиболее удачных методов лечения, и «врач» из всех сил старался проявить свое искусство.

С другой стороны, в силу действия системы обратных связей врачевание порождало многообразные культы с богатейшим ритуальным арсеналом, вплоть до появления представлений о всевозможных врачующих богах⁴⁹. Нередко народная гигиена и санитария свои вполне рациональные требования, рекомендации и запреты выражали в религиозной форме, закрепляя тем самым эту полезную информацию: грех употреблять в пищу мясо павших животных, грех загрязнять источник воды, грех есть яблоки не освященными. Освящались они, например, у православных, в праздник Спаса — 6 (ст. ст.) августа, т. е. когда уже становились спелыми, и т. п.

Собирание лекарственных средств иногда также приобретало культовый характер и часто окружалось магическими обрядами. Например, сбор лекарственного вещества галао у горцев Южного Вьетнама являлся священнодействием, в связи с чем помимо выполнения сборщиками галао сложного религиозного обряда в деревни горцев в этот период не допускались чужие, а жители воздерживались от половой жизни⁵⁰.

Целый ряд лекарственных растений и животных, из которых готовили лекарственные средства, становился священным. Так создавался их культ. Широко известен, например, культ змеи у многих народов⁵¹, культ женьшеня у народов Восточной Азии⁵², культ бобра, сохранившийся почти до наших дней у хантов и манси⁵³. Большому количеству минералов, растений и животных, из которых готовились лекарства, тоже приписывался магический характер⁵⁴. Такие культы с их магическим ритуалом, несомненно, способствовали усилению психотерапевтического эффекта при употреблении этих лечебных средств.

Как уже говорилось, наряду с религиозно-магическими причинами болезней человек во все времена, если мог, находил в

соответствии со своими знаниями вполне материальные причины заболеваний: влияние количества и характера пищи, окружающей температуры, климата, атмосферных явлений, недостатки личной гигиены и антисанитарное содержание жилья, недостаточность или чрезмерность физической работы и т. п., — словом, все то, что могло быть определено без помощи специальных современных диагностических средств и приборов.

Таким образом, в народной медицине можно выделить компоненты как эмпирического знания и лечения, так и религиозно-магических представлений и действий, сочетающихся в самых различных комбинациях. Это обстоятельство многократно отмечалось в научной литературе. Например, Дж. Харлей — американский врач и этнограф более 20 лет проживший в Западной Африке, в монографии, посвященной медицине африканских племен, на основании собранного им большого материала выделил разделы, касающиеся рационального лечения болезней, магического лечения и лечения частично рационального, частично магического⁵⁵.

Характеризуя традиционную (эмпирическую) медицину в целом, небезынтересно также отметить, что ее представители обычно достаточно хорошо знают пределы своих возможностей. Например, они почти совсем не лечат инфекционные болезни, отказываются лечить больного в острый период заболевания⁵⁶.

На развитие народной медицины влияло и состояние естественных представлений, традиции которых в прошлом нередко имели определенную этническую специфику. В этой связи можно отметить, например, что у одних народов издавна практиковалось анатомирование трупов (например, в Индии), в то время как у других (в Китае) оно вплоть до начала XX в. считалось недопустимым⁵⁷. Сказывался на народной медицине и тип хозяйства. В частности, известно, что переход к скотоводству и связанная с этим ветеринарная практика содействовали развитию таких областей медицины, как хирургия и акушерство.

Вообще следует подчеркнуть, что ассортимент традиционных лечебных средств различных народов в конечном счете обусловлен общим состоянием их материальной и духовной культуры, особенностями быта и прежде всего способами получения основных средств существования. Последние определяют не только специфику и различный удельный вес многих заболеваний, но также фармацевтические и другие медицинские навыки. Как справедливо замечает в этой связи один из специалистов по народной фармакологии, «нелогично, например, искать средство для лечения ревматизма у жителей Кавказа, а средства от солнечного удара или от укусов тарантулов и скорпионов — у жителей тундры»⁵⁸.

Вместе с тем необходимо отметить, что постоянная потребность в медицинской помощи не могла не сказаться, в свою

очередь, на многих сторонах традиционной хозяйственной жизни народов мира. Сбор лекарственных растений и первичная обработка лекарственного сырья в крестьянских хозяйствах, отдельные промыслы редкого лекарственного сырья и лекарственных веществ, ремесленное изготовление медицинских инструментов и приготовление лекарств, торговля различными лекарствами и медицинскими предметами существовали у каждого народа; это побуждает считать народную медицину одновременно частью народнохозяйственной жизни. Соблюдение личных и семейных норм гигиены и санитарии также входило, как мы уже говорили, в хозяйственную сферу жизни. Санитарные представления и практика сказывались на ведении всего хозяйства. Ярким примером этого может служить характерная для некоторых народов практика переноса поселений (например, кавказских аулов) на новое место, когда количество всякого рода отбросов превышало норму. Это создавало своеобразную неполную оседлость.

Каждый из лечебных приемов в народной медицине практиковался во всем богатстве этнического и этнорегионального своеобразия. Например, как мы отчасти могли убедиться, фармакогнозия и фармакотерапия имели этнические и региональные особенности выбора и употребления лекарственных трав, особенности их собирания, обработки сырья, приготовления из них лекарств (часто приводящих к совершенно новым лекарственным свойствам), особенности употребления готовых лекарств и их сочетания с другими приемами лечения*. Столь же велико этническое разнообразие хирургического подхода, техники хирургических операций и инструментария⁵⁹.

Имеются этнорегиональные особенности и в самой «структуре» традиционных медицинских знаний разных народов. Так, в русской народной медицине широко распространены средства для

* Например, Г. Г. Вострикова провела полевые фармакоботанические исследования лекарственной флоры, употребляемой в народной медицине удэгейцев, нанайцев и ульчей, обитающих в одной и той же растительно-географической зоне (Приамурье). Анализ результатов исследований показал, что многие лекарственные растения, употребляемые одной народностью, неизвестны врачевателям другой. «Оригинальных лекарственных видов, применяющихся на уровне одной национальности: у нанайцев — 36,0%, ульчей — 28,6%, удэгейцев — 44,0%», причем общие для медицины этих трех народностей виды растений составляют всего 28,1%. Частота использования надземных и подземных частей древесных растений в практике народного врачевания у каждой народности различна: нанайцы наибольшее значение придают корням деревьев, удэгейцы в основном используют ветви, плоды и листья, ульчи у древесных растений ценят надземные части, у травянистых подземные (Вострикова Г. Г. Амурские растения в народной медицине удэгейцев. — Автореф. канд. дис. Томск, 1974; см. также: Вострикова Г. Г., Востриков Л. А. Медицина народов Дерсу. Хабаровск, 1974; Материалы секции «Лекарственные растения в народной медицине». — Тез. ВКЭНМ; Гаммерман А. Ф. Народная фармацея у народов СССР. М., 1964; Торэн М. Д. Использование дикорастущих растений в русской народной медицине. М., 1964; Минько Л. И. Народная медицина Белоруссии. Минск, 1969).

лечения простудных заболеваний, ран, детского диатеза (золотухи), нарывов и фурункулов, заболеваний желудочно-кишечного тракта, внутренних кровотечений, болеутоляющие средства при ревматизме и радикулите. Реже встречаются лечебные средства, применяемые при болезнях почек, печени и желчного пузыря, сердечно-сосудистых заболеваниях, и совсем мало — при нервно-психических и инфекционных заболеваниях.

Индо-тибетская медицина предлагает много средств для лечения болезней печени, язвенной болезни, желудочно-кишечного тракта, истощения, заболеваний дыхательных путей. Обращает на себя внимание дифференцированный подход индийской традиционной медицины к тонизирующим средствам. Она различает средства, ускоряющие выздоровление после тяжелых заболеваний, тонизирующие сердце, кровообращение, желудочно-кишечный тракт и т. д. Обширен арсенал предлагаемых индийской медициной средств лечения различных кожных болезней. Разнообразны средства индийской медицины также при лечении болезней органов дыхания. Ряд традиционных средств использует она при лечении аллергических заболеваний, нарушений обмена веществ, при ожирении, анемии, диабете, расстройствах пищеварения.

В китайской традиционной медицине широко распространены средства для лечения гипертонической болезни, болезней печени, почек, сахарного диабета, гельминтозов, туберкулеза легких, гастрита, эпилепсии и других нервно-психических заболеваний, бронхиальной астмы, злокачественных опухолей, ревматизма, кожных болезней, женского бесплодия и мужской импотенции. Так же как в индийской, в китайской традиционной медицине используется широкий ассортимент тонизирующих, стимулирующих и общеукрепляющих средств, особенно рекомендуемых больным в период их выздоровления после тяжелых истощающих заболеваний⁶⁰.

Совершенно очевидно, что без учета всех этих этнорегиональных особенностей традиционной медицины невозможно воссоздать характерный облик соответствующих этнических общностей. Разумеется, выявление свойств традиционной медицины отдельных народов должно быть неразрывно связано с изучением того общего в народной медицине, что присуще ряду этносов. В данной связи небезынтересно отметить многочисленные случаи использования территориально отдаленными народами для лечения одной и той же болезни различных видов растений, имеющих, однако, одинаково действующее лекарственное начало. Так, для борьбы с кишечными паразитами кафры применяют панну, эфиопы — цветы куссо, некоторые народы Азии — памелу. Все эти средства содержат флороглюцин.

Говоря о значении этнографического изучения традиционной медицины, следует учитывать и то, что ее ареальные и сравнительно-исторические исследования способны раскрыть культуру-

ное взаимодействие этнических общностей и дать ценный материал для решения этногенетических проблем. Не менее важно также иметь в виду, что этнографическое изучение народной медицины представляет собой существенную составную часть исследований по истории традиционных народных знаний. Кроме того, в силу устойчивости народных медицинских знаний их этнографическое изучение методом непосредственного наблюдения является, как известно, важнейшим источником для реконструкции истории медицины на ранних этапах развития человеческого общества.

При изучении самой народной медицины необходим исторический подход. Несмотря на устойчивость народной медицины, она отнюдь не остается неизменной на протяжении истории человеческого общества. Поэтому весьма важно исследовать изменение роли традиционно-устной медицины в жизни народов на разных этапах развития всемирно-исторического процесса.

Необходимость рассмотрения всех аспектов народной медицины для характеристики этнических общностей делает ее изучение самостоятельным предметом этнографических исследований. При этом не следует забывать, что такое изучение традиционно-устной медицины любого народа предполагает в конечном счете непременно выявление ее этнической самобытности. Все это, в свою очередь, требует развертывания сравнительно-исторического изучения традиционно-устной медицины.

Будучи составной частью традиционно-бытовой культуры, народная медицина тесно связана с ее другими компонентами. Без учета этой взаимосвязи невозможно понять многие аспекты функционирования самой народной медицины и тем более определить ее место в этнической системе. Поэтому этнографическое изучение народной медицины, как и других компонентов традиционно-бытовой культуры, неизбежно предполагает тесные контакты с такими смежными культуроведческими дисциплинами, как фольклористика, искусствоведение, лингвистика, история материальной культуры, религиоведение и т. д. Весьма важно, в частности, проводить изучение медицинской терминологии, а также тех аспектов фольклора, изобразительного и хореографического искусства, которые непосредственно связаны с народной медициной⁶¹.

Выявление этнической самобытности народной медицины предполагает также рассмотрение связи всех ее элементов с географической средой обитания изучаемых народов. Экологические особенности среды обитания оказывают немалое влияние на возникновение и распространение болезней, особенности их проявления и во многом определяют специфику лечебных средств.

С точки зрения биологии человека народная медицина в принципе может рассматриваться как один из социокультурных механизмов адаптации человека с окружающей его внешней средой.

В этой связи неизбежно встает вопрос о взаимосвязи изучения народной медицины, в особенности ее этнических аспектов, с исследованием ряда проблем региональной медицины, которые сейчас с такой широтой подняты медицинской географией⁶².

Изучая народную медицину, этнограф, разумеется, не может не опираться на данные медицины научной. Это тем более необходимо, что этнографическая характеристика народов мира по данным традиционной медицины требует различения в ней рационального и иррационального. А это возможно только с помощью последней. В свою очередь этнографические материалы по традиционному народному врачеванию являются важнейшим источником для использования его данных в современной научной медицине⁶³. Без учета изучаемого этнографами социокультурного контекста функционирования народной медицины далеко не всегда можно уяснить и медико-биологическую суть составляющих ее компонентов*.

Сказанное делает действительно необходимым комплексный подход при этнографическом изучении народной медицины, тесное сотрудничество этнографов со специалистами как гуманитарного профиля (историками, филологами, искусствоведами), так и медико-биологического цикла наук (врачами различных специальностей, антропологами, ботаниками, фармакологами). Такой комплексный подход подразумевает использование всех современных методов исследования: не только специальных полевых и архивных изысканий, но и применения теории информации, системного подхода, математических приемов обработки материала (в том числе на ЭВМ)⁶⁴, а также всего современного арсенала биологических и медицинских методов исследования.

* Об этом, в частности, следует помнить всем, кто увлекается теми или иными приемами физического воспитания, выработанными в совершенно иных экологических и этнокультурных условиях (например, хатха-йогой) (см.: *Шофман М.* «Секреты» восточной медицины. М., 1963).

¹ В основу этого очерка положена статья: *Бромлей Ю. В., Воронов А. А.* Народная медицина как предмет этнографических исследований.— СЭ, 1976, № 5, с. 3—18.

² См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 220—221.

³ *Bouquet A.* Féticheurs et médecines traditionnelles du Congo (Brazzaville). Paris, 1969; *Densmore F.* How Indians use wild plants. N. Y., 1974; *Despre* medicina populară Românească, București, 1970; *Gimlette I. D.* Malay poisons and charm cures. Kuala Lumpur, 1971; *Gunn S. W. A.* Totemic medicine and shamanism among the Northwest American Indians.— Journal of the American Medical Association, 1966, v. 196, N 8, p. 700—706 (112—118); *Huard P.* La médecine Khmère populaire.— Le Concours Médical, 1963, 85 an., N 20, p. 3269—3275; N 21, p. 3437—3444; *Lavier J.-A.* Médecine Chinoise, médecine totale. Paris, 1973; *Logan P.* Making the cure: A look at Irish folk medicine. Dublin, 1972; *Macdonald Ch.* Medicines of the Maori. Auckland and London, 1974; *Möderndorfer V.* Ljudska medicina pri Slovencih. Ljubljana, 1964; *Papers on folk-medicine (Inter-Nordic Symposium, Stockholm).*/Ed. C.-H. Tillhagen. Stockholm, 1962—1963; *Scarpa A.* Note sulla medicina tradizionale del Cariansi nella Tailandia.— Minerva Medica, 1956, v. 56, N 13, p. 223—228; *Un-*

schuld P. U. Die Praxis des traditionellen chinesischen Heilsystems. Wiesbaden, 1973; Lieban R. W. Medical anthropology.— Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago, 1973, p. 1063—1072.

⁴ См., например: *Торэн М. Д. Русская народная медицина XIX—начала XX в. М., 1954; Она же. Использование дикорастущих растений в русской народной медицине. М., 1964; Минько Л. И. Народная медицина Белоруссии. Минск, 1969; Он же. Знахарство. Минск, 1971; Арон К. Я. Латышская народная медицина. Рига, 1966, и др.*

⁵ См. Тез. ВКЭНМ. Л., 1975; *Пестряков А. П. Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины.— СЭ, 1975, № 6.*

⁶ Здоровье человека и прогресс медицины.— Лит. газ., 1974, 1 мая, с. 12.

⁷ *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 210.*

⁸ *Брехман И. Народная медицина в свете теории информации.— Тез. ВКЭНМ, с. 4.*

⁹ Аналогичный подход к определению видов медицины см.: *Медицинская информационная система. Киев, 1975, с. 7, 8 сл.*

¹⁰ *Шретер А. И. Поиски и изучение новых лекарственных растений. М., 1980, с. 8—9.*

¹¹ Там же, с. 11.

¹² См.: *Решетов А. М. К истории формирования медицинских знаний у человека.— Тез. ВКЭНМ, с. 18—20.*

¹³ *Moodie R. L. Paleopathology. Urbana. 1923, III; Wells C. Bones, bodies and diseases. London, 1964; Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М.; Л., 1965; Гохман И. И. Палеоантропологический материал как источник знаний по народной медицине.— Тез. ВКЭНМ, с. 11—12; Азаренко В. И. Врачевание древних людей по палеостоматологическому материалу на территории Белоруссии.— Тез. ВКЭНМ, с. 16—17.*

¹⁴ *Рохлин Д. Г. Древность патологических процессов на ископаемых костях человека в СССР. М., 1964, с. 3; Казей Л. Н. Врачевание людей в средневековье на территории Белорусской ССР (по костному материалу археологических раскопок).— Тез. ВКЭНМ, с. 12—13.*

¹⁵ *Рохлин Д. Г. Болезни древних людей..., с. 173—174, 237—243; Гохман И. И. Палеоантропологический материал..., с. 11—12; Дэрумс В. Я. Трепанация черепа в древней Прибалтике.— Тез. ВКЭНМ, с. 13—14.*

¹⁶ *Хунданов Л. Л., Хунданова Л. Л., Базарон Э. Г. Слово о тибетской медицине. Улан-Удэ, 1979, с. 84.*

¹⁷ *Исмизаде О. Ш. Лекарственные растения народной медицины в древних археологических находках.— Докл. АН Азерб. ССР, 1959, т. XV, № 7, с. 627—630; см. также: Арон К. Я. Использование археологических исследований в изучении народной медицины Латвии.— Тез. ВКЭНМ, с. 15.*

¹⁸ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 142.*

¹⁹ *Брехман И. И. Народная медицина..., с. 4.*

²⁰ *Гаммерман А. Ф. Восточные медицинские системы и их влияние на формирование каталогов лекарственных растений народной медицины некоторых районов СССР.— В кн.: Всесоюзная научная конференция..., с. 51.*

²¹ Подробнее см.: *Культура древнего Египта. М., 1976, с. 250—260.*

²² *Мультановский М. П. История медицины. М., 1961, с. 38—39.*

²³ *Сеннаар Б. Вавилон и Ассирия: Сборник источников М., 1934, с. 37, 38; Волков И. М. Законы вавилонского царя Хаммурапи. М., 1914, с. 43, 44.*

²⁴ *Бородулин Ф. Р. История медицины, М., 1961, с. 37.*

²⁵ *Яковлев Г. П. О народной, традиционной и научной медицине.— Тез. ВКЭНМ, с. 5—6.*

²⁶ См.: *Braudl L. Ärzte und Medizin in Afrika, Pfaffenhofen IIm, 1966; Cook C. E. Medicine and the Australian aboriginal: a century of contact in the Northern Territory.— The Medical Journal of Australia, 1966, v. 1, N 14, p. 559—565.*

²⁷ См.: *Сацперова И. Ф., Соколов В. С. Лекарственные растения народ-*

ной медицины — на службу научной медицине.— Тез. ВКЭНМ, с. 72; Назаров-Рыгдылов В. Э., Базарон Э. Г., Бадараев Б. Б. К вопросу об изучении тибетской фармакологии.— Тез. ВКЭНМ. с. 38—39; Минько Л. И. Народная медицина Белоруссии, с. 104; Шретер А. И. Поиски..., с. 16 и сл.

²⁸ Вострикова Г. Г. Амурские растения в народной медицине удэгейцев, нанайцев и ульчей. Автореф. канд. дис. Томск, 1974.

²⁹ Voorhoeve H. W. A. Traditional native and Western medicine side by side in tropical countries.— Tropical and Geographical Medicine, 1966, v. 18, N 1, p. 77—79; Somers J. E. Folk medicine in an isolated modern community.— North Carolina Medical Journal, 1961, v. 22, N 12, p. 611—615.

³⁰ Этот термин иногда и ранее употреблялся в специальной литературе в довольно широком значении. См.: Scarpa A. Presentazione (Introduction).— Etnoiatria, 1967, v. 1, N 1, p. 2—4; Hoppal M. The state of ethno-medical research in Hungary.— Congressus Internationalis XXIV Historiae Artes medicine, 25—31 August, 1974, Budapest, 1974.

³¹ Kreig M. B. Green medicine. London, 1965 (см. также рец.: Грушевицкий И. В. Вопросы фармакогнозии, 5./Ленингр. химико-фармацевт. ин-т. Труды 1968, т. XXVI, с. 274); Сацонперова И. Ф., Соколов В. С. Лекарственные растения..., с. 72.

³² Болтарович З. Е. Народные средства лечения украинцев Карпат конца XIX — начала XX в.— Тез. ВКЭНМ, с. 71.

³³ Гумиров В. З. Некоторые данные из народной медицины башкир.— Тез. ВКЭНМ, с. 60—62.

³⁴ Корниевский П. А. Материалы для истории китайской медицины. Тифлис, 1877, с. 92—98; Чжу Янь. Достижения древнекитайской медицины. М., 1958, с. 73—76; Рачвелишвили Б. Х. О народной медицине Грузии. М., 1964, с. 4—5; Logan P. Making the cure..., p. 6—7; Imperato P. I. The practice of variolation among the Longha of Mali.— Transactions of the Royal Society of Tropical medicine and Hygiene, 1968, v. 62, N 6, p. 868—873; Imperato P. I. and Traore D. Traditional beliefs about smallpox and its treatment in the Republic of Mali.— The Journal of Tropical Medicine and Hygiene, 1968, v. 71, N 3, p. 224—228.

³⁵ Mariner W. Nachrichten über die Freundschaftlichen, oder Tonga Inseln. Weimar, 1819, S. 495—498.

³⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. М.; Л., 1951, т. III, ч. 1 (статьи: «Об операции «мика» в Центральной Австралии», с. 386—389; «Обращение с молодыми девушками до достижения ими половой зрелости», с. 390—391; «Сообщения об операциях, производимых австралийцами», с. 404—406; «Продолжение об операции «мика», с. 406—408; «Искусственное прободение мужского полового члена у даяков на Борнео», с. 379—383).

³⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Дневники путешествий (1873—1887).— Собр. соч., М.; Л., 1950, т. II (статьи: «Путешествие из Амбоины на берег Папуа-Ковиай», с. 34; «Острова Адмиралтейства», с. 271; «Островок Андра и остров Сорри», с. 474); Собр. соч. М.; Л., 1951, т. III, с. 458, 459 («Конспекты лекций в Географическом обществе о путешествиях в Океании»).

³⁸ Описание произведено по кн.: Бородулин Ф. Р. История медицины...; с. 26; Грин Л. Последние тайны старой Африки. М., 1966, с. 25.

³⁹ См.: Ибн-Сина. Канон врачебной науки. Ташкент, 1954, кн. 1, с. 322—338; Вогралик В. Г., Вязьменский Э. С. Очерк китайской медицины. М., 1961, с. 14, 88; Ершов Н. Н. К вопросу о народной медицине таджиков.— Тез. ВКЭНМ, с. 32—33; Ариф М. Х., Аристова Т. Ф. Народная медицина у курдов Ирака.— Там же, с. 46, 47.

⁴⁰ Ромашов Ф. Н. Методы лечения в народной медицине.— Тез. ВКЭНМ, с. 88.

⁴¹ См.: Беселия Л. В. Народная гигиена и косметика в Грузии.— Тез. ВКЭНМ, с. 69.

⁴² Петров Б. Д. Народная гигиена.— Гигиена и санитария, 1960, № 4, с. 51—54.

⁴³ См.: Чжу Янь. Достижения древнекитайской медицины, с. 69—76.

- ⁴⁴ Цит. по: Райт Г. Свидетель колдовства. М., 1971, с. 57.
- ⁴⁵ Буль П. И. Основы психотерапии. Л., 1974, с. 50.
- ⁴⁶ См.: Ветухов А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Варшава, 1907, вып. I—II; Демидов Е. Г. Лечебные средства шамана: На материале малых народов Дальнего Востока. Конец XIX — начало XX в.— Тез. ВКЭНМ, с. 24; Карabanова С. Ф. Использование пиявок в качестве лечебного средства на примере шаманского обряда у малых народов Дальнего Востока (начало XX в.).— Тез. ВКЭНМ, с. 25.
- ⁴⁷ См. доклады В. Н. Басилова, Ю. В. Винникова, Е. Г. Демидовой, С. В. Иванова, С. Ф. Карabanовой, Н. В. Лукиной.— Тез. ВКЭНМ, с. 20—26, 29; Минько Л. И. Знахарство.
- ⁴⁸ Райт Г. Свидетель колдовства, с. 79, 82 сл.
- ⁴⁹ Леманн А. История суеверий и волшебства. М., 1900, с. 23.
- ⁵⁰ Чеснов Я. В. Сбор в лесах ритуального и лекарственного вещества га-лао у горцев Южного Вьетнама.— Тез. ВКЭНМ, с. 52—53; ср.: Минько Л. И. Народная медицина Белоруссии, с. 38—39.
- ⁵¹ См.: Пирпилашвили П. М. Некоторые вопросы, связанные с культом змеи в грузинской народной медицине.— Сообщ. АН ГССР, 1959, т. XXIII, № 3, с. 377—384; Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972, с. 181—183.
- ⁵² См.: Арсеньев В. К. Искатели женьшеня в Уссурийском крае. Владивосток, 1925; Стариков В. С. Материалы по изучению женьшеневого промысла в Восточном районе Северной Маньчжурии.— Зап. Харбинск. о-во естествоиспытателей и этнографов. Харбин, 1946, № 1 (этнография), с. 40—48; Грушвицкий И. В. Женьшень. Л., 1961, с. 13, 14.
- ⁵³ Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М., 1951, с. 134—159.
- ⁵⁴ Туцаков И. Психосуггестивни елементи у народној медицини Сврљишког Тимока. Београд, 1965.
- ⁵⁵ Harley G. W. Native African medicine: With special reference to the practice in the Man Tribe of Liberia. Cambridge, 1941.
- ⁵⁶ Шретер А. И. Поиски..., с. 15.
- ⁵⁷ Бонгард-Левин Г. М., Герасимов А. В. Мудрецы и философы древней Индии: Некоторые проблемы культурного наследия. М., 1975, с. 291; Вогралик В. Г., Вязьменский Э. С. Очерки китайской медицины, с. 28, 64.
- ⁵⁸ Шретер А. И. Поиски..., с. 14.
- ⁵⁹ См.: Базарон Е. Г. О древних тибетских хирургических инструментах.— Тез. ВКЭНМ, с. 37—38.
- ⁶⁰ См.: Шретер А. И. Поиски..., с. 14—15.
- ⁶¹ В качестве примера филологического подхода см.: Меркулова В. А. Народные названия болезней на русском языке.— Тез. ВКЭНМ, с. 56—58; Hewat M. L. Bantu folklore (medical and general), Westport, Conn., 1970.
- ⁶² См.: Авцын А. П. Введение в географическую патологию. М., 1972, с. 41—44 сл.
- ⁶³ См.: Шретер А. И. Использование этнографических и лингвистических материалов при поисках новых лечебных средств растительного происхождения. Тез. ВКЭНМ, с. 6—9.
- ⁶⁴ См.: Гриневич А. Г. Некоторые результаты изучения традиционной восточной медицины с применением электронно-вычислительной техники.— Тез. ВКЭНМ, с. 86.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАРПАТ¹

Исследования традиционной культуры населения Карпат, как и их этнической истории, занимают особое место в этнографии народов Европы. Дело в том, что эти исследования охватывают обширный круг проблем, решение которых требует совместных усилий ученых разных стран и привлечения данных разных дисциплин, т. е. комплексного подхода. Этим и обусловлена сама идея создания международного координационного центра по этнографическому изучению Карпат. Идея эта принадлежит польским и чехословацким этнографам. По их инициативе в 1959 г. была создана Международная Комиссия по изучению народной культуры Карпат (МККК), объединившая усилия ученых Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии. С МККК сотрудничают также этнографы Болгарии и Югославии. С 1967 г. в ее работе участвуют и ученые СССР. В каждой из этих стран-участниц ведется работа на собственной территории, но по общей согласованной программе. Работа МККК в каждой из стран-участниц приобретает все более широкий размах*. Исследования в области традиционной культуры населения Карпат носят сейчас уже комплексный характер: в них участвуют этнографы, фольклористы, историки, искусствоведы, а с недавнего времени и лингвисты, которые фактически начали соответствующие исследования задолго до создания МККК. Материалы исследований, ведущихся в рамках МККК, публикуются в сборниках, составляющих единую серию трудов — «Ethnographia Carpatobalcanica».

МККК создала несколько субкомиссий, направляющих работу по отдельным темам материальной и духовной культуры: высокогорного пастушества и земледелия, народной архитектуры и поселений, прикладного искусства и ремесел, словесного и музыкального фольклора. По мере необходимости создаются новые субкомиссии. Для получения сопоставимых материалов в каждой из субкомиссий разработаны общие программы.

МККК собирается регулярно на научные конференции раз в два года. В каждой из них в последние годы принимали активное участие и советские ученые.

Карпатоведами-этнографами нашей страны проведено несколько экспедиций в Закарпатье и Прикарпатье; выпущены два

* Недавно МККК была преобразована в Международную комиссию по изучению культуры населения карпато-балканского региона (МКККБ). Это преобразование обусловлено тем, что традиционно-бытовая культура населения данного региона обладает значительной общностью и в целом может рассматриваться как историко-этнографическая общность, которая в таксономическом отношении представляет более «высокий» уровень, чем составляющие ее Карпатская и Балканская историко-этнографические области.

сборника из серии Трудов МККК, готовятся к печати следующие сборники.

Проведенные этнографические исследования по изучению традиционно-бытовой культуры на Карпатах позволили накопить довольно большой материал. В их свете на Карпатах вырисовывается чрезвычайно сложная картина переплетения и взаимного пересечения ареалов распространения различных компонентов культуры. Во всем этом многообразии можно выделить внутренние взаимосвязанные комплексы культуры, отличающиеся друг от друга лежащими в их основании структурообразующими факторами. Прежде всего это определенные черты культуры, общие для всего населения Карпат. Видимо, некоторые элементы такой общности начали складываться здесь очень рано. Мы не беремся интерпретировать в данной связи имеющиеся в распоряжении исследователей археологические материалы, которые, к сожалению, еще носят фрагментарный характер². Но судя по этнографическим материалам, население Карпат сохранило чуть ли не до наших дней следы праславянской культуры; они прослеживаются в некоторых орнаментальных мотивах, анимистических верованиях, космогонических сказаниях, календарных и семейно-бытовых обрядах и песнях, волшебных сказках, старинных преданиях³. Сохранение подобных реликтовых форм во многих элементах культуры связано с характерной для Карпат, как и для большинства горных районов, изоляцией и относительно замедленным в силу этого экономическим развитием.

Но, несомненно, особенно важную роль в формировании культурной общности интересующего нас региона сыграло отгонно-пастушеское скотоводство, генетически связанное с так называемой колонизацией Карпат «на валашском праве». Как известно, вопрос о размерах и хронологических рамках этой колонизации до сих пор остается дискуссионным.

В настоящее время существуют две крайние точки зрения на появление валашского элемента в восточных Карпатах. Часть исследователей относит его к XIII—XIV вв.⁴, другие связывают его появление здесь с более ранним периодом⁵. Но для наших целей гораздо более существенно другое: когда именно пастушеское население начало оказывать воздействие на культуру всего карпатского ареала. И в этой связи следует подчеркнуть, что по имеющимся данным валашская колонизация охватила весь карпатский регион до самых западных его областей уже к концу XV в.⁶ Колонизация эта продолжалась вплоть до XVII в. и шла в направлении главных карпатских хребтов с юго-востока через украинские Карпаты и на запад вплоть до чешской Моравии (т. е. области современной Моравской Валахии). Пастухи вместе с отарами овец двигались по горным долинам скорее всего весной, когда истощались запасы кормов на старых местах кочевания. Эти трассы были хорошо известны и в более позднее время, по

ним передвигались и в XIX в. украинские, словацкие и польские пастухи, покупавшие новые отары овец в Трансильвании и Банате, т. е. уже и в противоположном направлении.

Письменные источники начиная с XV в., касающиеся «валашской колонизации» Западных Карпат, лучше всего изученные в настоящее время чехословацкими и польскими учеными, говорят о пестром этническом составе колонистов.

Наряду с восточнороманским этническим компонентом, преобладавшим, по-видимому, на ранних этапах колонизационного процесса, самое активное участие в заселении горных районов принимали местные малоземельные и безземельные крестьяне из равнинных украинских, словацких, польских и чешских деревень прилегавших к Карпатам областей, быстро переходившие к кочевому пастушеству. Притоку валашских колонистов всячески способствовали крупные феодальные землевладельцы, заинтересованные в освоении пустовавших ранее земель. В XVI в. валахи в Карпатах были привилегированным элементом: они не платили ни государственной, ни церковной подати, а лишь натуральную «валашскую дань» с овец⁷. Постепенно, однако, валахи закрепощались, ограничивалось и право их передвижения. Так, в Венгрии по решениям сеймов конца XVI — начала XVII в. они были лишены всех прежних привилегий⁸. В течение XVII—XVIII вв. все группы валашских скотоводов перешли к оседлому образу жизни: они стали заниматься и земледелием, сочетая его с отгонным скотоводством на летних пастбищах.

Письменные источники Западных Карпат дают точные сведения о времени прихода валахов в отдельные феодальные владения, о числе колонистов, их социальном положении и формах зависимости от феодала. Свидетельствуют эти источники и относительно многозначности самого термина «valách», содержание которого меняется в течение XV—XIX вв. Впрочем, как известно, этот термин («влах») не был однозначен и на Балканах⁹. В источниках XVI в., относящихся к территории польских и словацких Карпат, он имел, по-видимому, как этническое, так и хозяйственное значение. Правда, все же при этом этническое разграничение еще имело место: валашские колонисты нередко обозначались как *Valachi et Rutheni (Valachi seu Rutheni)*, причем в последнем случае имелись в виду пастухи восточнославянского происхождения из восточных (украинских) Карпат. В то же время оба эти термина, как правило, означали одну категорию подданных¹⁰. Со временем термин «валах» во многом утратил этническое значение: в чешском, словацком, польском, украинском языках его применяли только по отношению к пастухам овец (*valách, wołoch, волох*), а в польском и украинском преимущественно в этом значении.

Роль восточнороманского элемента в этногенезе народов Карпатской зоны признается сейчас большинством исследователей

(исключение представлял только Д. Кранджалов). Об этом свидетельствует наличие восточнороманской пастушеской терминологии в украинском, словацком, польском, чешском языках (валашский диалект в Моравии), а также данные карпатской топонимики и ономастики¹¹. В специальной литературе (исторической, этнографической и лингвистической) еще со времен Ф. Миклошича этот пласт принято объяснять «румынскими влияниями» в Карпатах. Термин этот не представляется удачным в применении к «валашской колонизации» XIV—XVII вв. Ведь румынский народ сложился позднее и не вобрал в себя всего восточнороманского этноса, о котором только и может идти речь в этот период. Следовательно, было бы правильнее пользоваться термином «восточнороманские влияния», «восточные романцы» по отношению к пастушескому элементу в Карпатах.

Необходимо учитывать и то, что для словацких и польских Карпат гораздо более ощутимым было появление в составе валашского колонизационного потока восточнославянского этнического компонента, сыгравшего значительную роль в этногенезе словаков и поляков. К тому же восточнороманский этнический элемент по пути в западные Карпаты подвергся сильной славянизации.

Имея в виду все это, подавляющее большинство ученых, исследующих культуру карпатских горцев, в настоящее время пришло к выводу о необходимости разграничения проблемы этнического состава валашских пастухов от проблемы происхождения карпатского типа отгонного овцеводства¹².

В славянских Карпатах этот тип хозяйства не был автохтонным. Необходимо принять во внимание и то, что славянам издавна был свойствен земледельческий характер культуры. Это не значит, что славяне прикарпатских областей до появления валахов не знали овцеводства. Однако оно было мясо-шерстного направления и не было связано с кочеванием на высокогорных пастбищах.

Вместе с «валашской колонизацией» в Карпатах распространился особый тип отгонного овцеводства, не знакомый до того времени жителям соседних равнинных областей. Именно поэтому валашские колонисты из-за своей изолированности и специфики хозяйства казались местному земледельческому населению чуждым элементом, даже если они появлялись из соседних горных областей (*extraneus* — термин, часто применяемый к валахам в источниках).

Итак, формирование традиционно-бытовой культуры пастушеского населения Карпат шло в пределах нескольких этнических общностей. Этнокультурные взаимосвязи были особенно интенсивны на границах этих общностей, так как скотоводческий тип хозяйства означал постоянные миграции населения.

Возвращаясь к вопросу об изучении высокогорного скотоводства в рамках МККК, следует отметить, что с самого начала

деятельности комиссии этой теме было уделено особое внимание. Была подготовлена очень подробная развернутая программа сбора материала по всем элементам материальной и духовной культуры карпатских пастухов начиная с конца XIX до середины XX в.¹³ Привлекался и архивный материал более раннего периода. Результатом синхронного сбора материалов по этой программе была публикация целого ряда статей и монографий о карпатском пастушестве в разных странах—участницах МККК¹⁴. Существенную помощь в разработке этой темы оказывает лингвистика, особенно лексикология. Лингвисты уделяют особое внимание языку пастушеского населения высокогорных районов Карпат, поскольку древние общие элементы в языках Карпатского ареала (так называемые карпатизмы) полнее всего отражены как раз в языке пастушеского населения¹⁵.

Суммарное рассмотрение всех этих материалов (как этнографических, так и лингвистических) позволяет уже сделать некоторые общие выводы.

Прежде всего поражает сходство в технике изготовления продуктов из овечьего молока, совпадающей у разных карпатских народов в деталях*. Почти одинакова и употребляемая в молочном хозяйстве большей частью деревянная утварь. Правда, у отдельных народов встречаются особые виды молочных изделий (например, своеобразной формы копченые сыры), но это объясняется скорее спецификой внутреннего рынка в отдельных странах. Очень сходна и терминология, связанная с молочным хозяйством, в основном неславянская.

Очень мало различаются постройки пастухов на высокогорных пастбищах на всем протяжении Карпат. Сходен и путь их развития от простейших навесов и переносных шалашей до постоянных срубных построек. Одинаково и функциональное использование отдельных помещений (или углов) этих построек, форма и размещение очага, одинаково устройство загонов для овец, мест для дойки и т. д.

Особенно много общих черт до недавнего времени можно было наблюдать в духовной культуре карпатских овцеводов, особенно в их календарных обычаях и обрядах. Очень много сходных обрядов в весеннем цикле, связанном с первым выгоном скота на летнее пастбище, в магических действиях и запретах во время изготовления молочных продуктов, в обычаях добывания огня трением и его сохранения, способах врачевания овец (вплоть до трепанации черепа) и др.¹⁶

Представляется очевидным, что отгонно-пастушеское хозяйство в период своего расцвета на Карпатах во многом определило

* Многие из этих приемов характерны для более широкого круга скотоводческих народов; например, заквашивание молока телячьим желудком и т. п.

культурную общность населения этого региона. Сходные черты в культуре сохранялись и тогда, когда валашские пастухи перешли к оседлому образу жизни и комплексному земледельческо-скотоводческому хозяйству. Процесс этот начался еще в XVIII в., а в XIX во многих областях овцеводство перестало играть роль главной отрасли хозяйства. Однако весьма показательно, что, несмотря на деформацию прежней культурно-хозяйственной общности, у населения Карпат устойчиво сохраняется общность во многих других компонентах традиционно-бытовой культуры.

Изучение этих компонентов составляет задачу целой группы субкомиссий МККК, внимание которых направлено на традиционную-бытовую культуру долинных поселений в Карпатах.

Это прежде всего субкомиссия по изучению народной архитектуры. Она вела сравнительное изучение разных объектов народной архитектуры, жилых домов, хозяйственных построек, церквей и т. д. Эта работа проводилась параллельно с подготовкой историко-этнографических атласов в большинстве стран карпатского региона.

Исследования последних лет показывают, что постройки каждого из карпатских народов в долинных поселениях по своим основным признакам неразрывно связаны с постройками в равнинных областях того же народа, и это лишний раз говорит о массовых переселениях в Карпаты жителей соседних равнинных поселений. В то же время жилые и хозяйственные постройки не только на высокогорных пастбищах, но и в долинах, на всем протяжении Карпат под влиянием сходных природных и хозяйственных условий приобрели множество характерных для всей Карпатской зоны особенностей, независимых от этнических границ¹⁷. До недавнего времени здесь преобладали деревянные срубные постройки со сходной строительной техникой. Жилые дома получили здесь более усложненную планировку, чем на равнине, они ставились под одной крышей с хозяйственными постройками, что было вызвано нуждами скотоводческого направления хозяйства и особыми климатическими условиями. На типе построек сказалось, кроме того, и занятие земледелием.

Прослеживаются общерегиональные черты и по материалам других субкомиссий, в частности по данным в области прикладного искусства и ремесел, словесного и музыкального фольклора¹⁸. В последнее время работа большинства из этих субкомиссий существенно активизировалась. В частности, в 1979 г. на международной встрече в Могилянах под Краковом были созданы коллективы по подготовке обобщающих (в пределах региона) трудов по проблемам высокогорного пастушества, народной архитектуры и фольклору народных движений в XVI—XIX вв. (так называемый разбойничий, или гайдуцкий фольклор). Были обсуждены проекты проспектов каждого из трудов, которые будут печататься в разных странах¹⁹. Основные идеи и методологиче-

ские принципы проспектов нашли поддержку у всех участников конференции.

Коллективный труд «Народная архитектура в Карпатах и на Балканах», который намечен к изданию в ЧССР, будет подготовлен в несколько этапов в течение данного пятилетия. В первую очередь будут проведены исследования по народному жилищу, затем по хозяйственным постройкам и, наконец, по памятникам сакральной архитектуры. Народные постройки — сложный культурно-бытовой комплекс. Кроме определения ареалов разных типов традиционного народного зодчества и их подробного картографирования, авторы ставят своей задачей изучить влияние природных, экономических и социальных факторов на формирование этих типов, исследовать характер межэтнических взаимосвязей в народном зодчестве. Особое внимание обращается на функциональное использование построек и выявление специфики народной архитектуры рассматриваемого региона и ее места в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе.

Руководство подготовкой и публикацией труда по фольклору «Разбойничье-збойничко-гайдуцкие песни славяно-карпатско-балканского региона конца XVII—XIX в. (Типология песенного творчества и типология народной истории и народного быта)» взяли на себя фольклористы СССР. Эта работа также будет проходить по этапам, она охватывает не только песенный, но и повествовательный фольклор.

Подготовка обобщения по пастушеству была поручена этнографам ПНР. Здесь разрабатывается весь круг проблем, связанных с отгонным овцеводством на Карпатах и Балканах: хозяйство, материальная и духовная культура.

Задача комплексного изучения народной культуры населения карпатского региона (как и карпато-балканского региона в целом) настоятельно выдвигает вопрос о сотрудничестве этнографов с лингвистами. В этой связи прежде всего следует напомнить, что международное сотрудничество лингвистов-карпатоведов началось еще задолго до участия этнографов в МККК²⁰. В настоящее время лингвистический аспект карпатоведческих исследований формулируется так: «Интерференция языков и диалектов карпатского ареала. Общекарпатский диалектологический атлас (ОКДА)». В работе над «Общекарпатским диалектологическим атласом» принимают участие академические институты и университеты многих социалистических стран. В течение многих лет на регулярных ежегодных конференциях обсуждались многие теоретические и методические вопросы Атласа, был подготовлен вопросник, собирается диалектный материал, составляются пробные карты.

После долгих дискуссий с содержанием будущего Атласа и его границах было решено, что ОКДА будет атласом лексико-семантическим. Seriously обсуждалось предложение о целесообразности

этнографическо-диалектологического атласа. Для всех было очевидно, что сбор материала о диалектных различиях требует знаний традиционно-бытовой культуры народа, что между лингвистическим и этнографическим направлениями карпатоведческих исследований существует самая тесная и непосредственная связь ²¹.

Однако при сопоставлении уже опубликованных диалектологических и этнографических карт атласов (например, «Польского этнографического атласа» и «Малого атласа польских говоров») было решено, что работа над комбинированным атласом не дает достаточно наглядных результатов. Выяснились принципиальные отличия диалектологического и этнографического картографирования: каждая из наук использует собственные принципы выделения дифференцирующих признаков. Этнограф дает детальное описание явления и отражает на карте все его варианты. Диалектолог же это делает только тогда, когда различия в реалии находят выражение в языке. Но это, разумеется, не исключает наличия определенной, быть может более сложной, чем представлялось ранее, взаимосвязи между этнографическими и лингвистическими данными. Поэтому в будущем следует подумать о возможностях более тесной координации наших работ с лингвистическими исследованиями. Последние публикации, связанные с подготовкой ОКДА, содержат очень важные и для нас материалы и выводы ²².

Сбор материалов по программам МККК должен быть закончен созданием историко-этнографического атласа Карпат, который и послужит фундаментом для будущих исследований. Но уже сейчас можно сделать некоторые выводы, касающиеся в первую очередь одной из центральных проблем этнографического изучения карпатского региона — проблемы соотношения в культуре его населения общего и специфического.

Как выясняется, карпатский регион не просто хозяйственно-культурная общность, а историко-этнографическая область, имеющая определенные черты не только в сфере культурно-хозяйственной, но и во многих других компонентах культуры. Это проявляется и в народной архитектуре, в народной одежде и ремеслах, в обрядах, словесном и музыкальном фольклоре. Нельзя не упомянуть в данной связи и о лингвистической интерференции Карпатского бассейна ²³.

Как и все общности подобного типа, карпатская историко-этнографическая область полиэтнична. Наряду с самосознанием и языком своеобразие соответствующих этнических общностей проявляется и в некоторых компонентах материальной и духовной культуры. Как всегда, наибольшую этническую нагрузку несут те элементы культуры, которые связаны не с утилитарно-производственной, а с эстетической сферой. Показательно, например, что в культурно-бытовом комплексе, характеризующем

народное жилище в Карпатах, наиболее отчетливо этнические функции выполняли украшения дома, способы отделки стен, форма крыши. Впрочем, эти внешние признаки дома имели и локальные особенности внутри расселения каждого народа ²⁴.

Весьма наглядно этническая специфика проявлялась в прикладном искусстве пастушеского населения разных народов. В частности, своеобразие орнамента и художественных приемов резьбы (по дереву и металлу) словацких пастухов показал в своей интересной работе один из старейших словацких этнографов Рудольф Беднарик ²⁵.

Отчетливо прослеживается этническое своеобразие в материалах по словесному и музыкальному фольклору ²⁶.

Вместе с тем анализ карпатских этнографических материалов показывает, что тот или иной обладающий этнической спецификой компонент культуры обычно в большей или меньшей мере выходит за пределы соответствующей этнической общности. В этом отношении наглядной иллюстрацией могут служить традиционные земледельческие орудия, употреблявшиеся на Карпатах ²⁷, а также типы жилища карпатских горцев в Чехии, Словакии, Польше, на Украине. Следует, однако, иметь в виду, что этнос не простая сумма отдельных компонентов культуры (включая язык), а весьма сложная система. И в целом этнический облик народа создается неповторимым сочетанием отдельных элементов культуры.

Суммируя в заключение все сказанное, очевидно есть достаточные основания признать, что этнографическое изучение населения Карпат позволяет выделить здесь три основные разновидности культурных комплексов: особый хозяйственно-культурный тип, сопряженную с ним историко-этнографическую общность и целый ряд частично входящих в нее этнических общностей. Взаимосвязь и взаимодействие этих изменяющихся во времени комплексов необходимо непременно иметь в виду при изучении любых аспектов культуры народов карпатского региона. Такого рода изменения во времени и представляют, как известно, этнические процессы; их изучение — одна из важнейших задач МККК. Задача эта, рассматриваемая в значительной мере как итоговая, чрезвычайно многогранна и ее хронологические рамки весьма обширны. Но, несомненно, особое значение в данном отношении представляет исследование, с одной стороны, этногенеза народов карпатского региона, с другой — происходящих здесь современных этнических процессов.

Первая из этих проблем, как мы отчасти могли убедиться, уже давно находится в поле зрения специалистов. Но многое еще предстоит сделать объединенными усилиями специалистов ряда научных дисциплин. В этой связи следует отметить, что в нашей стране большая работа в данном направлении начата в рамках координационного «Научного совета по комплексному изучению

проблемы славяно-волошских связей и происхождения молдавской народности», созданного в 1970 г. при Академии наук Молдавской ССР. В состав этого Совета входят историки, археологи, этнографы, лингвисты крупнейших научных учреждений страны²⁸.

Что касается современных этнических процессов, то недавно положено начало их специальному изучению²⁹. В отношении Закарпатской области УССР оно представляет тем больший интерес, что здесь на сравнительно небольшой площади живет около 30-ти различных народов. Постепенно разворачивается изучение современных этнических процессов (главным образом их этнокультурных аспектов) у народов карпатского региона и этнографами других европейских социалистических стран³⁰. Делаются первые шаги по координации этих исследований в рамках многостороннего сотрудничества³¹.

¹ В основу этого очерка положена статья: *Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н.* Этнографические аспекты карпатоведения.— *Сов. славяновед.*, 1973, № 6.

² См., например: *Рафалович И. А.* К вопросу о степени влияния Византии на материальную культуру населения Карпато-Днестровских земель в VI—IX вв.— В кн.: *Карпато-дунайские земли в средние века.* Кишинев, 1975, с. 7—19.

³ См.: *Линтур П. В.* Собираение и некоторые проблемы изучения фольклора Советского Закарпатья.— *Карпатский сборник (Ethnographia carpatica)*. Труды МККК. М., 1972, с. 81; *Велецкая Н. Н.* Рудименты язычества в похоронных играх карпатских горцев.— *Карпатский сборник (Ethnographia carpatica)*. М., 1976, с. 106—111; *Богатырев Н. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 167—297.

⁴ См.: *Шушарин В. П.* Этническая история Восточного Прикарпатья в IX—XII вв.— В кн.: *Становление раннефеодальных славянских государств.* Киев, 1972, с. 174—176; *Он же.* Размещение венгерских племен в Среднем Подунавье.— В кн.: *История Венгрии.* М., 1971, т. 1, с. 104.

⁵ См.: *Королюк В. Д.* Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971; *Он же.* Волохи и славяне «Повести временных лет».— *Сов. славяновед.*, 1971, № 4; *Он же.* К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет».— *Сов. славяновед.*, 1972, № 1; *Он же.* Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима».— В кн.: *Юго-Восточная Европа в средние века.* Кишинев, 1972.

⁶ *Macůrek J.* Valaši v západních Karpatech v XV—XVII st. Ostrava, 1959; *Dobrowolski K.* Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in den Nordkarpaten vom 14. bis 20. Jahrhundert.— In: *Viehzcucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa.* Budapest, 1961; *Кранджалов Д.* О современном состоянии изучения румынских влияний в Карпатах.— *Ethnographica.* III—IV. Brno, 1962; *Štika Y.* Etnografický region Moravské Valašsko, jeho vznik a vývoj. Ostrava, 1973.

⁷ *Ratkoš P.* Otázka vývoja slovenskej národnosti po začiatku 17 st.— *Historický časopis*, 1972, N 1, s. 38.

⁸ *Krandžalov D.* K dnešnému stavu studia rumunských vlivu v Karpatech.— *Studia Slavica Akademie Scientiarum Hungaricae.* Budapest, 1964, t. X, f. 3—4, s. 317—318.

⁹ См.: *Лугаверин Г. Г.* Влахи византийских источников X—XIII вв.— В кн.: *Юго-Восточная Европа в средние века*, с. 91; *Фрейденберг М. М.* Город и влахи в Далмации (XIV—XVI вв.).— В кн.: *Карпато-дунайские земли в средние века*, с. 198.

¹⁰ *Stíka V.* Význam slova «valách» v západních Karpatech.— Slovenský národopis, 1963, s. 396.

¹¹ *Habovštiak A.* O výskume pastierskej terminológie.— Slovenský národopis, 1961, № 4; *Он же.* La colonisation pastorale dans les Carpates et les pays slovaques.— Ethnologia Slavica. Bratislava, 1969, t. 1, s. 83—100; *Кленикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология: Ее генезис и распространение... М., 1974; *Vašek A.* Yazikové vlivy Karpatské salašnické Kolonizace na Morave: Konfrontačné-komparatistická gramatická studie karpatoLOGICKÁ. Praha, 1967; *Podolák Ján.* L'udové názvy oviec ako prameň etnografického studia pastierstva v Karpatoch.— Slovenský národopis, 1978, N 4, s. 601—625; *Herniczek-Morozowa W.* Terminologia polskiego pasterstwa górskiego. Warszawa, 1975, t. 1.

¹² Первым эту гипотезу высказал Ян Подолак: *Podolák J.* Niektoré problémy porovnávacieho štúdia ľudových kultur Karpatskej oblasti.— L'udová kultura v Karpatoch.— In: Ethnographia Carpatica. Práce Medzinárodnej komisie pre štúdium ľudovej kultury v oblasti Karpat. Bratislava, 1972, s. 54—55; *Он же.* The Pastoral Culture of the Carpathians as a Subject of an Ethnological Study.— Ethnologia Slavica, 1969, t. 1, p. 67—81.

¹³ *Podolák J.* Spôsoby chovu hospodarských zvierat: Návod na etnografický výskum. Bratislava, 1962.

¹⁴ *Podolák J.* Pastierstvo v oblasti Vysokých Tatier. Bratislava, 1967; *Jostowa W.* Pasterstwo na polskiej Orawie. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972; *Kopczyńska-Jaworska B.* Tradycyjna gospodarka sezonowa w Karpatach Polskich. Wrocław, 1969; *Dobrowolski K.* Studia podhalańskie: Pasterstwo Tatr polskich i Podhala. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, t. 8; *Reinfuss R.* Hodowla i pasterstwo na Lemkowszczyźnie. Nad rzeką Ropa: Zarys kultury ludowej. Kraków, 1966; *Мандыбура М. Д.* Гуцульское полонинское хозяйство второй половины XIX—XX в.— Карпатский сборник (Ethnographia Carpatica. М., 1976); *Тиводар М. П.* Народные традиции в полонинском пастушестве украинцев Раховщины.— Там же; *Paládi-Kovács A.* A keleti Palócok pasztorokodása: Muveltség es Hagymány.— Studia ethnologica Hungariae et centralis ac orientalis Europae. VII. Debrecen, 1965; *Dunäre N.* Milchprodukte in rumänischen Hirtenwesen, Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969; *Мандыбура М. Д.* Полонинське господарство Гуцульщини другої половини XIX — 30-х років XX ст. Київ, 1978; *Podolák J.* Ovčiarstvo v lázovej oblasti Krupinskej planiny.— Slovenský národopis, 1979, N 3, s. 339—358; *Штика Я.* Полонинское хозяйство в области западных Карпат.— В кн.: Этническая история восточных романцев: Древность и средние века. М., 1979, с. 127—146.

¹⁵ См., например: *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957; *Szyfer A.* Slownictwo pasterskie Tatr i Podhala.— In: Pasterstwo Tatr polskich i Podhala. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, s. 163—193; *Кленикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология: Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.

¹⁶ См. итоговую статью Яна Подолака: *Podolák J.* Niektoré problémy porovnávacieho štúdia ľudových kultur Karpatskej oblasti.— In: L'udová kultura v Karpatoch. Ethnographia Carpatica. Bratislava, 1972.

¹⁷ *Frolec V.* Kulturní vztahy v lidovém stavitelství.— L'udová kultura v Karpatoch.... s. 153—159; *Mruškovič Št.* Výskum ľudového staviteľstva a bývania v československej časti Karpat. L'udová kultura v Karpatoch..., s. 265—274; *Грацианская Н. Н.* К типологии традиционного народного жилища в украинских Карпатах в XIX — начале XX в.— СЭ, 1973, № 1.

¹⁸ *Sirovátka O.* K interpretaci sbojnické pověsti.— L'udová kultura v Karpatoch.... s. 337—344; *Klímová-Rychnová D.* Mezižanrové vztahy v oboru lidové pověsti v materiálech o Tatarech a Turcích v západní Karpatské oblasti.— L'udová kultura v Karpatoch..., s. 319—335; *Гошовский В. Л.* Роль мелогеографии в ареально-комплексных исследованиях Карпат.— Карпатский сборник (Ethnographia Carpatica). М., 1976, с. 123—129; *Виноградова Л. Н.* Срав-

нительный анализ славянских колядных песен карпатского региона.— Там же, с. 102—105; *Элшек О.* Исследование народной музыки в Карпатах и на Балканах.— *Carpatobalcanica*, 1977, VII, 1—2, с. 39—62; *Матейко К.* Украинський народний одяг. Київ, 1977.

¹⁹ Проекты проспектов обобщающих трудов, которые готовятся в рамках МКККБ, см.: *Carpatobalcanica*, 1977, VII, 1—2; 1978, VIII, 1980, IX.

²⁰ См.: *Дзендзелівський І. О.* Проспект лінгвістично-етнографічного атласу культури району Карпат (ЛЕАКК).— В кн.: *Культура та побут...*, стр. 11—13; *Habovštiak A.* O spolupráci jazykovědy a národopisu na úseku terminologie.— *Slovenský národopis*, 1961, N 1; *Он же.* Общеславянский лингвистический атлас и исследования пастбищно-скотоводческой терминологии.— *Carpatica*, 1963, N 3, s. 9—12; *Ondrus P.* O možnostiach spolupráce dialektológov a národopiscov na úseku ľudovej terminologie.— *Slovenský národopis*, 1967, s. 595—599.

²¹ См.: *Справочно-информационные материалы по ОКДА.* М., 1978.

²² См.: *Общекарпатский диалектологический атлас: Лингвистические и этнографические аспекты.* Кишинев, 1976; *Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов.* М., 1975; *Балканские исследования: Проблемы истории и культуры.* М., 1976.

²³ См.: *Бернштейн С. Б.* Взаимодействие языков карпато-дунайского ареала.— *Карпатский сборник.* М., 1976, с. 16—21.

²⁴ *Pražák V.* Der Einfluss der walachischen Kolonisation auf einige wichtige ethnographische Erscheinungen in der Wohnweise des östlichen Gebietes des CSSR.— *L'udová kultura v Karpatoch*, s. 165; *Frolec V.* K problematice karpatsko-balkanských vzťahù v ľudovém staviteľství.— *L'udová kultura v Karpatoch*, s. 158.

²⁵ *Bednárík R.* Pastierské rezbarské umenie. Bratislava, 1956.

²⁶ *Holý D.* K otázce vývoje sdružených lidových hudeb na východní Moravě a na Slovensku.— *L'udová kultura v Karpatoch*, s. 369—381; *Gašpariková V.* Adaptácia látok s historickou tematikou v oblasti slovenských Karpát.— Там же, с. 347—355.

²⁷ *Št'astný J.* Tradiční zemědělství na Valašku. Praha, 1971, s. 37—87; *Urbanová V.* Klasifikácia slovenského orného náradia.— *Slovenský národopis*, 1961, N 1; *Демченко Н. А.* Пахотные орудия румынского населения украинских Карпат.— *Карпатский сборник.* М., 1976, с. 79—82.

²⁸ Материалы конференций, проведенных Советом, были опубликованы в сборниках: *Юго-Восточная Европа в средние века.* Кишинев, 1972; *Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма.* Кишинев, 1973; *Карпато-дунайские земли в средние века.* Кишинев, 1975; *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев.* М., 1976.

²⁹ См.: *Гроздова И. Н.* Этническая специфика венгров Закарпатья.— *Карпатский сборник (Ethnographia Carpatica).* М., 1972, с. 95—107; *Грацианская Н. Н.* Современные культурно-бытовые процессы у словаков Закарпатья.— Там же, с. 108—115; *Филлимонова Т. Д., Шин М. Ф.* К вопросу об этнокультурном развитии немцев Закарпатья.— Там же, с. 116—138; *Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975.

³⁰ *Biernacka M.* Kszta'towanie się nowej spo'eczności wiejskiej w Bieszczadach. Wrocław, 1974; *Она же.* Spoločensko-kulturní integrační procesy v biesčadských vesnicích.— In: *Současná vesnice: Teoretické, metodologické a kulturně politické problémy integrovaného spoločenskoveďného výzkumu.*— *L'udová kultura a súčasnosť.* Brno, 1978, sv. 4.

³¹ *Carpatica.* Bratislava, 1972, IV, s. 1—2.

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Основные исследовательские объекты этнографии — этносы существуют, как известно, в определенной природной среде. И уже одно это требует выявления в экологической проблематике этнических аспектов, иначе говоря, рассмотрения ее с позиций этнографической науки. Такое рассмотрение представляется тем более необходимым, что эти вопросы либо трактуются крайне упрощенно, либо — и так случается чаще — просто остаются в тени.

Последнее объясняется в значительной мере тем, что экология человечества, привлекающая ныне пристальное внимание представителей самых различных научных дисциплин, рассматривается ими обычно (особенно применительно к современности) в глобальных масштабах. И это не случайно. В условиях научно-технической революции проблема взаимоотношения человека и природы поистине приобрела всемирный характер. И все же она не стала повсеместно нивелированной. Даже в наше время достаточно отчетливо проступают существенные различия во взаимодействии с природой отдельных человеческих общностей. Что же касается прошлого, то хорошо известно, что чем дальше в глубь веков (по крайней мере в пределах классовых обществ), тем это обстоятельство сказывалось сильнее.

Указанные различия детерминированы обеими сторонами интересующей нас системы — как природой, так и людьми. При рассмотрении той ее стороны, которую представляет природа, это, как правило, и учитывается — к ней подходят дифференцированно, выделяя различные ландшафты, биоценозы и т. п. Однако в меньшей мере дифференцированный в пространственном отношении подход необходим и при рассмотрении социальной стороны данной системы. Ведь с природой взаимодействует не человек вообще, не некое абстрактное общество, а отдельные виды конкретных групп людей. Особенно существенную роль в данном отношении играет их принадлежность к той или иной социально-экономической формации. Не случайно соответствующим различиям в нашей литературе обычно уделяется столь большое внимание при рассмотрении экологических проблем современности. Но проблема не сводится лишь к этому аспекту. Среди других факторов в рассматриваемой связи особое значение имеют различия этнического характера. Дело в том, что, как мы знаем, этнические общности отличаются от других социальных объединений значительной устойчивостью. А с этим в свою очередь связан такой весьма существенный для их взаимодействия с природной средой фактор, как относительная его продолжительность, нередко измеряемая не только столетиями, но и тысячелетиями.

Взаимодействие это имеет различные аспекты. Один из них связан с тем, что каждый природный ландшафт предоставляет обитающему в его пределах населению определенные возможности биологического существования. И этот аспект в связи с рассматриваемой проблемой необходимо непременно иметь в виду. Ведь признание за социальными факторами ведущей роли в функционировании человеческих общностей не дает оснований отрицать и значения биологических факторов. Более того, во взаимодействии общества и природы последние являются исходными¹. Представить взаимодействие человека с природой как существа только социального, изолированного от его биологической основы, абсолютно невозможно. Эта основа оказывает значительное влияние на проявление социальных (особенно социально-психологических) свойств людей. В частности, в зависимости от типа нервной системы, степени удовлетворенности физиологических потребностей, состояния здоровья люди ведут себя по-разному в одной и той же общественной ситуации².

Любое сообщество живых организмов, взаимодействуя с занимаемым им ландшафтом, прежде всего адаптируется к нему. Обычно при этом имеется в виду биологическая адаптация. Она свойственна и человеческим обществам, и ее изучению в настоящее время уделяется существенное внимание, в том числе и международными организациями³. Однако биологической адаптацией приспособление человеческих общностей к среде обитания, как известно, далеко не исчерпывается. Гораздо большее значение в этом отношении имеет система средств и механизмов внебиологической адаптации, составляющей одну из важнейших отличительных особенностей человечества. Такого рода системой является ничто иное как культура (в самом широком смысле слова), одна из основных функций которой как раз и заключается в адаптации людей к среде и поддержании их коллективной жизни⁴.

Культурная адаптация людей к природной среде это не только защита от присущих ей неблагоприятных для их жизни факторов, но и использование ими ресурсов этой среды для своего существования. Всем этим и обусловлено влияние природной среды на этносы и их компоненты. Наиболее осязаемое воздействие географическая среда оказывает на этнос (особенно на ранних стадиях общественного развития) в период его формирования, когда он как бы адаптируется, приспособляется к своей природной «нише». Однако этот общеизвестный факт не следует абсолютизировать, ибо процесс трудового взаимодействия человека с природой является непрерывным⁵. При этом следует иметь в виду, что географическая среда оказывает воздействие на этнос, как и на другие социальные общности, во многом опосредствованно — через развитие производительных сил. «Надо прежде всего не забывать, — отмечал еще Г. В. Плеханов, — что естественная

среда становится важным фактором в историческом развитии человечества не благодаря своему влиянию на человеческую природу, но благодаря своему влиянию на развитие производительных сил»⁶. Сложный механизм этого влияния, в частности, связан с тем, что развитие производительных сил, вовлекая в сферу производства новые, ранее не использовавшиеся компоненты природы (например, полезные ископаемые, гидроресурсы и т. п.), само оказывается в конечном счете в определенной зависимости от их потенциальных ресурсов и, следовательно, либо стимулируется, либо тормозится ими. Стало быть, при рассмотрении влияния географической среды на развитие этнических процессов недопустимы как «географический нигилизм», так и преувеличение этого влияния. По справедливому замечанию Ю. К. Ефремова, такие преувеличения уже не раз компрометировали сам отправной постулат проблемы взаимодействия природы и общества⁷. Одно из сравнительно недавних проявлений такого рода тенденций представляет тезис Л. Н. Гумилева, что для этногенеза являются благоприятными только те регионы, где сочетаются разнородные ландшафты; напротив, одноландшафтные территории, по его словам, никогда не были местом возникновения этносов⁸. Этот тезис иллюстрируется картой, на которой выделены, так сказать, «этногенные» территории; причем за пределами этих территорий оказались Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия, большая часть Индии и т. д.⁹ В данной связи трудно не согласиться с заключением, что избранные автором критерии ландшафтного разнообразия субъективны, а его концепция в целом не убедительна¹⁰. Другими словами, она не может служить основанием для заключения об определяющей роли географической среды для этногенетических процессов. О несостоятельности подобных выводов в духе антропологической школы Ф. Ратцеля достаточно наглядно свидетельствует тот факт, что хозяйство и быт народов (не говоря уже об их социальных отношениях) обычно изменяются неизмеримо быстрее, чем изменяется их географическая среда. Не менее показательны и то, что при перемене территории (например, в результате переселения) этнос не только не исчезает, но и в значительной мере сохраняет свои черты. Об отсутствии «жесткой» взаимосвязи в системе «этнос и среда» свидетельствует и то обстоятельство, что отдельные этносы-народы далеко не одинаково используют различные возможности, предоставленные одним и тем же географическим ландшафтом для существования людей.

Выбор тех или иных из такого рода возможностей зависит прежде всего от уровня социально-экономического развития общества. Не случайно в самых различных частях ойкумены у народов, находившихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и в сходных природных условиях, нередко складывались аналогичные системы использования при-

родных ресурсов, так называемые хозяйственно-культурные типы¹¹. Вместе с тем, как отмечал еще Л. Мечников, «историческая ценность той или другой географической среды, предполагая даже, что она в физическом отношении при всех обстоятельствах остается неизменной, тем не менее бывает различна в разные исторические эпохи»¹². Особенно расширила соответствующие возможности промышленная революция, с которой связана победа капиталистического способа производства. В докапиталистический период обширные территории с экстремальными физико-географическими условиями не обладали достаточно благоприятными предпосылками для прогресса в области хозяйства, а тем самым для возникновения и последующего развития классовых обществ. Сюда относятся влажный экваториальный пояс, частично высокогорья и особенно полярная зона¹³. Промышленная революция открыла новые возможности для использования природных ресурсов, в том числе в экстремальных условиях. Эти возможности лавинообразно возрастают в условиях научно-технической революции, создавшей необходимые предпосылки для освоения людьми природных богатств всех географических зон нашей планеты и, более того, для выхода за ее пределы.

Но при всей значимости уровня социально-экономического развития человеческих коллективов для использования ими ресурсов отдельных ландшафтных зон, вариабельность хозяйственной деятельности в пределах таких зон не может быть отнесена только за счет этого фактора. Дело в том, что истории известно немало случаев, когда народы, находившиеся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и в одинаковых природных условиях, не создавали одних и тех же хозяйственно-культурных типов, используя аналогичные ресурсы весьма различно. Такого рода вариабельность обусловлена в первую очередь специфическими культурными традициями отдельных этнических общностей. Она может проявляться в самых разнообразных сферах взаимодействия человека и природы. Обстоятельство это, однако, в работах, посвященных экологии человека, обычно остается в тени. Между тем оно, на наш взгляд, заслуживает более пристального внимания. В противном случае мы рискуем упростить проблему.

Поэтому представляется необходимым специально остановиться на вопросе о специфике использования различными этническими общностями природных ресурсов. Рассматривая же данный вопрос, прежде всего надо напомнить, что осваиваемые человеком «внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни... и естественное богатство средствами труда»¹⁴. Вместе с тем следует иметь в виду и диалектическую взаимосвязь обоих видов естественного богатства. Даже в присваивающем хозяйстве

использование человеком даров природы в той или иной мере сопровождается применением орудий труда (например, употребление палки-копалки некоторыми собирателями); в производящем же хозяйстве потребление людьми природных ресурсов почти всегда опосредствовано их трудовой деятельностью.

Уже на стадии присваивающего хозяйства примерно в одних и тех же природных условиях отдельные этнические общности подчас по-разному используют «средства жизни». При этом обнаруживается весьма устойчивая связь производственных навыков с этносом. В этом отношении весьма показательна судьба племени марабри — охотников и собирателей Таиланда. Несмотря на регулярные экономические контакты с более развитыми соседями — различными тайскими народами (некоторые группы марабри перешли даже на тайский язык), они до сих пор не знакомы даже с зачатками земледелия. Хозяйственная деятельность их сводится к собирательству и загонной охоте. Мужчины охотятся на диких зверей, крыс, змей, вооруженные копьями длиной 3—4 м. Лука и стрел марабри не знают. Женщины и дети занимаются собиранием клубней, диких плодов, меда, воска, червей. Единственное домашнее животное у них — черные собаки¹⁵.

Значительный интерес в рассматриваемой связи представляют также этнографические материалы о таких существующих и поныне собирателях, как кадары Южной Индии. В настоящее время в их жизни ведущую роль играет как денежный, так и прямой обмен с соседями. Если еще несколько десятилетий тому назад все основные потребности кадаров могли быть удовлетворены собственными силами, то сейчас лишение кадаров обмена означало бы полный развал их хозяйства. И тем не менее кадары остаются собирателями, и внешне это выглядит как и раньше: значительную часть года кадары проводят в более или менее продолжительных походах за лесными продуктами. Но задачи собирательства стали иными, состав собираемых продуктов леса теперь диктуется не потребностями самих собирателей, а требованиями обмена. Кадара теперь интересуют не съедобные корни, а те предметы, которые в данный момент пользуются большим спросом на индийском рынке: имбирь, кардамон, мед, ценная древесина и т. д.¹⁶ Таким образом, хозяйство кадаров, оказавшись нацеленным на рынок, сохранило, однако, свой собирательский характер. Иначе говоря, традиция собирательства оказалась чрезвычайно устойчивой.

Что касается скотоводческих народов, то устойчивость их хозяйственной традиции общеизвестна. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует история многочисленных средневековых нашествий кочевников на оседлое население Евразии, сопровождавшееся обычно превращением значительной части земледельческих угодий в пастбища. В несколько ином плане этническую

окрашенность скотоводческих традиций можно продемонстрировать на примере скотоводов-влахов, ведущих свое происхождение от древнего романизированного населения Балканского полуострова. Представление о том, что влахи — непременно пастухи, настолько прочно утвердилось в сознании окружающих их народов, что в позднее средневековье в балкано-карпатском регионе влахами стали именовать также славян, занимающихся отгонным скотоводством¹⁷.

О весьма прочных хозяйственных традициях народов свидетельствует и история земледелия. В этом отношении достаточно показателен пример русских переселенцев в Сибирь в XVII—XIX вв., приложивших огромные усилия по приспособлению традиционных приемов хлебопашества к условиям вновь осваиваемых территорий¹⁸. Устойчивая связь систем земледелия с этносом наблюдается и в наше время, особенно в тех регионах земного шара, где капиталистические отношения еще не проникли в земледелие, или это проникновение еще слабо, как, например, в странах Юго-Восточной Азии. В этой связи можно упомянуть прежде всего малайцев, бирманцев, ведущих исключительно орошаемое пашенное земледелие, или многочисленные народы из группы горцев, занимающихся подсеčno-огневым земледелием. Подобные системы земледелия обычно не учитывают всего многообразия местных почвенно-климатических условий¹⁹.

Дает подчас себя знать этническая дифференциация хозяйственных традиций, касающихся средств жизни, и в условиях социализма. Одним из свидетельств этого может служить сохранение определенной сельскохозяйственной специализации у трех населяющих Забайкалье (притом нередко чересполосно) народов: бурят, русских и эвенков. Если у русских главной отраслью сельского хозяйства остается земледелие, то у бурят, хотя оно и получило под влиянием русских заметное распространение, все же ведущее значение сохраняет скотоводство²⁰. Что касается эвенков, то для их хозяйства до сих пор характерно сочетание трех отраслей: охоты, оленеводства и рыболовства²¹.

Исторически хозяйственная специализация каждого этноса, как правило, обусловлена соотношением в момент возникновения этой специализации двух факторов: уровня его социально-экономического развития и характера среды обитания. Именно от них прежде всего зависит выбор данным этносом того или иного способа (оригинального или заимствованного) использования естественных средств жизни. Но насколько прочно в нем закрепится такая хозяйственная система, это во многом определяется дальнейшей стабильностью как его социально-экономической жизни, так и природной среды. В случае их длительной стабильности сложившаяся система хозяйства превращается в устойчивую традицию и приобретает как бы силу инерции. И поэтому изменение уровня социально-экономического развития этноса и даже

среды его обитания может далеко не сразу повлечь за собой смену традиционной отрасли хозяйства. Особенно наглядно последнее обстоятельство проявляется в случае миграции этноса. Этим, в частности, объясняются упомянутые выше различия в хозяйственной специализации бурят и русских Забайкалья. Правда, здесь имелись достаточно благоприятные условия как для скотоводства, так и для земледелия. Между тем известны случаи, когда миграции этноса сопровождались сохранением традиционной для него системы хозяйства, несмотря даже на отсутствие в новом регионе расселения достаточно благоприятных для этого экологических условий²².

Устойчивая связь с этносом подчас обнаруживается в использовании не только средств жизни, но и средств труда. Особенно это характерно для докапиталистических социально-экономических формаций, а также для пережиточных укладов. В таких случаях различные разновидности одних и тех же типов орудий труда часто встречаются у соседних народов, живущих в одинаковых социально-экономических и природных условиях и даже относящихся к одному хозяйственно-культурному типу. В частности, разнообразие орудий обработки земли (колов для рыхления почвы, мотыг, заступов, а также пахотных орудий) неоднократно отмечалось в этнографической литературе. По-видимому, в данном отношении существенную роль играет простота орудий труда, вследствие чего различия в их конструкции не имеют решающего значения с точки зрения уровня их развития. О слабой зависимости уровня развития докапиталистических обществ от типов земледельческих орудий наглядно свидетельствует достижение стадии классового общества индейцами Центральной Америки, применявшими в земледелии до прихода европейцев только каменные и деревянные орудия. Аналогичное явление наблюдается на о. Фиджи у меланезийцев²³. Следует также иметь в виду, что особенности внешнего вида традиционного сельскохозяйственного инвентаря подчас отражают и самобытность эстетических вкусов различных народов.

В докапиталистических обществах связь с этносом обнаруживается не только в сельскохозяйственном инвентаре, но подчас и в орудиях ремесленного производства. Достаточно вспомнить своеобразие кузнечных, плотничьих, ювелирных и т. п. инструментов, найденных археологами в разных странах мира. Основная причина этого, очевидно, та же, что и для традиционных сельскохозяйственных орудий, — их простота.

По мере усложнения производственной техники, начиная с эпохи промышленной революции и становления капитализма, создание полностью заново «национальных» вариантов уже существующих средств труда становится все менее рентабельным. Особенно это оказывается ощутимым в условиях научно-технической революции, чему немало способствует как характерный для

нее быстрый моральный износ техники, так и необычайно возрастающие международные, в том числе экономические связи.

Правда, многие современные однотипные технические средства (автомобили, станки, приборы и т. п.), выпускаемые в разных странах, имеют, как правило, определенные отличия. Но, во-первых, такие отличия в значительной мере связаны с неодинаковыми практическими возможностями соответствующих технических средств, т. е. отражают разный уровень технического прогресса и, стало быть, имеют не столько пространственный, сколько стадийный характер. Во-вторых, такие технические средства обычно не успевают превратиться в традиционное для данного этноса явление как вследствие уже упоминавшегося быстрого их морального износа, так и особенно в силу интенсивного межгосударственного торгового обмена (в том числе покупки лицензий). Наконец, следует учитывать, что если новая техника и приобретает роль локальных символов, то таковые имеют не столько национальное (этническое), сколько общегосударственное значение (обстоятельство весьма существенное для такого многонационального государства как СССР). Все это в целом и предопределило тот хорошо известный этнографам факт, что современные технические средства обычно не выполняют сколько-нибудь значительной этнодифференцирующей роли.

Примерно подобным же образом дело обстоит и с такими естественными богатствами, как полезные ископаемые и энергетические ресурсы. Их добыча и использование в разных странах также имеет свои особенности. Но если в прошлом эти особенности нередко облекались в специфические для того или иного этноса формы, то в наше время они главным образом связаны с различиями соответствующих ресурсов и масштабов их использования и, стало быть, характеризуют не этнические, а экономические параметры современных наций.

Одним словом, в производственной деятельности людей этнические различия проявляются при использовании естественных богатств не столько как средств труда, сколько средств жизни.

Этническое своеобразие отчетливо проступает и в потреблении самих естественных средств жизни. Особенно показательна в этом отношении пища, являющаяся важнейшим энергетическим источником жизнедеятельности людей. Различия между народами касаются и состава потребляемой пищи, и способов ее приготовления, и времени приема и т. д. Так, для одних народов основу пищевого рациона составляют продукты земледелия (например, славянских народов), для других — мясо (например, народов Севера), третьи — являются ихтиофагами, употребляющими в пищу главным образом рыбу (например, нанайцы, нивхи, ульчи). Хорошо известно существование у многих народов запретов на употребление отдельных видов пищи. В частности, народы Индии в большинстве своем не едят говядины; народы, исповедующие

христианство, — конины; исповедующие ислам и иудаизм — свинины; ряд народов почти не употребляет в пищу молока (например, китайцы и вьетнамцы) и т. д. Если в Европе почти все народы принимают пищу по крайней мере три раза в сутки, то многие народы Азии и Африки — лишь два раза.

Конечно, эти и им подобные различия нередко вызваны природными условиями (как ландшафтными, так и климатическими). Однако далеко не все. Многие из них могут быть отнесены лишь на счет тех или иных культурных традиций народов, иначе говоря, этнических факторов. Это становится особенно очевидным в тех случаях, когда указанные различия относятся к народам, населяющим один и тот же регион. Возьмем, к примеру, Кавказ. Если, скажем, у осетин довольно широко распространено свиноводство, то у многих других народов Северного Кавказа оно почти полностью отсутствует; несомненно сказываются былые религиозные различия (значительная часть осетин исповедовала христианство, большинство же народов Северного Кавказа были мусульманами). Другой пример: если грузинский земледелец предпочитает готовить кислый хлеб, то армянский — пресный.

Достаточно наглядно проявляются этнические традиции и в такой сфере экологии человечества, как внебиологическая адаптация народов к климатическим условиям среды обитания. В этой связи можно сослаться, например, на строительные традиции русских переселенцев XVII — начала XX в. Так, на юге Украины они строили рубленые дома из толстых бревен, в то время как окружающее их украинское население жило в саманных и глинобитных хатах. Лес русские переселенцы привозили за многие сотни километров. Это было доступно отнюдь не каждому, тем не менее первоначально многие неимущие семьи предпочитали жить по нескольку лет в примитивных землянках, чтобы накопить средства на постройку единственного, с их точки зрения, жилища — жилища из дерева²⁴.

Этнические традиции проступают и в таком компоненте материальной культуры, предназначенном для защиты людей от неблагоприятных климатических воздействий, как одежда. Такого рода традиции подчас устойчиво сохраняются, казалось бы, вопреки тем требованиям, которые диктуются климатическими факторами. Так, древнейшие обитатели Японии — айны, прибывшие сюда, судя по всему, из Океании, несмотря на жизнь в суровом климате (о. Хоккайдо), летом носят лишь набедренные повязки, подобно жителям стран, лежащих у экватора.

Отчетливо проявляются этнические традиции и в такой специфической сфере культуры, ориентированной на защиту человека от неблагоприятных воздействий природной среды, как медицина. Известно, в частности, что находящиеся в одних и тех же природных условиях соседние народы нередко пользуются для лече-

ния одинаковых болезней совершенно иными лечебными средствами, в том числе лекарственными растениями ²⁵.

Связи с этносом обнаруживаются не только в самой культурной адаптации к среде обитания, но и в ценностных ориентациях, касающихся ее охраны. В этом отношении каждый народ имеет определенные традиции. Такого рода традиции, в частности, весьма наглядно проявляются в обычаях, регламентирующих число убиваемых на охоте зверей. Например, по традиции у осетин, так же как и у некоторых других народов Кавказа, даже в том случае если на охоте было несколько человек, не разрешалось убивать больше двух-трех зверей, а также стельную дичь; у населения Поморья еще в XVI—XVII вв. практиковалось принятие постановлений, устанавливающих сроки начала охоты; у шерпов на севере Непала в неурожайные годы сбор дикорастущей аризепы, дающей крахмалистый корнеплод, разрешался не более 15 дней ²⁶. Перечень подобных примеров, касающихся как экофильного, так и экофобного отношения к природе у самых различных народов мира, легко продолжить ²⁷.

Итак, приведенные материалы, надо полагать, не оставляют сомнения в том, что взаимодействие человека с природой у каждого народа имеет свои особенности, дающие о себе знать в самых различных сферах. Эти особенности — одно из проявлений полиморфизма этнической культуры, обычно повышающего возможности ее адаптивных функций ²⁸. Такой полиморфизм позволяет всей совокупности этносов, обитающих в той или иной экологической нише, полнее использовать ее ресурсы. Но есть и другая весьма существенная сторона этого полиморфизма — различные этносы в силу особенностей своих традиций (при прочих равных условиях) далеко не одинаково воздействуют на одну и ту же природную среду.

Иначе говоря, характеризуя отношения этноса и природы, не следует забывать, что такого рода отношения имеют двусторонний характер. А это в свою очередь позволяет рассматривать этнос и среду его обитания как определенную целостность — этноэкологическую систему. Правда, на разных этапах всемирно-исторического процесса значимость для жизни общества таких систем была далеко не одинакова. По мере технологического развития общества она, очевидно, снижалась, поскольку ослабевало непосредственное влияние на него природы. Но на ранних в стадийном отношении этапах всемирно-исторического процесса этноэкологическим системам, несомненно, принадлежала немалая роль в жизни общества. И исследование этих систем — одна из существенных функций этногеографии ²⁹.

При определении ее актуальных задач стало быть отнюдь не следует сбрасывать со счетов значение этнических факторов для тех или иных аспектов современных экологических проблем. Хотя в данном отношении роль такого рода факторов в условиях

научно-технической революции неуклонно снижается, тем не менее они, как мы могли убедиться, дают о себе знать в значительно большей мере, чем это может показаться на первый взгляд. И с данным обстоятельством нельзя не считаться. Ведь несомненно, что при одних и тех же природных условиях мероприятия по охране, например, леса у земледельческих народов должны иметь несколько иной характер, чем у народов, главным занятием которых является скотоводство или тем более охота. При этом, в частности, следует иметь в виду, что в сфере традиционной деятельности у каждого народа обычно существуют сложившиеся нормы, обеспечивающие экологическое равновесие. Напротив, в новых для данного народа отраслях хозяйства подобные ценностные ориентации и установки, как правило, отсутствуют. И это требует уделения особого внимания к экологическим последствиям распространения на территории обитания того или иного народа новых для него, т. е. нетрадиционных в этническом отношении видов хозяйственной деятельности.

¹ Федосеев П. Н. Философская интерпретация научно-технической революции.— ВФ, 1976, № 10, с. 13.

² См.: Абакумов В. А., Шагалов А. Г. Методологические аспекты проблемы взаимодействия человека и биосферы.— В кн.: Взаимодействие природы и общества. М., 1973, с. 304.

³ См.: Барабашова З. И. Человек и биосфера.— В кн.: Человек и среда обитания. Л., 1974, с. 131—139.

⁴ Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972, с. 40.

⁵ См.: Пуляркин В. А. О содержании понятия «географическая среда» и влиянии географической среды на общество.— В кн.: Природа и общество. М., 1968, с. 76.

⁶ Плеханов Г. В. Очерки по истории материализма.— Избранные философские произведения. М., 1956, т. II, с. 157.

⁷ См.: Ефремов Ю. К. Важное звено в цепи связей человека с природой.— Природа, 1971, № 2, с. 78.

⁸ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера.— Природа, 1970, № 2, с. 52.

⁹ Там же, с. 53.

¹⁰ См.: Ефремов Ю. К. Важное звено..., с. 79; Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории.— ВИ, 1974, № 12.

¹¹ См.: Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ, 1965, № 4, с. 4.

¹² Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924, с. 69.

¹³ См.: Пуляркин В. А. Природа и общество в многоукладных (докапиталистических) формациях.— Взаимодействие природы и общества. М., 1973, с. 237.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 521.

¹⁵ См.: Иванова Е. В. Марабри-охотники и собиратели Таиланда.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 145.

¹⁶ См.: Маретина С. А. Социальная организация кадров.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы, с. 115—116.

¹⁷ См.: Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н. Этнографические аспекты карпатоведения.— Сов. славяновед., 1973, № 6, с. 66; Фрейденберг М. М. Го-

род и влады в Далмации (XIV—XV вв.).— В кн.: Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 203—210. См. также выше, с. 235.

¹⁸ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 29.

¹⁹ Чеснов Я. В. Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии.— СЭ, 1972, № 4, с. 68—69.

²⁰ См.: Токарев С. А. Этнография народов СССР, 1956, с. 447.

²¹ Там же, с. 498.

²² Чеснов Я. В. Социально-экономические уклады..., с. 69.

²³ Там же, с. 67.

²⁴ Современные этнические процессы в СССР, М., 1977, с. 179.

²⁵ См. очерк «Народная медицина как предмет этнографического изучения», публикуемый в этой книге.

²⁶ Sacherer J. M. Sherpas of the Rolwaling valley. Human adaptation to a Hrasch mountain environment.— Objets et Mondes, 1974, t. XIV, f. 4, p. 318.

²⁷ См.: Арутюнов С. А. Культурологические исследования и глобальная экология.— Вестник АН СССР, 1980, № 12.

²⁸ См.: Сергеев Д. А., Арутюнов С. А. Стабильность и лабильность в эволюции орудий гарпунной охоты у древних эскимосов.— IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973): Доклады советской делегации.— М., 1973, с. 18.

²⁹ В этой связи заслуживает упоминания недавно предпринятая у нас попытка осуществления такого рода исследования на материалах, относящихся к традиционным этноэкологическим системам у народов Крайнего Севера (см.: Крупник И. И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: К методике изучения этноэкологических систем. Автореф. канд. дис. М., 1977).

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: УЗЛОВЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНЕЗИСА НАРОДНОСТЕЙ

Процессы формирования народностей — основных этнических общностей докапиталистических классовых обществ — чрезвычайно сложны и противоречивы. Они были обусловлены целым рядом факторов. Одним из таких факторов, способствовавших трансформации племенных этнических общностей в народности, было усиление межплеменных контактов по мере роста общей численности населения. «Возрастающая плотность населения, — писал Ф. Энгельс, — вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делает необходимым даже и слияние их»¹. Другим, еще более важным фактором формирования народностей были раннеклассовые государства. Часто они возникали на базе группы родственных племен². В таких случаях наряду с уже имевшейся у этих племен близостью языка и культуры (в узком смысле слова) государство объединяло их в территориально-политическом отношении, тем самым способствуя складыванию определенной общности экономических, социальных и других интересов. На процессах формирования народностей сказывались и характерные для рубежа бесклассовых и классовых обществ массовые переселения, сопровождавшиеся завоеванием одних этнических групп другими. В результате в рамках одного государства нередко оказывались неродственные племена.

Вопрос о роли миграций в генезисе новых народностей заслуживает особого внимания. Дело в том, что в прошлом долгое время миграциям, которые изучались в основном на лингвистическом материале, отводилась определяющая этногенетическая роль. Позднее под влиянием лингвистической теории Н. Я. Марра некоторые примитивно-миграционистские теории происхождения народов были у нас пересмотрены. Однако при этом оказались допущенными крайности иного порядка — почти полное отрицание роли миграций. Дискуссия по вопросам языкознания в 1950 г. в значительной мере способствовала преодолению такого рода крайностей. Вместе с тем привлечение новых массовых археологических и особенно антропологических материалов предостотвратило восстановление прежних миграционистских построений. И все же вопрос о роли переселенцев (и их соотношении

с автохтонным населением) в возникновении многих народов до сих пор остается дискуссионным³. Все это и заставляет специально остановиться на данном вопросе в целом. Представляется существенным особо обратить внимание на те переселения народов, которые были связаны со становлением и развитием раннеклассовых отношений. Таковы, например, массовые миграции эпохи Великого переселения народов. Основная причина этих миграций — давление численно возросшего населения на производительные силы⁴.

Массовые миграции, как известно, чрезвычайно ускоряли характерный для перехода от доклассового общества к классовому процесс замены основных этносоциальных ячеек первобытнообщинного строя — «племен» новыми, более крупными этносоциальными общностями — «народностями». При этом перемещение той или иной этнической общности на новую территорию, как правило, влекло за собой столкновение ее с уже обитавшей здесь ранее другой общностью. Вследствие неравномерности общественного развития такие этнические общности обычно находились на разных социально-экономических уровнях и их столкновение нередко завершалось тем, что автохтонное население оказывалось завоеванным пришельцами. В социальном отношении эти завоевания, как и любые другие, могли иметь тройкий характер: 1) завоеватели навязывают побежденным собственный способ производства; 2) победители оставляют без изменений способ производства побежденных, довольствуясь данью; 3) происходит взаимодействие двух способов производства — завоевателей и побежденных, в ходе которого возникает новый способ производства⁵.

Что касается этнических последствий переселений, то они могли быть различными. В частности, истории известно немало случаев переселений отдельных частей этноса на еще неосвоенные или слабоосвоенные другими этносами территории. Таков, например, процесс освоения русскими Сибири в XVII—XIX вв. Он хотя и сопровождался этнокультурными контактами с аборигенным населением, однако не повлек за собой возникновения новых этнических общностей.

Однако в условиях раннеклассовых отношений переселения часто сопровождалась интенсивными этногенетическими процессами. При этом такие процессы, как правило, одновременно имели объединительный характер. Более того, начальной точкой формирования новой этнической общности в результате переселений обычно выступал не столько сам момент миграции этнической общности или отделения переселяющейся этнической группы от «материнского» этноса, сколько тот период, когда между переселенцами и автохтонными этническими единицами начиналось взаимодействие, в ходе которого у них появлялись общие характерные черты. Завершался же процесс этногенеза, как еще раз справедливо было подчеркнуто в недавно вышедшей работе

М. В. Крюкова, М. В. Сафронова и Н. Н. Чебоксарова, в момент появления у участвующего в этом процессе населения отчетливого этнического самосознания, внешним проявлением которого становилось общее самоназвание⁶.

В процессе этногенеза, связанного с взаимодействием завоевателей и аборигенов, обычно происходит синтез этнического субстрата и суперстрата*, в ходе которого и возникает новый этнос (разумеется, субстрат и суперстрат сами могли быть многослойным продуктом предшествующего синтеза). Очевидно, что поскольку взаимодействующие при этом этносы, как правило, не находятся в близком родстве, постольку в данном случае речь идет о процессах, именуемых нами «этногенетической миксацией». Сопровождающий такого рода процессы межэтнический синтез чрезвычайно многообразен, особенно в тех случаях, когда он касается весьма отдаленных по своим основным параметрам этнических общностей. Дело в том, что в подобной ситуации взаимодействие отдельных компонентов этнических единиц, участвующих в генезисе той или иной народности, происходит не только различными темпами, с различной интенсивностью, но и нередко не в одинаковых направлениях. В этой связи следует дифференцированно подходить по крайней мере к изменениям в сфере языка, бытовой культуры, физического типа и этнического самосознания, включая самоназвание.

Наглядной иллюстрацией этого, например, может служить судьба этнонима «болгары». Его первоначальные носители, так называемые протоболгары — турки, в конце VII в. н. э. переселились на Балканы и подчинили находившиеся здесь славянские племена. И хотя сравнительно немногочисленные протоболгары довольно скоро полностью растворились в массе славянского населения, однако этноним «болгары» в конечном счете стал самоназванием всего этого населения**.

* В отличие от обычного употребления этих понятий в лингвистике мы подразумеваем под «этническим субстратом» местное, а под «этническим суперстратом» — пришлое население (ср.: *Абаев В. И.* О языковом субстрате. — Ин-т языкозн. АН СССР / Докл. и сообщ., 1956, № 9, с. 50—69).

** Процесс этого превращения был, очевидно, не очень простым. В данном отношении показательно, что в византийских источниках конца IX в. население Болгарии именуется не только «болгарами», но и «славяно-болгарами» (см.: *Литаврин Г. Г.* Этническое самосознание южных славян в VII—X вв.: к проблеме формирования раннефеодальных народностей. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 254). Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что процесс принятия этнонима «болгары» основной массой населения страны был в это время еще не завершен. Поскольку же такому завершению предшествовало наименование соответствующего государства «Болгарией», постольку есть основания полагать, что общее самоназвание у населения этого государства формируется не в результате непосредственного распространения наименования «болгары», а путем превращения его сначала в политоним и лишь затем в единый

Игнорирование асимметричного характера синтеза, происходящего при генезисе народностей, неизбежно ведет к упрощенной трактовке этого процесса. Именно с подобным подходом в первую очередь связана распространенность представлений, согласно которым в большинстве случаев взаимодействие завоевателей и аборигенов приводит к простой, односторонней ассимиляции последних. К данному варианту обычно относят значительную часть тех случаев, когда языком-победителем оказывается язык суперстрата при одновременном отсутствии существенных следов влияния субстрата *. Но поскольку такое отсутствие, в свою очередь, представляется возможным либо при полном оттеснении завоевателями аборигенов с их территории, либо после уничтожения их большей части, то соответственно субстрат, как правило, изображается относительно малочисленным. Между тем при таком толковании вопроса о соотношении аборигенов и завоевателей в случае победы языка последних нередко упускается из вида, что показания лингвистики при решении данного вопроса не могут служить единственным критерием. Об этом, в частности, все более весомо начинают свидетельствовать накапливаемые антропологические материалы. В свете этих материалов многие из тех явлений в истории переселений народов, которые обычно квалифицируются как случаи полной или почти полной ассимиляции завоевателями аборигенов, в действительности оказываются сложным синтезом двух этносов⁷, т. е., как уже говорилось, этногенетической миксацией. В подтверждение можно привести факты, относящиеся к этнической истории самых различных частей ойкумены. Ограничимся несколькими, на наш взгляд, достаточно наглядными иллюстрациями.

В современном славяноведении, например, широко распространено представление, что после переселения южных славян на Балканы аборигены быстро растворились в монолитной славянской среде. При этом, как правило, подчеркивается немногочисленность населения, обитавшего на занятой южными славянами обширной территории, которая простиралась от Восточных Альп до Пелопоннеса⁸. Роль фракийско-иллирийского субстрата в формировании новых этнических общностей на Балканах обычно сводится к констатации некоторого его влияния на словарный фонд, а отчасти и грамматический строй южнославянских язы-

---

для всех жителей страны этноним. Следовательно, на начальной стадии этого процесса наименование «болгары» отражало не столько сознание принадлежности всего населения Болгарии к определенному этносу, сколько к данному государству. (Ср.: *Графенауер Б.* Выступление в дискуссии.— In: *Actes du premier congrès intern. des études balkaniques et Sud-Est Europ.* Sofia, 1963, III, p. 309).

* При этом в лучшем случае дело ограничивается указанием на наличие в суперстрате следов влияния отдельных элементов языка и культуры ассимилированного субстрата.

ков⁹. Кроме того, в специальной литературе можно встретить указания на длительное сохранение на Балканах отдельных элементов материальной культуры, обычаев и обрядов, восходящих к дославянскому населению¹⁰.

Между тем антропологические данные позволяют критически отнестись к этой точке зрения. Дело в том, что в оценке роли субстрата всегда существенна роль антропологических и палеоантропологических исследований. Это обстоятельство объясняется рядом присущих антропологическому материалу моментов, делающих его эффективным индикатором смешения и его масштабов. Речь идет о стабильности тех признаков, с помощью которых обычно характеризуются расовые комплексы, и относительной независимости их от воздействий среды. Правда, в этнографической литературе в последнее время по этому вопросу высказывались сомнения¹¹. Они иллюстрировались указанием на совпадение вариаций отдельных признаков в заведомо далеких по происхождению этнических группах. Такое указание, само по себе бесспорное, может рассматриваться как критическое лишь по отношению к антропологическим работам многолетней давности, скажем, конца прошлого — начала нашего столетия. Уже более полувека все сравнения групп в антропологии осуществляются не по отдельным признакам, а по их комплексам; последние же характеризуются большой стойкостью¹². Это и позволяет использовать антропологические данные как индикаторы миграций. Такие данные среди материалов всех других дисциплин, имеющих отношение к изучению этногенеза, занимают исключительное место. Дело в том, что диффузия культурных элементов играла огромную роль в культурной истории человечества, общеизвестны многочисленные случаи усвоения нового языка в результате заимствования. Антропологические же особенности — неотъемлемое свойство людей, и появление новых антропологических особенностей за немногими исключениями всегда свидетельствует о притоке нового населения¹³.

Рассмотрим в свете всего сказанного имеющуюся антропологическую информацию о болгарах. Они подвергались антропологическому обследованию несколько раз. Особенно полная антропологическая съемка территории Болгарии была произведена под руководством М. Попова, который изложил результаты в специальной обширной монографии, вышедшей в свет в 1959 г. В ней суммированы результаты всех предшествующих исследований и показано с полной определенностью, что болгары могут быть включены в темнопигментированную южную или средиземноморскую ветвь европеоидов¹⁴. Имеющиеся же материалы по антропологии западных и восточных славян свидетельствуют о том, что они в составе европеоидной расы относятся к переходной между южными и северными европеоидами зоне. Следовательно, судя по данным М. Попова, в целом болгары антрополо-

гически больше сближаются с народами Северного Кавказа и Средиземноморья, чем с западнославянскими и восточнославянскими народами. Вывод этот получил общее подтверждение и дальнейшую конкретизацию в еще более полном антропологическом обследовании болгарского народа, предпринятом А. Н. Пуляносом в 1963 г. по программе Института этнографии АН СССР и доложенном на I Международном конгрессе по балканистике в Софии¹⁵. Его наблюдения говорят о древности антропологических типов на территории Болгарии (один тип — брахицефальный со средней пигментацией; другой — мезоцефальный, темнопигментированный). Антропологические же типы, связанные с восточными славянами, отмечаются на севере и частично на западе страны. На этой территории наиболее светлый и долихоцефальный — родопский тип¹⁶. Таким образом, есть основания полагать, что расселение славян в пределах Болгарии, приведя к победе их языка, не сопровождалось полной сменой физического типа местного автохтонного населения. Остается, правда, не до конца ясным сам процесс формирования на территории Болгарии современных антропологических типов. В первую очередь это относится к вопросу о масштабах воздействия на него многовекового османского господства.

Теоретически можно предполагать в противовес изложенным соображениям, что все характерные особенности южных европейцев болгары получили в процессе брачных контактов с турками и что в эпоху средневековья, до османского владычества, они были носителями иного комплекса признаков, сближавшего их с западными и восточными славянами. Однако помимо исторически засвидетельствованной относительной редкости браков между турками-завоевателями и местным населением¹⁷ два антропологических наблюдения опровергают эту гипотезу. Первое из них — исключительное физическое сходство болгар-мусульман и болгар-христиан. В случае справедливости гипотезы следовало бы ожидать, что болгары-мусульмане являются более типичными представителями южной ветви европеоидной расы, чем болгары-христиане. Второе наблюдение — сходство современного и средневекового населения Болгарии, установленное сравнением палеоантропологических материалов из средневековых могильников с близкими к современности краниологическими сериями¹⁸.

Из локальных вариантов, представленных в составе болгар, особый интерес для нас имеют морфологические черты населения горной области Родоп. Ему свойственно сочетание относительной долихоцефалии с посветлением глаз и даже волос. Этот интерес к физическому типу данной группы объясняется тем, что М. Попов видел в нем проявление фракийского или особенно резко выраженного славянского влияния в области Родоп. При этом он ссылаясь на античные свидетельства о фракийцах, рисовавшие их светлопигментированным народом. При использова-

нии таких свидетельств всегда следует иметь в виду, что для всех без исключения древних авторов единственным масштабом для оценки внешнего облика народов, о которых они писали, был физический тип собственного народа. И греки, и римляне — темнопигментированные группы, поэтому даже небольшую тенденцию к депигментации они могли преувеличивать и специально подчеркивать, что лишает их сообщения о фракийцах необходимой убедительности, а значит лишает убедительности и объяснение депигментации современного населения Родоп ролью фракийского субстрата. Правда, славяне, появившиеся на территории современной Болгарии с севера, действительно отличались, по-видимому, более светлой пигментацией. Однако нельзя забывать и другого: цвет волос и особенно цвет глаз являются в условиях изоляции признаками с простой наследственной структурой. При этом в изолированных популяциях часто наблюдается автоматическое увеличение индивидуумов со светлыми волосами и глазами, происходит так называемая изогаметация, т. е. выпячивание рецессивных форм. Примерами могут служить нуристанцы, народы Северного Кавказа, лесные ненцы и многие другие народы. Население Родоп живет и, очевидно, жило на протяжении столетий в относительной изоляции, и поэтому генетико-автоматические процессы могли сыграть известную роль в формировании антропологических особенностей родопского населения. Гипотеза о славянском влиянии остается в этом случае недоказанной.

Д. Ангелов писал недавно о том, что пришлые славяне были более многочисленны, чем местное фракийское население¹⁹. Преобладание темной пигментации у болгар он объясняет генетико-автоматическими процессами в условиях изоляции. Однако эти процессы, как мы только что отмечали, могли привести лишь к преобладанию светлопигментированных, а не темнопигментированных индивидуумов.

Что касается Югославии, то некоторые группы ее современного славянского населения обнаруживают антропологические особенности, неизвестные нигде по всей остальной территории расселения славяноязычных народов. К их числу относятся брахикефалия, сравнительно высокий рост, большие размеры лица и головы, высокое переносье и выпуклый профиль спинки носа при относительно темной пигментации и довольно сильном развитии третичного волосяного покрова²⁰. Но сама выраженность этой — динарской комбинации в разных местах Югославии неодинакова. В высокогорных районах все свойственные динарскому типу признаки достигают максимального выражения, в предгорных и на равнине они несколько смягчены. Наиболее типичные представители динарского типа — сербоязычные черногорцы²¹ и албанцы высокогорных районов²².

Форма носа, высокий рост, размеры лица сближают представителей динарского типа с населением центральных предгорий

Главного Кавказского хребта и позволяют выделить балкано-кавказскую локальную расу в составе южных европеоидов. Она фигурирует в расовых классификациях как равноценная средиземноморской (в узком смысле слова). Но формирование ее относится к более раннему времени. Размеры лица и общая массивность скелета сближают представителей балкано-кавказской расовой общности с верхнепалеолитическим населением Европы. В труднодоступных высокогорных районах Балкан и Кавказа отличительные особенности верхнепалеолитического населения законсервировались и сохранились до современности вследствие изоляции²³.

Таким образом, автохтонный субстрат в составе славяноязычного населения западных районов Балканского полуострова восходит к эпохе древнейшего населения Европы, по отношению к которому нельзя еще на основе известной сейчас информации говорить определенно о языковой принадлежности. Весьма вероятно в свете результатов антропологических исследований датировка формирования этого субстратного населения эпохой верхнего палеолита.

С этими антропологическими материалами перекликаются свидетельства и других источников. В первую очередь имеются в виду данные о сохранении на Балканах после переселения славян автохтонного населения. Это прежде всего иллирийцы и фракийцы. Часть из них, подвергшаяся романизации, фигурирует в средневековых письменных источниках под именами «влахи», «куцовлахи», «моровлахи», «арумыны» и т. д.²⁴, некоторые из них уже в XVI в. предпочитали называть себя «гошапи»²⁵. Это население, основным занятием которого было пастушество, еще в конце прошлого века насчитывало примерно 150 тыс. человек²⁶. Потомками дославянского населения являются нынешние албанцы, число которых в пределах современного расселения славян (прежде всего в пределах Югославии) достигает более миллиона человек*. Наконец, особую этническую группу в средние века на Балканах составляло романское население — главным образом жители далматинских городов и островов²⁷.

Имеются также разнообразные свидетельства о влиянии местного дославянского населения на культуру южнославянских народов. Это влияние прослеживается в сфере языка (как грамматического строя, так и словарного фонда, прежде всего ономастики), в материальной культуре, в обрядах и обычаях и даже в традиционных социальных институтах. Обо всем этом уже не раз писалось²⁸. Однако, видимо, самих по себе свидетельств

* По переписи 1971 г. в Югославии насчитывалось 1309 тыс. албанцев (Popis stanovništva i stanova 1971. Stanovništvo. Vitalna i migraciona obeležja. Beograd, 1974, Knj. 1, s. 12).

такого рода явно недостаточно, чтобы определенно ответить на вопрос о численном соотношении переселившихся на Балканы славян и местных аборигенов. Во всяком случае эти свидетельства оставляют открытым вопрос о причинах широкого распространения в литературе мнения, что славяне застали весьма малочисленное аборигенное население.

Судя по всему, мнение это базируется главным образом на свидетельствах письменных источников о нашествиях «варваров» на Балканы в период так называемого Великого переселения народов.

Действительно, от почти четырехсотлетнего периода (середина III — начало VII в.) сохранилось немало письменных известий о многочисленных вторжениях различных народов на Балканы, сопровождавшихся не только расселением этих народов в пределах византийских владений, но и разорением местного населения, а также угоном его в плен.

Все эти вторжения условно могут быть разделены на два периода: дославянский (III—V вв.) и славянский (VI — начало VII в.) *.

Исследователи дославянских вторжений²⁹ обычно отмечают, что они, разумеется, не могли не привести к некоторому сокращению численности автохтонного населения Балканского полуострова. Однако, насколько нам известно, ни у кого из исследователей не возникло сомнений в том, что основная масса этого населения все же сохранилась. В данном отношении весьма показательным является мнение авторов первого тома «Истории народов Югославии», согласно которому в начале VI в. балканские провинции в основном оправились от опустошений, причиненных им прежде всего нашествиями гуннов³⁰. По заключению В. Тыпковой-Заимовой, опубликовавшей специальное исследование по истории варварских нашествий на Балканы, после вторжений III—V вв. «несмотря на то, что местное население в некоторых местах поредело, оно в это время все еще составляло основную массу жителей Восточной империи»³¹.

По-иному обычно оцениваются последствия вторжений «варваров» на Балканы в VI — начале VII в., основная роль в которых принадлежала славянам **.

Действительно, последствия этих вторжений имели свои существенные особенности. Прежде всего иными были масштабы оседания «варваров» в пределах провинций Византии. Особенно это относится к славянам.

Уже с середины VI в. вторжения славян на Балканский полуостров начинают сопровождаться поселением их отдельных групп

* Это деление условно хотя бы уже потому, что, по мнению большинства специалистов, проникновение славян на Балканы началось еще до VI в.

** Сами перипетии этих вторжений уже неоднократно освещались в литературе, и мы не видим необходимости их вновь излагать.

в различных его частях. В результате дальнейшую борьбу за новые владения часто теперь вели не пришельцы из далекого Задунавья, а новые поселенцы. Сирийский историк Иоанн Эфесский писал в 80-х годах VI в.: «До сего дня ...они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев... Они осели на ней (земле.— Ю. Б.) господами, как на своей, без страха»³².

В конце VI в. славяне проникают в долины Восточных Альп. В начале VII в. они овладевают рядом городов в Далмации. Ко второй четверти VII в. процесс расселения славян на Балканском полуострове, видимо, в основном закончился. Позднее имели место лишь отдельные небольшие перемещения.

При знакомстве со свидетельствами раннесредневековых авторов (преимущественно византийских) легко может сложиться впечатление о почти повсеместном полном преобладании славян. Однако, используя эти свидетельства, прежде всего следует учитывать, что славяне, как правило, занимали господствующее положение на занятой ими территории. Между тем для раннесредневековых авторов весьма характерно не только однозначное определение этнической принадлежности смешанного по своему происхождению населения той или иной территории, но и отношение этого населения не к наиболее многочисленной, а к господствующей этнической группе. В частности, византийские авторы, имея в виду фактически совместные аваро-славянские вторжения в пределы империи, нередко называют лишь аваров³³. Но особенно показателен в этом отношении тот факт, что вскоре же после подчинения юго-восточной ветви балканских славян так называемыми протоболгарами (конец VII в.) византийские авторы, как уже отмечалось, начинают именовать находившуюся под их властью территорию Болгарией, а затем (по крайней мере с IX в.) и все ее население болгарами³⁴.

Нельзя не учитывать и склонности византийских авторов, описывающих вторжения варваров, к явным преувеличениям. Так, в сообщении Константина Багрянородного говорится, что после взятия Солоны (Солина) славяне уничтожили местное романизированное население³⁵. Между тем имеется немало свидетельств о сохранении здесь этого населения вплоть до конца средневековья³⁶. Столь же гиперболично и утверждение Прокопия, что каждое вторжение славян сопровождалось уничтожением и пленением более 200 тыс. византийцев³⁷.

Рассматривая вопрос о последствиях славянских вторжений для местного населения, следует также учитывать, что славяне, как и все другие «варвары», продвигались почти исключительно вдоль дорог³⁸ и, следовательно, заселяли преимущественно близлежащие места. Необходимо иметь в виду и то, что вообще в различных частях Балкан славяне расселялись на занятой ими территории неравномерно³⁹.

В совокупности все приведенные факты и соображения позволяют, на наш взгляд, усомниться в правомерности основанного преимущественно на свидетельствах письменных источников мнения, что повсеместно в местах своего расселения на Балканах славяне сразу же составили подавляющее большинство жителей. Одним словом, эти свидетельства и показания рассмотренных выше антропологических материалов не являются несовместимыми.

Весьма показательной в интересующем нас отношении является и проблема осетин. Начиная с конца прошлого века в литературе широко распространилась гипотеза иранского происхождения осетин. Она основывалась на известном и не вызывавшем никаких сомнений факте принадлежности осетинского языка к иранской ветви индоевропейской языковой семьи. Сделанный из этого вывод об иранской основе этногенеза осетин получил дополнительное и очень веское доказательство после того, как была признана иранская принадлежность скифского языка и установлен длинный ряд соответствий между ним и осетинским языком⁴⁰. Этот вывод подтверждался также и широким расселением алан по степным и предгорным районам всего Северного Кавказа, зафиксированным самыми разнообразными письменными источниками⁴¹. Таким образом, предполагалось, что аланы — многочисленный ираноязычный народ Северного Кавказа, переселившийся туда, по-видимому, из степных районов Средней Азии и Приуралья в первые века н. э., — были оттеснены в эпоху позднего средневековья в горы (скорее всего монголами) и дали начало осетинскому народу. Некоторые исследователи прямо ставят знак равенства между средневековыми аланами и современными осетинами⁴².

Но в противоречие с такой концепцией пришло выделение довольно значительного местного субстрата в составе осетинского языка в результате лингвистических исследований. Местный кавказский субстрат был выделен не только в лексике, но и в элементах строя осетинского языка, а также в топонимике на территории Осетии⁴³. С помощью археологических данных удалось выявить древние местные корни многих элементов народной культуры осетин и датировать их возникновение минимум рубежом поздней бронзы и раннего железа, иными словами, возвести генезис этих элементов к населению кобанской культуры⁴⁴. Но, пожалуй, особенно важными в этом отношении стали результаты изучения антропологического состава осетинского народа. Они показали, что осетины являются классическими представителями так называемого кавкасионского типа, не имеющего аналогий за пределами кавказской территории⁴⁵. Характерные признаки этого типа уходят вглубь на четыре тысячелетия и фиксируются в палеоантропологических материалах конца III — начала II тысячелетия до н. э.⁴⁶

Средневековые же аланы отличались от осетин настолько сильно, что разница между ними соответствует по масштабу разнице между крайними вариантами европеоидной расы. Следовательно, нет никаких оснований предполагать генетическое родство между ними. А отсюда закономерно вытекает вывод — пришлое население передало местному свой язык, оказало влияние на его культуру, но физически современные осетины в значительной мере связаны с доаланским населением Центрального Кавказа⁴⁷.

Аналогичный пример — сложная и интересная картина происхождения западных соседей осетин — балкарцев и карачаевцев. Как известно, они говорят на одном из тюркских языков. Этим определяется преимущественное господство гипотезы тюркского происхождения балкарцев и карачаевцев в историко-этнографической литературе.

Между тем антропологически балкарцы и карачаевцы не отличаются от осетин и обнаруживают не менее четко выраженные особенности кавкасионского типа. А принадлежность к этому типу свидетельствует о формировании антропологических признаков народа в местной центральнокавказской этнической среде, а значит — и о местных истоках его этногенеза. По отношению к балкарцам и карачаевцам единственной формой примирения лингвистических и историко-этнографических данных с результатами антропологических исследований является вывод о том, что, теснимые монголами кипчаки, переселившись в середине XIII в. с равнины в ущелья Главного Кавказского хребта, передали местному населению свой язык и оказали влияние на его культуру. Поэтому современные балкарцы и карачаевцы сохраняют все характерные морфологические черты древнего местного населения⁴⁸.

Следующий пример, также связанный с историей тюркского этнического мира, переносит нас на восточную границу распространения тюркских народов. Он почерпнут из этнической истории тюркоязычных хакасов. Распространенной является гипотеза, согласно которой хакасы произошли от енисейских кыргызов — этнической группы, переселившейся на Енисей с юга и создавшей в VII—VIII вв. в Хакасско-Минусинских степях какое-то не очень устойчивое государственное объединение⁴⁹.

Рассматривая вопрос в свете антропологических материалов, прежде всего нужно отметить бесспорный факт антропологической неоднородности хакасов⁵⁰. Качинцы и частично сагайцы сближаются с казаками и киргизами — представителями южносибирского антропологического типа. И, следовательно, о генетической преемственности с енисейскими кыргызами можно говорить только для этих групп.

Что касается прямой преемственности с древним населением остальных групп хакасов (бельтыров, верхнеабаканских шорцев,

кызыльцев и койбалов), то она устанавливается не с енисейскими кыргызами, а с населением местной, так называемой таштыкской культуры, датируемой рубежом нашей эры⁵¹. В физическом облике этих групп замсто лишь очень небольшое влияние антропологического типа енисейских кыргызов.

Одним словом, полная тюркизация местного населения Хакасии по языку не сопровождалась сменой населения и разрывом генетической преемственности между этническими группами рубежа нашей эры и современными хакасами.

Выше приведены примеры того, как накопленный за последнее время антропологический материал в ряде случаев дает возможность отказаться от традиционной точки зрения на большой удельный вес пришлого населения в сложении новых этнических общностей и выявить большую роль местного субстрата в процессах их формирования⁵². Однако можно назвать и несколько общеизвестных примеров сохранения генетической непрерывности при смене языков. Ограничимся тремя — этнической историей азербайджанцев, турок и египтян.

Почти во всех классификациях азербайджанцы относятся к северным вариантам индо-афганской расы, типичные представители которой расселены в Афганистане и Северной Индии. От других рас южной ветви европеоидов индо-афганцы отличаются темной пигментацией и относительно слабым развитием волосяного покрова на лице и теле (особенно в сравнении с представителями переднеазиатской расы)⁵³. Обширные исследования на территории Азербайджана не выявили ни в одной из территориальных групп сколько-нибудь заметной монголоидной примеси⁵⁴. В то же время общеизвестно, что к XII—XIII вв. относится смена аборигенным населением Азербайджана коренных языков на тюркский разговорный язык в результате вторжений тюркоязычных кочевников⁵⁵. Они не принадлежали к индо-афганской расе и имели в своем составе монголоидную примесь*. Таким образом, переход на тюркскую речь не сопровождался сменой физического типа и заменой местного населения — потомков этнических групп древней Мидии — новыми пришельцами. Глубокие и древние этнические связи азербайджанцев выявляются и этнографическими материалами⁵⁶. Что же касается их признания в историко-этнографической литературе, то они сейчас не вызывают сомнений⁵⁷.

Аналогичным образом решается в историко-этнографической литературе и проблема происхождения турецкого народа. И исторические источники, и этнографические материалы свидетельствуют о том, что огузы и другие тюркские племена, начавшие

* Все средневековые могильники на территории южных районов СССР, оставленные тюркскими и монгольскими кочевниками, дают черепные серии с сильно выраженными монголоидными признаками.

проникать в Малую Азию, по-видимому, в середине XI в. н. э., интенсивно смешивались с местным населением⁵⁸. Изучение современного турецкого языка выявляет довольно значительное число субстратных элементов греческого происхождения⁵⁹. Антропологические данные показывают, что турки генетически близки к армянам, персам и древнейшему населению Средней Азии⁶⁰. Таким образом, и в данном случае бесспорны местные истоки этногенеза, несмотря на лингвистический разрыв с соседними народами и близость к тюркскому этническому миру⁶¹.

Широкое распространение арабского языка в долине Нижнего Нила, как известно, падает на конец I — начало II тысячелетия и связано с проникновением ислама. Таким образом, судя по языку, можно бы видеть в современных египтянах потомков арабов, с которыми пришел в Египет ислам. Но антропологически современные египтяне мало отличаются от древнего населения Египта и Нубии. Кстати сказать, население бассейна Нила вообще характеризовалось исключительной стабильностью антропологических признаков, свидетельствующей о генетической непрерывности на протяжении минимум шести тысяч лет, с эпохи Древнего царства до современности⁶². Ни большие нашествия «варваров» (например, гиксосов), ни значительные изменения в культуре не связаны были, очевидно, с изменением антропологического типа, с приливом новых этнических компонентов и их укоренением в местной этнической среде. Современные египтяне, следовательно, не потомки арабов-завоевателей, а в основной своей массе потомки местного населения, что давно уже признано исторической наукой⁶³.

Подводя итоги, представляется существенным подчеркнуть, что в каждом из приведенных примеров у современного этноса отчетливо проявляются черты, характерные для древнего аборигенного населения, игравшего роль субстрата в формировании этого этноса. Между тем, как уже говорилось, на основании антропологических особенностей этнической общности можно достаточно уверенно судить об удельном весе исходных компонентов, принявших участие в ее формировании. А это применительно к приведенным примерам означает, что этнический суперстрат по крайней мере не был более многочисленным, чем субстрат.

Но здесь неизбежно возникает новый вопрос: какие же в таком случае обстоятельства предопределяли победу языка суперстрата?

Решение этого чрезвычайно сложного, но незаслуженно забытого вопроса нуждается в специальных изысканиях. В ожидании их ограничимся некоторыми наблюдениями и соображениями.

В связи с поставленным вопросом прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что аборигены, фигурирующие во всех рассмотренных примерах, либо не имели письменности вообще, либо в своем подавляющем большинстве не знали письменности.

Известно, что отсутствие письменности особо благоприятствует смене языков. Как свидетельствуют, в частности, материалы, относящиеся к бесписьменным народам Советского Союза, такие народы наиболее подвержены языковой интеграции, связанной с переходом на язык другой национальности⁶⁴.

Однако в нашем случае бесписьменными являются не только аборигены, но, как правило, и завоеватели. Следовательно, бесписьменность может рассматриваться лишь как особо благоприятное условие для смены одного языка другим, но не как причина того, что язык пришлого населения оказался языком-победителем.

Такую причину вряд ли следует усматривать и в большей простоте языка этнического суперстрата. Представление, что при взаимодействии языков двух этнических общностей «победа остается за языком, легче усвояемым»⁶⁵, отвергается современным языковедением⁶⁶. Лишь при прочих равных условиях большая легкость и простота одного из языков двух взаимодействующих этнических общностей может, видимо, сыграть известную роль в победе именно этого языка. Однако в рассматриваемой нами разновидности взаимодействия этнических общностей такое равенство явно отсутствует.

Все это заставляет искать ответ на поставленный выше вопрос прежде всего в социальных факторах. На их важную роль в процессе взаимодействия двух языков лингвистами уже давно обращено внимание. Однако это общее положение следует дифференцированно применять к различным историческим эпохам и разным видам взаимодействия этносов. В частности, утверждение отдельных языковедов, что при взаимодействии двух этнических общностей должен восторжествовать язык более высокой цивилизации⁶⁷, представляется неприемлемым для рассматриваемого нами случая. В самом деле, нет никаких оснований считать, что, например, в VI—VII вв. славяне, только что вступившие на путь классового образования, находились на более высоком уровне социально-экономического и культурного развития, чем фракийцы, которым давно уже были известны классовые отношения.

Но было бы, очевидно, не менее ошибочным на этом основании вообще сбрасывать со счетов культурно-идеологические факторы. В первую очередь это относится к религии. Ведь хорошо известно, что установление новой веры обычно влекло за собой широкое распространение определенного языка и появления у части населения двуязычия (например, католицизм и латинский язык). А в отдельных случаях религии явно принадлежала весьма активная роль в победе соответствующего языка. Общеизвестно, в частности, что такую роль сыграл ислам для распространения арабского языка в Египте⁶⁸.

Для языковой ассимиляции пришлым населением аборигенов, несомненно, имело значение и соотношение уровней хозяйственно-культурного развития двух этносов. Известно, например, что

распространению арабского языка среди берберов Северной Африки в результате арабского завоевания содействовал сходный кочевой образ жизни обоих этнических компонентов, обусловивший значительную общность их культуры⁶⁹.

Вместе с тем можно предположить, что языковой ассимиляции коренного населения также способствовало усвоение им способа производства завоевателей или синтез способов производства взаимодействующих этносов. Впрочем, эта гипотеза требует специального рассмотрения; ее проверка на основе свидетельств письменных источников, археологических и этнографических материалов хотя и чрезвычайно трудна, но, безусловно, весьма заманчива. В ожидании ее решения представляется весьма важным подчеркнуть, что языковая ассимиляция аборигенов обычно не имела места в тех случаях, когда завоеватели оставляли им старый способ производства, довольствуясь данью. Подобная ситуация сложилась, например, во время многовекового османского господства на большей части Балканского полуострова.

Особое внимание привлекает такая общая характерная черта рассматриваемой нами разновидности взаимодействия двух этносов, как политическое господство пришлого населения. Уже одна бесспорная всеобщность этого фактора дает основание полагать, что он играет немаловажную роль в победе языка этнического суперстрата. Этому, видимо, в большинстве случаев содействовала особая сплоченность завоевателей, обусловленная военной демократией. И все же было бы, разумеется, упрощением полагать, будто политическое господство автоматически предопределяло победу языка завоевателей. Оно, судя по всему, лишь создавало особо благоприятные условия для такой победы, оказывая обычно значительное влияние на многие стороны культурно-хозяйственного развития. К тому же есть основания считать, что вообще существовал какой-то предел количественного преобладания аборигенов над пришлым населением, за границами которого господство последних не могло обеспечить условия, необходимые для победы их языка. Примером этого может служить судьба уже не раз упоминавшихся протоболгар.

Фактор политического господства в известной мере должен был сказаться и на лингвистических особенностях переходного периода, отделявшего начальный момент столкновения переселенцев-завоевателей с аборигенами от завершения процесса становления новой этнической общности. Господствующее положение пришлого населения наводит на мысль, что в языковом отношении этот период нередко был временем преимущественно одностороннего двуязычия, т. е. двуязычия главным образом для аборигенов.

Социальные моменты не могли не сказаться и на процессе антропологического взаимодействия субстрата и суперстрата. В рассматриваемых случаях оба они находились уже за порогом

доклассовых отношений и, следовательно, экзогамно-эндогамные ограничения не могли служить столь серьезным препятствием для смешанных браков как при родо-племенном строе. А это, в свою очередь, должно было отразиться на темпах распространения языка этнического суперстрата.

Итак, одним из типичных последствий взаимодействия переселенцев-завоевателей с аборигенами было своеобразное сочетание в новой этнической общности языка суперстрата с преобладанием физического типа субстрата. Учет этого обстоятельства, как мы видели, в ряде случаев позволяет преодолеть наследие миграционистских представлений, не впадая в то же время в крайности автохтонизма.

В целом же рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что даже ассимилированные народы, как правило, передают пришедшим им на смену этносам не только историко-культурное, но и биогенетическое наследие. В этом смысле в большинстве своем этносы бесследно не исчезают из всемирно-исторического процесса.

В рассмотренном нами варианте формирования народностей докапиталистических классовых формаций решающая роль в определении этнического облика этих общностей принадлежала той разновидности межэтнической миксации завоевателей и аборигенов, при которой побеждал язык этнического суперстрата. Но наряду с этим среди миксационных этнических процессов, сопровождающих формирование народностей на базе взаимодействия этносов, может быть выделен также вариант, при котором определяющее значение имела языковая победа этнического субстрата. Примером этого может служить процесс складывания итальянской народности. Как и большинство народов Западной Европы, она возникла в результате смешения завоевателей (прежде всего германских племен) и коренного населения Итальянского полуострова, ведущего свое происхождение от римлян. Но завоеванное коренное население, обладавшее значительно более высокой культурой, чем победители, сумело ассимилировать последних, прежде всего в языковом отношении. В ходе многочисленных этнических столкновений и смешений в VI—X вв. шел процесс складывания итальянской народности, сопровождавшийся формированием итальянского разговорного языка. Принято считать, что середина XII в. — эпоха войн итальянских городов с Фридрихом I Барбароссой было временем становления общеитальянского самосознания⁷⁰. Важным шагом в этнической консолидации итальянской народности явилось формирование (начиная с XII в.) итальянского литературного языка⁷¹. Впрочем, в силу феодальной раздробленности процесс ее консолидации долгое время оставался незавершенным, а сама она продолжала быть всего лишь этникосом.

Этногенетические процессы, сопровождавшие возникновение докапиталистических народностей, однако не ограничивались лишь охарактеризованными выше их разновидностями, в которых ведущая роль принадлежала межэтнической миксации отдаленных в генетическом отношении общностей. Такие народности формировались и на базе преимущественно консолидационных процессов (среди «родственных» этнических единиц) наряду с которыми межэтническая миксация могла иметь место в незначительных масштабах, а могла и полностью отсутствовать. Этот вариант генезиса народностей может быть обозначен как просто «консолидационный» («этногенетическая консолидация»). Чаще всего он имел место тогда, когда становлению народности непосредственно предшествовало возникновение межплеменных образований, сложившихся главным образом на основе генетически родственных общностей. Ряд примеров такого типа дает ранне-средневековая история германцев. Так, в ходе становления аламаннской межэтнической общности (III—VI вв.) она вобрала в себя главным образом различные германские этнические единицы, хотя в состав ее, видимо, вошел и некоторый кельтский элемент⁷². Судя по всему, генетически родственным этническим подразделениям принадлежала решающая роль также в формировании саксонской и тюрингской межплеменных общностей⁷³. Естественно, что в ходе сложения на базе этих межплеменных образований раннесредневековых народностей главная если не исключительная роль принадлежала консолидационным процессам.

Наряду с различными вариантами объединительных процессов, сопровождавших генезис докапиталистических народностей, в отдельных случаях возникновение таковых оказывалось следствием дивергенции. Обычно при этом государственное разделение предшествовало этнической дивергенции. Так произошел распад Древнерусского государства и формирование отдельных восточнославянских народностей, разделение Франкской империи и этническая дифференциация франков (западные вошли во французскую, восточные — в немецкую народность)⁷⁴.

Характеризуя этнические процессы, связанные с формированием докапиталистических народностей, вообще следует постоянно иметь в виду неустойчивость раннеклассовых государственных образований, в частности, зыбкость их политических границ. Но особенно осложняла такого рода процессы характерная для большинства докапиталистических классовых обществ иерархичность политической структуры, сопряженная с острыми противоречиями между центростремительными и центробежными тенденциями. Именно соотношение этих тенденций во многом предопределяло конкретные рамки, в пределах которых наиболее интенсивно шел процесс консолидации народности. В одних случаях большую интенсивность имели процессы, проходившие в

границах обширных политических образований, охватывавших целую группу общностей (подчас семью племен или ее значительную часть, по иногда и совокупность нескольких перодственных племен); нередко таким государственным образованиям предшествовали обширные союзы племен.

В других случаях более интенсивными оказывались процессы этнической консолидации в рамках небольших политических единиц, объединявших лишь несколько племен. Но, как правило, обе указанные разновидности консолидационных процессов в той или иной степени сосуществовали.

Примером объединительных процессов на сравнительно узкой основе может служить возникновение афинской, спартанской и других древнегреческих народностей, формировавшихся в рамках отдельных полисов. В Афинском государстве этому процессу, в частности, немало содействовало введение в VI в. до н. э. нового административного деления (реформы Клисфена), которое было построено на чисто территориальном принципе, призванном заменить древние родо-племенные деления⁷⁵. В это время «основным социальным (точнее — этносоциальным.— Ю. Б.) организмом и этнической общностью выступал афинский народ... в целом, говоривший на особом аттическом наречии и объединенный территориально-политически и общим именем»⁷⁶. Но наряду с народностями, сложившимися в рамках древнегреческих государств — полисов, во второй половине I тысячелетия до н. э. в результате возникновения общегреческих политических объединений происходит формирование более широкой общности — эллинской народности⁷⁷.

Таким образом, по-видимому, можно говорить о существовании народностей различных уровней. Причем народности одного уровня могли выступать лишь в качестве этникосов (так сказать, по инерции после исчезновения соответствующего эсо), другого уровня — и как этникос, и как функционирующее эсо. Так, начавшая складываться с возникновением в IX в. Германского королевства (с X в. «Священной Римской империи германской нации») немецкая народность* сохраняется в качестве этникоса и после возникновения здесь в XII—XIV вв. полной политической раздробленности**. Наряду с этой народностью и в ее рамках одновременно функционируют в качестве эсо, а соответственно и этникосов, сформировавшиеся в результате политической раздробленности баварская, саксонская, швабская и другие па-

* Показательно, что в источниках XI в. слово «diutisch» («deutsch») употребляется для обозначения народа (см.: *Жирмунский В. М. История немецкого языка*. М., 1956, с. 52).

** И это дает определенное основание для того, чтобы говорить, что немецкая народность предшествует немецкой нации (ср.: *Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии)*. — ВФ, 1964, № 11, с. 52—53).

родности*. Следует, впрочем, иметь в виду, что формирование более крупных по своим масштабам народностей далеко не всегда предшествовало появлению мелких этносоциальных общностей. Такой вариант, пожалуй, наиболее типичен для феодальной формации, при которой на смену первоначально возникающим сравнительно крупным государственным образованиям обычно приходит политическая раздробленность. В античном же мире, наоборот, формирование небольших народностей чаще всего предшествовало появлению крупных**. Вместе с тем в условиях иерархичной политической структуры не исключено и примерно одновременное появление народностей-этнических «низшего» и «высшего» уровней. Ввиду всего этого при разграничении народностей различного уровня представляется целесообразным ориентироваться не столько на последовательность их возникновения, сколько на характер исходного этнографического (этнического) субстрата. Иначе говоря, ведут ли они свое происхождение от лингвоэтнографических (метаэтнолингвистических) общностей, которые обычно сами распадаются на многочисленные внутренние диалектные, этнографические и даже этнические подразделения, или всего лишь от относительно небольших и монолитных этнографических (этнических) общностей. Соответственно в иерархии народностей первые могут именоваться полиэтнографическими этническими (народностями), вторые — моноэтнографическими. Но, разумеется, это деление весьма условно, ибо полиэтнографичность этника (и соответственно эсо) может возникнуть в результате его более поздней этнографической (лингвистической) дифференциации или даже ассимиляции им какой-либо этнической группы.

Представляется также целесообразным различать народности, возникшие в условиях классовых отношений непосредственно на базе родо-племенных этнических общностей, и народности, сложившиеся на основе уже существовавших общностей этого типа (т. е. тоже народностей) или при участии таковых в этногенетических процессах. Соответственно одни народности могут быть названы первичными, другие — вторичными. Если же рассматривать вопрос в историко-стадиальном плане первичные народности окажутся «палеогенетическими», вторичные — «архогенетическими» и даже «неогенетическими»***. Во внутренней структуре первичных народностей весьма ощутимо проступают родо-племенные

* В хрониках XII—XIII вв. наряду с общим представлением о Германском («Тевтонском») королевстве саксы, швабы и бавары рассматривались как отдельные народности (Всемирная история. М., 1957, т. III, с. 84).

** Таково возникновение эллинской и латинской народностей (Лашук Л. П. О формах донациональных этнических связей.— ВИ, 1967, № 4, с. 86—88).

*** О понятиях «палеогенетические», «архогенетические» и «неогенетические» этносы см. очерк «Этнос и его основные виды», публикуемый в настоящей книге.

связи. В силу этого такие общности в научной литературе нередко именуют племенами. Однако в последнее время все чаще указывается, что подобные образования никоим образом не связаны с первобытнообщинным строем⁷⁸, что они «ни по своей социальной сущности, ни как этническая общность не соответствовали древней форме племени, свойственной первобытнообщинному строю»⁷⁹. Действительно, речь идет об этносоциальных общностях, производственные отношения в которых имеют уже классовый (рабовладельческий или феодальный) характер, а родо-племенные связи относятся почти исключительно к сфере надстройки. Такого рода этносы, на наш взгляд, могут быть также названы постплеменными народностями⁸⁰. В дореволюционной России к этой разновидности народностей можно отнести, например, киргизов, башкир, якутов и т. д.⁸¹ При этом следует различать народности, каждая из которых возникла на базе одного племени (родственной группы), и народности, сформировавшиеся из нескольких племен. В первом случае мы имеем дело с этносами однолинейного происхождения*, во втором — многолинейного. При многолинейном варианте формирования народностей обычно имеет место весьма сложный процесс. На начальном этапе такого процесса, протекающего, как правило, в рамках иерархических и к тому же неустойчивых политических образований, возникали областные общности. Это происходило в таких территориально-административных подразделениях, как княжества, графства, герцогства, номы и т. п. В их сплочении большую роль играли такие в значительной мере восходящие к прошлому факторы, как областной диалект, местное право, местные обычаи, особенности материальной и художественной культуры, внутриобластная брачная эндогамия⁸². Одним словом, областные общности обладали не только потестарными, но и определенными этнокультурными свойствами. Однако они еще не представляли собой сформировавшихся этносоциальных организмов, так как не обладали достаточной политической самостоятельностью, имели довольно расплывчатый этнический облик, были слабо разграничены внутри соответствующих этнолингвистических общностей. Поэтому такие формирования, на наш взгляд, можно именовать «этносоциальными областями». Соответствующие же им собственно этнические подразделения могут быть названы «протонародностями»⁸³.

Лишь некоторые из «областных» этносоциальных единиц, приобретя значительную политическую устойчивость, со временем превращались в этносоциальные организмы. Большинство же этносоциальных областей оказывалось в конечном счете в составе «межобластных» раннеклассовых государственных образований. При этом областные подразделения, постепенно утрачивая

* Таковы, в частности, многие малые народы Севера, ведущие свое происхождение от отдельных этносов первобытнообщинного строя.

свою этническую специфику и самосознание, превращались в этнографические группы, а сама «межобластная» общность — в первичную народность полиэтнографического типа.

Многие первичные народности, однако, со временем сами трансформировались в новые этнические общности того же типа — вторичные народности. Такие народности могли возникнуть как в результате объединения первичных народностей, так и их разделения (подобный случай представляет возникновение русской, украинской и белорусской народностей на основе древнерусской).

Все основные этносоциальные и собственно этнические подразделения докапиталистических классовых обществ существенно отличаются от соответствующих образований первобытности. Это наиболее очевидно в отношении народности-эсо, которая имеет принципиально иную, чем у племени, социальную структуру. Основным социальным фактором, связывающим народность-эсо воедино, выступают уже не брачно-родственные отношения, а такая политическая сила, как государство, со всеми его атрибутами. Правда, для народности, как это уже неоднократно отмечалось в нашей литературе, характерно наличие региональных, «земляческих» связей⁸⁴. Однако без связей, охватывающих весь этнический массив народности*, ее функционирование как целостного социального организма невозможно⁸⁵.

Народность отличается от племени и по этническим свойствам (это относится как к народности-эсо, так и к народности-этноку). С одной стороны, наличие антагонистических классов влечет за собой определенное ослабление культурного единообразия в рамках народности по сравнению с тем, что имеет место у племени. С другой — если рассматривать вопрос в пространственном отношении, то окажется, что в пределах территории, занимаемой народностью-эсо, культурная однородность выше, чем на той же территории в первобытной формации даже в случае расселения на этой территории одной семьи племен. Словом, происходит либо просто увеличение культурных информационных связей внутри этнической общности (при превращении семьи племен или ее части в народность), либо даже расширение пространственных рамок однородной культуры (при образовании народности-эсо на базе нескольких неродственных племен). Большую роль в этом процессе играют сборы воедино значительных масс людей на общественные работы или в военных целях, создание внутригосударственных коммуникаций всех видов, передача информации приказного характера и особенно развитие письменности, которая при наличии чтеца выполняет свои информационные функции

* Чисто «земляческие» связи, как убедительно показал Ф. Энгельс, никогда не выходили «за пределы местных отношений и связанного с ним узкого местного горизонта» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 347).

даже в случае неграмотности большинства населения. В целом на стадии древних и средневековых народностей возрастает перепад между уровнями плотности внутриэтнических и межэтнических инфосвязей. Этнические общности этого типа «проявляют тенденцию ко все большей внутренней самоконсолидации, но упорно противятся ассимиляции»⁸. Вместе с тем даже для позднесредневековых народностей (особенно крупных) характерна определенная культурная гетерогенность, выражающаяся в наличии этнографических групп или субэтносов*. В этом одно из существенных отличий (в этническом плане) народностей от наций-этносов, типичных для капиталистических и социалистических обществ.

* В рамках некоторых первичных народностей долгое время после их возникновения в качестве элементов внутренней структуры сохраняются даже «реликтовые» формы племени. Эти сильно трансформированные, утратившие основные признаки этносоциальных организмов первобытнообщинного строя субэтнические подразделения получили особенно широкое распространение у кочевников.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.

² Там же, с. 410.

³ См., например, дискуссию об этногенезе белорусов: *Седов В. В.* К происхождению белорусов: Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов.— СЭ, 1967, № 2; *Третьяков П. Н.* Восточные славяне и балтский субстрат.— СЭ, 1967, № 4; *Жучкевич В. А.* К вопросу о балтском субстрате в этногенезе белорусов.— СЭ, 1968, № 1; *Гринблат М. Я.* К происхождению белорусской народности (по поводу теории субстрата).— СЭ, 1968, № 5; *Седов В. В.* Еще раз о происхождении белорусов.— СЭ, 1969, № 1; *Хабургаев Г. А.* Этнический состав древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей: Логические и лингвистические замечания к обсуждению «первопричины» образования белорусской народности.— СЭ, 1972, № 1.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 568.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 722.

⁶ См.: *Крюков М. В., Сафронов М. В., Чебоксаров П. Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978, с. 7, 29; См. также: *Шервуд Е. А.* Некоторые особенности этнических процессов у германских племен в период разложения первобытнообщинных отношений (к становлению этнического самосознания англосаксов VI—IX вв.).— В кн.: Проблемы романизации этногенеза и городского устройства (от античности к средневековью). М., 1977, с. 137—192.

⁷ В основу освещения этого вопроса в данном очерке положены статьи: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ, 1968, № 2; *Они же.* К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

⁸ См.: История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. I, с. 48; История Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. I, с. 33; *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и этнически промени на Балканите. София, 1966, с. 111. Несколько иную точку зрения см.: История на България. София, 1954, т. 1, с. 57.

⁹ История на България, т. 1, с. 57; История Югославии, т. I, с. 35; *Historija naroda Jugoslavije.* Zagreb, 1953, v. 1, s. 97—98.

¹⁰ См., например: Народы зарубежной Европы. Т. 1. Народы мира: Этнографические очерки. М., 1964, с. 352—353.

¹¹ *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.— В кн.: Кавказский этнографический сборник. М., 1969, вып. IV.

¹² Подробнее см.: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К вопросу о роли..., с. 223—224.

¹³ Эта специфика антропологического материала в нашей литературе впервые отмечена в работе: *Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А.* Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза.— СЭ, 1952, № 1.

¹⁴ *Попов М.* (в сотрудничестве с *Марков Г. Г.*). Антропология на българския народ. Т. 1. Физически облик на българите. София, 1959.

¹⁵ *Пулянос А.* Антропологический состав народов на территории между Эгейским морем и Дунаем.— In: 1-er Congres international des études Balkaniques et Sudest européennes: Resumés des communications. Ethnographie et arts. Sofia, 1966, p. 59—60.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Тодоров Н.* Турската колонизация и демографските промени в българските земи.— В кн.: *Этногенезис и културно наследство на българския народ.* София, 1971.

¹⁸ Первая публикация данных по средневековому населению: *Schwidetzky I.* Rassenkunde der Altslawen. Stuttgart, 1938. Поздняя сводка: *Постникова Н. М.* Антропологический состав населения Болгарии в эпоху средневековья. Автореф. канд. дис. М., 1967.

¹⁹ *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971, с. 190.

²⁰ *Супп С.* The mountains of giants. Cambridge — Massachusetts, 1950.

²¹ *Супп С.* The races of Europe. New York, 1939.

²² *Супп С.* The mountains of giants.

²³ См.: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К вопросу о роли..., с. 231.

²⁴ *Jireček C.* Die Wlachen und Maurowlachen in den Denkmälern von Ragusa.— In: Sitzungsberichte der Königl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften, Prag, 1879; см. также: *Jureček K.* Власи и мавровласи у Дубровачким споменицима.— В кн.: *Зборник Константина Јуречека.* Српска Академија наука. Београд, 1959. Отдельење друштвених наука, Нова серија, књ. 33, с. 191—205.

²⁵ *Veneti Nigri.* Geografia. Basel, 1957, p. 103 (цит. по кн.: *Јуречек К.* Историја срба. Београд, 1952, прва књ, с. 86).

²⁶ *Барјактаревих М.* О етничкој структури Балканског полуострова. Посебан отисак из Цвијећевог зборника. Београд, 1968, с. 233.

²⁷ *Jireček C.* Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. Wien, 1901—1904, Т. I—II (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Bd 48, 49).

²⁸ *Skok P.* Slovenstvo i romanstvo na jadranskim otočima. Zagreb, 1950; *Георгиев В.* Генезисът на балканските народи.— В кн.: *Этногенезис и културно наследство на българския народ.* София, 1971; *Велева М.* Народните носии като свидетелство за културно-битовата общност и историко-културните области по българските земи.— Там же; *Маринов В.* За етнокултурните приноси на българского животновъдство.— Там же; *Златковская Т. Д.* О происхождении некоторых элементов кукерского обряда у болгар: К вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы.— СЭ, 1967, № 3; *Kulišić S.* Tragovi arhaične rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze. Beograd, 1963; *Златковская Т. Д.* К проблеме взаимодействия древнебалканской и древнеславянской культур: Обряд сурванания у болгар.— СЭ, 1979, № 6.

²⁹ Краткую сводку этих вторжений см.: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К вопросу о роли..., с. 232—234.

³⁰ *Historia naroda Jugoslavije,* Zagreb, 1953, I, s. 56.

³¹ *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966, с. 52—53.

³² *Дьяконов А.* Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков.— ВДИ, 1946, № 1, с. 32.

- ³³ См., например, сообщение Менандра о событиях 579 г. (Византийски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955, т. I, с. 92—93) и Теофилата Симокаты от 585—586 гг. (там же, с. 108).
- ³⁴ См.: *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 84.
- ³⁵ Византийски извори... Београд, 1955, т. II, с. 12.
- ³⁶ Там же, с. 12, прим. 12.
- ³⁷ Византийски извори..., т. I, с. 52 (см. также прим. 109).
- ³⁸ *Јиречек К.* Романи у градовима далмације током среднега века: Посебно издање, књ. ССС. Одделение друштвених наука. Нова серија, књ. 42, с. 39.
- ³⁹ *Търкова-Заимова В.* Нашествия..., с. 79; ср.: *Георгиев В.* Генезисът на балканските народи, с. 19.
- ⁴⁰ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., т. 1, 1949; *Он же.* Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965.
- ⁴¹ Сводку их см.: *Кулаковский Ю. А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
- ⁴² См., например: *Ванеев З. Н.* Средневековая Алания. Цхинвали, 1959.
- ⁴³ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор.
- ⁴⁴ См.: *Крупнов Е. И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность.—СА, 1964, № 1.
- ⁴⁵ *Бунак В. В.* Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении.—Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л., 1953, т. XIV; *Абдушелишвили М. Г.* Материалы к краниологии Кавказа.—Ин-т эксперим. морф. АН ГрузССР./Труды. Тбилиси, 1955, т. V; *Беслекоева К. Х.* Краниология осетин и происхождение осетинского народа.—Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-т./Изв. Орджоникидзе, 1957, т. XIX; *Абдушелишвили М. Г.* Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964.
- ⁴⁶ См.: *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- ⁴⁷ *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли..., с. 38—39.
- ⁴⁸ Об этногенезе балкарцев и карачаевцев на основе антропологических материалов см.: *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии.—В кн.: О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960; *Он же.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- ⁴⁹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- ⁵⁰ *Алексеев В. П.* Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения.—Киргизск. арх.-этнограф. эксп./Труды. М., 1960, т. IV. Кызыльская серия все еще остается неопубликованной.
- ⁵¹ *Липский А. Н.* Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии (II в. до н. э.).—Краеведческий сборник, Абакан, 1956, № 1; *Он же.* К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов.—СЭ, 1966, № 1; *Кызласов А. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
- ⁵² *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли..., с. 39—40.
- ⁵³ См.: Народы Южной Азии — Народы мира: Этнографические очерки. М., 1963, с. 45—50.
- ⁵⁴ См., например: *Касимова Р. М.* Антропологическое исследование современного населения Курипской долины.—ВА, 1960, вып. 5.
- ⁵⁵ Народы Кавказа (Народы мира: Этнографические очерки). М., 1962, т. II, с. 45.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же, с. 42—46.
- ⁵⁸ Народы Передней Азии (Народы мира: Этнографические очерки). М., 1957, с. 309—311.
- ⁵⁹ *Еремеев Д. Е.* Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка).—СЭ, 1967, № 4.
- ⁶⁰ Обзор данных см.: *Field H.* Ancient and modern man in South-Western Asia. Florida, 1956—1961, v. I—II.
- ⁶¹ О сильном иранском домусульманском влиянии (культурном и этни-

ческом) на сельджуков писал еще акад. В. А. Гордлевский. См.: *Гордлевский В. А.* Государство сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941; *Он же.* Избранные сочинения, т. I. Исторические работы. 2-е изд. М., 1960.

⁶² *Morant G.* A study of Egyptian craniology from prehistoric to Roman times.— *Biometrika*, 1925, v. XVIII, part 1—2; *Batravi A.* The racial history of Egypt and Nubia.— *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1946, v. LXXVI. Part. II. The racial relationships of the ancient and modern populations of Egypt and Nubia.

⁶³ Народы Африки (Народы мира: Этнографические очерки), М., 1954, с. 147—148.

⁶⁴ См.: *Дешериев Ю. Д.* Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958, с. 153.

⁶⁵ *Бодуэн де Куртэнэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. 1, с. 367.

⁶⁶ См.: *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966, с. 100—102.

⁶⁷ *Шрадер О.* Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб., 1886, с. 167.

⁶⁸ Народы Африки, с. 181.

⁶⁹ Там же, с. 136—139.

⁷⁰ См.: *Красновская Н. А.* Основные этапы этнической истории фриулов (IV—XX вв.).— В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970, с. 139.

⁷¹ Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа. М., 1966, с. 378—380; *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности (на материале средневековой Германии).— *Расы и народы*. 1978, вып. 8, с. 40.

⁷² См.: *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности..., с. 33—34.

⁷³ Там же, с. 34—35.

⁷⁴ Там же, с. 39.

⁷⁵ *Сергеев В. С.* История древней Греции. М., 1963, с. 185.

⁷⁶ *Лашук Л. П.* О формах донациональных этнических связей.— *ВИ*, 1967, № 4, с. 83.

⁷⁷ Там же, с. 86—88. См. также очерк «Иерархия историко-культурных общностей: основные черты и тенденции динамики», помещенный в этой книге.

⁷⁸ См.: *Исмаилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973, с. 178.

⁷⁹ *Жданко Т. А.* Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России.— В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 48.

⁸⁰ Ср.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 141.

⁸¹ Ср.: *Жданко Т. А.* Этнические общности..., с. 52.

⁸² *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 297—298.

⁸³ Ср.: *Семенов Ю. И.* К определению понятия «нация»: Постановка проблемы.— *НАА*, 1967, № 4, с. 92—93.

⁸⁴ См., например: *Архангельский А. М.* Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1961; *Агаев А. Г.* К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965.

⁸⁵ Ср.: *Лашук Л. П.* О формах донациональных этнических связей, с. 86.

⁸⁶ *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— *Расы и народы*. М., 1972, вып. 2, с. 27.

О ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, СВЯЗАННЫХ С ФОРМИРОВАНИЕМ БУРЖУАЗНЫХ НАЦИЙ

Нации — этносоциальные общности. Соответственно и процессы их формирования имеют как социально-экономический, так и собственно этнический аспекты. Что касается первого из них, то он, играя решающую роль в принадлежности нации к определенной формации (капиталистической или социалистической), выражается прежде всего в резком усилении экономических связей, характерном уже для времени возникновения капитализма. Неслучайно данное обстоятельство было специально отмечено В. И. Лениным, показавшим на примере складывания русской нации значение для процесса национальной консолидации усиливающегося в период генезиса капитализма обмена между областями, постепенно растущего товарного обращения, слияния небольших местных рынков в один национальный рынок. Раскрывая сущность процесса формирования наций, В. И. Ленин подчеркивал, что, поскольку «руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Существенное влияние на процессы формирования буржуазных наций оказывает государственно-политический фактор. На это также неоднократно обращал внимание В. И. Ленин, указывая, что «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территории с населением, говорящим на одном языке»².

Известны два основных варианта формирования наций в рамках единого государства: на базе сравнительно раннего (еще на докапиталистической стадии) возникновения моноэтнических государственных образований и в ходе развития этносов в рамках многонациональных государств. Первым путем возникали многие крупные этносы Западной Европы*, второй был характерен для большинства народов России. В тех же случаях, когда государственные границы расчленяют однородные в языково-этническом отношении массивы, это оказывает тормозящее воздействие на процессы формирования наций. В данной связи показательны, например, процессы, происходящие в настоящее время на Африканском континенте. Дело в том, что при создании колоний буржуазные колонизаторы не считались с исторически сложивши-

---

* В силу этого и сам термин «нация» приобрел здесь «политический (этатистский)» смысл — принадлежность людей к одному национальному государству. В таком значении этот термин стал употребляться и во многих других зарубежных странах. Это проявляется подчас и в русском языке, в таких, например, понятиях, как «национальный доход», «национализация земли» и т. п.

мися племенными и этнолингвистическими общностями. В результате в пределах многих колоний образовалась мозаика из отдельных расчлененных на части племен и народностей. Отсюда большая этническая пестрота многих освободившихся стран, сложность протекающих в них этнических процессов³, в том числе тех, что связаны с возникновением наций.

Для этнических аспектов формирования наций существенное значение имеет также характер тех этнических общностей, на базе которых происходит это формирование. Соответственно можно выделить несколько типов этнических процессов.

Один из них, притом весьма распространенный, связан с трансформацией в нацию уже сложившейся народности. Примером такого типа (назовем его первым) может служить образование датской нации, чему предшествовало длительное существование датской народности в рамках почти непрерывно сохранявшегося с раннего средневековья государства. Правда, народность эта еще не была достаточно четко отделена от других частей скандинавской этнолингвистической общности и имела отчетливую социоэтническую стратификацию, которая проявлялась в том, что среди господствующих классов (в частности, после реформации в XVI в.) широкое распространение получила иноэтническая (немецкая) культура. Этому немало способствовало наличие в городах значительной прослойки немецкого населения⁴.

Рассматриваемый тип этнических процессов, связанных с формированием буржуазных наций, представлен и на других континентах. Можно сослаться, например, на этносоциальные процессы у кхмеров Камбоджи (Кампучии), составляющих около 90% ее населения (по данным на 1966 г.). Корни кхмерской народности уходят к VI в., завершение ее формирования как эсо приходится на IX—XV в. Хотя в конце XIX в. Камбоджа на семь десятилетий становится колонией Франции (1884—1954 гг.), однако и на протяжении этого периода основная масса кхмерского этноса оставалась в рамках относительно целостной территориально-политической единицы. Начавшаяся проявляться еще в середине XIX в. в результате развития товарно-денежных отношений тенденция к консолидации кхмерского этноса, получила дальнейший стимул в борьбе против чужеземного господства. Господство французов пришлось как раз на период установления в Камбодже новых форм экономических отношений и создания внутреннего рынка. Хотя кхмерская буржуазия до конца второй мировой войны так и не сложилась, однако в стране формировались капиталистические отношения (функции зарождающейся местной буржуазии выполняли проживающие в стране вьетнамские и китайские предприниматели)⁵. С конца 50-х годов для экономической жизни Камбоджи характерно развитие национального капитала как в частной, так и в государственной форме⁶. Одним словом, начала складываться социально-экономическая основа кхмерской

буржуазной нации. Что касается собственно этнических аспектов этой общности, то для нее весьма показательна незначительность диалектных различий в кхмерском языке, которые мало влияют на коммуникативность населения разных районов страны⁷. Имеется на кхмерском языке и литература, берущая свое начало с 30-х годов XX в. Одновременно с тем в послевоенные годы начало заметно сокращаться использование французского языка. Этноконсолидационные процессы в кхмерском эсо стали сочетаться с активной ассимиляцией этой общностью генетически близких этнических групп (анрак, пор, чон и др.)⁸. Однако, как известно, ход всех этих процессов был нарушен установлением режима Пол Пота и Иенг Сари, проводивших политику геноцида в отношении кхмерского народа и уничтожившего свыше 3 млн. жителей страны. Меры, предпринимаемые ныне Единым фронтом национального спасения Кампучии для ликвидации последствий господства этого режима, создают необходимые предпосылки для восстановления естественного развития этнических процессов в стране.

К рассматриваемому типу этносоциального развития могут быть отнесены и те случаи, когда буржуазная нация складывается на основе народности, которая хотя к началу этого процесса и не имела своей государственности, но в прошлом в течение длительного времени была самостоятельным эсо. Такая народность иногда даже сохраняет некоторые атрибуты прежней государственности. Таковы, например, историко-политические предпосылки формирования венгерской буржуазной нации. Находясь в составе Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгрии), венгры сохраняли не только определенную автономию, но и известную хозяйственную обособленность⁹.

Несколько иной вариант того же типа этнического развития мы имеем тогда, когда буржуазная нация формируется на основе народности, лишенной своей государственности задолго до начала этого процесса и существовавшей как единое самостоятельное эсо лишь в эпоху раннего феодализма. Этот вариант может быть проиллюстрирован на примере этносоциальной истории хорватов. Как самостоятельное эсо хорваты существовали лишь с IX по начало XII в., после чего они оказались под властью венгерских королей (до начала XVI в.), а затем Габсбургов. К тому же вплоть до XVIII в. отдельные части территории их расселения захватывались на длительное время венецианцами и османами¹⁰. В результате процессы, которыми отмечено формирование хорватской нации, протекали в различных регионах этой территории далеко не синхронно, а их этнокультурная консолидация затянулась надолго¹¹.

Близкий, хотя и несколько отличный вариант этого же типа этнических процессов представляет пример формирования чешской буржуазной нации на базе чешской народности. Последняя

начала складываться уже в X—XI вв. в рамках феодального государства. Однако в начале XVII в. Чехия потеряла государственную самостоятельность и вошла в состав Австрии, правящие круги которой проводили в течение трех веков последовательную политику онемечивания чехов: чешский язык повсюду заменялся немецким, запрещались чешские книги, чешский язык изгонялся из учебных заведений и т. д. Лишь с развитием капиталистических отношений в конце XVIII — начале XIX в. здесь разворачивается борьба в защиту чешского языка и самобытной культуры, усиливается национальное самосознание чехов¹².

Во многом сходную, правда, относящуюся к более позднему времени картину этнического развития дает формирование лаосской буржуазной нации на базе народности лао*. Начало сложения лао в народность относят к XIV в. — времени создания ими первого крупного государства. Однако характер единого эсо лао сохраняли лишь до конца XVII в., когда страна распалась на три владения. Каждое из них в междоусобной борьбе использовало политическую поддержку более сильных соседних государств, платой за которую было признание их сюзеренитета¹³. Колониальный захват Лаоса Францией в конце XIX в. первоначально мало что изменил в социально-экономическом развитии его народа; французская администрация сначала не поощряла даже французские капиталовложения в экономику страны. Лишь постепенно стала ослабевать многовековая изоляция ее отдельных регионов, возникли компрадорская буржуазия и пролетариат. После освобождения страны в начале 50-х годов XX в. от колонизаторов процесс социально-экономического развития был осложнен систематическим вмешательством США и зависимых от нее государств (Таиланд и Тайвань), борьбой местных правых группировок, а затем подрывной деятельностью маоистов¹⁴. До недавнего времени страна фактически была разделена на две части: королевско-нейтралистскую и Патет-Лао. Все это тормозило не только ее социально-экономическое развитие, но и этническую консолидацию лао (и соответственно дифференциацию от той их части, которая оказалась за пределами страны, главным образом в Таиланде). В результате складывающаяся «лаосская нация — по мнению специалистов, — еще далека от завершающего этапа национальной консолидации»¹⁵. Показательно, что до сих пор для лаосского этноса характерно бытование нескольких диалектов, различающихся «главным образом качеством и количеством тонов (от пяти до семи) и лексикой»¹⁶. Можно, однако, полагать, что в современных условиях в Лаосской Народно-Демократической Республике процессы этнической консолидации лао заметно интенсифицируются. Основанием этого служат происходящие здесь со-

* В настоящее время лао составляют более 60% населения Лаоса.

циально-экономические и культурные преобразования, в ходе которых закладываются основы социалистического общества.

В особый вариант интересующего нас типа этнических процессов, сопровождающих формирование наций, могут быть выделены те случаи, когда этот процесс развертывается на базе народности хотя и обладающей самосознанием (и самоназванием), но еще распадающейся на существенно обособленные составные части, которые сами могут рассматриваться почти как самостоятельные этносы. Например, сохраняющиеся значительные этнографические и социальные различия между двумя основными группами сингалов в Шри Ланке (у равнинных и кандийских сингалов) до сих пор существенно сдерживает процесс формирования единой сингальской нации¹⁷.

Но при всех многочисленных разновидностях, в целом для рассматриваемого типа собственно этнических процессов, происходящих при формировании наций, характерно явное преобладание консолидационной тенденции в рамках уже существующего этнического подразделения основного уровня (хотя такая тенденция и могла сопровождаться ассимиляцией нескольких иноэтнических групп). Эта консолидация обычно проявляется в преодолении внутренних локальных культурных различий между этнографическими группами, в возникновении и распространении общего литературного языка, укреплении общего этнического самосознания. Соответственно данный тип формирования наций в собственно этническом плане может быть отнесен к «внутриконсолидационным». Один из распространенных вариантов этого типа представлен формированием нации в ходе воссоздания и дальнейшего развития этнической общности, которая к началу этого процесса не была уже эсо, но являлась таковым в более или менее отдаленном прошлом; характерные для данного варианта этнокультурные изменения подчас именуются национальным возрождением. Другой вариант — внутриэтническая консолидация сочетается с дифференциацией.

В качестве особого в этническом отношении типа формирования наций (второго типа) представляется возможным выделить случаи развития такого рода процессов на основе макроэтнических, в первую очередь этнолингвистических общностей, объединяющих несколько сложившихся народностей. Примером может служить процесс становления французской буржуазной нации. Она возникла, как известно, на базе двух генетически близких народностей: южнофранцузской, или провансальской, и северофранцузской¹⁸. Хотя обе эти народности принадлежали к одной лингвистической общности, сложившейся на основе народной латыни, однако уже в XI в. они существенно отличались друг от друга. Имея в виду это обстоятельство, Ф. Энгельс писал, что провансальская народность в средние века «была не более родственной северофранцузской, чем теперь польская — русской». Ха-

рактически исторические судьбы южнофранцузской народности, ее подчинение северофранцузам, он продолжал: «В течение целых веков французы-южане боролись против своих угнетателей. Но историческое развитие было неумолимо. После трехсотлетней борьбы их прекрасный язык был низведен на степень местного диалекта, а сами они стали французами. Триста лет тяготел северофранцузский деспотизм над Южной Францией, и лишь по прошествии этого времени... железный кулак Конвента впервые сделал жителей Южной Франции французами...»¹⁹ Тем не менее остатки провансальского культурного регионализма дают о себе знать до сих пор²⁰.

В рассмотренном примере речь шла о формировании буржуазной нации путем объединения двух генетически близких народностей. Но, разумеется, возможны также случаи, когда такого рода процесс является результатом объединения нескольких родственных в генетическом отношении народностей. Этот вариант может быть представлен, в частности, процессом формирования итальянской буржуазной нации. Как уже отмечалось, итальянская народность сложилась еще в раннее средневековье в результате бесконечных этнических контаминаций. Но этнической консолидации населения Апеннинского полуострова существенно препятствовала политическая раздробленность. В XIII—XIV вв. здесь уже имелось множество мелких народностей — эсо (генуэзцев, флорентийцев, сицилийцев и т. п.) со своими собственными диалектами и самосознанием. В XVI—XVIII вв. трудности на пути этнической консолидации населения полуострова усугубляются упадком итальянских торговых республик и их политической зависимостью от Испании, Австрии и Франции. Лишь в конце XVIII — начале XIX в. в ходе непрерывных войн, политических переворотов и революционных выступлений нарушилась провинциальная обособленность и замкнутость отдельных итальянских областей, начало постепенно утверждаться общенациональное самосознание, стала уверенно выдвигаться задача национального освобождения и объединения страны²¹. Осуществлению этой задачи в третьей четверти XIX в. принадлежит важная роль в складывании единой итальянской нации. Впрочем, в целом для этого процесса характерна некоторая замедленность. Не случайно внутриэтническая консолидация итальянской нации до сих пор отличается определенной незавершенностью. Показательно, в частности, что диалектные различия разговорного языка остаются настолько значительными, что это затрудняет общение.

Еще одним примером рассматриваемого типа этнических процессов, сопряженных с формированием буржуазных наций, может служить история образования немецкой нации. Как уже отмечалось, в XIII—XIV вв. на базе раннесредневековой немецкой народности сложились многочисленные народности-эсо. Их политическое объединение, сопровождавшееся формированием немецкой

буржуазной нации, завершилось лишь тогда, когда под эгидой Пруссии было создано единое немецкое государство — Германская империя. Впрочем, здесь, как это имело место и в Италии, долгое время после объединения сохранялись особенности языка и культуры отдельных групп немцев, восходящие ко времени политической раздробленности, когда Германия представляла собой по существу метаэтнолингвистическую общность.

В целом же второй тип этнических процессов, связанных с формированием наций, может быть обозначен как «межэтническая (этногенетическая) консолидация». Это процессы «межэтнические», поскольку объединяются самостоятельные народности — эсо, «этногенетические», так как в их ходе создается по существу новая этническая общность, «консолидационные», ибо речь идет об объединении генетически родственных народностей*. Одно из отличий этого типа от предыдущего состоит в том, что внутриэтническая консолидация нации в данном случае происходит значительно медленнее, вследствие чего очень долго сохраняются заметные следы былой языково-культурной дифференцированности вошедших в ее состав эсо. Но, подобно предыдущему, этому типу тоже нередко присущи активные ассимиляционные процессы. Так, межэтническая консолидация, связанная с формированием итальянской буржуазной нации, сопровождалась постепенной ассимиляцией ею проживающих на севере Италии фриулов, которые «представляют собой этническую общность, не развившуюся в самостоятельную нацию»²².

В качестве третьего типа этнических процессов, происходящих при становлении наций, можно указать те из них, в которых основная роль принадлежит дивергенции. Этот тип относится главным образом к так называемым переселенческим нациям. Таковы, например, франкоканадцы — народность, а затем и нация, возникшая в результате политического и этнического обособления от соответствующей этнической общности метрополий. При этом франкоканадцы могут рассматриваться как одно из характерных проявлений сравнительно «чистой» этнической дивергенции, не осложненной миксацией. Они состоят почти исключительно из потомков тех переселенцев в Новую Францию, которые прибыли сюда из метрополии еще в XVII — первой половине XVIII в.**

* По существу межэтническая (этногенетическая) консолидация имеет место и в тех случаях, когда формирование наций происходит на основе не народностей, а этнических общностей племенного характера. Возможность именно такого хода процессов не исключена для некоторых развивающихся стран. Так, в современной Нигерии в рамках этнолингвистической общности ибо, сравнительно недавно насчитывавшей несколько десятков племен, идет бурный процесс консолидации, в ходе которого, по мнению некоторых исследователей, постепенно складывается нация. (См.: *Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки*. М., 1973, с. 184).

** С 60-х годов XVIII в. иммиграция в Канаду из Франции полностью прекратилась. (См.: *Национальные проблемы Канады*. М., 1972, с. 11).

Впрочем, этнические процессы дивергентного характера относительно редко выступают в «чистом» виде. Иногда эти процессы, как свидетельствует пример формирования лаосского эсо, «дополняют» внутриэтническую консолидацию. Но значительно чаще при возникновении новых наций они сочетаются с процессами этногенетической миксации.

Это сочетание (дивергенция + миксация) может рассматриваться как четвертый тип этнических процессов. К нему относятся все те случаи, когда в новую общность объединяются отдельные части различных этнических единиц основного уровня, не находящиеся в генетическом родстве, причем одновременно происходит их все большее обособление от своих «первичных» этносов.

В свою очередь этот тип имеет несколько вариантов. Один из них — формирование нации путем смешения переселившихся во вновь возникшие государственные образования отдельных частей уже сложившихся и, как правило, генетически не родственных, но однотипных в расовом отношении этнических общностей (причем доминирующая роль принадлежит наиболее многочисленной этнической группе). К такому варианту может быть отнесено, например, формирование англоавстралийской нации, вобравшей в себя наряду с англичанами немало представителей других европейских этносов. В этом случае немалое значение имеет дивергенция основного компонента новой общности англичан от английского этноса метрополии.

Еще более отчетливо сочетание этнической дивергенции с этногенетической миксацией проявилось в ходе формирования англоканадской нации. Наряду с англичанами в ее состав вошло значительное число ирландцев и шотландцев. Весьма показательным в этом отношении, что в конце XIX в. здесь из 2,1 миллиона жителей британского происхождения 40,2% имели ирландское, 33,6% — английское, 26,2% — шотландское²³.

Весьма своеобразно четвертый тип представлен в этнической истории США. Здесь предыдущий вариант — смешение различных по происхождению, но принадлежащих к одной расе переселенцев из Европы — был дополнен включением в объединительный процесс представителей других этнорасовых общностей как аборигенного происхождения (индейцы, эскимосы, алеуты), так и прибывших из Африки (главным образом потомки вывезенных отсюда негров-рабов) и Азии (иммигранты из Китая, Японии, Индии и т. д.). Процесс межэтнической интеграции и ассимиляции всех этих разнородных этнических и этнорасовых групп существенно замедляется как этнической, так и расовой дискриминацией²⁴. В результате двухсотлетних этнических процессов, в которых противоречиво переплетались интегрирующие и дифференцирующие (дивергентные) тенденции, в США в основных чертах сложилась общность, которую принято именовать американской, или точнее, североамериканской нацией. Хотя эта моло-

дая этническая общность не имеет особых территориальных частей, тем не менее она «отнюдь не представляет собой однородной массы этнически нивелированных личностей»²⁵. Включив все пришлые этнические элементы в свою экономическую и социальную структуру, объединив их общим языком и своеобразной культурой, она, однако, «до сих пор имеет в своем составе целый ряд нерастворенных (хотя и сильно изменившихся в Америке) этнических групп»²⁶.

Во многом близкую картину дает этническая история стран Латинской Америки (в частности, процессы формирования наций здесь также связаны с взаимодействием представителей трех больших рас). Но есть и отличия. Прежде всего в Латинской Америке, как правило, значительно большие масштабы получило расовое смешение (так называемая мисцегенация), обычно облегчающее процесс культурной интеграции²⁷. Так, в Бразилии за пятьдесят лет (с 1835 по 1890 г.) доля негров в населении сократилась в четыре раза, а удельный вес метисов и белых возрос почти вдвое (последнее объясняется широким притоком белых иммигрантов с середины XIX в.)²⁸. В начале XX в. удельный вес населения, имеющего смешанное происхождение, возрос здесь до 60% общей его численности. Следует, впрочем, подчеркнуть, что процессы мисцегенации, и шире — межрасовой этнической интеграции — в разных странах Латинской Америки имеют далеко не одинаковые масштабы. Различна даже «исходная» этнорасовая структура этих процессов. Так, специальные исследования показывают, что в формировании этнического состава большинства стран Центральной Америки негры не сыграли значительной роли²⁹. Зато в этих странах существенно продвинулась мисцегенация белых и индейцев: уже к началу XX в. метисы (ладино) составляли почти 1/3 населения³⁰. Разумеется, этногенетическая миксация, сопряженная с мисцегенацией, не единственный вид этнических процессов в странах Латинской Америки. Здесь имеют место как ассимиляционные*, так и консолидационные³¹ процессы. Но все же основное значение для формирования в каждом латиноамериканском государстве особой нации, несомненно, име-

---

* Особенно широкие масштабы ассимиляционные процессы получили в связи с тем, что во второй половине XIX в. в ряд стран Южной Америки хлынул поток иммигрантов из различных европейских государств. О размерах этих процессов наглядно свидетельствует тот факт, что, например, Уругвай, имевший в 1851 г. всего 60 тыс. жителей, принял до конца XIX в. 1 млн. европейских иммигрантов (Михайлов С. С. О формировании уругвайской нации.— Нации Латинской Америки. М., 1964, с. 281). В Аргентину только с 1857 по 1914 г. прибыло 4,5 млн. человек, в том числе 2,2 итальянцев и 1,4 млн. испанцев. Существует мнение, что это обстоятельство наряду с внутренними социально-политическими причинами затянуло процесс формирования аргентинской нации на многие десятилетия (Шейнбаум Л. С. Формирование населения Аргентины.— Расы и народы, 1974, вып. 4, с. 178).

ет этногенетическая миксация*, сопровождаемая мисцегенацией. Без учета такого рода процессов говорить об этнической общности населения этих стран, очевидно, не приходится. Однако даже там, где этногенетическая миксация уже существенно продвинулась, она все же еще далека от завершения. Показательна в этом отношении бразильская нация, в которой до сих пор сохраняются локальные варианты. «Так, на крайнем юге Бразилии преобладают потомки старых и новых переселенцев из Европы. На востоке, где было много рабовладельческих фазенд, особенно чувствуется влияние негритянской культуры. Наконец, значительная часть населения является индейско-португальскими метисами или индейцами, и здесь в материальной и духовной культуре чувствуется сильное индейское влияние»³². Впрочем, строго говоря, обособленные группы индейцев, сохраняющие свой язык и основные элементы культуры, не вполне правомерно было бы рассматривать как составную часть бразильской нации, если под таковой понимать этносоциальный организм. Они, видимо, всего лишь один из компонентов бразильской метаэтнополитической общности.

Итак, представляется возможным выделить по крайней мере четыре типа этнических процессов, связанных с формированием буржуазных наций: 1) внутренней консолидации; 2) этногенетической (межэтнической) консолидации; 3) дивергенции; 4) этногенетической (межэтнической) миксации, сопровождаемой дивергенцией. При этом следует подчеркнуть, что все указанные типы почти всегда в той или иной мере сочетаются друг с другом, а также с межэтнической интеграцией, этнической ассимиляцией и расовой мисцегенацией. Поскольку последняя особенно часто сопровождает этногенетическую миксацию, в этом типе этнических процессов может быть, очевидно, выделен отдельный мисцегенационный подтип.

---

* В этой связи небезынтересно отметить, что, например, среди первоначальных переселенцев в Аргентину особенно много было андалузцев и басков (*Mitro V. Vida de Belgrano. Buenos Aires, 1940, p. 13—14*).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 253.

³ См., например: *Исмагилова Р. Н. Этнические процессы современной Тропической Африки. М., 1973.*

⁴ См.: *Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа. М., 1966, с. 226.*

⁵ *Чеснов Я. В. Камбоджа. — В кн.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974, с. 178—181.*

⁶ Там же, с. 179—184.

⁷ *Горгониев Ю. А. Кхмерский язык. М., 1961, с. 12.*

⁸ *Чеснов Я. В. Камбоджа, с. 174—175.*

⁹ См.: *Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в.— 1849 г. М., 1980, с. 125.*

¹⁰ См.: *История Югославии. М., 1963. Т. I, с. 49—61, 155—158, 228—261, 375—396, 527—568.*

¹¹ *Кравцов Н. И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973, с. 151; Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за на-*

- циональную свободу. М., 1970, с. 19—20, 265—267, 310—314; Освободительные движения..., с. 193—205.
- ¹² См.: Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа, с. 42; Освободительные движения..., с. 166—181.
- ¹³ *Стратанович Г. Г.* Лаос.— В кн.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 195—199.
- ¹⁴ Там же, с. 205.
- ¹⁵ Там же, с. 206.
- ¹⁶ *Морев Л. Н.* Лаосский язык.— Лит. энциклоп., т. IV, с. 30.
- ¹⁷ См.: *Талмуд Э. Д.* Национальные процессы в Шри Ланке в 60—70-х годах.— В кн.: Национальные проблемы современного Востока. М., 1977.
- ¹⁸ См.: *Люблинская А. Д.* К вопросу о развитии французской народности в X—XV вв.— ВИ, 1953, № 9; *Покровская Л. В.* Провансальцы: К вопросу о языковых отношениях в Южной Франции.— В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970.
- ¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 377—378.
- ²⁰ *Покровская Л. В.* Провансальцы, с. 100; *Мыльников А. С.* К вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах.— Расы и народы. М., 1975, вып. 5, с. 44—45.
- ²¹ См.: Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа, с. 380—382.
- ²² *Красновская Н. А.* Основные этапы этнической истории фриулов (IV—XX вв.).— В кн.: Этнические процессы в странах зарубежной Европы с. 141.
- ²³ Национальные проблемы Канады. М., 1972, с. 12—13.
- ²⁴ См.: *Богина Ш. А.* Иммигрантское население современных США.— В кн.: Национальные процессы в США. М., 1973, с. 328—359.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н.* Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки.— СЭ, 1975, № 5, с. 8.
- ²⁷ *Мёрнер М.* Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема.— Расы и народы, 1971, вып. 1, с. 202.
- ²⁸ *Коваль Б. И.* О некоторых историко-экономических условиях складывания бразильской нации.— В кн.: Нации Латинской Америки. М., 1964, с. 185.
- ²⁹ *Хорошаева И. Ф.* Население Центральной Америки в колониальный период.— Нации Латинской Америки, с. 295—298.
- ³⁰ Там же, с. 302.
- ³¹ Подробнее об этом см. в следующем очерке данной книги.
- ³² *Файнберг Л. А.* Из этнической истории Амазонки.— В кн.: Нации Латинской Америки, с. 195—196.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Как и всем явлениям в природе и обществе, этносоциальным процессам присуще диалектическое единство общего и особенного. Важнейшее проявление в них этой закономерности — наличие двух взаимосвязанных тенденций, одна из которых имеет интегрирующий, другая — дифференцирующий характер.

Действие их прослеживается на всем протяжении всемирной истории. В первобытнообщинной формации они наглядно проступают, с одной стороны, в отпочковании от племен отдельных ча-

стей и перемещении их на новые территории — процессе, в ходе которого была заселена основная часть ойкумены, с другой — в появлении различных межэтнических образований, следы существования которых фиксируются, в частности, в виде так называемых археологических культур, нередко представляющих собой весьма обширные в пространственном отношении культурные общности. В докапиталистических классовых обществах дифференциация проявлялась как в одновременном сосуществовании (вследствие неравномерности социально-экономического развития) этнических общностей, принадлежащих к разным социально-экономическим формациям, усилении хозяйственно-культурных различий между ними, так и в расширении сфер проявления несходства между самими основными этническими общностями той эпохи — народностями. Что же касается тенденции к интеграции, то она в то время выражалась и в укрупнении масштабов основных этнических подразделений, и в расширении хозяйственных и культурных связей между ними, и в появлении обширных историко-этнографических ареалов (хозяйственно-культурных, языковых, религиозных), и в образовании крупных государственно-политических единиц и т. п. Важно подчеркнуть, что именно эта тенденция к интеграции уже на ранних этапах всемирной истории выступает доминирующей.

Особенно интенсивный характер взаимодействие дифференциации и интеграции приобретает в период капитализма. Именно данное обстоятельство и раскрывает разработанная В. И. Лениным концепция двух тенденций в национальных процессах.

«Развивающийся капитализм,— писал В. И. Ленин по этому поводу,— знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹

Эти две тенденции в той или иной мере охватывают все сферы жизни общества, включая и ее собственно этнические аспекты, что, как мы увидим ниже, отчетливо прослеживается в этнических процессах.

В условиях общего кризиса капитализма происходит дальнейшее развитие данных тенденций. В первую очередь это относится к интернационализации в сфере экономики. Общий кризис, в частности, ускорил перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический*, способствуя тем самым

* Государственно-монополистический характер капитализма как высшая ступень его технико-экономического развития характеризуется тем, что он «соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и нацио-

дальнейшему укрупнению производства. На втором этапе общего кризиса капитализма эта тенденция проявилась также в развитии на основе научно-технической революции массовых средств коммуникации (от транспорта до радио и телевидения).

Характерным процессом в развитии современного мирового хозяйства, процессом, в значительной степени порожденным НТР, является быстрый рост внешней торговли, усиление отраслевой специализации и межгосударственной кооперации. С этим процессом неразрывно связана такая форма интернационализации современного капитала, как международные (транснациональные) корпорации. Послевоенные годы отмечены громадным ростом этих объединений, отличительной чертой которых является производственная деятельность за рубежом. Так, по имеющимся оценкам, в 70-х годах международные корпорации контролировали $\frac{3}{5}$ всего вывоза капиталистических стран². Рост этих корпораций сопровождается интенсивным процессом поглощения ими национальных компаний. Стремясь к получению сверхприбылей, международные корпорации игнорируют интересы тех стран, в которых расположены их филиалы. Располагая огромными средствами, эти корпорации зачастую парализуют государственный контроль над валютой в отдельных развитых капиталистических странах³. Рост международных монополий не привел и не может привести к ликвидации межимпериалистических противоречий, напротив, их возросшая роль «сделала конкурентную борьбу еще более беспощадной»⁴.

Особую форму интернационализации хозяйственной жизни в современных условиях представляет экономическая интеграция. В основе ее лежат объективные потребности развития производительных сил, все более тесного взаимодействия национальных хозяйств, все более глубокого переплетения их воспроизводственных процессов и регулирования межгосударственных взаимоотношений. При этом в разных социально-экономических условиях экономическая интеграция имеет свои специфические для данной общественной системы формы, особые черты и свойства, что делает принципиально различными интеграции социалистическую и капиталистическую⁵. Вместе с тем тенденция экономической интеграции наблюдается и в развивающихся странах, правда, имея здесь весьма неустойчивый и противоречивый характер⁶.

В развитых капиталистических странах экономическая интеграция выражается в образовании хозяйственных комплексов, базирующихся на международном взаимодействии монополий и государств в целях приумножения прибылей, перераспределения рынков и сфер влияния. Имея преимущественно региональный характер, процессы экономической интеграции в мировой капита-

нально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн» (Программа КПСС. М., 1968, с. 26—27).

листической системе особенно наглядно проявляются в объединении западноевропейских стран в «Общем рынке» — Европейском экономическом сообществе (ЕЭС). В менее ярко выраженной форме эти процессы проступают в Североамериканском (США — Канада), а в последнее время — в Тихоокеанском регионах (Япония — Австралия — Новая Зеландия — Канада)⁷. Активную роль в региональной экономической интеграции играют государственный аппарат отдельных стран и межгосударственные институты, стремящиеся направить развитие интеграционных процессов в интересах господствующих классов. В частности, своеобразную политическую надстройку над экономическими интеграционными процессами в Западной Европе представляет Европейский парламент. С помощью этого наднационального института западноевропейская монополистическая буржуазия рассчитывает добиться более активной координации внутренней и внешней политики стран Западной Европы, причем в первую очередь имеется в виду преодоление присущих этим странам и их взаимоотношениям экономических, социальных и политических противоречий.

Однако все это, разумеется, не дает оснований забывать, что и ныне в межимпериалистических отношениях действует не только объединительная тенденция, но и тенденция, «противопоставляющая одних империалистов другим»⁸. Первая порождена единством классовых интересов буржуазии перед лицом революционных сил, вторая вызывается ее неизбежным экономическим соперничеством. При этом соотношение данных тенденций в послевоенные годы не оставалось неизменным. Конец 40-х, 50-е и 60-е годы отличались преобладанием «объединительной» тенденции, в результате чего сложились НАТО и целая система военных, политических и экономических связей и соглашений, объединивших большинство развитых капиталистических стран. В первой половине 70-х годов усилилось действие второй тенденции и порожденных ею центробежных процессов⁹. Это было обусловлено целым рядом факторов. Особенно тяжелый удар по поступательной тенденции в развитии западноевропейской интеграции нанес экономический кризис, разразившийся в середине 70-х годов. Впервые после второй мировой войны он охватил одновременно все развитые капиталистические и многие развивающиеся страны, сопровождаясь высокими уровнями инфляции и безработицы. Следует учитывать и трудности, возникшие в связи с расширением состава Европейского сообщества, превращением «шестерки» в «девятку», а также неспособность стран-участниц углубить валютно-финансовую и производственно-сбытовую интеграцию, поскольку это связано с передачей ряда суверенных прав наднациональным органам¹⁰.

Необходимо особо подчеркнуть, что курс на дальнейшую экономическую и политическую интеграцию вызывает недовольство

среди части национальной буржуазии стран Западной Европы. Она обеспокоена тем, что это может привести к ущемлению ее интересов и ограничению национальной независимости¹¹.

В целом же в масштабах всего капиталистического мира дифференцирующая тенденция сказывается прежде всего в том, что «между различными империалистическими державами... усиливается неравномерность экономического развития»¹². Это наглядно проявилось как в технико-экономическом, так и в социально-экономическом отношении. В данной связи, в частности, весьма демонстративны изменения в условиях общего кризиса капитализма доли крупнейших капиталистических стран в мировом промышленном производстве. Так, если в результате поражения в первой мировой войне Германия со второго места среди ведущих в экономическом отношении капиталистических держав была отброшена на третье (после США и Англии), то уже в 1937 г. она вновь оказалась впереди Англии. Примерно то же произошло и после второй мировой войны, когда ФРГ с четвертого места в первые послевоенные годы уже к середине 60-х годов продвинулась на второе (после США). К концу 60-х годов позиций ФРГ и Англии практически достигла Япония¹³, которая в начале 70-х годов вышла на второе место в капиталистическом мире по объему промышленного производства и валового национального продукта.

Неравномерность развития капитализма влечет за собой в целом не столько выравнивание, сколько углубление исторически сложившихся технико-экономических и социально-экономических различий между странами, охваченными системой капиталистического мирового хозяйства. В этом отношении особенно показательны экономически слаборазвитые страны. Все они расположены в Азии, Африке, Латинской Америке и Океании. В них проживает более 70% населения несоциалистических стран, однако на их долю приходится лишь около 12,2% продукции промышленности этих стран (1977 г.)¹⁴. Среди них выделяются экономически зависимые страны от «зрелого» капитализма. Это прежде всего страны Латинской Америки (за исключением социалистической страны — Кубы), а также ряд зашедших сравнительно далеко в своем капиталистическом развитии стран Азии. 2/3 совокупной промышленной продукции экономически слаборазвитых стран приходится на латиноамериканский регион. Но относительный уровень индустриализации здесь невысок¹⁵.

Весьма пеструю в социально-экономическом отношении картину представляют молодые развивающиеся государства Азии и Африки. В их числе (помимо уже упоминавшихся стран, которые заметно продвинулись по капиталистическому пути) есть немало государств, находящихся на раннекапиталистической стадии развития (Индонезия, Шри Ланка и др.). В некоторых странах все еще сильны пережитки феодализма либо феодализм даже преобладает над зарождающимся капиталистическим укладом (напри-

мер, Саудовская Аравия, Непал). Наконец, углубление социально-экономического содержания национально-освободительных движений в ряде стран ознаменовалось вступлением некоторых из них на некапиталистический путь развития. Для стран этой обширной группы особенно характерна неравномерность развития экономики, обусловленная различиями их исходной социально-экономической базы, особенностями природных, общественно-политических условий и т. д.¹⁶

Уже в 50-е годы XX в. ярко выявились существенные отличия в технико-экономической эволюции развивающихся стран. Прирост промышленной продукции и валового национального дохода неравномерно возрастал по главнейшим континентам: в Азии он равнялся соответственно 13,8 и 2,9%; в Латинской Америке — 8,4 и 5%; в Африке — 8 и 4,5%¹⁷. В конце 60-х годов из 112-ти стран, которые по определению ООН относились к развивающимся, на долю 63-х приходилось более 90% валового национального продукта; доля же остальных 49-ти государств составляла лишь 10%¹⁸. Одновременно продолжал расти разрыв между развивающимися странами и империалистическими государствами по важнейшим экономическим показателям. Так, если в 1960 г. валовой национальный продукт в расчете на душу населения в развивающихся странах был меньше в 10,7 раз, то в 1975 г. — уже в 11,2 раза¹⁹.

В рамках капиталистической формации, начиная от ее возникновения и до наших дней, существенны различия между народами и по степени их урбанизации*. В докапиталистических классовых обществах производительные силы, как известно, локализовались преимущественно в сельской местности, которая поставляла главную массу необходимых людям материальных благ. Города были тогда прежде всего средоточиями административной власти, например власти феодалов, их военных сил, торгового обмена и лишь отчасти ремесла. С развитием капитализма и крупной машинной индустрии центр тяжести производственного потенциала общества перемещался в город. Соответственно росла и доля городского населения. В населенных пунктах, имевших 20 и более тыс. жителей, относимых к числу городских, жило в 1800 г. лишь 2,4% мирового населения, в 1850 г. — 4,3, а в 1900 — 9,2, в 1950 — уже 20,0²⁰, а теперь, видимо, уже более 37%²¹. Очень сильно различается динамика крупных городов (свыше 100 тыс. человек) по континентам. Так, на 1800, 1900 и 1960 гг. эти города (без СССР) сосредоточивали следующую долю населения (в %): Европа — 3,2%, 14,3, 32%; Азия — 1,6%, 2,1,

* Под степенью урбанизации (от лат. *urbs* — «город») в узком значении слова принято понимать удельный вес городских жителей в составе всего населения (страны, региона и т. п.). В широком значении урбанизация — это распространение городского образа жизни в стране, регионе.

12%; Америка (Северная и Южная) — 0,4%, 12,8, 42%; Африка — 0,3%, 1,1, 8,0%; Австралия и Океания — 0,0%, 21,7, 43%²². Если иметь в виду относительный уровень урбанизации (по данным на 1970 г.), то на одном полюсе (высоком) окажется Европа и Америка, на другом — Африка, где лишь 6 государств из 51 превысили среднемировой уровень урбанизации, а более половины находятся лишь на ее пороге. В Азии показатели разбросаны: Япония принадлежит к числу высокоурбанизированных держав мира, но более половины азиатских стран имеют уровень урбанизации ниже среднемирового. Так, в самых крупных по числу жителей странах — Китае и Индии — доля городского населения в 1970 г. составила соответственно 24,8 и 19,7%²³.

С хозяйственно-экономическими различиями стран капиталистического мира органически переплетается многообразие их социальной структуры. Даже внутри такой сравнительно однородной по своим основным социально-экономическим показателям группы стран, как экономически высокоразвитые, имеются весьма заметные особенности в социальной структуре. Это, в частности, наглядно проявляется в различном удельном весе наемных работников разных отраслей хозяйства среди всего занятого населения. Так, в промышленности США, по данным 1971 г., работало 43% занятого населения, а в ФРГ — 62%; в сельском хозяйстве США — 1,8%, в ФРГ — 1,3%, в Италии — 9,8%; в сфере обслуживания США — 55,2%, в Италии — 30,8%²⁴.

Чрезвычайной пестротой отличается социальная структура развивающихся стран Азии и Африки²⁵. К тому же их многоукладность (при сохранении значительной доли докапиталистических укладов) породила многоплановость классовых функций представителей одних и тех же социальных слоев, которые одновременно действуют как бы в различных общественных структурах. Так, во многих из них любой горожанин — от рабочего и ремесленника до чиновника и буржуа — часто совмещает социальные функции в «современном» секторе с таковыми в рамках «традиционного» общества благодаря сохранению связей с племенем, кастой, религиозной организацией и т. п. Крестьянин, нередко выступая в качестве свободного общинника или представителя закабаленного класса-сословия в рамках феодального уклада, в то же время в поисках средств для уплаты долгов идет в батраки к землевладельцу, а иногда уходит на заработки в город, временно становясь уже не сельскохозяйственным, а промышленным рабочим. В свою очередь буржуазия на Востоке издавна считала наиболее выгодным помещением капитала в земельные владения с использованием феодальных методов эксплуатации крестьян. Многие же феодалы, отказываясь от традиционных форм присвоения прибавочного продукта, переходили к капиталистическому способу производства в деревне и к активным занятиям городским бизнесом, включая сотрудничество с иностранным капиталом²⁶.

В послевоенные годы в развивающихся странах явно преобладала тенденция, которую В. И. Ленин характеризовал, как «пробуждение национальной жизни и национальных движений»²⁷. Особенно значительные масштабы национально-освободительное движение народов колониальных, полуколониальных и зависимых стран приобрело в первые послевоенные десятилетия. В результате если в канун первой мировой войны на такие страны приходилось 66% населения земного шара, то в настоящее время их доля составляет менее 1%²⁸. Разрешив в основном задачи национального освобождения, народы молодых государств встали перед необходимостью обеспечения своего экономического и культурного прогресса. Иначе говоря, центр тяжести развития национальной жизни этих государств переместился прежде всего в социально-экономическую сферу. Но их экономический подъем, естественно, невозможен без развертывания связей с развитыми в промышленном отношении государствами. Объективная потребность освободившихся народов в межнациональных экономических связях широко используется современным империализмом, опутавшим их многообразными формами зависимости — по линии производства, финансов, техники и технологии. При этом неизбежному экономическому развитию освободившихся стран мировой империализм пытается придать приемлемые для него формы. Монополистический капитал стремится создавать в них, используя дешевую рабочую силу, лишь некоторые отрасли промышленности, особенно добычу угля и его переработку, лишь наиболее трудоемкие, энергоемкие и загрязняющие природную среду процессы, лишь узкоспециализированные предприятия и отдельные элементы крупномасштабных промышленных комплексов. Наиболее же важные и сложные их звенья остаются в индустриальных центрах капитализма. Так осуществляется линия на то, чтобы усилить технико-экономическую зависимость освободившихся стран от иностранного монополистического капитала²⁹.

Все это не может не вызывать противодействия народов освободившихся стран, стремящихся покончить с наследием колониализма, прямой и косвенной эксплуатацией со стороны империализма. Одним из наиболее радикальных средств выступает установление ими контроля над своими природными ресурсами и национализация иностранных предприятий. За период с середины 50-х годов до начала 70-х в развивающихся странах было национализировано более $\frac{2}{3}$ всех иностранных плантаций и около $\frac{1}{3}$ торговых организаций. В течение последнего десятилетия большинство развивающихся стран — производителей нефти национализировали (полностью или частично) иностранные предприятия³⁰. Наметилось в последние годы усиление антиимпериалистических начал также в деятельности региональных объединений развивающихся стран, проявляющейся в совместных выступлениях стран — участниц этих объединений против импе-

риалистических сил, против политики неокOLONиализма, за равноправие в международных отношениях³¹. Одновременно освободившиеся страны все более расширяют сотрудничество со странами социалистического содружества. Это сотрудничество базируется на общности антиимпериалистических устремлений, на поддержке социалистическими странами усилий молодых государств, направленных на укрепление суверенитета и создание независимой экономики. В частности, важным подспорьем в борьбе многих молодых государств за экономическую самостоятельность выступает их сотрудничество с Советским Союзом. Не случайно масштабы этого сотрудничества неуклонно расширяются. Так, объем экономического и технического содействия СССР развивающимся странам возрос в 1977 г. по сравнению с 1960 г. в 6,2 раза, в том числе странам Азии — в 5,2 раза и странам Африки — в 8,3 раза³².

Характеризуя современные экономические связи освободившихся стран, нельзя не упомянуть и о том, что развитие этих связей служит питательной средой для тенденции к обострению межимпериалистических противоречий. Наиболее заметно осложнение противоречий между США, с одной стороны, Францией, ФРГ и остальными государствами ЕЭС — с другой. Наряду с факторами, по сути дела постоянного характера (такими, как борьба за влияние в Африке, арабских странах, ряде районов Латинской Америки), в данном отношении имеют также существенное значение неодинаковая зависимость от импорта нефти и других видов сырья, более глубокая в целом связь экономики западноевропейских государств с экономикой развивающихся стран, меньший потенциал западноевропейского капитализма по сравнению с североамериканским и т. д. Вместе с тем империалисты в тех случаях, когда речь идет об их общих интересах в борьбе против освободительного движения, пытаются сгладить разлад, стремятся к большей координации своих действий. При этом отчетливо прослеживается линия неокOLONиализма на использование реакционного национализма, в особенности в странах социалистической ориентации, на раскол патриотических, демократических сил, на подрыв сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими государствами³³.

Несмотря на всю противоречивость современного развития внешних экономических связей освободившихся стран, в конечном счете эти связи неизбежно влекут за собой интернационализацию их хозяйственной жизни. Данный процесс охватывает разные уровни, протекая не только в международных (общемировых) и межрегиональных, но и в национально-государственных масштабах. В последнем случае внешние экономические отношения как бы накладываются на внутригосударственные хозяйственные связи, выступая не только в роли их катализатора, но и существенного дополнения. В своей совокупности эти экономиче-

ские связи и представляют общее объективное основание этносоциальных процессов в развивающихся странах.

Наряду с социально-экономической сферой в условиях капитализма тенденция к ломке национальных перегородок проявилась и в области культуры. Особенно наглядное выражение она получила в так называемой массовой культуре, функционирование которой в условиях капитализма носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, было бы, очевидно, упрощением сбрасывать со счетов то, что и здесь культура, распространяемая средствами массовой информации, способствует уничтожению изоляции городов и районов, «которые еще сто лет назад не имели систематической связи друг с другом. Она принесла с собой осведомленность о том, что происходит в мире, заняла место провинциальной скуки, кулачных боев, медвежьей травли и публичных казней, которые наряду с религиозными праздниками в течение многих веков составляли единственное развлечение масс»³⁴. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что в капиталистическом мире массовая культура используется для ежедневной обработки общественного сознания в интересах господствующих классов: для формирования конформизма, стандартизации и примитивизации духовной жизни. «Книгоиздатели, кинопромышленники и организаторы телепередач, преследуя финансовый успех, поставили на поточное производство низкопробную продукцию, «уцененную культуру». Восхваление «общества потребителей», «спекуляция на низменных вкусах, пропаганда культа силы, извращений человеческой психики — стали определяющими чертами «массовой культуры» капиталистической цивилизации»³⁵. Средства массовой информации широко используются империалистическими державами для навязывания другим народам реакционных взглядов, вкусов, стереотипов поведения, моделей и штампов культуры³⁶.

Тенденция к интернационализации духовной жизни, принимающая в капиталистическом мире преимущественно формы «массовой культуры», однако сочетается здесь и ныне с тенденцией культурной дифференциации. Эта последняя проявляется, в частности, в развитии элементов демократической культуры, в возрождении во многих странах элементов традиционного народного творчества, создании оригинальных произведений профессиональной культуры, в своеобразном сочетании самобытных компонентов культуры со стандартизированными — массовыми. Остается и во многом углубляется социально-классовая дифференциация духовной культуры. Особенно это характерно для ее идеологических форм, которым присуща глубокая антагонистичность позиций пролетариата и буржуазии. В результате и в сфере культуры обе тенденции национального развития в условиях капитализма находятся в остром непримиримом противоречии.

В условиях капитализма объединительная и дифференцирующая тенденции в этносоциальных процессах получили своеобразное проявление и в изменении масштабов основных этнических подразделений. Характерные для капитализма особенности исторических, в первую очередь социально-экономических, этнических и демографических процессов у отдельных народов мира привели к огромным различиям в их абсолютной численности. Так, одни этносоциальные общности, сложившиеся еще на стадии первобытнообщинного строя и представляющие собой палеогенетические образования, насчитывают ныне сотни, а иногда всего лишь десятки людей, тогда как другие этносы-нации, сформировавшиеся в новое и новейшее время, — включают многие миллионы.

О чрезвычайно пестрой картине, сложившейся в масштабах всего мира в результате неравномерности этнодемографических процессов, наглядно свидетельствуют следующие данные. Пять наиболее крупных народов (китайцы, американцы США, русские, хиндустанцы, японцы) насчитывают свыше 100 млн. человек каждый. В следующей по своей численности пятерке народов (бразильцы, немцы, бенгальцы, итальянцы, бихарцы) каждый насчитывает от 50 до 100 млн. человек. В своей совокупности эти десять народов составляют около половины человечества; $\frac{3}{4}$ населения земного шара образуют народы, численность каждого из которых превышает 10 млн. человек. На долю же остальных народов с численностью до 1 млн. человек приходится менее 5% населения мира.

В целом для эпохи капитализма характерно ускорение процесса увеличения абсолютных размеров основных этнических подразделений в результате прежде всего этнообъединительных процессов, а также общего роста численности населения. Эта тенденция, в частности, наглядно проявляется в повышении удельного веса среди народов мира крупных этнических общностей и преимущественном увеличении их численности³⁷.

Неравномерность социально-экономического развития народов мира в условиях капитализма обусловила большое многообразие этнических процессов, их темпов, типов и разновидностей. Это весьма отчетливо проявилось уже в ходе складывания буржуазных наций — главной разновидности этносоциальных процессов периода становления капитализма. Существенное значение для их формирования имели и исходные этнические параметры тех народов, на базе которых разворачивались эти процессы. Одно дело, когда формирование нации происходило на базе народности-эсо, другое — народности-этникоса, третье — нескольких народностей, четвертое — народностей и племен и т. д. Но при всем своем различии этнические процессы в условиях капитализма имеют общие черты, детерминированные самим его развитием. В первую очередь это относится к процессу формирования буржуазных на-

ций, для которого особое значение приобретает взаимосвязь экономического развития и государственности³⁸.

Соответственно в качестве одного из важнейших факторов этнической динамики в период становления капитализма выступает соотношение формирующегося в нацию этноса и государственности. Более того, такого рода отношения обычно оказывают немалое влияние на весь дальнейший ход этнических процессов. Поэтому при определении разновидностей этнических процессов в условиях капитализма следует иметь в виду также этническую структуру тех социальных организмов, в которых разворачиваются эти процессы. И в данной связи прежде всего необходимо различать моноэтничные и полиэтничные государства. При этом было бы упрощением представлять первые как абсолютно однородные в этническом отношении образования (таковых в действительности не существует). Поэтому предлагаем условно именовать моноэтничными те государства, в которых абсолютное большинство населения (по крайней мере 95%) принадлежит к одной этнической общности основного уровня. Таковы Бангладеш, Бразилия, Иордания, Италия, Норвегия, Польша, Португалия, ФРГ, Япония, большинство арабских стран и т. д.*

Что касается полиэтничных государств, то под таковыми нами понимаются те социальные организации, в рамках которых проживает несколько этнических общностей основного уровня, причем величина ни одной из них не достигает 95% населения страны. Подобная этнополитическая структура встречается как в капиталистических, так и в социалистических странах. Но особенно она характерна для развивающихся стран, в которых сейчас насчитывается не менее 1600 этносоциальных общностей различного типа.

Полиэтничные страны вместе с тем нередко существенно отличаются друг от друга по своей внутренней этнической структуре. В зависимости от удельного веса наиболее крупных по численности этносов можно выделить несколько групп таких стран³⁹.

Первую представляют страны, в каждой из которых основной этнос включает 80—94% ее населения (подчас между этим вариантом этнополитической структуры и моноэтничными государствами трудно провести четкую грань). Примером могут служить Франция (французы — свыше 90%), Кампучия (кхмеры — свыше 80%), Мадагаскар (малагасийцы — 88%), Великобритания (англичане — 80%), Ирак (арабы — 80%), Кипр (греки — 80%)⁴⁰.

---

* Во всех этих странах представители основной этнической общности составляют более 95% населения. Например, бенгальцы, норвежцы и итальянцы по 98% в Бангладеш, Норвегии и Италии; португальцы и японцы по 99% в Португалии и Японии (см.: Страны мира: Краткий политико-экономический справочник. М.; Политиздат, 1977, с. 61, 73, 80, 120, 227).

Во вторую группу можно объединить страны, где на основной этнос приходится 50—79% населения. Это, например, Сингапур (китайцы — 76%), Бирма (бирманцы — 73%)⁴¹, Шри Ланка (сингалы — 71%)⁴², Швейцария (германошвейцарцы — свыше 65%)⁴³, Бельгия (фламандцы — 56%), Таиланд (тайцы — свыше 50%)⁴⁴, Малайзия (малайцы — 55%)⁴⁵.

В третью группу мы относим страны, в которых имеются этносы, охватывающие более $\frac{1}{3}$, но менее половины населения. Таковы — Канада (англоканадцы — около 45%), Филиппины (висайя — 41%)⁴⁶.

В четвертую группу объединяются страны, в которых нет этнических общностей, составляющих более $\frac{1}{3}$ населения. В них этносы нередко исчисляются десятками и даже сотнями. Подобного рода структуры весьма характерны для отставших в своем социально-экономическом развитии стран. Среди азиатских стран в этом отношении выделяются Индия, где имеется несколько сот этнических подразделений, и Индонезия, в которой по подсчетам одних авторов насчитывается 150 этнических единиц, а других — более 350. Но особенно показательна Новая Гвинея, в которой специалисты-этнографы единодушно констатируют редкое многообразие разноязыких этнических групп — от 500 до 700⁴⁷. В Африке среди стран с высокой степенью этнической мозаичности можно, например, назвать Нигерию, Заир, Конго (в каждой из первых двух насчитывается не менее чем по 200 этнических единиц, в третьей — более 70)⁴⁸. Такая полиэтничность нередко сочетается с наличием архаических этнических общностей — палеогенетических этносов и метаэтнических образований типа семей племен; при этом происходят сложные процессы трансформации этих общностей.

Среди первых трех групп полиэтнических стран могут быть также особо выделены те, в которых наряду с основным этносом имеется еще одна сравнительно крупная этническая общность (не менее 15% всего населения). Такие страны в известном смысле могут рассматриваться как двуэтничные и для них обычно характерен этнический дуализм. В первой группе таковыми можно назвать Иран (курды — 18%), Кипр (турки — 18%)⁴⁹. Во второй — Сингапур (малайцы — 15%)⁵⁰, Шри Ланка (тамилы — 22%)⁵¹, Бельгия (валлоны — около 40%)⁵², Швейцария (франкошвейцарцы — свыше 17%)⁵³. В третьей — Малайзия (китайцы — 34%), Канада (франкоканадцы — около 30%), Филиппины (тагалы — 21%)⁵⁴. Кроме того, во всех этих трех группах имеются страны, в которых наряду с основным заметную роль играют еще несколько (три-четыре) этносов, хотя их удельный вес сравнительно невелик (от 1,5 до 14% населения). Таковы, например, шотландцы (около 9%), ирландцы (около 2,6%), уэльсцы (около 1,6%) — в Великобритании⁵⁵, карены (8%), шаны (7%), чины (2%), моны (1,5%) — в Бирме⁵⁶, каталонцы

(14%), галисийцы (7,2%), баски (2,2%) — в Испании⁵⁷. Иногда, впрочем, и в двуэтничных странах заметная роль принадлежит и другим сравнительно небольшим этносам. Примером могут служить илоки (12%) и китайцы (1,2%) на Филиппинах⁵⁸, где основными этносами, как уже отмечалось, являются висайя и тагалы; италосвейцарцы (св. 3%) в Швейцарии⁵⁹, немцы (6%), итальянцы (3,4%), украинцы (2,7%), голландцы (1,9%), скандинавы (1,8%), поляки (1,4%) и индейцы (1,3%) в Канаде⁶⁰.

Характеризуя полиэтничные страны, следует, наконец, отметить, что многим из них присущ расовый плюрализм. При этом соотношение различных расовых компонентов часто не остается постоянным. Так, в США за последние полвека негритянское население страны более чем удвоилось и по переписи 1970 г. составило около 25 млн. человек (11,2% всех североамериканцев); кроме того, помимо потомков переселенцев из Европы здесь проживает около 6,3 млн. (2,8%) мексиканцев (преимущественно метисов) и 1,6 млн. (0,7%) пуэрториканцев (главным образом креолов, мулатов и негров), а также значительное число представителей монголоидной расы — выходцев из стран Азии, около 800 тыс. (0,4%) индейцев, 50 тыс. эскимосов⁶¹. Весьма сложной является этнорасовая структура большинства латиноамериканских стран, включающая потомков европейцев (главным образом выходцев из Испании и Португалии), индейцев, негров, метисов, мулатов, выходцев из Индии и т. д. На Африканском континенте этнорасовый плюрализм особенно характерен для ЮАР. Здесь в 1976 г. 18,6 млн. человек — 71,2% населения страны — составляли африканцы (главным образом бантуязычные народности), 4,3 млн. (1,6%) — лица европейского происхождения (в основном африканеры и англичане), а также имелось 2,4 млн. (0,9%) метисов («цветные») и 0,7 млн. человек (0,3%) выходцев из Азии (преимущественно индийцев)⁶².

Преобладание того или иного типа этнических процессов в значительной мере предопределяется этнической структурой каждого государства. Так, в государствах моноэтничных обычно основными являются процессы этнической консолидации. Однако масштабы, глубина и интенсивность этих процессов во многом зависят от уровня социально-экономического и этносоциального развития данной страны. Одно дело, скажем, этнические процессы в Бангладеш, Бурунди, Иордании, где имеет место консолидация различных локальных групп архаического происхождения, обладающих еще довольно значительными культурными различиями, другое — в Италии, ФРГ, Японии, в которых в ходе консолидационных процессов происходит завершение унификации повседневно-бытовой культуры в пространственном отношении, стирание особенностей этнографических групп. Консолидационные процессы в моноэтничных странах нередко сопровождаются ассимиляцией. Так, в Алжире и Марокко идет арабизация бербе-

ров (кабиллов и туарегов), в Японии — процесс растворения в основном этносе айнов, в Норвегии — саамов и квенов, в Италии — фриулов.

В полиэтничных государствах характер процессов этнической консолидации и ассимиляции особенно зависит от их этносоциальных параметров. В тех капиталистических странах, где уже закончилось формирование наций и народностей (Великобритания, Бельгия, Франция), происходит лишь дальнейшее усиление внутренней гомогенности этих этносоциальных общностей, т. е. речь идет о процессах внутриэтнической консолидации. Такого рода процессы подчас сопровождают и превращение народности в нацию. Так, у яванцев, у которых, по мнению специалистов, завершается формирование нации, этнографические группы, прослеживаемые еще в начале века, в настоящее время почти полностью слились друг с другом⁶³.

Вместе с тем в ряде развивающихся полиэтничных стран (главным образом в Африке, а отчасти и в Азии) в ходе консолидационных процессов формируются новые этнические общности. Иначе говоря, здесь такие процессы выступают как межэтнические, т. е. мы имеем дело с этногенетической консолидацией. Возникающие новообразования далеко не одинаковы по своему историко-типологическому уровню. Иногда они появляются даже у весьма отставших в хозяйственном и социальном отношении общностей, например у таких примитивных охотников-собирателей, как хадзапи Центральной Танзании (0,1 тыс. человек)⁶⁴. Впрочем, у ряда других общностей охотников-собирателей подобного рода процессы проступают не столь отчетливо. Примером могут служить бушмены Ботсваны и Намибии, у которых локальные группы объединены лишь в «зачаточные» этнические общности; в целом же бушмены представляют всего лишь этнорасовую метаобщность, поскольку не обладают единым этническим самосознанием⁶⁵. (Не исключено, что они будут ассимилированы более экономически развитыми соседями раньше, чем превратятся в единый этнос.)

Процессы межэтнической (этногенетической) консолидации в наше время наиболее характерны для тех земледельческо-скотоводческих обществ, в которых происходит интенсивная трансформация родо-племенных структур под воздействием современных социально-экономических процессов. Возникающие в ходе консолидации этносы по своим размерам, как правило, значительно превосходят новые этнические общности охотников-собирателей. Однако часть их все же сравнительно невелика — от 10 до 500 тыс. человек. К примеру, в одной Индонезии таких новообразований насчитывается более десятка⁶⁶. Идет формирование подобных этнических общностей и во многих других развивающихся странах. Например, показателен в этом отношении происходящий в наше время процесс складывания народности у чинов

Бирмы, представляющих собой сравнительно небольшую (около 60 тыс. человек) метаэтнолингвистическую общность, не обладающую четким единым самосознанием⁶⁷.

Вместе с тем вновь консолидирующиеся этносы нередко охватывают и миллионы людей. В той же Индонезии отчетливо выраженная межэтническая консолидация мадурцев привела к превращению их в единый этнос, насчитывающий около 8 млн. человек⁶⁸. Еще один пример: процесс формирования полуторамиллионного нилотского народа луо в Кении в результате объединения ряда родственных племен, следы существования которых сейчас сохранились главным образом в самосознании⁶⁹. Подобное явление наблюдается и в Нигерии, где быстрыми темпами идет консолидация этнических подразделений этнолингвистической общности ибо (около 12 млн. человек), постепенно трансформирующейся в народность, а возможно и в нацию⁷⁰. Сравнительно недавно в Танзании из нескольких бантуязычных этносов сложилась новая общность — ньямвези, насчитывающая около 2 млн. человек⁷¹.

Подчас процессы межэтнической консолидации имеют иерархический характер, протекая как бы на двух уровнях. Примером может служить многомиллионная этнолингвистическая общность акан, объединяющая по языку и культуре группу этносов в южной и центральной Гане и соседних областях Берега Слоновой Кости. Близость языков акан способствует этнокультурному сближению как в рамках всей широкой этнолингвистической общности, так и на уровне крупных этносоциальных подразделений (таких, например, как ашанти, фанти, аким и т. д.)⁷². В известной мере аналогичная картина наблюдается в Индонезии у даяков Калимантана (около 1,2 млн. человек). Они представляют собой группу родственных этносоциальных общностей, в пределах которой одновременно идет активное слияние отдельных из этих общностей в народности и сближение некоторых народностей друг с другом, причем наметилось уже несколько очагов такой консолидации⁷³.

Особо следует выделить этнические процессы, происходящие в тех полиэтнических странах, в которых основная масса населения представлена родственными в генетическом отношении этносами. В этих странах межэтническая (этногенетическая) консолидация может привести к возникновению новой этнической общности, простирающейся на всю или почти на всю страну. Подобного рода тенденция в настоящее время наблюдается, в частности, в Народной Республике Конго, все население которой составляют бантуязычные народы⁷⁴.

Ассимиляционные процессы в полиэтнических странах, как правило, имеют более значительные масштабы, чем в моноэтнических. Интенсивность их во многом зависит от этнической структуры таких стран. Им несомненно благоприятствует существование

в рамках одного государства крупных и мелких, в первую очередь дисперсных этнических общностей. В данном отношении показательно растворение различных этнических групп европейского происхождения в белом англоязычном большинстве США. Замечено также, что ассимиляция имеет особенно интенсивный характер там, где по соседству живут народы, резко отличающиеся друг от друга по уровню социально-экономического развития, языку, своему происхождению. Подобных контрастов полна, в частности, Тропическая Африка: Гвинея, Нигерия, Того, Кения, Руанда, Ботсвана⁷⁵. В этой связи можно сослаться и на процессы ассимиляции, протекающие в современной Индии. Здесь некоторые группы малых народов (бирхоров, бхиллов, коли, гондов, дубла и др.) в ходе этих процессов утрачивают свой язык и некоторые иные этнические признаки и превращаются, как правило, в низшие касты в составе крупных индийских народов, трансформируясь затем в их этнографические группы. Последние, усвоив язык окружающего их крупного народа, продолжают сохранять своеобразные элементы культуры и некоторые специфические черты хозяйства⁷⁶.

В тех случаях, когда малочисленный этнос находится в сфере воздействия нескольких крупных этнических общностей, он может одновременно ассимилироваться каждой из таких общностей (особенно, если они являются этносоциальными организмами). Например, часть лопарей (саамов) растворяется основными этносами Норвегии, Швеции и Финляндии⁷⁷. Нередко ассимиляция завершается полным исчезновением меньшей этнической общности. Так произошло, например, в Индонезии с веддоидным племенем тоала, которое в начале XX в. насчитывало около 100 человек, а в настоящее время целиком ассимилировано бурами о. Сулавеси (более 3 млн. человек)⁷⁸.

Наряду с представителями коренных этнических общностей ассимиляции подвергаются также иммигранты. В послевоенные годы их число заметно выросло во многих промышленно развитых странах Западной Европы, а также в США и Канаде. В настоящее время, например, в ФРГ их насчитывается около 3,5 млн. человек, во Франции — около 3 млн., в Великобритании — около 1,5 млн., в Швейцарии — около 800 тыс. человек. В значительной своей части это выходцы из сравнительно менее развитых стран Европы, отличающихся повышенным естественным приростом населения (Италия, Испания, Португалия и др.). Вместе с тем увеличивается число так называемых цветных иммигрантов. Из западноевропейских стран в этом отношении особенно показательна Великобритания, куда после войны прибыли значительные группы негров из Вест-Индии, а также индийцев и пакистанцев из бывших британских колоний в Восточной Африке и Южной Азии (всего на 1970 г. около 700 тыс. человек)⁷⁹. Немало переселенцев из Индии и Пакистана проживает и в раз-

личных странах самой Азии⁸⁰. Особую группу иммигрантов составляют выходцы из Китая — хуацяо. Их насчитывается более 20 млн. человек. Основная масса хуацяо проживает в странах Юго-Восточной Азии; из других регионов мира в этом отношении выделяется Северная Америка, особенно США. На Американском континенте немало также иммигрантов из Японии, Таиланда и других стран Азии. В США в послевоенные годы новой крупной этнической группой иммигрантов стали пуэрториканцы (на 1970 г. 1,4 млн. человек)⁸¹.

Процессы ассимиляции иммигрантов в каждой стране имеют свои особенности, причем различные по своему происхождению иммигрантские группы подвержены ассимиляции не в одинаковой степени. Следует учитывать и то, что процесс этот имеет различные аспекты. Один из них — включение иммигрантов в экономическую и социальную структуру принявшей их страны. Уже в данном отношении выходцы из разных стран имеют значительные различия. Весьма показателен в этой связи, например, высокий удельный вес торговой буржуазии хуацяо в странах Азии; нельзя не отметить и их значительную территориальную обособленность от остального населения страны проживания, что особенно наглядно проявляется в специальных городских кварталах, так называемых чайна-таун. Не менее показательны и наличие некоторой профессиональной специализации у разных этнических групп США. Так, среди пуэрториканцев здесь особенно много чернорабочих, среди немцев имеется более заметная, чем в других группах, доля фермерского населения; выходцы из Великобритании дали Америке много горняков, итальянцы — строителей, греки — кондитеров, среди поляков много рабочих автомобильной промышленности⁸².

Существенным фактором ассимиляции иммигрантов является длительность их проживания в стране, куда они переселились. В Европе многие иммигранты — выходцы из стран этого же региона — приезжают на временные заработки и по истечении определенного срока возвращаются на родину. Естественно, что эта категория остается вне процесса ассимиляции. Но в тех же странах Западной Европы (особенно в Великобритании и Франции) немало иммигрантов, прибывших на постоянное жительство. Они, как правило, официально включаются в число граждан соответствующей страны (так называемая натурализация); впрочем, юридическое оформление гражданства в каждой стране имеет свои определенные нюансы. Пожалуй, особенно сложно оно в Великобритании, где по закону о натурализации 1948 г. только на жителей стран, остававшихся от нее в зависимости, автоматически распространялись права британских граждан. Жители всех остальных стран могли по закону 1948 г. получить британское подданство путем регистрации или натурализации. Регистрации подлежали прежде всего граждане Британского Содружества и

Ирландской республики, живущие в Великобритании или находящиеся на службе британской короне, а также некоторые другие весьма ограниченные категории лиц. Натурализация предусматривала следующие условия: данное лицо должно постоянно проживать в самой стране или находиться на службе британской короне не менее 12-ти месяцев (проживая в общей сложности в стране или колониях не менее 4-х лет); оно должно иметь «хорошую» репутацию и достаточно хорошо знать английский язык. Но и действие этого закона в последнее время было существенно ограничено принятием ряда новых актов об иммиграции, направленных прежде всего на сокращение доступа в страну «цветных» переселенцев⁸³.

Первостепенная роль во включении иммигрантов в социально-культурную жизнь этнического большинства страны их пребывания принадлежит языку. В первом поколении они нередко еще сравнительно слабо знают основной язык этой страны. Но уже во втором становятся, как правило, двуязычными, а в дальнейшем обычно полностью ассимилируются в лингвистическом отношении, чему немало способствует школа. Однако это еще не означает этнической ассимиляции. Последняя зависит от многих факторов.

Наряду с уже отмеченными выше особенностями расселения, социально-экономического и правового статуса иммигрантов, к таким факторам относятся их религиозные, культурные и расовые отличия от основного населения страны. Существенное негативное влияние на процессы этнической ассимиляции иммигрантов оказывают расовая дискриминация и традиционные этнические предубеждения. Этим во многом объясняется замедленность процесса ассимиляции «цветных» в США и Великобритании. Показательна и судьба ирландских иммигрантов в Англии. Казалось бы следовало ожидать, что ирландцы из-за их англоязычности и культурной близости к англичанам должны довольно легко адаптироваться к образу жизни последних. Однако хотя ирландцы и были одной из самых ранних групп иммигрантов в Англии и Шотландии, они сохранили свою обособленность вплоть до последнего времени. Основная причина — этнические предубеждения, сложившиеся в результате давних враждебных отношений между ирландцами и англичанами⁸⁴. Вместе с тем можно привести примеры и того, что даже расовые различия не помешали почти полному растворению иммигрантов среди местного населения. Одно из таких свидетельств дает этническая история Кубы, где небольшая группа индейцев настолько ассимилировалась, что в настоящее время не отделяет себя от остального населения, а их одежда, пища и обычаи — те же самые, что и у остальных кубинцев⁸⁵. В этом, как и во многих других случаях, значительной продвинутой ассимиляции существенно содействовали смешанные (в этническом и расовом отношении) браки. Так.

в Австралии, по данным за 40—50-е годы, значительная часть переселенцев из Европы женилась на англоязычных австралийках, причем у разных национальностей удельный вес таких браков был далеко не одинаковым. Если для греков они составляли всего 11%, то для немцев и поляков — 40%, а ирландцев и шотландцев — более 70% всех заключенных браков⁸⁶. Есть основание полагать, что представители второго поколения в таких семьях осознают себя прежде всего англоавстралийцами. Но это вовсе не значит, что данные лица полностью утратили этнические черты своих родителей. Даже при условии этнически смешанных браков процесс этнической ассимиляции иммигрантов, как правило, растягивается на несколько поколений. В этом отношении показательны процессы, происходящие в США. Здесь в некоторых районах в канун второй мировой войны до 50% всех браков были этнически смешанными⁸⁷. И несмотря на это для современной этнической ситуации в США характерно, что подавляющее большинство потомков европейских иммигрантов, считая себя американцами, помнит свое этническое происхождение⁸⁸.

Далеко не однозначная ситуация складывается при браках смешанных в расовом отношении. Решающее значение для темпов ассимиляции в этом случае имеет наличие или отсутствие расовой дискриминации. В частности, дискриминационная практика в США и Великобритании существенно тормозит ассимиляцию «цветных», в том числе «цветных» иммигрантов. Напротив, почти полное отсутствие дискриминации в ряде стран Латинской Америки, как известно, чрезвычайно способствовало развитию здесь процессов этнического смешения, о чем специально пойдет речь ниже.

Для процессов этнической ассимиляции иммигрантов замедленность характерна и тогда, когда эти процессы не связаны с брачными отношениями, т. е. ограничиваются «надбиологической» сферой (языком, культурой и т. п.).

В результате обусловленной различными факторами растянутости процессов этнической ассимиляции на ряд поколений иммигранты (как и другие подверженные ассимиляции лица) нередко оказываются в своеобразном переходном состоянии, когда прежняя этническая принадлежность утрачивается или уже утрачена, а новая еще не укрепилась. В зарубежной литературе лицо, находящееся в этом переходном состоянии, принято именовать «пограничный человек» («Marginal Man»). Такое состояние, в частности, весьма типично для второго, а нередко и третьего поколения иммигрантов⁸⁹. Неслучайно подчас своеобразное место каждого поколения иммигрантов в этносоциальных процессах получает отражение даже в специальных их наименованиях. Так, у японских иммигрантов в США первое поколение именуется Issei, второе (рожденное в США) — Nisei, третье — Sansei⁹⁰.

У «пограничных людей» разных поколений часто наблюдаются определенные различия в ценностных ориентациях. Это нередко ведет к конфликту в отношениях между первым поколением иммигрантов, старающимся удержать прежние этнокультурные ценности, и вторым и третьим поколениями, стремящимися к слиянию с окружающей этносоциальной средой. Появляется представление о «старомодности» старшего поколения, а нередко и желание как-то освободиться от него. «С этой целью второе и третье поколение иммигрантов может переселиться в новый район и даже сменить «иностранную» фамилию или придать ей местный вид»⁹¹.

Этническая ассимиляция, как мы могли убедиться, обычно выражается в растворении меньшего по своим масштабам этноса в большем, т. е. имеет так сказать односторонний характер. И это наблюдается при этническом растворении не только иммигрантов, но и небольших этносов. Однако такой односторонний характер этнической ассимиляции не следует абсолютизировать. Иногда, наоборот, небольшая этническая общность может ассимилировать отдельных представителей более крупной. Еще чаще рассматриваемый процесс имеет место при взаимодействии сравнительно равновеликих этнических общностей. В таких случаях обычно происходит двусторонняя ассимиляция: одновременно какая-то часть каждого из взаимодействующих этносов растворяется в другом. При этом преобладание той или иной направленности ассимиляционных процессов зависит от многих факторов. (Все это хорошо прослежено, в частности, на материалах об этнически смешанных браках в Советской Прибалтике)⁹².

Подобно всем другим случаям ассимиляции и тогда, когда она имеет двусторонний характер, смешанные в этническом отношении браки выступают одним из важнейших, хотя и не единственных ее каналов. Нередко двусторонняя этническая ассимиляция протекает и при отсутствии этого канала, т. е. в сфере, так сказать, «чистых» языково-культурных взаимодействий. Подчас этому существенно содействуют правовые нормы, покровительствующие языку и культуре доминирующей в данном регионе этнической общности. Так, согласно действующим в Швейцарии нормам каждый ее житель, переселившийся из области с иным языком, должен знать местный язык. Это не только ускоряет ассимиляцию иноязычных швейцарцев, но и сохраняет местный язык и культуру⁹³.

Одним словом, протекающие в наше время в зарубежных странах процессы этнической ассимиляции отмечаются чрезвычайным многообразием характера, форм и темпов. Поэтому и оценка данного явления не может быть однозначной. Большое значение в данном отношении имеет известное разграничение В. И. Лениным в работах по национальному вопросу понятий естественной и насильственной ассимиляции, первую из которых

он считал безусловно прогрессивной: «Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса...»⁹⁴. Однако ассимиляция при капитализме далеко не всегда имеет естественный характер. Довольно часто, как мы уже отмечали, этому препятствует этническая и расовая дискриминация. В других случаях она, напротив, «ускоряется» насильственным путем. Нельзя в этой связи не вспомнить недавние свидетельства прессы о попытках насильственной ассимиляции этнических меньшинств в КНР⁹⁵. Подобного рода процессы с позиций марксизма-ленинизма могут, естественно, получить лишь негативную оценку.

Наряду с консолидацией и ассимиляцией в современных полиэтнических странах в той или иной мере идут процессы языково-культурного взаимодействия неродственных народов, т. е. процессы межэтнической интеграции. К сожалению, специфика этих процессов, их конкретный ход в зарубежных странах изучены еще недостаточно. Не так давно в нашей литературе они характеризовались то как консолидационные⁹⁶, то как ассимиляционные, что в значительной мере объясняется просто отсутствием самого понятия «межэтническая интеграция», только недавно введенного в научный обиход. До сих пор не устоялась еще и терминология, обозначающая ту общность, которая складывается в ходе межэтнической интеграции и охватывает несколько этносов, входящих в состав одного государства. В западной литературе (как и в литературе многих развивающихся стран) такие общности обычно обозначают словом «нация», иногда, правда, отмечая, что речь идет о «нации политической» или «нации государственной» (*Politische Nation, Staatsnation*). В нашей литературе для обозначения рассматриваемого образования получили довольно широкое хождение предложенные С. И. Бруком и Н. Н. Чебоксаровым термины «национально-политическая» или «этнополитическая» общность⁹⁷. Достоинство этих терминов в том, что они фиксируют факт формирования интересующей нас общности в рамках государства. Но их основной недостаток заключается в отсутствии указания на то, что они предназначены для обозначения метаэтнической общности, а не основного этнического подразделения. В результате общность, именуемую «этнополитической» (или «национально-политической») легко, в частности, спутать с общностью, обозначаемой термином «этносоциальный организм». Чтобы этого не случилось, предоставляется целесообразным специально отметить в соответствующем термине, что имеется в виду не этническое подразделение основного уровня, а макро- или метаэтническая общность. А для этого достаточно, по-видимому, добавить к нему приставку «макро» или «мета» («макроэтнополитическая» и «метаэтнополитическая» общности).

Большое значение для формирования таких межэтнических

общностей имеют государственно-политические факторы. Особенно наглядно это проявляется в государственной политике по вопросу о языке межэтнического (межнационального) общения. Как известно, в различных полиэтнических странах данный вопрос решается неодинаково. Один из распространенных вариантов представляют случаи, когда языком межнационального общения выступает язык наибольшей для страны этнической общности. Этот вариант в целом характерен для западноевропейских промышленно развитых стран: в Великобритании эту функцию выполняет английский, в Испании — испанский, во Франции — французский языки и т. д. В известной мере аналогичная картина наблюдается в Латинской Америке, в большинстве стран которой языком межнационального общения является испанский. Представлен рассматриваемый вариант и в странах Азии, например в Таиланде, где обычно в роли языка межнационального общения выступает сиамский (тхайский), являющийся государственным языком страны⁹⁸. В Африке примером того же варианта может служить Эфиопия, где государственным является амхарский язык. С некоторой условностью к рассматриваемому варианту можно отнести и Танзанию, где межнациональным языком признан суахили, получивший широкое распространение во всех странах Восточной Африки; хотя этот язык и не является родным для подавляющей части крупнейших этносов Танзании, однако он весьма близок к языкам бантуязычного большинства ее населения.

Во вторую группу могут быть выделены случаи, когда в качестве основного языка межнационального общения в полиэтнической стране используется также один язык, но он не является языком наиболее крупного этноса. Иногда это язык не самого крупного коренного народа страны. Наиболее показателен в этом отношении пример Индонезии, где государственным языком признан не яванский (хотя яванцев здесь насчитывается более 60 млн. человек), а индонезийский, в основе своей малайский (хотя малайцев в стране всего лишь около 6 млн. человек)⁹⁹. Но особенно типичными для данной группы являются те освободившиеся страны, в которых языком межнационального общения выступает язык бывшей метрополии. Такова, например, Ангола, где официальным языком является португальский. Хорошо известно, однако, что в последнее время во многих освободившихся от колониализма странах на смену языку бывшей метрополии в качестве макросредника приходит язык той или иной коренной этнической общности. Так, в Заире, где государственным языком остается пока французский, в последние годы все большее распространение получают местные языки: лингала на западе страны, одна из форм суахили — на востоке¹⁰⁰. Во многом аналогичная ситуация наблюдается в Народной Республике Конго¹⁰¹.

Последние примеры уже по существу относятся к языковой ситуации той группы стран, для которых характерно выполнение макропосреднических функций одновременно несколькими языками. Впрочем, обычно значимость каждого из них в выполнении данной функции не идентична. Иногда в этой роли выступают два языка, как, например, английский и французский в Канаде¹⁰², французский и фламандский в Бельгии, испанский и кечуа в Перу. Иногда количество таких языков бывает значительно большим. Так, в Сингапуре, где национальным языком объявлен малайский (кстати, малайцы здесь составляют 15%, а китайцы 76% населения), одновременно административным языком считается также английский, а китайский и тамильский признаны официальными языками. При этом правительственная политика в области образования и средств массовой информации ориентируется на английский язык¹⁰³. Сходная картина наблюдается на Филиппинах, где в настоящее время испанский язык уже не играет сколько-нибудь заметной роли и повсеместное распространение получил английский язык. Вместе с тем предпринимаются определенные усилия по распространению языка пилипино, провозглашенного государственным и представляющего собой литературный вариант тагильского — языка наиболее крупной этнической общности страны¹⁰⁴. Весьма своеобразная ситуация сложилась в Малайзии. Здесь 80% аборигенного населения владеет малайским языком. Однако в последнее время все большее распространение (особенно среди китайского и индийского населения) фактически получает английский язык, довольно быстрыми темпами вытесняющий малайский из сферы образования и массовой информации¹⁰⁵. Но особенно показателен в рассматриваемом отношении пример Индии. Сложность этнической структуры этой страны способствует распространению у населения некоторых ее районов двуязычия, а в определенных слоях (особенно среди интеллигенции) и многоязычия, когда наряду с родным в употреблении находятся языки хинди или урду, английский язык, язык соответствующего штата, а иногда еще и особый язык или диалект более мелкой единицы. И хотя в настоящее время официально бóльшая дань воздается хинди, практически сфера английского не сужается, а напротив, расширяется. Следует заметить также, что по всей Индии, преимущественно среди интеллигенции, сохраняет известное значение санскрит¹⁰⁶.

Естественно, что однозначное или многозначное решение вопроса о языке межнационального общения не может не сказываться на процессах межэтнической интеграции. Однако не менее существенны и распространенность такого языка (или языков) в масштабе всей страны, и его функции и степень проникновения в повседневную жизнь, а также лингвистическая близость к языкам основной массы населения страны. В последнем отношении показательно, что встречающиеся в нашей литературе пред-

положения о сложении в недалеком будущем единой нации в континентальной части Танзании¹⁰⁷, видимо, в немалой степени связаны с отмеченной выше близостью суахили к языкам бантуязычных этносов, составляющих подавляющее большинство населения этой части страны.

При всей значимости языка межнационального общения (и соответственно билингвизма) для процессов межэтнической интеграции, продвинутость формирования в их ходе макроэтнических общностей, проявляющаяся в конечном счете в традиционно-бытовых сферах культуры, нередко в меньшей мере зависит от других факторов. Это прежде всего уровень социально-экономического развития страны и ее государственно-политический строй. Не последняя роль принадлежит также этнической и административной структуре государства, его размерам и времени, на протяжении которого протекают интеграционные процессы.

В силу недостаточной изученности процессов межэтнической интеграции очень трудно сопоставить степень продвинутости формирования макроэтнополитических общностей в разных полиэтничных странах. Следует однако подчеркнуть, что широкая распространенность в ряде промышленно развитых стран языка (или языков) межнационального общения не дает оснований считать, что здесь в масштабах всей страны сложились нации, например бельгийская нация¹⁰⁸ (если, разумеется, понимать нацию так, как это принято в марксистской литературе). Еще меньшее основание имеет (если не считать отдельных исключений) довольно распространенное представление, что в ходе межнациональной интеграции в ряде молодых государств Африки уже в ближайшее время возникнут новые нации, охватывающие все население отдельных государств.

Следует вообще еще раз подчеркнуть, что основным результатом процесса межэтнической интеграции — это образование макро-(мета-)этнической общности, которая охватывает несколько этнических подразделений основного уровня.

Иначе говоря, они и в таксономическом, и в пространственном отношении как бы находятся над такими объединениями, как племя, народность и нация. В этой связи такого рода макроэтнические общности иногда именуют «наднациональными» или «суперэтническими».

Вместе с тем взаимодействие в рамках государства этносов, не связанных генетическим родством, подчас ведет к возникновению новых этнических подразделений основного уровня, т. е. этносов в полном смысле данного слова. Немало примеров этого дают этнические процессы в Латинской Америке, притом примеров весьма наглядных, поскольку в процессах возникновения новых этносов — современных латиноамериканских наций, — как правило, участвуют представители разных этнорасовых групп. Так, например, в Сальвадоре, где процессы этнического смешения

ния лиц европейского (испанского) происхождения и индейцев продвинулось особенно значительно, в начале XIX в. метисы (ладино) составили 54% всего населения страны, в 30-е годы XX в. — свыше 75%, а сейчас 90%¹⁰⁹. Аналогичная картина наблюдается в Гондурасе, где в 50—60-е годы ладино составляли 91%, индейцы — 6%, негры — 2%, белые 1%¹¹⁰. Вместе с тем во многих странах Латинской Америки процесс «ладинизации» еще сравнительно далек от своего завершения. Примером может служить Гватемала, где вплоть до середины XX в. ладино и креолы оставались в меньшинстве (по состоянию на 1950 год 46,4% населения страны). Но именно они представляли новую этническую общность — гватемальскую нацию, причем, по крайней мере на 75% эта нация состояла из ладино, т. е. имела смешанный в этнорасовом отношении состав. Этническая ситуация, характерная для Гватемалы в середине XX века, была реальной для Мексики конца XVIII — начала XIX в.¹¹¹ Одним словом, генезис новых наций в Латинской Америке в значительной мере является результатом этнического смешения. А это дает основание именовать такого рода процессы «этногенетической миксацией». Их особенность в Латинской Америке состоит в том, что они одновременно являются процессами расовой метисации, или точнее, мисцегенации¹¹². Впрочем, и в некоторых других странах это сочетание в той или иной мере наблюдается также. В данной связи можно, например, сослаться на процесс формирования североамериканской нации. Имеется в виду, в частности, сопровождающая этот процесс мисцегенация. Правда, она здесь не столь очевидна, ибо по законам ряда штатов «негром» считается тот, кто имеет хотя бы $\frac{1}{8}$, а в некоторых штатах даже $\frac{1}{32}$ или $\frac{1}{64}$ «негритянской крови». К тому же в последнее время категория «мулатов» вообще исчезла из американской статистики¹¹³. Однако по подсчетам специалистов уже в 30-е годы $\frac{3}{4}$ американских негров в действительности были мулатами¹¹⁴. Впрочем, мисцегенация совсем не обязательный спутник этногенетической миксации. В известной мере таков процесс формирования англоканадской нации, в состав которой, как мы могли убедиться, вошла очень значительная доля ирландцев и шотландцев¹¹⁵.

Процесс этногенетической миксации нередко сочетается с межэтнической интеграцией, причем оба эти процесса идут как бы на разных уровнях. В частности, продолжение процесса формирования наций во многих странах Латинской Америки сочетается с процессом межэтнической интеграции в рамках страны в целом. К таким странам обычно относят в первую очередь Перу, Эквадор, Боливию, Гватемалу, а отчасти и Мексику¹¹⁶.

Нами уделено основное внимание различным видам объединительных этнических процессов. И это не случайно: именно они доминируют ныне в капиталистических странах. Однако объединительная тенденция в этнической сфере продолжает соче-

таться с дифференциацией, в том числе этногенетической дивергенцией, ведущей к образованию новых этносов. Основанием для последней могут служить различные факторы.

Одна из традиционных предпосылок для этих процессов — миграции, ведущие к постепенному появлению у мигрантов этнических черт, отличающих их от основного массива «родного» этноса. Конечный результат такого рода процессов — это либо появление нового этноса (например, африканеров ЮАР), либо растворение переселенцев в окружающем их «чужом» этническом массиве.

Другой модус этнической дивергенции связан с расчленением отдельных этносов (этникосов) между различными государствами, что обычно ведет к появлению у каждой из их частей специфических этнокультурных черт. Чаще такое расчленение — наследие сравнительно далекого прошлого, но иногда подобное явление имеет место и в наше время. Пожалуй, одним из самых значительных по своим масштабам примеров может служить образование в 1947 г. в результате раздела Британской Индии двух независимых государств — Индии и Пакистана, сопровождавшееся массовым переселением индусов и мусульман; в результате два крупных народа, ставшие на путь национальной консолидации (панджабцы и бенгальцы), были разделены новыми политическими границами¹¹⁷.

Процессы этнической дифференциации в наше время, однако, развертываются не только в «межгосударственном» плане. Они протекают и внутри отдельных государств, причем нередко сопровождаются резким обострением национальных отношений. Как подчеркивал В. И. Ленин, «нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное явление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса»¹¹⁸. Такого рода вопросы в последнее время все чаще и чаще появляются во многих капиталистических странах. В частности, это весьма наглядно проявляется в обострении национального самосознания у сравнительно крупных национальных общностей, имеющих однако относительно приниженный статус в данном государстве (по сравнению с «основной» нацией): у басков в Испании и Франции, у шотландцев и уэльсцев в Англии, у фламандцев — в Бельгии, у франкоканадцев в Канаде и т. д. При этом наблюдается своеобразный парадокс: с одной стороны, идет все большая экономическая и культурная интеграция этих национальных общностей с основными нациями страны (испанцами, французами, англичанами), с другой — происходит уже отмеченный рост национального самосознания. Кроме того, нередко возникают межнациональные конфликты; так, вы англо-ирландские столкновения в Ольстере, англо- и франко-канадские противоречия в Канаде, борьба между фламандцами и валонами в Бельгии и т. д.

В основе всех этих межнациональных противоречий, как и в целом национальных процессов, лежит целый комплекс социально-экономических, политических и идеологических факторов. Они обычно тесно переплетены между собой, хотя на первый план выступает то один, то другой. Что касается конкретных поводов для межнациональных трений и конфликтов, то они могут иметь совершенно случайный характер, вроде того, как это было во время «футбольной войны» между Гондурасом и Сальвадором*.

В конечном счете межнациональные противоречия обычно определяются социально-экономическими факторами. Весьма наглядно это проявляется в тех случаях, когда в результате присущей эпохе империализма неравномерности социально-экономического развития изменяются соотношение и роль отдельных национальностей во внутренней жизни многонациональных государств. В частности, ухудшение экономического положения отдельных национальных общностей — одна из коренных причин обострения национальных противоречий в Великобритании. Это прежде всего упадок после второй мировой войны традиционных отраслей хозяйства Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса (судостроение, текстильная промышленность, добыча угля и т. д.); новые же отрасли развиваются здесь слабо, что ведет к увеличению числа безработных.

Существенным источником межнациональных противоречий является совпадение социально-классовых и национальных различий. Немалую роль этот фактор сыграл опять-таки в возникновении острой национальной ситуации в Северной Ирландии (Ольстере), где переселенцы из Англии и Шотландии еще в позднее средневековье составляли основное ядро местных помещиков — лендлордов¹¹⁹.

Очень своеобразное переплетение социальных и национальных начал наблюдается в США, где сложилась целая система стратификации. Низшие места в ней занимают в настоящее время негры, пуэрториканцы, мексиканцы («чиканос») — самые обездоленные в социально-экономическом отношении. Положение других иммигрантских групп в этой иерархии во многом зависит от степени их ассимилированности. На самом верху — расплывчатая общность WASP (White Anglo-Saxon Protestant; буквально — белые протестанты англосаксонского происхождения), представляющая как бы эталон стопроцентного американизма¹²⁰.

---

* Имеется в виду вооруженный конфликт между Сальвадором и Гондурасом в 1969 г., прологом к которому явилось острое спортивное соперничество между футбольными командами этих стран за право участвовать в Мексике в матче на кубок Жюля Римета (см.: *Леонов Н. С. Этнические аспекты сальвадорско-гондурасского конфликта.* — Расы и народы. М., 1971, вып. 1, с. 213—220).

Социально-экономическое неравенство национальных групп в развитых странах Западной Европы весьма наглядно проявляется в положении иммигрантов. Как правило, социально-экономическое положение иммигрантов значительно хуже, чем положение коренных жителей. Они обычно выполняют неквалифицированную работу, имеют худшие жилищные условия и т. п. Следует также иметь в виду, что национальный плюрализм издавна используется господствующими классами развитых капиталистических стран для облегчения эксплуатации масс путем натравливания одних национальных меньшинств на другие, противопоставления их в политической борьбе, подмены классовых понятий национальными и т. п.¹²¹

Одним из наиболее очевидных и вместе с тем существенных факторов национальных противоречий выступает открытое (или внешне завуалированное) политическое господство одной национальной общности над другой. Наиболее наглядный пример этому являет колониализм. Как уже говорилось, в результате национально-освободительной борьбы в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки было прекращено открытое национально-колониальное угнетение в международном масштабе. Но остались различные формы «наследия» колониализма. Одна из них — несоответствие политических и этнических границ во многих развивающихся странах. Это особенно характерно для современной Африки. Как известно, колонизаторы устанавливали здесь границы своих владений, не считаясь со сложившимися этническими образованиями. В результате одни и те же этнические общности в большинстве случаев оказались в нескольких владениях, нередко принадлежавших к тому же разным колониальным державам. Эта ситуация в основном сохранилась и после освобождения, поскольку новые государства обычно возникали в пределах бывших колоний.

Межнациональные отношения при капитализме подчас чрезвычайно осложняются различной религиозной принадлежностью этнических общностей. Весьма показательны в этой связи те конфликты, которые сопровождали в 1947 г. уже упоминавшийся раздел Британской Индии на два независимых государства: Индию и Пакистан. Раздел этот, как известно, был осуществлен по религиозно-общинному признаку. «Бескровная революция», как английские империалисты именовали раздел Индии, сопровождалась переселением миллионов людей, разорением беженцев и массовыми погромами и резней. Особенно кровавый характер они приняли в Пенджабе. По приблизительным данным, количество жертв здесь превысило 500 тыс. человек. Практически в Пакистане не осталось панджабцев-сикхов и индусов, а в Индии — панджабцев-мусульман¹²². Религиозные различия отчетливо дают о себе знать и в конфликтной ситуации в Ольстере, неоднократно перераставшей в вооруженные столкновения между

угнетенным католическим ирландским меньшинством и стремящимся сохранить свои привилегированные позиции англо-шотландским большинством. При этом, разумеется, не следует забывать, что за религиозными различиями (как и вообще различиями, проявляющимися в сфере идеологии) противостоящих этнических общностей в конечном счете почти всегда стоят экономические интересы, экономическое неравенство.

Немалую роль в обострении межнациональных, межэтнических отношений в капиталистическом мире играют такие факторы, как расовые и этнические предубеждения, разные формы расовой и этнической дискриминации, а особенно сегрегация и апарtheid¹²³. Следует учитывать и то, что обострению самосознания этнических общностей, находящихся в неравноправном положении, в немалой степени содействует сопровождающее НТР развитие средств массовой информации, делающее весьма наглядным, а потому и особенно невыносимым их неравенство.

Рабочий класс, его революционный авангард — марксистско-ленинские партии отвергают реакционную идеологию национального неравенства и поддерживают национальное чувство угнетенных наций в той мере и поскольку в нем «есть общедемократическое содержание против угнетения...»¹²⁴. Вместе с тем марксистам совершенно ясно, что полностью национальный вопрос может быть решен лишь с ликвидацией антагонистических классов, являющейся кардинальной предпосылкой уничтожения всех видов угнетения и неравенства, в том числе и в сфере национальных отношений.

Именно поэтому воздействие идеалов рабочего класса на современные национальные процессы получает полное выражение лишь в условиях социалистического общества. Об этом наглядно свидетельствует более чем полувековой опыт национального строительства в СССР.

Для понимания национальных процессов в нашей стране важное значение имеет ленинское учение о двух тенденциях в национальном вопросе, о котором говорилось выше. Разумеется, при этом было бы совершенно неверно механически переносить представления о тенденциях, действующих в данной сфере при капитализме, на социалистическое общество. Ведь экономическая основа нации, ее классовая структура, духовный облик, т. е. все то, что характеризует определенный социально-исторический тип жизни, в результате перехода от капитализма к социализму коренным образом изменяются. Но присущие нации этнические свойства при этом в значительной мере сохраняются (русские остаются русскими, грузины грузинами, узбеки узбеками).

Следовательно, между действующими при капитализме и при социализме тенденциями интеграции и дифференциации в сфере национальных отношений имеются и сходства, и качественные различия. Развитие наций преобразуется в условиях социализма

под воздействием таких новых закономерностей национальных отношений, как утверждение равенства рас, наций и языков, самоопределение народов. На другой экономической и социальной основе происходит при социализме и процесс межнациональной интеграции, сближения наций. Важнейшей чертой данного процесса становится выравнивание уровня экономического и культурного развития народов, формирование у них однотипной социальной структуры. Об этом убедительно свидетельствует исторический опыт возникновения в СССР новой исторической общности¹²⁵ — советского народа, представляющего собой первое в истории человечества межнациональное (межэтническое) образование, сложившееся на базе социализма. Неуклонное усиление социально-экономического и морально-политического единства наций и народностей, составляющих эту общность, сопровождается формированием общесоветской культуры, широким распространением русского языка как языка межнационального общения, укреплением единого общесоветского самосознания¹²⁶.

Процессы сближения народов в условиях социализма не ограничиваются рамками отдельных государств. В той или иной мере они охватывают все содружество социалистических стран. При этом в разных сферах эта тенденция проявляется далеко не одинаково. Весьма наглядно она, в частности, проступает в сфере экономики. В масштабах социалистического содружества выражением этого является углубление специализации и кооперирования, представляющее одну из характерных черт экономического сотрудничества между народами в условиях социализма. Наличие в каждой социалистической стране своих хозяйственных особенностей требует увязки частных национальных интересов с их общими интернациональными интересами. Именно благодаря братской взаимопомощи в ряде государств переходный к социализму период занял меньше времени, чем в СССР. Существование мировой системы социализма позволяет приступить к социалистическому строительству даже тем странам, в которых осуществление революционных преобразований начинается в условиях господства докапиталистических производственных отношений. История показала, что строить социализм в содружестве братских стран значительно легче, чем это приходилось делать Советскому Союзу, который был первой и в свое время единственной социалистической страной. Это наглядно подтверждает и опыт тех социалистических стран, которые в силу тех или иных субъективных причин вступили на путь самоизоляции от социалистического содружества¹²⁷.

Наиболее ярким проявлением процесса интернационализации социалистического хозяйства в международном масштабе является осуществление социалистической экономической интеграции в рамках содружества стран, объединенных в Совете Экономической Взаимопомощи. В этом содружестве все возрастающую роль

играют устойчивые международные хозяйственные пропорции, все большее число производств начинает развиваться по общему согласованному плану, усиливается роль межгосударственных хозяйственных объединений. В результате развитие международных производственных отношений приобретает все более важное значение для экономического прогресса отдельных стран СЭВ, для выравнивания уровня их экономического развития¹²⁸. Показательно, например, что в этих странах за 15 лет (с 1961 по 1975 г.) национальный доход возрос более чем в 2,5 раза (в развитых капиталистических странах соответственно в 1,9 раза).

В условиях социализма тенденции развития и сближения наций чрезвычайно рельефно проявляются в сфере социально-классовых отношений. Характерное для социалистического общества развитие социальной структуры наций одновременно означает и создание однородных социальных параметров в масштабах всей нашей страны и всего содружества социалистических стран.

Идет интенсивный процесс все большего сближения духовной жизни советского народа и народов других стран социалистического содружества, прежде всего усиления их идейной общности. Наряду с общими социально-экономическими предпосылками важная роль в данном отношении принадлежит многообразным формам совместной идеологической деятельности, интенсивному обмену ценностями культуры, объединению научных потенциалов. В частности, в широких масштабах осуществляется сотрудничество социалистических стран в области просвещения и образования. Существенное место здесь занимает взаимная подготовка кадров. Только в 50-х — начале 70-х годов в СССР окончили высшие учебные заведения свыше 50 тыс. студентов из других социалистических стран¹²⁹. Значительные масштабы в последнее время приобрел обмен научно-технической информацией между социалистическими странами. Специально созданная для этих целей международная информационная система по научным работам содержит сведения примерно о четверти миллиона документов¹³⁰.

Важная роль в сближении духовной жизни социалистических стран принадлежит их расширяющимся внешнекультурным связям. Таковы творческие встречи писателей, художников, искусствоведов, фестивали различных видов искусств, выставки, дни культуры, регулярные радио- и телепередачи, совместная работа представителей творческой интеллигенции различных стран по созданию произведений искусства и т. п.

Все эти растущие контакты немало способствуют как выравниванию культурного уровня, так и укреплению идейной общности в духовной жизни стран социалистического содружества. При этом усиливается роль совместного планирования и интернационального разделения труда в области науки, образования, искусства стран социализма, формируется их общее «духовное

производство»¹³¹. В результате складывается новая, социалистическая (коммунистическая) цивилизация¹³² — важный шаг на пути возникновения будущей глобальной социокультурной общности людей.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.
- ² Страны и народы: Земля и человечество. М.: Мысль, 1978, с. 210—211.
- ³ Кулькин А. М., Смирнов П. В. Интернационализация современного капитала: основные противоречия и тенденции развития.— ВФ, 1979, № 4, с. 96—105; Овчинников Р. С. Транснациональные монополии и исторический процесс.— Нов. и новейш. ист., 1979, № 5.
- ⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 28.
- ⁵ См.: Экономическая интеграция в современном мире: Диспут научно-исследовательских институтов.— Проблемы мира и социализма, 1973, № 7, с. 15—17 (Материалы Института мировой экономики и международных отношений АН СССР).
- ⁶ См.: Максимова М. Капиталистическая интеграция и мировое развитие.— Мировая экономика и международные отношения, 1978, № 3, с. 22—23.
- ⁷ Проблемы мира и социализма, 1973, № 7, с. 15—17.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 332.
- ⁹ Империализм 70-х годов: Углубление общего кризиса. Прага, 1974, с. 81.
- ¹⁰ Максимова М. Капиталистическая интеграция..., с. 13.
- ¹¹ Арсеньев Э. «Малая Европа» в узле противоречий.— За рубежом, 1979, № 24 (989), с. 8.
- ¹² Международное совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М., 1969, с. 269.
- ¹³ Кучинский Ю. Неравномерность экономического развития капитализма усиливается.— Проблемы мира и социализма. 1968, № 10—11, с. 52—55; Динкевич А. И. О законе неравномерности общественного развития.— Нов. и новейш. ист., 1979, № 6.
- ¹⁴ Бругенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М.: Политиздат, 1979, с. 120.
- ¹⁵ Экономическая география капиталистических и развивающихся стран. М., 1971, с. 28—31, 67—68.
- ¹⁶ Зарубежный Восток и современность: Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран. М., 1974, т. 1, с. 104.
- ¹⁷ Там же, с. 254—255.
- ¹⁸ Проблемы мира и социализма, 1971, № 1, с. 75.
- ¹⁹ Бругенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы, с. 24.
- ²⁰ Покшишевский В. В. География населения зарубежных стран: Экономико-географические очерки. М., 1971, с. 122—123.
- ²¹ Маергойз И. М., Лаппо Г. М. География и урбанизация.— В кн.: Урбанизация мира: Вопросы географии. М., 1974, 96, с. 14.
- ²² Население мира: Справочник. М., 1965, с. 105.
- ²³ Маергойз И. М., Лаппо Г. М. География и урбанизация, с. 14—15.
- ²⁴ Проблемы мира и социализма, 1973, № 1, с. 92.
- ²⁵ См.: Гордон Л. А., Фридман Л. А. Некоторые особенности социальной структуры развивающихся стран.— НАА, 1964, № 6.
- ²⁶ Зарубежный Восток..., с. 281—283.
- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.
- ²⁸ Семенов В. С. Интернационализм и общественный прогресс. М.: Мысль, 1978, с. 400.
- ²⁹ Бругенц К. Освободившиеся страны в 70-е годы, с. 88—89.
- ³⁰ Семенов В. С. Интернационализм и общественный прогресс, с. 406—407.
- ³¹ Максимова М. Капиталистическая интеграция..., с. 22.

- ³² Брутенц К. Освободившиеся страны в 70-е годы, с. 135.
- ³³ Там же, с. 117—119.
- ³⁴ Страны и народы: Земля и человечество, с. 323.
- ³⁵ Там же, с. 324.
- ³⁶ См.: *Иовчук М. Т.* Вопросы развития советской духовной культуры и современная борьба идей.— ВФ, 1976, № 3, с. 53.
- ³⁷ Подробнее см. выше, с. 57—58.
- ³⁸ См. очерк «Опыт типологизации этнических процессов, связанных с формированием буржуазных наций», помещенный в этой книге.
- ³⁹ Ср: *Лазарев М. С.* К национальной ситуации на современном Востоке: Методологический подход.— В кн.: Национальные проблемы современного Востока. М., 1977, с. 47—51; Юго-Восточная Азия: Проблемы региональной общности. М., 1977, с. 229—230.
- ⁴⁰ См.: Страны мира..., с. 32, 96, 149, 162, 286; Юго-Восточная Азия..., с. 229 (сведения о французах, англичанах, арабах, греках приводятся по состоянию на 1976 г., кхмерах — на 1977 г., малагасийцах — на 1975 г.).
- ⁴¹ См.: Страны мира..., с. 125, 208 (сведения о китайцах приводятся по состоянию на 1976 г., бирманцах — на 1977 г.).
- ⁴² См.: *Талмуд Э. Д.* Национальные процессы в Шри Ланке в 60—70-х годах.— В кн.: Национальные проблемы современного Востока, с. 115 (сведения о сингалах даны по состоянию на 1971 г.).
- ⁴³ *Богина Ш. А., Козлов В. И., Ногибург Э. Л., Фурсова Л. Н.* Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки.— СЭ, 1975, № 5, с. 4 (сведения по состоянию на 1970 г.).
- ⁴⁴ Страны мира..., с. 24, 214 (сведения о фламандцах даются по состоянию на 1976 г., тайцах — на 1977 г.).
- ⁴⁵ Там же, с. 186 (сведения по состоянию на 1976 г.).
- ⁴⁶ Там же, с. 221, 385 (сведения об англоканадцах даны по состоянию на 1976 г., висайя — на 1977 г.).
- ⁴⁷ *Меликсетова И. М.* Некоторые проблемы этнонационального развития в Папуа Новой Гвинее (государственность и трибализм).— В кн.: Национальные проблемы современного Востока, с. 179.
- ⁴⁸ *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973, с. 33, 141; *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этнос и этнические процессы в Африке: К проблеме типологии.— СЭ, 1979, № 5, с. 23.
- ⁴⁹ Страны мира..., с. 149, 162.
- ⁵⁰ Там же, с. 208.
- ⁵¹ См.: *Талмуд Э. Д.* Национальные процессы в Шри Ланке..., с. 115.
- ⁵² Страны мира..., с. 24.
- ⁵³ *Богина Ш. А.* и др. Национальные процессы и национальные отношения..., с. 4.
- ⁵⁴ Страны мира..., с. 186, 221, 385.
- ⁵⁵ *Богина Ш. А.* и др. Национальные процессы и национальные отношения..., с. 6.
- ⁵⁶ Юго-Восточная Азия..., с. 230.
- ⁵⁷ См.: *Богина Ш. А.* и др. Национальные процессы и национальные отношения..., с. 5.
- ⁵⁸ Страны мира..., с. 221.
- ⁵⁹ *Богина Ш. А.* и др. Национальные процессы и национальные отношения, с. 4.
- ⁶⁰ Там же, с. 13.
- ⁶¹ *Берзина М. Я.* Этнический состав населения США: Краткий историко-статистический обзор.— В кн.: Национальные процессы в США. М., 1973, с. 47; Страны мира..., с. 425.
- ⁶² Страны мира..., с. 342.
- ⁶³ См.: *Марегин Ю. В.* Индонезия.— В кн.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974, с. 146.
- ⁶⁴ *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этнос и этнические процессы в Африке.— СЭ, 1979, № 5, с. 26.

- ⁶⁵ Там же, с. 25—26.
- ⁶⁶ *Маретин Ю. В.* Индонезия, с. 158.
- ⁶⁷ *Гохман В. И.* Этническая ситуация у чинов Бирмы.— *Расы и народы*. М., 1975, вып. 5, с. 161—176.
- ⁶⁸ *Маретин Ю. В.* Индонезия, с. 147.
- ⁶⁹ *Андрианов Б. В.* Специфика формирования африканских наций (на примере Кении).— *Расы и народы*, 1977, вып. 7, с. 175—176.
- ⁷⁰ *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы..., с. 183—185.
- ⁷¹ Там же, с. 191.
- ⁷² *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этнос и этнические процессы в Африке, с. 27.
- ⁷³ См.: *Маретин Ю. В.* Индонезия, с. 153—156.
- ⁷⁴ *Львова Э. С.* Этническая ситуация и политика государств Западной Экваториальной Африки.— *Расы и народы*, 1977, вып. 7, с. 180—185.
- ⁷⁵ *Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н.* Этнос и этнические процессы в Африке, с. 29—30.
- ⁷⁶ Этнические процессы в странах Южной Азии, с. 142—162, 167.
- ⁷⁷ *Лукьянченко Т. В.* Лопари.— В кн.: *Народы зарубежной Европы*. М., 1965, т. II, с. 155. Правда, интенсивность этих процессов, видимо, не следует преувеличивать (см.: *Анохин Г. И.* Судьбы аборигенов Лапландии.— *Расы и народы*, 1976, № 6, с. 189).
- ⁷⁸ *Маретин Ю. В.* Индонезия, с. 158.
- ⁷⁹ См.: *Богина Ш. А.* и др. Национальные процессы и национальные отношения..., с. 7.
- ⁸⁰ *Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М.* Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1979, с. 9—10.
- ⁸¹ *Берзина М. Я.* Этнический состав населения США.— В кн.: *Национальные процессы в США*. М., 1973, с. 49.
- ⁸² *Богина Ш. А.* и др. Национальные процессы и национальные отношения..., с. 8.
- ⁸³ См.: *Павленко А. П.* Европейские иммигранты в Великобритании.— *Расы и народы*, 1976, вып. 6, с. 162—164.
- ⁸⁴ Там же, с. 170—171.
- ⁸⁵ *Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М.* Индийцы и пакистанцы за рубежом, с. 145.
- ⁸⁶ *Козлов В. И.* Динамика численности народов: Методология исследования и основные факторы. М., 1969, с. 355.
- ⁸⁷ Там же, с. 356.
- ⁸⁸ См.: *Богина Ш. А.* и др. Национальные процессы и национальные отношения..., с. 10.
- ⁸⁹ Подробнее см.: *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 328—329.
- ⁹⁰ *Williams C. Mc.* Brothers under the skin. Boston, 1964, p. 151; *Скорошникова В. А.* Японцы в США.— *Расы и народы*, 1976, вып. 6, с. 232.
- ⁹¹ *Козлов В. И.* Динамика численности народов..., с. 329.
- ⁹² См.: *Терентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально смешанных семьях.— *СЭ*, 1969, № 3.
- ⁹³ *Листова Н. М.* Национальный состав населения Швейцарии.— В кн.: *Этнические процессы в странах зарубежной Европы*.— М.: Наука, 1970, с. 44.
- ⁹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 127.
- ⁹⁵ См., например: *Козлов В. И.* Динамика численности народов..., с. 323.
- ⁹⁶ См., например: Бедственное положение.— *Известия*, 1980, 8 авг.
- ⁹⁷ *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Современный этап национального развития народов Азии и Африки.— *СЭ*, 1961, № 4, с. 90; *Брук С. И.* Основные проблемы этнической географии. М., 1964, с. 25—49; *Чебоксаров Н. Н.* Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии.— *СЭ*, 1966, № 2; *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В.* Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии.— *ВИ*, 1969, № 1, с. 95, 100—107; *Брук С. И., Че-*

боксаров Н. Н. Метаэтнические общности.— Расы и народы, 1976, вып. 6, с. 28—39.

⁹⁸ См.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 273.

⁹⁹ Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977, с. 154.

¹⁰⁰ Львова Э. С. Этническая ситуация и политика государств Западной Экваториальной Африки, с. 189.

¹⁰¹ Там же, с. 183—184.

¹⁰² См.: Тишков В. А. Политика двуязычия в Канаде.— Расы и народы. М., 1977, вып. 7, с. 207—224.

¹⁰³ Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 249; Осипов Ю. А. К проблемам общего языка в молодых независимых государствах Юго-Восточной Азии.— Расы и народы. М., 1975, вып. 5, с. 137—138.

¹⁰⁴ Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 284—285.

¹⁰⁵ См.: Осипов Ю. А. К проблемам общего языка..., с. 138—140.

¹⁰⁶ Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976, с. 95—99; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 35—36.

¹⁰⁷ Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы..., с. 198.

¹⁰⁸ См., например: Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность.— ВИ, 1966, № 4.

¹⁰⁹ Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974, с. 154, 174.

¹¹⁰ Там же, с. 217.

¹¹¹ Там же, с. 116.

¹¹² См.: Мёрнер М. Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема.— Расы и народы. М., 1971, вып. 1, с. 188—282.

¹¹³ Богина Ш. А. и др. Национальные процессы и национальные отношения..., с. 10—11.

¹¹⁴ Современная американская этнография: Теоретические направления и тенденции. М., 1963, с. 140.

¹¹⁵ См. выше, с. 290.

¹¹⁶ См.: Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности, с. 35.

¹¹⁷ См.: Этнические процессы в странах Южной Азии, с. 30.

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 329.

¹¹⁹ Богина Ш. А. и др. Национальные процессы и национальные отношения, с. 6.

¹²⁰ Богина Ш. А. Межэтнические отношения в США (XIX век).— СЭ, 1974, № 4, с. 68—69.

¹²¹ Богина Ш. А. и др. Национальные процессы и национальные отношения..., с. 9.

¹²² Кочнев В. И. Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове.— Расы и народы, 1975, вып. 5, с. 105.

¹²³ См., например: Международная конвенция о пресечении преступлений апартеида и наказание за него.— Расы и народы, 1975, вып. 5, с. 314—320; Бутлицкий А. В. ЮАР: обострение апартхейда.— Расы и народы, 1976, вып. 6, с. 119—134; Резолюция о сионизме как форме расизма.— Расы и народы, 1977, вып. 7, с. 275—276; Хроника борьбы против расизма и национального угнетения.— Расы и народы, 1975, вып. 5, с. 349—355 (июль 1973 г.—июнь 1974 г.); 1976, вып. 6, с. 312—321 (июль 1974 — июль 1975); 1977, вып. 7, с. 314—324 (июль 1975 — июль 1976); 1978, вып. 8, с. 318—326 (июль 1976 — июль 1977); 1979, вып. 9, с. 331—339 (июль 1977 — июль 1978).

¹²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 275—276.

¹²⁵ См.: Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1975, с. 73—155.

¹²⁶ Подробнее см. следующий очерк этой книги.

¹²⁷ См.: Дудинский И. В. Действие экономических законов социализма в мировом социалистическом хозяйстве.— ОН, 1977, № 2, с. 40—41.

¹²⁸ Там же.

- ¹²⁹ Марксистско-ленинское учение о социализме и современность. М., 1975, с. 349.
¹³⁰ Сумароков Л. Общий фонд знаний.— Правда, 1979, 29 сент.
¹³¹ См.: Иовчук М. Т. Интернационализм социалистической культуры.— ВФ, 1976, № 12, с. 34—35.
¹³² См.: Мчедлов М. К вопросу о становлении коммунистической цивилизации.— Коммунист, 1976, № 14, с. 35—36; *Он же.* Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980.

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СССР

Приступая к рассмотрению темы, которой посвящен данный очерк, представляется необходимым еще раз вернуться к вопросу о соотношении понятий «этническое» и «национальное». Дело в том, что в трактовке этих понятий существуют определенные различия. Это происходит не только потому, что указанные понятия не однозначны, но и в силу того, что их соотношение имеет различные аспекты, каждый из которых обладает своими особенностями. Так, в стадийном плане понятие «этническое» шире, чем «национальное»: оно простирается и на такие донациональные общности людей, как племена. Оно шире и в том смысле, что если последнее относится лишь к этническим подразделениям основного уровня (этническим и эсо, т. е. национальностям и нациям), то этническое по своей сути иерархично, т. е. имеет несколько таксономических уровней. Что касается «структурно-содержательного» плана, то в этом случае следует учитывать, что термины «этническое» и «национальное» употребляются и в широком и в узком значении. Но если при использовании термина «национальное», особенно когда речь идет о национальных процессах, ему придается широкое (этносоциальное) значение, то термин «этническое», напротив, имеет, как правило, узкий (собственно этнический) смысл. Именно это и делает, на наш взгляд, эвристичным выделение собственно этнических аспектов в национальных процессах.

Рассматривая этническую сторону национальных процессов, иначе говоря, собственно этнические процессы, следует постоянно иметь в виду их органическую связь с социально-экономическими факторами, которыми они в конечном счете и определяются. Поэтому, характеризуя современные этнические процессы в нашей стране, представляется необходимым прежде всего подчеркнуть, что они протекают в условиях небывалого в истории человечества общего экономического, социального и культурного прогресса. Как известно, огромная роль в этом принадлежит добровольному содружеству народов нашей страны — Союзу Советских Социалистических Республик. Подводя итог его полувекового существования, Л. И. Брежнев особо подчеркнул, что «национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого,

решен полностью»¹. Это проявилось прежде всего в ликвидации былого экономического неравенства народов, формирования у них однотипной социальной структуры, в расцвете культуры.

Все эти достижения и явились основой тех изменений, которые за годы Советской власти произошли у нас в стране в этнической сфере. Такого рода изменения, т. е. собственно этнические процессы, могут быть применительно к современности подразделены на две основные разновидности: внутринациональные и межнациональные.

К внутринациональным этническим процессам, имеющим консолидационный характер, принято относить процессы слияния нескольких родственных по культуре этнических единиц в единый народ. В ходе этих процессов за годы Советской власти стали более монолитными многие давно сложившиеся нации. Так, поморы, кержаки, отдельные группы казаков, камчадалы в первые годы Советской власти иногда даже не осознавали себя частями русского народа, отличаясь от основной части русских по диалектам, культуре и быту. Теперь же их лишь с большим трудом можно выделить в качестве так называемых этнографических групп русского народа. Быстро стираются также различия между бойками, лемками, гуцулами и остальными украинцами, ливами и латышами и т. д.

Вместе с тем уже с первых лет Советской власти социально-экономические преобразования создали в нашей стране благоприятные условия для бурного развития процессов межнациональной консолидации. В прежде отстававших в своем развитии окраинных областях страны такие процессы выражались в объединении этнических групп близких по языку и культуре в крупные народности и нации. Так завершилось, например, образование многих среднеазиатских наций, в частности, туркмен, сложившихся из племенных групп иомудов, теке, гокленов и др. В результате консолидационных процессов сформировались многие народы Сибири, в том числе алтайцы, в состав которых вошли алтай-кижи, теленгиты, телеуты и другие малочисленные племена и народности². В итоге значительно уменьшилась этническая мозаичность нашей страны. Это нашло свое отражение, в частности, в различиях числа этнонимов по данным переписей 1926 и 1959 гг. — в первом случае их фигурирует 178, во втором — 109. Правда, частично это сокращение, видимо, обусловлено изменением в подходе статистических работников к задачам определения национальной (этнической) принадлежности³. Однако многие из указанных изменений, например, отсутствие в переписи 1959 г. (как и 1939 г.) таких фиксированных переписью 1926 г. этнонимов, как мишары, кряшены, нагайбаки, непосредственно связано с результатами этнических процессов (в данном случае консолидацией этих этнических групп в татарской нации). Вместе с тем следует подчеркнуть, что пора наибольшей актив-

ности межнациональных и внутринациональных консолидационных процессов уже миновала. Показательно, что перечень этнонимов, выделенных переписью 1979 г., почти не отличается от соответствующих показателей предыдущей переписи 1970 г. (106).

Однако, на наш взгляд, на данном основании было бы несколько поспешным утверждать, что процессы внутренней этнической консолидации в основном относятся к прошлому. Это в известной степени справедливо, если иметь в виду стирание культурных различий в пространственном плане, т. е. между этнографическими территориальными группами внутри этнических общностей. Но внутренняя культурная консолидация таких общностей данным аспектом не ограничивается. В частности, немалое значение для современной этнической консолидации наций имеет усиление их культурной однородности в условиях развитого социализма в результате дальнейшего стирания классовых различий, сближения умственного и физического труда, условий жизни в городе и деревне. Тем более нет оснований говорить о полном завершении процессов национальной консолидации. Ведь такого рода процессы выражаются в повышении не только культурной, но и социальной однородности наций. Разумеется, данные процессы требуют внимания исследователей.

Что касается межнациональных этнических процессов, то они протекают в различных формах, имеющих далеко не одинаковую интенсивность. Наибольшие этнические изменения связаны с ассимиляционными процессами. Эти процессы, завершающиеся в конечном счете сменой этнической принадлежности, представляют собой как бы растворение отдельных групп или отдельных представителей одного народа в среде другого, обычно более многочисленного. При этом следует непременно различать насильственную и естественную ассимиляции. В свое время В. И. Ленин, резко выступая против ассимиляторской политики царского правительства, против насильственной ассимиляции народов, подчеркивал, что процесс естественной ассимиляции, обусловленный непосредственными контактами народных масс, даже в условиях капитализма имеет прогрессивное значение⁴. Необходимо вместе с тем иметь в виду, что в нашей стране (как, впрочем, в большинстве других стран) ассимиляция оказывает сравнительно заметное влияние лишь на численность территориально рассредоточенных народов (евреев, мордву, карел и др.), а также этнических групп, находящихся на территории в основном занимаемой другой национальностью.

О естественном характере этнических процессов данного типа наглядно свидетельствует тот факт, что в качестве их главного канала выступают национально-смешанные браки, дети от которых обычно выбирают национальность одного из родителей, прерывая тем самым этническую линию другого. Происшедшее за годы Советской власти развитие дружественных межнациональных отно-

шений и падение религиозных барьеров наряду с усилением территориального смешения национальностей, особенно в быстро растущих городах, привели к значительному увеличению таких браков. Если в 1925 г. в целом по стране национально-смешанным был лишь каждый сороковой брак, то в прошлом десятилетии таковым являлся уже каждый десятый, а в ряде городов, как показывают специальные исследования, даже каждый четвертый (особенно часты национально-смешанные браки в городах Молдавии, Украины, Белоруссии и т. д.). Увеличение удельного веса семей с супругами разной национальности продолжается. Если в 1959 г. такие семьи по всей стране составляли 10,2% от общего числа семей, то в 1970 г. их число в СССР возросло уже почти до 14%⁵.

От этнических последствий национально-смешанных браков во многом зависит направленность ассимиляционных процессов. Проведенные Институтом этнографии АН СССР специальные обследования выявили существенные региональные различия в определении своей национальности подростками, выросшими в смешанных семьях. Так, в Прибалтике в семьях, состоящих из лиц коренной национальности и русских, примерно половина подростков определяет себя русскими, другая относит к местной национальности⁶. В то же время в Чувашии почти 98% подростков из чувашско-русских семей именуют себя русскими⁷. Иную ситуацию мы имеем в Туркмении. Здесь в туркменско-русских семьях большинство подростков определяет себя туркменами. В последнем случае это в определенной мере связано с тем, что у туркмен этническая принадлежность традиционно определяется по отцу; между тем почти во всех смешанных семьях в рассматриваемом случае отец — туркмен. К тому же социализация подростков происходит в среде, где в целом преобладают туркмены.

От ассимиляции следует четко отграничивать так называемую межэтническую интеграцию, под которой нами понимаются многосторонние процессы взаимодействия уже сложившихся этнических единиц — народностей и наций — внутри одного государства; процессы эти выражаются прежде всего в сближении их культур, в создании как бы единого «культурного слоя», единых черт в образе жизни⁸.

Межэтническая интеграция представляет магистральную линию взаимодействия народов в нашей стране. Базу этого рода процессов составляет социально-экономическая и идейно-политическая общность наций и народностей в рамках единого социалистического государства⁹.

Важнейшим фактором интеграции духовной жизни национальностей нашей страны является единая марксистско-ленинская идеология, интернациональное сплочение трудящихся вокруг КПСС. Понимание глубокой общности интересов трудящихся всех национальностей, необходимости объединения их сил в борь-

бе за построение нового общества способствовали утверждению у народов Советского Союза идей интернационализма¹⁰.

Интернациональное единство советского народа с особой силой проявилось в общем патриотическом подъеме в годы Великой Отечественной войны. Советский многонациональный народ, единодушно поднявшийся на защиту своего отечества и нового общественного строя, в героических подвигах на фронтах и в самоотверженном труде в тылу выразил преданность своей социалистической Родине¹¹.

Практика межнационального сотрудничества, широкий обмен кадрами создают социально-нравственную атмосферу, способствующую быстрому и глубокому усвоению идей интернационализма.

Существенное значение для межэтнического сближения имеют крупные перемещения населения, ведущие к постепенному возрастанию полиэтничности во многих регионах страны. В каждой союзной республике сейчас проживают представители многих национальностей. Особенно сложным по своему национальному составу является население большинства городов. Крупные города превратились в центры интенсивных межэтнических контактов¹².

Этнические перемещения идут очень активно в пределах историко-культурных областей, между территориально близкими, издавна связанными общностью культурных традиций народами. Однако процесс этнического рассредоточения, т. е. расселения за пределами своих исконных ареалов большинства крупных народов, не ограничивается рамками этих культурно-исторических областей, а охватывает в той или иной мере и другие области Советского Союза.

Межэтническая интеграция теснейшим образом сопряжена с процессом возникновения и развития новой исторической общности — советского народа.

Лежащее в основе формирования этой интернациональной общности сближение наций в экономической, социальной и политико-идеологической областях сопровождалось их сближением и в этнокультурной сфере. В ходе данного процесса новая историческая общность постепенно приобретает характерные, свойственные ей черты, выражающиеся в складывании общесоветской культуры, широком распространении русского языка как языка межнационального общения, формировании единого общесоветского самосознания.

Таковы в самых общих чертах главные направления современных этнических процессов в нашей стране. Характеризуя их в целом, следует однако подчеркнуть, что в разных сферах жизни нашего общества присущие данным процессам основные тенденции проявляются далеко не одинаково. Это, в частности, полностью относится к культуре.

Для материальной культуры, как известно, особенно характерны интеграционные процессы. Наиболее яркой чертой такого рода изменений является отход от архаических, примитивных элементов материальной культуры, широко бытовавших до Октябрьской революции. Устаревшие предметы традиционной материальной культуры заменяются современными промышленными изделиями. В ходе урбанизации все более широкое распространение получают общесоветские «городские» виды материальной культуры, отражающие возросшие требования советских людей.

Что касается этнической специфики, то она явно долгие удерживается в интерьере жилища, чем в самом жилище, в украшениях одежды, чем в самой одежде и очень устойчива в пище¹³, т. е. эта специфика сказывается в большей мере не в утилитарных свойствах вещей, а в связи с их чувственным восприятием. При этом чрезвычайно важна как прямая, так и обратная связь определенной культуры и этнического самосознания. Последнее подчас придает этническую значимость предметам материальной культуры, которые если ее прежде и имели, то в очень ограниченных размерах (т. е. сколько-нибудь четко их этническое своеобразие не осознавалось). Таковы, например, многие изделия народных промыслов.

Вместе с тем следует учитывать, что, как известно, отдельные традиционные элементы культуры, выработанные тем или иным народом или несколькими народами какой-либо географической области, получают широкое распространение по всему Советскому Союзу (таковы среднеазиатские ковры, украинские мужские рубашки, прибалтийские украшения из металла и янтаря, отдельные блюда кавказской, украинской, русской кухни и т. п.)¹⁴.

Большая роль в сближении народов нашей страны принадлежит двуязычью, связанному с выполнением русским языком функций языка межнационального общения. В результате проведения переписи населения 1979 г. выявилось, что общее число свободно владеющих русским языком или считающих его своим родным в СССР составляет 214,8 млн. человек (в 1970 г. — 183 млн. человек), или 81,9% всего населения (в 1970 г. — 76,0%). При этом родным он является для 137,2 млн. русских (в 1970 г. — для 128,8 млн.) и для 16,3 млн. лиц других национальностей (в 1970 г. — 13 млн.), вторым языком — для 61,3 млн. человек (в 1970 г. — 41,9 млн.). Наряду с русским в стране довольно широко распространены в качестве вторых и другие языки народов СССР. О свободном владении этими языками в 1979 г. сообщило 12,3 млн. человек — 4,7% населения страны (в 1970 г. — 6,2 млн.); наиболее распространенными среди них являются украинский, белорусский, узбекский, татарский, молдавский, азербайджанский, таджикский, грузинский и др. языки. Следует отметить вместе с тем, что широкое использование языков межнационального общения сочетается в нашей стране с устойчивым

сохранением представления о родном языке как языке своей национальности. За годы Советской власти соответствующий показатель почти не изменился: в 1926 г. он был равен — 94,2% населения страны, в 1959 г. — 94,3%, в 1970 г. — 93,9%, в 1979 г. — 93,1%¹⁵.

Языкам межнационального общения, и в первую очередь русскому языку, принадлежит огромная роль в обмене ценностями духовной культуры между народами нашей страны. Такой обмен, как известно, ведет к дальнейшему взаимообогащению национальных культур. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в отличие от материальной культуры, где все же преобладают тенденции к унификации, духовная культура народов нашей страны в значительной степени сохраняет свой этнический колорит. Это, в частности, довольно наглядно проявляется в такой своеобразной сфере духовной культуры, как обряды. В наши дни обрядность бытует в двух вариантах: традиционном и новом. Новые обряды нередко включают некоторые элементы традиционной обрядности, а традиционные — сами претерпевают существенные изменения. Так, в свадебных обрядах, в обрядности детского и похоронно-поминального циклов появились новые черты как за счет новых общественных элементов культуры, так и за счет интегрированных элементов культуры других народов Советского Союза. При этом в процессе модификации традиционной обрядности наблюдается тенденция к созданию обряда, сокращенного в числе своих звеньев до разумного минимума.

Связь с этнической традицией в этих обрядах выражается в национальных песнях, музыке (которые исполняются наряду с общесоветскими), в танцах, национальных видах спорта, в национальных блюдах, а также в сохранении некоторых элементов старинных обрядовых действий, совершенно утративших свой прежний смысл и воспринимающихся как добрые пожелания или как игровой символический элемент¹⁶.

Весьма устойчивыми, хотя, к сожалению, еще недостаточно изученными, являются этнические традиции в сфере различных обычаев повседневного поведения людей; за этими обычаями, как правило, стоят характерные для данного народа исторически сложившиеся нормы общения.

Этническое своеобразие обычно проявляется не столько в области рационального, сколько эмоционального. Поэтому в рассматриваемой связи представляется особенно существенным обратиться к художественной культуре.

Издавна этническая специфика особенно наглядно проступает в такой сфере художественной культуры, как народное искусство. В этой сфере в наше время исчезновение, вытеснение некоторых элементов (главным образом связанных с религией) сочетается с возрождением ряда традиций, прежде угасавших или распространенных лишь среди той или иной этнической группы. Огромную

роль в данном отношении играет творческая переработка традиционных компонентов народной культуры и возникновение ее «вторичных» форм¹⁷.

И в современных условиях, когда возрастает интерес к более интернациональным по форме эстрадной и симфонической музыке, все же довольно часто в часы отдыха, на праздниках люди обращаются к народным песням. В ходе недавних этносоциологических опросов среди узбеков, например, не только свыше 90% сельских жителей, но и более 70% горожан (80% среди лиц в возрасте 60 лет и старше, 71% в группе 30—39 лет и 52% среди тех, кому по 20—24 года) ответили, что предпочитают национальную народную музыку¹⁸. Среди молдаван предпочтение национальным танцам и музыке отдало более 60% не только в числе рабочих и служащих, но и в среде интеллигенции; у эстонцев — около 10% в городах и около 20% в селах среди молодежи и людей среднего возраста и свыше 30% в городах и 70% в селах среди лиц старших возрастов. Но исполнение народных песен, естественно, еще шире, чем предпочтение. Ведь можно больше любить симфоническую музыку, но в кругу семьи и друзей чаще петь народные песни. Даже среди тех, кто прежде предпочитал эстраду, в конце 70-х годов возрос интерес к фольклорной музыке.

Весьма показательна в рассматриваемой связи также развитие в советское время народных художественных промыслов. Общеизвестно, что в последние годы продукция этих промыслов пользуется в нашей стране, как и во всем мире, широким спросом, обусловленным повышенным интересом урбанизированного общества к народным изделиям, которые разнообразят массовую стандартную продукцию промышленного производства. Нельзя не учитывать и возросшего спроса к своему народному искусству в национальных республиках, что отражает глубокий интерес к лучшим культурным традициям прошлого.

Современные изделия народных художественных промыслов, как правило, сохраняют этническую специфику, связанную с передачей традиций художественного мастерства, сложившегося в рамках соответствующего этноса. Подчас такие изделия (например, русские матрешки) превращаются даже в своеобразные этнические символы, правда, не столько внутри своей этнической общности, сколько в глазах представителей других этносов¹⁹. Вместе с тем, проникая в повседневный быт других народов, они способствуют его гомогенизации. В результате в современной семье любой национальности (особенно в городах) смотрят не только теле- или радиопередачи из других республик или читают книги, переведенные с другого языка, но и своеобразно сочетаются детали интерьера — украинская или прибалтийская керамика, грузинская чеканка, узбекские или туркменские ковры, русская вышивка и т. д. Они могут использоваться утилитарно или только декоративно²⁰.

Национальное своеобразие художественной культуры народов СССР, однако, не сводится лишь к народному искусству и классическому наследию прошлого. Оно в значительной мере является результатом нового профессионального творчества. Вместе с тем следует учитывать различие в выполнении этнических функций народным (или традиционно-бытовым) и профессиональным искусством. Заметная роль в этнических явлениях и процессах традиционно-бытового искусства обусловлена такой неперменной его чертой, как массовость, распространенность на весь этнос или по крайней мере на значительные его части. Что касается профессионального искусства, реализующегося обычно в индивидуальном художественном творчестве, то, как правило, далеко не все относящиеся к нему произведения приобретают массовый характер в рамках соответствующего этноса. К тому же различные виды искусства оказывают далеко не одинаковое воздействие на этнические процессы. Это обусловлено, в частности, тем, что одни из них (например, театр) непосредственно связаны с таким важным компонентом этноса, как язык, другие (музыка) не обнаруживают подобной связи; одни (например, кино) могут отразить действительность более реалистично, другие (балет) отражают ее в более условных формах, и т. д. Различия в способах, в которых те или иные виды искусства отражают действительность, в том числе этническую специфику в ее внешне-предметных, языково-культурных, социальных, психологических и других формах проявления, не могут не сказаться на особенностях восприятия этих видов искусства и на особенностях воздействия их на этническое самосознание.

Для выполнения искусством этнических функций немалое значение имеет еще одно обстоятельство. Дело в том, что оно отражает действительность не всеохватывающе, а выборочно, и не в виде зеркальной копии, а в преломлении через призму особенностей характера его создателей и исполнителей, их творческих способностей и устремлений, их социальных установок. В результате этого в художественном произведении этническая специфика может быть подчеркнута или сглажена. Следует иметь в виду и то, что подобно общественным наукам искусство пронизано идеологией, в зависимости от которой оно может ускорять этнические процессы и тормозить их, может способствовать как разъединению народов, так и их сближению и т. д. Именно поэтому становление и развитие советского искусства проходило в возглавленной нашей партией борьбе против националистических, формалистических и прочих отрицательных тенденций.

Переходя к общей характеристике специфики взаимодействия с этносом основных видов профессионального искусства, целесообразно выделить прежде всего те из них, которые наиболее связаны с языково-культурными аспектами этнических процессов, уже в значительной степени освещенными в специальной литера-

туре. К таковым относятся прежде всего драматический театр и кино. Эти виды зрелищного искусства, а также широко распространившееся в наши дни телевидение, особенно тесно связаны с языком и художественной литературой, часто опираются на нее; известно, что многие литературные произведения проникли в широкие массы не непосредственно, через печать, а благодаря их экранизации или театральным инсценировкам. По сравнению с театром, кино, использующее натурную и павильонную съемки, обладает несравненно большими возможностями отображения действительности в ее этнических формах; эти возможности (и в целом этнический аспект киноискусства) усилились после появления и в ходе развития звукового кино, в котором иногда используется народная речь, часто — с ее диалектными особенностями.

К видам искусства, которые не обнаруживают прямой связи с языком и литературой и могут восприниматься аудиторией так сказать непосредственно, вне зависимости от языковой принадлежности, относятся, с одной стороны, живопись и скульптура, с другой — музыка и хореография. Музыка, обладая огромной силой эмоционального воздействия на глубинные пласты психики, занимает видное место в общественной и культурной жизни людей. Будучи генетически связана с песенным народным творчеством, музыка отражает особенностями мелодий, лада и т. п. этническую специфику почти столь же сильно, как и язык. Вместе с тем у разных народов обнаруживаются сходные музыкальные явления, связанные как с культурными заимствованиями, так и возникшие независимо вследствие тех или иных общих предпосылок.

Хореография, танцевальное искусство также восходит к весьма давним и устойчивым формам народного искусства. Анализ развития хореографии, начиная от народных танцев до сценических балетных постановок, дает возможность выявить не только особенности традиционных танцев народов в прошлом, но и проследить пути расширения взаимосвязей хореографических культур различных локальных групп и народов²¹.

Промежуточное положение между «языковыми» и «неязыковыми» видами искусства занимает песенно-музыкальное творчество, которое нашло свое сценическое воплощение как в форме профессиональных ансамблей песни и пляски и сольных концертов, так и в таких своеобразных формах изображения действительности, как опера и оперетта. Впрочем, эта «условность» не мешает таким видам искусства отражать этническую специфику, в частности широко пользоваться всеми видами народного искусства (песенно-музыкального, хореографического и др.). Локальные варианты традиционного искусства, переходя на профессиональную сцену, обычно стилизуются и, становясь достоянием масс, могут приобрести функции общенациональных символов²².

Превращение за годы Советской власти художественной литературы и искусства в достояние широких масс привело к небывалому возрастанию объема художественных культур отдельных этносов. У всех народов СССР произошло как увеличение общего фонда художественных произведений, так и рост масштабов «потребления» произведений искусства, расширение диапазона духовных запросов трудящихся. При этом следует учитывать, что в своей совокупности деятели профессиональной культуры каждой этнической общности в той или иной мере формируют новые черты самобытного облика этой культуры, способствуют возникновению в ней новых специфических традиций. Несмотря на активный межнациональный обмен, многие из тех компонентов культуры, которые приобретают интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах.

То обстоятельство, что произведения профессиональной художественной культуры в той или иной степени отражают этническую (национальную) самобытность того или иного народа, как известно, уже давно привлекает внимание специалистов, изучающих отдельные виды профессионального искусства, в том числе современного искусства народов СССР. Но произведения профессионального художественного творчества не только отражают свойства этнических общностей. При определенных условиях они сами в той или иной степени превращаются в неотъемлемые компоненты этноса, становясь достоянием основной массы его членов, проникая в их повседневный быт, в обыденное сознание. Такое проникновение и обеспечивает реальное выполнение произведениями профессионального искусства этнических функций.

Художественная культура, как известно, обычно включает три основные составные части: творчество, т. е. производство, само произведение и потребление. Между тем выявление этнического, национального своеобразия художественной культуры главным образом сводится к соответствующему анализу художественных произведений, иногда дополняясь рассмотрением их производства (художественного творчества). Вопрос же о потреблении тех или иных произведений художественной культуры широкими массами, о глубине и широте проникновения в повседневный быт, обыденное сознание людей, составляющих данный этнос, обычно даже не ставится. В результате реальное значение отдельных произведений художественной культуры для этнических процессов остается фактически не исследованным. Однако общеизвестно, что далеко не каждое произведение профессиональной культуры становится достоянием основной массы данного народа. Но ведь без этого условия, каким бы ни было данное произведение, оно никак не может выполнять этнических функций. Отсюда изучение реальных этнических процессов в сфере художественной культуры

настоятельно требует усиления внимания к потреблению этой культуры широкими массами трудящихся, а соответственно и разработки необходимой методики исследований.

Далее, исследуя роль в этнических процессах художественной культуры, представляется существенным учитывать наличие в ней компонентов, где основную роль играет язык, и непосредственно не связанных с ним. Различия между ними в интересующем нас отношении довольно значительны. Ведь язык сам по себе, как правило, объективно свидетельствует об этнической принадлежности культуры. Не случайно при характеристике той или иной национальной культуры обычно особый акцент делается на том, что она «обслуживается» национальным языком. И когда говорят о культуре национальной по форме, то, как правило, прежде всего имеют в виду ее язык²³. Но, касаясь лингвистического аспекта функционирования культуры в нашей стране, не следует забывать о характерном для ее современной языковой ситуации билингвизма, прежде всего о широком распространении языка межнационального общения. Дело в том, что в результате билингвизма в общесоветской культуре сложился значительный ее слой, функционирующий на русском языке. Разумеется, этот слой далеко не охватывает всей, так сказать, языковой сферы общесоветской культуры, поскольку ее обслуживает не только русский язык. В значительной своей части она функционирует на других языках народов СССР и многоязычность — важная ее характерная черта. Следует иметь в виду также, что определенная часть общесоветской культуры вообще не имеет языковой формы. Иначе говоря, тот слой общесоветской культуры, что функционирует на русском языке, значительно уже ее в целом. Но вместе с тем было бы неверно полностью отождествлять его с русской культурой. Он значительно шире ее, ибо как бы вобрал в себя культурные достижения всех народов нашей страны. Именно поэтому совершенно несостоятельны попытки западных «советологов» представить как «русификацию» тот факт, что в процессах культурной интеграции в СССР огромная роль принадлежит русскому языку. Ведь хотя функционирующей на русском языке части общесоветской культуры принадлежит весьма существенная роль, однако эта часть отнюдь не тождественна русской культуре, и данное обстоятельство, на наш взгляд, заслуживает особого внимания исследователей современной культуры нашей страны. К сожалению, пока в этом направлении сделаны лишь первые шаги²⁴.

Отмечая значение языковых аспектов исследования современных этнических процессов в нашей стране, следует, однако, еще раз подчеркнуть, что этническое своеобразие культуры далеко не сводится лишь к языковой форме. Хорошо известно, например, что национальный колорит художественной культуре может придавать как ее содержание, так и внеязыковые формы объектив-

зации художественного творчества. Вместе с тем в выполнении функций сближения народов теми видами искусства, которые не связаны с языком, имеются свои особенности. С одной стороны, такие виды искусства могут восприниматься в иноэтнической среде непосредственно («без перевода»), с другой — их восприятие особенно тесно связано с глубинными пластами социальной психологии этнических общностей, с бытовыми и эстетическими традициями.

Восприятие инонационального приобретает тогда оттенок экзотичности, т. е. оно оценивается по степени несхожести с привычным в своей этнической среде. Однако нарастающий обмен ценностями во всех областях культуры влечет за собой расширение и обогащение эстетических вкусов, способность воспринимать иноэтнические традиции не как что-то необычное, а как интересные варианты художественной культуры человечества. Интернационализация художественных вкусов — одно из ярких проявлений общей закономерности сближения духовных культур народов Советского Союза.

Следует особо подчеркнуть, что именно в профессиональных формах культуры межнациональное взаимопроникновение происходит в целом наиболее активно и имеет наибольшее значение для художественной культуры народов СССР.

Процесс интернационализации охватывает как тематико-сюжетные аспекты художественного творчества, так и его формы. При этом происходит не только дальнейшее взаимообогащение различных национальных культур, не только увеличение числа национальных произведений, соответствующих общесоветским критериям, но и коллективная разработка, совместное развитие интернациональных художественных форм²⁵.

Важное значение для интеграционных процессов в сфере духовной культуры имеет научное планирование ее развития. Оно охватывает не только создание, но и распространение и потребление духовных ценностей²⁶.

Процессы интернационализации отчетливо прослеживаются и в такой своеобразной сфере быта, как использование свободного времени. Этносоциологические исследования последних лет свидетельствуют, в частности, что примерно одинаковый круг людей среди эстонцев и русских, грузин, молдаван и узбеков используют свободное время на чтение газет (от 70 до 90% по разным социальным группам)²⁷, практически в равной мере приобщаются люди разных национальностей к радио- и телеинформации. Примерно 70—80% людей в среде вышеперечисленных наций, у которых проводились опросы, более или менее регулярно проводят время у телевизоров. Больше различий наблюдается в использовании досуга на чтение книг, посещение театра, но связаны эти различия больше с возрастом и социально-профессиональной деятельностью людей, нежели с их национальностью. К примеру,

если взять полярные возрастные группы, то в возрасте 60 лет и старше более или менее регулярно читают художественную литературу среди эстонцев, грузин, русских (в своих республиках) около 30%, а среди молдаван и узбеков 7—9%. В возрасте же 18—19 лет доля относительно регулярно читающих литературу составляла у этих наций не менее 50—70%. В старшей возрастной группе бывали в театре не менее чем 1—2 раза в год — 58% эстонцев и 44% грузин, а среди русских, молдаван — 15—16%, в молодежной же возрастной группе у эстонцев, грузин — 98—99% и у русских, молдаван — 73%²⁸. Но общность культуры наблюдается, конечно, не только в сходстве использования свободного времени, но и в духовных интересах. Специальные исследования показывают, что и в этом отношении национальные различия отнюдь не играют первостепенной роли, а больше зависят от социально-профессиональной деятельности и возраста²⁹.

Весьма своеобразна в современных этнических процессах роль такого компонента культуры в широком смысле слова, как наука. Следует сразу же отметить, что эта роль далеко не одинакова для разных ее областей. Естественные и технические науки, как правило, не выдвигают перед собой осознанной задачи воздействовать на этническое самосознание, и потому сами по себе либо остаются в стороне от этнических процессов, либо оказывают в целом этнонивелирующее влияние. Превращение науки в непосредственную производительную силу в огромной степени усиливает ее роль как фактора интернационализации общественной жизни. И все же нельзя не учитывать определенного влияния на национальное (этническое) самосознание деятельности ученых-естествоиспытателей. Это особенно отчетливо проступает в тех случаях, когда они совершают выдающиеся открытия; слава их в той или иной степени распространяется на соответствующий этнос, повышая национальную гордость: поляки, например, гордятся тем, что дали миру Н. Коперника, англичане — И. Ньютона, русские — М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева и т. д. Вместе с тем следует иметь в виду и то, что «внедрение» научных достижений в хозяйственную практику той или иной страны непосредственно воздействует на ее социально-экономическое развитие, и в этом смысле такого рода достижения являются одной из составляющих национальных процессов в широком значении этого термина.

Усилению интернационализирующего влияния науки в СССР способствовала происшедшая за годы Советской власти общая ее демократизация. Если в условиях буржуазного общества достижения науки и техники объективно служили интересам правящих классов, то при социализме они стали служить интересам трудящихся масс. Бурное развитие советской науки, ускорившееся в эпоху научно-технической революции, обеспечивалось притоком в нее исследовательских кадров из самых разнообразных слоев советского общества, из различных в этническом отношении групп

населения. Все это наряду с общим подъемом уровня образования укрепляло связи науки с широкими массами, усиливало ее роль в формировании общественного сознания. В прежде отсталых в культурном отношении национальных районах царской России выросли крупные научные центры. Наряду с Академией наук СССР — ведущим научным учреждением страны — во всех союзных республиках были созданы академии наук, а в автономных республиках либо филиалы АН СССР, либо специальные институты. Превращение науки в непосредственную производительную силу, являющееся одним из выражений современной научно-технической революции, в огромной степени усиливает роль производства как фактора интернационализации общественной жизни, включая процессы увеличившейся миграции населения, его этнического «перемешивания», создания многонациональных коллективов и пр., ибо научно-техническая революция ведет к повышению уровня общественного производства, стягивает все более крепкими узами различные экономические районы и отрасли хозяйства³⁰.

Следует отметить, однако, несколько особую роль в интересующем нас отношении общественных, или гуманитарных наук. Имея объектом изучения общество, различные общественные явления и процессы, многие из которых выступают перед исследователем в своей национальной (этнической) форме, эти науки не могут не уделять внимания изучению национальных (этнических) явлений. В самом облике общественных наук больше национального, чем у технических или естественных. Отчасти это объясняется тем, что общественные науки сильнее связаны со сферой эмоционального; вслед за литературой они могут отразить этнические особенности восприятия окружающего мира, особенности чувств и впечатлений, входящие в сферу этнической психологии; уместно напомнить в этой связи высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием»³¹.

Особо подчеркнем в рассматриваемой связи роль таких наук, как история, этнография, археология, лингвистика, фольклористика, которые в той или иной степени связаны со сферой национального самым содержанием предметов их исследования³². Накопление исторических знаний о каждом из народов Советского Союза, изучение их исторических традиций, выяснение коренных вопросов языкового развития, выявление достижений национальной культуры, осмысление этнической специфики в сфере фольклора, народного искусства, обычаев и обрядов, а также пропаганда этих знаний через школу, литературу, прессу, радио, телевидение — все это оказывало и продолжает оказывать непосредственное воздействие на этническое самосознание, способствуя его развитию путем показа этнической самобытности, обусловленной особенностями исторического развития того или иного народа,

спецификой его культуры и быта. Это сыграло немаловажную роль в процессе консолидации народов страны, в повышении степени их внутренней сплоченности и т. п. Воздействие общественных наук в данном направлении дополняется историческими и краеведческими музеями, которые обычно имеют специальные экспозиции, показывающие этническую самобытность населения тех или иных областей страны.

Большое влияние историко-философских наук на этническое самосознание выдвигает вместе с тем задачу неуклонной борьбы против идеализации исторического прошлого отдельных народов, одностороннего подхода к их традициям. Подобные искусственные преувеличения национально особенного неизбежно чреватые неправомерным противопоставлением одних народов другим, что неизбежно способствует рецидивам национализма.

В социалистическом обществе именно общественные науки призваны вскрывать реальность и прогрессивность процессов развития и сближения наций, отстаивать идеи интернационализма в противовес скрытым и открытым идеям национализма и национальной исключительности. Так, историческая наука раскрывает древние традиции плодотворных связей между народами нашей страны, их общее участие в защите ее от захватчиков, в совместной революционной борьбе против царского самодержавия, за построение социализма и коммунизма. Археологическая и этнографическая науки, свидетельствуя о равной способности всех народов к культурному прогрессу, учат уважать специфические черты их культуры³³. Особое значение в рассматриваемом отношении имеют мировоззренческие науки, в первую очередь — марксистско-ленинская философия.

Опираясь на марксистско-ленинское наследие, советские обществоведы уделяют много внимания обобщению практики национального строительства в нашей стране, раскрытию руководящей роли КПСС в управлении национальными процессами. Содействуя решению управленческих задач в данной сфере, ученые-обществоведы своими трудами, посвященными анализу различных аспектов современных национальных отношений в СССР (экономических, социальных, правовых и т. д.), активно участвуют в интернациональном воспитании трудящихся. В условиях развитого социализма партия выдвигает перед всеми отраслями общественных наук задачу дальнейшего углубленного исследования различных аспектов национальных процессов в нашей стране, их тенденций и перспектив, их особенностей и темпов, факторов их оптимизации и факторов, тормозящих развитие и сближение социалистических наций и народностей.

Как известно, становление и распространение материалистического марксистско-ленинского мировоззрения в стране шло в борьбе против религиозной идеологии, которая в прошлом оказывала значительное влияние на этнические процессы. В отсталой

царской России религия играла очень большую роль. При почти полной неграмотности народных масс именно религия через соответствующие учреждения, прежде всего — церковь, религиозные общества и школы, была основным средством, инструментом для идеологического (в частности, нравственного) воспитания народных масс.

Фиксация или легализация церковью основных вех личной жизни человека от рождения до смерти (крещение, венчание, похороны и т. д.), а также все наиболее значительные праздничные обряды, регламентация пищи и т. п., способствовали тому, что религия глубоко проникала в быт населения, во многих случаях закрепляя и усиливая культурно-бытовые различия народов.

Существенным было воздействие религии и на межэтнические отношения. Она крайне затрудняла контакты между различными по своей конфессиональной принадлежности народами. При этом подобного рода трудности возникали при различиях не только по основным вероисповеданиям (например, христианству и мусульманству), но и по их «внутренним» вариантам (например, православию, лютеранству и католицизму внутри христианства). В тех же случаях, когда конфессиональные особенности делили отдельные народы на части (например, внутри русских — православные и старообрядцы; внутри татар — мусульмане и православные — кряшены), это создавало немалые препятствия для процессов внутриэтнической консолидации. Вместе с тем некоторое сближение одноконфессиональных народов, например, в обрядово-бытовом отношении, было довольно поверхностным, не затрагивающим этнического самосознания, а также традиционных норм межэтнических отношений.

К. Маркс указывал, что «религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм»³⁴. История Советского Союза полностью подтвердила правильность этого утверждения. В условиях великих социальных преобразований в нашей стране, коренным образом изменивших все стороны жизни людей, произошел поворот и в сознании широких масс от религии к атеизму, от антинаучного идеалистического к марксистско-ленинскому мировоззрению. Уже первыми декретами Советской власти церковь была отделена от государства и школа от церкви. Был освобожден от религиозного санкционирования институт брака и другие акты гражданского состояния. Началась широкая секуляризация — процесс освобождения общественного и индивидуального сознания от влияния религиозных идей и взглядов.

Экономические, социальные, политические преобразования, рост культуры и образования, развитие науки, коммунистическое, в том числе атеистическое, воспитание привели к повсеместному отходу от религии. Резко сократилась роль религии в жизни малых социальных групп (например, в семье) и на личностном уровне. Однако полный атеизм в нашей стране еще не достигнут.

По имеющимся оценкам, основанным на социологических опросах населения в различных областях страны, верующие, а также колеблющиеся между религией и атеизмом, составляют еще некоторую часть взрослого населения страны³⁵. Это — преимущественно люди старших поколений. Среди городского населения процент верующих значительно ниже, чем в сельских местностях. Мусульманство, как религия, глубоко вошедшая в быт жителей прежде сильно отстававших в своем культурном развитии южных и восточных окраин царской России, в целом до сих пор сохраняется сильнее, чем христианство.

Известно, что по сравнению со сферой мировоззрения, изменения в области быта протекают более медленно. Во многих случаях прежние, по происхождению связанные с религией, обряды и нормы поведения продолжают бытовать у людей, которые считают себя атеистами. Это, как уже говорилось, особенно относится к обрядам, знаменующим важные события индивидуальной и семейной жизни людей (рождение, вступление в брак, похороны и т. п.). При этом отдельным обрядам подчас придается значение этнической традиции³⁶. В подобных случаях религиозные установки могут играть этнодифференцирующую роль и в этом своем качестве тормозить развитие этнокультурных контактов, препятствуя общему процессу сближения наций.

Однако в целом произошедшие за годы Советской власти кардинальные изменения в общественном сознании народов нашей страны в результате резкого ослабления религиозности и повсеместного утверждения атеистического мировоззрения имели огромное значение для хода этнических процессов. Как уже отмечалось, это отчетливо проявилось в процессах внутриэтнической консолидации. Но особенно благотворно ликвидация прежней конфессиональной отчужденности сказалась на процессе межэтнического сближения и взаимообогащения духовной культуры народов СССР.

Чрезвычайно велико значение для национальных процессов в нашей стране, в том числе для их этнических аспектов, такого важнейшего компонента общественного сознания советских людей, как идеология пролетарского интернационализма. Идеология буржуазного национализма во многом разоблачила себя как выражение классовых интересов эксплуататоров еще до Октябрьской революции. Однако смена господствующей идеологии национальных отношений, как и смена идеологии вообще, не происходит самоотечком, автоматически. Она достигается в напряженной идеологической борьбе, в том числе с различными видами национализма, в результате огромной работы по воспитанию трудящихся, осуществляемой Коммунистической партией³⁷. В докладе о 50-лети СССР Л. И. Брежнев подчеркнул: «Партия добилась того, что интернационализм превратился из идеала горстки коммунистов в глубокие убеждения и норму поведения миллионов и миллионов»

советских людей всех наций и народностей. Это подлинно революционный переворот в общественном сознании, значение которого трудно переоценить»³⁸.

Идеология, как известно, теснейшим образом взаимосвязана с общественной психологией. В советском обществе идеология и политика пролетарского интернационализма обеспечили формирование качественно нового, интернационалистского мировоззрения и поведения людей. Чувства недоверия к другим народам, насаждаемые в антагонистическом обществе правящими классами и сохраняемые традицией, даже когда объективные причины для этого отсутствуют, постепенно уступили место чувствам доверия и братства между советскими народами. Ранее свойственные главным образом рабочему классу интернационалистские взгляды и нормы в результате победы социализма, создания идейно-политического единства советского общества распространились на весь советский народ, стали общесоветскими, т. е. присущими всем классам и социальным слоям всех наций и народностей СССР.

Следует учитывать, однако, что психология более консервативна, чем идеология; прежние психологические установки продолжают существовать в виде пережитков и тогда, когда вызвавшие их факторы уже сошли со сцены. «Националистические предрас судки, преувеличенное или извращенное проявление национальных чувств — явление чрезвычайно живучее, цепко держащееся в психологии людей, недостаточно зрелых в политическом отношении»³⁹.

В связи с этим область национальной психологии в период становления и развития социалистических наций является ареной идейной борьбы, важной сферой воспитания. Формирование у широких масс трудящихся революционного, интернационального по своему существу марксистско-ленинского мировоззрения способствует более правильному взгляду и на национальные ценности; национальная ограниченность уступает место представлениям о прогрессивности сближения наций и народностей. Чувство любви к своему народу, к своей этнической территории сочетается у советских людей со все возрастающим, более широким чувством принадлежности к советскому народу — советским патриотизмом, опирающимся на фундамент интернационализма, на идеи равенства и нерасторжимой общности народов нашей страны.

Процессы, происходящие в сфере общественного сознания под воздействием идей социалистического интернационализма, во многом определяют особый психологический климат общения между собой людей различной национальной принадлежности, играющей важную роль во взаимодействии этносов, в сближении наций. Значение такого социально-психологического фактора для общего культурного прогресса подчеркивал В. И. Ленин еще в первые годы Советской власти. Без доверия, указывал он, «ни

мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»⁴⁰.

Взаимная заинтересованность в сотрудничестве на равноправных началах, общие цели в годы войны и мирного строительства все более сплачивают народы нашей страны. Сложившиеся на этой основе дружественные отношения между людьми разных национальностей проявляются как в поступках, так и в настроениях и ориентациях. Можно вспомнить немало примеров, которые отражают характерные явления в национальных взаимоотношениях: семьи, воспитавшие в трудные военные и послевоенные годы детей других национальностей, тысячи молодых русских, украинских, грузинских, армянских парней и девушек, добровольно приехавших восстанавливать разрушенный землетрясением Ташкент, строить Нурекскую ГЭС.

Об интернационализме советских людей наглядно свидетельствует их отношение к межнациональному общению. В городах Молдавии, например, в среднем 90% молдаван и русских активно проявляет свое положительное отношение к работе в многонациональных производственных коллективах; более 90% молдаван и русских в городе и до 80% на селе высказали благоприятное отношение к разнонациональным бракам⁴¹; в Латвийской ССР — более 70%; 84% латышей положительно относятся к работе в многонациональных коллективах⁴². Следует иметь в виду, что в остальной части опрошенных большинство — лица, нейтрально относящиеся к межнациональным контактам на работе. Люди, не расположенные к различным видам непосредственного межнационального общения, встречаются очень редко. В Татарии, например, число их среди горожан и сельских жителей не превышало — 2—4% (у татар и русских)⁴³, причем, это, как правило, лица, не владеющие вторым языком.

Эффективность ленинской национальной политики подтверждается, в частности, более интернациональными установками у молодежи и людей среднего возраста. При этом следует учитывать, что наблюдается тенденция широкого использования интернационального культурного фонда у людей с установками на активное межнациональное общение.

Для межнациональных отношений советских людей в современных условиях огромное значение имеет общность их установок и взглядов, сложившихся буквально во всех сферах общественной психологии за годы Советской власти. Кардинальные изменения, в частности, претерпели такие сферы общественного сознания народов нашей страны, как мораль, политические и правовые взгляды. В процессе развития социализма моральные качества, присущие рабочему классу, превратились в неотъемлемые черты духовного облика всего советского народа. Идейные и нравственные принципы и нормы, воля и интересы рабочего клас-

са стали общенародными принципами и нормами, общенародной волей и общенародными интересами. Сложилось морально-политическое единство советских людей. В условиях развитого социализма духовный облик советского народа постоянно совершенствуется, общесоветские морально-правовые нормы все глубже проникают в сознание трудящихся. Духовный облик советских людей ныне невозможно представить себе без таких присущих ему черт, как социалистический гуманизм, высокое сознание общественного долга, уважение норм социалистического общежития⁴⁴.

Нельзя не учитывать также наличия у советских людей общих знаний, представлений и впечатлений, полученных в ходе обучения в школе, из художественной и научно-популярной литературы, кинофильмов, теле- и радиопередач, журналов, газет и т. п. Сходство не только задач, но и программ сети народного просвещения и высшего образования, принципиальное сходство методов работы и содержания деятельности культурно-просветительных учреждений, как и средств массовой информации, работающих на русском и других национальных языках, интернационалистская идеология, единство метода социалистического реализма в искусстве, сочетающееся с разнообразием национальных форм и стилистических вариантов, которые сложились в ходе строительства социализма, создали не только основу, но и активно функционирующий механизм сближения культур.

Касаясь вопроса о диалектике соотношения общего и особенного в сфере современной духовной жизни советских людей, следует также иметь в виду, что их культура по своим масштабам во многократ превосходит объем культуры, носителями которой в канун Октября были трудящиеся массы нашей страны. И это чрезвычайно существенно для понимания особенностей проявления в современной духовной культуре дифференцирующих и интегрирующих тенденций. В целом в ней, несомненно, возрастает удельный вес интернационального. Но это не исключает вместе с тем и увеличения в определенных размерах специфического. В данной связи нельзя не напомнить слова В. И. Ленина о том, что в будущем «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни увеличится в миллионы раз⁴⁵. Представляется важным при этом лишь учитывать, что на разных «структурных» уровнях современного общества культурная дифференциация и интеграция протекают не однозначно.

Так, хотя во всей сумме культурных достижений народов нашей страны происходит относительное увеличение удельного веса общесоюзных черт, все же во многих возрастающих по своему объему сферах культуры абсолютные размеры национально-специфического остаются значительными, подчас даже расширяясь (например, объем художественной литературы на национальных языках).

Рассматриваемые тенденции прослеживаются и внутри отдельных наций. С одной стороны, в их рамках за годы Советской власти культурная межклассовая гомогенность, несомненно возросла, прежде всего в результате уничтожения антагонистических классов, а затем выравнивания культурного уровня основных классов социалистического общества; повысилась культурная однородность наций, как мы видели, и в результате этноконсолидационных процессов. С другой стороны — внутри наций наблюдается тенденция увеличения специализации культуры (по крайней мере профессиональной) у различных социально-профессиональных групп.

Но особенно отчетливо проступает разнообразие духовной жизни на уровне личности. Хотя и на этом уровне все более увеличивается интегрированный общесоветский слой культуры, однако в результате всестороннего развития личности при социализме растут возможности проявления ее своеобразия, ее культурная дифференцированность, и, судя по всему, в масштабах советского народа именно на этот «личностный» уровень все больше перемещается дифференцированность культуры, именно здесь заложены неограниченные перспективы роста богатства и разнообразия духовной жизни человечества. Усиление единства советского народа отнюдь не исключает, а напротив, предполагает, расцвет всех индивидуальных творческих возможностей каждой человеческой личности. Как подчеркивается в ст. 20 новой Конституции СССР, наше «государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности».

В целом, однако, все это проявляющееся на разных уровнях культурное многообразие в конечном счете во много раз перекрывается ростом общего фонда культуры советского народа, усилением его единства.

В ходе взаимовлияния и взаимообогащения духовных культур народов СССР и усвоения достижений мировой культуры складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и литературы, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимикой и т. п.

Формирование общесоветской культуры, как уже говорилось, сопровождалось возникновением общесоветских форм ее организации (система всесоюзного радио и телевидения, центральной печати и книгоиздания и т. д.). Советские социалистические нации и народности сближаются также благодаря общей системе просвещения, всесоюзной системе медицинских учреждений и учреждений культуры, деятельности всесоюзных творческих

союзов и др. В настоящее время в масштабах всей нашей страны постепенно сближаются условия культурной жизни. При этом жители каждой национальной республики имеют возможность пользоваться и учреждениями культуры, расположенными в любой местности Советского Союза. Музеи, библиотеки, театры, специализированные больницы, клиники, находящиеся в общесоюзных и республиканских центрах, так же, как и курорты и здравницы используются всем населением нашей страны.

Общесоветская культура многогранней любой однопациональной культуры, она обогащена наиболее прогрессивными элементами культуры всех национальностей нашей страны. Поэтому попытки некоторых западных «советологов» представить процессы культурной интеграции в СССР как «русификацию» (при всем огромном вкладе русской культуры в общесоветскую культуру) совершенно несостоятельны.

Общесоветская духовная культура — это общая система усвоения и передачи не только достижений отдельных советских наций, но и достижений современной мировой культуры, прежде всего культуры дружественных социалистических государств (главным образом через посредство русского языка).

Будучи интернациональной, культура советского народа обладает вместе с тем определенными характерными чертами. Социалистическое переустройство, исчезновение религиозных барьеров, возникновение и развитие двуязычия и, наконец, формирование общесоветской системы духовной культуры в этом аспекте могут быть оценены как процесс культурной переориентации и формирования общей советской историко-культурной области, сочетающей в себе не столько, условно говоря, «западные» и «восточные» культурные традиции, сколько новые устойчивые черты, сложившиеся за годы Советской власти. Именно поэтому правы советские ученые, когда протестуют против односторонней квалификации современной перестройки и развития культуры народов нашей страны как процесса «вестернизации».

Итак, в процессе построения развитого социалистического общества у народов Советского Союза выработалось много общих черт, сложился социалистический советский образ жизни. В результате «решающее значение у нас постепенно приобретают общие, не зависящие от социальных и национальных различий черты поведения, характера, мировоззрения советских людей»⁴⁶. Социалистический образ жизни — важнейший компонент новой исторической общности — советского народа.

Эта общность представляет собой динамичное явление. С утверждением зрелого социализма, в частности, изменились ее государственно-политические параметры. Новая Конституция СССР фиксирует тот факт, что «государство наше, возникшее как диктатура пролетариата, переросло в общенародное государство»⁴⁷. Вместе с тем, Л. И. Брежнев специально обратил внимание на

то, что было бы ошибочно считать советский народ единой советской нацией. «Мы встали бы,— сказал он в этой связи,— на опасный путь, если бы начали искусственно форсировать этот объективный процесс сближения наций»⁴⁸.

Интернациональная социально-политическая общность — советский народ — нашла свое отражение и в самосознании. Причисление себя к какому-либо определенному этносу обычно сочетается с сознанием принадлежности к советскому народу. В частности, показательно, что когда граждане СССР бывают за рубежом, сознание общесоветской принадлежности выступает на первый план перед национальной. Такое самосознание неразрывно связано с общенациональной гордостью советских людей, которая, как указывал Л. И. Брежнев, «глубже и шире естественных национальных чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну»⁴⁹.

Коммунистическая партия и Советское государство, рассматривая всестороннее сближение наций и народностей нашей страны как важнейшую объективную закономерность строительства коммунистического общества, учитывает это в своей политике и способствует укреплению советской интернациональной общности.

Претворение в жизнь Коммунистической Партией Советского Союза основных принципов ленинской национальной политики не снимает с повестки дня необходимости всестороннего и постоянного учета национальных факторов, тщательного регулирования отношений между народами нашей многонациональной страны, изучение этих отношений. Национальные факторы играют и в обозримом будущем будут играть видную роль в нашей жизни, и не случайно их анализу по-прежнему уделяется столь существенное внимание в программных документах КПСС.

Ярким свидетельством огромного внимания КПСС к национальным аспектам развития нашего общества на современном этапе является новая Конституция Союза ССР. Она обеспечивает дальнейший рост интернациональной сплоченности советского народа, подлинно демократическое сочетание общих интересов многонационального Советского государства и интересов каждой из образующей его республик. В Конституции указывается, что суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР. Причем, республики получают новые суверенные права, например, право на участие в решении союзными органами вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР, за союзными республиками закрепляется право законодательной инициативы в Верховном Совете СССР. В то же время все большее сближение народов нашей страны сопровождается укреплением союзных начал социалистической государственности.

Характеризуя итоги развития национальных процессов в нашей стране за 60 лет, прошедших после победы Октября, Л. И. Брежнев особо отметил: «Равенство, братство, нерушимое

единство народов Советского Союза — все это — стало фактом... Нарастающий процесс сближения наций пронизывает все сферы жизни нашего общества»⁵⁰.

В целом же опыт первого в истории человечества социалистического государства — советской многонациональной державы — убедительно подтверждает указание основоположников марксизма-ленинизма на то, что с падением антагонизма классов исчезнет антагонизм наций, возникнут объективные условия для их все большего сближения. Этот опыт дает наглядный пример успешного решения в условиях социализма одного из самых болезненных и вместе с тем самых сложных вопросов в развитии человеческого общества.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1975, т. 4, с. 50.

² См.: Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М., 1977, с. 501—533.

³ Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения.— СЭ, 1967, № 6.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 125, 127.

⁵ См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 467.

⁶ Терентьева Л. Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях.— СЭ, 1969, № 3, с. 20—30.

⁷ См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 480—482.

⁸ См. подробнее в очерке «Этнические процессы: общая характеристика», опубликованном в настоящей книге.

⁹ Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1975, с. 73—155.

¹⁰ Подробнее см. ниже.

¹¹ Гурвич И. С. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР.— СЭ, 1976, № 1.

¹² Покшишевский В. В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения.— СЭ, 1969, № 5.

¹³ Как свидетельствуют материалы недавних этносоциологических опросов, в Узбекистане, например, свыше 80% узбеков, в Грузии примерно 70% грузин, в Молдавии свыше 40% молдаван предпочитают национальные блюда.

¹⁴ Подробнее см.: Современные этнические процессы в СССР, с. 159—258.

¹⁵ Там же, с. 311—312; Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Политиздат, 1980, с. 26—27.

¹⁶ Лобачева Н. П. О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения).— СЭ, 1973, № 4, с. 14—24.

¹⁷ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры.— В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1975, вып. 5, с. 32—41.

¹⁸ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма.— История СССР, 1978, № 4, с. 101.

¹⁹ Королева Н. Развитие национальных традиций в современных художественных промыслах СССР.— СЭ, 1972, № 5, с. 39—50.

²⁰ Бромлей Ю. В., Козлов В. И. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР.— СЭ, 1975, № 1, с. 14—15.

²¹ Жорницкая М. Я. Отражение в современном хореографическом искусстве этнокультурных связей в СССР.— СЭ, 1975, № 3, с. 26—33.

²² Подробнее см.: Бромлей Ю. В., Козлов В. И. К изучению..., с. 8—16.

- ²³ См., например: Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976.
- ²⁴ См.: Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, № 3, с. 81; Современные этнические процессы в СССР, с. 274—383.
- ²⁵ Суровцев Ю. К проблеме интернационализации в художественной культуре.— В кн.: Интернациональное и национальное в искусстве. М., 1974, с. 42—43.
- ²⁶ Арнольдов А. Духовная культура — объект научного управления.— Коммунист, 1973, № 16, с. 107—108.
- ²⁷ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Советский образ жизни: общее и национально-особенное.— СЭ, 1976, № 3.
- ²⁸ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма.— История СССР, 1978, № 4.
- ²⁹ См., например: Как Ю. Черты сходства. Таллин: Изд-во Ээсти Раамат, 1974, с. 70—78; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Общее и особенное в социально-культурном облике советских наций.— В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 28.
- ³⁰ Келле В. Ж. Пролетарский интернационализм и факторы интернационализации общественной жизни.— ВФ, 1972, № 12, с. 33.
- ³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 144.
- ³² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 204 и сл.
- ³³ Бромлей Ю. В., Козлов В. И. К изучению..., с. 6—8.
- ³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Об атеизме, религии и церкви. М., 1971, с. 470.
- ³⁵ Морозов М. А., Лисавцев Э. И. Актуальные задачи атеистического воспитания. М., 1970, с. 8.
- ³⁶ Яблоков И. Н. Кризис религии в социалистическом обществе. М., 1974, с. 39—41.
- ³⁷ Зиманас Г. Политика партии и интернационалистское сознание советского народа.— Коммунист, 1974, № 5, с. 46—47.
- ³⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1978, т. 4, с. 32.
- ³⁹ Там же, с. 163.
- ⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 240.
- ⁴¹ По данным исследований Сектора конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР.
- ⁴² См.: Холмогоров А. Н. Интернациональные черты советских наций. М., 1970, с. 101, 172; Как Ю. Черты сходства, с. 88.
- ⁴³ Дробижева Л. М. Социально-психологическая обусловленность культурных контактов. (Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973 г.). М., 1973.
- ⁴⁴ См.: Зиманас Г. Политика партии..., с. 49; Смирнов Г. Л. Советский человек. М., 1971; Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1975, с. 393, 394.
- ⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 281.
- ⁴⁶ Брежнев Л. И. Исторический рубеж на пути к коммунизму.— Проблемы мира и социализма, 1977, № 12, с. 5.
- ⁴⁷ Брежнев Л. И. О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на Пленуме Центрального Комитета КПСС 24 мая 1977 г. М., 1977, с. 4.
- ⁴⁸ Брежнев Л. И. О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения. Доклад на сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 г.— Коммунист, 1977, № 15, с. 11.
- ⁴⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1978, т. 4, с. 100.
- ⁵⁰ Брежнев Л. И. Великий Октябрь и прогресс человечества.— Коммунист, 1977, № 16, с. 8.

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ

(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В заключение представляется целесообразным специально остановиться на проблемах этнографического изучения современности. Именно данный раздел этнографической науки вызывает наибольшие трудности, связанные с определением ее предметной области. Особенно это относится к изучению народов современных промышленно развитых стран, для которых характерна все усиливающаяся интернационализация различных сфер жизни, в том числе и повседневного быта. Не случайно необходимость выявления специфики этнографического изучения населения таких стран уже неоднократно отмечалась в этнографической литературе. Соответствующие изыскания немало способствовали изучению этой специфики¹. Вместе с тем дальнейшая разработка методологических проблем этнографической науки, а также накопление опыта этнографического изучения современности², неизбежно выдвигает новые задачи, связанные с определением характерных черт этого изучения. Их рассмотрение в завершающем очерке книги во многом облегчается материалами предыдущих ее разделов.

Характеристика в них многих вопросов, касающихся объекта этнографии, ее предмета и основных исследовательских направлений, избавляет нас от необходимости задерживаться на тех из этих вопросов, которые в ином случае пришлось бы анализировать подробно.

И все же начинать опять приходится с уточнения терминологии. И сколь бы тривиальным ни казалось такое уточнение, оно необходимо, ибо от него во многом зависит понимание тех специфических задач, которые встают перед этнографами при изучении современности.

Прежде всего мы имеем в виду само слово «современность». Семантика его достаточно широка. Когда, в частности, речь идет об этнографической науке, то относящимися к современности в известном смысле могут быть названы все исследования в этой области, которые ведутся в наше время, независимо от того, изучается ли в таком случае прошлое или настоящее. Однако очевидно, что когда мы говорим об изучении современности, то относим слово «современный» не к процессу и результатам познания, а к его объекту. Отсюда следует, что надо различать два понятия — «этнография современности» и «современная этнография».

Второе понятие значительно шире первого*. Правда, и в первом случае возможно двойное толкование «современности». Известно, что современные явления могут изучаться для реконструкции прошлого, и такого рода ретроспективная направленность исследований весьма часто встречается в этнографии. Но вместе с тем современность не сводится к истории³. Она может рассматриваться как живая, функционирующая действительность**. И этнографы нередко именно таким образом к ней и подходят. Совершенно очевидно, что в этом случае мы и имеем дело с этнографическими исследованиями современности в прямом смысле данного слова.

Другой термин, требующий внимания в связи с рассматриваемой темой, — «этнография». Расхождения в его понимании в той или иной степени имеют место среди ученых многих стран. Для примера сошлемся на недавно вышедший сборник «Этнография в странах социализма». В работе над ним принимали участие не только советские этнографы, но и представители этнографической науки социалистических стран Европы и Азии. Как свидетельствует материал этого сборника, во многих социалистических странах представление о профиле и задачах этнографической науки далеко не одинаково. Даже сама эта наука имеет в разных странах различные названия. А в некоторых случаях то, что мы называем этнографией, именуется фольклористикой. В частности, в Венгрии традиционную духовную культуру в целом, включая обычаи, обряды, изучает фольклористика. Этнография же здесь по существу долгое время занималась изучением преимущественно материальной культуры. В ГДР до сих пор сказывается прежнее деление этнографической науки на две ветви: *Volkskunde* и *Völkerekunde* — изучение своего народа и изучение чужих народов⁴. Сейчас, правда, ситуация меняется, однако прошлые представления о профиле этнографии все еще нередко дают о себе знать.

Нельзя не напомнить и о наличии двух противоположных тенденций в понимании профиля этнографической науки, которые в определенной мере наблюдались и у нас. Первая из них —

---

* Именно в этом широком значении слово «современность» приводится в наименовании данной книги.

** Разумеется, такую действительность было бы ошибочно трактовать как «сиюминутные» явления, существующие лишь в момент их исследования. «Функционирующая действительность» имеет определенную ретроспективную глубину, которая простирается на период относительно неизменного функционирования явления, существующего в момент проведения исследования. Вместе с тем следует учитывать, что перед нами категория, относящаяся к настоящему, а не к прошлому. Именно поэтому при характеристике «функционирующей действительности» как таковой весьма существенно, чтобы (при прочих равных условиях) период, отделяющий рассматриваемое явление от момента осуществления его исследования, был как можно короче.

тенденция к сужению предметной области этнографии, представление о том, что этнография изучает отставшие в своем развитии малые народы, а если и исследуются высокоразвитые общества, то внимание сосредоточивается преимущественно на архаических компонентах культуры. Эта тенденция в нашей науке отчетливо сказывалась в начале 30-х годов. Несколько раньше довольно четко проявилась у нас и тенденция превратить этнографию в некую супердисциплину, во всеохватывающую и всеобъемлющую науку по изучению человеческого общества. Внешне это выразилось в создании в 20-е годы в МГУ этнологического факультета, который чуть ли не растворил в себе все остальные общественные дисциплины. Он просуществовал очень недолго; кстати, с прекращением его деятельности у нас исчез из обихода и термин «этнология».

Приведенные примеры — наиболее яркое проявление двух противоположных тенденций в прошлом. Но эти тенденции в какой-то мере дают о себе знать и до сих пор. Некоторые ученые (особенно те из них, кто работает в смежных областях науки: археологи, литературоведы и т. д.) под этнографией все еще подразумевают науку, которая занимается лишь изучением архаики. Показательно, например, что литературоведы термином «этнографизмы» нередко обозначают архаические явления быта.

Вместе с тем довольно широко распространено мнение, согласно которому этнография должна всесторонне изучать современную культуру и быт народов. Именно в этой связи приходится вновь и вновь возвращаться к вопросу определения предметной области этнографических исследований⁵.

Мы уже могли убедиться, что если исходить из представления об этносах-народах как основных объектах этнографической науки, то неизбежно окажется, что ее предметная область должна определяться их характерными свойствами. Это прежде всего наличие определенных общих черт и отличительных признаков. Все эти этноинтегрирующие и этнодифференцирующие свойства и дают, на наш взгляд, исходные критерии для определения предметной области этнографии*. И если посмотреть под этим углом зрения на объект нашей науки, то нетрудно заметить, что носителем этнодифференцирующих свойств выступает та часть культуры, которую можно назвать традиционно-бытовой**.

Понятие «традиционно-бытовая культура» примерно соответствует тому, что обычно называют народной культурой. Однако

* Подробнее см. очерк «О соотношении этнографии с историей и социологией», публикуемый в этой книге.

** Так как слово «быт» отсутствует во многих иностранных языках, представляется возможным в качестве его эквивалента использовать в необходимых случаях понятие «внепроизводственная культура» и соответственно для обозначения «традиционно-бытовой культуры» — формулы «традиционная внепроизводственная культура».

первое название более точно, ибо оно предполагает, с одной стороны, выделение в культуре профессиональной и бытовой сфер, а с другой — разграничение самой культуры на сферы меняющуюся, подвижную, и на сравнительно устойчивую, традиционную. Такое разграничение важно потому, что именно в традиционной части повседневной, бытовой культуры обычно сосредоточена основная этническая специфика этносов-народов. Наша наука практически всегда в первую очередь и изучала этот слой культуры: традиционную материальную культуру, обычаи, обряды, народное творчество, т. е. те компоненты, в которых наиболее наглядно проявляется этническая специфика.

Для определения характерных черт этнографического изучения современности, однако, непременно следует иметь в виду, что традиционно-бытовому слою культуры, представляющему ядро предметной области этнографии, на разных ступенях общественного развития принадлежит далеко не одинаковая роль. Более того, различны и временные параметры традиций: в одних случаях это преимущественно давние, архаические, в других — новые, формирующиеся.

Необходимо также учитывать и то огромное воздействие, которое оказывает на этнические процессы научно-техническая революция. Правда, воздействие это имеет двойкий характер. Объективно оно способствует выравниванию культурного уровня этнических общностей, взаимопроникновению культур, их стандартизации и унификации, и одновременно с этим в силу ряда обстоятельств, в том числе благодаря развитию средств массовой информации, вызывает усиление этнического самосознания у самых широких масс населения. А это в свою очередь оказывает обратное воздействие на духовную культуру, придавая этническую значимость тем ее компонентам, которые прежде имели таковую лишь в самой малой степени или совсем не имели. Вообще по мере распространения различных стандартизированных форм профессиональной культуры этническая специфика у современных народов из сферы материальной культуры постепенно перемещается в сферу духовной. Нельзя не учитывать и возникновение новых традиций, в том числе в сфере повседневной-бытовой культуры. Вместе с тем в промышленно развитых странах все большую этническую роль начинает играть профессиональная духовная культура, особенно в тех случаях, когда ее достижения проникают в быт народа⁶. В результате у народов этих стран основные этнические функции уже выполняют не столько остатки архаики, сколько сложившиеся на бытовом уровне новые сравнительно устойчивые компоненты духовной культуры, которые, впрочем, обычно включают, хотя и в модифицированном виде, те или иные элементы давних традиций.

Одним словом, основные объекты этнографической науки — этносы, одна из характерных черт которых — сравнительная

устойчивость, в современных условиях становятся весьма динамичными. Соответственно в качестве одной из главных задач этнографической науки выдвигается изучение динамики современных этнических систем, т. е. современных этнических процессов.

Как уже говорилось, основной разновидностью современных этносоциальных процессов являются национальные процессы, понимаемые как изменения, касающиеся и социально-экономических, и этнокультурных компонентов наций⁷. А это значит, что этнографическое изучение современных национальных процессов предполагает не только выявление изменений собственно этнических параметров наций, но и раскрытие зависимости такого рода изменений от их социально-экономической динамики. В этой связи представляется необходимым вновь вернуться к вопросу о взаимоотношениях этнографии с социологией при изучении современности.

Выступая в послевоенные годы по существу пионерами в деле изучения современного образа жизни, культуры и быта, советские этнографы, естественно, стремились охарактеризовать все стороны, все компоненты этих явлений, не разграничивая их этнических и социальных функций. Между тем хорошо известно, что многие параметры образа жизни (например, уровень материального быта, образования, обеспеченности средствами массовой информации и т. д.) являются важнейшими показателями социального развития общества. Уделяя значительное внимание этим показателям, этнография попутно выполняла функции конкретной социологии. Однако по мере развертывания в нашей стране конкретно-социологических исследований становилось все более очевидным, что изучение социальных параметров культуры является доменом именно этой дисциплины, а не этнографии. Наглядным примером этого может служить вышедшая в 1972 г. книга Л. А. Гордона и Э. В. Клопова «Человек после работы», имеющая весьма показательный подзаголовок «Социальные проблемы быта и внерабочего времени». Появление подобных работ позволяет этнографам сосредоточиться на решении собственных познавательных задач в изучении современных этносов. Вместе с тем, поскольку для понимания сущности современных национальных процессов чрезвычайно важным является раскрытие взаимосвязи собственно социальных и этнических аспектов этих процессов, особое значение для их изучения приобретает кооперация усилий этнографии и конкретной социологии.

Именно этим и обусловлено активное развертывание в последнее время этносоциологических исследований современности. Речь идет о пограничной дисциплине, которую можно рассматривать как подраздел этнографии и социологии. Ее предметную область, как уже говорилось, составляет изучение взаимодействия социально-классовых и этнических явлений. Представляется не-

обходным подчеркнуть, что исследование носит этносоциологический характер лишь тогда, когда изучается взаимосвязь этнического и социального в узком значении этого слова. Дело в том, что все еще очень часто «этносоциологическим» называют всякое исследование, в котором применяются методы массового анкетирования⁸. Действительно, этносоциология, сосредоточиваясь на изучении народов промышленно развитых стран, неизбежно стремится широко использовать методику и технику исследований, разработанную в социологических и психологических науках для анализа взаимоотношений людей в современном обществе. Но по тем же причинам методы, получившие распространение в конкретной социологии, начинают проникать и в собственно этнографические исследования современности. Наряду с проведением анкетных обследований советские этнографы все шире используют статистические данные ЦСУ, загсов и т. д., машинные методы обработки материалов, применяют, а в необходимых случаях разрабатывают совместно с математиками новые приемы сопоставления количественных показателей. Такая методика, состоящая в тесном сочетании полевых и массовых статистических материалов, представляется весьма перспективной, поскольку она дополняет непосредственные наблюдения числом и мерой. Но, повторяю, такая методика не меняет того факта, что исследования, в которых уделяется внимание лишь этнокультурным аспектам, являются этнографическими, а не этносоциологическими. А это в свою очередь значит, что в действительности этнографических работ, посвященных современности, больше, чем мы привыкли считать, ибо многие из них ошибочно именуется этносоциологическими только потому, что в них применяется анкетирование. В свою очередь представляется достаточно очевидным, что если не во всех, то во всяком случае в большинстве этнографических работ по современности не обойтись без специального сбора массовых данных. Необходимо лишь не допускать при этом механического перенесения в собственно этнографическое исследование методов, применяемых социологами. Надо критически, творчески осваивать эти методы, иначе легко попасть впросак.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что ни сама этносоциология, ни характерные для нее методы не могут заменить собственно этнографического исследования современности. Прежде всего это относится к центральной зоне предметной области этнографии современности — к традиционно-бытовым аспектам образа жизни народов, их традиционно-бытовой культуре и соответствующим процессам. При изучении данной зоны этнографией нельзя забывать об основных ее познавательных задачах. Мы имеем в виду, с одной стороны, выявление этнического своеобразия современного образа жизни, бытовой культуры народов СССР, с другой — раскрытие устойчивых характерных черт советского образа жизни, общесоветской культуры.

Советский образ жизни, общесоветская культура являются, как известно, важнейшими компонентами новой исторической общности — советского народа. Поэтому их изучению сейчас уделяет пристальное внимание целый ряд обществоведческих дисциплин, особенно экономика и социология. Но у этнографии, как и у этносоциологии, есть свои аспекты изучения данной проблематики. И они в данном случае, как и в других, относятся к диалектике общего и особенного. Уже опубликован ряд статей, освещающих общесоветские и национально-особенные черты в современном образе жизни народов СССР⁹. Но это, разумеется, только начало. Наряду с этносоциологическими работами надлежит развернуть широкие этнографические исследования этнокультурных аспектов современного образа жизни народов СССР, т. е. прежде всего его традиционно-бытовых компонентов и основной ячейки их межпоколенной трансмиссии — семьи. Для реализации этой темы в масштабах всей страны, несомненно, потребуются разработать ряд методических вопросов (программу и методику сбора материалов). Необходимо в данной связи уделить внимание и некоторым методологическим проблемам. В частности, представляется существенным отметить, что основной сферой этнографических исследований при изучении образа жизни остается современная бытовая культура. Однако ее рассмотрение как составной части образа жизни требует от исследователя выдвижения на передний план главным образом функционирующих частей этой культуры, ее поведенческих слоев, т. е. бытовой культуры в действии. Определенная же часть этой культуры, особенно если она не актуализирована, не вовлечена в повседневную жизнедеятельность, выступает не как непосредственная составляющая образа жизни, а лишь в качестве его, так сказать, внешнего условия. Соответственно речь может идти, например, не вообще о существующей культуре, а об ее использовании в повседневной деятельности людей.

Следует учитывать и необходимость дифференцированного подхода к таким близким, но все же не тождественным понятиям, как общесоветская культура и культура народов СССР (соответственно общесоветский образ жизни и образ жизни народов СССР). При этом речь идет не о противопоставлении данных понятий, а лишь о некоторых, для этнографии далеко не безразличных нюансах, связанных с разграничением общего и особенного. Если в первом случае имеется в виду то типичное, что характерно для культуры (образа жизни) всех народов СССР, т. е. советского народа в целом, то во втором — культура (образ жизни) всех народов нашей страны во всем ее объеме.

Задача всесторонней характеристики этносов-народов может быть решена лишь на основе специального исследования всех их компонентов, в которых проявляется этническая специфика. Поэтому для этнографического изучения современных этносов

немалое значение приобретает определение основных конкретных зон такого изучения. Это тем более существенно, что при практическом решении данной задачи нередко на понимание профиля этнографического изучения современности переносятся представления, сформировавшиеся применительно к объектам, слабо затронутым или вовсе не затронутым процессами научно-технической революции и урбанизации. В рассматриваемой связи весьма показательным, что в этнографии современности значительное внимание обычно уделяется материальной культуре. Между тем, как уже говорилось, по мере индустриализации этнические функции материальной культуры все более сужаются. Дело в том, что данная сфера особенно тесно связана с прогрессом производительных сил, сопровождающимся распространением стандартизированных фабрично-заводских изделий. Это явление не представляет какую-то особенность нашей страны, оно наблюдается во многих странах мира. В то же время в сфере материальной культуры наряду с процессом нивелировки, стандартизации имеет место и процесс взаимопроникновения ее отдельных национальных элементов. Проведенные исследования показывают также, что развитие однородности в различных сферах материальной культуры протекает по-разному в зависимости от степени их связи с техническим прогрессом, природных и хозяйственных факторов, а также от того, насколько та или иная сторона материальной культуры переплетается с идеологией народа, в частности, с этническим самосознанием.

Наиболее интенсивно унификация протекает в сфере орудий труда и транспорта. Существенно продвинулась интеграция и в таких областях материальной культуры, как поселения (особенно в связи с их реконструкцией) и жилище (городское и частично сельское). Значительна роль фабричных изделий общесоюзного типа в унификации одежды, хотя в отдельных регионах формируются новые типы, основанные на местных традициях, которые проявляются в цветовой гамме, в выборе фасонов, способах ношения и т. п. Большой устойчивостью отличается традиционное бытовое употребление предметов материальной культуры, в том числе даже тех стандартизированных изделий, которые функционально заменили старинную утварь. Наименее подвержена стандартизации пища, устойчиво отражающая традиционные вкусы, выработанные многими поколениями, хотя и в этой сфере идет интенсивный процесс взаимообогащения культур, чему немало содействуют учреждения общественного питания¹⁰.

Поскольку этническая специфика в сфере материальной культуры сохраняется, как правило, в издавна сложившихся компонентах, постольку их изучение и имеет преимущественное отношение к познавательным задачам этнографии. Вместе с тем ограничение лишь такими компонентами чревато не только игнорированием проявления отдельных новых черт в данной сфере,

но и опасностью архаизации современной действительности. Чтобы избежать этого, необходимо в подобных случаях указывать масштабы распространения старых форм традиционной культуры и их соотношения с новыми индустриальными формами.

Но одних количественных показателей, разумеется, при этом недостаточно. Следует иметь в виду, что традиции не просто «живая старина» — они представляют органическую составную часть современной культуры, теснейшим образом переплетены с инновациями, нередко придавая им специфический этнический колорит. Этим и обусловлена уже давно поставленная перед этнографией современности задача изучения взаимоотношения традиций и инноваций, присущего именно данной этнической или историко-этнографической общности. Последний вид общностей в рассматриваемой связи особенно важно учитывать, поскольку в современных условиях для многих сфер материальной культуры характерно складывание региональных черт, относящихся к целой группе этносов, т. е. к историко-этнографической области или даже историко-этнографической провинции¹¹.

Сравнительно недавно на страницах «Советской этнографии» было вновь обращено внимание на необходимость этнографического изучения современного производственного быта, в первую очередь быта рабочих. При этом в обоснование данной познавательной задачи приводилось два основных аргумента. Во-первых, указывалось, что «традиционное крестьянское сельское производство (так же, как и кустарное) всегда справедливо считалось одной из составных частей культуры народа, а его особенности — естественными элементами этнической характеристики». Во-вторых, подчеркивалось, что «производственная жизнь рабочих разных стран до настоящего времени имеет свои особенности, сравнительное исследование которых может дать дополнительные штрихи к этническим характеристикам»¹². Таким образом, перед нами апелляция как к историческому опыту самой этнографии, так и к этническим особенностям. Этот последний аргумент представляется весьма убедительным. Однако важно, чтобы он не оставался достоянием лишь общетеоретических рассуждений, а неуклонно проводился в конкретных этнографических исследованиях. В связи с рассматриваемой проблемой нельзя также не обратить внимания на то, что современные этнические процессы протекают и в селе, и в городе, причем в последнем более интенсивно. Тем не менее при этнографическом изучении современности обычно большее внимание уделяется как раз селу, особенно в тех случаях, когда исследуются культурно-бытовые процессы. И хотя уже не раз отмечались правомерность и необходимость этнографического изучения современной городской жизни, однако соответствующие исследования разворачиваются пока недостаточно интенсивно.

Весьма своеобразно сложилось отношение этнографии к такому важнейшему компоненту этноса, как язык. В специальных этнографических исследованиях язык сравнительно редко выступает в качестве предмета всестороннего анализа. В основном это касается языков бесписьменных народов, что, несомненно, связано с особенностями этнографического подхода к этим народам. Изучением же языков народов, обладающих письменностью, почти целиком занимается лингвистика. Между тем необходимость пристального внимания этнографов к изучению этнических функций языков представляется бесспорной. Это особенно важно применительно к современности, ибо если в прошлом соотношение языка и этноса было обычно стабильным, то в наше время существенные изменения языковых параметров этносов — явление распространенное. В частности, во весь рост встает задача изучения языкового взаимодействия этносов и прежде всего возникновения в результате этого взаимодействия билингвизма, приобретающего в нашей стране колоссальные масштабы. Без активного участия этнографов вряд ли также возможно сколько-нибудь полное раскрытие взаимосвязи языка с другими компонентами этноса, в том числе влияние билингвизма на традиционно-бытовую культуру и этническое самосознание, а также раскрытие такого своеобразного феномена, как культурное двуязычие¹³.

Особого внимания этнографов при изучении современности заслуживают такие компоненты духовной культуры, как обычаи и обряды. При этом следует иметь в виду, что выявление этнической специфики обрядов требует их всестороннего анализа¹⁴. В тех же случаях, когда речь идет о проявлении в сфере обрядов процессов межэтнической интеграции, весьма существенно разграничивать обряды общесоветские в прямом значении этого слова и те бытующие у нас межнациональные обряды, которые одновременно распространены во многих других странах.

Одной из подсистем этноса, издавна привлекающих внимание этнографов, является народное художественное творчество. При этнографическом изучении этого творчества вообще, в том числе и применительно к современности, прежде всего встает вопрос о взаимоотношении такого изучения с искусствоведческим. Для размежевания этих дисциплин общее основание, на наш взгляд, дает выполнение каждым видом народного художественного творчества и эстетических, и этнических функций¹⁵.

В современных условиях, как известно, многие традиционные виды художественного творчества переживают возрождение, связанное, правда, с некоторой их профессионализацией. В частности, все более широким спросом в нашей стране (как и во всем мире) стали пользоваться в последнее время изделия народных художественных промыслов. Такие изделия, как уже отмечалось, обычно сохраняют этническую специфику, связанную с передачей традиций художественного мастерства, сложившегося

в рамках соответствующего этноса. Вместе с тем они все шире распространяются по стране, проникая в повседневный быт всех советских народов и так или иначе способствуя процессам межэтнической интеграции¹⁶.

Заслуживает внимания и отражение современных этнических процессов в различных «неовещественных» видах народного художественного творчества, в частности, в народном танцевальном искусстве. Танцевальная культура — одна из наиболее устойчивых форм народного искусства. Прямая передача традиций этой культуры от поколения к поколению дает возможность выявить не только особенности традиционного танца каждого из народов в прошлом, но и проследить пути взаимосвязи хореографических культур различных локальных групп и народов, констатировать исчезновение былой замкнутости этих культур на современном этапе.

Развитие и обогащение художественной сокровищницы советского общества, как отмечено в программе КПСС, достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства¹⁷. Это особенно наглядно проявляется в области хореографии. Тесное переплетение профессионального искусства танца, художественной самодеятельности и народного традиционного искусства — одна из характерных черт развития современной хореографической культуры¹⁸.

Тенденция ко все большей профессионализации народного художественного творчества, а главное лавинообразное возрастание роли профессиональных форм художественной культуры в общем культурном фонде советских людей выдвигает перед нашей наукой чрезвычайно важный вопрос: изучать ей или не изучать профессиональные формы художественной культуры? Обычно в этой связи этнографы ограничиваются ссылками на то, что современная профессиональная культура исследуется целым комплексом специальных дисциплин — литературоведением и различными отраслями искусствоведения. Но ведь и традиционное художественное творчество изучается этими дисциплинами, что не исключает его изучения этнографией. Стало быть, и в интересующей нас связи ссылок на наличие специальных дисциплин явно недостаточно. Представляется, что как и во всех других случаях, когда выясняются познавательные задачи этнографии, применительно к современной профессиональной художественной культуре основным критерием при определении этих задач должно служить выполнение ее компонентами этнических функций. Между тем общеизвестно, что этническое (или, как мы привыкли чаще говорить, национальное) своеобразие современной художественной культуры народов СССР (как и других современных народов) не сводится лишь к наследию прошлого; оно в значительной мере является результатом нового профессионального творчества. Более того, как уже отмечалось, многие компонен-

ты профессиональной художественной культуры, даже приобретая интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранить национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. В то же время именно в сфере профессиональной культуры межнациональное взаимопроникновение происходит в целом наиболее активно¹⁹. В этой сфере весьма отчетливо проступают две основные тенденции современных этносоциальных процессов в нашей стране — расцвета и дальнейшего сближения наций.

Стало быть, наличие в сфере профессиональной художественной культуры процессов, требующих внимания этнографии, несомненно. Необходимо лишь отграничить их этнографическое изучение от искусствоведческо-литературоведческого. Общее основание здесь, очевидно, должно быть то же, что и применительно к народному художественному творчеству: различие этнических и эстетических функций исследуемых явлений. Вместе с тем нельзя не учитывать, что внимание литературоведов и искусствоведов уже давно привлекают проблемы этнической (национальной) самобытности того или иного народа. Ими написано, в частности, немало работ о национальном и интернациональном в советской литературе и искусстве. В этих работах наряду с характеристикой национальных особенностей художественного творчества, как правило, основное внимание уделяется отражению в этом творчестве этнических (национальных) явлений. Но, как уже отмечалось, произведения профессионального художественного творчества не только отражают свойства этнических общностей. При определенных условиях они сами превращаются в неотъемлемые компоненты этноса, становясь достоянием основной массы его членов, проникая в их повседневный быт. Такое проникновение и обеспечивает реальное выполнение произведениями профессионального художественного творчества этнических функций. Тем самым определяется значение его исследования для понимания современных этнических процессов, а соответственно и познавательные задачи этнографии в данной области. Этнографам надлежит вплотную заняться разработкой этой проблематики и прежде всего проблемой массового потребления художественной культуры²⁰.

При изучении современных этнических процессов весьма важно также иметь в виду, что на эти процессы непосредственно воздействует идеология, которая как совокупность политических, правовых, нравственных и других взглядов пронизывает все виды общественного сознания и общественных отношений. В нашей стране чрезвычайно большое значение для национальных процессов, в том числе их этнических аспектов, имеет такой важнейший компонент общественного сознания советских людей, как идеология пролетарского интернационализма. В общественном сознании всех советских людей прочно утвердилось материали-

стическое мировоззрение, основу которого составляет марксизм-ленинизм. Влияние марксистско-ленинской идеологии на национальные отношения в СССР в целом уже в значительной степени освещено в нашей философской и исторической литературе. Однако для всестороннего и конкретного показа ее роли в происходящих в нашей стране современных этнических процессах, в частности, воздействия на этническое самосознание требуются дополнительные специальные исследования.

Как известно, становление и распространение материалистического марксистско-ленинского мировоззрения в нашей стране шло в борьбе против религии. В прошлом религиозная идеология оказывала значительное влияние на этнические процессы. За годы Советской власти социально-экономические преобразования, рост культуры и образования, развитие науки, коммунистическое, в том числе атеистическое, воспитание привели к массовому отходу от религии, что имело огромное значение для развития этнических процессов. В ряде случаев это отчетливо проявилось в процессах внутриэтнической консолидации. Но особенно благотворно исчезновение прежней конфессиональной отчужденности сказалось на процессе межэтнической интеграции²¹. Все это необходимо иметь в виду при этнографическом изучении религии в современных условиях, ибо внимание этнографии к ней, как и к ее антиподу — атеизму, находится в непосредственной зависимости от их воздействия на ход этнических процессов. Следует также учитывать, что это воздействие проявляется прежде всего на бытовом уровне, в сфере общественной психологии. Тем самым обусловлена «избирательность» этнографического изучения религии: для этнографа существенны не столько религиозные учения и догмы, сколько бытовой уровень религии, прежде всего религиозное поведение, в том числе обусловленное различного рода суевериями.

Вообще необходимо особо подчеркнуть, что стереотипы поведения являются весьма показательными в этническом отношении компонентами обыденного сознания, а соответственно и бытовой формы культуры. При этом этническую специфику можно обнаружить в самых разнообразных шаблонах поведения, от трудовых приемов до правил этикета. Определенную, специфическую для каждого этноса окраску имеют и многие из таких сложных социально-психических образований, как ценностные ориентации, социальные установки, идеалы, нормы поведения, убеждения, интересы и т. п. Внимание этнографов, изучающих промышленно развитые общества, ко всем этим компонентам психики представляется тем более важным, что наряду с художественной культурой именно психика представляет одно из главных современных «убежищ» этнической специфики. К тому же как раз в этой сфере в нашем обществе произошли кардинальные перемены. Ранее свойственные главным образом рабочему классу интерна-

ционалистские взгляды и нормы межнационального общения в результате победы социализма, создания идейно-политического единства советского общества распространились в массах всего советского народа, стали общесоветскими, присущими всем классам и социальным слоям всех наций и народностей СССР. За годы Советской власти глубокие изменения претерпели такие сферы общественного сознания, как мораль и правовые взгляды; советские нормы морали и права все глубже проникают в сознание народных масс.

Все это делает настоятельно необходимым усиление нашего внимания к проявлению этнических процессов в сфере общественной психологии. К сожалению, в ее этнографическом изучении сделано еще очень немного. Лишь в самое последнее время стали предприниматься первые шаги по конкретному исследованию этнического своеобразия современных ценностных ориентаций у отдельных народов нашей страны²².

На начальной стадии находится также исследование этнического самосознания, в том числе установок на межэтнические контакты²³. При дальнейшем развертывании работ по изучению этнического самосознания необходимо включить в сферу конкретного анализа и такие его составляющие, как этнические стереотипы и автостереотипы, в том числе характерные представления об исторических традициях, общности исторических судеб и происхождении своего этноса.

Преодоление трудностей, стоящих на пути изучения этнических аспектов массового обыденного сознания и общественной психологии, возможно лишь на основе тесного сотрудничества представителей всех заинтересованных в таких исследованиях научных дисциплин. Но при этом, очевидно, этнографы не должны ожидать, пока данной проблематикой займутся социальные психологи, а последние — надеяться на развертывание этнопсихологических исследований, этнографами. Впрочем, в настоящее время изучение отдельных этнопсихологических явлений ведется главным образом в рамках этносоциологии современности. И не исключено, что именно здесь находятся истоки нашей будущей этнопсихологии.

Значительные трудности стоят на пути этнографического изучения так называемой соционормативной культуры современных промышленно развитых обществ. Это прежде всего связано с тем, что большинство социальных институтов, традиционно изучавшихся этнографами, в подобных обществах совсем или почти полностью отсутствуют (таков, например, институт большесемейной общины). Пожалуй, из всех социальных институтов, издавна находившихся в поле зрения этнографической науки, она применительно к современности сохраняет наиболее прочные исследовательские интересы в отношении моногамной семьи. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что в структуре

такой семьи, в семейном быту, в семейно-брачных отношениях до сих пор имеется немало этнически специфического; во-вторых, тем, что семья и в высокоразвитых обществах остается важнейшей микроячейкой воспроизводства этноса. Этим двум факторам соответствуют два основных аспекта этнографического изучения семьи. Что касается структуры современной семьи и семейного быта, то в этой сфере за послевоенные годы в этнографической литературе накоплен обширный фактический материал. Однако сравнительный анализ этого материала только начинается²⁴. Недостаточно изучена и роль современной семьи в воспроизводстве этносов. Исключения представляют лишь национально-смешанные семьи, применительно к которым специально исследовалось формирование этнического самосознания у выросших в таких семьях подростков²⁵. Думается, что одна из насущных задач дальнейшего этнографического изучения современной семьи — раскрытие этнической стороны происходящих в ней процессов социализации личности.

Разумеется, исследование социальных ячеек современных этносов должно вестись этнографами в тесном сотрудничестве с социологами. И немалую роль в этом призваны сыграть этносоциологи. Об их задачах, касающихся изучения современности, в общей форме речь уже шла. Поэтому здесь подчеркнем лишь, что среди таких задач одна из важнейших — изучение происходящего в нашей стране процесса сближения социальных структур этнических общностей; ведь процесс этот, как известно, представляет весьма существенный аспект формирования однородной социальной структуры новой исторической общности — советского народа²⁶.

Этносы — сложные динамические системы, отличающиеся друг от друга не только своими определенными свойствами, но и масштабами. Изучением этих параметров занимаются две пограничные дисциплины — этнодемография и этногеография. В последнее время они получили у нас заметное развитие, в том числе в области изучения современности. Однако в свете материалов XXV съезда КПСС и здесь необходимо значительно расширить круг исследований, еще более актуализировать их проблематику.

Как видим, этнограф, изучающий современные этнические общности, должен иметь в поле своего зрения самые различные их параметры — от экономики до психологии, весь образ жизни современных народов, их взаимоотношения с окружающей средой. При этом необходимо учитывать не только динамичность традиционного слоя такого рода параметров, но и то, что выполнение этнических функций отдельными инновациями в образе жизни может быть связано как с превращением последних в «объективные» свойства этноса в результате непосредственного, как бы неосознанного усвоения их основной массой его членов, так и

с воздействием на «субъективную» сторону этноса, т. е. этническое самосознание. Весьма существенно иметь в виду и то, что при рассмотрении межэтнических отношений на любом уровне (как на уровне различных социальных групп, в том числе наций, так и на личностном уровне) этническая специфика обычно проявляется сама собой, ибо фактически все время сопоставляется несколько этносов (по крайней мере два). Это же имеет место и при анализе некоторых компонентов этносов, в которых как бы само по себе уже заложено подобное сопоставление (билингвизм, этническое самосознание и т. п.). В таких случаях исследователю не надо предпринимать дополнительных усилий для выявления этнической специфики. Этим в значительной мере и объясняется тот факт, что сейчас, когда этнографы вплотную стали заниматься изучением современных этнических процессов, именно анализ явлений явно имеющих межэтнический характер неуклонно приобретает все больший удельный вес в этнографическом изучении современности.

При изучении же отдельных этносов самих по себе, так сказать, изнутри, очень часто этническое своеобразие их компонентов оказывается как бы в скрытом состоянии. Это особенно характерно для современных этнических общностей, в которых, как уже говорилось, этническая специфика все более перемещается в сферу духовной культуры, в сферу психики.

Отсюда вытекает одна из важнейших методических установок этнографического изучения отдельных современных этнических общностей — необходимость сравнительного анализа их компонентов, в первую очередь тех, этническая специфика которых сама по себе недостаточно очевидна. Особенно это важно, когда исследователь (да и читатель) относится к тому этносу, который выступает объектом изучения. В таком случае большинство компонентов этноса часто представляется лишенным всякой специфики. В этой связи нельзя не вспомнить афоризма одного из старейших советских этнографов Л. Я. Штернберга, который гласит: «Тот, кто знает лишь один народ, не знает ни одного». Этот афоризм, может быть в несколько гиперболзированной форме, указывает на необходимость сравнительно-исторического подхода в этнографическом изучении народов. Остается в данной связи лишь заметить, что для выявления действительной этнической специфики недостаточно сопоставлений между пространственно отдаленными этносами, а необходимо сравнение данных, относящихся к изучаемому этносу и его непосредственным соседям, иначе неизбежна опасность принять специфику, характерную для группы соседних этносов, за отличительные черты одного из них.

Таким образом, как мы могли убедиться, изучение современных народов промышленно развитых стран требует от этнографов несколько особого подхода, особой методики. На такое изуче-

ние недопустимо механическое перенесение тех представлений о предмете и методах этнографии, которые сложились применительно либо к отставшим в своем развитии народам, либо к архаическим компонентам культуры.

Но особый подход этнографии к современности предполагает не только перемещение исследовательских зон и использование новой методики, но и большую психологическую перестройку самих исследователей, глубокое понимание ими сущности и неизбежности всех этих перемен, ломку традиционных представлений о профиле этнографических исследований. Эта перестройка как в объективном, так и в субъективном плане, несомненно, уже происходит, о чем свидетельствует ряд вышедших и подготовленных работ. Необходимо, однако, проводить ее в дальнейшем более планомерно и организовано, в частности сделать соответствующие выводы при планировании исследований.

Наряду с особыми научно-познавательными задачами перед этнографией современности стоит немало прикладных. Их решение имеет существенное практическое значение и для дальнейшего культурного строительства, и для дальнейшей оптимизации межнациональных отношений в нашей стране. Но об этом нам уже не раз приходилось писать²⁷. Поэтому отметим в данной связи лишь то, что неотъемлемым условием эффективности прикладных исследований является глубокая теоретическая разработка соответствующих научных проблем. Как сказал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, «нет ничего более практичного, чем хорошая теория»²⁸.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что понимание этнографии как науки об этносах не оставляет места для представлений о прогрессирующем исчезновении ее предмета в современную эпоху. Существенные изменения, происходящие ныне с основными исследовательскими объектами этнографии — этносами, отнюдь не означают перспективы их скорого исчезновения вообще; более того, они сохраняют многие свои характерные черты. Соответственно сохраняется и предметная область этнографических исследований. Меняется лишь значимость различных ее зон в связи с перемещением этнической специфики из одних сфер в другие; к тому же по мере общественного прогресса предмет этнографической науки усложняется, выдвигая перед ней все новые познавательные задачи.

Все это надо непременно иметь в виду, определяя основные направления развития современных этнографических исследований. Но, разумеется, одновременно следует учитывать и накопленный опыт таких исследований. А он, как мы могли убедиться, свидетельствует, что при всей широте своего предметного диапазона этнографические исследования, базирующиеся на марксистско-ленинской методологии, в конечном счете всегда нацелены на разработку актуальных теоретических и важных прикладных

проблем, неразрывно связанных с практикой коммунистического строительства, с борьбой за прочный мир и социальный прогресс во всем мире.

¹ См., например: *Токарев С. А.* О задачах этнического изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, № 5.

² Подробнее см. очерк «Основные направления послевоенных этнографических исследований в СССР», публикуемый в этой книге.

³ См.: *Иванов В. В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М.: Наука, 1973, с. 62—63.

⁴ Этнография в странах социализма: Очерки развития науки. М.: Наука, 1975; См. также очерк «Этнография и культурно-социальная антропология», помещенный в этой книге.

⁵ См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 206 и сл.; *Он же.* Современная этнография и ее перспективы.— В кн.: Будущее науки. М.: Наука, 1975, с. 253 и сл.

⁶ Подробнее см. очерк «Этнические аспекты современных национальных процессов в СССР», публикуемый в этой книге.

⁷ Подробнее см. в данной книге очерк «Этнические процессы: общая характеристика».

⁸ См. об этом подробнее: *Дробижева Л. М.* Этносоциологическое изучение современности.— Расы и народы, 1976, вып. 6, с. 66—67.

⁹ См., например: *Марков Г. Е.* Советский образ жизни и проблемы этнографии.— СЭ, 1976, № 2; *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Советский образ жизни: общее и национально-особенное.— СЭ, 1976, № 3.

¹⁰ Подробнее см. очерк «Этнические аспекты современных национальных процессов в СССР», помещенный в этой книге.

¹¹ *Гарданов В. К., Долгих Б. О., Жданко Т. А.* Основные направления этнических процессов в СССР.— СЭ, 1961, № 4, с. 20—22; *Гурвич И. С.* Современные направления этнических процессов в СССР.— СЭ, 1972, № 4, с. 28; *Современные этнические процессы в СССР.* 2-е изд. М., 1977, с. 500—520.

¹² *Юхнева Н. В.* Производственная жизнь рабочих как предмет этнографического изучения.— СЭ, 1975, № 1, с. 18.

¹³ См., например: *Губогло М. Н.* Взаимодействие языков и межнациональные отношения в советском обществе.— История СССР, 1970, № 6; *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, № 3; *Брук С. И., Губогло М. Н.* Двухязычие и сближение наций в СССР: По материалам переписи населения 1970 г.— СЭ, 1975, № 4; *Они же.* Факторы распространения двухязычия у народов СССР: По материалам этносоциологических исследований.— СЭ, 1975, № 5; *Арутюнов С. А.* Билингвизм и бикультурализм.— СЭ, 1978, № 2.

¹⁴ См.: *Лобачева Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР: Опыт этнографического обобщения.— СЭ, 1973, № 4, с. 14—24; *Бромлей Ю. В.* Нова обрядовість як один з важливих компонентів радянського способу життя.— Народна творчість та етнографія, 1979, № 2.

¹⁵ См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 223—225.

¹⁶ Подробнее см. очерк «Этнические аспекты современных национальных процессов в СССР», публикуемый в этой книге.

¹⁷ Программа Коммунистической Партии Советского Союза. М., 1962, с. 279.

¹⁸ Подробнее см.: *Жорницкая М. Я.* Отражение в современном хореографическом искусстве этнокультурных связей в СССР.— СЭ, 1975, № 3.

¹⁹ См.: *Чистов В. К.* Этническая общность..., с. 81.

²⁰ Подробнее см.: *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* К изучению современных этнических процессов в форме духовной культуры народов СССР.— СЭ, 1975, № 1.

²¹ См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 427—429.

²² См.: *Дробижева Л. М.* Социально-культурные особенности личности и национальные установки: По материалам исследований в Татарской АССР.— СЭ, 1971, № 3; *Арутюнян Ю. В.* Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР: Программа, методика и перспективы исследования.— СЭ, 1972, № 3; *Бгажноков Б. Х.* Коммуникативное поведение и культура: К определению предмета этнографии общения.— СЭ, 1978, № 5, и др.

²³ *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, № 2; *Дробижева Л. М.* Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений: Некоторые вопросы методологии.— СЭ, 1974, № 4; *Хабидулин И. Н.* Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. Пермь, 1974; *Старовойтова Г. В.* К исследованию этнопсихологии городских жителей: По материалам опроса населения трех городов Татарской АССР.— СЭ, 1976, № 3; *Дашдамиров А. Ф.* Социально-психологические проблемы национальной определенности личности.— СЭ, 1977, № 3; *Он же.* Нация и личность. Баку, 1976.

²⁴ *Ганцкая О. А.* Этнос и семья в СССР.— СЭ, 1974, № 3. См. также: Современные этнические процессы в СССР, с. 433—460.

²⁵ *Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н.* Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике.— СЭ, 1965, № 6; *Терентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях.— СЭ, 1969, № 3.

²⁶ См.: *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Социально-культурное развитие и сближение наций в СССР на современном этапе. М., 1972; Современные этнические процессы в СССР, с. 123—136.

²⁷ См., например: *Бромлей Ю. В.* Этнография на современном этапе. Коммунист, 1974, № 16, с. 68—70.

²⁸ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1975, с. 48.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
ВА — Вопросы антропологии
ВДИ — Вестник древней истории
Вестн. АН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВИ — Вопросы истории
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ВФ — Вопросы философии
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
Изв. АН СССР — Известия Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
Лит. газ. — Литературная газета
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
НАА — Народы Азии и Африки
НК — Научный коммунизм
Нов. и новейш. ист. — Новая и новейшая история
ОН — Общественные науки
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
СИ — Социологические исследования
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СО — Социологическое обозрение
Сов. славяновед. — Советское славяноведение
СП — Советская педагогика
СЭ — Советская этнография
Тез. ВКЭНМ — Тезисы Всесоюзной научной конференции «Этнографические аспекты изучения народной медицины»
ТИЭ — Труды Института этнографии
Труды МККК — Труды Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и прилегающих к ним областей
ФН — Философские науки
ФЭ — Философская энциклопедия
ЭСО — Этносоциальная общность
МНЖСМ — Monumenta historico-juridica Slavorum Meridionalium

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Автостереотипы этнические 368
Авункулокальность 208
Адаптация 157, 163, 228, 246
биологическая 246
внебиологическая 246, 253
культурная 71, 154, 163, 173, 246, 254
физиологическая 173
Азиатский способ производства 161
Аккультурация 71
Американская этнопсихологическая школа (этнопсихологизм) 133, 168
Американский расизм (школа) 168
Антиисторизм 4
Антикультура 164
Антитеза «мы — они» 15, 24
Антиэтнос 33
Антропогенез 176, 178
Антропография 106
Антропологизм философский 100, 101
Антропология (общая) 98—101, 104—106, 108, 111, 134, 153, 159—161, 165, 166—168, 170, 171, 174
визуальная 162
ее задачи 100, 101
культурная 98, 101—104, 110, 160—162, 170
медицинская 160
морская 160
морфологическая 157
политическая 160
психологическая 160
социальная 98, 101—105, 110, 160, 161
физическая 5, 98, 101, 102, 158, 160, 164, 171, 173, 174, 261
философская 100
экономическая 189—190
этническая 109, 116, 130, 157
Антропонимика 122, 350
Антропосоциогенез 196
Апартеид 322
Ареал географический 49
историко-культурный 60
историко-этнографический 129
культурно-бытовой 58
культурный 58, 103
лингвоэтнографический 50
как «однофакторная» общность 50
религиозный 58, 294
хозяйственно-культурный 50, 294
языковой 294
как историко-этнографическая область 48
- Археология (археологическая наука) 82, 93, 102, 117, 134, 171, 177, 178, 222, 343, 344
Аспекты этнические (национальных процессов) 329, 346, 366
Ассимиляция 29, 41, 67, 68, 70, 71, 77, 260, 276, 279, 285, 287, 289, 290, 306, 307, 309—314, 331, 332
двусторонняя 313
естественная 67, 68, 78, 313, 331
культурная 71
насильственная 68, 313, 314, 331
этническая (национальная) 68—70, 72, 120, 154, 292, 311—313
языковая 25, 71, 72, 271, 272
Атеизм 345, 346, 367
Атлас диалектологический 239
этнографическо-диалектологический 240
Атласы историко-этнографические 117, 124, 126, 156, 238, 240
Бикультурализм 71, 131, 170
Билингвизм (двуязычие) 71, 129, 170, 317, 340, 364, 370
Биология (наука) 89, 100, 173, 174
человека 228
Ботаника (наука) 117
Брак 18, 27, 173, 179—185, 208, 262, 312, 346
авункулокальный 209
вирилокальный (авункулокальный) 209
групповой 179, 180, 181, 185, 186
дуально-фратриальный 179
матрилокальный 183, 208
межрасовый 57
национально смешанный (разнонациональный) 157, 331, 332, 348
парный 180, 185
патрилокальный 183, 209
смешанный 68, 273, 311, 312
унилокальный 183
этнически смешанный 313
Буддизм 55
Быт 29, 60, 72, 82, 85, 94, 95, 114, 116, 118, 119, 124, 126, 132, 136, 168, 172, 225, 239, 247, 330, 341, 344—346, 357, 358, 359
общесоветский 69
повседневный 336, 339, 355, 365, 366
производственный 363
рабочих 363
родовой 193
семейный 369
Верования 126
первобытные 127—128
религиозные 127, 128

* Составитель Е. А. Шервуд

- Военная демократия 191, 195, 272
 Воспроизводство (самовоспроизводство)
 межпоколенное этнических свойств 47
 семьи 41
 этноса (этносов) 27, 32, 47, 369
- Генезис историко-этнографических общностей 49
 народностей 257, 259, 260
 -докапиталистических 274
 -консолидационный 274
 нации 318
- Генетика 99, 174
 популяционная 164
 человека 158, 171
- Геноцид 106, 285
- География (наука) 99, 106, 117
 медицинская 229
 этническая (этногеография) 109, 116, 123, 254, 369
- Геология (наука) 99, 104
- Гетерогенность культурная 279
- Гомогенность (гомогенизация) 68, 307, 336
 культурная (межклассовая) 350
- Город-государство (полис) 36, 275
- Государство (государственность) 11, 13, 14, 17, 28, 31, 36, 37, 40, 59, 66, 70, 78, 114, 136, 159, 172, 176, 179, 188—190, 193, 194, 196, 197, 206, 257, 259, 260, 274, 275, 278, 283—286, 289, 291, 294—296, 298—301, 304, 306, 309, 314, 317, 319, 321, 323, 332, 345, 350—352
 империалистическое 298
 капиталистическое 4
 макроединица общественного развития 31
 многонациональное 68, 120, 136, 252, 283, 320, 352
 моноэтническое 14, 36, 304, 306
 народность 56
 национальное 283, 294
 общенародное 351
 полиэтничное 13, 304, 307
 промышленно развитое 300
 развивающееся 4, 297
 раннеклассовое 257
 социалистическое 59, 301, 332, 351, 353
 социально-политическая общность 36
 социальный институт 31
 социальный организм 32, 40
 феодальное 286
 этникос (ЭСО) 40
 этносоциальный организм (ЭСО) 36
- Границы антропологические 18
 государственно-политические (государственные, политические) 66, 274, 283, 319, 321
 историко-этнографических (традиционно-культурных) общностей 50
 метаэтнополитических общностей 49
 политических образований 274
 социального организма 13
 этнические 238, 321
 этнические ЭСО 37
 этнических общностей 236
- Группа 11, 13—16, 27, 29, 38, 64, 68, 72, 76, 103, 104, 129, 135, 154, 180, 194, 235, 245, 249, 261—263, 265, 268, 287, 289, 292, 305, 306, 309—311, 330, 331, 342, 343
 больших семей 193
 гомогенная 35, 36
 иноэтническая 287
 конфессиональная 22
 культурная 103
 лингвистическая 58
 локальная 184, 307, 338, 365
 малых семей 193
 национальная 28, 30, 39, 122, 321, 341
 национальностей 68
 племен 207
 -родственных 257
 племенная 66, 68, 330
 расовая 27, 48, 56
 родственная (коммунистическая) 194
 племя 277
 семейно-родственная-патронимия 193
 соседствующих стран-провинция 49
 социальная 21, 87, 94, 103, 110, 120, 121, 345, 370
 социально-профессиональная 350
 социальных организмов 50
 социокультурная 103
 стран 298, 299, 304, 305, 315, 316
 субэтнос 48, 49
 территориальная 269
 этническая 15, 29, 30, 37, 39, 41, 49, 73, 87, 103, 129, 157, 163, 170, 173, 257, 258, 261, 264, 266, 268, 269, 276, 285, 290, 291, 305, 309, 310, 330, 331, 335
 этноареальная 40, 40—41
 этнографическая 48—51, 67, 75, 120, 129, 278, 279, 287, 306, 307, 309, 330
 внутриэтническая (историко-этнографическая общность) 49
 -народностей 54
 -территориальная 331
 этнодисперсная 40, 41
 этнорасовая 290, 317
 этнос 10
 этносов 23, 308, 363, 370
 этносоциальная 40
 этносоциальных общностей 308
- Группы возрастные 342
 иммигрантов 320
- Движения национально-освободительные 298, 300, 301
- Двуязычие 69—71, 156, 271, 272, 316, 334, 351
 культурное 364
- Демография (наука) 106, 117
 социальная 171, 172, 174
 этническая (этнодемография) 123, 124, 172, 173
- Дерматоглифика 164
- Детерминизм географический 78, 158
 технологический 170
 экологический 172
 экономический 172
 -вульгарный 161
- Диалект 59, 67, 73, 236, 239, 286, 288, 316, 330
 местный 288
 областной 277
- Дивергенция социально-классовая (духовной жизни) 61
 этническая 274, 289, 290, 292, 319
 этногенетическая (этническое разделение) 65, 66, 70, 319
- Динамика этническая 304
- Дискриминация бытовая 54
 расовая 57, 290, 311, 312, 314, 322
 этническая 290, 314, 322
- Дифференциация культурная 302, 349, 350
 лингвистическая 276
 межэтническая 83

- социально-классовая (духовной культуры) 302
 этнографическая (этническая) 250, 274, 276, 286, 287, 294, 319, 322
 этноса 19
 языково-культурная (нации) 289
- Диффузионизм 83
 Диффузия культурных элементов 261
 Дуализм этнический 305
- Единица государственно-политическая 294
 историко-этнографическая (традиционно-культурная) 49, 50
 макроэтническая 46
 микроэтническая 46—48
 микроэтносоциальная 47
 племенная как этносоциальное разделение первобытного общества 52
 политическая 275
 социальная 88
 социокультурная 104
 территориально-политическая 284
 хозяйственная 194
 этническая 21, 39, 46, 47, 53, 67, 68, 73, 258, 259, 274, 290, 305, 330, 332
 этнографосоциальная (социокультурная «синтетическая») 51
 этносоциальная (социокультурная «синтетическая») 51, 277
- Знания народные традиционные 211, 212
 Зоология 99, 117
- Идеология 346, 347, 362, 366
 буржуазного национализма 346
 интернационалистическая 349
 марксистско-ленинская 332, 367
 национальных отношений 346
 политическая 21
 пролетарского интернационализма (как компонент общественного сознания) 346, 347, 366
 (идеи) религиозная 344, 345, 367
- Иерархия (иерархичность) историко-культурных общностей (образований) 42, 45—61
 историко-этнографических (традиционно культурных) единиц 49—50
 народностей 276
 политической структуры 274
 этническая 47
 этнических общностей 42, 46, 76, 131
- Изолят (изоляция) 197, 234, 263, 264, 286, 323
- Иммиграция 289, 311
- Индуизм 55
- Инновации 64, 119, 131, 153, 162, 363, 369
- Иноэтничные вкрапления 40
 в дисперсном состоянии (этнодисперсные группы) 40
 в компактном состоянии (этноареальные группы) 40
- Институты брачно-семейные (брака) 180, 345
 классового общества 176
 семейно-родственные 102
 социальные 31, 40, 41, 88, 153, 187, 368
 -традиционные 264
 -этнические 31
- Интеграция (интегрированность) 78, 108, 173, 184, 296, 322, 362
 внутриэтническая 26, 83
- духовной жизни (национальностей) 332
 культурная 27, 58, 162, 291, 319, 340, 349, 351, 362
 межнациональная 317, 323
 межэтническая (гомогенизация) 67—70, 120, 290, 292, 314, 316—318, 332, 333, 364, 365, 367
 политическая 60, 296
 экономическая 59, 60, 192, 295, 319
 -капиталистическая 295
 -региональная 296
 -социалистическая 295, 323
 этническая 168, 169, 294
 этническая межрасовая 291
 языковая 271
- Интернационализация 59, 60, 75, 342, 343, 355
 духовной жизни 302
 культуры 341
 художественных вкусов 341
 экономическая (хозяйства) 299—301, 323
- Интернационализм 344, 346—348
 пролетарский 346, 347, 366
 социалистический 76, 333, 347
- Интерференция культурная 49, 71
 лингвистическая 240
 языков и диалектов 239
- Информация культурная 27, 64
 культурно-психическая 26
 этническая 47
 этнокультурная 26—27, 64
 -межпоколенная диахронная 27
 -синхронная 27
- Инфосвязи внутриэтнические 279
 диахронные 27
 межэтнические 279
- Искусство (его этнические аспекты) 21, 335—339, 341, 349, 366
 его виды (языковые, неязыковые) 338
 как сфера художественной культуры (народное) 335
 -народное традиционно-бытовое, традиционное 18, 84, 336—338, 343, 365
 -как компонент культуры 18
 народов СССР 339
 профессиональное 337, 339, 350, 365
 советское 337
 формы народного искусства 335, 338
- Искусствоведение 82, 98, 228, 365
- Ислам 55, 56, 78, 127, 253, 270, 271
- История 3, 7, 33, 38, 53, 56, 61, 65, 72, 73, 78, 81, 86, 94, 99, 105, 114, 115, 117, 125, 129, 130, 133, 135, 136, 153, 156, 161, 170, 180, 185, 203, 214, 218, 221, 222, 228, 239, 248—250, 260, 265, 268, 274, 288, 293, 294, 323, 329, 356
 бесписьменных народов (этноистория) 110
 докапиталистических обществ 115
 ее предмет (предметная область) 81, 86, 87, 90—93
 как историческая наука 81, 86—90, 93
 94, 96, 100, 110, 270, 343, 344, 357
 культуры 94, 127, 154, 261
 материальной культуры (наука) 228
 первобытная (первобытного общества, первобытнообщинного строя) 94, 114, 132, 153, 176, 177, 179, 188, 189, 197
 -периодизация ее 132, 194—196
 -социальная 176
 религий 127
 социально-экономическая 65
 этническая 6, 25, 35, 51, 70, 71, 76, 84,

- 123, 126, 129—131, 153, 155, 171, 233, 260, 269, 290, 291, 311
 -как наука 10
 -как предмет этнографического исследования 93
 этнографии 133
 этносоциальная 285
- Источники 86, 129, 130, 164, 203—206, 216, 218, 236, 259, 264
 антропологические (как исторические) 157—158
 археологические 86, 130, 132
 исторические 82, 90, 92, 269
 лингвистические 130
 литературные 130
 письменные 3, 86, 117, 202, 203, 205, 206, 208, 235, 264, 267, 272
 этнографические 127, 130, 132
- Иудаизм 253
- Капитализм 20, 21, 30, 32, 42, 56, 60, 65, 68, 74, 76, 92, 251, 283, 294, 295, 297, 298, 300—304, 314, 321, 322, 331
 государственно-монополистический (монополистический) 294
- Картографирование диалектологическое 240
 этническое (картография этническая) 123, 131, 156
 этнографическое 240
- Карты этнические (этнографические) 117, 123
- Касты 299, 309
- Клан 183
- Класс — сословие 299
- Классификации расовые 264
 этнических общностей 41
- Классообразование 132, 188—190, 206, 271
- Классы 12, 20—24, 75, 76, 176, 177, 188, 190, 196, 197, 284, 296, 302, 321, 322, 342, 347, 348—350, 353, 367, 368
 антагонистические 59, 75, 177, 197, 278, 322, 350
 как интернациональное явление 30
 как национальное явление 30
 как разновидность общности 29
- Коллективизм первобытный 132, 176, 177, 197
 семейно-клановый 195
- Колониализм 300, 321
- Колонизация 58, 187, 234—236
- Коммуна первобытная 194
- Коммунализм родовой 195
- Комплекс культурно-бытовой 239, 240
 культурный 241
 расовый 261
- Комплексы групповые 261
- Компоненты духовного склада (этнической общности) 85
 культуры 46, 47, 49, 50, 60, 71, 119, 120, 125, 126, 131, 211, 212, 216, 228, 234, 238, 240, 241, 253, 302, 336, 339, 340, 342, 357, 358, 362, 364—366, 371
 нации 359
 новой исторической общности — советского народа 351, 361
 культуры 19, 21—23
 психики 367
 расовые 306
 сознания (общественного) 15, 346, 366, (обыденного) 367
 социально-экономические (нации) 359
- традиционно-бытовые 111, 120, 131, 361
 этника 37
 этнические 35, 65, 116, 155, 235, 236, 270, 272
 этнических единиц 259
 этнического самосознания 24
 этнической общности 270, 370
 этнокультурные (нации) 359
 этнолингвистические 120
 этноса 10, 37, 63, 64, 83, 84, 86, 109, 128, 246, 337, 339, 364, 366, 370
 этносов-народов 361
- Консолидация 66—68, 75, 78, 287, 289, 306—308, 314, 344
 внутриэтническая 287—290, 292, 307, 331, 345, 346, 367
 культурная 76, 331
 культурно-языковая 58, 59
 межнациональная 330
 межэтническая (этногенетическая) 289, 292, 308
 национальная 78, 283, 286, 319, 331
 само- 279
 этническая 69, 120, 275, 286, 288, 306, 307
 этническая народностей 273, 274
 этническая наций 331
 этнических групп 330
 этногенетическая (межэтническая) 67—70, 274, 307, 308
 этнокультурная 285
 этноса 284
 этнотрансформационная 67
 этноэволюционная (внутриэтническая) 67, 70
- Контакты брачные 262
 между народами 345
 межнациональные 348
 межплеменные 257
 межэтнические 27, 77, 78, 333, 368
 этнические 78
 этнокультурные 258, 346
- Конфессионим (наименование религий) 14
- Конфликты межнациональные 319, 320,
- Культура 3, 18—22, 24, 25, 27—30, 45—51, 55, 59—61, 67, 68, 71, 72, 75, 76, 83, 84, 94, 105, 107, 109, 110, 115—119, 121, 124, 125, 127, 130, 131, 136, 156, 159, 163, 164, 168, 170—172, 212, 233, 234, 236, 240, 241, 246, 257, 264, 267—270, 273, 278, 286, 289, 291, 292, 302, 308, 309, 312, 313, 324, 330, 332, 333, 335, 340—342, 344, 345, 349—351, 357, 358, 359, 361—366, 367
 археологическая 294
 буржуазная 20
 бытовая 22, 57, 82, 118—120, 259, 358, 360, 361
 внепроизводственная (быт) 357
 демократическая 20, 302
 духовная 19, 21, 25, 26, 60, 85, 109, 116, 121, 122, 126, 127, 155, 171, 211, 225, 233, 237, 239, 240, 292, 302, 335, 341, 346, 349—351, 358, 364, 370
 -профессиональная 358
 -традиционная 49, 356
 -этноса 224
 индустриально-городская 60
 иноэтническая 23, 284
 интернациональная 351
 историко-культурных ареалов 50
 как объект исследования 103
 как понятие 102
 как признак этноса 19
 комплексы ее 234
 массовая 302

- материальная 21, 22, 25, 26, 49, 53, 60, 85, 109, 116, 119, 121, 124—126, 154, 155, 171, 178, 211, 225, 233, 237, 239, 240, 253, 264, 277, 292, 334, 335, 356, 358, 362, 363
 -традиционная 334
 межнациональная 122, 350
 межэтническая 23
 метаэтнополитических общностей 49
 мировая 122, 350, 351
 «народная» 82
 народная 119, 153, 233, 239, 267, 336, 357
 народов СССР (как понятие) 361
 национальная (нации) 4, 20—23, 76, 115, 153, 335, 340, 341, 343
 национальная форма ее 29
 общесоветская 16, 122, 323, 333, 340, 350, 351, 360, 361
 -духовная 351
 -как понятие 361
 однопациональная 351
 определение ее 18
 определенная 334
 повседневная 26, 47, 70, 358
 повседневно-бытовая 306, 358
 пролетарская 20
 профессиональная 22, 67, 85, 120, 302, 339, 350, 358, 365, 366
 -духовная 358
 -художественная 339, 365, 366
 русская 340, 351
 социалистическая 20, 162
 социальная 102
 социальной общности 48
 соционормативная 109, 368
 субэтносов 48, 49
 танцевальная (хореографическая) 338, 365
 традиционная 6, 7, 22, 49, 51, 72, 119, 124—126, 129, 163, 211, 233, 360, 363
 -духовная 49, 356
 -материальная 334, 358
 -межэтнических общностей 49
 традиционная внепроизводственная (традиционно-бытовая) 357
 традиционно-бытовая 59, 84, 109, 119, 120, 124, 212, 228, 233, 234, 236, 238, 240, 357, 358, 360, 364
 традиционно-повседневная 109
 «уцененная» 302
 художественная 277, 335, 337, 339, 340, 341, 365—367
 -ее составные части 339
 -профессиональная 339—366
 этническая (национально-специфическая) 18, 22, 23, 254
 этноса 22, 23, 27
 языковая 128
 Культурно-социальная антропология 7, 98, 102—106, 110, 161, 162, 167
 ее предмет (предметная область) 7, 98, 99, 102, 103, 110, 111, 161
 Культурный релятивизм (школа) 4, 133, 156
 Культурный слой 332
 Культурология 104
 Культуры палеолитические 164
 социалистических наций 126
 Культы 215, 223, 224
 Лингвистика 98, 120, 128, 228, 237, 259, 260, 343, 364
 антропологическая 102
 этническая (этнолингвистическая) 116, 128
 Лингвоним (наименование языков) 14
 Литературоведение 365
 Макроединица общественного развития 31
 Макрообщность 54, 56
 историко-культурная 51
 историко-этнографическая 51
 Математика 94, 211
 Материализм 343
 диалектический 161
 домарксистский 100
 исторический 4, 87, 88, 91, 93, 115, 170
 культурный 170
 стихийный 222
 Матриархат 207
 Матрилокальность 208
 Медицина народная 7, 127, 174, 211—213, 216, 218—220, 222, 224—226, 228, 229
 -как социокультурный механизм адаптации человека с окружающей его внешней средой 228
 научная 5, 211—213, 215, 217—219, 222, 225, 228, 229, 253
 региональная 229
 традиционная (эмпирическая) 213, 214, 217—219, 225, 227, 229
 традиционно-письменная 213, 215, 216—218, 221
 традиционно-устная 213—219, 221, 228
 Межпоколенная устойчивость 14
 Мезолит 214
 Меньшинства национальные 67, 68, 159, 321
 этнические 68, 314
 Месть кровная (институт) 206
 Метаобщность этнорасовая 307
 Метисация 27, 57, 291, 292, 306, 318
 расовая 318
 Метод генетический 93
 непосредственного наблюдения 82, 86, 94, 95, 101, 117, 202, 203, 228
 пережитков 197
 полевых исследований 104
 ретроспективный (ретроспективных реконструкций, пережитков) 86, 117
 сравнительно-исторический 86, 117, 177
 сравнительно-типологический 104
 структурно-функциональный 105
 структурный 160
 хронологически-описательный 93
 цветного фона 213
 экспериментальный 217
 Методы биологические 229
 биохимические 158
 дешифровки (письменности) 128
 картографирования (этнических процессов) 124
 массового анкетирования 360
 математические 89
 машинные (обработки материалов) 360
 медицинские 229
 физиологические 158
 этнографической реконструкции 197
 Метрология народная 211
 Миграция (переселения, перемещения) 66, 73, 75, 77, 78, 124, 236, 238, 247, 251, 257, 258, 260, 261, 264, 265, 319—321, 333, 343
 этнические 333
 Миксация межэтническая 273, 274
 этническая 69, 70, 289, 290

- этногенетическая 68—70, 259, 260, 290—292, 318
 этногенетическая, сопровождаемая дивергенцией 292
 Мисцегенация расовая 291, 292, 318
 Мифология 73
 Многоязычие (многоязычность) 316, 340
 Мобильность социальная 121
 Морфология человека 174
 Музееведение этнологическое 162
 Народ 3, 4, 7, 11—15, 17—21, 26, 37, 42, 49, 50, 53, 55, 57, 58, 59, 64, 66—69, 71, 73, 76, 78, 82, 85, 86, 91, 94, 95, 98, 107—110, 114—136, 152—156, 162, 163, 165, 166, 168, 169, 171, 175, 178, 180, 183, 190, 203—209, 211—229, 233, 236—238, 240—242, 247—255, 258, 260, 262—270, 273, 275, 277, 283, 285, 286, 298, 300, 303, 308, 309, 314, 315, 319, 323, 324, 329—341, 343—353, 355—366, 368—370
 как наименование для различных общностей 11
 как объект исследования 103
 многонациональный (советский) 333
 образование типа «народность» (этнос) 11
 образование типа «национальность» (этнос) 11
 образование типа «нация» (этнос) 11
 образование типа «племя» (этнос) 11
 советский (интернациональная социально-политическая общность) 352
 советский — новая политическая общность 59, 69, 116, 122, 136, 162, 169, 323, 324, 333, 347—352, 361, 368
 социальный организм 275
 этническая общность 213
 этнос 5, 10—12, 18, 48, 218
 этносоциальный организм 35, 275
 Народности древние 279
 позднесредневековые 279
 раннесредневековые 274, 288
 средневековые 279
 Народность 12, 13, 28, 33, 39, 52, 54, 56, 57, 66—68, 73—75, 120, 226, 242, 257—260, 273—279, 284—289, 303, 306—308, 317, 323, 330, 332, 347, 368
 архогенетическая (вторичная) 276, 278
 докапиталистическая 274
 как историческая общность 29
 как форма исторической общности 30
 народ-этнос 11
 национальность 39
 неогенетическая (вторичная) 276
 палеогенетическая (первичная) 276, 278, 279
 постплеменная 277
 социалистическая 66, 136, 344
 -советская 350
 этникос 39, 275, 276, 278, 303
 этническая единица 39, 332
 этническая общность (основная докапиталистических классовых обществ) 257, 276, 294
 этнос 11
 этносоциальный организм 32, 39, 65, 258, 275, 275—276, 278, 284, 288, 289, 303
 Народоведение 4, 107
 Народонаселение 124
 Народы ассимилированные 273
 бесписьменные 4, 128, 271, 364
 -как объект изучения этнографии 3
 внеевропейских территорий (как объект изучения этнографии) 3
 «исторические» (как объект изучения этнографии) 3
 кочевые 172
 малые (этнос) 11
 младописьменные 130
 «неисторические» (как объект изучения этнографии) 3
 одноконфессиональные 345
 первобытные 154
 полукочевые 172
 «примитивные» 106
 слаборазвитые (отставшие в развитии) 154, 162
 советские 347, 365
 Население 11, 14, 22, 24, 28, 36, 49, 54, 55, 57, 58, 68, 74, 86, 117, 118, 122, 124, 127, 130, 157, 166—168, 170—172, 174, 233, 234, 236—241, 246, 250, 253, 254, 257—263, 266—270, 272, 279, 283—286, 288, 292, 297—300, 303—306, 308—311, 315—318, 333—335, 343—346, 351, 355, 358
 аборигенное 58, 73, 258, 265, 269, 270, 316
 автохтонное 258, 262, 264, 265
 верхнепалеолитическое (Европы) 264
 городское (города) 118, 119, 124, 298, 299, 346
 коренное 78, 159, 273
 местное 262—266, 268—270
 неоседлое 124
 оседлое 249
 сельское 118, 119, 154, 155, 217
 смешанного происхождения (смешанное) 266, 291
 Натурализация 310, 311
 Нации советские 351, 352
 Национализм 26, 301, 344, 346
 буржуазный 20, 26, 346
 Национальная политика ленинская 121, 136, 166
 Национальность 12, 17, 28, 30, 31, 37—40, 68, 69, 226, 271, 312, 320—336, 341, 348, 351
 в собственно этническом значении (этнос) 40
 значение понятия 38—40
 как этническая характеристика нации 38, 39
 ленинское определение 30
 народ-этнос 11
 народность 39
 этникос 28, 31, 39
 этническая общность 30
 этническая общность, предшествующая нации 39
 этнос 27
 Национальный вопрос 4, 153, 169, 313, 319, 322, 329
 Нация 4, 12, 13, 15, 17, 20—23, 28, 32—39, 56, 57, 59, 66—68, 71, 75, 76, 88, 104, 120, 121, 123, 170, 252, 275, 283—292, 294, 303, 304, 307, 314, 317—319, 322—324, 330—333, 341, 342, 344, 346, 347, 350, 352, 353, 359, 366, 368, 370
 буржуазная 20, 21, 23, 33, 35, 67, 74—76, 283, 285—287, 292, 303, 304
 -как этносоциальный организм 32, 65
 государственная 314
 как историческая общность 2, 21, 314
 как форма исторической общности 30
 капиталистическая 67
 народ (этнос) 11
 переселенческая 289
 политическая 314

- социалистическая 33, 35, 66, 67, 74—76, 126, 136, 344, 347
 -как этносоциальный организм 32, 65
 -советская 350
 этническая единица 39, 332
 этническая категория 33
 этнос 11, 279
 этносоциальный организм (этносоциальная общность) 34, 35, 38, 48, 74, 283, 292
- Неандерталец 178
- Независимость национальная 297
- Неоколониализм 301
- Неолит 188, 189, 214
- Неоэволюционизм 168, 170, 174
- Непрерывность генетическая 269, 270
- Неравенство национальное 322
- Новейшее время 17, 57, 58
- Новое время 17, 56—58
- Номадизм 171, 172
- Нормы морально-правовые 349
 общения 335
 поведения 346, 367
 правовые 190
- Нравы 94
- Область историко-географическая 69
 историко-культурная 333, 351
 историко-этнографическая (традиционно-культурная) 48, 50, 84, 130, 233, 240, 363
 -ее определение 48, 130
 как единица традиционно-культурной общности 49
 этническая 130
 этносоциальная 277
- Образ жизни 3, 56, 84, 85, 110, 111, 114, 122, 135, 154, 163, 164, 298, 311, 332, 359—361, 369
 бродячий 180, 187
 как объект исследования 103
 кочевой 53, 272
 оседлый 53, 235, 238
 полукочевой 53
 советский 351, 360, 361
 традиционный 168
- Образ жизни народов СССР (понятие) 361
- Образование государственно-политическое 37, 47, 54
 государственное 276
 государственное раннеклассовое 274
 межобластное 277
 международное (межэтническое) на базе социализма 323
 межплеменное 274
 моноэтническое государственное 283
 организационно-идеологическое 194
 политическое 275, 277, 290
 социально-психическое 367
 социальное 88
 экономическое 194
 этническое 20
- Обряды (обрядность) 18, 22, 73, 84, 85, 94, 119, 122, 126—128, 136, 207, 215, 221, 223, 224, 234, 237, 240, 264, 335, 343, 345, 346, 356, 358, 364
 международные 364
 общесоветские 350, 364
 традиционные 335
 элементы их 261
- Общение межнациональное 348
- Общесоветский образ жизни (понятие) 361
- Общества религиозные 345
- Общество (понятие) 102
 антагонистическое 21, 347
 архаическое 8
 бесклассовое 73, 257
 бесписьменное 105
 буржуазное 21, 23, 24, 75, 342
 высокоразвитое 369
 докапиталистическое классовое 24, 42, 54—56, 73, 115, 251, 257, 274, 278, 294, 298
 доклассовое 31, 52, 53, 66, 109, 132, 177, 189, 206, 215, 258
 доколониальное 186
 земледельческо-скотоводческое 189, 307 и природа 78, 246, 247
 как объект исследования 103, 105, 343
 капиталистическое 164, 279
 классовое 21, 26, 31, 35, 66, 73, 74, 78, 85, 132, 176, 177, 188—191, 193—195, 205, 245, 248, 251, 257, 258
 коммунистическое 352
 охотничье-рыболовческо-собираательское 189
 отцовско-родовое 186
 первобытное (первобытнообщинное) 17, 23, 31, 33, 52, 66, 72, 115, 132, 161, 176, 177, 179, 181—185, 188, 190—197, 215
 первобытнокоммунистическое 195
 «примитивное» 95, 103, 105, 111, 161, 190
 промышленно развитое 367, 368
 рабовладельческое 55
 раннеклассовое 24, 52, 53, 65, 109, 128, 132
 родовое 195
 советское 91, 342, 347, 365, 368
 социалистическое 137, 153, 162, 279, 287, 322, 324, 344, 350, 351
 «традиционное» 190, 299
 феодальное 55, 90
- Община 132, 161, 179, 181—185, 190, 192, 193, 195, 196
 большесемейная 368
 гетерогенная 192, 193, 195
 земледельческая 192
 как разновидность общности 29
 коммунистическая (первобытная) 176
 кочевая (являная) 192
 кровная 195
 отцовская 202, 206
 прото-крестьянская 192, 193
 различные формы как социальная ячейка доклассовых обществ 26
 родовая 132, 182—185, 188, 193, 195
 -первобытная 195
 сельская 191
 семейная братская 154, 204, 205, 207
 семейная домашняя 192—194, 202—206, 208, 209
 семейная отцовская 206
 соседская 192, 193
 соседская первобытная 192—195
 соседско-почтовая 192, 193
 этникос (этнооперальная или этнодисперсная группа) 40
- Общности генетические родственные 69, 274
- Общность (образование) 11—14, 16, 17, 24, 29, 30, 33, 42, 45, 46, 53, 58, 71, 73, 83, 98, 107, 108, 131, 240, 245, 246, 258, 274—276, 285, 290, 307, 314, 320

- антропологическая 18
 биологическая (популяция как этнос) 10
 внутринациональная 29
 временная 29
 «вторичная» 58
 государственно-политическая 59
 дисперсная 29
 донациональная 33, 329
 -этнос 11
 идейная 324
 идейно-политическая (наций) 332
 интернациональная 29, 333
 историко-культурная 6, 24, 42, 45, 46, 51, 52, 60—63, 83, 111
 -как исследовательский объект этнографии 45
 -категории ее 46—51
 историко-этнографическая (традиционно-культурная) 6, 49, 52, 54, 56, 58, 233, 241, 363
 -внутриэтническая 49
 -комплексная, многофакторная 50, 51
 -однокомпактная, однофакторная 51
 -таксономические уровни 49
 историческая 28—30, 116, 122, 131
 -формы ее 30
 историческая как национальность 28
 историческая как этникос 28
 компактная 29
 комплексная 47
 конфессионально-культурная 58
 конфессионально-этнографическая (этнографоconfессиональная) 50, 56
 культурная 20, 22, 24, 32, 52, 56, 59, 68, 77, 111, 234, 238, 294
 -комплексная многокомпонентная 48
 культурно-психическая (этнуса) 26
 культурно-хозяйственная 238, 240
 культурных традиций 323
 культуры 19, 20, 24, 272, 342
 лингвистическая 52, 327
 лингвоэтнографическая 273
 локальная 14
 макрокультурная 56
 макроэтническая 46, 52, 70, 75, 287, 314, 317
 макро- (мета-) этническая 317
 макроэтнополитическая 70, 292, 314, 317
 «материнская» 52
 межобластная 277
 межэтническая 46, 49, 58, 68, 274, 294, 314, 315
 -историко-культурная 53
 -конфессиональная 55
 -межнациональная 59
 -общегосударственная 59
 метаэтническая 46, 47, 51, 54, 56, 58, 59, 68, 69, 73, 74, 314
 -как макроэтническая единица 46
 -как семья племен 305
 -как собственно этническая 47
 -как совокупность этносов 47
 -многокомпонентная, многофакторная, комплексная 51, 58
 -общегосударственная 59
 -однокомпонентная, однофакторная 51
 -политико-культурная 58
 -этносоциальная 47
 метаэтноконфессиональная 47, 56
 метаэтнокультурная 47
 метаэтнолингвистическая 47, 50, 51, 56, 58, 276, 289, 308
 метаэтнополитическая 47, 49, 54, 55, 59, 314
 метаэтнопотестарная 53
 метаэтнохозяйственная 47
- многозначность данного понятия 29
 наднациональная (суперэтническая) 317
 надэтническая 46
 народов 347
 национальная 33, 75, 76, 319, 320, 321
 национально-политическая (этнополитическая) 54, 55, 314
 -этнос 47
 национально-психологических черт (нации) 23
 национальность 39
 новая историческая — советский народ 69, 136, 162, 323, 333, 351, 361
 областная 277
 объединение 29
 одинаковость (идентичность) 29
 палеогенетическая (как этносоциальная) 303
 племенная 284
 политическая 14, 32, 38, 53
 -областная 12, 13
 политическая как социальный организм 12, 13
 потестарная 53
 -областная 12, 13
 -общегосударственная 12, 13
 потестарная как социальный организм 12, 13
 потестарно-политическая 32, 53
 происхождения 24, 25, 73
 психики (этнуса) 23, 24
 расовая 264
 религиозная 30, 55, 58
 родоплеменная 41
 «синтетическая» (этносоциальный организм) 32
 система 29
 советская интернациональная 352
 социальная 6, 12, 32, 34, 37, 48, 51, 111, 131, 246
 -как социальный институт 40
 социально-классовая 59
 социально-политическая (государство) 36, 41, 73, 352
 социально-потестарная 73
 социально-экономическая 50, 51, 332
 социально-этническая 34
 социокультурная 325
 территориальная (территории) 17, 25, 32, 88
 территориально-политическая 32, 86
 -потестарная 31
 территориально-потестарная (государственная) 37
 устойчивая 29
 хозяйственно-культурная 53
 экономическая (экономики) 17, 32, 59
 этникос 28
 этническая 6, 10, 12—14, 16, 18, 21, 22, 24, 26, 28, 31, 32, 36—38, 40, 41, 46—48, 52, 53, 63—68, 70, 73, 76, 77, 85, 86, 94, 110, 128, 163, 168, 212, 213, 227, 228, 236, 240, 241, 245, 248, 249, 258, 260, 269, 270—273, 275—279, 284, 287, 289, 290—292, 294, 303, 305, 307—309, 313, 315, 316, 318, 321, 322, 331, 336, 339, 341, 358, 363, 366, 369, 370
 -архаическая 305
 -дисперсная 309
 -как термин 131
 -компактная 31
 -национальность 30, 33, 39
 -основные виды ее 42
 -племенная 257, 289
 -родо-племенная 276
 -этникос 65
 этнографическая 53, 276

- разновидности ее 48—51
- этнографо-лингвистическая 51
- этноконфессиональная 55
- этнокультурная 27
- этнолингвистическая 276, 277, 284, 287, 289, 308
- этнорасовая 290
- этнос 10, 11, 16
- «синтетическая» по форме 32
- этносоциальная 33, 36, 38, 41, 56, 57, 65, 66, 73, 74, 77, 258, 276, 277, 283, 303, 304, 307, 308
- ее историко-стадиальные типы 32
- как народность 39
- как нация 48, 56, 59, 283
- этносоциальный организм 37, 314
- языковая 22
- Объединение государственное 268
  - межплеменное 54
  - политическое 275
  - социальное 245
  - хозяйственно-культурное 53
- Обычаи 18, 22, 84, 85, 94, 122, 125—127, 180, 183, 237, 254, 261, 264, 277, 311, 335, 343, 350, 356, 358, 364
- Однородность культурная (наций) 331
  - социальная (наций) 331
- Одонтология 238
- Ономастика 236, 264
  - этническая 129
- Организация брачная 185
  - государственная 25
  - материнско-родовая 185, 188
  - общинно-родовая 179
  - отцовско-родовая 186
  - племенная 66
  - политическая 171, 191
  - предполитическая 191
  - религиозная 299
  - родовая 186, 193
  - родо-племенная 72
  - семейно-родственная 154
  - социальная 95, 103, 154, 176, 186, 196, 304
  - социально-территориальная 25
  - территориальная 193
  - этносоциальная 66
- Организм как политическое образование 12, 13
  - как понятие 32
  - как потестарное образование (этнопотестарный) 12, 13, 36
  - социальный 12, 13, 29, 31, 32, 34—37, 40, 41, 50, 73, 88, 110, 215, 304
  - государство 32
  - народ 275
  - народность 278
  - этнос 32
  - этнический 34
  - этносоциальный (ЭСО) 32, 34—37, 40—42, 46, 65, 72, 77, 276, 277, 279, 285—287, 289, 290, 309, 314, 329
  - историко-стадиальные, исторические типы его 36, 65
  - как социально-экономическая целостность 32
  - компоненты его 32
  - народ 275
  - нация 276
  - разновидности его 35—37
  - типы его 35, 72—76
  - этникос 40, 41
  - этнос 47
- Орда (стадо) 179, 194
  - как этнос 10
  - первобытная 72, 194—196
- Основоположники марксизма-ленинизма (научного коммунизма) 4, 30, 38, 176, 177, 188, 195, 353
- Отношения межнациональные 348
  - межэтнические 345, 370
- Параметры временные (традиций) 358
  - государственно-политические 351
  - демографические 78
  - образа жизни 359
  - пространственно-политические 17
  - социально-политические (потестарные этникоса) 37
  - социально-экономические нации 39, 75
  - национальной группы 39
  - этносоциальных организмов (общностей) 34, 35, 77
  - этносоциальных организмов в историко-стадиальном плане 65
  - социальные 324
  - культуры 359
  - этноареальных групп 40
  - этнодисперсных групп 40
  - территориальные 17
  - экономические наций 252
  - этникоса 41
  - этнические 32, 135, 303
  - наций 359
  - ЭСО 35
  - этнических общностей 168, 259
  - этнической общности 369
  - этнуса 369
  - этносоциальные 40, 307
  - языково-культурные (основных этнических единиц) 68
  - языковые (этнуса) 364
- Патрилокальность 208
- Патронимия (группа семейно-родственная) 132, 192—194, 202
- Первобытность 160, 189, 190, 196, 197, 215, 278
- Племя (племена) 12, 13, 15, 17, 32, 52—54, 66, 67, 72, 73, 75, 77, 170, 171, 178, 179, 180, 182—184, 186—188, 207, 208, 222, 225, 249, 257, 259, 269, 273, 275, 277—279, 284, 289, 293, 299, 303, 308, 309, 317, 330
  - как историко-стадиальный тип этносоциальных общностей 32
  - как макроединица общественного развития 31
  - как общность 276
  - донациональная 329
  - историческая 29
  - народ-этнос 11
  - отцовско-родовое 186
  - этнос 10, 11
  - этносоциальная ячейка первобытнообщинного строя 258
  - этносоциальный организм 35, 65, 72
- Плюрализм культурный 165, 175
  - национальный 321
  - расовый 306
  - этнорасовый 306
- Поведение (этническая специфика его) 91, 335, 351, 367
  - вневербальное 129
  - религиозное 367
  - речевое 129
  - стереотипы его 60
- «Пограничный человек» 312, 313

- Подобласть историко-культурная 49
 Поликультурализм 71
 Полиморфизм этнической культуры 254
 Полис (город-государство как этносоциальный организм) 36, 275
 Политика ленинская национальная 348, 352
     языковая 156
 Политоним 13, 14, 259
     (его формы) 13
 Полиэтничность 37, 333
 Популяция (биологическая общность) 157, 164, 173
     изолированная 263
     как этнос 10, 18
     разноэтническая 174
 Право 190, 234
     местное 277
     наследственное 207
     обычное 154, 190
 Праобщина 179, 196
 Предгосударство 190
 Предклассы 190
 Предправо 190
 Представления о родстве
     религиозно-магические (религиозные) 73, 155, 225
 Предубеждения расовые 322
     этнические 311, 322
 Преемственность генетическая 268, 269
     культурная 25
     этническая 33, 35
 Признаки антропологические 270
     нации 17
     расовые 18
     религиозно-общинные 321
     социально-экономические 65
     этнические 20, 28, 30, 131, 309
     этнотифференцирующие 19
     этнографические 53
     этнуса 19, 24
 Приматология 164
 Принадлежность антропологическая 129, 135
     государственная 37
     к народности 39
     к нации 39
     к национальной группе 39
     к национальному государству 283
     к этнической группе (единице) 39
     к этносу 15, 260
     культурная 129, 135
     национальная 15, 28, 30, 347, 352
     общесоветская 352
     профессиональная 344
     религиозная 321
     родовая 182
     формационная этнических образований 41
     этническая (национальная) 13, 17, 18, 25, 35, 38—40, 63, 70, 72, 266, 312, 330—332, 340
     языковая 129, 135, 264, 267, 338
 Принципы историзма 161
 Провинция историко-этнографическая 50, 51, 363
     как единица традиционно-культурной общности 49
 Прогресс культурный 344, 347
 Промискуитет 177, 179
 Протонародность 277
 Процессы ассимиляционные (ассимиляции) 29, 52, 289, 291, 309—314, 331, 332
     внутринациональные этнические 330
     -территориально-консолидационные 331
     внутриэтнической консолидации 331, 345, 346, 367
     генетико-автоматические 263
     демографические (этнодемографические) 118, 123, 303
     интеграции экономической 295, 296
     интеграционные 121, 317, 334, 341
     исторические 91
     консолидационные 274, 275, 286, 289, 291, 306, 307, 314, 330, 344
     культурно-бытовые 117, 119, 131, 363
     культурной интеграции 340, 351
     межнациональной консолидации 330
     межнациональные этнические 74, 329—331
     межэтнические 77, 78, 289, 307
     -внутригосударственные 59
     межэтнической интеграции 316—318, 364, 365, 367
     миграционные 171
     миксационные (этнического смешения) 273, 312, 317, 318
     национальной консолидации 331
     национальные 74, 75, 94, 120—123, 131, 136, 294, 320, 322, 329, 342, 344, 346, 352, 359, 366
     -этносоциальные 109
     объединительные 274, 275, 290
     расовой метисации (мисцегенация) 318
     социализации личности 369
     социально-экономические 85, 303, 307
     социальные 88, 89, 92, 94
     формирования народностей 257—279
     наций 283—292, 303, 304
     этнические 6, 10, 38, 65—67, 70, 73—76, 78, 84, 85, 93, 94, 109, 110, 117—124, 129, 131, 136, 137, 163, 168—170, 174, 241, 242, 247, 257, 274, 283—285, 287, 288, 290—292, 294, 303, 304, 306, 308, 317, 330, 331, 333, 337, 339, 340, 342, 344, 346, 358, 359, 363, 365—368, 370
     -общая характеристика 63—70
     этнического объединения 65—67, 69, 71, 72, 303, 318
     -виды их 66—70
     этнического рассредоточения 333
     этногенетические (этногенез) 64, 157, 247, 258, 274, 276, 289
     этнодискретные 64
     этноконсолидационные 75, 285, 306
     этнокультурные 118, 169, 171
     этнолингвистические 118
     этноразделительные (этнической дифференциации) 52, 65—67, 319
     этносоциальные 7, 65, 72, 94, 123, 284, 293, 302, 303, 312, 359, 366
     этнотрансформационные 64, 65, 70
     -виды их 70
     этноэволюционные 64, 65
     -виды их 70
     языково-культурного взаимодействия 314
 Психика (этнические аспекты) 23—25, 27, 30, 72, 302, 338, 367, 370
 Психоллингвистика 156
 Психология 26, 119, 135, 164, 347, 348, 367—369
     как наука 89, 95
     народов 84
     национальная 29, 347
     национально-классовая 23
     социальная этнических общностей 341

- этническая (этнопсихология) 85, 158, 343, 368
- Раса 18, 75, 123, 133, 178, 261, 262, 268—291, 306, 323
локальная 264
- Расизм 133
- Расовый вопрос 153
- Расогенез 157
- Регион историко-культурный 49
историко-этнографический 216—218
культурный 215
социокультурный 51
этноисторический 220
- Регионализм культурный 288
- Религиоведение 127, 228
- Религии мировые 55, 77, 127
- Религия 14, 21, 22, 55, 77, 127, 128, 132, 134, 155, 164, 170, 171, 215—217, 271, 335, 345, 346, 367
как компонент культуры 18, 19
как системообразующий фактор 46, 50
- Ритуал 215, 223, 224
- Род 33, 72, 132, 135, 159, 177—186, 193, 194, 208
антиэтнос 33
материнский 132, 180, 185—187, 207—208
матриархальный 192
отцовский 132, 180, 185—187
патриархальный 132, 182
патрилинейный 182
этнос 10
- Родство 24, 25, 73, 186, 206, 209
биологическое 24
генетическое 268, 290
-народностей 33
-этносов 317
кровное 24, 184
социальное 24
этнолингвистическое 77
этносов 69, 259
- Самоназвание (этноним) 12—17, 24, 27, 52, 259
как политоним 13
народности 287
субэтносов 49
этническое групповое 13
этнических общностей 12, 14
этнуса 27
- Самоопределение народов 323
- Самосознание 14, 16, 17, 24, 25, 27, 36, 52, 53, 58, 59, 67, 71, 240, 273, 278, 308, 352
историко-культурных ареалов 50
культурной общности 56
локальное 24
метаэтнической общности 46
метаэтнополитической общности 49
народности 287, 288
национальное 286, 288, 319
национальных меньшинств 68
общесоветское 323, 333
религиозное 24
советского народа 69
субэтнуса 49, 51
хозяйственно-культурной общности 53
этнических общностей, находящихся в неравноправном положении 322
этническое 15, 16, 24, 25, 59, 63, 70—72, 77, 109, 120, 131, 163, 258, 259, 287, 307, 308, 334, 337, 342—345, 358, 362, 364, 367—370
- как отождествление с самоназванием 15
-национальное 15, 342
-определение его 15
-этносоциальной общности 74
этнической общности 46
этнической принадлежности 39
этнографической группы 51
этнографо-лингвистической общности 51
этнуса 25, 27, 48
- Сближение межэтническое 333
- Своеобразие этническое (культуры) 340
- Свойства (общностей) биологические 99
потестарные 277
социальные 246
-этника 31
социально-психологические 246
социокультурные 99
этника 46
этнические 16, 26, 32, 46, 47, 68, 70, 83, 125
-народности 74, 278
-нации 322
-объективных компонентов этноса 84
-определение их 27
-племени 73
-социальной общности 34
-этника 31
-этнуса 46, 64
-этносоциальной общности 74
этнических общностей 16, 339, 366
этнодифференцирующие 109
-этносов-народов 357
этноинтегрирующие этносов-народов 357
этнокультурные 277
этнуса 17—19, 83, 108, 135, 163, 369
объективные 16
-типологические 16—27
-традиционные 64
этнодифференцирующие 46
этноинтегрирующие 46
- Связи буржуазные 33, 283
внешнекультурные 324
военные 296
генетические 217
идеологические 59
культурно-информационные (нации) 75
культурные 69, 129, 156, 278, 294
межэтнические 49, 85
нации 76
национальные 33, 35, 283
-внутренние культурно-информационные горизонтального синхронного характера 57
национальных общностей 75
политические 39, 59, 296
региональные («земляческие») 278
родо-племенные 276, 277
родовые 33, 34, 184, 185, 193
родственные 129
семейно-родственные 102
семейные 187
соседские 193
социально-экономические 39, 41, 85
социальные 33, 35
хозяйственные (экономические) 35, 59, 69, 185, 283, 294, 296, 301
-как объективное основание этносоциальных процессов в развивающихся странах 301, 302
-межнациональные 300
этнические 33, 269
-внутриэтнические диахронные 64
-внутриэтнические синхронные 64

- этноса 26, 64
 -внутри диахронные вертикальные 27
 -внутри синхронные горизонтальные 27
- Сегрегация 322
- Секуляризация 345
- Семья 7, 78, 88, 95, 119, 170, 172, 179—181, 183, 185, 189, 192—194, 204, 205, 208, 209, 215, 253, 312, 332, 336, 348, 361
 большая 154, 192—194, 202, 204, 205
 -типы ее 132
 братская 202, 203, 205, 206, 209
 кровнородственная 179
 малая 193
 малая социальная группа 345
 микроячейка воспроизводства этноса 369
 микроэтносоциальная единица 47
 моногамная 176, 179, 368, 369
 национальная 336
 парная 179—181, 183, 184, 186, 187
 патриархальная 179, 192, 202, 209
 племен 52, 53, 275, 278, 305
 пуналуа 179
 разновидность общности 29
 смешанная (национально) 332, 369
 социальная ячейка (классового общества) 26, 85
 социальный институт 31, 41
 унилокальная 181
 этникос 40
 этноареальная группа 40
 этнодиспенсная группа 40
 языковая 267
- Символы этнические 25, 336, 338
- Синкретизм религиозный 127
- Система общесоветская (духовной культуры) 351
 социальная 168
 социально-экономическая 61
 этническая 63, 228, 359
 этносоциальная 65
 этноэкологическая 254
- Системы медицинские (традиционные) 213, 216, 217
 родства 25, 154, 171, 180, 209
- Ситуация национальная 320
 этническая 318
 языковая 156, 316, 340
- Смещение брачное 27
 национальностей (территориальное) 322
 расовое (миспегенация) 57, 75, 291
 этническое 312, 317, 318
 Современная этнография (понятие) 355, 356
- Современность (понятие) 355, 356
- Сознание 6, 15, 18, 19, 74, 84, 85, 91, 250, 302, 339, 343, 345—349, 352, 366—368
 национальное 169
 общности
 -самосознание 27, 51, 52, 163
 принадлежности (к этносу) 260
 религиозной общности 58
 этническое 15
 этноса 15
- Соплеменность 17
- Состав антропологический 166, 267
 нации 291
 национальный 124, 333
 религиозный 166
 родо-племенной 124
- этнический 58, 117, 124, 166, 235, 236, 291
 языково-культурный 166
- Социализм 32, 42, 60, 65, 69, 74—76, 114, 115, 120, 133, 136, 163, 250, 322—324, 331, 342, 344, 345, 347—351, 353, 356, 368
- Социогенез 176, 179
- Социолингвистика 89
- Социология 5, 7, 81, 87—91, 93, 94—96, 98, 100, 101, 104, 105, 109—111, 116, 162, 357, 359—361
 искусства 89
 историческая 90, 93
 права 89
 предмет ее (предметная область) 81, 88—93, 95, 104
 эмпирическая 92
 этническая (этносоциология) 94, 95, 110, 116, 121, 360, 361, 368
 -ее предметная область 359
- Социум 34, 103
- Союз племен 53, 73, 257, 275
- Специфика этническая 19, 22, 334—338, 343, 358, 361, 362, 364, 367, 370, 371
- Среда иноэтническая 78, 341
 культурная 28, 222
 природная (географическая) 49, 131, 172, 228, 245—248, 250, 253, 254, 261
 -и человек — как система 214, 245, 246, 248, 254
 этническая 268, 270, 341
 этносоциальная 313
- Средневековье (средние века) 53, 55—57, 204, 250, 262, 264, 266, 267, 284, 287, 288, 320
- Статистика 94, 117
- Стереотипы поведения 302, 367
 этнические 15, 368
- Стратификация социоэтническая 284
- Строительство культурное (в СССР) 371
 национальное (в СССР) 322, 344
- Строй общественный 333
 государственно-политический 317
 капиталистический 295
 материнско-родовой 186
 общинно-родовой 182, 187
 патриархальный 136
 первобытно-общинный 42, 132, 177, 188, 189, 195, 207, 258, 277, 279, 303
 политический 28
 родовой 132, 181, 195
 родо-племенной 273
 социалистический 135
 социально-экономический 28
 феодальный 136
- Структура большой семьи 208
 классовая (нации) 322
 метаэтнополитических общностей 49
 наследственная 263
 общества 21
 первичных народностей 276
 политическая 274, 276
 половозрастная 78, 173, 174
 рода 132
 родо-племенная 307
 социальная 61, 75, 76, 88, 90, 121, 158, 193, 278, 299, 310, 330
 -нации 291, 324
 -этнических общностей 369
 социально-классовая 121
 -нации 35
 социально-профессиональная 121
 социально-экономическая 188, 191

- нации 35
экономическая 192, 310
-нации 291
этническая 30, 42, 46, 58, 72, 131, 304, 306, 308, 316, 317
-лингвистической общности 52
этнополитическая 304
этнорасовая 291, 306
этносоциальных организмов 35, 36
- Структурализм 4, 160, 170
Субкультура 77
Субстрат этнический (этнографический) 259—261, 263, 267, 270, 272, 273, 276
автохтонный 264
ассимилированный 260
- Субэтнос 48, 49, 51, 54, 56, 279
Суперстрат этнический 259, 260, 269—273
- Сфера бытовая (в культуре) 358
идеологии 322
культурная 21
«надбиологическая» (при ассимиляционных процессах) 312
национальных отношений 322
профессиональная (в культуре) 358
социально-классовая 21
социально-классовых отношений 324
экономики 323
этническая 318, 330
этнокультурная 333
языково-культурных взаимодействий (при ассимиляции) 313
- Сферы культуры 21, 22, 224, 253, 302, 317, 335, 340, 341, 349, 358, 362, 363
сознания 248, 368
- Счет родства 185, 186, 206, 209
Сюзеренитет 286
- Территория 13, 27, 28, 32, 53, 124, 156, 178, 203, 233, 235, 247, 248, 250, 255, 258, 260—263, 266, 267, 269, 278, 283, 285, 294
народности-эсо 278
нации 39, 57
национальной группы 39
национальности 331
общинная 182
племенная (племена) 17, 66
родовая 182
этническая 35
этническая 25, 122, 347
этногенная 247
этнуса 78, 258
- Топоним (наименование территории) 13, 14
Топонимика 236, 267
- Традиции (традиционность) 64, 109, 119, 122, 131, 135, 153, 159, 162, 166, 172, 217, 223, 225, 249, 250, 253, 254, 332, 335, 336, 339, 344, 347, 358, 362—365
бытовые 341
иноэтнические 341
исторические 343, 368
культурные 114, 127, 155, 248, 253, 333, 336, 351
общесоветские 350
общественные 215
религиозно-бытовые 136
семейные 215
хозяйственные 250
художественные 126
эволюционистские (эволюционизм) 156
эстетические 119, 155, 253, 254, 335, 346
языковые 155
- Традиция бесписьменная 85
письменная 130
- Устная 218, 219
Трансмиссия межпоколенная 361
этнических свойств 26, 47
- Типологизация (типология) историко-культурных общностей 47
культуры 131
понятий «этническая общность» и «этнос» 131
этнических процессов 283—293
- Типы хозяйства 53, 225, 236
как компонент культуры 47
как системообразующий фактор 50
- Типы антропологические 262, 268—270
Типы этнических процессов 284, 292
- Уклад общественный 4
докапиталистический 299
капиталистический 297
феодальный 299
- Установки 26, 77, 348
интернациональные 348
психологические 347
религиозные 172, 346
социальные 337, 367
- Факторы (действующие при этнических процессах) биологические 246
генетические 164
географические (природные) 78, 239, 362
государственно-политические (политические) 169, 283, 315, 320
государственно-правовые 78
демографические 78, 121, 183
идеологические 320
интеграции духовной жизни 332
климатические 253
культурно-идеологические 271
национальные 352
национальных противоречий 321
политико-идеологические 78
психологические 174
семейные 164
системообразующие 46, 47, 50, 52
социально-культурные 18, 172
социально-психологические 347
социально-экономические 32, 120, 164, 169, 320, 329
социальные 34, 35, 121, 155, 239, 246, 271, 278
стадиально-генетические 42
структурообразующие 234
существования этноса 17
территориальные 78
экономические (хозяйственные) 78, 121, 156, 239, 362
экологические 172
этнические 32, 34, 35, 75—77, 120, 253, 254
этнической ассимиляции 311—313
этнической динамики 304
этногенетической дивергенции 319—322
этнокультурные 156, 172
- Феодализм 32, 56, 58, 74, 285, 297
- Физика математическая 89
- Филиация материнская 187
отцовская (билатеральная) 187
- Философия 88
марксистская (марксистско-ленинская) 100, 344
- Фольклор 22, 164, 213, 228, 233, 238—241, 243
Фольклористика 82, 228, 343, 356

- Формации** 35, 36, 73, 87
 докапиталистические 251
 -классовые 132, 273
 классовые 21, 67, 196
 социально-экономические 4, 32, 41, 50, 51, 59, 65, 84, 245, 294
- Формация архаическая** 196
 капиталистическая 283, 298
 первобытная (первобытнообщинная) 72, 110, 177, 196, 278, 293
 раннеклассовая 66
 социалистическая 283
 феодальная 276
- Формирование межэтническое** 69
 этническое 72
- Формирование народностей** 257—279, 284
 наций (буржуазных) 283—285, 287—289, 291, 292, 303, 304
- Формы брачно-семейные** 132
 национальные (культуры) 29
 религиозные 224
 традиционные (культуры) 26
 этнические (отображения действительности) 338
- Функционализм английский (школа)** 4, 133, 168
- Характер интернациональный** 60
 -культуры 339, 366
 межэтнический (явления) 370
 национальный 23
 расовый 157
 этнический 13
- Характеристика народов культурно-бытовая** 134
 этническая 363
- Хозяйственно-культурный тип** 50, 84, 130, 241, 248, 251
- Христианство** 55, 77, 78, 253, 345, 346
- Ценности (ориентации ценностные, установки ценностные)** 23, 26, 162, 255, 313, 341, 367, 368
 духовные 59, 60, 94, 341
 духовной культуры 335
 культурные 135
 материальные 94
 национальные 347
 этнокультурные 313
- Цивилизация (понятие)** 156
- Черты культурно-бытовые (межэтнических общностей)** 49, 131
 культуры 18, 19, 22, 49, 130, 234, 237, 238, 344
 -межэтнической общности 46
 -метаэтнополитических общностей 49
 -этнической общности 46
 морфологические 262, 268
 нации 38
 национально-особенные (в образе жизни) 361
 общесоветские (в образе жизни) 361
 психические (нации) 23
 расовые 17
 социально-экономические (этнических образований) 41
 субэтносов 49
 традиционные (народной культуры) 119
 этнические 26, 69, 312, 319
 -культуры 71
 -народности 73
 -народов 94
 -основных этнических единиц 68
- психики 71
 -социальной общности 34
 -этносов 111, 247, 270
 этнокультурные 319
 этноса 18, 19
 Чувство национальное 322, 347, 352
- Эволюционизм** 83, 161, 162
- Экзогамия** 72, 182
 родовая 185
- Экзоэксплуатация** 191
- Экзоэтноним** 12, 13
- Экология** 7, 79, 158, 173, 185, 187, 188, 197, 245—255
- Экономика (наука)** 361, 369
- Элементы культуры** 20, 23, 48, 71, 72, 84, 124, 125, 234, 236, 237, 240, 241, 260, 261, 267, 292, 302, 309, 334, 335, 351
 -духовной 49, 124, 125
 -материальной 49, 53, 124, 125, 153, 261, 334, 362
 структуры общества 21
 субстратные 210
 этнические 291
 языка 260
- Эндогамия** 18, 27, 277
- Эндоэксплуатация** 191
- Эндоэтноним (этноним-самосознание)** 12
- Этникос** 31, 32, 35, 37, 40, 41, 47, 50, 273, 290, 319, 329
 гетерогенный 35, 36
 гомогенный 35, 36
 дисперсный 36, 40
 как общность 28
 как основное этническое подразделение 46
 как социальный институт 31
 как явление паноякуменное 28
 моноэтнографическая народность 276
 народность 39, 273
 национальность 28, 31, 39, 329
 полиэтнографическая народность 276
 этническая общность 42, 65
 ЭСО 40, 41
 этноареальная группа 40
 этнонациональность 40
 этнос (в узком значении) 28, 37, 42, 47
- Этноботаника** 116
- Этногенез** 64, 82, 109, 117, 129—131, 155, 158, 171, 235, 236, 241, 247, 258, 259, 261, 267, 268, 270
- Этнографизмы** 357
- Этнография (этнографическая наука)** 3—10, 12, 45, 63, 72, 81—86, 90, 93—96, 98, 106—111, 114—119, 121, 126, 127, 133, 135, 137, 152, 153, 159—162, 165—168, 170—172, 174, 176, 177, 180, 185, 188, 191, 196, 197, 208, 211, 233, 245, 343, 344, 355—368, 371
 задачи 3, 5, 7, 63, 82, 83, 84—96, 109, 115, 129, 355, 356, 359, 360, 362, 363, 365, 366, 371
 историческая 93
 как понятие 356
 объекты исследовательские 3—6, 10—79, 83, 95, 107, 108, 110, 111, 115, 117, 245, 355, 357, 358, 371
 предмет (предметная область) 3, 5—8, 81—96, 98, 108—111, 115, 116, 131, 211—213, 228, 355, 357, 358, 360, 371

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- соотношение с историей и социологией 81
 Этнография современности (понятие) 355
 Этнология 98, 106—109, 160, 167, 357
 Этномедицина 218
 Этнонациональность 40
 Этноним 12—17, 24, 27, 30, 33, 259, 260, 330, 331
 Этнопедагогика 127
 Этнос 5, 6, 10, 12, 14—19, 21—27, 32, 34, 45, 47—49, 52—55, 63—67, 69—72, 76—78, 83—86, 107—110, 115, 128, 131, 134, 135, 154, 163, 211, 218, 224, 227, 236, 241, 245—247, 249—252, 254, 258—260, 270—273, 276, 277, 283, 284, 286, 287, 304—309, 313—315, 317, 319, 336, 337, 339, 342, 347, 352, 359, 361, 364—370
 архогенетический 42, 65, 276
 в узком значении 27, 28, 37
 дисперсный 27
 донациональное образование 11
 его основные виды 10—42
 его свойства 10—15
 как биологическая общность (популяция) 10
 как система 16, 241, 369
 как пространственно ограниченные «сгустки» специфической культурной информации 27
 макроэтническое образование 46
 «малые» народы 11
 «материнский» 258
 многолинейного происхождения 277
 многомиллионная общность, народ 10—12, 16, 48, 83—85, 94, 163, 247, 357, 358, 361
 -как основной исследовательский объект 6, 10, 45, 83—85, 107, 108, 110, 111, 115, 116, 129, 163, 245, 357, 358, 370, 371
 народность 11
 национальность 27
 неогенетический 42, 65, 276
 нация (как этносоциальная общность) 11, 22, 23, 303
 однолинейного происхождения 277
 основная этническая единица 47
 основное этническое подразделение 46—48
 палеогенетический 276, 305
 первичный 290
 племя 10, 11
 постплеменная народность 277
 разновидность историко-культурных образований 6
 род 10
 рой 10
 социальное явление 10
 социальный организм 32
 среда 247, 254
 стадо 10
 стая 10
 толпа 10
 этникос 37, 42, 47
 этносоциальная общность (организм) 47, 303
 этнофор 47
 язычники 10
 Этноцентризм 25, 26
 Этноцид 166
 Язык 11, 12, 14, 18, 19, 22, 25, 27—29, 34, 39, 40, 47, 53, 55, 56, 58, 59, 67—73, 77, 78, 84, 85, 89, 117, 128, 131, 134, 163, 164, 235—237, 239—241, 249, 257, 259—262, 264, 267—272, 283, 285, 286, 288, 289, 291, 292, 308, 309, 311—313, 315—317, 323, 330, 333—338, 340, 341, 348, 349, 351, 357, 364
 административный 316
 безписьменных народов 364
 государственный 315, 316
 как компонент культуры 18
 как системообразующий фактор 46, 50, 52
 литературный 56, 67, 287
 -общенациональный 57
 межнациональный 315
 межэтнического (межнационального) общения 58, 315—317, 323, 333—335, 340
 местный 313, 315
 национальный 316, 340, 349
 обиходный 11, 84
 разговорный 12, 273, 288
 суперстрата (этнического) 260, 270—273
 Языкознание 257, 271
 Язычество 127
 Ячейка микросоциальная 41
 основная первобытности 72
 социальная 26, 85, 89
 -этносов 369
 структурообразующая (первобытного общества) 185
 экономическая 185, 194
 этносоциальная 258

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОБЪЕКТОВ ЭТНОГРАФИИ	10
Этнос и его основные виды	10
Иерархия историко-культурных общностей: основные черты и тенденции динамики	45
Этнические процессы: общая характеристика	63
ПРЕДМЕТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ СОВРЕМЕН- НОЕ СОСТОЯНИЕ	81
О соотношении этнографии с историей и социологией	81
Этнография и культурно-социальная антропология	98
Основные направления послевоенных этнографических исследований в СССР	114
Современная этнография в свете международных конг- рессов (VIII, IX и X МКАЭН)	152
ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ	176
Вопросы социальной истории первобытного общества в современной советской этнографии	176
Об архаической форме семейной общины	202
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ЭТНОГРАФИИ	211
Народная медицина как предмет этнографии	211
Комплексное изучение традиционной культуры Карпат	233
Этнические аспекты экологии человечества	245
ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: УЗЛОВЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРА- ФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	257
К изучению генезиса народностей	257
О типологизации этнических процессов, связанных с фор- мированием буржуазных наций	283
Этносоциальные процессы в современном мире: основные тенденции	293
Этнические аспекты современных национальных процес- сов в СССР	329
ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ (вместо заключения)	355
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	374
ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	375

Юлиан Владимирович
БРОМЛЕЙ

СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГРАФИИ

(очерки теории и истории)

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

Редактор издательства Г. В. Шелудько
Художник А. С. Гейнце
Художественный редактор Н. А. Фильчагин
Технический редактор Т. Д. Панасюк
Корректоры Л. С. Аганова, М. В. Борткова

ИБ № 18236

Сдано в набор 08.10.80.
Подписано к печати 25.11.80.
Т-19620. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 24,5 Уч.-изд. л. 30,4
Тираж 5000 экз. Тип. зак. 3543
Цена 3 руб.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Зрѣд.

